РЕПЕРТУАРЪ
РУССКАГО ТЕАТРА

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ.

НА 1839 ГОДЪ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и Ко.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
С. Петербургъ 6 Декабря 1839 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ДВА КУПЦА и ДВА ОТЦА,

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Дмитрія Ленскаго.

—

(Представлена въ первый разъ въ Москвѣ.)

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. ДЮКРО .... г-нъ никифоровъ.
Г-жа ДЮКРО .... г-жа сабурова.
Г. БОНАРЪ .... г-нъ щепкинъ.
ВИКТОРЪ .... г-нъ самаринъ.
ЖЮЛЬЕТТА ...... г-жа смирнова (восп.)

Дѣйствіе въ Парижѣ у г-на Дюкро.

Театръ представляетъ комнату. Двери въ серединѣ и на каждой сторонѣ. Направо отъ актера письменный столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г. И Г-ЖА ДЮКРО.

(При поднятіи занавѣса, на лѣвой сторонѣ сидятъ за маленькимъ столикомъ и завтракаютъ.)

Г. ДЮКРО *(молча смотритъ въ глаза женѣ).*

Аменандочка, ... не хочешь ли хлѣба съ масломъ?

Г-ЖА ДЮКРО.

Нѣтъ.

(молчаніе.)

Г. ДЮКРО.

Аменандочка... не хочешь ли чаю со сливками?

Г-ЖА ДЮКРО.

Нѣтъ... Мнѣ ничего не хочется.

Г. ДЮКРО.

Однако жъ, душа моя, вѣдь надо-жъ что-нибудь позавтракать.

Г-ЖА ДЮКРО.

Пойдетъ ли тутъ кусокъ въ горло, когда тебя взбѣсятъ!

Г. ДЮКРО.

Ну, прости меня, Аменандочка!.. вѣдь говорятъ тебѣ прости!.. Экая какая!

Г-ЖА ДЮКРО.

Вы всегда меня выводите изъ терпѣнія и причиняете мнѣ боль подъ ложкой... Ахъ! съ первымъ мужемъ я жила совсѣмъ не такъ!

Г. ДЮКРО *(въ сторону).*

Ну вотъ!... Опять похвалы первому!

Одно и тожъ на дню сто разъ...
Чортъ дернулъ на вдовѣ жениться!
Все первымъ мужемъ колетъ глазъ —
И имъ не можетъ нахвалиться!..
Тотъ скроменъ, ласковъ былъ къ тому жъ;
А я характера крутаго...

Но у вдовы покойный мужъ
Всегда покойнѣе живаго.

г-жа дюкро.

А?... Что такое вы тамъ поете?...

г. дюкро.

Ничего!... Ничего, Аменандочка,... я такъ...

г-жа дюкро.

Ужъ конечно, сударь, г-нъ Бонаръ нисколько не былъ похожъ на васъ: мы споровъ и вздоровъ знать не знали. Я была царицей въ домѣ; онъ ни во что не мѣшался: стоило только мнѣ захотѣть...

г. дюкро.

Позволь, позволь, душа моя!... Ты мнѣ уши прожужжала о г-нѣ Бонарѣ, твоемъ первомъ сожителѣ... и, разумѣется, очень похвально, что ты его хвалишь. Однако жъ согласись, мой ангелъ... вѣдь вы не всегда, какъ голубкиворковали.

г-жа дюкро.

Да, вы это мнѣ говорите на тотъ счетъ, что мы съ нимъ развелись! ...Точно, онъ былъ вѣтренникъ, игрокъ и развратнаго поведенія, а впрочемъ ни въ чемъ нельзя было его упрекнуть. Веселый нравъ, рѣдкое сердце... Я развелась съ нимъ за его пороки, и жалѣю о его добрыхъ качествахъ. Прискорбно, что такой человѣкъ, который могъ бы служить украшеніемъ общества, принужденъ былъ отъ исторій и долговъ бѣжать и кончить жизнь свою въ Америкѣ.

г. дюкро (*въ сторону*).

И умно сдѣлалъ!...

г-жа дюкро (*вздыхая*).

Ахъ!... Тотъ мужъ былъ у меня съ большимъ достоинствомъ.

г. дюкро (*подвигая ей сахарницу*).

Вѣдь у тебя молоко-то совсѣмъ безъ сахару.

г-жа дюкро.

Вы злой! Вы меня измучили!...

г. дюкро.

Я измучилъ?... Ахъ, ты Господи Боже мой! Ну, не грѣхъ ли тебѣ, Аменандочка?... Я все дѣлаю по твоему... Давича ты отъ меня требовала, чтобъ я удалилъ племянницу: я хотѣлъ сказать тебѣ свое замѣчаніе; ты закричала, я рта не разинулъ... И ты же еще жалуешся!...

г-жа дюкр.

Да замѣчанія-то ваши нелѣпы, глупы и смѣшны!

г. дюкро.

Пріятно слышать.

г-жа дюкро (*вставая*).

Да, сударь, Жюльетта сегодня же уѣдетъ назадъ въ свой пансіонъ... Я этого хочу... Я требую.

г. дюкро (*вставая*).

Я самъ отвезу ее... только... мнѣ кажется, въ ея лѣта пора ужъ выйти изъ пансіона.

г-жа дюкро.

Да, чтобъ жить у насъ... въ нашемъ домѣ?... Намъ и безъ нее тѣсно.

г. дюкро.

Правда... правда!... Но...

г-жа дюкро.

Охота взять на себя коммисію смотрѣть за молодой дѣвушкой!...

г. дюкро.

Что смотрѣть?

г-жа дюкро.

Какъ что! Мой сынъ тоже ужъ не мальчикъ.

г. дюкро.

Помилуй!

Племянница моя тиха,
Скромна, невинна...

г-жа дюкро.

Знаю это..
Однако жъ, долго-ль до грѣха!
Дѣвицы слабы въ эти лѣта.
Мнѣ эти вещи лучше знать,
На этотъ счетъ мы судимъ разно:
Невинность должно удалять
Отъ волокитъ и отъ соблазна!

г. дюкро.

Ужъ разумѣется тебѣ это лучше извѣстно.

г-жа дюкро.

И къ тому же эта пылкая голова Викторъ влюбленъ въ нее по уши!...

г. дюкро.

О! о!... ну такъ что жъ за бѣда?

г-жа дюкро.

Какъ что за бѣда? Да, что вы съ ума сошли что ли, г. Дюкро? Вы ужъ забываете благопристойность.

г. дюкро.

Право? виноватъ!... виноватъ!... но я думаю, что въ такомъ случаѣ лучше женить ихъ поскорѣе.

г-жа дюкро.

Вотъ нашли партію!...

г. дюкро.

Я твоего сына люблю, какъ своего собственнаго, и чѣмъ видѣть его печальнымъ...

г-жа дюкро.

У васъ все вздоръ въ головѣ!... Вы его не любите, а губите... Да! вы у меня его совсѣмъ испортите... Ваше боловство доводитъ его до непростительныхъ шалостей... и къ довершенію всего вы еще помогаете ему въ любви къ дѣвочкѣ, у которой нѣтъ никакого состоянія! (*возвышая голосъ*) Да что жъ это въ самомъ дѣлѣ, г-нъ Дюкро?...

г. дюкро (*отступая*).

Виноватъ... виноватъ, душечка!... ты имѣешь полное право; вѣдь онъ твой сынъ, а не мой... Это не мое дѣло.

г-жа дюкро.

По счастію сегодня въ вечеру они ужъ не будутъ вмѣстѣ. Молчите!... онъ идетъ... ни слова!

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПРЕЖНІЕ И ВИКТОРЪ.

викторъ.

Здравствуйте, маменька.

г-жа дюкро (*сухо*).

Здравствуйте, сударь.

викторъ.

Здравствуйте, папенька.

г. дюкро (*ласково*).

Здравствуй, мой другъ, здоровъ ли? Какъ провелъ ночь?

викторъ.

Хорошо, папенька... по крайней мѣрѣ очень весело.

г-жа дюкро.

Что? Весело?...

викторъ.

Ахъ, Боже мой! маменька, надо жъ иногда разсѣяться отъ скуки.

г-жа дюкро.

Да онъ еще, прости Господи, въ бальномъ платьѣ! Онъ вѣрно совсѣмъ и спать не ложился!

г. дюкро.

Не можетъ быть! чай какъ не ложиться!

викторъ.

Это правда... Я всю ночь пробылъ на балѣ... у отца одного изъ моихъ пріятелей, котораго я ужъ познакомилъ съ вами... у Евгенія Флавиньи, знаете?... И на разсвѣтѣ, когда всѣ гости разъѣхались, мы съ Евгеніемъ засѣли въ большихъ креслахъ противъ камина, и уснули на славу!

г. дюкро.

Вотъ какъ спитъ молодежь въ двадцать лѣтъ!

(*Викторъ кладетъ шляпу на столъ.*)

г-жа дюкро (*мужу*).

Да! прекрасный образъ жизни! есть что похвалить!... Впрочемъ не удивительно: вы, сударь, сами человѣкъ пустой, повѣса!

г. дюкро.

Я повѣса? Ахъ, Аменандочка!

г-жа дюкро (*сыну*).

И ты еще смѣешь мнѣ признаваться не краснѣя!... Провелъ всю ночь на балѣ... за картами, можетъ быть!...

викторъ.

Да, маменька: я танцовалъ, игралъ и проигралъ.

г. дюкро (*вполголоса*).

Да замолчишь ли ты? Развѣ объ этихъ вещахъ разсказываютъ?

г-жа дюкро.

Вы проиграли!... и вѣрно играли вы съ какими нибудь негодяями, безпутными?...

викторъ.

Извините, маменька! Съ людьми почтенными и извѣстными: одинъ судья, а другой депутатъ... Я присталъ къ ихъ партіи и держалъ отчаянныя пари... Кромѣ наличныхъ денегъ я проигралъ сто ефимковъ на слово.

г. дюкро.

Караулъ!

(*Идетъ въ глубину сцены и устанавливаетъ стулья и столикъ, за которымъ они завтракали*).

г-жа дюкро.

Да это изъ рукъ вонъ, сударь! Вы, просто, негодяй!

викторъ.

Я вамъ говорилъ, маменька! за чѣмъ вы хотите сдѣлать меня несчастнымъ, запрещаете мнѣ видѣться съ Жюльетой и любить ее?... Теперь я за себя не отвѣчаю... стану рыскать по гостямъ, играть въ карты, танцовать; пущусь во всѣ проказы — и вы сами будете причиною!...

г. дюкро (*утирая глаза*).

Бѣдняжка!

г-жа дюкро.

Молчите!.... Хорошо же!... Если вы ужъ такъ, то я буду поступать съ вами по-своему.

викторъ.

Я ужъ и безъ того вами очень доволенъ.

г. дюкро (*подходитъ къ Виктору и говоритъ ему по тихоньку*).

Молчи... мы все уладимъ...

г-жа дюкро.

Что тамъ такое?...

г. дюкро (*строго*).

Я говорю, что очень дурно вести себя такимъ образомъ!

г-жа дюкро.

То-то же!... (*Сыну*) А долги свои вы извольте платить изъ вашего адвокатскаго дохода.

викторъ.

Какого дохода, маменька!... Я до сихъ поръ все тружусь даромъ... защищаю подсудимыхъ... *pro Deo*.

г. дюкро (*тихо Виктору*).

Да замолчи!...

г-жа дюкро.

Что жъ до васъ касается, г. Дюкро, ... если вы только вздумаете...

г. дюкро.

Кто? я?...

Чтобъ я платилъ долги его!

г-жа дюкро.

Смотрите!...

г. дюкро.

Ни за что на свѣтѣ!

(*тихо Виктору*).

Плачу, не бойся ничего...

г-жа дюкро (*Виктору*).

Не смѣй и думать о Жюльетѣ!...

Съ ней говорить, къ ней подходить

Не смѣй!...

викторъ.

Но это ужъ безбожно!...

г-жа дюкро (*мужу*).

Да, что вы, сударь, стоите, какъ пень! Скажите ему что нибудь!

г. дюкро (*строго, Виктору*)

Не смѣй съ Жюльеттой говорить!

(*вполголоса, съ ласкою.*)

А переписываться можно.

(*быстро отходитъ отъ Виктора.*)

г-жа дюкро.

Сегодня же вечеромъ ее здѣсь не будетъ!

викторъ.

Какъ?

г. дюкро.

Я отвезу ее опять въ Сен-Дени, въ пансіонъ.

викторъ.

Жюльетту!

г-жа дюкро.

Да, сударь, ужъ ей объявлено; и я пойду все приготовить къ ея отъѣзду.

ВИКТОРЪ.

Ахъ, маменька!... Въ васъ нѣтъ никакой жалости!.... Насъ разлучить!... Маменька!... Вы не знаете, на что я могу рѣшиться?...

Г-ЖА ДЮКРО.

Вы сумасшедшій мальчишка!...

ВИКТОРЪ *г-ну Дюкро, который плачетъ по тихоньку).*

Но что жъ вы-то, папенька? Вашу племянницу хотятъ погубить, а вы молчите, вы позволяете!...

Г. ДЮКРО (*спрятавъ платокъ).*

Нѣтъ... я не молчу... я не позволю!

Г-ЖА ДЮКРО.

Что такое?...

Г. ДЮКРО (*струся).*

Твоя мать знаетъ, что дѣлаетъ... слышишь, чортъ возьми!...

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРЕЖНІЕ И ЖЮЛЬЕТТА.

ЖЮЛЬЕТТА.

Дядюшка!... Дядюшка!... (*въ сторону, въ волненіи*) Викторъ!

ВИКТОРЪ.

Ахъ!... Вотъ она!...

Г-ЖА ДЮКРО (*удерживая его*).

Ни слова!

Г. ДЮКРО.

Что ты, душенька?

ЖЮЛЬЕТТА.

Тамъ пріѣхалъ къ вамъ какой-то господинъ...

Г. ДЮКРО.

Какъ его зовутъ?

ЖЮЛЬЕТТА.

Я спросила: какъ объ васъ сказать, сударь? — Онъ сказалъ: «Муару и компанія, изъ Марселя».

Г. ДЮКРО (*женѣ*).

Муару!... а!... Это мой старинный корреспондентъ и другъ... у насъ съ нимъ большія дѣла... (*Жюльеттѣ*) Скажи людямъ... просить его поскорѣе.

Г-ЖА ДЮКРО.

А потомъ приходите ко мнѣ, сударыня: надо кой-что приготовить къ вашему отъѣзду.

ЖЮЛЬЕТТА.

Слушаю, тетинька...

ВИКТОРЪ.

Къ ея отъѣзду! но...

Г-ЖА ДЮКРО (*взявъ его за руку*).

Безъ возраженій!... ступай со мною! ... (*мужу*) А вы поскорѣе отдѣлайтесь отъ вашего гостя.

ВИКТОРЪ.

Какое варварство! тиранство!

Г-ЖА ДЮКРО.

Молчать! скорѣй иди со мной!

ВИКТОРЪ (*Жюльеттѣ*).

До гроба вѣрность, постоянство!

ЖЮЛЬЕТТА (*плача*).

Прости, любезный Викторъ мой!

Г. ДЮКРО (*къ зрителямъ, на авап-сценѣ*).

Ахъ! ежели вы знать хотите,
Какъ мучатъ въ адѣ по грѣхамъ,
Къ моей супругѣ приходите:
Она сей-часъ покажетъ вамъ!

(*Вмѣстѣ.*)

Г-ЖА ДЮКРО (*Виктору*).

Да что жъ, добьюсь ли я отвѣта?
И скоро-ль ты пойдешь со мной?
Не смѣй и думать, чтобъ Жюльетта
Могла твоею быть женой!

Г. ДЮКРО.

Пошлите вы на край хоть свѣта,
Другой не сыщется такой!
Несчастный Викторъ и Жюльетта!...
Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!...

ЖЮЛЬЕТТА (*Виктору*).

Повѣрь, несчастная Жюльетта
Всегда твоя, другъ милый мой:
Пошли меня на край хоть свѣта, —
Все сердцемъ буду я съ тобой!

ВИКТОРЪ (*Жюльеттѣ*).

Прости, любезная Жюльетта!
Клянусь, что я на вѣки твой!
Пошли тебя на край хоть свѣта —
И тамъ увижусь я съ тобой!

(*Жюльетта уходитъ въ среднія двери; г-жа Дюкро и Викторъ на право.*)

г. дюкро (*смотря имъ въ слѣдъ*). Бѣдняжки!... Ихъ горесть раздираетъ мою душу... Но г-жѣ Дюкро такъ угодно, такъ ужъ тутъ всякая душа струситъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

БОНАРЪ и г. ДЮКРО.

БОНАРЪ (*въ дверяхъ*)

Покорно васъ благодарю, сударыня ... очень вамъ благодаренъ!... (*входя*) Прелестная барыння!

г. дюкро (*оборачиваясь*).

А! здравствуй, любезный... (*остановясь*) Извините, сударь, мнѣ сказали, что пріѣхалъ Муару...

БОНАРЪ.

Муару и Компанія, изъ Марселя... у насъ ужъ такъ водится: это фирма нашего дома...

г. дюкро.

Имя, которымъ вы себя называете...

БОНАРЪ.

Для васъ должно быть гораздо пріятнѣе, чѣмъ мое собственное, которое не произвело бы на ваше сердце никакого дѣйствія. Я зналъ, что при имени Муару, и ваша дверь и ваша касса будутъ отперты къ моимъ услугамъ.

г. дюкро.

Помилуйте, съ большимъ удовольствіемъ!... Я такъ вами одолженъ и столько вамъ долженъ...

БОНАРЪ.

Послѣ сочтемся... а теперь вы пожалуйте мнѣ только часть суммы... Я ѣду въ ломбардъ.

г. дюкро.

Сію минуту... Очень счастливъ, что могу вамъ служить.

БОНАРЪ.

Муару не даромъ прославлялъ мнѣ ваше дружелюбіе и гостепріимство.

г. дюкро.

Я чрезвычайно радъ, что Муару познакомилъ меня съ однимъ изъ своихъ друзей...

БОНАРЪ.

Съ товарищемъ: Муару и Компанія.

г. дюкро.

И если только я могу вамъ въ чемъ нибудь быть полезнымъ...

БОНАРЪ.

О! у меня есть къ вамъ большая просьба... Я безъ церемоній... и часто буду навѣщать васъ... Между холостыми грѣшно чиниться.

г. дюкро.

Между холостыми?

БОНАРЪ.

Я знаю, вы человѣкъ холостой, и хорошо, что не женитесь!... то ли дѣло холостая жизнь!... просто рай!... свобода, счастіе, спокойствіе ... ни шума, ни крика, ни ссоръ, ни...

г. дюкро.

Я женатъ!..

БОНАРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?... Прекрасно, кто женатъ... имѣетъ жену!... Жена... о Боже мой! жена!... Надо только умѣть выбрать... вынуть счастливый номеръ...

г. дюкро.

Именно... счастливый номеръ.

БОНАРЪ.

Извините мою нескромность... Муару увѣрилъ меня, что вы не женаты, и никогда не хотѣли...

г. дюкро.

Точно, правда, сперва не хотѣлъ... Въ послѣдній разъ, какъ онъ былъ въ Парижѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, я ему твердилъ: «Ни за что не надѣну цѣпей! Во вѣки вѣковъ не женюсь!... Что за жена!...» Но какъ быть!... обстоятельства!...

БОНАРЪ.

Понимаю — звѣзда такая... И вы нашли себѣ жену...

г. дюкро.

Премилую... добрую, тихую!... Я

съ нею надѣялся быть совершенно счастливымъ . . .

БОНАРЪ.

И, безъ сомнѣнія, не обманулись въ своей надеждѣ? . . .

Г. ДЮКРО.

Гмъ! . . . то есть . . . какъ вамъ сказать . . .

БОНАРЪ.

А! . . . понимаю . . .

Г. ДЮКРО.

Нѣтъ, нѣтъ! я ею доволенъ . . . Хорошая мать, умная, вѣрная подруга . . . Но привычки отъ перваго замужества . . .

БОНАРЪ.

Г-жа Дюкро вышла за васъ вдовою?

Г. ДЮКРО.

Да . . . она одного ужъ схоронила . . . Она предобрая . . . но бываютъ минуты . . . немножко слишкомъ кричитъ . . .

БОНАРЪ.

Знаю . . . и моя точно такая же . . .

Г. ДЮКРО.

Какъ! . . . стало вы не холостой?

БОНАРЪ.

Былъ женатъ, да слава Богу, разженился! . . . Дорого мнѣ это стоило . . . Разводныя были въ ужасной цѣнѣ . . .

Г. ДЮКРО.

Славное тогда время было! . . . (*спохватясь*) То есть, я хотѣлъ сказать, что, если супруги не могли жить въ ладу . . .

БОНАРЪ.

Разводились? . . . конечно это было покойно и пріятно . . . теперь нельзя. Слава Богу, что я успѣлъ за ранѣе! . . . Не то, чтобы я жаловался на жену мою . . . Сохрани Господи! . . . Это была олицетворенная добродѣтель . . . но добродѣтель иногда бываетъ . . . криклива . . . Я каждый день долженъ былъ выстрадать минуту счастія . . . Бывало, хоть вонъ бѣги! . . . Но я однако жъ наконецъ нашелъ средство унимать ее.

Г. ДЮКРО.

Въ самомъ дѣлѣ? (*подаетъ ему стулъ и садится подлѣ него*) Садитесь, пожалуйста, покорно васъ прошу . . .

БОНАРЪ.

Когда бывало дома мнѣ надоѣстъ, я отправлюсь куда нибудь въ другое мѣсто, гдѣ повеселѣе . . . знаете?

Г. ДЮКРО.

А! . . . а! . . . да вы штука!

БОНАРЪ.

Да, признаюсь, что грѣха таить? . . . я любилъ эдакъ иногда попить, погулять . . . Жена бывало взбѣсится, и у насъ пойдетъ потѣха! (*женскимъ голосомъ*) « Вы, сударь, не мужъ, а варваръ! . . . » А я въ это время пою что нибудь изъ водевиля:

Моя супруга мнѣ въ дѣвицахъ . . . и пр.

(*женскимъ голосомъ*) « Вы, сударь, разбойникъ! вы безпутный! . . . » А я: (*поетъ*)

Мальбругъ въ походъ нашъ ѣдетъ . . .

(*женскимъ голосомъ*) « Вѣдь я вамъ говорю, я выйду изъ терпѣнія! »

(*поетъ*)

Весело жениться! . .

Но однажды наконецъ это и въ самомъ дѣлѣ случилась исторія . . . она открыла мою переписку съ одной премиленькой танцовщицей въ Тулузѣ . . (мы жили тогда въ Тулузѣ) . . Сильфида, у которой было свое правописаніе — чудо что такое! . . . Глупо было съ моей стороны . . . Послушайте . . . если когда нибудь вы заведете любовницу, не заводите съ ней переписки: это первое правило.

Г. ДЮКРО (*смотря на него въ остолбенѣніи*).

А! . . Благодарю за совѣтъ.

БОНАРЪ.

Словомъ . . . сцена была самая жаркая . . . . Я хотѣлъ было запѣть . . . паф! . . . получилъ пощечину . . . т. е. славную оплеуху! . . Тутъ были двое свидѣтелей . . . прикащикъ и горничная . . . они объявили предъ судомъ,

что я ударилъ жену свою. Я не противурѣчилъ — и она выиграла дѣло, ... а сверхъ того у насъ были такіе искусные и задорные адвокаты, которые развели бы даже Палемона съ Бавкидою: этотъ процессъ ихъ обезсмертилъ... Разводъ мой былъ произнесенъ всенародно, — и вотъ я сдѣлался опять холостымъ, какъ вы меня видите, и какъ я васъ тоже надѣялся увидѣть... Но если вы ужъ человѣкъ семейный, я не смѣю васъ безпокить...

г. дюкро.

Помилуйте!.. напротивъ съ нынѣшняго же дня вы никогда не уйдете отъ меня безъ обѣда.

бонаръ.

Очень вамъ благодаренъ.

г. дюкро.

Я познакомлю васъ съ моею женою.

бонаръ.

Мнѣ будетъ очень пріятно... Но сегодня мнѣ не возможно... въ другой разъ...

г. дюкро.

Хорошо... Вы увидите моего сына ... славный малой!

бонаръ.

А! вы отецъ?...

г. дюкро.

Нѣтъ, это не *я*... это отъ перваго...

бонаръ.

А! пасынокъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

прежніе и г-жа дюкро.

г-жа дюкро (*за кулисами, кричитъ*).

Г. Дюкро!.. Г. Дюкро!...

бонаръ.

Васъ зовутъ.

г. дюкро.

О ничего... это жена моя.

бонаръ.

А!

г-жа дюкро (*входя съ гнѣвомъ изъ дверей съ правой стороны*).

Да что-жъ вы, оглохли что ли, г. Дюкро?...

г. дюкро.

Извини, душа моя... видишь, я былъ занятъ...

г-жа дюкро.

А! вы заняты... Но мы ужъ давно дожидаемся...

г. дюкро.

Рекомендую тебѣ товарища моего, корреспондента и друга, Муару.

бонаръ (*подходя къ ней*).

Муару и Компаніи изъ Марселя!.. Очень счастливъ, сударыня...

г-жа дюкро (*взглянувъ на Бонара*).

Ахъ!...

бонаръ (*въ удивленіи*).

Что я вижу!

г-жа дюкро.

Повѣрьте, сударь

бонаръ (*въ сторону*).

Жена моя!!!

г. дюкро.

Что такое?

г-жа дюкро (*съ замѣшательствомъ*).

Ничего... ничего! ... (*въ сторону*) Едва могу на ногахъ удержаться.

г. дюкро.

Развѣ ты ихъ знаешь, Аменаида?

г-жа дюкро.

Знаю-ли?... да... помнится мнѣ ... что мы гдѣ-то видались...

бонаръ.

Да... такъ... изрѣдка... во время ихъ перваго супружества... когда они были за...

г-жа дюкро.

За господиномъ Бонаромъ.

бонаръ.

Бонаръ былъ мнѣ хорошій пріятель... человѣкъ очень любезный

г. дюкро (*сухо*).

Вѣрю; но вы можете избавить себя отъ труда хвалить его: жена моя и такъ довольно надъ этимъ трудится.

г-жа дюкро.

Г. Дюкро!

бонаръ (*переходя въ середину*).

Ба!... Г-жа Дюкро отзывается объ немъ съ очень лестной стороны?

г-жа дюкро.

Какъ-же!... это былъ тиранъ, изверг...

бонаръ.

Чудовище!...

г-жа дюкро.

Который всегда мучилъ меня своимъ присутствіемъ.

г. дюкро.

Слава Богу!... на силу въ первый разъ она объ немъ дурно заговорила!...

бонаръ.

О!... понимаю; это чтобъ доставить удовольствіе вамъ и мнѣ.

г. дюкро.

Мнѣ все равно... его ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

бонаръ.

Ба! ба! ба!... онъ умеръ?

г-жа дюкро (*въ сторону*).

Какая пытка!

г. дюкро.

Давнымъ-давно!... въ Америкѣ.... еще до нашей свадьбы... иначе я бы... вы можете догадаться... (*тихо*) Я не то, чтобъ былъ ревнивъ.... однакожъ вѣдь непріятно же столкнуться...

бонаръ.

Съ своимъ предшественникомъ... натурально! (*въ сторону*) Она меня уморила.

г-жа дюкро.

Ахъ, Боже мой! Г. Дюкро, вы ихъ задерживаете... а имъ можетъ быть нѣкогда.

бонаръ.

Мнѣ, сударыня? О, нѣтъ! не безпокойтесь, время терпитъ... (*въ сторону*) Забавное положеніе... я теперь съ нимъ въ долѣ.

г. дюкро, (*котораго г-жа Дюкро толкаетъ*).

Да... въ самомъ дѣлѣ, моя милая... я и забылъ, что имъ надо ѣхать въ ломбардъ...

г-жа дюкро.

Ну, вотъ видишь ли! (*Бонару*) Государь мой! имѣю честь...

бонаръ.

Сударыня! вы слишкомъ милостивы...

г. дюкро.

Ба!... вѣдь надо сперва выдать вамъ деньги... подождите.... я сей-часъ принесу.

бонаръ.

За чѣмъ же слишкомъ такъ спѣшить?
Я подождать еще успѣю.

г. дюкро.

Прошу васъ только здѣсь побыть
Минутки двѣ съ женой моею.

г-жа дюкро (*въ сторону*).

Какъ! мнѣ остаться съ нимъ въ двоемъ?

бонаръ (*въ сторону, поглядывая на г-жу Дюкро*).

Ахъ! какъ толста и неуклюжа!...
Ну, право мы теперь въ троемъ
Играемъ водевиль *Два мужа!*

(*Вмѣстѣ*).

г. дюкро.

Мнѣ долго не за чѣмъ ходить,
Я васъ задерживать не смѣю:
Прошу васъ только здѣсь побыть
Минутки двѣ съ женой моею.

бонаръ (*г-ну Дюкро*).

За чѣмъ же слишкомъ такъ спѣшить?
Я подождать еще успѣю.
Позвольте васъ благодарить
За честь, что я теперь имѣю.

г-жа дюкро (*мужу*).

Извольте поскорѣй ходить!
Я вамъ теперь напомнить смѣю:
Жюльетту надо проводить,
Сейчасъ должны вы ѣхать съ нею.

(*Г. Дюкро уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

г-жа дюкро, бонаръ.

бонаръ (*въ сторону*).

Ну, вотъ я теперь съ глазу на глазъ съ моей женою, которой я ужъ не мужъ!

г-жа дюкро (*посматривая на него изъ-подлобья*).

Онъ все глядитъ такимъ же негодяемъ.

бонаръ (*тоже*).

Она чертовски разтолстѣла! . . . . какъ вспомнишь, что двадцать лѣтъ тому назадъ мои пальцы сходились около ея таліи! . .

г-жа дюкро (*тоже*).

Нѣтъ, я не останусь.

(*хочетъ уйти*).

бонаръ (*подходя къ ней*).

Вы, сударыня, отъ меня бѣжите?

г-жа дюкро.

Я, сударь, не имѣю нужды замѣчать вамъ, какъ неприлично это свиданіе.

бонаръ.

Неужто вы думаете, что я его искалъ, чортъ меня возьми! Такъ случилось . . . Я постигаю ваше удивленіе.

г-жа дюкро.

Удивленіе? . . Скажите лучше — досаду, негодованіе! . . Встрѣтить вдругъ у себя въ домѣ человѣка, котораго я давно считала умершимъ! . .

бонаръ.

Извините, что я воскресъ.

г-жа дюкро.

Это дурно! . . это низко! . .

бонаръ.

Какъ быть!

г-жа дюкро.

Это ужасно! . . .

бонаръ.

Вы, кажется, все еще воображаете, что я вашъ мужъ . . . За чѣмъ вы такъ кричите?

г-жа дюкро (*плача*).

Ахъ, Боже мой! Можно ль быть меня несчастнѣе! . . .

бонаръ.

Будьте потише . . . Пусть я думаю, что я ужъ теперь для васъ ничто иное, какъ только вашъ прежній обожатель . . . вашъ милый другъ.

г-жа дюкро, (*нѣжно*).

Ахъ! Бонаръ! . . . (*въ сторону*) Какъ онъ состарѣлся!

бонаръ (*въ сторону*).

Она грибъ-грибомъ!

г-жа дюкро.

Вы вѣрно не будете продолжать мое мученіе? . .

бонаръ.

Ну полно, мой ангелъ . . . (*движеніе г-жи Дюкро*) Извините! . . остатокъ прежней дружбы.

г-жа дюкро (*опустивъ глаза*).

Государь мой! . .

бонаръ.

Сударыня! вотъ одно названіе, съ которымъ я теперь могу къ вамъ относиться . . . Я слишкомъ былъ далекъ отъ мысли найти здѣсь . . . какъ бы вамъ сказать? . . . удовольствіе, которое меня ожидало; въ противномъ случаѣ никогда бы сюда носу не показалъ . . . Есть такія приличія . . .

г-жа дюкро.

Поздно спохватились.

бонаръ.

Вы смѣло можете положиться на мое почтеніе . . . уваженіе.

г-жа дюкро.

Хорошо, еслибъ такъ!

бонаръ.

Знаю, что мои поступки должны вамъ показаться странными. Шестнадцать лѣтъ я имѣлъ у себя гдѣ то жену и сына, котораго, слава Богу, наконецъ нашелъ. Если я не писалъ къ вамъ, такъ это не потому, чтобъ я васъ забылъ . . . о! нѣтъ . . . приговоръ суда, положивъ конецъ моему блаженству, не истребилъ изъ моего сердца воспоминанія, которое . . . . однимъ словомъ, пощечина, которая насъ разлучила, осталась навсегда въ моей памяти. Я уѣхалъ изъ Франціи, и въ Америкѣ нашелъ утѣшеніе . . . то есть нажилъ деньги, которыя въ своемъ отечествѣ только что умѣлъ про-

живать.... Недавно, возвратясь во Францію, я сталъ отыскивать васъ въ Тулузѣ: мнѣ сказали, что вы въ Ліонѣ; изъ Ліона меня прислали въ Парижъ... не было средства васъ отыскать... Я и не зналъ, что г-жа Бонаръ сдѣлалась г-жею Дюкро... Совсѣмъ неожиданный случай открылъ мнѣ этотъ бракъ, съ которымъ я васъ поздравляю... Г. Дюкро, кажется, хорошій, честный человѣкъ...

Г-ЖА ДЮКРО (*сухо*).

Да, сударь.

БОНАРЪ.

Добрый мужъ...

Г-ЖА ДЮКРО (*сухо*).

Да, сударь...

БОНАРЪ.

Слушаетъ васъ...

Г-ЖА ДЮКРО.

Да, сударь...

БОНАРЪ.

Любимъ вами...

Г-ЖА ДЮКРО.

Да, сударь....

БОНАРЪ.

У васъ въ рукахъ...

Г-ЖА ДЮКРО.

Да, сударь... (*спохватясь*) То есть ... я хотѣла сказать...

БОНАРЪ.

И такъ сбылось мое моленье!
Я радъ сердечно признаюсь,
Что Богъ послалъ вамъ въ утѣшенье
Такой счастливѣйшій союзъ.
Но, всей душей васъ обожая,
Грущу, что сдѣлалъ столько зла,
Что отъ меня душа такая
Въ другія руки перешла!..

(*въ сторону*)

Ужъ если она этимъ недовольна!...

Г-ЖА ДЮКРО.

Когда такъ, сударь... прошу васъ, кончите ваше пребываніе въ такомъ домѣ, куда бы вы никогда не должны были входить. Ступайте вонъ, сударь, — не ставьте меня въ двусмысленное положеніе съ моимъ мужемъ... если бы онъ зналъ, что вы живы...

БОНАРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я для него покойникъ.

Г-ЖА ДЮКРО.

Иначе... онъ никогда бы не согласился... Какъ бы тогда больно, какъ стыдно было ему передъ людьми видѣть васъ со мною вмѣстѣ!...

БОНАРЪ (*смѣясь*).

Ахъ, чортъ возьми! въ самомъ дѣлѣ это походитъ на любовное свиданіе.

Г-ЖА ДЮКРО.

Ваши шутки очень милы; только пожалуйста оставьте меня въ покоѣ!

БОНАРЪ.

Успокойся мой ан... (*спохватясь почтительно*) Успокойтесь, сударыня... я сейчасъ уѣду...

Г-ЖА ДЮКРО (*въ сторону*).

Насилу!

БОНАРЪ.

Лишь только повидаюсь съ моимъ сыномъ.

Г-ЖА ДЮКРО.

Что вы!... Это не возможно!...

БОНАРЪ.

Въ такомъ случаѣ, я не уѣду.

Г-ЖА ДЮКРО.

Вы смѣете...

БОНАРЪ.

Я скажу свое имя.

Г-ЖА ДЮКРО.

Ахъ! сударь, вы все такой же варваръ!

БОНАРЪ.

А вы все также любезны!.. Послушайте... Я уступилъ просьбамъ нашихъ знакомыхъ, согласился на ваше желаніе тогда, какъ могъ бы протестовать.... Я согласился отдать вамъ залогъ нашей.... прошедшей любви... но не съ тѣмъ однакожъ, чтобъ ужъ никогда его не видать. Я отецъ... я имѣю свои права... И теперь, когда я его нашелъ послѣ шестнадцати лѣтъ разлуки.... Мо-

жеть быть онъ ужъ называется не своей фамиліей?

г-жа дюкро.

Его зовутъ Викторъ Дюкро.

бонаръ.

А все таки онъ мой сынъ... (*Движеніе г-жи Дюкро*) Да! *мой*, Аменанда!

г-жа дюкро.

Вы меня погубите, если скажете, кто вы!..

бонаръ.

Нѣтъ, нѣтъ... здѣсь я для него буду только Муару и Компанія, клянусь вамъ.

г-жа дюкро.

А послѣ этого свиданія вы уѣдете?

бонаръ.

Съ условіемъ, что вы когда нибудь пришлете его ко мнѣ погостить въ Марсель.

г-жа дюкро.

Въ этомъ нельзя отказать; но здѣсь ... Ахъ... Викторъ!...

бонаръ.

Викторъ!...

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

прежніе, викторъ.

викторъ (*входитъ съ поспѣшностію*).

Гдѣ папенька? .... Папенька!.... (*остановясь*) Извините .... я думалъ найти здѣсь папеньку.

бонаръ.

Ну, что жъ! мнѣ кажется...

г-жа дюкро (*съ живостію*).

Государь мой!...

бонаръ.

Виноватъ, забылъ.

викторъ (*кланяясь*).

Я не зналъ, сударь...

бонаръ.

Ничего .... ничего .... (*въ сторону*) Этотъ прекрасный молодой человѣкъ — сынъ мой... мой сынъ!.. Ахъ! какъ сердце забилось!

г-жа дюкро.

Вотъ старинный другъ нашего семейства.

бонаръ.

Вашего батюшки.

викторъ.

А! господина Дюкро.

бонаръ.

Нѣтъ, позвольте!... (*Г-жѣ Дюкро, которая было подошла къ нему*) Однако жъ послушайте, вѣдь больно же слышать, что будто г. Дюкро его батюшка.

викторъ.

Извините, если я васъ оставлю: у меня есть дѣло...

бонаръ (*съ живостію и переходя въ середину между г-жею Дюкро и Викторомъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, молодой человѣкъ!.. шутите! Я не такъ-то скоро отпускаю отъ себя своихъ друзей.

викторъ.

Неужели?... (*въ сторону*) Какой чудакъ!

г-жа дюкро.

Ему въ самомъ дѣлѣ нѣкогда... онъ адвокатъ.

бонаръ.

Адвокатъ!.. прекрасная должность.

г-жа дюкро (*тихо Бонару*).

Сдѣлайте милость!...

бонаръ (*тихо г-жѣ Дюкро*).

Не бойтесь... (*вслухъ Виктору*) Я принимаю большое участіе въ вашихъ успѣхахъ и въ вашемъ благополучіи, и хотѣлъ бы доказать вамъ на дѣлѣ свою привязанность... (*тихо г-жѣ Дюкро*) Ну право онъ на меня похожъ... въ профиль...

г-жа дюкро (*тихо*).

Ни одной черты.

викторъ.

Для меня тѣмъ лестнѣе, сударь, ваше расположеніе, что я не имѣю никакого права...

бонаръ (*съ чувствомъ*).

Какъ! никакого права? ... Развѣ

вы не . . . *(Движеніе г-жи Дюкро; Бонаръ спохватился)* не другъ мнѣ? Вѣдь вы сынъ добраго моего Бонара, котораго я такъ любилъ! . . . *(упирая на слова)* Бонара! . . знаете? . . вѣдь онъ вашъ отецъ.

ВИКТОРЪ *(холодно)*.

Въ первый разъ слышу, сударь.

БОНАРЪ *(остолбенѣвъ)*.

Какъ! неужели? . . .

Г-ЖА ДЮКРО.

Викторъ былъ еще малъ.

ВИКТОРЪ.

Маменька мнѣ говорила, что мой отецъ былъ причиною ея несчастій и давно меня покинулъ.

БОНАРЪ.

Такъ вы его не любите? *(Викторъ опускаетъ глаза; Бонаръ подходитъ къ г-жѣ Дюкро. Въ продолженіи куплета Викторъ удаляется въ глубину сцены)*.

БОНАРЪ *(тихо г-жѣ Дюкро.)*

Жена безумная и злая!
Что вы надѣлали со мной? . . .
Въ душѣ меня не уважая,
Меня не любитъ сынъ родной!
Обиды ваши, изъ презрѣнья,
Какъ мужъ, забылъ я наконецъ . . .
Но есть однакожъ оскорбленья,
Которыхъ не проститъ отецъ!

Г-ЖА ДЮКРО *(въ волненіи)*.

Ахъ, сударь! . . .

ВИКТОРЪ *(подходя)*.

Что такое? . . . Что съ вами, маменька?

Г-ЖА ДЮКРО.

Такъ . . . ничего! . . .

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

ПРЕЖНІЕ И Г. ДЮКРО.

Г. ДЮКРО.

Вотъ и я! Извините, что заставилъ васъ дожидаться . . . но тамъ въ кабинетѣ я нашелъ у себя одного человѣка . . . чортъ принесъ его со счетомъ . . . *(тихо Виктору)* отъ твоего портнаго.

Г-ЖА ДЮКРО.

Съ какимъ счетомъ?

Г. ДЮКРО.

Который ужъ давнымъ-давно покончёнъ . . . глупая ошибка . . .

ВИКТОРЪ, *(тихо)*.

Вы заплатили?

Г. ДЮКРО *(тоже)*.

Все сполна . . . Тс! *(Викторъ съ чувствомъ пожимаетъ ему руку)*.

БОНАРЪ *(въ сторону)*.

А! того онъ любитъ! . .

Г. ДЮКРО.

Это самое меня и задержало, любезный мой господинъ . . . *(пріискиваетъ названіе)*.

БОНАРЪ.

Муару и Компанія, изъ Марселя.

Г. ДЮКРО *(подходя къ столу)*.

Вотъ извольте ваши деньги.

БОНАРЪ *(подходя къ столу)*.

Благодарю васъ . . . мнѣ спѣшить не зачѣмъ . . . мы будемъ часто видѣться, надѣюсь.

Г-ЖА ДЮКРО *(въ сторону)*.

О Боже!

БОНАРЪ *(подходя къ Виктору)*.

Всѣ трое . . . и вы, и я, и вотъ этой молодой мой пріятель.

ВИКТОРЪ *(въ сторону)*.

Какъ привязался!

БОНАРЪ.

Ахъ, да! . . . вѣдь вы, кажется, оставляли меня обѣдать?

Г-ЖА ДЮКРО.

Вы отказались.

БОНАРЪ.

Нѣтъ, я обѣдаю!

Г. ДЮКРО.

Вотъ это прекрасно! . . . не правда ли, душа моя?

Г-ЖА ДЮКРО.

Конечно . . . . очень пріятно . . . *(ти-*

хо Бонару) Ахъ, сударь! что вы со мной дѣлаете?

БОНАРЪ (*тоже*).

Сами виноваты... надобно же мнѣ задобрить моего сына.

Г-ЖА ДЮКРО.

Молчите!

Г. ДЮКРО (*разложивъ деньги на столъ*).

Хотите счесть?

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

ПРЕЖНІЕ, ЖЮЛЬЕТТА.

ВИКТОРЪ (*видя, что Жюльетта плачетъ, бѣжитъ къ ней*).

Жюльетта! что съ тобою? ты плачешь?

БОНАРЪ (*стоя у стола, оглядывается на Жюльетту*).

Какая прелесть!

ЖЮЛЬЕТТА.

Дядюшка, я пришла вамъ сказать, что все готово къ отъѣзду; карета дожидается.

Г. ДЮКРО.

Хорошо, милая.

ВИКТОРЪ (*подходя съ поспѣшностію къ матери*).

Какъ!... такъ это ужъ рѣшено?... ни просьбы мои, ни слезы, не могли васъ тронуть?

Г-ЖА ДЮКРО.

Она должна ѣхать.

ВИКТОРЪ.

Маменька!...

ЖЮЛЬЕТТА.

Тетинька!...

БОНАРЪ (*считыя деньги, смотритъ на нихъ*).

А?... что тамъ такое?

Г. ДЮКРО (*Бонару*).

Ничего... не смотрите на нихъ.

Г-ЖА ДЮКРО (*Виктору*).

Ваши выгоды и приличіе не позволяютъ ей здѣсь оставаться.

ВИКТОРЪ.

Но если я хочу на ней жениться?

ЖЮЛЬЕТТА.

Ну, да, если онъ хочетъ на мнѣ жениться?

Г-ЖА ДЮКРО.

Молчать!... А вы, г. Дюкро...

Г. ДЮКРО.

Сейчасъ; только возьму трость и шляпу.

ВИКТОРЪ.

Маменька! маменька! Я вамъ сказалъ, что вы доведете меня до отчаянія... вѣдь я умру!...

БОНАРЪ (*подходя къ Виктору*).

Какъ, умрете?... отъ чего это, молодой человѣкъ?

ВИКТОРЪ (*съ досадою*).

Эхъ, сударь!... (*въ сторону*) Охота мѣшаться въ чужія дѣла.

(*переходитъ на лѣвую сторону г-жи Дюкро.*)

Г-ЖА ДЮКРО.

Я хочу, чтобъ было по-моему... я требую, чтобъ мнѣ повиновались.

БОНАРЪ (*въ сторону*).

Точь въ-точь, какъ въ мое время.

Г. ДЮКРО.

Съ тобой и не спорятъ, душа моя ... съ тобой и не спорятъ!

БОНАРЪ (*въ сторону*).

Нѣтъ, лучше, чѣмъ въ мое время.

Г. ДЮКРО.

Если тебѣ угодно, чтобъ Жюльетта отъ насъ уѣхала...

ЖЮЛЬЕТТА.

Я уѣду, тетинька...

БОНАРЪ.

А! а! дѣло идетъ объ отъѣздѣ... Г-жа Дюкро хочетъ барышню удалить, а Викторъ не пускаетъ...

ВИКТОРЪ (*въ сторону*).

Викторъ!... онъ не церемонится.

БОНАРЪ.

И барышнѣ хочется здѣсь остаться...

(*къ г-ну Дюкро*) Они любятъ другъ друга?.. (*Дюкро киваетъ головою въ знакъ подтвержденія*). Понимаю.

Г-ЖА ДЮКРО (*съ досадою*).

Слава Богу!.. Г. Дюкро, готовы ли вы проводить Жюльетту въ Сен-Дени?

БОНАРЪ (*равнодушно*).

Въ Сен-Дени?... Позвольте... нельзя.

ЖЮЛЬЕТТА.

Какъ?

Г-ЖА ДЮКРО.

Что-съ?... что вы говорите?

БОНАРЪ.

Я говорю, что этого быть не можетъ; г. Дюкро меня пригласилъ обѣдать, ...я остался: нельзя-же ему въ одно время сидѣть за столомъ и скакать въ Сен-Дени.

Г. ДЮКРО.

Правда!

ВИКТОРЪ (*съ радостію*).

Безъ сомнѣнія!

ЖЮЛЬЕТТА.

Дядюшка не можетъ ѣхать.

Г-ЖА ДЮКРО.

Дядюшка!.. дядюшка вашъ...

БОНАРЪ.

Развѣ г. Дюкро непремѣнно желаетъ оставить меня вдвоемъ съ своею супругою?...

Г-ЖА ДЮКРО.

Государь мой!..

БОНАРЪ.

Я право никакъ не надѣялся такого удовольствія, и принимаю его съ благодарностію.... Я слишкомъ знаю учтивость, и г-жа Дюкро такъ любезна...

ВИКТОРЪ (*Бонару*).

Если вы останетесь обѣдать, то ужъ само собой разумѣется, что и дядюшка дома останется.

Г. ДЮКРО.

Да... я останусь.

ЖЮЛЬЕТТА.

Всѣ останемся!

БОНАРЪ.

Всѣ останемся!

Г-ЖА ДЮКРО

Это невозможно, сударь!.. Я понимаю, что значитъ это сопротивленіе ...у нѣкоторыхъ людей не достаетъ разсудка... здраваго смысла...

Г. ДЮКРО.

Это ты на мой счетъ говоришь, душечка?

БОНАРЪ.

И! ничуть не бывало... (*въ сторону*) на меня мѣтитъ.

Г-ЖА ДЮКРО.

Жюльетта уѣдетъ сегодня же... сію минуту!.. послѣ этаго ея отъѣздъ необходимъ.

ВИКТОРЪ.

Маменька!

ЖЮЛЬЕТТА.

А почему же, тетинька, мой отъѣздъ необходимъ?

Г. ДЮКРО.

Мнѣ кажется, и завтра...

Г-ЖА ДЮКРО.

Я такъ хочу!

БОНАРЪ (*взявъ г. Дюкро за руку*).

А я изъ рукъ не выпущу своего Амфитріона!

Г-ЖА ДЮКРО (*задыхаясь отъ гнѣва*).

Очень хорошо, оставайтесь... я поѣду провожать Жюльетту!..

ВСѢ.

Ай!...

Г-ЖА ДЮКРО.

Сама отвезу ее, и не буду имѣть чести обѣдать съ вами... Мнѣ очень жаль, конечно; но что жъ дѣлать! надобно, чтобъ здѣсь знали, что ужъ если я чего захочу, такъ будетъ по моему!

БОНАРЪ (*въ сторону*).

Это чортъ, а не женщина!

Г-ЖА ДЮКРО.

Со мной трудно спорить. Подождите меня здѣсь, сударыня.... я только отдамъ приказанія... и мы сію же минуту отправимся... (*кланяясь Бонару*) Государь мой, желаю вамъ хорошаго апетита!

(*уходитъ въ среднія двери*).

—

ЯВЛЕНИЕ 10.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ Г-ЖИ ДЮКРО.

БОНАРЪ (*въ сторону*).

Она еще надо мной подсмѣивается!

ВИКТОРЪ.

Кончено, нѣтъ надежды!

(*бросается въ кресла на лѣвой сторонѣ*).

ЖЮЛЬЕТТА (*подходя къ нему*).

Викторъ! Викторъ!

Г. ДЮКРО (*вынимая платокъ*).

Бѣдные дѣти!

БОНАРЪ.

Ну вотъ! вы всѣ ужъ сейчасъ и въ слезы!....какъ не стыдно! смѣлѣе!..авось все поправится.

ВИКТОРЪ.

Да... это легко сказать.

БОНАРЪ.

Надо выдерживать бурю съ твердостью. Чортъ возьми! не надо отступать.

ЖЮЛЬЕТТА.

А что дѣлать?

БОНАРЪ.

Надобно ее вразумить.

Г. ДЮКРО.

Жену-то мою!

ВИКТОРЪ.

Да кто можетъ это сдѣлать?

БОНАРЪ.

Кто? Да г. Дюкро, напримѣръ.

Г. ДЮКРО (*испугавшись*).

Я!...нѣтъ ужъ увольте!

БОНАРЪ.

А почему? я вамъ помогу, пожалуй...и вдвоемъ-то мы вѣрно сладимъ.

Г. ДЮКРО.

Да, еслибъ вы тутъ были...

ВИКТОРЪ (*Бонару*).

Какъ! неужели вы, сударь, будете такъ добры?...

БОНАРЪ.

Разумѣется!... друзья должны помогать другъ другу во всякомъ случаѣ. — Вѣдь вы здѣсь хозяинъ, г. Дюкро..... Притомъ же мамзель Жюльетта вамъ племянница.

Г. ДЮКРО.

Конечно... по сестрѣ.

БОНАРЪ.

Викторъ ее любитъ?

ВИКТОРЪ.

Обожаю, сударь! и чѣмъ съ ней разстаться...

БОНАРЪ.

Славно! славно, молодой человѣкъ! (*въ сторону*) Я въ немъ себя вижу ...въ его лѣта, когда я волочился за г-жею Дюкро...давно ужъ это было!.. (*вслухъ*) Ну, а мамзель Жюльетта не имѣетъ ненависти къ г-ну Виктору?

ЖЮЛЬЕТТА.

(*Романсъ изъ оперы: Поединокъ.*)

Я вамъ сказать не смѣю,
Что чувствую къ нему,
Хотя объ немъ жалѣю,
Не знаю, почему!...
Признаться мнѣ вамъ стыдно,
Что я люблю его...
Но впрочемъ это видно
Изъ взгляда моего!...

БОНАРЪ.

Очень мило... очень мило... (*въ сторону*) Прелесть невѣстка! (*вслухъ*) Кто жъ противится ихъ свадьбѣ? Вѣрно не вы, г. Дюкро?

Г. ДЮКРО.

Куда мнѣ! на меня-то бы просто....

БОНАРЪ.

Но ваша супруга развѣ имѣетъ причины?

Г. ДЮКРО.

Она — видите — говоритъ, что Жюль-

етта не имѣетъ большаго состоянія ... ей хочется взять за сына невѣсту богатую.

БОНАРЪ.

Богатую? только-то!.. Прекрасное средство быть счастливымъ!.. мнѣ оно особенно удалось; да и вамъ также, г. Дюкро.

Г. ДЮКРО.

Мнѣ?.. позвольте ...

БОНАРЪ.

Мы послѣ объ этомъ поговоримъ ... Полноте, Жюльетта! утрите ваши слезы ... А вы Викторъ, любезный мой Викторъ!.. подите, отошлите назадъ карету.

ВИКТОРЪ (*подходя къ Бонару*).

Ахъ, сударь!.. какъ изъяснить вамъ мою радость, мою признательность! ... Но кто же вы?

БОНАРЪ.

Кто?.. Муару и Компанія, изъ Марселя ... (*взявъ за руку Виктора*) и вашъ другъ, если только это вамъ угодно ...

ВИКТОРЪ.

Ахъ, сударь!..

БОНАРЪ.

Обнимите меня!

ВИКТОРЪ.

Отъ всего сердца!

(*обнимаются*)

Пойду скорѣй, назадъ карету
Сію минуту отошлю.

ЖЮЛЬЕТТА (*Бонару*).

Вы воскрешаете Жюльетту!

ВИКТОРЪ (*Бонару*)

Ахъ, сударь, какъ я васъ люблю!
Кто ждалъ, что я себѣ такого
Сегодня друга получу?
Въ васъ вижу я отца втораго!

БОНАРЪ (*въ сторону*).

Я лучше первымъ быть хочу.

ВИКТОРЪ (*Жюльеттѣ*).

Пойдемъ, Жюльетта! пойдемъ скорѣе!

(*уходятъ въ среднія двери.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

БОНАРЪ И Г. ДЮКРО.

Г. ДЮКРО.

Врядъ-ли мы успѣемъ! Жена моя ... ой!.. ой!..

БОНАРЪ.

Жена ваша одна, а насъ — смотрите сколько!.. Впередъ! смѣлѣе, чортъ возьми!.. ударьте въ штыки!

Г. ДЮКРО.

Да! тутъ всякой штыкъ переломится!.. Она мнѣ двадцать разъ ужъ говорила, что этой сватьбѣ не бывать.

БОНАРЪ.

А вы настаивайте!

Г. ДЮКРО.

Я вижу, что вы вовсе не знаете моей жены.

БОНАРЪ.

Ужъ очень знаю!.. (*спохватясь*) Она какъ двѣ капли воды съ моею ... та была только немножко потоньше, помоложе, но ... а впрочемъ, въ сущности, все такая-же ... одинъ и тотъ же характеръ.

Г. ДЮКРО.

Не думаю.

БОНАРЪ.

Можетъ быть еще хуже.

Г. ДЮКРО.

Не вѣрю.

БОНАРЪ.

Право такъ. Когда она бывало расходится, такъ ужъ только держись ... ничѣмъ не усмиришь. Сперва я думалъ, что ласкою возьму ...

Г. ДЮКРО.

Ну такъ чтожъ?

БОНАРЪ.

И! куда! помилуйте!.. ты молчишь, она себя одна кричитъ во все горло, и еще громче прежняго ... и рветъ и мечетъ!... и въ бѣшенствѣ, не зная съ кѣмъ браниться ...

Г. ДЮКРО.

Бранится сама съ собою ... Удивительно, какое сходство въ правахъ!..

БОНАРЪ.

Не правда ли?.. Но потомъ я взялся за умъ, и началъ самъ на нее покрикивать...

г. ДЮКРО.

Да вѣдь и я тоже сбирался... да нѣтъ, смотришь, какъ разъ духъ и займется!.. Она пуститъ дробь, я скорѣе шляпу въ руки — да и вонъ изъ дому.

БОНАРЪ.

Напротивъ, я тутъ-то, бывало, и начну этаку... это меня только-что поджигало...

г. ДЮКРО.

А у меня тутъ всегда руки опускаются.

БОНАРЪ.

Бывало—пойдутъ слезы, стоны, спазмы, истерики...

г. ДЮКРО.

Ну, точь-въ-точь какъ у насъ въ первый годъ послѣ сватьбы!

БОНАРЪ.

Неужели?

(*въ сторону*)

Такъ стало быть у ней все тѣ-же штуки!

(*вслухъ*)

Но этотъ вздоръ я тотчасъ снялъ рукой.

г. ДЮКРО.

Нѣтъ, неужли?

БОНАРЪ.

Я взялъ крикунью въ руки,
Нашелъ секретъ.

г. ДЮКРО.

Скажитэ мнѣ, какой?

БОНАРЪ.

Секретъ лихой — и вмѣстѣ съ тѣмъ простой:
Онъ и для васъ, повѣрьте, пригодится.

г. ДЮКРО

Нѣтъ, не уймешь ничѣмъ жены моей....
Когда она вспылитъ и разкричится,
Что дѣлать съ ней?

БОНАРЪ.

Кричать еще сильнѣй!
Да, вы должны кричать еще сильнѣй!

г. ДЮКРО.

Кричать, кричать!.. у ней закричишь, только не своимъ голосомъ.

БОНАРЪ.

Пустяки! вашъ голосъ тогда будетъ еще здоровѣе. Я свою перекричалъ. У нее былъ этакой... пронзительный фальцетъ... а у меня сильный, густой баритонъ... она выше, а я еще выше... да такъ, что наконецъ у меня прибавились еще двѣ ноты... Ни вопли, ни истерики — ничто не помогало: это у насъ было ни по-чемъ! Въ другой разъ она сдѣлалась потише, въ третій еще тише; а тамъ стала совсѣмъ шолковая... и если бъ не разводная положила предѣлъ нашему счастію, я бы теперь былъ образцомъ добрыхъ мужей съ характеромъ.

г. ДЮКРО.

Хорошо. Ну, а еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ?..

БОНАРЪ.

Я бы тогда былъ тоже, что на своемъ: я бы старался быть мужчиной, хозяиномъ у себя въ домѣ... твердымъ, почтеннымъ отцомъ семейства...

г. ДЮКРО.

Вы меня разшевелили!.. я чувствую въ себѣ необыкновенную храбрость и мужество!.. и еслибъ только я не боялся...

БОНАРЪ.

Э! вамъ стоитъ лишь захотѣть...

г. ДЮКРО.

Такъ вотъ хочу-же! хочу, хочу — и кричу! Да чтожъ такое въ самомъ дѣлѣ? почему не попробовать?..

БОНАРЪ.

Хоть на одинъ разъ... одной ссорой больше или меньше, — что за важность!

г. ДЮКРО.

Разумѣется, это все равно... Теперь мы увидимъ, чья возьметъ, чортъ меня возьми!

БОНАРЪ.

Лихо! смѣлѣе!... Не поддавайтесь: кричите, стучите, приказывайте и повелѣвайте!

г. ДЮКРО.

Только, знаете, чтобъ это не долго продолжалось!...

БОНАРЪ.

Полноте робѣть! Я вамъ говорю, что вы на своемъ поставите... Я женъ наизусть знаю, а ужъ особенно нашу-то... (*спохватясь*) т. е. вашу-то, хотѣлъ я сказать... Положитесь на мои совѣты и опытность... вѣдь мы съ вами на одной доскѣ...

г. ДЮКРО.

Правда... правда... покорно васъ благодарю.

БОНАРЪ.

Кой чортъ въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь вы любите свою племянницу и этого милаго Виктора?

г. ДЮКРО.

О! помилуйте, какъ не любить? чудесный малой! Я хочу заплатить всѣ его долги.

БОНАРЪ.

Прекрасно, вамъ за это Богъ заплатитъ... (*за дверью слышенъ голосъ г-жи Дюкро*). Но вотъ г-жа Дюкро.

г. ДЮКРО.

Жена!...

БОНАРЪ.

Вѣрно она тамъ штурмуетъ.

г. ДЮКРО.

Ахъ, батюшки!.. должно быть такъ.

БОНАРЪ.

Смѣлѣй! впередъ! на приступъ!

г. ДЮКРО.

Да! да! на приступъ!.. теперь къ ней, я думаю, и приступа нѣтъ!

БОНАРЪ.

Требуйте, чтобъ Жюльетта осталась и вышла замужъ за Виктора, — требуйте безусловнаго повиновенія... будьте мужчиной!.. Вотъ она идетъ.. Мнѣ надо счетъ подвести: въ вашемъ кабинетѣ я буду ждать, чѣмъ у васъ все это кончится.

(*уходитъ налѣво*)

г. ДЮКРО.

Вотъ на!.. онъ отъ меня ушелъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ 12.

г. и г-жа ДЮКРО.

г-жа ДЮКРО (*входя въ среднія двери*).

Отослать назадъ карету!.. Кому пришла въ голову такая дерзость? съ чего это вздумали?.. А! г. Дюкро, вы здѣсь?

г. ДЮКРО.

Здѣсь, душенька... (*въ сторону*) Смѣлѣй!.. была не была!...

г-жа ДЮКРО.

Скажите, пожалуста, что это значитъ? кто смѣлъ?..

г. ДЮКРО.

Отослать кучера?..

г-жа ДЮКРО.

Да, когда я именно сама велѣла ему пріѣхать.

г. ДЮКРО.

А я именно самъ велѣлъ...

г-жа ДЮКРО.

Что?.. что?.. вы?..

г. ДЮКРО (*въ сторону*).

Боюсь на нее взглянуть... я думаю, она какъ ракъ разкраснѣлась.

г-жа ДЮКРО.

Отвѣчайте, сударь: какъ вы смѣли это сдѣлать въ то время, когда мнѣ надобно было ѣхать?.. что это?.. шутка или насмѣшка надо мною, что ли? а?

г. ДЮКРО.

Такъ мнѣ вздумалось.

г-жа ДЮКРО.

Вамъ вздумалось?.. будто вы можете думать!.. давно ли у васъ завелисьвои идеи?.. кто васъ научилъ?.. отвѣчайте!.. да что же вы, сударь? отвѣчайте!

г. дюкро (*въ сторону*).
Пошла писать!
г-жа дюкро.
Ну-же, вамъ говорятъ!
г. дюкро.
Такъ, какъ мнѣ показалось, что въ Сен-Дени ужъ ѣхать не зачѣмъ...
г-жа дюкро (*возвышая голосъ*).
Не зачѣмъ!.. А развѣ Жюльетта въ пансіонъ не поѣдетъ?
г. дюкро (*тоже*).
Нѣтъ, не поѣдетъ!.. (*въ сторону*) Хоть бы кто-нибудь пришелъ!
г-жа дюкро (*прегромко*).
Нѣтъ?.. Да какъ вы смѣете, когда я такъ хочу?
г. дюкро (*тоже*).
А я не хочу!.. (*въ сторону, рѣшительнымъ тономъ*) Не поддаваться!
г-жа дюкро.
Вы не хотите?.. Дюкро, это не ты говоришь... тебя настроили.
г. дюкро.
А развѣ я самъ немогу имѣть своей воли? развѣ я не могу распоряжаться?
г-жа дюкро (*крича еще громче*).
Такъ вотъ нѣтъ же!... не будетъ по вашему: Жюльетта поѣдетъ!
г. дюкро (*тоже*).
Не поѣдетъ!
г-жа дюкро (*внѣ себя*).
Я приказываю!
г. дюкро (*тоже*).
А я запрещаю!... (*въ сторону*) Славно! славно!
г-жа дюкро.
Вы запрещаете?.. Не знаю, что меня удерживаетъ...
г. дюкро (*въ сторону*).
Батюшки! она меня приколотитъ!
г-жа дюкро.
Сумасшедшій! кукла деревянная! открой глаза-то! или ты не видишь, что любовь къ Виктору ее погубитъ!..

г. дюкро.
Викторъ на ней женится.
г-жа дюкро.
Нѣтъ, не женится!
г. дюкро.
Женится!
г-жа дюкро.
Не женится!... или я жива быть не хочу!
г. дюкро.
Женится!... или пусть чортъ меня возметъ! (*въ сторону*) Чертаться началъ.
г-жа дюкро (*внѣ себя*).
Викторъ мой сынъ... я хозяйка въ домѣ!
г. дюкро (*изо всей мочи*).
Нѣтъ!... я хозяинъ въ домѣ!
(*обходитъ кругомъ всю сцену, стучитъ по столамъ, роняетъ стулья, и потомъ на правой сторонѣ театра становится въ важную позитуру*).
г-жа дюкро (*смотря на него*).
Вы хозяинъ?.. Въ первый разъ въ жизни вы... Ахъ Боже мой!...
г. дюкро (*въ удивленіи, въ стор.*)
Осѣлась!... осѣлась!...
г-жа дюкро.
Ахъ!... дурно... голова...
г. дюкро (*въ сторону*).
Ну вотъ! ну вотъ!... истерики!..
г-жа дюкро (*плача*).
Такъ обижать меня!.. такъ жестоко со мною обходиться!
г. дюкро (*въ сторону*).
Слезы!...
г-жа дюкро (*слабыми шагами идетъ къ кресламъ*).
Умираю!
г. дюкро (*внѣ себя, испугавшись*).
Аменаида!
г-жа дюкро (*умирающимъ голосомъ*).
Оставьте меня!... подите прочь!.. вы меня уморили!... Ахъ!...

г. дюкро (*поддерживая ее*).

Аменанда! не умирай, сдѣлай милость не умирай!... Ну какой я хозяинъ? я дуракъ!... виноватъ, впередъ небуду!... дѣлай что хочешь!... (*съ Г-жею Дюкро дѣлается родъ икоты*). Батюшки! она кончается!... Душенька! ... ангелъ мой!... Какъ бы ей распустить шнуровку-то?

г-жа дюкро (*приходя въ чувство*).

Альфредъ!... ахъ, Альфредъ!... (*Рыдаетъ; Г-нъ Дюкро ее поддерживаетъ рукою и плачетъ*) Какъ ты меня разстроилъ!...

г. дюкро (*утирая глаза*).

Да.. да!... я варваръ, душегубецъ!.. прости меня, я виновать! Мнѣ самому тяжело ... Да держись попрямѣе ... мочи нѣтъ!

г-жа дюкро (*утирая глаза и садясь въ кресла*).

Я тебя не виню, Альфредъ... я тебя знаю... ты предобрый... и еслибъ не пагубныя внушенія... (*въ сторону*) Это все онъ, чудовище!

г. дюкро.

Ей-Богу право, я не злой человѣкъ! я всѣмъ добра желаю... люблю душею Виктора и Жюльетту.

г-жа дюкро.

А развѣ я ихъ не люблю?... ихъ счастіе для меня всего дороже.... ты знаешь, послѣ тебя, мой сынъ все мое утѣшеніе!

г. дюкро.

Вѣрю, душенька моя, вѣрю!.. Такъ стало быть и за свадьбу?... а?...

г-жа дюкро (*вставая и постепенно возвышая голосъ*).

Этой свадьбѣ не бывать! У меня для Виктора есть другая невѣста... дѣвица де-Терсенъ ... съ большимъ приданымъ.

г. дюкро.

Но.....

г-жа дюкро (*сухо*).

Это рѣшено.

г. дюкро.

А! когда рѣшено, такъ и спорить нечего... давно бы сказала... Ну, а племянница-то?

г-жа дюкро.

Пока найдется женихъ, будетъ жить въ пансіонѣ.

г. дюкро.

Рѣшительно?

г-жа дюкро.

Рѣшительно.

г. дюкро.

Хорошо... хорошо... пусть ее до тѣхъ поръ тамъ остается... Однакожъ...

г-жа дюкро.

Что еще?... ужъ нехотите-ли вы опять огорчать меня?... Ахъ!... нервы!...

г. дюкро.

Нѣтъ, нѣтъ! Богъ съ тобой... я ни вочто не мѣшаюсь.

г-жа дюкро.

Есть дурные совѣтники, съ которыми ты не долженъ знаться... И, обдумавши все, какъ надо, я вижу, что тебѣ придется самому проводить племянницу. (*въ сторону*) Онъ съ нимъ ужъ больше не увидится.

г. дюкро.

Какъ! ты хочешь?...

г-жа дюкро (*нѣжно*).

Я хочу, чтобъ ты былъ однимъ хозяиномъ, полнымъ хозяиномъ!.. Я тебя всегда готова слушаться, точно также, какъ теперь. Все мое желаніе, чтобъ всегда былъ рай въ нашемъ семействѣ, и чтобъ никакой злодѣй не могъ нарушить нашего согласія. Сынъ мой женится, потому что тебѣ такъ хочется; Жюльетта выдетъ замужъ, потому что тебѣ такъ угодно... видишь?

г. дюкро (*въ сторону*).

Въ самомъ дѣлѣ... вѣдь это почти то самое, чего я хотѣлъ!

г-жа дюкро.

Вотъ то-тоже!.. Ну, теперь поцѣлуй меня — и помиримся!

г. дюкро (*цѣлуя ее*).

О, мой ангелъ!... Ну, а когда же ѣхать-то?

г-жа дюкро.

Сей-часъ пошлю за каретой. Прости.

(*идетъ на право*).

г. дюкро.

Но мнѣ бы лучше хотѣлось...

г-жа дюкро.

Ахъ!.. нервы!...

(*Г. Дюкро, провожаетъ ее до дверей*).

г. дюкро.

Прими гофманскихъ капель, или магнезіи, что ли... (*Г-жа Дюкро уходитъ. Г. Дюкро смотритъ ей вслѣдъ*) Да шнуровку-то распусти!

—

ЯВЛЕНІЕ 13.

г. дюкро; бопаръ и викторъ.

бопаръ (*подойдя къ Г. Дюкро, который все смотритъ вслѣдъ женѣ, и ударивъ его по плечу*).

Ну! что?..

г. дюкро.

А что?

(*Викторъ выходитъ и слушаетъ*).

бопаръ.

Каково было преніе?

г. дюкро.

Самое жаркое!... Меня и теперь еще все бьетъ лихорадка!... Ужъ я кричалъ, кричалъ!.. ужъ показалъ же я себя!

бопаръ.

Браво!...

г. дюкро.

Викторъ женится....

викторъ (*подбѣгая*).

Возможно ли!...

г. дюкро.

На прекрасной невѣстѣ... на дѣвицѣ де-Терсенъ.

викторъ.

Что вы говорите!

бопаръ.

А ваша племянница?

г. дюкро.

Ее отдадутъ за мужъ по возвращеніи изъ пансіона...

викторъ.

Какъ по возвращеніи?... развѣ она туда ѣдетъ?...

г. дюкро.

На нѣсколько дней только... это мировая сдѣлка.

бопаръ.

И вотъ все, что вы сдѣлали?

викторъ (*въ отчаяніи*).

Какъ, папенька!

г. дюкро.

О! да если вы недовольны, такъ подите къ чорту!... Что вы думаете въ самомъ дѣлѣ, легко что-ли возиться съ женою, когда съ ней безпрестанныя истерики и дурноты?

бопаръ.

Понимаю... (*въ сторону*) Хорошъ мужъ!

викторъ.

Вы съ ней опять поговорите.... скажите ей...

г. дюкро.

Ни слова не скажу!.. будетъ съ меня и этого.

викторъ.

Такъ вы хотите меня сдѣлать несчастнымъ?

бопаръ.

Э! нѣтъ, я вижу, что мнѣ самому придется похлопотать.

ВИКТОРЪ.

Вамъ!

Г. ДЮКРО.

Вы хотите?..

БОНАРЪ.

Съ вашего позволенія. Уполномочте меня.

Г. ДЮКРО.

Съ большимъ удовольствіемъ!

БОНАРЪ.

Я увижусь съ нашею... *(спохватясь)* съ вашею женою и докажу ей, что она ошибается.

Г. ДЮКРО.

У нее теперь нервы разстроены, и я боюсь...

БОНАРЪ.

О! я и не то еще видалъ. Впрочемъ, чѣмъ вы тутъ рискуете?.. Я лучшую роль вамъ оставляю: я буду вести войну, а вы миръ заключите.

Г. ДЮКРО.

Правда.

БОНАРЪ.

Но, покуда я займусь вашими семейными дѣлами, вы пожалуста между тѣмъ объ моихъ постарайтесь. Мнѣ надо положить въ ломбардъ эти деньги... *(отдаетъ ему)*.

Г. ДЮКРО.

На чье имя?

БОНАРЪ.

Ужъ конечно на мое!.. т. е. на имя Муару и Компаніи, изъ Марселя.

Г. ДЮКРО.

Сейчасъ пойду...

Пойду въ ломбардъ и прогуляюсь.

(Бонару)

Съ женою сладить дай вамъ Богъ,
А я отъ ней ужъ отступаюсь!...

(Виктору)

Я, право, сдѣлалъ все, что могъ.

ВИКТОРЪ.

Ужъ я надежды не имѣю!

БОНАРЪ *(входя въ середину между Викторомъ и г. Дюкро)*.

Э! перестаньте тосковать!

(въ сторону)

Пущусь опять съ женой моею
По старой дружбѣ воевать!

(Вмѣстѣ)

Г. ДЮКРО *(Бонару)*.

Пойду въ ломбардъ и прогуляюсь...
Съ женой извольте хлопотать,
А я отъ ней ужъ отступаюсь
И не хочу съ ней воевать.

ВИКТОРЪ *(Бонару)*.

На васъ однихъ я полагаюсь:
Вы зла не можете желать!
Усердью вашему ввѣряюсь
И перестану унывать.

БОНАРЪ.

Я къ вамъ лишь съ просьбой обращаюсь
Не тосковать, не унывать;
Покойны будьте: я ручаюсь,
Что все поправится опять.

(г. Дюкро уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ 14.

БОНАРЪ И ВИКТОРЪ.

Ну, вотъ я теперь какъ у себя дома! Вѣдь я не трусливой породы ...и мы увидимъ!

ВИКТОРЪ.

Ахъ, сударь! что вы ни говорите — вы ничего не сдѣлаете.

БОНАРЪ.

Почему знать, мой молодой дружище!

ВИКТОРЪ.

Она никогда не согласится на эту свадьбу.

БОНАРЪ.

Но, мнѣ кажется, одного ея согласія для васъ еще не довольно.

ВИКТОРЪ.

Что вы хотите сказать?

БОНАРЪ.

Надо вамъ получить еще другое.

ВИКТОРЪ.

Я васъ не понимаю.

БОНАРЪ.

Право?... Жаль же мнѣ и васъ... и его.

ВИКТОРЪ.

Кого его?

БОНАРЪ.

Вы забыли, господинъ законникъ, о согласіи вашего отца.

ВИКТОРЪ.

Папиньки давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

БОНАРЪ.

Неправда.

ВИКТОРЪ.

Какъ не правда?...

БОНАРЪ.

Онъ живъ... по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно ... а впрочемъ, можетъ-быть, я и ошибаюсь.

ВИКТОРЪ.

Что жъ?.. Я его совсѣмъ не знаю ... и ничѣмъ ему не обязанъ.

БОНАРЪ.

Ахъ, молодой человѣкъ!.. не хорошо, что вы такъ говорите!

ВИКТОРЪ.

Онъ маменьку сдѣлалъ несчастною ... онъ ее бросилъ ... и никогда не хотѣлъ объ насъ вспомнить ...

БОНАРЪ.

Ну вотъ! ну вотъ!... на это можно бы многое отвѣчать ...

ВИКТОРЪ.

Его во многомъ обвиняютъ.

БОНАРЪ.

Можетъ статься; однакожъ онъ не столько золъ, какъ объ немъ думаютъ. Видите ли ... въ супружествѣ не всегда одна только сторона бываетъ виновата ....

А сверхъ того, прилично-ль сыну
Судить родителей своихъ?
Ему ли разбирать причину
Ихъ ссоры и разлуки ихъ?
Равно къ обоимъ уваженье
Въ душѣ хранитъ къ нимъ добрый сынъ ...
А ихъ дѣла и поведенье
Разсудитъ только Богъ одинъ!..

(*Викторъ опускаетъ глаза*)

А притомъ, посмотримъ, не говоритъ ли вамъ тайный голосъ сердца: «Отецъ твой болѣе несчастенъ ... потому что принужденъ былъ съ тобой разстаться ...»

ВИКТОРЪ (*тронутый*).

Государь мой ...

БОНАРЪ.

И почему вы знаете, молодой человѣкъ... можетъ-быть, оставляя Францію, онъ собственно лишь для васъ спѣшилъ въ другую часть свѣта неусыпными трудами нажить себѣ состояніе, и грустилъ только о своемъ сынѣ...

ВИКТОРЪ.

Конечно ... я не спорю противъ этаго ... Папенька!.. бѣдный папенька! ... Ахъ, сударь!.. вы поселили въ душѣ моей такое чувство, котораго я еще не испыталъ!..

БОНАРЪ.

Я вижу, что это не ваша вина; и теперь, когда Бонаръ возвратился во Францію ...

ВИКТОРЪ.

Онъ во Франціи!..

БОНАРЪ.

Въ Марселѣ ... я его видѣлъ ...

ВИКТОРЪ.

Ахъ!.. онъ во Франціи — и я объ этомъ ничего не зналъ!.. онъ не хочетъ со мною видѣться!

БОНАРЪ.

Почему жъ вы такъ заключаете?.. Гдѣ же вы прикажете ему васъ отыскивать? Вы, г. Бонаръ, перемѣнили вашу фамилію, промѣняли имя вашего отца и честнаго человѣка—чортъ возьми! — на имя, совершенно для васъ чуждое и постороннее!..

ВИКТОРЪ (*утирая слезы*).

Да! ... я виноватъ!.. и чувствую это въ первый разъ.

БОНАРЪ.

Хорошо ... хорошо ... вы добрый юноша, и вашъ отецъ васъ возна-

градитъ, какъ скоро только вы его узнаете и ему позволятъ время, мѣсто, приличія и обстоятельства... А между тѣмъ попросите у него согласія на вашу свадьбу...(*идетъ къ столу*) Вотъ перо, чернила и бумага... пишите...

ВИКТОРЪ.

Письмо?..

БОНАРЪ.

Ну, да!.. вы получите отвѣтъ... Садитесь...

ВИКТОРЪ (*садясь къ столу*).

Извольте...

БОНАРЪ (*стоя подлѣ стола по лѣвую сторону Виктора*).

Начинайте.

ВИКТОРЪ (*пишетъ*).

« Милостивый государь! »

БОНАРЪ.

Милостивый государь.... о! ... это слишкомъ сухо.

ВИКТОРЪ.

« Папенька! »

БОНАРЪ.

Это получше ... но все еще не то.

ВИКТОРЪ.

«Любезный папенька!»

БОНАРЪ.

Вотъ это такъ.

ВИКТОРЪ.

«Я узналъ, что вы возвратились во «Францію...»

БОНАРЪ.

Узналъ.... просто, безъ удовольствія?...

ВИКТОРЪ.

О! нѣтъ...(*пишетъ*) «Я съ восторгомъ узналъ, что вы возвратились «во Францію... Прошу васъ, пришлите мнѣ ваше согласіе на...

БОНАРЪ (*останавливая его*).

О!...о!... развѣ такъ надобно писать къ отцу, который васъ любитъ?... вѣдь онъ любитъ васъ, — онъ мнѣ это говорилъ!

ВИКТОРЪ.

Точно... вы правы... но что-жъ дѣлать?... простите... я еще не привыкъ...

БОНАРЪ (*въ сторону, въ то время какъ Викторъ пишетъ*).

Трудно... а думаю, что своего добьюсь....(*подходитъ къ Виктору*) Ну, что?.. кончили? (*Викторъ подаетъ ему письмо; онъ читаетъ*) «Любезный папенька! Я съ восторгомъ узналъ, что вы возвратились во Францію. Я скоро прижму васъ къ моему сердцу и назову сладкимъ именемъ отца, которое для меня такъ ново и драгоцѣнно...(*остановясь, съ волненіемъ*) Не дурно... не дурно!.. (*читаетъ*) «Во ожиданіи этаго дня, лучшаго въ моей жизни, я спѣшу васъ увѣдомить, что мнѣ представляется теперь счастливая судьба, въ прелестныхъ чертахъ одной молодой дѣвушки, которую я обожаю. Я умоляю васъ позволить мнѣ на ней жениться: тогда у васъ будетъ двое дѣтей, которые никогда не перестанутъ любить и благословлять добраго своего отца...» (*скрываетъ свои слезы*).

ВИКТОРЪ (*въ сильномъ волненіи*).

Будетъ ли онъ этимъ доволенъ? какъ вы думаете?

БОНАРЪ (*принуждая себя*).

Вотъ забавно!....да чего же ему еще?.. И вы все это написали отъ чистаго сердца?

ВИКТОРЪ.

Отъ всей души!...

БОНАРЪ (*въ восторгѣ*).

Викторъ!.. другъ мой!.. о Боже!.. (*Бонаръ хочетъ обнять Виктора; Жюльетта вбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

ПРЕЖНІЕ И ЖЮЛЬЕТТА.

ЖЮЛЬЕТТА.

Викторъ! Викторъ!..(*увидя Бонара*) Ахъ!.. (*останавливается*).

ВИКТОРЪ.

Жюльетта!

БОНАРЪ (*въ сторону*).

Спасибо ей, что пришла... а то я чуть не разыгралъ драму у г. Дюкро.

ВИКТОРЪ.

Что такое?... что съ тобой?...

ЖЮЛЬЕТТА.

Ахъ, Викторъ! я пришла тебѣ сказать, что по приказанію тетиньки другая карета пріѣхала!

ВИКТОРЪ (*Бонару*).

Ахъ, сударь! сдѣлайте милость!

БОНАРЪ.

Мы и эту отошлемъ.

ВИКТОРЪ.

Она пошлетъ за третьей!

БОНАРЪ.

Мы и ту назадъ отправимъ.

ВИКТОРЪ.

Именно! такъ и сдѣлаемъ!

ЖЮЛЬЕТТА.

Тетинька велѣла меня позвать къ себѣ...

БОНАРЪ.

Я смѣло жду ея нападенія!..(*Виктору*) Скорѣе садитесь.... Адресъ, адресъ къ вашему письму...

ВИКТОРЪ.

Извольте...(*садится опять къ столу и пишетъ адресъ*).

БОНАРЪ (*диктуя*).

«Г. Бонару, въ конторѣ Муару и Компаніи, въ Марселѣ...»

ВИКТОРЪ.

Готово.

БОНАРЪ.

Хорошо... пошлите на почту... сейчасъ... слышите?

ВИКТОРЪ.

Бѣгу.

БОНАРЪ.

Да не забудьте отослать карету.

ВИКТОРЪ.

Не безпокойтесь. (*убѣгаетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 16.

БОНАРЪ И ЖЮЛЬЕТТА.

БОНАРЪ (*удерживая Жюльетту*).

Постойте, мой ангелъ... я сдѣлаю всѣхъ васъ счастливыми, или ужъ послѣ этого я небуду Муару и компанія!

Г-ЖА ДЮКРО (*за кулисами*).

Г. Дюкро... Г. Дюкро!...

ЖЮЛЬЕТТА.

Тетинька!

БОНАРЪ (*садясь къ столу начинаетъ писать*).

Не бойтесь... Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженія?...

ЖЮЛЬЕТТА.

Я, сударь?.. съ удовольствіемъ!

БОНАРЪ.

Это письмо... Викторъ будетъ вашимъ мужемъ...

ЖЮЛЬЕТТА.

Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ!..

БОНАРЪ.

А меня будете ли любить? а?..

ЖЮЛЬЕТТА.

О! мнѣ ужъ кажется, что я и такъ васъ начинаю любить!..

—

ЯВЛЕНІЕ 17.

ПРЕЖНІЕ И Г-ЖА ДЮКРО.

Г-ЖА ДЮКРО (*входя*).

Дюкро! Дюкро!.. Гдѣ мой мужъ?

БОНАРЪ (*оканчивая письмо*).

Вотъ!

Г-ЖА ДЮКРО.

Что это?.. А вы, сударыня, что здѣсь дѣлаете?

БОНАРЪ (*складывая письмо*).

Я задержалъ ее.

Г-ЖА ДЮКРО.

Ступайте! Карета готова.

БОНАРЪ (*вставая*).

Карета уѣхала: я отослалъ ее.

Г-ЖА ДЮКРО.

Что это значитъ?

БОНАРЪ.

Я сей-часъ вамъ объясню. (*Жюльет-*

ть) Вотъ, возьмите, моя миленькая... (*говоритъ ей потихоньку*).

ЖЮЛЬЕТТА (*взявъ его письмо*)

Какъ! . . . вы хотите? . . .

Г-ЖА ДЮКРО.

Что такое? . . .

БОНАРЪ.

Это наше дѣло... (*Жюльеттѣ*) Скорѣй.

ЖЮЛЬЕТТА.

О! извольте . . . (*въ сторону*) Ничего не понимаю . . . но все равно. . . онъ, кажется, такой добрый!

(*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 18.

Г-ЖА ДЮКРО И БОНАРЪ.

БОНАРЪ.

Теперь, сударыня, я къ вашимъ услугамъ.

Г-ЖА ДЮКРО.

Я ищу своего мужа.

БОНАРЪ.

Вашего мужа? . . . Г. Дюкро?

Г-ЖА ДЮКРО.

У меня нѣтъ другаго.

БОНАРЪ

Я его послалъ кой-куда.

Г-ЖА ДЮКРО.

Послали? . . . Какъ, сударь! . .

БОНАРЪ.

Позвольте . . . онъ тамъ трудится за меня, а я здѣсь за него . . . Я теперь его уполномоченный.

Г-ЖА ДЮКРО (*испугавшись*).

Уполномоченный! . . . . Ахъ, Боже мой! . . . А что жъ вы хотите со мною дѣлать, сударь? . . .

БОНАРЪ.

Успокойтесь! Я началъ съ того, что отослалъ карету . . . и надѣюсь . . .

Г-ЖА ДЮКРО (*прерывая его.*)

Понимаю, сударь! . . ваша цѣль поселить раздоръ въ семействѣ . . . испортить моего мужа . . .

БОНАРЪ.

О нѣтъ! . . . онъ такъ хорошъ, что его никто не испортитъ, не бойтесь.

Г-ЖА ДЮКРО.

Это низко! это подло! . . выводить женщину изъ терпѣнія, употреблять во зло мою доброту! . . Послушайте, сударь . . . еслибъ я не умѣла владѣть собою, не знаю, что бы я съ вами сдѣлала! . .

БОНАРЪ (*съ большимъ хладнокровіемъ*).

Продолжайте, не церемоньтесь . . . Я вамъ все позволяю . . . кромѣ однакожъ пощечины . . .

Г-ЖА ДЮКРО.

Вы стоите ста пощечинъ! . . . А! вы думаете воспользоваться моимъ несчастнымъ положеніемъ и вырвать у меня мое согласіе... запугать меня!... Такъ вотъ нѣтъ-же! вамъ не удастся! . . .

БОНАРЪ (*тоже*).

Ну, что вы такъ разкричались, душа моя? . . . вы вѣдь знаете, что я кричу громче вашего.

Г-ЖА ДЮКРО.

А вотъ мы увидимъ!

БОНАРЪ.

Мы только оба охрипнемъ — вотъ и все тутъ.

Г-ЖА ДЮКРО (*изъ всей мочи*).

Милостивый государь! . . .

БОНАРЪ (*напѣвая*).

«Моя супруга мнѣ въ дѣвицахъ . . .

Г-ЖА ДЮКРО (*плача*).

Ахъ! я умру! . . . Если вы пришли съ тѣмъ, чтобъ меня уморить . . . радуйтесь: ваше желаніе исполнится!

БОНАРЪ.

Женскіе слезы — вода; поберегите ихъ для Г. Дюкро.

Г-ЖА ДЮКРО.

О! подите вонъ! . . вонъ подите! . . . Мнѣ дурно . . . лишаюсь силъ . . . не могу на ногахъ стоять . . .

БОНАРЪ.

Сядьте.

Г-ЖА ДЮКРО.

Сдавило грудь! . . со мною сейчасъ будетъ обморокъ! . .

БОНАРЪ.

Обморокъ?... напрасно!.. меня не обморочите: я вѣдь не Г. Дюкро ... я еще обмороки-то иногда употребляю въ свою пользу.

Г-ЖА ДЮКРО (*съ бѣшенствомъ*).

Ахъ чудовище!... кровопійца!..

БОНАРЪ.

Ну вотъ, теперь, когда вы поуспокоились...

Г-ЖА ДЮКРО.

Ахъ, разбойникъ!...
По мнѣ всего ужаснѣй то
Что этотъ аспидъ, тигръ, гіена,
Такъ равнодушенъ, какъ никто!...

БОНАРЪ (*смѣясь.*)

Мнѣ съ вами море по колѣна!

Г-ЖА ДЮКРО.

Еще смѣется!...

БОНАРЪ.

Но, ей, ей,
По моему смѣяться должно
На счетъ несчастныхъ тѣхъ мужей,
Которымъ развестись не можно!

Г-ЖА ДЮКРО.

Тѣмъ сударь безстыднѣе, тѣмъ безчеловѣчнѣе съ вашей стороны!..

БОНАРЪ.

Согласенъ; но будемъ говорить хладнокровно. Викторъ любитъ Жюльетту, хочетъ на ней жениться...

Г-ЖА ДЮКРО (*сухо*).

Онъ слишкомъ молодъ...

БОНАРЪ.

Я въ его лѣта на васъ женился; а онъ лучше меня.

Г-ЖА ДЮКРО.

Ничѣмъ не лучше... весь въ батюшку.

БОНАРЪ.

Право? ну, такъ совѣтую вамъ ее за него отдать, а то вѣдь онъ возьметъ насильно: вы знаете, я чуть было васъ не похитилъ.

Г-ЖА ДЮКРО.

Ахъ не напоминайте мнѣ объ этомъ!

БОНАРЪ.

Тѣмъ больше, что молодая-то особа очень къ нему расположена, точно также, какъ и вы были ко мнѣ въ то время....

Г-ЖА ДЮКРО.

Замолчите! Она не партія Виктору... я имѣю на него другіе виды... у Жюльетты нѣтъ состоянія.

БОНАРЪ.

За то у васъ есть, и у добраго г. Дюкро найдутся деньги... а сверхъ того и *я*...

Г-ЖА ДЮКРО.

Вы ужъ два раза проматывались.

БОНАРЪ.

Одинъ разъ по вашей милости... вѣдь мы съ вами покутили на свой вѣкъ.. помните, Аменанда?.. Но теперь я богатъ, и все отдамъ Виктору... развѣ, что вы принудите меня опять взять жену и завести новыхъ наслѣдниковъ.

Г-ЖА ДЮКРО (*насмѣшливо*).

Пожалуста!..

БОНАРЪ (*смѣясь*).

Э!.. почему знать!

Г-ЖА ДЮКРО.

Можете, если вамъ угодно... мы этаго не боимся, все равно... только свадьбѣ Виктора и Жюльетты не бывать.

БОНАРЪ.

А я вамъ говорю, что она будетъ.

Г-ЖА ДЮКРО.

Нодобно также и мое позволеніе... а я не позволяю!

БОНАРЪ.

Можно и безъ васъ обойтиться... но вы позволите.

Г-ЖА ДЮКРО.

Никогда... хоть бы для того только, чтобъ взбѣсить васъ!

БОНАРЪ.

Ну въ такомъ случаѣ... мы здѣсь тогда, при всей честной компаніи, пустимъ въ ходъ чувствительныя сцены.

Г-ЖА ДЮКРО.

Нѣтъ, сударь... вы не осмѣлитесь!..

БОНАРЪ.

И этотъ почтенный г. Дюкро, который думаетъ, что меня давно похоронили, придетъ домой къ женѣ — и вдругъ столкнется съ первымъ номеромъ!... А я нарочно его дождусь и откроюсь.

Г-ЖА ДЮКРО.

Какой срамъ!... какая дерзость!

БОНАРЪ.

Тогда я Виктора увезу съ собою.

Г-ЖА ДЮКРО.

Виктора?

БОНАРЪ.

Разумѣется... Кой чортъ! теперь ужъ моя очередь... А пріѣхавши въ Марсель мы судебнымъ порядкомъ вытребуемъ ваше согласіе.

Г-ЖА ДЮКРО.

Какъ! чтобъ мой сынъ... о! вы стало ужъ рѣшительно хотите меня зарѣзать!

—

ЯВЛЕНІЕ 19.

ПРЕЖНІЕ, ЖЮЛЬЕТТА И ВИКТОРЪ (*съ письмомъ въ рукахъ*).

ВИКТОРЪ.

Маменька!.. Маменька!.. (*Бонару*) Ахъ сударь! посмотрите..письмо!..

БОНАРЪ.

Прежде всего, мой другъ, поблагодарите маменьку: она соглашается на вашу свадьбу съ Жюльеттой.

Г-ЖА ДЮКРО.

Но я этаго не говорила!..

ВИКТОРЪ.

О!..не отнимайте у меня радости... ...восхищенія!.. Посмотрите...посмотрите: вотъ письмо... Я писалъ къ папенькѣ съ четверть часа тому назадъ, а ужъ сію минуту получилъ отвѣтъ!

БОНАРЪ (*смѣясь*).

Изъ Марселя?..Это довольно скоро!

ЖЮЛЬЕТТА (*подходя къ Бонару*).

Но вѣдь это вы... (*Бонаръ дѣлаетъ ей знакъ рукою, чтобъ она молчала*).

Г-ЖА ДЮКРО.

Какой вздоръ!..

БОНАРЪ.

Что жъ такое? Это дѣлаетъ честь почтѣ, вотъ и все тутъ.

ВИКТОРЪ.

Вы улыбаетесь... стало быть вамъ извѣстно, какъ это случилось?.. Онъ пишетъ мнѣ, что онъ меня любитъ... соглашается на мое счастіе, даритъ мнѣ сто тысячъ франковъ и спѣшитъ со мною увидѣться.

Г-ЖА ДЮКРО.

Да, да... чрезъ нѣсколько дней... ты поѣдешь къ нему въ Марсель.

БОНАРЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ же? онъ въ Парижѣ.

ВИКТОРЪ (*смотря на него пристально*).

Въ Парижѣ!.. Ахъ!.. Неужели мои подозрѣнія справедливы?.. Ваша доброта... ваше ко мнѣ расположеніе...

Г-ЖА ДЮКРО.

Милостивый государь!..

БОНАРЪ (*тихо г-жѣ Дюкро*).

Чтожъ! вѣдь вы не хотите... *Виктору*) Сынъ мой!..

ВИКТОРЪ.

Папенька!!!

(*бросаются другъ другу въ объятія; Г. Дюкро входитъ.*)

Г-ЖА ДЮКРО (*разнимая ихъ*).

Мой мужъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ 20.

ПРЕЖНІЕ И Г. ДЮКРО.

БОНАРЪ.

А! пожалуйте, Г. Дюкро... будьте свидѣтелемъ...

Г. ДЮКРО.

Что? кончено?

Г-ЖА ДЮКРО (*съ живостію*).

Кончено, кончено... я на все согласна... Жюльетта остается... Викторъ на ней женится.

ВИКТОРЪ.

Маменька!... (*бѣжитъ къ Жюльеттѣ*).

ЖЮЛЬЕТТА.

Ахъ!.. какъ я рада!..

БОНАРЪ.

Слава Богу!

Г-ЖА ДЮКРО (*смотря на Бонара*). Надѣюсь, что каждый изъ насъ сдержитъ свое слово...

Г. ДЮКРО.

Вотъ чудеса!.... неужели вы съ ней сладили?..

БОНАРЪ.

Помилуйте! Г-жа Дюкро была такъ разсудительна, такъ ласкова и любезна!...

Г. ДЮКРО.

Я зналъ напередъ... (*въ сторону*) Удивительное дѣло, какъ этотъ господинъ припаровился къ моей женѣ!..

Г-ЖА ДЮКРО.

Ужъ поздно... начало смеркаться.

БОНАРЪ (*въ сторону*).

А!... принялася за мораль'..

(*вслухъ*).

Пора, и должно намъ разстаться,
Хоть, признаюсь, мнѣ очень жаль!

(*г-ну Дюкро*).

Права я ваши возвращаю...
Но, ахъ! могу ли не страдать?
Я власть мою тогда кончаю,
Когдабъ хотѣлъ ее начать!

(*Кланяется Г-жѣ Дюкро, которая отвѣчаетъ ему преннзкимъ поклономъ.*)

Г. ДЮКРО (*пожимая руку Бонару*). Хорошо... хорошо... очень вамъ благодаренъ... Но зачѣмъ же вы такъ рано насъ оставляете? (*Г-жа Дюкро толкаетъ его*) А! да... вотъ ваши ломбардные билеты.... Очень жаль, что я васъ задержалъ такъ долго...

БОНАРЪ.

(*Музыка до конца*)

О! нѣтъ... (*протягивая руки Виктору и Жюльеттѣ*) я объ этомъ нисчуть не сожалѣю... (*Викторъ цѣлуетъ ему руку*) До завтра!.. Я живу въ Мировой улицѣ.

Г. ДЮКРО.

Я къ вамъ буду... (*тихо*) Урокъ возьму!... (*въ слухъ*) Какъ спросить объ васъ?

БОНАРЪ.

Муару и компанія, изъ Марселя.

Г-ЖА ДЮКРО *тихо* (*Г. Дюкро*).

Не смѣй ходить!

БОНАРЪ (*котораго Викторъ и Жюльетта провожали до дверей, обнимаетъ ихъ и дѣлаетъ имъ знакъ молчанія*).

До завтра!...

Уходитъ.

(*Занавѣсъ опускается*).

Николай Осиповичъ

ДЮРЪ,

Актеръ Императорскаго С. П. Бургскаго Театра.

БІОГРАФІЯ.

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧЪ ДЮРЪ,

ИМПЕРАТОРСКІЙ РОССІЙСКІЙ ПРИДВОРНЫЙ АКТЕРЪ.

Semper honos, nomenque tuum laudesque manebunt.
VIRGIL. EGLOG. LIB. V.

Die gute That, das schöne Wort,
Es strebt unsterblich, wie es sterblich lebte.
Göthe.

Лучшій подарокъ Творца человѣку есть божественное его дуновеніе — *жизнь*. Это символъ святости нашего происхожденія и вмѣстѣ залогъ безсмертія. Жизнь дается человѣку, какъ самородный алмазъ, съ его грубой корою, со всѣми нечистотами, и человѣку же предоставлено очистить, огранить, выполировать его и обратить въ самоцвѣтный бриліантъ. Только тотъ жилъ не даромъ и оправдалъ божественность безсмертнаго духа, кто оставляетъ по себѣ сладкія воспоминанія и нѣсколько лучей славы, къ которымъ сердце остальныхъ людей прилѣпляется съ любовью, съ усладою. Только тотъ жилъ истинной жизнью, кто обратилъ свой клейнодъ въ бриліантъ, — эмблему *вѣчной красоты* и *вѣчной истины*. Вотъ цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій, всѣхъ надеждъ и помысловъ. Избирай любое поприще, но иди смѣло, твердо, прямо къ назначенію, и чтобъ слѣды твои остались вѣчными ступенями къ верховной цѣли бытія. Что препятствія и трудъ, заботы и козни, злоба и зависть! Это метеоры, которые пугаютъ издали и поглащаются воздухомъ и землею, не сверкнувъ грознаго удара. Одна минута самосознанія, одинъ мигъ чувства своей воли и силы, усладитъ терновый путь до самой вѣчности. И сколько облегченій дано человѣку на краткомъ пути жизни *природа*, какъ первообразъ всего высокаго и прекраснаго, и *творчество*,

какъ средство возвыситься надъ природою. Но всякая ли душа человѣческая одарена нѣжными органами созерцанія и воспріемлимости высокаго и прекраснаго? Всякое ли сердце настроено струнами Эоловой арфы, звучащими при малѣйшемъ обаяніи божества? Всякое ли тѣло полно крѣпости и воли, чтобъ противустать всѣмъ ураганамъ житейскихъ условій? Нѣтъ! Жрецы небеснаго вдохновенія избраны самимъ небомъ: ихъ немного, какъ свѣтилъ первой величины между миріадами свѣтлыхъ міровъ. Ихъ назначеніе озарять своимъ блескомъ другіе міры, ихъ бытіе принадлежитъ не имъ однимъ, но всему ихъ окружающему, призваніе ихъ — возвышать собою остальное твореніе.

Вотъ почему люди съ необыкновенною душею, съ необыкновеннымъ талантомъ возбуждаютъ такое сочувствіе въ цѣлой массѣ человѣчества и всей жизнью своею принадлежатъ современникамъ и потомству.

Если бы каждый человѣкъ велъ подробныя записки своей духовной жизни, то вѣрно представилъ бы самую интересную книгу для физіолога и философа. Каждый изъ насъ собственнымъ опытомъ достигаетъ до извѣстныхъ истинъ, только подъ различными условіями обстоятельствъ. Но жизнь человѣка, вышедшаго изъ чреды людей обыкновенныхъ, или по генію, или по подвигамъ, есть школа нравственнаго развитія души и той отрасли науки или искусства, которую онъ себѣ усвоилъ. Жизнеописанія художниковъ необходимы. Надо знать, какъ понимали искусство люди, генію которыхъ оно было открыто свыше. Художническая жизнь человѣка съ необыкновеннымъ дарованіемъ, перевитая съ жизнью гражданскою, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ представляетъ интересный предметъ для психическаго изученія. Первыя впечатлѣнія юности, развитіе души, образованіе способностей, взглядъ на предметы и наконецъ творческая дѣятельность въ высокомъ художникѣ — такъ любопытны, что имъ надо удѣлять полное вниманіе, ибо они составляютъ основу каждой теоріи въ искусствѣ. Недостаточно изучать созданія живописца, поэта, ваятеля, музыканта или актера, — это поведетъ только къ простому, рабскому подражанію. Надо усвоить себѣ ихъ теорію, ихъ школу или методъ, а это пріобрѣтается только изученіемъ ихъ творческой жизни, разсматриваніемъ причинъ и обстоятельствъ, которыя привели художника къ новому взгляду, понудили создать новую школу, придали огонь и колоритъ его твореніямъ.

Съ этой точки зрѣнія хотѣлось бы теперь разсмотрѣть жизнь Николая Осиповича Дюра, который, по необыкновеннымъ своимъ дарованіямъ и истинно художественной игрѣ, безспорно принадлежитъ къ первокласснымъ актерамъ Россіи.

Если драма есть вѣнецъ всѣхъ искусствъ, ибо соединяетъ въ себѣ и пространство и время, и пластику и тонику, то актеръ долженъ быть художникомъ по преимуществу. Тяжко призваніе актера. Ему не даны выгоды и преимущества другихъ художниковъ, которые свою идею произвольно облекаютъ въ звукъ или въ формы пластическія, руководствуясь одною безпредѣльною волею своего генія. Актеру даютъ готовое созданіе, готовую мысль и требуютъ, чтобъ онъ усвоилъ ихъ и придалъ имъ жизнь и правду. Притомъ предметомъ его творчества бываетъ всегда человѣкъ, со всѣми его страстями, со всѣми великими движеніями души и низкими слабостями жизни. Сколько требуется изученій

нравственныхъ и матеріяльныхъ, прежде, чѣмъ актеръ можетъ стать лицемъ къ своему искусству и сказать: *я художникъ!* Какъ мягка и воспріемлема должна быть его душа, чтобъ постигать чужую мысль и призывать ее къ жизни, къ живому образу! Наконецъ сколько нужно гибкости таланта, чтобъ сохранять всѣ мелкіе оттѣнки характеровъ, обрисовывать всѣ подробности разнородныхъ стихій, изъ которыхъ они составлены! И между тѣмъ великій актеръ долженъ довольствоваться однимъ минутнымъ проблескомъ славы, однимъ мгновеннымъ одобреніемъ, одною теплою слезой, которую извлекли истина и величіе его творчества. Созданія его живутъ въ пространствѣ и во времени только одинъ мигъ, мигъ ихъ рожденія. Онъ сошелъ со сцены и созданіе его разрушено. А для молодаго артиста, которому не удалось схватить на лету вдохновенныя минуты великаго актера, нѣтъ и школы, нѣтъ образца.

Вотъ новая причина, по которой біографіи славныхъ актеровъ необходимы, еще болѣе, чѣмъ жизнеописанія другихъ художниковъ, которые оставляютъ по себѣ вещественное наслѣдіе своего таланта.

Я приступаю къ описанію художнической и гражданской жизни Дюра съ невольнымъ душевнымъ стѣсненіемъ. Дружеская связь моя съ покойникомъ была кратковременна, но искренна. Трудно пріучить себя къ мысли, что его ужъ нѣтъ: такъ существованіе его было необходимо для искусства и для людей, къ нему близкихъ. Раны, нанесенныя сердцу его потерею, еще слишкомъ свѣжи, и я боюсь, что не сохраню хладнокровія, необходимаго для историка. Но истина свята! Она будетъ руководить перомъ моимъ, а избытокъ увлеченія, вѣрно простятъ человѣку, который, съ кончиною Дюра, понесъ двойную утрату, какъ другъ и какъ драматическій писатель. Кто зналъ Дюра, какъ артиста, вѣрно долго его не забудетъ, кто зналъ его, какъ человѣка, не забудетъ никогда.

Чтобы яснѣе представить всю жизнь этого необыкновеннаго артиста, надо раздѣлить ее на четыре главныхъ періода. Въ первомъ описать *происхожденіе, дѣтство и первыя впечатлѣнія Дюра;* во второмъ *юность и начало художнической жизни;* третій періодъ составитъ его *поприще сценическое*, а четвертый займутъ *послѣдніе мѣсяцы его жизни.*

Можетъ быть страннымъ покажется, что я, какъ другъ Дюра, взялся начертать его біографію? На это надо во первыхъ объяснить, что многіе близкіе и приверженные къ нему люди сдѣлали мнѣ честь и предложили описать его жизнь, а во вторыхъ, кому же и писать объ артистѣ, какъ не друзьямъ, которые ближе всѣхъ были знакомы съ его талантомъ и вѣрнѣе могли слѣдить за его успѣхами? Враги способны только на завистъ и клевету, которыя не умолкаютъ иногда и за гробомъ: истина принадлежитъ одинмъ друзьямъ — искусства и человѣка.

Происхожденіе, дѣтство, первыя впечатлѣнія.

Во время великаго переворота, произведеннаго во Франціи революціею, когда національный конвентъ вмѣстѣ съ ожесточенною чернію неистовствовалъ противъ аристократіи и Французскаго духовенства, началась эмиграція дворянъ изъ Франціи. Наконецъ 21-го Января 1793 года, обагренная порфира Людовика XVI

прикрыла царственную кровь на плахѣ, но не могла скрыть отъ свѣта вѣчнаго позора Франціи. Всѣ благороднѣйшіе граждане, доселѣ державшіе сторону престола и правоты, самовольно изгнали себя навсегда изъ отчизны. Этимъ остроказмомъ хотѣли они показать, что умываютъ руки въ ужасномъ убійствѣ, свершившемся передъ глазами изумленной и безмолвствующей Европы. Между этими добровольными ренегатами отчизны находился дворянинъ Жанъ, Баптистъ Дюръ, изъ Ліона, съ небольшимъ своимъ семействомъ. Онъ избралъ себѣ новымъ отечествомъ Польшу, гдѣ еще недавно, по смерти Августа III, Россія воцарила новаго короля. Дюръ лишился всего достоянія во время народныхъ смутъ и хотѣлъ обрѣсть душевное спокойствіе въ своемъ изгнаніи. Изъ всего, что онъ имѣлъ во Франціи, ему остались только хорошее воспитаніе и страсть къ живописи, — какъ единственное имущество, отъ котораго онъ могъ получать доходы. Онъ рѣшился употребить ихъ, какъ средства къ жизни. Слухъ о его замѣчательномъ дарованіи и несчастіяхъ вскорѣ открылъ ему путь ко двору, гдѣ Станиславъ Понятовскій старался упрочиться на престолѣ роскошью и великолѣпіемъ и ими заглушить послѣдніе вопли конфедераціи. Дюръ сначала сдѣлался придворнымъ живописцемъ и усердно замѣщалъ на стѣнахъ Варшавскаго дворца гербы Саксонскаго дома — портретами фамиліи Понятовскихъ. Потомъ мало по малу открытый, добродушный характеръ заслужили ему благосклонность короля, который нуждался въ приверженцахъ, окружалъ себя иностранцами и не охотно вѣрилъ своимъ ясновельможнымъ панамъ. Но семена раздора и своеволія пустили глубокіе корни въ народѣ: ни вмѣшательство Россіи и Пруссіи, ни усилія благомыслящихъ граждавъ не могли спасти Польшу отъ гидры мятежей. Въ 1794 году Костюшка явился главою народнаго возстанія, и Варшава превратилась въ позорище пожаровъ и кровопролитія. Король спѣшилъ скрыться изъ столицы. Карета его была остановлена на пути и только храбростію тѣлохранительной стражи онъ успѣлъ избѣгнуть изъ рукъ бунтовщиковъ. Храбрѣйшіе его защитники пали жертвами своего усердія: это были любимый его гайдукъ и Жанъ Дюръ. Маленькое состояніе, которое Дюръ успѣлъ себѣ составить при Польскомъ дворѣ, было расхищено, жена его погибла въ пылу народной ярости, и молодой Іосифъ Дюръ, единственный сынъ и наслѣдникъ его, — остался круглымъ сиротою.

Участь Іосифа Дюра по многимъ превратностямъ судьбы и по частой перемѣнѣ обстоятельствъ весьма похожа на жизнь Фигаро. Перебиваясь трудомъ и услугами между Поляками, Іосифъ Дюръ совершенно забылъ свое происхожденіе, свою прежнюю отчизну и прежнее состояніе. Отъ безпрерывной борьбы съ нуждою характеръ его огрубѣлъ. Въ смутное время Франціи воспитаніе его осталось не конченнымъ; во время бурь Польскихъ, оно было совсѣмъ предано забвенію. Пламенный правъ и волненія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда всѣ впечатлѣнія врѣзываются въ душу, понуждали его къ жизни тревожной, скитальческой. Постоянное занятіе было для него тяжко. Онъ всѣмъ тѣломъ бросился въ житейскія треволненія, а душу отдалъ на произволъ всѣмъ необузданнымъ порывамъ своего темперамента. Науки и искусства для него не существовали, одинъ трудъ физическій при-

влекалъ его. Онъ мѣнялъ нѣсколько разъ ремесла, останавливаясь на каждомъ только короткое время и отыскивая между ними такого занятія, которое открыло бы ему философскій камень. Алхимики среднихъ вѣковъ сдѣлали больше его въ этомъ отношеніи и остались безъ успѣха: мудрено ли послѣ этого, что Іосифъ Дюръ оставался безъ камня, безъ мѣста и безъ денегъ. Кончилось тѣмъ, что парикмахерское ремесло принесло ему наибольшую пользу, оно привело его въ Вѣну, а тамъ въ домъ богатаго графа Зауера, который пожаловалъ его своимъ придворнымъ фризеромъ.

Въ 1801 году графъ Зауеръ поѣхалъ въ Россію по случаю возшествія Императора Александра I на Россійскій престолъ. Дюръ былъ при его домашней свитѣ.

Здѣсь Іосифъ Дюръ, обращенный въ Осипа Ивановича, нашелъ радушіе, доброходство, много лысыхъ головъ и новое Перу для фризера. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ по пріѣздѣ своемъ, онъ открылъ парикмахерскую лавку. Съ искусными ножницами и проворными щипцами въ рукахъ, онъ вскорѣ сталъ извѣстенъ прекрасному полу, какъ артистъ своего дѣла. Этого было достаточно, чтобъ составить себѣ славу и завесть сундучекъ для сохранной казны. Но Осипъ Ивановичъ, какъ выше сказано, любилъ жизнь, со всѣми ея тревогами и обольщеніями. Жизнь дѣйствительная казалась ему слишкомъ монотонною, сцена представляла больше волненія и разнообразія: Осипъ Ивановичь пристрастился къ театру, гдѣ тогда блистала красотой и талантомъ славная Русская мимистка и танцовщица Евгенія Ивановна Колосова*. Не довольствуясь восторгами, которые возбуждала въ немъ ея одушевленная, пламенная игра, Осипъ Ивановичъ искалъ личнаго знакомства съ знаменитой артисткой. Слѣдствіемъ этого знакомства былъ бракъ его съ младшею сестрою Евгеніи Ивановны который былъ отпразднованъ въ 1805 году.

На слѣдующій годъ поздравили Осипа Ивановича съ дочерью *Любовью*, а 5-го Декабря 1807 года съ сыномъ *Николаемъ*. Вскорѣ потомъ Осипъ Ивановичъ потерялъ жену, бросилъ свое ремесло, истратилъ капиталъ, впалъ въ бѣдность, долги и ломалъ голову надъ новыми средствами опять подняться на ноги. Это можетъ быть ему бы удалось, если бъ онъ не имѣлъ слишкомъ гибкой натуры, принимавшей всѣ свойства народа, съ которымъ онъ сживался. Въ Варшавѣ онъ сдѣлался совершеннымъ Полякомъ, въ Россіи настоящимъ Русскимъ. Къ несчастію онъ перенялъ даже ту гибельную страсть, которою Русскій человѣкъ любитъ утѣшать себя въ горькія и веселыя минуты. Это разстроило его здоровье и привело въ забвеніе, что на немъ лежитъ обязанность воспитанія дѣтей.

Любовь Осиповна Дюръ жила у своей тетки, которая ее наконецъ помѣстила въ театральное училище, откуда она въ послѣдствіи такъ блистательно выступила на Русскую сцену подъ именемъ *Дюровой*.

Николай Осиповичь, который, при перемѣнѣ обстоятельствъ отца, былъ взятъ изъ пансіона, гдѣ получалъ предварительное воспитаніе, теперь росъ дома, безъ надзора, безъ назначенія, не понимая судьбы своей, не предвидя будущности.

Такъ прошло около девяти лѣтъ, ребенокъ сталъ мальчикомъ и мальчикомъ смышленымъ: тутъ толь-

* Мать прекрасной нашей артистки А. М. Каратыгиной 1

ко отецъ вспомнилъ, что надо дать сыну званіе въ свѣтѣ, что надо образовать, если не голову, такъ, по крайней мѣрѣ, его руки. Объ сердцѣ не заботились: оно могло распуститься плевеломъ или расцвѣсть розою — до этого никому не было дѣла. И не смотря на такое пренебреженіе, на этомъ пустырѣ жизни, душа Николая Дюра развернулась, какъ нѣжный цвѣтокъ, чувствительный къ малѣйшему впечатлѣнію, вѣчно обращенный къ солнцу и разливающій около себя благовеніе.

Съ этой минуты начинается дѣйствительная жизнь нашего артиста. Въ наслѣдіе отъ своего талантливаго и несчастнаго дѣда, къ Николаю Дюру, перешли необыкновенное прямодушіе и благородство, и какое-то смутное влеченіе къ искусствамъ, въ особенности къ рисованію и къ музыкѣ.

Ему минуло девять лѣтъ. Отецъ его жилъ тогда на Вознесенской улицѣ, въ огромномъ домѣ Варварина, который, по разнороднымъ жильцамъ его, имѣвшимъ общій девизъ: *нужда и промыселъ*, можно было смѣло назвать ковчегомъ Ноя. На узкомъ, заграмозженномъ дворѣ, тѣснились строи оконъ въ четыре фрунта и рапортовали другъ другу о внутреннемъ своемъ благосостояніи, а иногда открывали даже тайный пароль жильцевъ своихъ. Тутъ любилъ играть молодой Дюръ. Въ толпѣ мальчиковъ онъ слылъ патріархомъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую власть надъ ними: отъ его удара не смѣли плакать, приказанія его исполнялись безпрекословно, пріязнью его дорожили. И въ самомъ дѣлѣ, онъ стоялъ много выше своихъ сверстниковъ умомъ, предпріимчивостью и даже талантами. Сдѣлавъ изъ лопушнаго ствола дудочку, онъ самоучкой наигрывалъ на ней Русскія пѣсни; проходилъ ли мимо воротъ оригиналъ, онъ его лихо передразнивалъ. Возвращаясь изъ театра, куда брала его иногда Евгенія Ивановна, онъ мастерски пересказывалъ въ лицахъ все, что видѣлъ на сценѣ. Всѣ стѣнки подворотни были испещрены его углемъ: тутъ былъ его эрмитажъ и вмѣстѣ кунсткамера, гдѣ уродливые носы цѣплялись съ пучками косъ, лысыя головы съ хворостинными ногами. Толпа мальчишекъ прыгала и хохотала отъ радости вокругъ его аль-фрескъ, а Дюръ похаживалъ передъ ними царекомъ, и съ гордостью собиралъ дань ихъ изумленія и восторговъ.

Въ одномъ изъ подваловъ дома Варварина, въ бѣдной лачужкѣ жило, или лучше сказать, ночевало семейство странствующихъ комедіантовъ. Съ каждымъ утромъ волшебникъ взваливалъ свой ящикъ на плеча, въ которомъ сосредоточивались всѣ чары міра сего и спѣшилъ изумлять Петербургскую и Выборгскую стороны. Дѣти его лѣниво подымались съ жесткихъ войлоковъ и въ блестящихъ туникахъ слѣдовали за нимъ, свиваясь предъ изумленной толпою въ клубокъ, вертясь колесомъ или кувыркаясь на воздухѣ, какъ подстрѣленныя птицы. Всѣ эти тайны интересовали особенно молодое воображеніе Дюра. Часто преслѣдовалъ онъ по цѣлой верстѣ ходячій органъ, заучивая его мотивы и стараясь на какомъ нибудь дворѣ увидать чудеса, сокрытыя въ волшебномъ ящикѣ. Онъ свелъ знакомство съ дѣтьми, и у нихъ успѣлъ научится нѣкоторымъ штукамъ, которыя дѣлалъ потомъ съ необыкновеннымъ проворствомъ.

Въ это время отецъ рѣшился было помѣстить Николая въ Императорскую Академію Художествъ, надѣясь, что въ мальчикѣ будетъ такой же талантъ, какъ у дѣда, но

пріобрѣтеніе сыномъ новыхъ знаній въ фокусъ-покусахъ нѣсколько поколебало его намѣреніе. Онъ полагалъ, что Николай Дюръ можетъ когда нибудь сдѣлаться вторымъ Пинетти, и что блестящая и безпечная жизнь бродяжнаго фигляра предоставитъ ему больше выгодъ, чѣмъ благородное искусство, которое требуетъ столькихъ лѣтъ труда, искушенія, а иногда кончается — вывѣсочнымъ мастерствомъ. Николай Дюръ началъ брать формальные уроки у фокусника и находилъ въ дѣлѣ своемъ особенное удовольствіе.

Нечаянный случай измѣнилъ всѣ планы и судьбу артиста.

По Воскресеньямъ маленькій Дюръ обыкновенно посѣщалъ свою тетку. Онъ забавлялъ ее своими дѣтскими разсказами и наивностью, съ которой описывалъ всякое новое впечатлѣніе. Въ одно изъ Воскресеній, Николай прибѣжалъ къ Е. И. Колосовой съ особенной радостью: «А, я что знаю, тетенька!» говорилъ онъ, прыгая передъ нею съ самодовольствіемъ. — «Что жъ ты знаешь, душа моя?» спросила она съ улыбкою. «А вотъ что!» отвѣчалъ онъ проворно, съ сіяющимъ лицемъ вытащилъ изъ кармана нѣсколько жестяныхъ стаканчиковъ и съ величайшимъ проворствомъ началъ пропускать сквозь нихъ, скатанные изъ хлѣба, шарики, приговаривая: «Разъ, два, три! Аллонъ! Маршпръ!» — «А каково?» воскликнулъ онъ наконецъ съ торжествующей миной.

Г-жа Колосова глядѣла на него съ изумленіемъ и сжатымъ сердцемъ. Она въ мигъ постигла всю тайну этого мастерства: доброму сердцу ея живо представилась горькая перспектива, въ которую можетъ вовлечь Дюра страсть къ такому занятію, и она рѣшилась спасти бѣднаго ребенка.

Взявъ съ собою племянника, она тотчасъ же отправилась къ директору театра и умоляла его, помѣстить маленькаго Дюра въ театральное училище. Просьба ея была уважена, и съ этой минуты, Николай не возвращался болѣе въ домъ Варварина и навсегда простился съ своими стаканчиками, дудочкой и уличными товарищами.

Это было въ 1816 году: Дюру минуло тогда девять лѣтъ.

Отсюда начинается новый періодъ его жизни, именно начало жизни художнической.

—

Сценическое образованіе и начало художнической жизни Дюра.

Въ то время школа театральная была не то, что нынѣ. Нельзя почти повѣрить, какое значительное преобразованіе испытала она съ тѣхъ поръ, какъ сильно подвинулась она во всѣхъ своихъ средствахъ въ послѣдніе годы и сколько путей открылось молодому артисту къ многостороннему образованію. Прежніе воспитанники театральнаго училища были бѣдны во всѣхъ отношеніяхъ: — и хорошими учителями въ школѣ, и отличными образцами на сценѣ. Въ то время и во всеобщемъ образованіи не было еще той дѣятельности и движенія, которыя нынѣ, замѣтнымъ образомъ, подвигаютъ впередъ наше умственное и нравственное воспитаніе.

Воспитаніе молодаго Дюра началось съ ногъ. Его обучили батманамъ и глисадамъ, потомъ принялись за грамматику. Но любовь къ искусствамъ всегда подавляла въ немъ всякую охоту къ умственному образованію. Онъ хотѣлъ учиться сердцемъ, а не памятью, и оказывалъ неимовѣрные успѣхи въ танцахъ, тогда, какъ географія и исторія хромали вслѣдъ за быстротою его ногъ.

«Я былъ всегда лѣнивъ,» говаривалъ мнѣ часто Дюръ. — «Я могъ пріобрѣсть *кое-что*, — и не пріобрѣлъ *ничего*. Моимъ теперешнимъ образованіемъ обязанъ я опыту жизни и собственному труду».

Въ то время хореграфомъ и учителемъ танцевъ въ училищѣ былъ геніальный Дидло. Онъ обстанавливалъ свои балеты съ удивительной неутомимостью и стараніемъ. Ему хотѣлось, чтобъ въ этихъ пластическихъ поэмахъ, выражались идеи его въ полнотѣ, чтобъ фантазія играла на сценѣ, такъ же свѣтло и радужно, какъ въ его головѣ. Добрый старикъ требовалъ почти не сбыточнаго. По крайней мѣрѣ онъ хотѣлъ, по возможности, передать свой идеалъ и для этого не щадилъ ни просьбъ, ни слезъ, ни пота, ни желчи. А если и это все не помогало, такъ прибѣгалъ не рѣдко ad argumenta lignea и подтверждалъ рѣзкими жестами то, въ чемъ не могъ убѣдить словами.

Въ толпѣ воспитанниковъ театральнаго училища орлиный взоръ этого великаго художника вскорѣ отличилъ маленькаго Дюра. Онъ сталъ обращать на него особенное вниманіе и замѣтилъ въ немъ удивительныя способности, самолюбіе и понятливость. Для Дюра достаточно было легкаго намека, короткаго объясненія мысли: и онъ постигалъ желаніе Дидло, тогда, какъ бѣдный балетмейстеръ долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы заставить другихъ, хоть механически, плясать подъ свою дудку.

Не прошло двухъ, трехъ лѣтъ, какъ маленькому артисту апплодировали ужъ на сценѣ, когда онъ являлся въ поэтическихъ твореніяхъ своего учителя, то *амуромъ*, то *пажемъ*, то *прелестнымъ малюткою*. Въ немъ ужъ было замѣтно лукавство; лице его говорило, какъ будто отъ души; въ движеніяхъ была совершенная свобода, изумлявшая въ ребенкѣ. Никто не могъ подозрѣвать въ его игрѣ заученнаго урока, притворства, ни даже грознаго учителя, который, стоя за кулисою, топалъ ногами и грозилъ пальцемъ при малѣйшей ошибкѣ въ па, при первомъ неудачномъ движеніи, при первой неловкой минѣ.

Публика любовалась милымъ ребенкомъ, когда онъ порхалъ по сценѣ лукавымъ амурчикомъ, публика хлопала ребенку, когда онъ танцовалъ граціозное па съ канарейкою въ рукахъ въ *Вечерѣ въ Саду*, и въ ребенкѣ родилось самолюбіе, которое росло съ нимъ вмѣстѣ и наконецъ направило его на истинную стезю художнической жизни. Съ годами примѣтно развивался талантъ Дюра. Онъ выросъ, станъ его образовался, онъ пріобрѣлъ апломбъ въ танцахъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ солистовъ въ балетѣ.

Какъ истинный художникъ, старикъ Дидло прилѣпился къ нему всѣмъ сердцемъ. Это было его созданіе, украшеніе его хореграфическихъ вымысловъ; поэзія ихъ была доступна молодой душѣ артиста. Всѣ надежды и радости Дидло сосредоточились на Дюрѣ. Сколько разъ, стоя за кулисой, онъ рвалъ на себѣ волосы, когда вдругъ видѣлъ, что Дюръ измѣнялъ его па, начиналъ не съ той ноги, сбивался въ пируэтѣ. Старикъ приходилъ въ отчаяніе, грозилъ ему палкою, посылалъ на него всѣ возможныя проклятія на трехъ діалектахъ, и призывалъ всѣ громы небесные и театральные, но вдругъ лице его яснѣло, свѣтлѣло, улыбалось; молодой артистъ начиналъ импровизацію, полную души и граціи, и грозный хореографъ, готовый за минуту въ неистовствѣ

готовый выпрыгнуть на сцену, со слезами кидался на шею къ Дюру и съ умиленнымъ видомъ поспѣшно совалъ ему цѣлковый въ руку.

Не смотря однакожъ на любовь Дидло къ ученику своему, не смотря на возрастающіе съ каждымъ днемъ успѣхи, Дюръ охладѣвалъ къ танцамъ. Балетъ представлялъ слишкомъ тѣсное поприще для его таланта: ему нужна была обширнѣйшая арена. Онъ хотѣлъ плѣнять не одними ногами, но умомъ, душею, страстью.

Дюръ понялъ, что изъ всѣхъ сценическихъ обольщеній, *живое слово* есть самое увлекательное: ни мимика, ни пластика, ни пантомима не могутъ замѣнить его. *Слово* даетъ жизнь и убиваетъ, *слово* рождаетъ улыбку и вызываетъ слезу, *слово* есть преимущество человѣка надъ прочими животными, словомъ... Дюръ захотѣлъ быть человѣкомъ.

Въ то время блистала на театрѣ сестра его, Любовь Осиповна. Окруженная поклонниками, осыпанная рукоплесканіями и подарками, прелестная собою и полная таланта, она царствовала на сценѣ. Въ партерѣ, въ ложахъ, въ райкѣ, въ гостиныхъ вельможъ и за прилавкомъ сидѣльца, вездѣ могущество ея было одинаково. Магическая игра ея увлекала всѣхъ. Одного мановенія ея черныхъ, блестящихъ глазъ было достаточно, чтобъ театръ загремѣлъ рукоплесканіями и криками, одного слова, высказаннаго отъ души, чтобъ все залилось слезами. Имя *Дюровой* не произносилось безъ восторга. И надо сказать правду, съ кончины Дюровой на нашихъ сценахъ не было еще артистки, которая замѣнила бы ее вполнѣ.

Дюръ видѣлъ успѣхи сестры своей: они его увлекали. Онъ посѣщалъ ее часто. Слава и удовольствія, ладанъ лести и похвалъ, въ которыхъ она утопала, отравили молодое воображеніе артиста. Онъ почувствовалъ впервые всѣ свои силы, онъ убѣдился въ своемъ призваніи, и съ этой минуты судьба его была рѣшена: «Я буду актеромъ!» сказалъ онъ, и драматическій театръ сдѣлался предметомъ его изученія, всѣхъ его надеждъ и желаній.

И кто остался бы равнодушнымъ на его мѣстѣ, чувствуя въ себѣ столько пылкихъ движеній, что грудь становилась для нихъ тѣсною и однѣ горячія слезы могли облегчать біеніе сердца, жаднаго ко всему высокому и прекрасному?

Сцена тогда была въ цвѣтущемъ состояніи. Въ полномъ блескѣ славы стояли на ней Сосницкій и Брянскій, Каратыгинъ и дѣвица Колосова (нынѣ Каратыгина), Семенова и Валберховъ, и Величкинъ на первомъ комическомъ амплуа, со всѣми своими недостатками и неестественностію. Дюръ съ наслажденіемъ слѣдилъ за ихъ успѣхами. Онъ видѣлъ, какъ тысячи глазъ были устремлены на этихъ артистовъ, какъ тысячи рукъ апплодировали имъ въ восторгѣ, какъ тысячи голосовъ требовали ихъ появленія на сцену! И когда среди возгласовъ и шума являлся торжествующій артистъ и, съ самодовольной важностію, раскланивался передъ публикой, вся кровь ударяла въ голову Дюра: онъ хотѣлъ той же славы, тогоже участія, тѣхъ же привѣтовъ любви и благосклонности народной; и внутренній голосъ шепталъ ему: «впередъ! впередъ! ты будешь тоже, что они!»

Мысль эта занимала постоянно умъ и сердце Дюра. Часто глаза учителей школы напрасно искали его между воспитанниками; самые любимые его предметы оставались безъ вниманія:

классы танцованія и музыки были имъ забыты.

Между тѣмъ онъ смотрѣлъ пробу новой пiесы изъ-за потаенной кулисы или хлопоталъ, какъ аксесуаръ, на сценѣ. Сотоварищи подозрѣвали, что онъ влюбленъ въ кого нибудь изъ молодыхъ драматическихъ артистокъ. И точно: Дюръ былъ дѣйствительно влюбленъ. Онъ былъ влюбленъ со всѣмъ пыломъ молодой страсти въ красавицу, лучше которой не находилъ въ мірѣ, въ которой видѣлъ все свое блаженство. Онъ былъ влюбленъ въ Драму, полную прелести и увлеченія. Ей посвящалъ онъ всѣ свои мечты и надежды, всѣ вздохи и напѣвы.

Вскорѣ страсть его обнаружилась. Тогда театральное училище не имѣло еще своего театра. Между товарищами школы, Дюръ пользовался тѣмъ еще уваженіемъ и возвышенностію, которыя пріобрѣлъ нѣкогда между уличными друзьями. Онъ обнаружилъ имъ свою душу. Примѣръ его и жаръ, съ которымъ онъ говорилъ объ искусствѣ увлекъ многихъ. Вскорѣ составился кружокъ изъ молодыхъ артистовъ, которые всѣ хотѣли итти по одной стезѣ съ Дюромъ. Но прежде, чѣмъ вступить на сцену, надлежало испытать свои силы, попробывать способности, пріобрѣсть нѣкоторый навыкъ. Была сдѣлана маленькая складчина, куплены обойная бумага и краски и на скорую руку соорудился небольшой театръ въ одномъ изъ дортуаровъ мужской половины.

На этомъ театрѣ, по ночамъ, когда все предавалось покою, труппа молодыхъ артистовъ тайкомъ разыгрывала не большія пiесы, для которыхъ Дюръ сочинялъ музыку, а Сѣрковъ писалъ декораціи.

Дюръ былъ очень моложавъ на лицо. Необыкновенная бѣлизна, румянецъ во всю щеку и бѣлокурыя кудри на головѣ придавали ему видъ женоподобный. Управляя своимъ маленькимъ театромъ, онъ самъ занялъ на немъ амплуа первыхъ любовницъ, кокетокъ и наивныхъ крестьяночекъ. Въ женскихъ роляхъ началъ онъ свои дебюты и почти вездѣ старался подражать сестрамъ родной или двоюродной. Но въ самомъ подражаніи ужъ была видна нѣкоторая самобытность таланта и необыкновенная увѣренность на сценѣ. Зрителями въ сихъ спектакляхъ были товарищи актеровъ, слѣдовательно одобренія и хула расточались открыто, возгласами одобрительными или самой простой и натуральной критикой: «Дурно, братъ! Плохо! не то! совсѣмъ не то!»

Тутъ завязывался обыкновенно споръ между дѣйствующимъ и рецензентомъ, и споръ этотъ былъ благодѣтеленъ: артистъ пріучался думать о своихъ роляхъ, рисовать свои характеры. Дюръ самъ часто говаривалъ, что школьные спектакли принесли ему величайшую пользу.

Этотъ тайный храмъ музъ, въ которомъ ноги уступали первенство головѣ, и гдѣ юные, гонимые жрецы приносили усердныя жертвы Таліи и Мельпоменѣ, вскорѣ возникъ изъ праха и забвенія. Воспитанники театральнаго училища успѣли заинтересовать въ своемъ дѣлѣ стараго, опытнаго актера Мезьера, который былъ режиссеромъ французской труппы и учителемъ французскаго языка въ школѣ. Они увѣрили Мезьера, что театръ былъ бы для нихъ легчайшимъ способомъ къ изученію французскаго языка. Мысль понравилась Мезьеру. Онъ тотчасъ донесъ объ ней комитету, которымъ тогда управлялся театръ и дѣло закипѣло. Въ большой залѣ построили театръ, декораціи и костюмы были сдѣланы, лампы прибиты, роли розданы и мо

лодые артисты торжественно расхаживали по сценѣ, не опасаясь грознаго надзирателя, страшнаго инспектора и еще страшнѣйшаго Дидло. Такимъ образомъ, чрезъ французскій языкъ, они достигли до русской сцены.

Нѣсколько французскихъ піесъ было разучено и сыграно на этомъ театрѣ, подъ руководствомъ Мезьера. Дюръ занималъ въ нихъ главныя комическія роли. Особенно хорошо игралъ онъ въ двухъ комедіяхъ: Le mari et l'amant, (Мужъ и любовникъ) и въ: Les fausses infidelités (Притворная невѣрность). За тѣмъ слѣдовало нѣсколько русскихъ піесъ, въ которыхъ онъ въ первый разъ показалъ свое комическое дарованіе.

Новое это поприще отвлекло Дюра совершенно отъ настоящаго дѣла, отъ пируэтовъ и па-де-зефировъ. Дидло сперва ворчалъ, потомъ сталъ безпокоиться, потомъ сердиться, жаловаться, браниться, и... и такъ далѣе.

Дюръ любилъ и уважалъ Дидло, но ему не нравилось въ немъ слишкомъ поэтическое увлеченіе въ минуты горячности: его помтомима была черезъ чуръ понятна и чувствительна для другихъ. Дюръ рѣшительно оказался ослушникомъ противъ Дидло и объявилъ, что не хочетъ болѣе танцовать въ балетѣ, что онъ намѣренъ быть человѣкомъ съ головой и потому презираетъ ноги и все, что до нихъ касается: батманы и пируэты, прыжки и антраша.

Непріятельская бомба, упавшая передъ самою палаткою полководца, не произвела бы такого смятѣнія, какое произвела смѣлая рѣшимость Дюра. Училище, балетъ, дирекція, — все пришло въ волненіе. Послѣ жаркой сцены, гдѣ слова и жесты летали, какъ пули, Дидло побѣжалъ къ директору — жаловаться; Дюръ бросился къ князю А. А. Шаховскому — просить защиты.

Князь Александръ Александровичъ принадлежалъ тогда къ театральному комитету. Это была самая блестящая эпоха его драматической жизни: онъ писалъ своего Аристофана и образовывалъ совѣтами и уроками, порученную ему труппу.

Онъ былъ занятъ чтеніемъ какой-то духовной книги, когда взволнованный Дюръ вбѣжалъ къ нему въ комнату, безъ доклада.

«Я хочу быть актеромъ, князь! Спасите отъ Дидло и балета!» кричалъ молодой артистъ. — «Актеромъ! сказалъ князь, и по лицу его пробѣжала улыбка удовольствія. — Въ добрый часъ! Но можешь ли ты играть?» — «Постараюсь! Охота есть, можетъ быть найдется дарованіе.» Отвѣчалъ Дюръ съ робостію.

Князь обошелъ вокругъ своего кліента; смѣрилъ его глазами съ ногъ до головы, приподнялъ ему подбородокъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ, потомъ опять подошелъ и съ радостнымъ лицомъ сказалъ.

»Да! да! Ты будешь славный *трагическій* актеръ!»

Черезъ десять минутъ дѣло было слажено: молодой Телемакъ и новый его Менторъ ѣхали вмѣстѣ въ комитетъ.

Тутъ началась новая сцена. Убѣжденія и доводы лились съ обѣихъ сторонъ. Дидло доказывалъ, что балетъ есть вѣнецъ всѣхъ поэтическихъ созданій; Шаховской утверждалъ, что только драма имѣетъ права въ области поэзіи. Дидло говорилъ, что Дюръ будетъ лучшимъ украшеніемъ балета; Шаховскій предсказывалъ въ немъ геніальнаго актера. Драма и балетъ были брошены на вѣсы и чаши колебались. Споръ становился жи-

вѣе, жарче. Бѣдный артистъ стоялъ молча, блѣдный, потупя взоръ, между надеждою и страхомъ.

Наконецъ комитетъ рѣшилъ споръ. Дюру опредѣлено было показать свое умѣнье на сценѣ театральнаго училища.

Вотъ наступилъ день дебюта. Дюръ выбралъ себѣ роль Грифьяка въ Фениксѣ. Въ первый разъ школьный театръ освѣтился торжественными огнями, въ первый разъ зала его вмѣстила многочисленную публику. Въ первомъ ряду, между цѣнителями и судьями, сидѣли, молча, два претендента на рождающійся талантъ.

Занавѣсъ взвился. Дюръ вышелъ съ сильнымъ біеніемъ сердца, но смѣло. Участь его рѣшилась. Первый апплодисманъ придалъ ему силъ и жизни. Роль была выполнена съ жаромъ, съ умомъ, съ ловкостью. Тутъ все, что можно было требовать отъ начинающаго артиста. Князь Шаховской плакалъ отъ радости, Дидло отъ досады. Комитетъ апплодировалъ. Дебютантъ имѣлъ полный успѣхъ и съ восторгомъ услышалъ приговоръ своихъ властителей: *будь актеромъ!* Дидло плюнулъ, назвалъ его неблагодарнымъ и излилъ на него все свое негодованіе

Такимъ образомъ, съ одобреніемъ князя Шаховскаго и съ негодованіемъ Дидло, двухъ людей равно великихъ въ драматургіи, равно пламенныхъ и жадныхъ къ искусству, Дюръ вступилъ на помосты малаго театра.

Тутъ открывалось ему обширное поприще, но оно было полно народа: всѣ толкались, таланты обгоняли другъ друга, честолюбіе подстрекало прихрамывающихъ, а зависть и интрига, какъ вездѣ, подставляли имъ ноги. Сколько камней преткновенія долженъ былъ встрѣтить нашъ юный артистъ, съ какими трудностями надлежало ему бороться прежде, чѣмъ онъ достигъ той степени извѣстности, съ которой похитила его неумолимая смерть!

—

Сценическое поприще Дюра.

Въ 1829 году 1-го ноября, Дюръ былъ награжденъ подаркомъ *за прилежаніе и успѣхи* и выпущенъ изъ школы.

Онъ началъ играть маленькія роли въ драмахъ и трагедіяхъ: *Роллера* — въ *Разбойникахъ*, *Альберти* — въ *Жизни игрока*, *Наторіуса* — въ *Двухъ Фигаро* и тому подобныя. Таланту его негдѣ было развернуться. Лучшія амплуа были заняты отличными артистами. Онъ игралъ въ трагедіяхъ ради предсказанія князя Шаховскаго, а въ комедіи, куда влекло его сердце, гдѣ ему хотѣлось попробывать силъ своихъ, въ то время торжествовалъ неподражаемый Рязанцевъ. Трудно было начинающему артисту бороться съ такимъ актеромъ, котораго слава была скрѣплена приговорами двухъ русскихъ столицъ. Между тѣмъ Дюръ скучалъ бездѣятельностію. Пламенный его характеръ требовалъ движенія. Опера представляла больше простора для его таланта. Дюръ ударился въ изученіе музыки, пристрастіе къ которой развилось въ немъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

Еще въ школѣ Дюръ игралъ довольно хорошо на флажіолетѣ, теперь онъ началъ прилежно учиться игрѣ на фортепіано и пѣнію. Первымъ его учителемъ былъ Біанки, но вскорѣ потомъ онъ перешелъ къ Антону Сапіенца, который помѣстилъ его въ своей квартирѣ, и, замѣчая въ немъ необыкновенныя музыкальныя способности, старался дать имъ хорошее направленіе и

развить голосъ и вкусъ молодаго артиста. Объ музыкальной жизни своей у Сапіенца Дюръ всегда вспоминалъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ. Наконецъ Сапіенца рѣшился выпустить своего ученика на сцену. Дюру были даны нѣкоторыя партіи изъ италіянскихъ оперъ, которыя съ нимъ проходилъ К. К. Кавосъ. Первый дебютъ Дюра въ оперѣ былъ блистательный. Чистый, свѣжій баритонъ, необыкновенная гибкость въ колоратурахъ и пріятная манера въ пѣніи заставляли слушать его каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ. Никто на русскомъ театрѣ не умѣлъ такъ спѣть италіянской музыки, какъ онъ, и успѣхи его росли съ каждой новой партіей, въ которой онъ выходилъ на сцену.

Первая его роль въ оперѣ была *Брюнеля* — въ *Женевьвѣ Брабантской*. За нею слѣдовали роли: *Любима* — въ *Рѣдкой вещи*, *Бартоло* — въ *Севильскомъ цирюльникѣ*; *Мазето и Лепорелло* — въ *Донъ-Жуанѣ*; *Папагена* — въ *Волшебной флейтѣ*, *Подеста* — въ *Сорокѣ воровкѣ*; *Маньифико* — въ *Ченерентолѣ*; *Стефана и Корнеева* — въ *Милліонщикѣ*; *Омара* — въ *Осадѣ Коринѳа*; *Гикиы* — въ *Панѣ Твердовскомъ*; *Раймонда* — въ *Вавилонскихъ развалинахъ* и другія.

И такъ Дюръ въ одно и тоже время былъ трагикъ, комикъ, пѣвецъ и танцоръ. Въ одно и тоже время онъ занималъ самыя разнородныя амплуа; игралъ самыя несходныя роли, какъ, напримѣръ: *Подеста* въ *Ченерентолѣ*, *Василья* — въ *Филаткѣ и Мирошкѣ*, *Грифьяка* — въ *Фениксѣ*, *Альберта* въ *Игрокѣ* и *Вѣстника* въ *Пожарскомъ*.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Дюръ трудился неутомимо. Онъ съ жадностію принимался за каждую маленькую роль, которую ему присылали и старался сдѣлать изъ нея что нибудь, если не эфектное, такъ, по крайней мѣрѣ, замѣчательное. «Въ большой роли — каждый артистъ — талантъ!» говаривалъ онъ: «Но показать талантъ въ ничтожной роли — значитъ быть артистомъ!» И дѣйствительно, это правило сдѣлало Дюра великимъ актеромъ, тогда, какъ многіе молодые люди съ талантомъ, остаются ничтожными отъ того только, что ищутъ ефектныхъ ролей и пренебрегаютъ маленькими. Музыка была главнымъ занятіемъ Дюра, ей посвящалъ онъ весь свой досугъ и не только упражнялъ голосъ, но даже сочинялъ романсы и куплеты, которыхъ долго не дерзалъ отдавать на сцену, не довѣряя своимъ силамъ и знанію.

Наконецъ въ печальный холерный годъ театръ русскій понесъ великую утрату: жестокая болѣзнь похитила Рязанцова съ славнаго его поприща. Комедія и водевиль осиротѣли. Тогда одна оставалась надежда на Дюра, который ужъ неоднократно показывалъ опыты своего гибкаго, прекраснаго комическаго дарованія. Роли посыпались на него золотымъ дождемъ. Надъ каждою изъ нихъ онъ трудился день и ночь. Съ каждымъ появленіемъ на сцену встрѣчалъ его новый успѣхъ. Тутъ необыкновенный талантъ его обнаружился вполнѣ. Онъ долженъ былъ итти по стопамъ актера, который былъ столько же славенъ, какъ и любимъ, не походить на него и быть столь же великимъ, какъ онъ. Иначе шансы были бы не ровныя и послѣдующему надлежало уничтожиться передъ предъидущимъ. Но Дюръ съ честью вышелъ изъ труднаго боя и послѣ славнаго заката, новая заря просіяла для нашей сцены и лучезарно разлилась надъ его головою.

Быстрые и блестящіе успѣхи Дюра привлекли къ нему множество молодыхъ людей, которые старались наперерывъ оказывать ему пріязнь свою пирами и угощеніями. Дюръ былъ молодъ: веселая жизнь, послѣ тяжкихъ трудовъ по сценѣ, плѣняла душу его. Непримѣтнымъ образомъ онъ привыкалъ къ разгулу. Острыя слова за вкуснымъ обѣдомъ, веселыя поѣздки, искрометная игра винъ, и прелесть женщинъ, которыя приходили отъ него въ восторгъ, все щекотало молодое воображеніе. При его пламенномъ темпераментѣ привычка пировъ обратилась ему въ потребность. Ночи проводилъ онъ съ разгульной молодежью, утро посвящалъ ученію, вечеръ сценѣ, для отдыха времени не оставалось. Каждый день прибывали новыя роли и новые друзья, а время и здоровье утекало незамѣтно. Требовалась необыкновенная крѣпость силъ, чтобъ перенести столько потрясеній нравственныхъ и физическихъ, онъ не имѣлъ ея. Онъ не успѣвалъ остыть отъ вѣчнаго пламени, въ которомъ обращался. Слѣдствія были печальны. Въ 1834 году онъ былъ близокъ къ чахоткѣ. Силы его ослабли, воображеніе притуплялось, энергія исчезла. Дирекція нашлась въ необходимости послать его въ Гапсаль, чтобъ сохранить жизнь драгоцѣннаго для нея актера.

Поѣздка въ Гапсаль развлекла нашего артиста, а грязи Гапсальскія укрѣпили его здоровье. Онъ всегда съ особеннымъ наслажденіемъ разсказывалъ о своемъ *заграничномъ путешествіи въ Нѣмецію*, такъ называлъ онъ свою поѣздку. Осенью того-же года онъ возвратился въ Петербургъ съ обновленными силами и съ новою славою началъ свое сценическое поприще ролью *Жовіаля*, въ *Стряпчемъ подъ столомъ*. Превосходное созданіе этой роли, одушевленная игра его и мастерство пѣть куплеты, доставили водевилю неслыханный успѣхъ, который не охладился слишкомъ тридцатью представленіями.

Съ этой эпохи начинается его истинная слава, какъ комическаго актера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенный переворотъ въ жизни.

Въ это время на нѣмецкой сценѣ была поставлена опера *Фенелла*. Въ ней выступила въ первый разъ дѣвица Навицкая. То былъ роскошный цвѣтокъ, взлелѣянный въ теплицѣ театральнаго училища. Она очаровала всѣхъ красотою и талантомъ. Апплодисманамъ, вызовамъ, восторгамъ не было конца. Оперу давали черезъ день. Дамы носили прически и корсажи à la Fenella, мужчины жилеты и сердца à la Навицкая. Среди всеобщихъ криковъ, вздоховъ и слезъ, могъ ли оставаться хладнокровнымъ Дюръ, съ его огненнымъ характеромъ, съ его страстнымъ увлеченіемъ?

Онъ лучше всѣхъ умѣлъ оцѣнить грацію и талантъ Навицкой и красота ея глубже врѣзывалась въ его сердце. Словомъ, дѣло кончилось страстью самой пламенной, самой ексцентрической: безсонницами, безумствами, слезами. Но бурные порывы его любви совсѣмъ не дружились съ наивнымъ, дѣтскимъ характеромъ семнадцатилѣтней мимистки. Это приводило его въ отчаяніе, а ей доставляло веселыя минуты. И въ самомъ дѣлѣ, каждый влюбленный юноша сбиваетъ нѣсколько на Жокриса, а влюбленный комикъ имѣетъ двойное на это право. Когда Дюръ плакалъ, Навицкая смѣялась. Его страданія были ей смѣшны, но непонятны. Безпечный характеръ ребенка, которому не настала еще пора любви, высказывался въ ея глазахъ, но Дюръ боялся дожидаться этой поры: соперниковъ было слишкомъ много. Онъ

имѣлъ прекрасное сердце и превосходный талантъ, и все несъ ей въ жертву. Жертвы соперниковъ могли быть драгоцѣннѣе, но не лучше. Дюръ торопился. Въ 1835 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, не зная зачѣмъ, почему и какъ, юная, прелестная Навицкая сдѣлалась его женою.

Тутъ надо сказать къ чести его соперниковъ, что они не оставили своего позора безъ отмщенія. При первомъ появленіи Дюра на сцену, послѣ женитьбы, они его въ *первый разъ* ошикали. Дюръ съ торжествомъ принялъ ихъ благосклонность: лучше нельзя было отъиграться въ этомъ дѣлѣ. Онъ часто разсказывалъ, съ какимъ восторгомъ онъ сошелъ со сцены послѣ такаго пріема и цѣловалъ руки своей жены. Ему завидовали, ревность его торжествовала.

Само собой разумѣется, кто имѣетъ красавицу жену, которой аплодируютъ, и за которую мужу шикаютъ, тотъ прекращаетъ знакомство съ волокитами и ключъ отъ дверей держитъ въ карманѣ. Такъ сдѣлалъ Дюръ. Отсюда начинается его семейная жизнь, полная любви и счастія. Жизнь, которая еще тѣснѣе связала его со сценою, еще болѣе сдружила съ искусствомъ. Съ этихъ поръ, каждое новое созданіе ставило его ступенью выше. Онъ игралъ съ необыкновеннымъ жаромъ, онъ отдавался вполнѣ своей роли. Онъ зналъ, что изъ отдаленной ложи на него смотритъ пара глазъ, которые для него всего дороже въ мірѣ, что за каждый успѣхъ ждалъ его поцѣлуй, который пламеннѣе самаго жаркаго рукоплесканія.

Въ это время онъ создалъ множество превосходныхъ ролей. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ, и болѣе имъ любимыя, были слѣдующія: *Падчерицына*, въ *Хороша и дурна*; *Дюкре*, въ *Каретѣ*; *Молчалина*, въ *Горѣ отъ ума*; *Гидрогена*, въ *Домѣ сумасшедшихъ*; *Хватайкина*, въ *Ябедѣ*; *Ринальдо*, въ *Бандитѣ*; *Лафлера*, въ *Любовь и случай*; *Дюрана*, въ *Воспитанникѣ любви*; *Армидана*, въ *Нерѣшительномъ*; *Мишо*, — въ *Новомъ Парисѣ*; *Зябликова*, въ *Горѣ отъ тещи*; *Годиве*, въ *Мужѣ всѣхъ женъ*; *Хлестакова*, въ *Ревизорѣ*; *Педаля*, въ *Женѣ и зонтикѣ*; *Эдуарда*, въ *Артистѣ*; *Весельева*, въ *Тихомъ омутѣ черти водятся*; *Бурскаго*, въ *Покойникъ мужъ и вдова его*; *Антенора*, въ *Романтизмѣ*; *Морица*, въ *Катеринѣ*; *Жака*, въ *Терезѣ*; *Мальяра*, въ *Двухъ женщинахъ противъ одного мужчины*; *Фрейтага*, въ *Дѣвушкѣ-Гусарѣ*; *Адама*, въ *Сынѣ природы*; *Падчерицына*, въ *Крестномъ отцѣ*; *Иванова*, въ *Заемныхъ женахъ*; *слуги*, въ *Маркизѣ по неволѣ*; *Пройдохи* въ *Викторинѣ*; *Курочкина*, въ *Титулярныхъ совѣтникахъ*, *Дюкро*, въ *Двухъ отцахъ* и *двухъ купцахъ*; *Зальцбаха* въ *Луизѣ*. — Неоднократно Дюръ былъ отличенъ Монаршею милостію. За превосходную игру въ роляхъ *Эраста*, въ *первомъ Апрелѣ*, *Воспитанника любви*, *Ревизора*, и *Таковскаго*, въ *Ложѣ перваго яруса*, онъ получилъ драгоцѣнные подарки, а за роль въ *Артистѣ* удостоился Высочайшей благодарности.

Трудолюбіе и дѣятельность этого человѣка изумительны. Почти невѣроятнымъ покажется, когда я опредѣлю итогъ его новыхъ ролей въ продолженіи десяти лѣтъ, почерпнутый мною изъ его записной книги, гдѣ онъ постоянно велъ свой репертуаръ, съ перваго вступленія на сцену, до послѣдняго спектакля, въ которомъ участвовалъ. Съ 1828 по 1838 годъ, Дюръ сыгралъ 250 новыхъ ролей и дѣйствовалъ слишкомъ въ тысячѣ пяти стахъ спектакляхъ. Кромѣ своего собственнаго репертуара, онъ занялъ всѣ роли Рамазанова, Рязанцева, Шемаева и Ве-

личкина; а когда онъ заболѣлъ, почти всей нынѣшней труппы недостаточно было, чтобъ замѣнить его *одного*. Въ продолженіи всѣхъ сихъ десяти лѣтъ, Дюръ, при умѣренномъ жалованьи, получилъ три наградныхъ бенефиса и одинъ двадцати-восьмидневный отпускъ. Это время употребилъ онъ на поѣздку въ Москву, гдѣ, какъ гость, являлся въ десяти роляхъ.

Въ Москвѣ началось короткое мое сближеніе съ Дюромъ. Это было въ 1836 году, лѣтомъ. Онъ жилъ у меня въ домѣ и тутъ имѣлъ я случай узнать въ подробности его благородный характеръ, его рѣдкую душу и любовь къ театру. Первымъ дѣломъ его, по пріѣздѣ, было осмотрѣть древній Кремль и поклониться святынямъ Московскимъ. Я повелъ его чрезъ Никольскія ворота. Прекрасная площадь, зданія Сената, Оружейной палаты и арсеналъ, унизанный бахрамою изъ непріятельскихъ пушекъ, поразили его. Онъ нѣсколько разъ останавливался и смотрѣлъ во всѣ стороны. Но когда мы прошли соборы и Ивановскую колокольню, съ ихъ великолѣпными рѣшетками и золотыми главами, и очутились на обрывѣ горы, съ которой открывается цѣлая панорама церквей, дворцевъ и башенъ въ нестройной громадѣ, связанной лентою Москвы рѣки, Дюръ вдругъ остановился, какъ вкопаный. Молча пожалъ онъ мнѣ руку и глаза его были полны слезъ. Словъ у него недостало. Только прекрасная душа могла такъ сильно почувствовать величіе этого впечатлѣнія — и съ этой минуты, я еще болѣе полюбилъ Дюра. Наконецъ былъ назначенъ его дебютъ. Онъ выходилъ въ Ревизорѣ. Приготовляя костюмъ и пробѣгая роль, онъ признавался мнѣ, что робѣетъ.» Доселѣ я игралъ передъ публикой снисходительной, которая меня воспитала, прославила, избаловала. Она глядѣла на мою игру, какъ глядитъ баловница мать на любимое дитя свое. Но сюда я пріѣхалъ съ курьеромъ: слава моя летѣла впередъ и очищала для меня сцену. Здѣсь будутъ судить меня строго и правдиво: здѣсь станутъ сличать, здѣсь наведутъ справку въ моемъ послужномъ спискѣ Хоть чистъ онъ, а страшно! Чувствую, что я еще очень далекъ отъ того, чтобъ стать смѣло передъ критикой!» — Я ободрялъ его, какъ могъ. Эта робость есть вѣрный признакъ истиннаго дарованія, недовѣряющаго своимъ силамъ, всегда недовольнаго собою, даже въ тѣ минуты, когда увлекаетъ за собою цѣлую массу. Наконецъ наступила роковая минута. Занавѣсъ взвился, и Дюръ вышелъ на сцену. Градъ апплодисмановъ и браво посыпался со всѣхъ сторонъ и, между всеобщимъ ободрительнымъ взрывомъ послышалось нѣсколько непріязненныхъ звуковъ. Отъ чего они происходили, отъ мѣстнаго ли патріотизма, отъ шалости или недоброжелательства, неизвѣстно. Но они сильно оскорбили и поколебали бодрость нашего артиста. Піеса кончилась. Дюръ былъ вызванъ. Я поспѣшилъ домой, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ литераторовъ и страстныхъ любителей театра. Мы ожидали артиста съ торжествомъ, но онъ явился печальный, убитый, недовольный. Нѣсколько язвительныхъ звуковъ, отравили все очарованіе лестнаго пріема публики. Напрасно утѣшали мы его, увѣряя, что публика, благородная и всегда справедливая, приняла его съ единодушнымъ восторгомъ, и что безумство нѣсколькихъ повѣсъ не можетъ быть для него позорнымъ, тогда, какъ одно славное имя давало ему уже права на

всеобщее уваженіе. Дюръ оставался не утѣшнымъ и рѣшился на другой день ѣхать обратно въ Петербургъ.

Съ большимъ трудомъ заставилъ я его наконецъ отложить такое намѣреніе. Одно, что нѣсколько развлекало его въ эти, тяжкія для художника, минуты, было письмо, полученное въ тотъ вечеръ изъ Петербурга. Это было *первое письмо* отъ жены его, которой онъ со дня свадьбы еще ни разу не покидалъ, и которая въ этомъ письмѣ въ первый разъ назвала его мѣстоимѣніемъ *ты*. Послѣдующіе дебюты Дюра на Московской сценѣ были блистательны. Подъ конецъ публика осталась отъ него въ восторгѣ, а онъ отъ публики съ прекраснымъ бенефисомъ. 18 Іюля Дюръ отправился обратно въ Петербургъ, 7-го Августа я самъ по непремѣнному закону судебъ, поклонясь хранителямъ моей прекрасной родины, переселился на холодный сѣверъ, гдѣ ждали меня теплыя объятія Дюра. Я остановился у него въ домѣ. Дружба наша укрѣпилась самой тѣсной связью. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ наблюдалъ я Дюра въ его семейномъ кругу и въ художнической жизни. Вотъ результаты, которые я извлекъ изъ этого изученія и разговоровъ съ артистомъ.

Каждое утро Дюръ посвящалъ ученію, которое состояло въ громкомъ чтеніи ролей и въ пѣніи. Онъ запирался въ комнату одинъ на нѣсколько часовъ. Тамъ старался онъ найти настоящіе звуки и интонаціи для каждой фразы. Онъ перебиралъ всѣ возможныя выраженія голоса, пока останавливался на одномъ, которое казалось ему, по положенію, лѣтамъ и воспитанію лица, самымъ естественнымъ, и заучивалъ его почти механически. Для каждой роли онъ составлялъ сперва умственно канву, въ которую вставлялъ потомъ характеръ. Онъ обращалъ вниманіе на лѣта и званіе дѣйствующаго лица; разсматривалъ общество, въ которомъ онъ обращается и степень его образованности, потомъ переходилъ къ мѣсту и времени дѣйствія и наконецъ отдѣлялъ особенности характера изучаемаго лица отъ чертъ, общихъ каждому человѣку, при тѣхъ же условіяхъ. Такимъ образомъ у него составлялось цѣлое лице, которое и въ частности и въ общихъ чертахъ было всегда вѣрно и естественно. Потомъ придумывались ему приличный костюмъ, манеры и привычки. Для всѣхъ сихъ соображеній Дюръ, прежде чѣмъ приступалъ къ изученію своей роли, знакомился съ цѣлою піесой. Когда роль была у него готова, онъ отправлялся съ нею къ женѣ, она его прослушивала и дѣлала замѣчанія, часто весьма основательныя, которымъ Дюръ всегда слѣдовалъ. За изученіемъ ролей слѣдовало упражненіе въ музыкѣ. Часто заставалъ я его за роялемъ, фантазирующимъ, тогда какъ онъ сѣлъ къ нему для знакомства съ куплетами какого нибудь водевиля. Фантазія продолжалась обыкновенно нѣсколько часовъ сряду и оканчивалась иногда музыкальнымъ сочиненіемъ, которое онъ тутъ же писалъ карандашемъ на бумагу. Въ сочиненіяхъ его всегда очень хорошо обработана часть пѣнія; въ акомпаньементѣ и оркестровкѣ онъ иногда изысканъ: это происходило отъ желанія быть оригинальнымъ. Мелодіи его піесъ граціозны, игривы и обличаютъ много вкуса и хорошую школу. Но и тутъ Дюръ не довѣрялъ своему таланту. Каждое новое свое сочиненіе онъ показывалъ сперва опытнымъ музыкантамъ и бывалъ въ восторгѣ, когда они не находили въ немъ погрѣшностей противъ контра-пункта, которому Дюръ

учился самоучкою. Дюръ неохотно отдавалъ свою музыку на сцену и въ печать; много прекраснѣйшихъ арій, романсовъ и кантатъ оставались по нѣскольку лѣтъ въ пыли его бумагъ. Послѣ жены, музыка занимала первое мѣсто въ его сердцѣ. Каждую свободную минуту онъ игралъ и пѣлъ. Отнять у него фортепіано значило бы отнять пол-жизни. Онъ не могъ равнодушно слышать, когда при немъ прославляли посредственнаго пѣвца или плохаго артиста. Тутъ выходилъ онъ изъ себя, сарказмы и насмѣшки лились рѣкою, каждая черта лица, каждый взглядъ были эпиграммою и доказательства свои онъ подкрѣплялъ самыми оригинальными сравненіями. Дюръ издалъ три *альбома водевильныхъ куплетовъ* и шесть піесъ отдѣльной музыки. Между ними занимаютъ первое мѣсто: *Романсъ* изъ водевиля *«Мужъ какихъ много»,* съ акомпаньементомъ віолончеля, *Пѣсня Вероники* изъ трагедіи «Уголино,» и *пѣсни съ хоромъ* изъ *«Русалки»* Пушкина.

Достоинства Дюра, какъ актера, очень многосторонны. Первымъ, отличительнымъ качествомъ его, была *веселость*; вторымъ необыкновенное *разнообразіе.* Онъ выходилъ на сцену и все оживало. Веселость эта лилась у него прямо изъ души и сообщалась зрителю. Она часто пополняла цѣлую піесу, по себѣ сухую и вялую, и придавала жизнь и движеніе ея ходу. Даже другія дѣйствующія лица одушевлялись при появленіи Дюра, какъ бы отъ электрическаго удара. *Веселость* рѣдкое свойство въ актерѣ. Въ Россіи только Рязанцевъ, Живокини и Сабуровъ могли похвалиться этимъ достоинствомъ. Дюръ имѣлъ его въ высочайшей степени. *Веселость* и *чувство* въ актерѣ, какъ золото, оно не можетъ быть поддѣльно, обманъ тотчасъ видѣнъ. Можно прикинуться страстнымъ, пламеннымъ, живымъ, вѣтреннымъ, ловкимъ и смѣлымъ, *чувствительнымъ* и *веселымъ* — нельзя. Тутъ должна въ человѣкѣ говорить природа. Актеръ все займетъ у искусства, чтобъ побѣдить природу, кромѣ тѣхъ даровъ, на которые сама натура нерасточительна, а искусство — немощно; точно такъ, какъ бѣлила и румяна могутъ скрасить, но не скроютъ безобразнаго лица. Гдѣ требовались въ игрѣ *огонь* или *чувство,* тамъ у Дюра былъ въ нихъ такой избытокъ, что на излишки могли бы прославиться четыре второклассные артиста. Когда Дюръ былъ на сценѣ, онъ превращался въ представляемое лице и совсѣмъ забывалъ о своемъ индивидуальномъ существованіи. Это доказывается его болѣзнью: въ изнеможеніи, онъ поутру съ трудомъ могъ говорить, а вечеромъ выходилъ на сцену полный огня и энергіи, игралъ и пѣлъ съ всегдашнимъ одушевленіемъ, не щадя себя, не сберегая силъ, и возвратившись домой въ волненіи, говорилъ, что ему легче. Любовь къ театру превышала въ немъ чувство самосохраненія. Таковъ долженъ быть и всегда бываетъ истинный художникъ. Таковы были Гайднъ, Тассъ, Моліеръ, Веберъ, Тальма и Девріенъ. Дюръ, какъ отличный музыкантъ, мастерски пѣлъ водевильные куплеты, для которыхъ, по большой части, самъ сочинялъ музыку. Всегдашнее одушевленіе придавало игрѣ его живой и яркій колоритъ. Онъ отлично владѣлъ своимъ органомъ, который безпрерывнымъ упражненіемъ пріучилъ къ правильной и чистой дикціи. Умѣнье ясно и пріятно говорить на сценѣ первое условіе хорошаго актера; это дѣло трудное, но необходимое. Большая часть нашихъ молодыхъ актеровъ, за исключеніемъ Г-на Мартынова и еще немногихъ, не умѣютъ

говорить. Разговоръ ихъ похожъ на монотонный шумъ колесъ у парохода. Дикція актера должна имѣть свою скалу, и высокія и низкія ея ноты надо употреблять съ большимъ умѣньемъ. У Дюра интонаціи были всегда вѣрны. Никогда не случалось слышать, чтобъ онъ произнесъ на сценѣ слово неправильно или выразилъ фразу въ превратномъ смыслѣ; добродѣтель, противъ которой многіе очень часто грѣшатъ. По большей части Дюръ игралъ комическихъ стариковъ, но настоящій амплуа его былъ *первый комическій* (premier comique), то есть: повѣсъ, вѣтрениковъ, молодыхъ волокитъ и тому подобныя роли. Тутъ онъ былъ неподражаемъ. Сколько огня, чувства, какія манеры, сколько приличія и благородства, какъ ловокъ и развязенъ былъ онъ въ этомъ амплуа! — Изъ артистовъ больше всѣхъ уважалъ онъ И. И. Сосницкаго и всегда ставилъ себя много ниже его, не изъ ложнаго самолюбія, но изъ внутренняго чувства. Больше всѣхъ любилъ онъ Н. А. Каратыгина. Дюръ скучалъ, когда долго не имѣлъ новыхъ ролей, и всегда проходилъ старыя, хотя бы игралъ ихъ въ сороковой разъ; часто возвращался онъ домой недовольный собою, онъ находилъ, что ложно схватилъ характеръ лица или неловко выполнилъ сцену. Ни пріемъ публики, ни похвалы журналовъ и друзей не могли его разувѣрить въ такой мысли. «Я могъ сыграть очень хорошо — и сыгралъ посредственно!» говорилъ онъ, «самъ не знаю, что со мной сдѣлалось. Между ролями его были созданія, къ которымъ особенно лежала его душа. Онъ былъ счастливъ цѣлую недѣлю, когда такая пьеса назначалась на репертуаръ. Къ этимъ ролямъ принадлежали: Стряпчаго подъ столомъ, Дюкре въ каретѣ, Маляръ — въ двухъ женщинахъ, Артистъ, Макаръ Губкинъ — въ Студентѣ, хористѣ, Пузинъ — въ Отцѣ какихъ мало, и Бартоло — въ Севильскомъ цирюльникѣ.

Если Дюръ заслуживаетъ уваженіе, какъ артистъ, то еще большаго стоитъ онъ, какъ человѣкъ и гражданинъ. Едва ли въ нашъ томпаковый вѣкъ найдется другой мужъ, который бы въ продолженіи пяти лѣтъ любилъ свою жену съ такой постоянной, нѣжной, даже селадонической страстью, какъ Дюръ. Всѣ заботы его были устремлены на ея спокойствіе и счастіе. Ко всѣмъ своимъ занятіямъ умѣлъ онъ привить ея вліяніе. Изъ любви его къ театру, къ литературѣ и музыкѣ, наибольшая доля принадлежала ей. Мнѣ случалось нѣсколько разъ быть съ нимъ вмѣстѣ въ закрытой ложѣ большаго театра, когда Марья Дмитріевна Дюръ играла въ *Фенеллѣ* и въ *Дезертирѣ*; то лице Дюра прояснялось и сіяло, то вдругъ онъ вскакивалъ съ неистовствомъ, недовольный какою нибудь сценою, то опять въ восторгѣ начиналъ плакать, когда она своимъ прекраснымъ лицемъ выражала какое нибудь глубокое чувство. Въ эти минуты, Дюръ рѣшительно былъ похожъ на ребенка. Дюръ имѣлъ трехъ дочерей и сына. Онъ нѣжно любилъ дѣтей своихъ, прелестныхъ, полныхъ и милыхъ, но былъ очень несчастливъ. Въ 1837 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, онъ схоронилъ въ одну недѣлю старшую дочь свою Марію, тещу, которая жила у него въ домѣ и управляла всѣмъ хозяйствомъ, и новорожденную дочь, а въ Январѣ нынѣшняго года умеръ сынъ его Иванъ.

Дюръ жилъ умѣренно, но хорошо. Столъ его всегда имѣлъ нѣсколько лишнихъ приборовъ для друзей, которыхъ онъ любилъ и говорилъ имъ правду — отъ души. Никогда бѣд-

ный не уходилъ отъ двери его безъ помощи. Дюръ не тщеславился своей извѣстностью, не любилъ говорить о своихъ успѣхахъ и заслугахъ и вообще велъ себя скромно. Въ обществѣ онъ былъ веселъ, остеръ и любезенъ; дома болѣе серіозенъ. Нравъ его былъ вспыльчивъ, но добръ; въ одну минуту изъ льва онъ дѣлался ягненкомъ. Несправедливости, пристрастіе и низости выводили его изъ себя. Въ такихъ случаяхъ онъ давалъ волю своему негодованію, и языкъ его рѣзалъ и кололъ, какъ кинжалъ, обмокнутый въ желчь. Этимъ нажилъ онъ множество враговъ и неудачь въ жизни. За то эта прямизна души приковывала къ нему всякаго, кто зналъ короче его характеръ. Одно чувство было въ немъ развито до чрезвычайности: это было чувство благодарности. Никогда не забывалъ онъ благодѣяній Е. И. Колосовой, Дидло и Сапіенца. Онъ гордился ими и охотно разсказывалъ всѣмъ и каждому, какъ они извлекли его изъ ничтожества и сдѣлали человѣкомъ. Старикъ Дидло, встрѣчаясь въ послѣдствіи съ Дюромъ, обнималъ его со слезами и говорилъ: «Хорошо! хорошо! я радъ, а все жаль, что ты не танцуешь!» Кто умѣетъ быть благодарнымъ, тотъ имѣетъ сто добродѣтелей лишнихъ, ибо ничто не оскорбляетъ такъ человѣка, какъ память о благодѣяніяхъ ближнихъ. Это была лучшая черта Дюра. Любимый разговоръ его былъ о театрѣ, не о сплетняхъ закулисныхъ, но объ искусствѣ. Онъ судилъ здраво, взглядъ его былъ вѣренъ, приговоры иногда рѣзки, но всегда справедливы.

Послѣдніе дни жизни Дюра.

Въ одинъ изъ ясныхъ дней Августа мѣсяца прошедшаго года, веселая компанія собралась прогуляться по водѣ. Дюръ былъ въ числѣ охотниковъ. Предположено было отправиться къ взморью, на заколы, и бросить нѣсколько тоней на счастіе. Вечеръ былъ жаркій. Слѣдуя примѣру другихъ, Дюръ снялъ сюртукъ. Позднѣе, къ ночи, морской воздухъ сталъ сыръ и рѣзокъ, и проникалъ до мозга костей. Дюръ тутъ-же почувствовалъ лихорадочную дрожь и даже дома долго не могъ согрѣться. На слѣдующій день сильный насморкъ и хрипота явились признаками сильной простуды. Дюръ не принималъ никакихъ мѣръ, чтобъ остановить болѣзнь, почитая ее мимолётною. Онъ продолжалъ играть и притомъ самыя трудныя свои роли, требовавшія большихъ усилій. Лихорадочные параксисмы продолжались и, при безпрерывномъ напряженіи силъ, разслабляли Дюра совершенно. Когда сильный кашель, хрипота, боль въ горлѣ и слабость довели его до такой степени, что онъ едва могъ ходить и говорить, Дюръ рѣшился отказаться отъ представленій и, по усильному убѣжденію друзей, послать за докторомъ. Почти цѣлый мѣсяцъ продолжалась болѣзнь и Дюръ началъ примѣтно поправляться, но скучалъ въ бездѣйствіи. Во время своего выздоровленія занимался онъ музыкою и составилъ *третій альбомъ водевильныхъ куплетовъ.* Тутъ подоспѣлъ бенефисъ г-на Сосницкаго и водевиль: *Отецъ, какихъ мало.* Бенефисіянту было нужно имя *Дюра* — для афишки, автору водевиля — талантъ Дюра — для роли Пузина, а Дюру нужно было играть для душевнаго спокойствія. Не смотря ни на какія убѣжденія, онъ вышелъ на сцену еще слабый и больной. Онъ употребилъ всю свою энергію въ этой роли, тѣмъ болѣе, что въ числѣ зрителей находился Высочайшій покровитель его таланта. Характеръ Пузина срисованъ съ на-

туры: многіе изъ зрителей знали оригиналъ; Дюръ только слыхалъ объ немъ, но придалъ ему столько правды своей игрой и костюмомъ, что всѣ единогласно сознались, что Дюръ похожъ на него, какъ живое зеркало. Послѣ Пузина, Дюръ сыгралъ еще 12 ролей. Декабря 30-го онъ игралъ въ *Отцъ, какихъ мало*, въ послѣдній разъ, болѣе онъ не могъ: силы его были истощены. Болѣзнь приняла характеръ серіозный. Хрипота и боль въ горлѣ сдѣлались хроническими и обратились въ чахотку, которой признаки обнаруживались уже давно. Потеря любимаго сына, невозможность играть, довольно опасная болѣзнь жены, наполнили сердце его горестью и усилили болѣзнь. Дюръ слишкомъ рано постигъ настоящее свое положеніе и, не желая обманывать себя мечтами и надеждами, хотѣлъ по крайней мѣрѣ скрыть свои страданія отъ жены. Съ изумительной твердостью и терпѣніемъ сносилъ онъ жесточайшія боли, чтобъ жалобой или вздохомъ не встревожить ея сердца. Она съ такой увѣренностію, съ такимъ наслажденіемъ мечтала о скоромъ его выздоровленіи, что ему жаль было разрушить ея счастіе. Дюръ слегъ въ постель. Обыкновенно вспыльчивый, даже нѣсколько капризный его нравъ совершенно измѣнился; онъ сталъ кротокъ и покоренъ, какъ ягненокъ. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ, казалось, хотѣлъ бы обнять весь міръ и прижать къ груди, забывая о порокахъ, которые всегда преслѣдовалъ своимъ негодованіемъ и сарказмомъ. Онъ сталъ даже слабодушенъ, какъ ребенокъ. Часто заставали его одного, плачущимъ; предразсудки и повѣрья, которые онъ зналъ изъ дѣтства и отвергалъ въ зрѣломъ возрастѣ, теперь воцарились въ душѣ его: три свѣчки на столѣ — пугали его; просыпанная солонка — приводила въ содроганіе. Съ видимымъ сокрушеніемъ разставался онъ съ жизнью, хотя она вела его по тернамъ, рѣдко пересыпаннымъ цвѣтами. Но онъ достигалъ вершины крутой горы своего существованія, онъ только начиналъ узнавать счастіе, въ объятіяхъ обожаемой жены, въ самодовольствіи художническомъ, въ любви народной, въ предвкусіи довольства. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ наставалъ срокъ его десятилѣтней службы, дочь его укрѣплялась и стала улыбаться, Русская драма приходила въ движеніе.... Сколько надеждъ, сколько счастія! И не смотря на то, на этой льдистой вершинѣ надлежало разстаться съ жизнью! Умереть 32-хъ лѣтъ! Неизвѣдавъ многаго! Не свершивъ половины надеждъ своихъ! Положеніе ужасное! И въ этомъ положеніи Дюръ явился героемъ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, съ рѣдкою твердостію духа.

Государь Императоръ, всегда осыпавшій своими милостями талантъ Дюра, и тутъ простеръ царственную руку на помощь угасавшаго артиста. Его Величество послалъ ему своего Лейбъ-Медика, доктора Арндта и 1500 рублей вспоможенія, съ изъявленіемъ желанія, при первой возможности, отправить его со всѣмъ семействомъ въ Италію, для совершеннаго исцѣленія.

«Я не стою милостей великаго моего Монарха!» говорилъ Дюръ съ слезами- «Цѣлую стопы моего ангела хранителя! Но увы! Едва ли могу воспользоваться ЕГО щедротами: чувствую, что мнѣ предлежитъ путь въ иную страну, гдѣ источникъ всѣхъ благъ и всякаго исцѣленія» — Дюръ угасалъ примѣтнымъ образомъ. Ни заботы Высокаго покровителя, ни усилія Лейбъ-Медика Арндта, Генералъ-Штабъ-Доктора Гаевскаго, гг.

докторовъ Берса и Дворшека, ни попеченія родныхъ и друзей не могли вырвать артиста изъ объятій смерти, которая угнѣздившись въ груди, разливалась по всѣмъ его жиламъ. Но въ эти послѣдніе дни существованія, Дюръ испыталъ наслажденіе, которымъ можетъ гордиться артистъ. Каждый день квартира его была наполнена людьми, вовсе ему незнакомыми, которые пріѣзжали лично увѣриться въ состояніи его здоровья и соболѣзновать его положенію. Это было участіе цѣлой публики, которая признавала его достоинства и страшилась потерять своего любимца!

«О Боже мой! хоть одинъ годъ жизни, чтобъ я могъ показать, какъ умѣю чувствовать эту благосклонность! Что могу быть благодарнымъ!» восклицалъ Дюръ часто. «О, какъ я измѣню свою игру, сколько приложу заботъ и старанія!» — Но молитва его не была услышана. Съ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ Дюръ однажды утромъ, какъ въ прошлый вечеръ, простой Русскій мѣщанинъ усильно просился его видѣть и потомъ молился надъ его постелью и благословлялъ его. Множество врачей являлись, предлагая безденежно его пользовать, чтобъ только сохранить его дни. Дамы присылали ворожеекъ, знахъ и лекарокъ. Дюръ смѣялся и плакалъ. Любовь народная къ нему выразилась во всей ея силѣ—и онъ могъ гордиться этой любовью; она была заслужена трудомъ и талантомъ. Директоръ Императорскихъ театровъ, Тайный Совѣтникъ А. М. Гедеоновъ, самъ неоднократно посѣщалъ Дюра. Въ послѣднее посѣщеніе, Дюръ схватилъ его руку, съ жаромъ поцѣловалъ ее и воскликнулъ: «Вы много сдѣлали мнѣ добра, я умираю и оставлю по себѣ двухъ сиротъ, будьте моимъ благодѣтелемъ и за гробомъ!» Директоръ обѣщалъ сдѣлать все, что было въ его силахъ. За два дни до смерти, Дюръ получилъ отъ него слѣдующее письмо:

15-го Мая 1839.

«Любезный Николай Осиповичъ!

«Въ слѣдствіе твоей просьбы, я говорилъ съ Г. Министромъ, и онъ позволилъ мнѣ объявить тебѣ, что безъ сомнѣнія Государь Императоръ не оставитъ своими милостями жены и дочери твоей, въ случаѣ, еслибы мы имѣли горесть тебя лишиться. И такъ съ этой стороны ты долженъ быть совершенно спокоенъ; но я надѣюсь, что Всевышній сохранитъ тебя для счастья твоего семейства и для славы Русской сцены; и что ты еще самъ много лѣтъ будешь пользоваться милостями Его Императорскаго Величества, чего душевно тебѣ желая, пребываю съ истиннымъ уваженіемъ . . .

готовый къ услугамъ

Александръ Гедеоновъ.»

Благородный, великодушный характеръ директора вполнѣ выразился въ этихъ не многихъ строкахъ. Дюръ, бывалъ передъ нимъ виновенъ, и теперь только чувствовалъ всю свою несправедливость. Онъ съ жаромъ прижалъ письмо къ губамъ, потомъ къ сердцу, нѣсколько минутъ тихо молился и потомъ, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: «Теперь я могу умереть спокойно!» «Милый Беккеръ!» продолжалъ онъ, «Поди къ Александру Михайловичу! Скажи ему, если за гробомъ можно молиться, я буду молиться за него и за его семейство!» Больше онъ не могъ говорить, слезы прерывали слова. Послѣ сего Дюръ принялъ святое соборованіе и миропомазаніе, причемъ самъ держалъ свѣчку и громко читалъ

молитвы. До священнаго обряда, онъ спросилъ своего духовника, можетъ ли онъ послѣ того еще разъ поцѣловать жену! «Даже играть можете!» возразилъ священникъ. Дюръ покачалъ головою и горько улыбнулся. За нѣсколько дней до смерти онъ послалъ жену свою въ гостинный дворъ за покупками. Во время ея отсутствія онъ велѣлъ подать себѣ листъ бумаги и карандашъ и сдѣлалъ всѣ нужныя предсмертныя распоряженія: онъ не забылъ малѣйшихъ мелочей и никого изъ своихъ близкихъ. За тѣмъ слѣдовало наставленіе женѣ на счетъ воспитанія дочери и какъ ей самой надлежало жить послѣ него. Онъ отдалъ тихонько завѣщаніе П. А. Каратыгину, прося привесть оное въ исполненіе послѣ его смерти. Во время своей болѣзни онъ любилъ говорить о драматическомъ искусствѣ и прилежно читалъ журналы и всѣ вновь выходящія книги, но когда начинался разговоръ о сценѣ и новыхъ піесахъ онъ приходилъ въ явное потрясеніе и тотчасъ отклонялъ рѣчь на другіе предметы. Мысль, что онъ не вступитъ больше на помостъ театра была для него мучительнѣй самой болѣзни — тяжкой и продолжительной. Въ послѣдніе дни П. Каратыгинъ и Н. Беккеръ были при немъ почти безотлучно. Дюръ былъ очень труденъ и не въ силахъ скрывать свои жестокія страданія. 8 Мая ему стало полегче. Онъ говорилъ много: давалъ наставленія женѣ, просилъ молодыхъ авторовъ не оставить ее, въ случаѣ, если дадутъ ей бенефисъ, прощался со всѣми. Къ вечеру 16 Мая онъ сталъ труднѣе. Въ половинѣ осьмаго, онъ взглянулъ на стѣнные часы и, вспомня, что П. Каратыгинъ занятъ въ спектаклѣ, сказалъ ему, чтобъ онъ шелъ въ театръ и не опоздалъ къ первой піесѣ. Потомъ онъ остался одинъ съ Н. Беккеромъ. Они сидѣли молча. Дюръ закрылъ глаза и, казалось, тихо заснулъ. Но вдругъ онъ взглянулъ вокругъ себя: «Что-то темно, солнце еще не сѣло. Подымите сторы! Беккеръ поднялъ стору. Онъ взглянулъ на небо «Приподнимите мою подушку, другъ мой! сказалъ онъ слабо. Беккеръ исполнилъ его желаніе, но вдругъ Дюръ схватилъ его руку, пожалъ ее судорожно и воскликнулъ: «Умираю! . . . Умираю . . . У . . . ми - ра . . . ю!»

Нашего артиста не стало. Часы пробыли восемъ.

Духовникъ Дюра и медикъ сознавались, что они еще никогда не видали человѣка, переносившаго съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ тяжкія муки и съ такою твердостію шедшаго на встрѣчу смерти. По завѣщанію и просьбѣ его, локонъ жены былъ ему положенъ на грудь.

19 числа Мая хоронили Дюра на Смоленскомъ кладбищѣ, по желанію его, рядомъ съ сестрою и дѣтьми. Всѣ артисты русскіе, какъ драматическіе, такъ и оперные, многіе иностранные актеры, молодые литераторы, всѣ почти драматическіе писатели, начальство театра и многочисленные друзья его между публикой, провожали гробъ пѣшкомъ до самой могилы.

Дюръ былъ оплаканъ чистосердечно, какъ заслуживалъ за свой талантъ и свое сердце. Память его навсегда сохранится въ Исторіи русскаго театра, котораго онъ былъ украшеніемъ. Мѣсто Дюра на сценѣ на долго останется безъ замѣны. Къ нему можно смѣло примѣнить стихъ:

«Завистниковъ имѣлъ, соперниковъ не зналъ!»

Посвящаю строки сіи памяти великаго артиста и всѣмъ друзьямъ его

таланта, въ полной увѣренности, что любовь къ нему долго не охладѣетъ въ сердцахъ всѣхъ благородныхъ и здравомыслящихъ людей. На нее можной смѣло опереться: это лучшій послужной списокъ артиста; а любовь эту публика выразила вниманіемъ къ нему — во время жизни, участіемъ — во время болѣзни, печалью — на похоронахъ и усердіемъ, которое изъявило купечество, прося позволенія воздвигнуть ему памятникъ.

ѲЕДОРЪ КОНИ.

РЕПЕРТУАРЪ
С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

1839 года,

Съ 1 по 30 Іюня.

С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

2. *Ал. т.* Отецъ Дебютантки, ком. въ 5 отдѣл. Будьте здоровы, вод. въ 1 д. Праздникъ на островѣ, интерм. въ 1 д.
4. *Ал. т.* Русскій человѣкъ добро помнитъ, драмат. быль въ 1 д. Чего на свѣтѣ не бываетъ! вод. въ 1 д. Тереза, драм.-вод въ 1 д.
5. *Бол. т.* Возстаніе въ Сералѣ, бал. въ 3 д. 1-е дѣйств. оперы: Невѣста лунатикъ. (Въ пользу г. Телешовой 2-й.)
6. *Ал. т.* Смерть или честь! драма въ 5 д. Отецъ, какихъ мало, вод. въ 1 д.
7. *Ал. т.* Гугенотъ, ком. въ 3 д. Школьный другъ, вод въ 1 д. Вотъ каковы корнеты! вод. въ 1 д. Сей и оный, шут.-экспромтъ въ 1 д. Всѣ въ 1-й разъ (въ пользу г. Максимова 1.)
9. *Ал. т.* Гугенотъ, ком. въ 3 д. Школьный другъ, вод. въ 1 д. Вотъ каковы корнеты! вод. въ 1 д. Сей и оный, шут.-экспромтъ въ 1 д.
11. *Бол. т.* Бронзовый конь, опера въ 3 д.
12. *Михайл. т.* Тридцать лѣтъ игрока, драм. въ 5 д.
13. *Ал. т.* Иголкинъ, истор. быль въ 2 д. Барышня крестьянка, вод. въ 2 д. Первое Іюля въ Петергофѣ, шут.-вод. въ 1 д.
14. *Ал. т.* Сей и оный, шут.-эксп. въ 1 д. Будьте здоровы, вод. въ 1 д. Чиновникъ по особымъ порученіямъ, вод въ 1 д.
15. *Бол. т.* Жизнь за Царя, опера въ 4 д. Маскарадъ, дивертиссементъ (въ пользу г. Зубовой).
16. *Ал. т.* Разбойники, трагед. въ 5 д. Бабушка и внучка, ком.-вод. въ 1 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

28 Мая. *Пар. т.* Титулярные совѣтники, вод. въ 1 д. Купеческая дочка, вод. въ 1 д. Филатка и Мирошка, интерм. съ плясками.

1. Іюня. *Бол. т.* Разбойники, трагед. въ 5 д.
2. *Пар. т.* Ревизоръ, ком. въ 5 д.
4. *Пар. т.* Лукреція, вод. въ 1 д. Любовное зелье, вод. въ 1. д. Гулянье въ Сокольникахъ, диверт.
8. *Бол. т.* Цампа, оп. въ 3 д.
9. *Пар. т.* Мирандолина, ком. въ 3 д Игры Париса, балетъ въ 1 д.
11. Женихъ на расхвать, вод. въ 1 д. Жена Кавалериста, вод. въ 1 д. Пріѣздъ жениха, интерм. въ 1 д. съ танцами.
13. *Бол. т.* Игрокъ, тр. въ 3 д. (съ г. Славинымъ).
15. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.
16. *Пар. т.* Школа женщинъ, ком. въ 5 дѣйст. Дивертиссементъ.

18. *Ал. т.* Кремневъ, народ.-драм. предст. въ 3 д. Имянины благодѣтельнаго помѣщика, интерм.-вод. въ 1 д.

19. *Ал. т.* Три свиданія, вод. въ 1 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д. Двѣ станціи, вод. въ 2 д. Сергѣй Ананьевъ. Пятаковъ, вод. въ 1 д., все въ 1-й разъ (въ пользу г. Мартынова).

21. *Бол. т.* Возстаніе въ Сералѣ, бал. въ 3 д. Швейцарская хижина, опера въ 1 д. (въ пользу г. Гольца).

22. *Ал. т.* Дѣдушка Русскаго флота, истор. быль въ 1 д. Заемный мужъ, вод. въ 1 д. Будьте здоровы, вод. въ 1 д.

23. *Ал. т.* Три свиданія, вод въ 1 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д. Двѣ станціи, вод. въ 2 д. С. Пятаковъ, вод. въ 1 д.

25. *Бол. т.* Жизнь за Царя, опера въ 4 д.

26. *Ал. т.* 2-е и 3-е дѣйст. комед. Горе отъ ума. Юные романтики, анекд.-вод. въ 1 д. въ 1-й разъ. Сцены изъ 4-го дѣйст. трагед. Гамлетъ. Жена, какихъ мало, ком.-вод. въ 1 д. (въ пользу г Куликова).

28. *Ал. т.* 2-е и 3-е д. комед. Горе отъ ума. Юные романтики, анек.-вод. въ 1 д. Сцены изъ 4 д. трагед. Гамлетъ. Жена, какихъ мало, ком.-вод. въ 1 д.

29. *Ал. т.* Три свиданія, вод. въ 1 д. Пятаковъ, вод. въ 1 д. Двѣ станціи, вод. въ 2 д. Таинств гость, вод. въ 1 д.

30. *Ал. т.* Кремневъ, народ.-драм. предст. въ 3 д. Домъ на Петербургской сторонѣ, вод. въ 1 д.

18. *Пар. т.* Чиновникъ по особымъ порученіемъ, вод. въ 1 д. Дезертеръ, вод. въ 1 д. Дивертиссементъ разнохарактерный.

22. *Бол. т.* Баядерка, оп. въ 2 д.

23. Хоть тресни, а женись! ком. въ 1 д. Суженаго конемъ не объѣдешь, вод. въ 1 д. Игры Париса, бал. въ 1 д.

При сей книжкѣ приложенъ портретъ Н. О. Дюра, не въ счетъ обѣщенныхъ двухъ, которые посланы для выгравированія въ Лондонъ и будутъ здѣсь получены, въ началѣ Октября сего года.

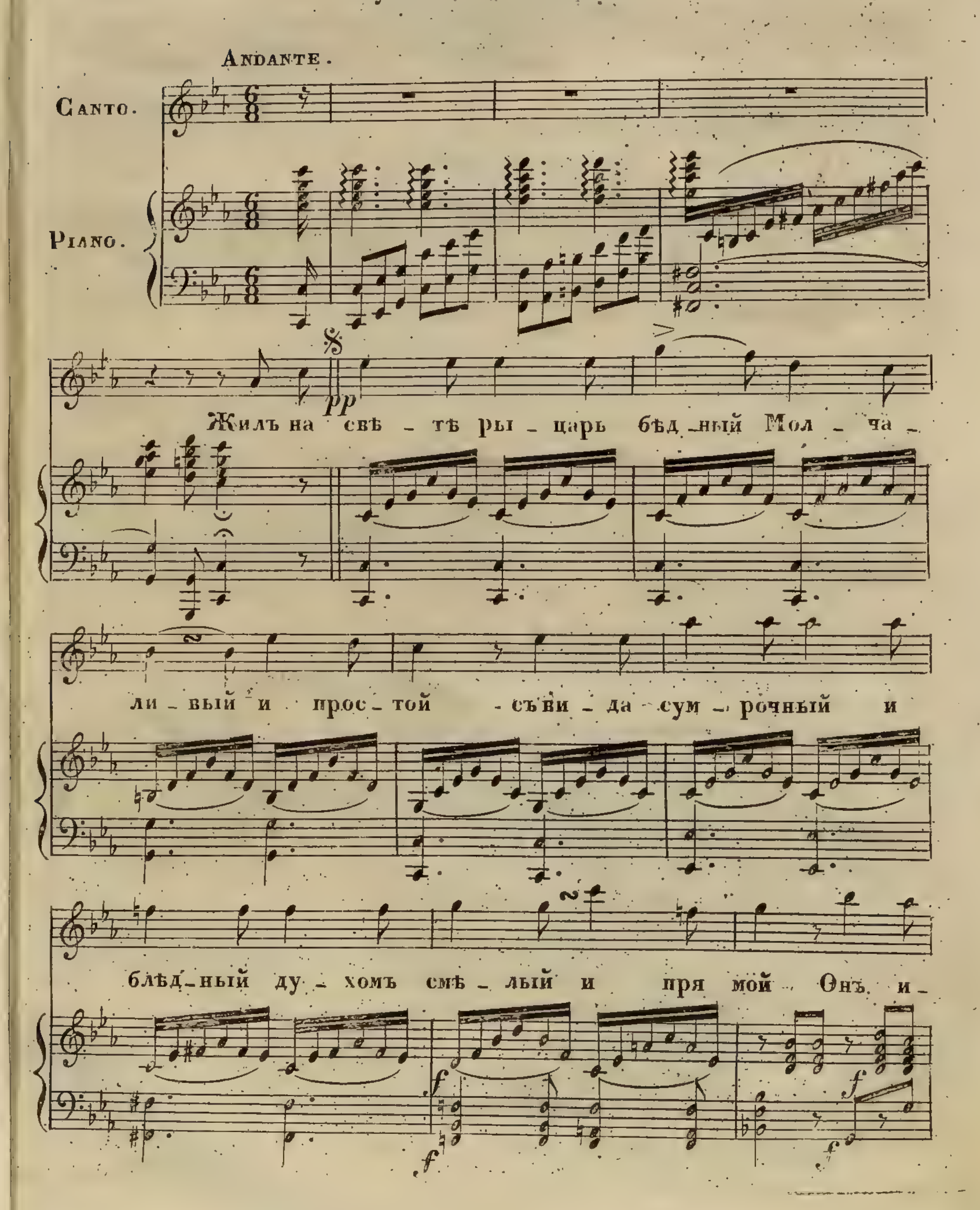
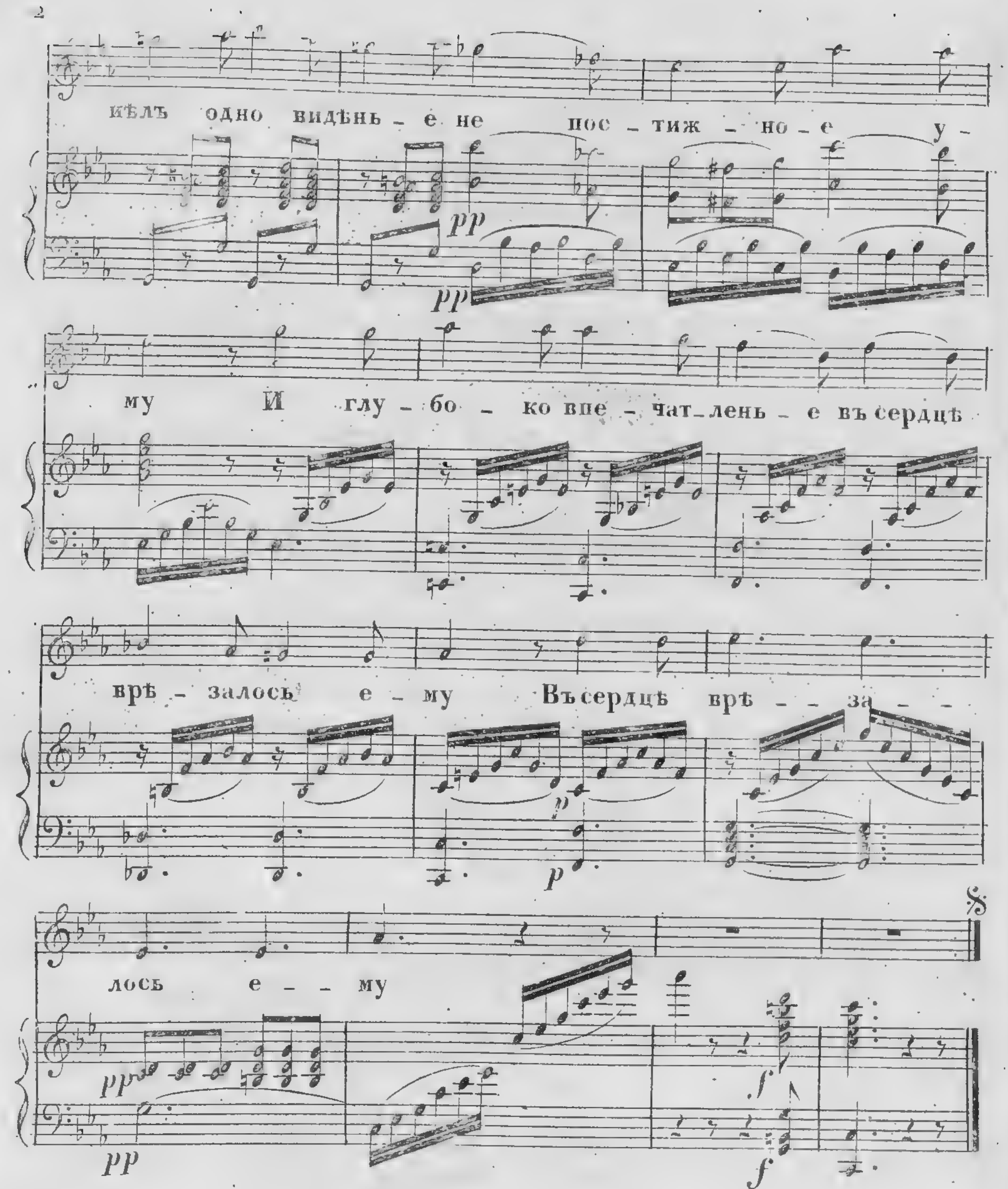
И. Песоцкій.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

ДОМЪ АСПЕНОВЪ. (БАЛЛАДА)

Стихи А. С. Пушкина.

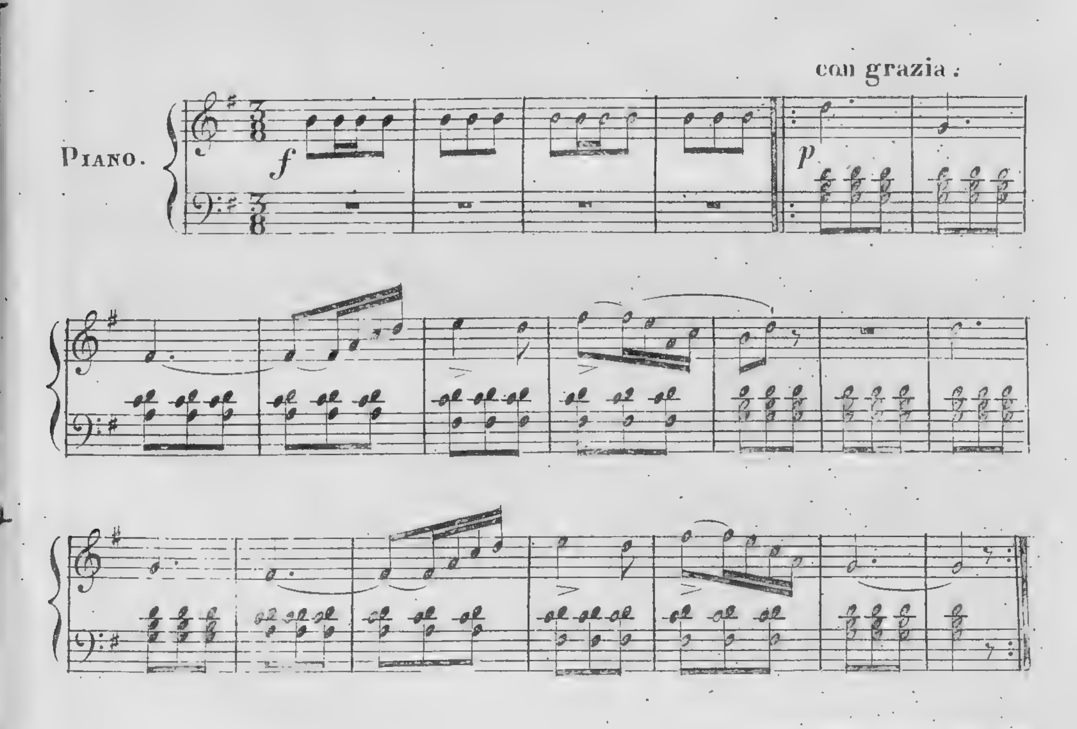
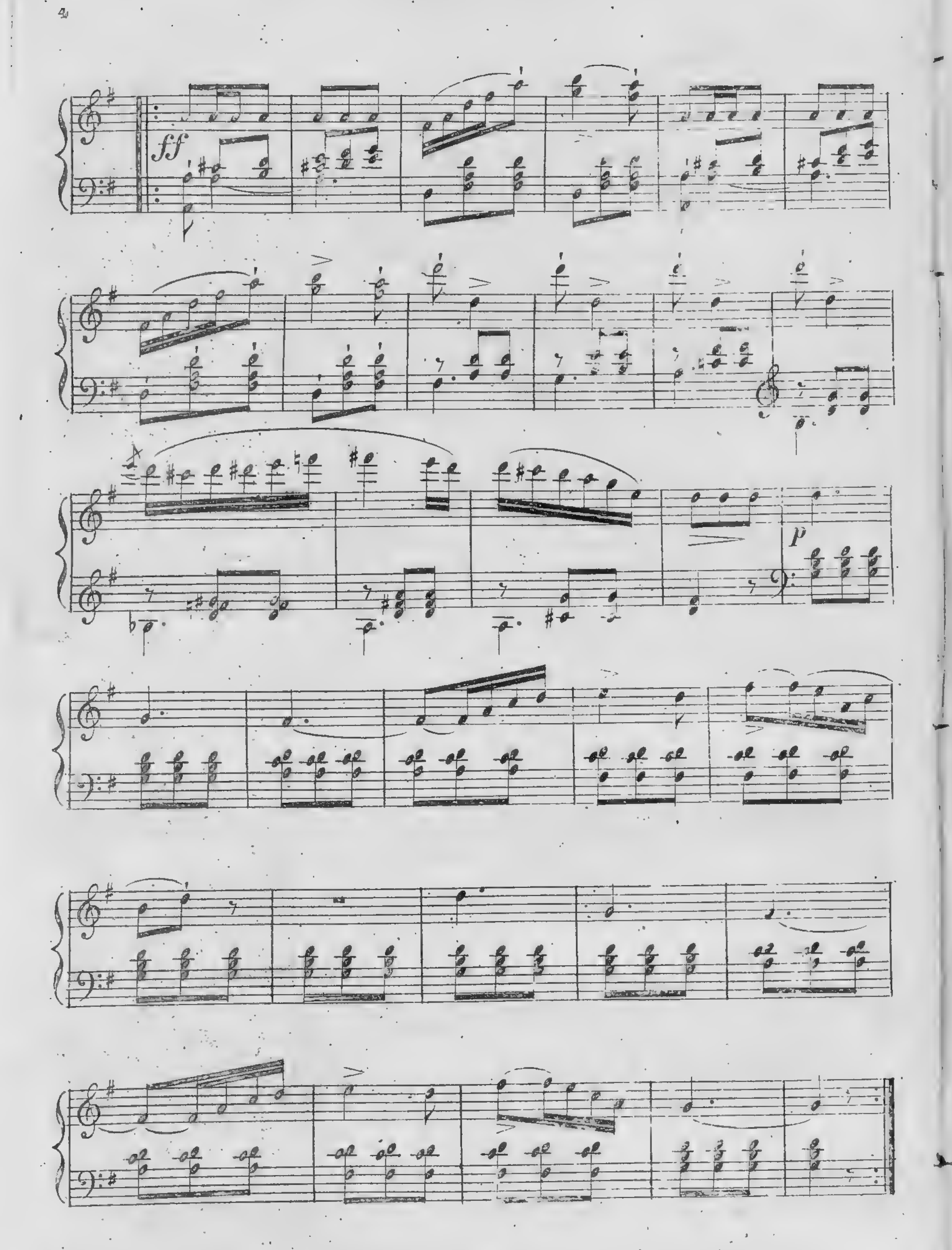
Музыка Н. О. Дюра.



Съ той поры, сгорѣвъ душею,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною,
Молвить слова не хотѣлъ,
Онъ себѣ на шею четки
Вмѣста шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Не предъ кѣмъ ни подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
S.M:V: своею кровью,
На черталъ онъ на щитѣ.
И въ пустыняхъ палестины
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву Паладины
Именуя громко дамъ.

Lumen coelum Sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дикъ, и рьянъ.
И какъ громъ, его угроза
Поражали Музульманъ.
Возвротясь въ свой замокъ дальный
Жилъ онъ строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

FLORA VALSE.

ff
p

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ,

Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго.

П. С. Федоровымъ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАТЕРИНА ФЕДОРОВНА ВАНИНА............ г-жа Самойлова 2.
ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СТРУЙКИНЪ.......... г-нъ Самойловъ 2.
ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОПИКОВЪ.............. г-нъ Мартыновъ.
ДАША........................ г-жа Бормотова.

Дѣйствіе въ Санктпетербургѣ.

Комната, довольно хорошо убранная; двѣ двери по бокамъ и одна назади. Столъ съ письменнымъ приборомъ. На лѣво окно.

ЯВЛЕНІЕ 1.

СТРУЙКИНЪ И ДАША.

(ДАША *обмѣтаетъ мебель.* СТРУЙКИНЪ *входитъ въ среднюю дверь.*)

СТРУЙКИНЪ.

Здравствуй, Даша!

ДАША.

А! Иванъ Васильичъ!

СТРУЙКИНЪ.

Дома ли барышня?

ДАША.

Для васъ дома.

СТРУЙКИНЪ.

Для меня?

ДАША.

Да съ, потому что мы кромѣ васъ никого не пускаемъ въ свой домъ.

СТРУЙКИНЪ.

Поди же, скажи, что я пришелъ!..

ДАША.

Да, вотъ — съ и сама барышня.

ЯВЛЕНІЕ 2.

СТРУЙКИНЪ И ВАНИНА.

(ВАНИНА *даетъ знакъ Дашѣ, чтобы она ушла.*)

СТРУЙКИНЪ.

Могу ли я здѣсь остаться?

ВАНИНА.

Можете!

СТРУЙКИНЪ.

Вы на меня не сердитесь?

ВАНИНА.

За что?

СТРУЙКИНЪ.

За вчерашнее!

ВАНИНА.

Я ужъ все забыла.

СТРУЙКИНЪ.

Забыли?... но если я и сдѣлалъ вамъ вчера какую нибудь непріятность, то вините въ томъ одну любовь мою.

ВАНИНА.

Послушайте, Иванъ Васильевичъ... вы знаете, я сирота, безъ родныхъ, безъ друзей, живу скромно, держу, по необходимости, только горничную, хотя могла бы жить и лучше и веселѣе ... но я не хочу подвергаться злословію .... Я дѣвушка, всякій неосторожный поступокъ поставятъ мнѣ въ преступленіе .... Однихъ васъ рѣшилась я принимать къ себѣ, потому что васъ зналъ мой благодѣтель, потому что вы заслужили вполнѣ мое уваженіе, потому что любовь вашу я считала истинною .... Одного васъ я смѣла считать своимъ другомъ, и что же вы вчера сказали: я васъ оставлю на вѣкъ!

СТРУЙКИНЪ.

О, никогда!

ВАНИНА.

Однакоже вы это сказали.

СТРУЙКИНЪ.

Я поступилъ необдуманно .... ну, я виноватъ, простите меня .... согласитесь, однакоже, и вы не совсѣмъ были правы: за чѣмъ вы откладываете день нашей свадьбы? .... какія могутъ быть причины?

ВАНИНА.

Вы опять за старое .... но извольте, я буду съ вами откровеннѣе .... что не могла я вамъ сказать вчера, то скажу сегодня ....

СТРУЙКИНЪ.

Что это за тайна!

ВАНИНА.

Вы нѣсколько разъ спрашивали меня о моемъ отцѣ .... до сихъ поръ я не смѣла, я боялась отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ .... теперь я вамъ открою то, что таила отъ всѣхъ, что скрывалъ даже отецъ мой.

СТРУЙКИНЪ.

Кто же былъ вашъ отецъ?

ВАНИНА.

Вы его знали.

СТРУЙКИНЪ.

Зналъ?

ВАНИНА.

Уже два мѣсяца какъ его нѣтъ на свѣтѣ.

СТРУЙКИНЪ.

Неужели .... Но нѣтъ .... онъ называлъ васъ своей крестницей.

ВАНИНА.

Однакожъ вы угадали.

СТРУЙКИНЪ.

Неужели Федоръ Иванычъ Карскій?

ВАНИНА.

Да. Въ молодости своей онъ обманулъ мою несчастную мать, оставилъ ее на произволъ судьбы и даже не хотѣлъ знать дочери до послѣднихъ дней своей жизни. Мы съ матушкой жили въ ужасной бѣдности, едва доставали пропитаніе трудами .... они свели ее въ раннюю могилу. Тогда я, для куска хлѣба, должна была итти въ услуженіе. Вдругъ отецъ мой сдѣлался боленъ; раскаяніе пришло въ его душу; онъ призвалъ меня къ себѣ .... я забыла прошлое и онъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, успѣлъ совершенно загладить проступки прежней своей жизни. Онъ полюбилъ меня, какъ можетъ только полюбить отецъ свою дочь; онъ .... но вы видѣли сами, какъ онъ лелѣялъ меня, какъ заботился обо мнѣ ....

СТРУЙКИНЪ.

И можно ли было не любить васъ .... Нѣтъ, онъ поступилъ слишкомъ дурно слишкомъ безчеловѣчно ....

ВАНИНА.

Не тревожьте его праха .... Въ послѣднее время онъ много для меня сдѣлалъ.

СТРУЙКИНЪ.

Неужели вы считаете многимъ то, что онъ отказалъ вамъ все свое имѣніе? Но оставилъ ли онъ вамъ имя?

ВАНИНА.

Ваша правда, онъ былъ генералъ, а я ....

СТРУЙКИНЪ.

О немъ съ участьемъ, съ уваженьемъ,
Всѣ въ свѣтѣ станутъ вспоминать.

ВАНИНА.

Меня же будутъ всѣ, съ презрѣньемъ,
Ничтожнымъ существомъ считать.

СТРУЙКИНЪ.

Кто съ честью истинной былъ связанъ,
Кто славой въ свѣтѣ могъ играть,

Кто далъ намъ жизнь, — тотъ намъ обязанъ
И честь свою и имя дать.

ВАНИНА.

Теперь, быть можетъ, и вы измѣнитесь....

СТРУЙКИНЪ.

Никогда.... я вѣренъ моей любви и моему слову.

ВАНИНА.

А что скажутъ въ свѣтѣ?

СТРУЙКИНЪ.

Мнѣніе свѣта для меня ничтожно. Я самъ сирота, и могу располагать собою....

ВАНИНА.

Не будете ли вы каяться послѣ? Вы могли бы сдѣлать лучшую партію.

СТРУЙКИНЪ.

Нѣтъ, я ищу въ женѣ не славы,
Не блестокъ свѣтской нищеты,
Ищу для жизни не отравы,
Не проходящей красоты;
Въ женѣ своей ищу я счастья,
Ищу для жизни мирныхъ дней,
Отрады для поры ненастья,
Подруги для души своей!

Съ вами я найду мое счастіе.... Но неужели вы и теперь будете еще откладывать нашу свадьбу?... Сначала, положимъ, шесть недѣль траура могли быть справедливымъ предлогомъ, но вотъ уже и послѣ этого времени проходитъ третья недѣля....

ВАНИНА.

А моя тайна.... мнѣ не легко было разстаться съ нею.... въ эти три недѣли я все сбиралась вамъ ее сказать....

СТРУЙКИНЪ.

И для того вы меня сердили всякій день.

ВАНИНА.

Съ открытіемъ моей тайны я боялась потерять васъ....

СТРУЙКИНЪ.

Не стыдно ли вамъ: и вы могли такъ дурно думать обо мнѣ, вы не довѣряли моей любви.

ВАНИНА.

Ну, я виновата.... за то я уже наказана моимъ сомнѣніемъ.... его трудно мнѣ было перенесть.... но теперь я такъ счастлива, такъ счастлива! мнѣ такъ весело, такъ легко!....

СТРУЙКИНЪ.

Когда же день свадьбы?

(бьетъ 12 часовъ).

ВАНИНА.

Боже мой, 12 часовъ!

СТРУЙКИНЪ.

Что жъ такое?

ВАНИНА.

Мнѣ надо итти.

СТРУЙКИНЪ.

Итти! куда?

ВАНИНА.

Къ Свѣтлову, къ тому доброму старичку, который хлопочетъ о моемъ наслѣдствѣ.... онъ ждетъ меня къ 12-ти часамъ.

СТРУЙКИНЪ.

Такъ я пойду къ нему вмѣстѣ съ вами.

ВАНИНА.

Помилуйте, какъ можно! что онъ подумаетъ, когда я приду къ нему съ молодымъ человѣкомъ.... Нѣтъ, я пойду одна.

СТРУЙКИНЪ.

Однѣ!

ВАНИНА.

Ну, да, бѣды въ этомъ ни какой нѣтъ: я всегда хожу съ закрытой вуалью, и меня вѣрно всѣ считаютъ старухой.... Прощайте, Иванъ Васильевичъ....

СТРУЙКИНЪ.

Но хоть выйдемте вмѣстѣ....

ВАНИНА.

Ни за что!... что скажутъ жильцы въ нашемъ домѣ, когда увидятъ насъ вмѣстѣ.... Нѣтъ, ступайте вы прежде.

СТРУЙКИНЪ.

Повинуюсь. *(въ сторону)* Дождусь ее за угломъ и дознаюсь, куда она пойдетъ.... *(ей)* Но когда же я васъ увижу?

ВАНИНА.

Чрезъ два часа я ужъ буду дома. Прощайте; смотрите же, чрезъ два часа я васъ жду.

СТРУЙКИНЪ.

Прощайте!

ВАНИНА.

Прощайте! *(Струйкинъ уходитъ въ среднюю дверь.)*

*

ЯВЛЕНІЕ 3.

ВАНИНА, *потомъ* ОНИКОВЪ.

ВАНИНА.

Слава Богу, ушелъ! я такъ боялась.... 12 часовъ, а онъ всегда такъ аккуратенъ.....

ОНИКОВЪ (*выглядывая изъ двери съ лѣвой стороны.*)

Можно?

ВАНИНА.

Ахъ! это вы, Федоръ Петровичъ.... войдите!

ОНИКОВЪ.

Виноватъ съ, опоздалъ пятью минутами.

ВАНИНА.

О, пять минутъ ничего не значатъ.

ОНИКОВЪ.

Извините, для меня онѣ много значатъ, я человѣкъ аккуратный.... А все виноватъ извощикъ, такой попался, что еле, еле довезъ: три раза распрегалась лошадь, два раза останавливалась отдыхать.... а вѣдь взялъ шесть гривенъ, съ Песковъ.... ну, а далеко ли, кажется, до Васильевскаго острова....

ВАНИНА.

Все это къ нашему счастію; еслибъ вы пріѣхали пятью минутами раньше, такъ встрѣтились бы съ Струйкинымъ.

ОНИКОВЪ.

Что вы?....

ВАНИНА.

Да, намъ надо его остерегаться....

ОНИКОВЪ.

Я ужъ и такъ кажется, остороженъ.... не войду безъ того въ ваши комнаты, пока не узнаю отъ Даши, нѣтъ ли кого у васъ.... но теперь ее нѣтъ въ кухнѣ, такъ я рѣшился прежде посмотрѣть въ замочную скважинку, а послѣ просунуть въ дверь одну голову.... Я ужъ боялся дожидаться Даши, она, пожалуй не пришла бы и четверть часа, а я человѣкъ аккуратный!... Я увѣренъ, что вы меня ждали съ большимъ нетерпѣніемъ....

ВАНИНА.

О, да.... еслибъ только не Струйкинъ.... но не встрѣтились ли вы съ кѣмъ нибудь на лѣстницѣ?.... не видалъ ли кто, какъ вы вошли ко мнѣ?

ОНИКОВЪ.

Ни какъ нѣтъ-съ.... я человѣкъ аккуратный.... за словомъ въ карманъ не полѣзу... еслибъ случилось мнѣ у вашихъ дверей столкнуться съ чужимъ человѣкомъ, такъ я сейчасъ бы адресовался къ нему: позвольте васъ спросить.... не изволители знать.... не живетъ ли въ этомъ домѣ Г. Онегинъ? — Нѣтъ-съ, не живетъ! — Да вѣдь это домъ Чухина? — Никакъ нѣтъ-съ, Мухина! — Мухина!.... Скажите, какъ я ошибся.... а вѣдь мнѣ показалось на вывѣскѣ Чухина.... Извините!.... и съ этимъ словомъ спустился бы съ лѣстницы, далъ бы пройти чужому человѣку, а потомъ опять бы явился къ вамъ.... Вотъ какъ бы я сдѣлалъ.... Не правда ли хорошо?

ВАНИНА.

Прекрасно!

ОНИКОВЪ.

О, я человѣкъ аккуратный.... и потому, посѣщая васъ близь двухъ мѣсяцевъ, я еще ни на кого у васъ не наткнулся... одно только мѣшало....

ВАНИНА.

Что такое?

ОНИКОВЪ.

Проклятая собаченка у вашихъ сосѣдей.... какъ нейдешь къ вамъ, бывало, непремѣнно залаетъ!.... того и глядѣлъ, что выскочитъ кто нибудь ко мнѣ съ вопросомъ.... Наконецъ я умѣлъ и съ той подружиться, сталъ носить въ карманѣ кусочки хлѣба.... какъ всхожу на лѣстницу, такъ ужъ и зову: азорка!.... азорка! на, гостинцу.... И она тотчасъ ко мнѣ.... а я ей кусочекъ.... и вѣдь теперь совсѣмъ не лаетъ.

ВАНИНА.

Какой вы затѣйникъ.

ОНИКОВЪ.

О, я человѣкъ аккуратный!

Чтобы вѣкъ прожить въ покоѣ,
Надо быть съ людьми въ ладу,
Не свое хвалить, чужое,
Чтобы быть у всѣхъ въ виду.
Мало взрослымъ — и ребенку
Бить челомъ и угождать,

А подъ часъ и собачейку
Прикормить иль приласкать.

ВАНИНА.

Но пойдемте въ мой кабинетъ.... Сюда можетъ придти кто нибудь.

ОНИКОВЪ.

Пойдемте-съ, пойдемте!....

ВАНИНА *(указывая на кабинетъ съ правой стороны.)*

Войдите же скорѣе.... я сейчасъ явлюсь къ вамъ черезъ спальню... мнѣ надо взять кой что....

ОНИКОВЪ.

Слушаю!... *(уходитъ въ кабинетъ. Ванина запираетъ дверь на замокъ и беретъ ключъ къ себѣ.)*

ВАНИНА.

Теперь я спокойна.... насъ никто не увидитъ. *(уходитъ въ среднюю дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ 4.

ДАША *(одна, выходитъ съ лѣвой стороны).*

Этотъ мѣшокъ ужь здѣсь; я видѣла изъ лавочки, какъ онъ прошелъ въ наши ворота. *(подходитъ къ кабинету и смотритъ въ замочную скважину.)* Точно здѣсь! вотъ онъ!.... Что это у него въ рукахъ? что то бѣлое!.... отошелъ къ окну.... теперь ничего не видно! *(отходитъ)* Удивительно! вотъ я живу здѣсь болѣе мѣсяца, а до сихъ поръ не поняла еще, что дѣлается въ нашемъ домѣ.... Спросила бы въ лавочкѣ, да боюсь.... пожалуй, у моей госпожи есть фискалы, такъ какъ разъ прогонитъ, а такого жалованья въ другомъ мѣстѣ не найдешь.... Что то странно: одного любитъ, называетъ женихомъ, а съ другимъ запирается въ комнатѣ по цѣлымъ часамъ.... и что они тамъ дѣлаютъ?.... и кто онъ такой?.... не понимаю, а досадно, очень досадно!

У насъ изъ всѣхъ отрадъ — отрада,
Чужія тайны узнавать,
И только женщиной быть надо,
Чтобъ это счастье понимать,
Пока еще чего не знаешь,
Что знать хотѣлось бы скорѣй,
Такъ и не спится и страдаешь,
Какъ дура ходишь межъ людей,
А какъ узнаешь, что желаешь,
Такъ и успется веселей,
И свѣтъ вамъ кажется милѣй.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ДАША и СТРУЙКИНЪ *(входитъ въ среднюю дверь).*

СТРУЙКИНЪ *(въ сторону.)*

Вѣрно она осталась дома.... я не могъ ее пропустить.... *(въ слухъ)* Даша!

ДАША.

Что прикажете!

СТРУЙКИНЪ.

Возвратилась барышня?

ДАША.

Нѣтъ еще! *(въ сторону.)* Я не лгу, потому что она еще и не выходила изъ дома.

СТРУЙКИНЪ.

Но точно ли ея нѣтъ дома?

ДАША.

Вы кажется, видите сами....

СТРУЙКИНЪ *(показая на дверь съ лѣвой стороны.)*

Не здѣсь ли она?

ДАША.

Нѣтъ-съ, это наша кухня....

СТРУЙКИНЪ *(смотритъ въ дверь.)*

Вѣдь тамъ у васъ другая лѣстница?

ДАША.

Чорная лѣстница.

СТРУЙКИНЪ.

Не ушла ли она чрезъ нее?

ДАША.

Можетъ быть.... меня не было дома....

СТРУЙКИНЪ *(садится.)*

Останусь здѣсь и дождусь ее.

ДАША.

Какъ вамъ угодно.

(Слышенъ маленькой шумъ въ кабинетѣ.)

СТРУЙКИНЪ.

Тамъ кто то есть?

ДАША.

Не знаю.

СТРУЙКИНЪ.

Я слышалъ шумъ.

ДАША *(въ сторону).*

Теперь раздѣлывайся сама какъ хочешь.... я ни въ чемъ не виновата.

СТРУЙКИНЪ.
Гдѣ ключъ отъ этой комнаты?

ДАША.
Вы кажется знаете, что она у насъ всегда заперта.

СТРУЙКИНЪ.
Она тутъ!.... Но что еще у нея за тайна?

Я ее тамъ ожидаю,
А она здѣсь заперлась....
Но я все сейчасъ узнаю,
Ложь ея не удалась.
(стучитъ въ дверь.)

ДАША.
Перестаньте, какъ возможно
Любопытнымъ быть такимъ?
При любви, сударь, вамъ должно
И слѣпымъ быть и глухимъ.

(Струйкинъ стучитъ снова, Ванина выходитъ изъ кабинета, запираетъ его и беретъ ключъ късебѣ.)

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢЖЕ И ВАНИНА.

ВАНИНА.
Для чего вы такъ стучите,
Не случилось ли бѣды?
Какъ вы блѣдны, посмотрите!
Я велю подать воды.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

(въ сторону.)
Я въ немъ ревность замѣчаю,
Но хоть онъ гори огнемъ,
А чего ужъ я желаю,
То поставлю на своемъ.

СТРУЙКИНЪ *(въ сторону.)*
Я бѣшуся, я страдаю,
А она какъ бы ни въ чемъ;
Но постой я все узнаю,
Я поставлю на своемъ!

ДАША *(въ сторону.)*
Ничего не понимаю!
Преспокойна, какъ ни въ чемъ!
Но, постой я все узнаю,
Я поставлю на своемъ.

ВАНИНА *(Струйкину.)*
Что съ вами, скажите?.... я никакъ не ожидала такъ скоро васъ видѣть.... кажется, я вамъ говорила, что возвращусь чрезъ два часа.

СТРУЙКИНЪ.
А мнѣ кажется, что вы возвратились гораздо раньше.

ВАНИНА.
Но я еще и не выходила изъ дома!

СТРУЙКИНЪ.
Я это очень знаю.... вы сидѣли въ своемъ кабинетѣ... и конечно однѣ?...

ВАНИНА.
Помилуйте, что за вопросы, что за подозрѣнія?....

СТРУЙКИНЪ.
Это вамъ непріятно!

ВАНИНА.
Мнѣ надо было кой-что приготовить.

СТРУЙКИНЪ.
А! приготовить!

ВАНИНА.
Я писала!

СТРУЙКИНЪ.
Вы писали?

ДАША *(въ сторону.)*
Постой, попадешься!....

ВАНИНА *(увидя ее.)*
Ты что тутъ дѣлаешь? поди отсюда....

ДАША.
Слушаюсь!

ВАНИНА.
Поди отсюда, ты здѣсь не нужна!

ДАША *(уходя въ кухню.)*
Гонитъ меня вонъ!.... но рано ли, поздно ли, а я все узнаю.

ЯВЛЕНІЕ 7.

ВАНИНА И СТРУЙКИНЪ.

СТРУЙКИНЪ.
Такъ вы писали!.... а теперь вѣрно отправитесь къ Свѣтлову?

ВАНИНА.
Нѣтъ, ужъ поздно.... я пойду къ нему завтра... сегодня останусь дома.

СТРУЙКИНЪ.
Такъ и я здѣсь остаюсь.... Но не обезпокою ли я васъ?

ВАНИНА.
Вы сегодня, Иванъ Васильевичъ, что-то особенно странны.... Ну подала ли я когда нибудь поводъ думать, чтобъ ваше присутствіе было для меня непріятно?

СТРУЙКИНЪ *(съ насмѣшкой.)*
О, никогда!

ВАНИНА.
Для чегожевы все осматриваете?...

отъ чего какъ будто съ насмѣшкою говорите со мной?.... Что я дурнаго сдѣлала, скажите?

СТРУЙКИНЪ.

А, вамъ угодно знать, что вы сдѣлали дурнаго? извольте, я скажу. Вы удалили меня отсюда подъ предлогомъ, что вамъ надо идти.... къ Свѣтлову.... Но какъ это былъ одинъ предлогъ, то вы и не пошли....

ВАНИНА.

Я опоздала. Онъ просилъ меня придти въ 12-ть часовъ.

СТРУЙКИНЪ.

Онъ, просто, не назначалъ вамъ никакихъ часовъ.

ВАНИНА.

Но клянусь вамъ....

СТРУЙКИНЪ.

Я ужъ нѣсколько разъ замѣчалъ, что вы удаляете меня подъ разными предлогами въ одни и тѣже часы.... не знаю, уходите ли вы въ это время куда нибудь, или только говорите мнѣ, что вы уходили изъ дома, — но я знаю навѣрное, что сегодня вы нарочно выдумали какое-то необходимое свиданіе съ Свѣтловымъ, что бъ отдѣлаться отъ меня и остаться одной дома!

ВАНИНА.

Въ чемъ же вы тутъ меня подозрѣваете?....

СТРУЙКИНЪ.

Почему я знаю, что вы дѣлали дома?

Могу ль я постигнуть, зачѣмъ вы загадкой
Хотите казаться предъ другомъ своимъ;
Нѣтъ, я не лазутчикъ, не думалъ украдкой
Ловить вашей тайны умомъ подкупнымъ.
Любя — я веду васъ дорогою къ счастью
И дѣйствую чисто, по чести святой,
А вамъ, вамъ угодно шутить моей страстью,
И сердцемъ и словомъ лукавить со мной!

ВАНИНА.

Нѣтъ, вы несправедливы!....

СТРУЙКИНЪ.

Почему я знаю, справедливы ли тѣ причины, по которымъ вы откладывали нашу свадьбу.... можетъ быть и теперь вы ее отложите!....

ВАНИНА.

Да.

СТРУЙКИНЪ.

И еще есть причина?

ВАНИНА.

Да.

СТРУЙКИНЪ.

Какая же?

ВАНИНА.

Она зависитъ не отъ одной меня!

СТРУЙКИНЪ.

Но отъ кого же?

ВАНИНА.

Я вамъ не могу сказать.... подождите, скоро.... можетъ быть на будущей недѣлѣ я скажу вамъ все и буду вашей!

СТРУЙКИНЪ.

А! скоро! на будущей недѣлѣ!.... Я слышу это въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ всякій день, и скорѣй долженъ надѣяться, что этому никогда не будетъ конца.... Нѣтъ, я вижу, вы меня не любите....

ВАНИНА.

Вы слишкомъ жестоки.... слишкомъ ревнивы....

СТРУЙКИНЪ.

Да, потому что я истинно васъ люблю.... Я готовъ для васъ на все.... Вы не рѣшитесь для меня ни на какое пожертвованіе.... Я ужъ это испыталъ, я просилъ васъ о вздорахъ, но вы и въ тѣхъ мнѣ отказали.

ВАНИНА.

Въ какихъ вздорахъ я вамъ отказывала, я не понимаю

СТРУЙКИНЪ.

Я просилъ васъ нѣсколько разъ писать ко мнѣ, отвѣчать на мои письма.

ВАНИНА.

За чѣмъ мнѣ писать къ вамъ, когда я вижу васъ всякой день...

СТРУЙКИНЪ.

Но если я этого желалъ.... я пишу же къ вамъ.

ВАНИНА.

Вы дѣло другое.... не все позволяется женщинамъ, что позволено мущинамъ.

СТРУЙКИНЪ.

Я понимаю, что вамъ мѣшало: женщины, въ особенности кокетки, ни-

когда не отвѣчаютъ на наши письма... онѣ боятся отвѣчать.... потому, что ихъ письма могутъ быть свидѣтельствомъ ихъ любви, потому что они могутъ уничтожить ихъ въ глазахъ соперника....

ВАНИНА.

Остановитесь!....

СТРУЙКИНЪ.

Теперь я васъ узналъ!.... Прощайте!.... вы меня видѣли здѣсь въ послѣдній разъ. (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 8.

ВАНИНА (*одна.*)

Погодите! выслушайте!.... онъ ушелъ!.... Боже мой, неужели я его больше не увижу!.... Нѣтъ, это невозможно! Но что же мнѣ дѣлать?... Какая мысль! письмо! онъ хотѣлъ моего письма.... О, онъ возвратится, онъ возвратится. (*Отпираетъ кабинетъ, уходитъ въ него и опять запираетъ дверь на замокъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 9.

СТРУЙКИНЪ, *потомъ* ДАША.

СТРУЙКИНЪ (*входитъ въ среднюю дверь.*)

Ея ужъ нѣтъ!... А, она думаетъ, что я возвращусь.... она спокойна.... отправилась опять въ свой кабинетъ.... она думаетъ, что я еще ее люблю? Ошибаетесь.... я васъ ненавижу!... (*садится съ лѣвой стороны*). Не останусь здѣсь ни минуты!.... Убѣгу изъ этого дома.... дальше, дальше отъ измѣнницы.... поѣду въ Камчатку.... на Кавказъ! Сегодня же подаю просьбу!.... Ѣду служить на Кавказъ!.... (*входитъ Даша съ лѣвой стороны*). А! Даша!.... подойди ко мнѣ.... Послушай.... отвѣчай мнѣ откровенно..... растолкуй мнѣ, что за существо твоя госпожа?

ДАША.

Что за существо?.... какъ бы вамъ сказать.... она, изволите видѣть, платитъ мнѣ по 20 рублей въ мѣсяцъ.... иногда дѣлаетъ подарки.

СТРУЙКИНЪ.

Я не о томъ тебя спрашиваю.

ДАША.

О чемъ же?

СТРУЙКИНЪ.

Ты вѣрно замѣтила, что она смѣется надо мной?....

ДАША.

Что вы!

СТРУЙКИНЪ.

Неправда ли, что я, по милости ея, играю здѣсь роль какого-то глупца!

ДАША.

Что вы!

СТРУЙКИНЪ.

Скажи, вѣдь она меня обманываетъ?

ДАША.

Что вы!

СТРУЙКИНЪ.

Но какъ ты объ этомъ думаешь?

ДАША.

Горничныя не должны ничего думать о своихъ господахъ.

СТРУЙКИНЪ.

Ты несносная дѣвчонка.... (*въ сторону*) и барыня и горничная что-то слишкомъ подозрительны..... здѣсь что-нибудь да есть.... Боже мой!.... я никогда не ходилъ по черной лѣстницѣ.... ужъ не приходитъ ли чрезъ нее какая контрабанда.... сегодня я все узнаю.... и если здѣсь она спрятана, такъ непремѣнно ее перехвачу... (*уходитъ въ дверь на лѣво.*)

ДАША (*хохочетъ.*)

Что вы? куда вы? тутъ у насъ запрещено ходить гостямъ!.... Да онъ самъ не въ своемъ умѣ.... не знаетъ, что дѣлаетъ, куда идетъ.... вотъ какъ вскружила ему голову моя госпожа!... (*Струйкинъ является снова*). Помилуйте, куда вы ходили?

СТРУЙКИНЪ.

Ошибся, виноватъ! (*въ сторону*) Теперь я спокоенъ, вотъ ключъ отъ лѣстницы.... (*уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 10.

ДАША *(одна)*.

Что съ нимъ сдѣлалось, въ самомъ дѣлѣ? ужь не сошелъ ли точно съ ума? Постойте! не услыхалъ ли онъ разговора въ кабинетѣ? а что, очень можетъ быть... *(подходитъ къ кабинету и подслушиваетъ.)* Разговариваютъ! Что-то говоритъ барышня... «Милый другъ!» — слышите, милый другъ! этотъ мѣшокъ - милый другъ!.. *(подслушиваетъ снова.)* «Я васъ люблю!» Ай, ай, ай! Я васъ люблю! и кому жъ говоритъ, какому то чурбану... а этотъ бѣдняжка... О женщины, женщины!... Нѣтъ, я ни за что не соглашусь быть мущиной!...

ЯВЛЕНІЕ 11.

ДАША И ВАНИНА *(съ письмомъ.)*

А, ты здѣсь, Даша... Снеси скорѣе это письмо къ Ивану Васильевичу.

ДАША *(съ удивленіемъ.)*

Къ Ивану Васильевичу?

ВАНИНА.

Ну, да, поскорѣе!

ДАША.

Онъ сейчасъ былъ здѣсь.... я можетъ быть еще догоню его.

ВАНИНА.

Ну такъ бѣги же.

ДАША.

Бѣгу, бѣгу! *(въ сторону)* Теперь, кажется, я все узнаю *(уходитъ въ среднюю дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ 12.

ВАНИНА И ОНИКОВЪ.

ВАНИНА *(отворяетъ дверь кабинета.)*

Войдите, ... теперь можно.

ОНИКОВЪ.

Фу, какъ у васъ тамъ жарко.

ВАНИНА.

Прощайте!...

ОНИКОВЪ.

Я человѣкъ аккуратный, исполняю все какъ прикажутъ; но если бы пришлось мнѣ просидѣть тамъ еще минутъ пять, такъ ужь рѣшился бы пройти чрезъ вашу спальну, прямо на чистую лѣстницу.

ВАНИНА.

О, тогда бы все пропало.

ОНИКОВЪ.

Я самъ подумалъ объ этомъ и потому, противъ всякой возможности, просидѣлъ въ кабинетѣ.... а ужъ такъ было жарко!.... фу!

ВАНИНА.

Кто то идетъ!.... Скорѣе, скорѣе! *(показываетъ на дверь съ лѣвой стороны.)*

ОНИКОВЪ.

Такъ до завтра?

ВАНИНА.

Да....

ОНИКОВЪ *(уходитъ и высовываетъ голову въ дверь.)*

Въ тѣ же часы?

ВАНИНА.

Да.

ОНИКОВЪ.

Явлюсь непремѣнно! я человѣкъ аккуратный! *(скрывается.)*

ЯВЛЕНІЕ 13.

ВАНИНА И СТРУЙКИНЪ.

ВАНИНА.

Это вѣрно онъ!

СТРУЙКИНЪ *(входитъ въ среднюю дверь.)*

Вы здѣсь!.... О, еслибъ вы знали, какъ я счастливъ!

ВАНИНА *(улыбаясь.)*

А, вы опять явились г-нъ ревнивецъ!

СТРУЙКИНЪ.

Да, и съ сердцемъ радостнымъ!... какъ мнѣ теперь весело.....

ВАНИНА *(передразнивая его.)*

«Теперь я васъ узналъ! — Прощайте!.... вы меня видѣли здѣсь въ послѣдній разъ».... и вдругъ бѣжитъ отсюда, хлопаетъ дверьми....

СТРУЙКИНЪ.

Простите меня, простите!....

ВАНИНА.

Вы мущины, настоящія дѣти .... малодушны до сѣдыхъ волосъ!

Такими ли должны вы быть мущины,
Но чѣмъ бы вамъ для насъ примѣромъ быть,
Вы насъ всегда браните безъ причины,
Иль безъ ума изволите любить.
Мы служимъ вѣкъ для счастія укоромъ,
А жить безъ насъ ни кто еще не могъ.....
Мы захотимъ — мы васъ разсердимъ вздоромъ,
Мы захотимъ — и вы у нашихъ ногъ!

СТРУЙКИНЪ.

Забудемте прошлое..... Я теперь такъ счастливъ!..... Если бъ вы видѣли, въ какомъ я былъ восторгѣ, когда мнѣ Даша отдала ваше письмо, я былъ на улицѣ, не могъ отойти отъ вашего дома....

ВАНИНА.

Смотрѣли на мои окна, старались замѣтить каждое движеніе въ комнатѣ.....

СТРУЙКИНЪ.

Бѣгалъ взадъ и впередъ, по тротуару, толкалъ проходящихъ, и когда Даша отдала мнѣ это безцѣнное письмо, я чуть не бросился ей на шею....

ВАНИНА.

Ну ужь это было бы лишнее....

СТРУЙКИНЪ (*вынимая письмо.*)

О, милое письмо!.... наконецъ я тебя дождался!... (*хочетъ его поцѣловать*).

ВАНИНА (*съ замѣшательствомъ.*)

Перестаньте .... что за удовольствіе цѣловать бумагу.

СТРУЙКИНЪ.

Правда, лучше ручку, ту ручку, которая писала.... (*цѣлуетъ ея руку.*)

ВАНИНА (*въ сторону.*)

Боже мой! онъ такъ любитъ меня, и я должна его обманывать!....

СТРУЙКИНЪ.

А я.... вообразите, я смѣлъ думать, что вы меня обманываете.... Не правда ли, какъ я былъ смѣшонъ.

ВАНИНА.

Вы были очень несправедливы....

СТРУЙКИНЪ.

Мало того, я вообразилъ, что вы принимаете къ себѣ, во время моего отсутствія, другаго мущину.

ВАНИНА.

Неужели? (*въ сторону*) Какъ я рада, что онъ ушелъ!

СТРУЙКИНЪ.

Я было уже составилъ и планъ, хотѣлъ поймать моего соперника .... и какъ я ошибся.... (*Ониковъ высовываетъ голову въ дверь, но увидя Струйкина, снова прячется; Струйкинъ, увидя его, говоритъ въ сторону.*) Что я вижу?

ВАНИНА.

Что вы говорите?

СТРУЙКИНЪ.

Я? ничего!

ВАНИНА.

Нѣтъ, вы что то сказали....

СТРУЙКИНЪ.

Не помню, право .... (*въ сторону*) А! онъ тамъ .... Благодаря моей предосторожности, онъ теперь оттуда не выйдетъ.

ВАНИНА.

Ну, а теперь вы спокойны?

СТРУЙКИНЪ.

Совершенно спокоенъ!

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢЖЕ И ДАША.

ДАША (*входитъ въ среднюю дверь.*)

Къ вамъ, сударыня, пришла дѣвушка изъ магазина, принесла платье.

СТРУЙКИНЪ (*въ сторону.*)

Весьма кстати. (*въ слухъ*) Не церемоньтесь со мной, подите, примѣрьте....

ВАНИНА.

Я сейчасъ возвращусь. (*уходитъ съ Дашей въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

СТРУЙКИНЪ, *потомъ* ОНИКОВЪ.

СТРУЙКИНЪ.

Наконецъ, я поймалъ этого молодчика!... Онъ въ моихъ рукахъ!... по-

дозрѣнія мои были справедливы.... онъ скрывался здѣсь.... а она, она измѣнница, смѣетъ увѣрять меня въ любви, и еще какъ, въ письмѣ!... но я ей отомщу!... *(отворяетъ дверь съ лѣвой стороны)*. Не угодно ли вамъ, милостивый государь, пожаловать сюда.... сдѣлайте одолженіе, войдите....

ониковъ *(входя)*.

Съ большимъ удовольствіемъ.... тамъ такъ непріятно.... покорнѣйше васъ благодарю.... мое почтеніе *(хочетъ итти въ среднюю дверь)*.

струйкинъ *(останавливая его)*.

Куда же вы? останьтесь, пожалуйста.

ониковъ.

Право нѣкогда.... я человѣкъ аккуратный.... и то ужъ, кажется, опоздалъ.... ужъ сдѣлайте одолженіе, позвольте..... мнѣ крайняя надобность *(хочетъ итти)*.

струйкинъ *(останавливая его.)*

Побесѣдуйте со мной хоть минутку.... мнѣ надо съ вами поговорить.... Скажите, я думаю вы очень удивились, когда нашли, что дверь на лѣстницу заперта?

ониковъ.

Чрезвычайно удивился и даже стало досадно, потому, что мнѣ крайняя надобность.... а я человѣкъ аккуратный *(хочетъ итти)*.

струйкинъ *(не пуская его)*.

Сдѣлайте милость, останьтесь....

ониковъ *(въ сторону)*.

Нечего сказать, учтивый человѣкъ, а предосадный.

струйкинъ.

Позвольте васъ спросить, вы хорошо знаете хозяйку здѣшняго дома?

ониковъ.

Такъ-съ, немножко.

струйкинъ.

Что она, вамъ нравится?

ониковъ.

А вамъ?

струйкинъ.

Я васъ спрашиваю.

ониковъ.

Какъ вамъ сказать.... она не дурна-съ.... и даже, если вамъ угодно, очень не дурна.

струйкинъ.

Вотъ что.... и вы это хорошо разсмотрѣли?...

ониковъ.

Очень хорошо.... у меня чудесные глаза!.... а я человѣкъ аккуратный, вполнѣ пользуюсь тѣмъ, что мнѣ дала природа.

Глазами я на свѣтъ гляжу
И даже строю ими глазки,
Ногами по свѣту хожу
И иногда пускаюсь въ пляски;
На фортепьянахъ я бряцу
И мастерски пишу руками,
Руками же невѣждъ учу,
А отгрызаюся зубами.
Ушами умъ чужой ловлю,
Людскія слушаю баклуши,
А языкомъ болтать люблю,
Что входитъ въ память черезъ уши;
Сгибаюсь предъ людьми спиной,
И умъ храня отъ размышленья,
Я какъ спиной и головой,
Всѣмъ отдаю мое почтенье.

(Хочетъ итти, Струйкинъ схватываетъ его за руку и останавливаетъ.)

струйкинъ.

Останьтесь, вамъ говорятъ!

ониковъ.

Помилуйте.... вѣдь ужъ это почти не учтиво.... я пожалуй и разсержусь....

струйкинъ.

Можете сердиться, если вамъ угодно, но прежде извольте меня выслушать.

ониковъ.

Такъ извольте говорить, я давно васъ слушаю.

струйкинъ.

Вы умѣете писать?

ониковъ.

Странный вопросъ!.... Умѣю ли я писать? Да я кажется сію минуту

говорилъ вамъ, какими предметами занимаются мои руки.

СТРУЙКИНЪ.

Извольте же сѣсть сюда.

(Указываетъ на столъ.)

ОНИКОВЪ.

Это за чѣмъ?

СТРУЙКИНЪ.

Вы будете писать.

ОНИКОВЪ.

Что такое писать?

СТРУЙКИНЪ.

То, что я вамъ продиктую.

ОНИКОВЪ.

А! вы будете мнѣ диктовать.... Да что жъ вы сами не умѣете развѣ писать?

СТРУЙКИНЪ.

Не умѣю.

ОНИКОВЪ.

Странно!... а изволите служить?...

СТРУЙКИНЪ.

Служу!

ОНИКОВЪ.

Странно! да не можетъ быть....

СТРУЙКИНЪ.

Пожалуйста, безъ разсужденій!... Ну, я дурно пишу.... а для моего письма, нуженъ чистый, ясный почеркъ....

ОНИКОВЪ.

О, ужъ что касается до моего почерка, такъ могу похвастаться.... вотъ вы увидите....

СТРУЙКИНЪ.

Ну такъ пишите же скорѣе....

ОНИКОВЪ.

Позвольте, каково еще перо!....

СТРУЙКИНЪ.

Все равно, какое бы ни было....

ОНИКОВЪ.

Нѣтъ-съ, извините, я человѣкъ аккуратный. *(Беретъ перо и чинитъ.)* Прежде всего очиню перо, а потомъ ужъ принимаюсь за письмо....

СТРУЙКИНЪ.

Ну, готово ли?

ОНИКОВЪ.

Позвольте попробовать.... Отлично очинилъ!... готово!

СТРУЙКИНЪ.

Пишите же: «Милостивая государыня!»

ОНИКОВЪ.

А! мы будемъ писать къ дамѣ?

СТРУЙКИНЪ.

Да! Написали?...

ОНИКОВЪ *(написавъ.)*

«Милостивая государыня!»

СТРУЙКИНЪ.

«Я васъ не люблю и никогда не любилъ васъ!»

ОНИКОВЪ.

О, да это ужъ похоже на ссору!...

СТРУЙКИНЪ.

Кажется! Написали?...

ОНИКОВЪ.

«И никогда не любилъ васъ!»

СТРУЙКИНЪ.

«Меня привязывало къ вамъ одно ваше богатство!»

ОНИКОВЪ.

Помилуйте.... какъ можно!....

СТРУЙКИНЪ.

Что такое?

ОНИКОВЪ.

Позвольте вамъ сдѣлать маленькое замѣчаніе.

СТРУЙКИНЪ.

Какое замѣчаніе?

ОНИКОВЪ.

Я, какъ человѣкъ аккуратный, могу смѣло вамъ сказать, что о подобныхъ вещахъ можно только думать, а не писать....

СТРУЙКИНЪ.

Но если я хочу....

ОНИКОВЪ.

Какъ вамъ угодно. «Меня привязывало къ вамъ одно ваше богатство!»

СТРУЙКИНЪ *(въ сторону.)*

Онъ, кажется, не догадывается; но, постой, поймешь, когда тебѣ придется подписать!

ониковъ *(въ сторону.)*

Въ этомъ человѣкѣ нѣтъ ни на волосъ деликатности.... писать къ дамѣ такія дерзости!....

струйкинъ.

«Вы измѣнили для меня человѣку, который любилъ васъ страстно»....

ониковъ.

Да точно ли вы увѣрены, что она измѣнила?

струйкинъ.

Пишите, сдѣлайте одолженіе!

ониковъ *(въ сторону.)*

Измѣнила? Не хорошо!.... а онъ вѣдь очень недуренъ!.... *(въ слухъ)* «который любилъ васъ страстно!»

струйкинъ.

«Послѣ этого я васъ ненавижу.... вы вполнѣ заслуживаете мое презрѣніе!»

ониковъ.

Признаюсь, жестоко!.... не написать ли какъ-нибудь полегче....

струйкинъ.

Пишите, что вамъ говорятъ!

ониковъ.

Какъ угодно.... «Вы вполнѣ заслуживаете мое презрѣніе.»

струйкинъ.

Написали?

ониковъ.

Написалъ!

струйкинъ.

Позвольте. *(беретъ письмо).*

ониковъ.

Каковъ почеркъ? а?

струйкинъ *(смотря на письмо).*

Что я вижу? такъ, я не обманываюсь!

ониковъ.

Что это? неужели есть ошибки?

струйкинъ *(въ сторону, въ волненіи).*

Да, точно!.... онъ!.... и онъ осмѣлился!....

ониковъ *(въ сторону).*

Что съ нимъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, есть ошибки?.... Я, кажется, человѣкъ аккуратный!

(Струйкинъ, останавливаясь противъ Оникова, съ запальчивостію.)

струйкинъ.

Вы меня любите?

ониковъ.

Васъ?.... Люблю ли я?

струйкинъ.

Вы никого не любите кромѣ меня?

ониковъ *(въ сторону).*

Онъ дуракъ!

струйкинъ.

Вы не отопретесь отъ того, что вы писали?

ониковъ.

Отпереться отъ того, что я писалъ?.... Сохрани Боже! *(Струйкинъ показываетъ ему письмо, которое онъ получилъ отъ Ваниной.)*

струйкинъ.

Это кто писалъ?

ониковъ *(смотря на письмо).*

Неужели? Неужели вы Иванъ Васильичъ Струйкинъ?

струйкинъ.

А! наконецъ вы меня узнали!

ониковъ.

Помилуйте, какъ же я могъ узнать, когда въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть.

струйкинъ.

Вы вѣрно исправляете должность секретаря у здѣшней хозяйки?

ониковъ.

Точно такъ же какъ и у васъ теперь.

струйкинъ.

А я.... я чуть не разцѣловалъ это письмо.

ониковъ.

Чуть не разцѣловали? Вотъ забавно! ха, ха, ха!

струйкинъ.

Да вы еще смѣетесь.

ониковъ.

Помилуйте, какъ же не смѣяться!

СТРУЙКИНЪ.

И вы осмѣлились на такую дерзость!

ОНИКОВЪ.

Какая же въ этомъ дерзость?

СТРУЙКИНЪ.

Я васъ понимаю!.... вамъ угодно было позабавиться надо мною.... но меня, сударь, это ни сколько не забавляетъ! Я, сударь, съ вами раздѣлаюсь!....

ОНИКОВЪ.

Да что съ вами? Письмо ужъ, кажется, написано такъ нѣжно, такъ трогательно.

СТРУЙКИНЪ.

Нѣтъ ужъ это слишкомъ. Знаете ли, сударь, что вмѣсто лѣстницы, вмѣсто той лѣстницы, по которой вы изволили сюда жаловать, я васъ попрошу выскочить въ окно?

ОНИКОВЪ.

Нѣтъ-съ, я не могу этого исполнить.... не угодно ли вамъ прежде показать дорогу?

СТРУЙКИНЪ.

Молчите!

ОНИКОВЪ.

Да что вы кричите? Вы съ ума сошли!

СТРУЙКИНЪ.

Молчать!....

Со мной вы не шутите,
Раздѣлаюсь тотчасъ!

ОНИКОВЪ.

Вѣдь я и самъ, смотрите,
И самъ того, какъ разъ!
Не слишкомъ-то храбритесь,
Хоть я овцой кажусь,
Но вспыхну, берегитесь,
Въ медвѣдя превращусь!

СТРУЙКИНЪ.

Со мной хитрить вы смѣли,
Но мстить умѣю я!

ОНИКОВЪ.

Вы безъ причинъ задѣли,
Обидѣли меня!

СТРУЙКИНЪ.

Пусть пистолетъ иль шпага
Разсудитъ этотъ споръ!

ОНИКОВЪ.

Гербовая-съ бумага,
Судейскій приговоръ!

СТРУЙКИНЪ.

Къ чему чужое мнѣнье?
Расправимся вдвоемъ!
А правое рѣшенье
И въ пуляхъ мы найдемъ.

ОНИКОВЪ.

Я мигомъ вѣдь прошенье
Отправлю въ частный домъ!
Тамъ сдѣлаютъ рѣшенье:
Я съ Приставомъ знакомъ!

(Вмѣстѣ.)

СТРУЙКИНЪ.

Идемте!

ОНИКОВЪ.

Не пойду!

СТРУЙКИНЪ *(хватаетъ его за воротъ.)*

Идемте!....

ОНИКОВЪ.

Помогите, спасите! бьютъ! рѣжутъ!

ЯВЛЕНІЕ 16.

ТѢ ЖЕ, ВАНИНА И ДАША.

(Входятъ въ среднюю дверь.)

ВАНИНА.

Что за крикъ?.... что здѣсь такое?.... *(увидя Оникова.)* Боже, онъ здѣсь!

СТРУЙКИНЪ.

Милости просимъ.... вы, сударыня, очень кстати пожаловали!

ДАША *(въ сторону).*

Оба здѣсь!.... вотъ исторія!

ОНИКОВЪ *(Ваниной).*

Скажите, пожалуйста, Катерина Федоровна, у этого господина часто бываютъ такіе припадки?

ВАНИНА.

О, это ужасно, сдѣлать такой шумъ въ моемъ домѣ!

СТРУЙКИНЪ.

И, конечно, я виноватъ въ этомъ?

ВАНИНА.

Подите отъ меня! Вы сумасшедшій!

СТРУЙКИНЪ.

Правда, я точно сумасшедшій, потому, что могъ любить васъ.... потому, что я вѣрилъ вамъ. Но кто же вы? какъ долженъ я назвать васъ,

послѣ того, что вы дѣлали со мной?... Вы увѣрили меня въ любви, вы называли меня своимъ женихомъ, и въ тоже время запирались въ комнатѣ съ этимъ господиномъ, обманывали меня, смѣялись надо мной....

ВАНИНА.

Остановитесь, вы несправедливы!

СТРУЙКИНЪ.

Наконецъ прислали мнѣ записку, написанную рукою этого же господина. Это не насмѣшка, послѣ того вы....

ВАНИНА.

Остановитесь! я женщина! я у себя, дома.... я имѣю право на ваше уваженіе.

СТРУЙКИНЪ.

А я имѣю право на мщеніе!

ВАНИНА.

Придите въ себя!.... не заставляйте меня краснѣть....

СТРУЙКИНЪ.

Да, вы должны краснѣть! Отъ васъ прислана ко мнѣ эта записка?

ВАНИНА.

Да.

СТРУЙКИНЪ.

Вы ли ее писали?

ВАНИНА.

Нѣтъ.

СТРУЙКИНЪ.

Кто жъ ее писалъ?

ВАНИНА (*указывая на Оникова.*)

Онъ!

СТРУЙКИНЪ.

Онъ!

ОНИКОВЪ.

Изволите видѣть, я не солгалъ.... я человѣкъ аккуратный!....

СТРУЙКИНЪ.

И это не насмѣшка?

ВАНИНА (*съ смущеніемъ.*)

Но если бъ вы знали!....

СТРУЙКИНЪ.

Говорите, эта минута должна все рѣшить.... отъ чего вы не писали сами?....

ВАНИНА (*съ большимъ смущеніемъ.*)

Я.... нѣтъ.... я не въ состояніи.... (*Оникову*) Объясните ему....

ОНИКОВЪ.

Онѣ сами не умѣютъ-съ писать....

ДАША (*въ сторону.*)

Вотъ въ чемъ штука!

СТРУЙКИНЪ (*Ваниной.*)

Неужели, вы не умѣете писать?

ВАНИНА.

Да!.... Вотъ моя тайна.... вотъ отъ чего я не могла такъ скоро назначить дня нашей свадьбы.... Мнѣ было стыдно признаться въ такомъ невѣжествѣ.... Я не хотѣла, чтобъ у васъ, у человѣка образованнаго, была жена, которая не могла бы написать даже вашего имени.... Я рѣшилась учиться тихонько отъ васъ.... а вы, вы.... о, какъ я несчастна! (*Плачетъ.*)

СТРУЙКИНЪ.

И я безумецъ! Простите меня!.... простите!..... А этотъ господинъ былъ....

ОНИКОВЪ (*вынимаетъ карточку.*)

Учитель Каллиграфіи, Федоръ Петровичъ Ониковъ, преподающій эту необходимѣйшую науку во многихъ казенныхъ заведеніяхъ и въ разныхъ частныхъ домахъ, человѣкъ аккуратнѣйшій въ своемъ дѣлѣ и наконецъ, изобрѣтшій новый способъ совершенному изученію чистописанія въ двадцать шесть уроковъ, (*въ сторону*) то есть считая по два часа въ день, въ двадцать шесть мѣсяцевъ.

СТРУЙКИНЪ.

Какъ я виноватъ!... Нѣтъ, я не заслуживаю прощенія!..... я не смѣю надѣяться!

ВАНИНА (*подавая ему руку.*)

Вотъ мой отвѣтъ!... но вы не будете ли краснѣть за мое невѣжество?

СТРУЙКИНЪ.

Я стану учить васъ самъ.

ОНИКОВЪ.

Какъ! вы хотите отнять у меня ученицу!

ВАНИНА (*улыбаясь.*)

У него надѣюсь я скорѣе выучиться!

ОНИКОВЪ.

Не знаю!.... у меня можно выучиться совершенно въ двадцать шесть уроковъ.

ВАНИНА.

Да я взяла у васъ тридцать, а еще ни чему не выучилась.

ОНИКОВЪ.

Ну, нѣтъ-съ.... вы ужъ чудесно дѣлаете оники.... По-крайней-мѣрѣ не забудьте меня на предки.... Отрекомендуйте знакомымъ... вотъ вамъ шесть карточекъ!....

СТРУЙКИНЪ.

Я васъ не забуду, а теперь мнѣ пріятнѣе самому быть ея учителемъ.

ВОДЕВИЛЬ.

ВАНИНА (*Струйкину.*)

Я скорѣе, въ самомъ дѣлѣ,
Съ вами выучусь писать,
Съ вами можно въ двѣ недѣли
Математику понять.

СТРУЙКИНЪ (*Ваниной.*)

Мы вѣдь всѣ несовершенны,
Но старанье верхъ возметъ,
Только будьте откровенны,
Все на ладъ у насъ пойдетъ.

ВАНИНА.

Вы и сами виноваты,
Ну, да это не бѣда....

(*Къ публикѣ.*)

Извините, чѣмъ богаты,
Тѣмъ и рады, Господа!

(*Всѣ повторяютъ послѣдніе два стиха.*)

ВЛЮБЛЕННЫЙ БРАТЪ.

ДРАМА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕВЕДЕННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Дмитріемъ Ленскимъ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РОДОЛЬФЪ, бывшій морякъ, купецъ .... г. КАРАТЫГИНЪ ст.
ГЕНРИХЪ, его товарищъ. г. СОСНИЦКІЙ.
ТЕРЕЗА, сестра Родольфа г-жа АСЕНКОВА.
ЛУИЗА, сестра Генриха г-жа ШЕМАЕВА.

Дѣйствіе въ Данцигѣ.

Театръ представляетъ комнату. Въ серединѣ и по сторонамъ двери. На право конторка съ купеческими счетными книгами, бумагами, и проч. на лѣво столъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РОДОЛЬФЪ (*одинъ, сидитъ за конторкою и держитъ въ рукахъ письмо*). Мою сестру! онъ проситъ за себя мою сестру! Какъ отказать такому богатому жениху? Что я значу! Купецъ, крейсеръ, больше ничего. Съ другой стороны нельзя же мнѣ на учтивое письмо его отвѣчать ни тѣмъ ни семъ: стало надо сказать всю истину... Чортъ возьми! прежде мнѣ легче было завладѣть непріятельскимъ кораблемъ, чѣмъ теперь сочинить это посланіе.

(*читаетъ*).

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

«Вы предлагаете чрезъ меня руку и состояніе сестрѣ моей Терезѣ; съ этимъ вы не ко мнѣ должны относиться, потому, что Тереза мнѣ не принадлежитъ... Тереза не сестра моя. До сихъ поръ этой тайны не знала ни она, и никто на свѣтѣ. Ваше лестное предложеніе заставляетъ меня сегодня въ первый разъ нарушить молчаніе и разсказать вамъ со всею откровенностію главныя происшествія моей жизни.» (*остановясь*) Да, я долженъ это сдѣлать, по крайней мѣрѣ для Терезы. (*продолжая*) «Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, я былъ простой матрозъ, и первый негодяй во всемъ флотѣ. Начальники знали меня съ предурной стороны, товарищи также не любили, какъ буяна и забіяку, и конечно я бы скоро выгнанъ былъ изъ службы, какъ вдругъ попадается намъ разбойничій корабль

съ богатымъ грузомъ: начинается бой, продолжительный и ужасный. Побѣда остается за нами; и между тѣмъ, какъ товарищи занялись грабежемъ, я вижу умирающую женщину, которая держала на рукахъ дѣвочку трехъ или четырехъ лѣтъ «Кто ты такой?» сказала она мнѣ слабымъ голосомъ.— Родольфъ матрозъ — «Родольфъ! это моя дочь, бѣдная сирота: вотъ твоя добыча. Возьми ее себѣ, будь ей братъ и покровитель, и помни, что придетъ время, когда я потребую за нее отчета.»

(*остановясь*).

Я и теперь еще ее вижу. Не знаю, что со мною сдѣлалось; но эта несчастная мать, которая разстается съ жизнію и поручаетъ мнѣ своего ребенка, и которая конечно съ высоты небесъ будетъ всегда надзирать за моими поступками: эта мысль одна перемѣнила все существо мое, всѣ мои привычки. Прощай вино, прощай буйство, ссоры: я сдѣлался лучшимъ подчиненнымъ изо всего экипажа, даже и теперь не воспоминанію ли о ней обязанъ я моимъ званіемъ, благосостояніемъ и богатствомъ? — Но на чемъ бишь я остановился? (*опять читаетъ письмо*) Да!.. «Я принялъ завѣщанное мнѣ наслѣдство; взялъ на руки маленькую свою Терезу, тутъ же назвалъ ее сестрою, и вышелъ съ нею на берегъ. Въ продолженіи десяти лѣтъ, все, что я добывалъ въ разъѣздахъ по морю, все было опредѣлено мною на ея воспитаніе и обезпеченіе ея судьбы. Ей минуло четырнадцать лѣтъ, а мнѣ двадцать шесть, когда я пріѣхалъ на житье въ Данцигъ, и открылъ здѣсь торговый домъ вмѣстѣ съ добрымъ Генрихомъ, теперешнимъ моимъ товарищемъ.» (*остановясь*) Что же однакожъ изъ всего этого вышло? Тереза считала меня всегда своимъ братомъ и вѣрно никогда не будетъ ко мнѣ имѣть другихъ чувствъ, кромѣ чувствъ сестры; между тѣмъ какъ я... я люблю ее до сумасшествія, до бѣшенства!.. одинъ видъ любовника терзаетъ мнѣ душу! и вчера, когда я получилъ это письмо, въ которомъ богатый офицеръ Миллеръ проситъ у меня руку Терезы, я схватилъ пистолеты и чуть чуть не вызвалъ его на дуэль... Надобно на что нибудь рѣшиться. (*читая про себя*) Такъ, я разсказалъ ему всю свою исторію, и сегодня же, только что прикащики уйдутъ домой, откроюсь во всемъ и Терезѣ. Правда, я всякой день думаю это сдѣлать, и не могу; но теперь однакожъ какъ нибудь соберусь съ силами... А! вотъ она.

ЯВЛЕНІЕ 2.

РОДОЛЬФЪ и ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА.

Братецъ! братецъ!

РОДОЛЬФЪ (*грубо*).

Ну, что такое? опять пришла мѣшать.

ТЕРЕЗА.

Ахъ, Боже мой! ужъ и разсердился! Я пришла сказать, что завтракъ подали.

РОДОЛЬФЪ (*тоже*).

Мнѣ нѣкогда; я дѣло дѣлаю... а ты ступай завтракай.

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ, я лучше подожду. Я не могу ѣсть, когда мы не вмѣстѣ за столъ садимся.

РОДОЛЬФЪ.

Право? (*смягчась*) Прости, Тереза, что я немножко разсердился; я былъ занятъ.

ТЕРЕЗА.

О! это очень видно, сударь, что вы заняты, вы даже меня и не поцѣловали!

РОДОЛЬФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ТЕРЕЗА.

Разумѣется.... *(подставляетъ щеку)* Вы говорите, что вамъ нѣкогда, такъ извольте поскорѣе. *(Родольфъ ее цѣлуетъ)* Прошу покорно! онъ какъ будто цѣлуетъ меня изъ милости!

РОДОЛЬФЪ *(съ жаромъ)*.

Кто? я!... о, нѣтъ!... но вотъ видишь ли, Тереза...

ТЕРЕЗА *(дѣлая ему знакъ рукою)*.

Хорошо, хорошо, сударь! дѣлайте свое дѣло: я не мѣшаю вамъ. Я возьму стулъ, сяду подлѣ тебя и не скажу ни словечка. Ты будешь писать, а я вышивать: каждый за своей работою, и все-таки другъ подлѣ друга. *(беретъ на другой сторонѣ театра стулъ, и садится у конторки подлѣ Родольфа)*.

РОДОЛЬФЪ *(въ сторону)*.

Отказаться отъ счастія, отъ этихъ милыхъ ласкъ! *(принимается за свои счетныя книги и не смотритъ на нее)* Что ты такое тутъ сочиняешь?

ТЕРЕЗА.

Кисетъ тебѣ шью. *(встаетъ и облокачивается на спинку креселъ Родольфа)* А, вы, сударь, все за вашей бухгалтеріей. — Боже мой, сколько цыфръ! цѣлые листы исписаны!

РОДОЛЬФЪ.

Я подвожу мои счеты съ Генрихомъ.

ТЕРЕЗА.

А что мой другъ, я думаю мы теперь очень богаты?

РОДОЛЬФЪ.

Вотъ посмотри сама. На нашу часть остается сто тысячъ талеровъ; а нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня не было ни крейцера; и когда я вздумаю, что за все это я обязанъ доброму Генриху!

ТЕРЕЗА.

Что ты говоришь?

РОДОЛЬФЪ.

Да. Сначала онъ ссудилъ меня деньгами и взялъ къ себѣ въ торговлю; его труды и благоразуміе удвоили наши капиталы, между тѣмъ какъ я рисковалъ ими на морѣ.

ТЕРЕЗА.

Да, ты всегда любилъ пускаться на удачу.

РОДОЛЬФЪ.

И часто очень неудачно! Въ послѣдній разъ, давно ужъ это было, я не послушалъ совѣтовъ Генриха, и одинъ на свой счетъ отправилъ большую партію: товаръ потонулъ, и я совершенно раззорился. Генрихъ предложилъ мнѣ тогда половину своего состоянія и принудилъ взять насильно. Я принялъ его одолженіе въ надеждѣ когда нибудь съ нимъ расплатиться, и теперь нарочно спѣшу подвести итоги, чтобы сегодня же сдѣлать ему этотъ сюрпризъ. Впрочемъ ты можешь догадаться, что съ тѣхъ поръ я ужъ ничего не предпринималъ безъ его совѣта.

ТЕРЕЗА.

Такъ и должно было. Милый Генрихъ! какое рѣдкое сердце! Послѣ того, что ты мнѣ сказалъ, я люблю его еще больше прежняго.

РОДОЛЬФЪ.

Стало ты его очень любишь?

ТЕРЕЗА.

Безъ сомнѣнія, да и онъ меня любитъ тоже; по крайней мѣрѣ, онъ безпрестанно мнѣ это говоритъ.

РОДОЛЬФЪ *(вставая)*.

Какъ! говоритъ? я однакожъ не замѣчалъ.

ТЕРЕЗА.

Не мудрено, когда ты дома, вы все толкуете о товарахъ, да о спекуляціяхъ; но какъ скоро насъ двое, или еще съ нами сестра его Луиза, то онъ всегда бываетъ такой ласковый, веселый, любезный!

РОДОЛЬФЪ *(въ сторону)*.

Возможно ли, чтобъ Генрихъ, мой другъ!... О!... если это правда!

ТЕРЕЗА.

Что съ тобою?

РОДОЛЬФЪ.

Ничего. (*въ сторону*) Безумецъ! Ревновать къ своему благодѣтелю; Генрихъ просто любитъ насъ, какъ братъ. Другіе, гораздо опаснѣе, и это письмо . . .

ТЕРЕЗА.

Родольфъ! отъ чего ты такъ встревожень, и что это у тебя за письмо?

РОДОЛЬФЪ.

Оно и до васъ касается; это письмо отъ Миллера, того офицера, съ которымъ мы не разъ встрѣчались на гуляньѣ!

ТЕРЕЗА.

А, Боже мой! знаю! . . ты еще съ нимъ хотѣлъ завести исторію и выйти на дуэль, потому, что онъ какъ то пристально посмотрѣлъ на меня.

РОДОЛЬФЪ (*съ горестнымъ чувствомъ*).

Можетъ быть, я не имѣлъ права. Вотъ теперь онъ за васъ сватается.

ТЕРЕЗА.

Сватается! за меня! какъ я рада! А вѣдь я думала, это вызовъ. Ну! ты будешь ему отвѣчать, не правда ли? и очень вѣжливо.

РОДОЛЬФЪ.

Что жъ я ему напишу?

ТЕРЕЗА.

Поблагодари его за честь, которую онъ намъ дѣлаетъ и скажи, что я не хочу иттн замужъ, а хочу навсегда остаться при моемъ братѣ.

РОДОЛЬФЪ.

Неужели!

ТЕРЕЗА.

Ну, да! Развѣ это тебя удивляетъ. Развѣ ты самъ не отказывался отъ богатыхъ невѣстъ? Ты мнѣ не говорилъ, но я знала! Такъ что жъ! и я хочу послѣдовать твоему примѣру Мы съ тобою такъ счастливы! Чего жъ намъ искать? когда сестра и братъ живутъ душа въ душу, можетъ ли что быть завиднѣе ихъ участи? Всѣ мужья и жены, посмотришь, то и дѣло ссорятся и бранятся: мы, никогда; напротивъ, что любитъ изъ насъ одинъ, то и другому нравится.

РОДОЛЬФЪ.

Да, да, Тереза, я съ тобою согласенъ, и мнѣ кажется, я совершенно счастливъ.

ТЕРЕЗА (*съ радостью*).

Ну, не правда ли: вѣдь я у тебя хорошая хозяйка? вѣдь ты мною доволенъ?

РОДОЛЬФЪ.

Какъ нельзя больше, добрая Тереза... милая сестра!

ТЕРЕЗА.

Что жъ дѣлать! я всячески стараюсь соблюдать экономію, но ты самъ все попусту деньги тратишь, поминутно покупаешь мнѣ обновы: или платье, или шляпку, или платочикъ . . . Ну, да ужъ за то когда въ Воскресенье мы съ тобой подъ ручку пойдемъ на бульваръ, глядишь, другіе идутъ мимо насъ и потихоньку разговариваютъ: «Посмотри! Вотъ славная парочка!» Я какъ будто ничего и не замѣчаю, а сердце-то такъ и бьется отъ радости, и я эдакъ чуть-чуть толкну тебя локоткомъ, чтобъ сказать тебѣ: «*слышишь?*»

РОДОЛЬФЪ.

Повѣрь, что ужъ и очень слышу! . . особливо когда около насъ увиваются такіе франтики, какъ этотъ Миллеръ. Но оставимъ его въ покоѣ: я сейчасъ же отправлю къ нему твой отвѣтъ. Ахъ! Тереза, еслибъ ты знала, какъ онъ мнѣ пріятенъ! и еслибъ я тебѣ сказалъ, почему . . . Кто тамъ не во время?

ТЕРЕЗА.

Это нашъ Генрихъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРЕЖНІЕ И ГЕНРИХЪ.

ГЕНРИХЪ.

Здравствуйте, друзья мои! Я сей

часъ съ пристани и принесъ добрыя вѣсти. Родольфъ, бригъ Діана сего дня утромъ безъ всякаго приключенія благополучно прибылъ въ гавань и бросилъ якорь.

РОДОЛЬФЪ.

Неужели!

ГЕНРИХЪ.

Тутъ слишкомъ на двацать тысячь талеровъ нашего товару. Еще нѣсколько такихъ спекуляцій, и тогда мы, пріятель, сами заведемъ свои кораблики. Воображаю, какъ будетъ весело, когда спросятъ на пристани: «Чей это бригъ, или кому принадлежитъ этотъ трехмачтовый корабль?» а тутъ сейчасъ скажутъ: торговому дому: Генриха, Родольфа и *компаніи.*

РОДОЛЬФЪ (*смѣясь*).

Купеческое самолюбіе!

ГЕНРИХЪ.

Надобно однакожъ напередъ пріискать названіе нашему кораблю; знаешь, чтобъ эдакъ было получше и позамысловатѣе. Придумайте-ка вы, Тереза.

ТЕРЕЗА.

За чѣмъ придумывать? Назовите его «корабль: *Два друга.*»

ГЕНРИХЪ (*съ чувствомъ*).

«*Два друга!*» Да, именно превосходно сказано! Вѣдь кажется какъ просто, а я бы въ цѣлый мѣсяцъ не выдумалъ... Однако послушай, не мѣшаю ли я тебѣ?

РОДОЛЬФЪ.

Ни чуть не бывало, помилуй.

ГЕНРИХЪ.

Я братецъ безъ тебя соскучился; думаю себѣ: пойду-ка навѣщу моего Родольфа Вѣдь я хорошо сдѣлалъ, не правда ли? (*беретъ его за руку*) Хлопчатая бумага подешевѣла, кофе въ тойже цѣнѣ, а сахарный песокъ поднялся. Что ты на это скажешь?

ТЕРЕЗА.

Мнѣ кажется, Генрихъ, ваши дружескія посѣщенія походятъ больше на биржевыя дѣла!

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, это такъ только, къ слову пришлось... А кстати!... я и забылъ... Вѣдь я сестру отдаю замужъ.

РОДОЛЬФЪ.

Что ты!

ТЕРЕЗА.

И вы лишь сегодня намъ сказали!

ГЕНРИХЪ.

Да я и самъ-то узналъ только вчера. Я сидѣлъ за фактурами, а Луиза подлѣ меня шила...

ТЕРЕЗА (*взглянувши на Родольфа*).

По нашему!

ГЕНРИХЪ.

Вдругъ вижу я, она плачетъ. «Луиза, говорю я ей, за чѣмъ ты плачешь въ то время, какъ я цыфры складываю? Я тутъ вру безпрестанно.» — Да что жъ мнѣ дѣлать? говоритъ, — мнѣ грустно: Карлъ хочетъ ѣхать за границу. — «А ты его любишь?» Люблю, — говоритъ. Этотъ Карлъ молодой человѣкъ, живетъ въ прикащикахъ у нашего сосѣда. Вотъ я встаю изъ за конторки, беру шляпу и отправляюсь прямо къ Карлу. «Карлъ, правда ли, что вы ѣдете за границу?» — Да, говоритъ, ѣду. — «А за чѣмъ?» чтобъ нажить состояніе, и потомъ опять сюда воротиться. А если я вамъ дамъ десять тысячь талеровъ, съ тѣмъ, чтобъ вы ужъ не ѣздили? «Благодарю, говоритъ, не возьму.» Ну, а если я отдамъ и сестру въ придачу? — Посмотрѣли бъ вы, какъ онъ тутъ выпучилъ на меня глаза, слезы градомъ, и бѣдняжка чуть не бросился мнѣ въ ноги. Я его остановилъ, обнялъ по братски, привелъ къ сестрѣ; они разцѣловались, разахались, и черезъ полчаса у насъ будетъ все дѣло кончено. Сего дня же подпишемъ контрактъ и зададимъ танцовальный вечеръ на помолвкѣ. Ты вѣдь

будешь, не правда ли? и вы также, Тереза, надѣюсь!

ТЕРЕЗА.

Непремѣнно: а обѣдать у насъ!

РОДОЛЬФЪ.

Да, разумѣется, и чтобъ обѣдъ былъ какъ можно лучше, смотри же, распорядись, Тереза.

ТЕРЕЗА.

Ужь будь спокоенъ.

ГЕНРИХЪ.

Ну вотъ! къ чему это? что за глупости! Охота вамъ бросать деньги понапрасну.

РОДОЛЬФЪ.

Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ. Самъ жертвуетъ для сестры своей десять тысячъ талеровъ.

ГЕНРИХЪ.

Какая жъ разница! тутъ они пойдутъ въ пользу; а притомъ если бы тебѣ признаться по душѣ, я почти нехотя согласился на эту свадьбу. Я мѣтилъ совсѣмъ на другаго зятя, даромъ что и этотъ прекрасный малой.

ТЕРЕЗА.

А кто же другой-то?

ГЕНРИХЪ.

Къ чему спрашивать? ужъ натурально другъ Родольфъ, который вотъ здѣсь на лицо. Вѣдь я хитрить не умѣю, у меня что на умѣ, то и на языкѣ. Я съ своей стороны употреблялъ всѣ средства, чтобы свести ихъ по ближе, не удалось, ужъ я не виноватъ.

ТЕРЕЗА (*въ волненіи*).

Вотъ хорошо! А за чѣмъ бы вамъ тутъ мѣшаться и принуждать ихъ?

ГЕНРИХЪ.

Да я и не принуждалъ: но развѣ оно не могло само собою случиться?

ТЕРЕЗА (*съ жаромъ*).

Ни какъ не могло, потому что Луиза любила другаго; стало быть вы, сударь, хотѣли ее сдѣлать несчастною.

ГЕНРИХЪ.

Несчастною? Я? (*Родольфу*) Послушай, что это съ твоей сестрой? Я еще никогда не видалъ ее такою сердитой.

РОДОЛЬФЪ (*въ волненіи*).

Ничего; это изъ любви къ Луизѣ, изъ участія къ тебѣ.

ГЕНРИХЪ.

Вѣрю; но къ чему жъ такъ пылить! Мнѣ очень хотѣлось имѣть тебя своимъ братомъ. Богъ не привелъ: оставимъ попеченіе. (*Посматривая на Терезу*) А можетъ быть мы еще и породнимся!

ТЕРЕЗА (*которая въ это время отошла въ глубину театра*).

А! вотъ и Луиза! наша милая невѣста!

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПРЕЖНІЕ И ЛУИЗА.

ЛУИЗА.

Скажи пожалуйста, Генрихъ, что жъ ты со мною дѣлаешь? я съ ногъ сбилась тебя искавши. Хорошо еще, когда тебя дома нѣтъ, такъ ты всегда здѣсь бываешь, и я знала, что найду тебя навѣрное! — Здравствуйте, Родольфъ! Здравствуй, Тереза! Вы не слыхали?

ГЕНРИХЪ.

Слышали, слышали; ужъ я имъ все разсказалъ.

ЛУИЗА.

Видишь какой! кто тебя просилъ? я бы и сама разсказать умѣла. А между тѣмъ какъ ты здѣсь разговариваешь, онъ, чай, тебя тамъ ждетъ не дождется.

ГЕНРИХЪ.

Кто?

ЛУИЗА.

Разумѣется кто: Карлъ; онъ ужъ давнымъ давно у Нотаріуса, вѣдь контрактъ то самъ собой не сдѣлается:

чай надобно еще вписать статьи; но ты всегда ужъ такой, какъ скоро дѣло идетъ не о торговлѣ!

ГЕНРИХЪ.

Ну, ужъ и ты не хочешь ли бранить-ся? я сейчасъ пойду къ твоему Нотаріусу и мигомъ все улажу.

ЛУИЗА.

Слава Богу! да поскорѣе; а то мнѣ жаль бѣднаго Карла.

ГЕНРИХЪ.

И въ самомъ дѣлѣ; онъ, бѣдненькій жалости достоинъ! Охъ ты, скороспѣлка! — Ну-ка Родольфъ, ты нашъ кассиръ, дай-ка братъ мнѣ денегъ.

РОДОЛЬФЪ.

Сію минуту. (*отпирая ящикъ въ конторкѣ*) Но прежде въ знакъ дружбы позволь мнѣ и Терезѣ подарить невѣсту.

ГЕНРИХЪ.

Ну, вотъ! еще глупости! право! Родольфъ, я тебѣ сто разъ говорилъ, ты вовсе не рожденъ купцомъ...

ЛУИЗА (*увидя богатую золотую цѣпь, которую Родольфъ сынулъ изъ футляра*).

Ахъ! какая славная цѣпочка!

ТЕРЕЗА (*тихо Родольфу*).

Умница!

РОДОЛЬФЪ (*тихо*).

Ты сама ей отдай, потому, что это было куплено для тебя. (*считаетъ банковые билеты*).

ГЕНРИХЪ.

Прошу покорно, золотую цѣпочку такой дѣвочкѣ! Что же онъ подаритъ сестрѣ своей, когда она будетъ выходить замужъ! А не худо бы вамъ, Тереза, взять теперь примѣръ съ Луизы.

ЛУИЗА (*играя цѣпочкою, которую надѣла на нее Тереза*).

Да, Тереза! ступай замужъ: это премило... какъ блеститъ!... Тебѣ стоитъ только захотѣть, а ужъ за женихами дѣло не станетъ.

ГЕНРИХЪ.

Я за это отвѣчаю: у меня даже и теперь есть на примѣтѣ.

РОДОЛЬФЪ (*сидя за конторкою съ примѣтною досадой*).

Да помоги мнѣ по крайней мѣрѣ; одинъ то вѣдь я могу ошибиться въ твоемъ счетѣ.

ГЕНРИХЪ (*не смотря на него*).

Ничего, продолжай, ужъ я на тебя надѣюсь. (*Терезѣ*) И тотъ, о которомъ я вамъ говорю, Тереза, ищетъ только вашей руки, а не приданаго.

РОДОЛЬФЪ.

Смотри, я подвожу итогъ, и если будетъ ошибка...

ГЕНРИХЪ.

Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ: двѣ тысячи, пять тысячъ, триста, тысяча семьсотъ... (*Терезѣ*) Такъ вы ужъ того... подумайте о моемъ женихѣ-то...

ЛУИЗА.

Пари держу, что я его знаю.

ГЕНРИХЪ.

Не знаешь!

ЛУИЗА.

Ахъ, знаю!

ГЕНРИХЪ.

Анъ нѣтъ!

РОДОЛЬФЪ (*съ досадою*).

Да что жъ это когда мы кончимъ! Или ужъ дѣло дѣлать или пустяки болтать!

ГЕНРИХЪ.

Да тебя-то что подмываетъ? Тебѣ кажется спѣшить нѣкуда... (*разсматривая счетную книгу*) Девять тысячъ талеровъ билетами и тысяча наличными!

РОДОЛЬФЪ.

Которыя сегодня долженъ получить по переводному векселю на мое имя съ негоціанта Треймана!

ГЕНРИХЪ.

Ну такъ ступай же къ нему, скорѣе, а я между тѣмъ подведу балансъ и распишусь въ полученіи.

годольфъ.

Да у этого Треймана кассиръ такой мѣшкатной, что вѣрно меня четверть часа продержитъ.

луиза.

Опять остановки! тѣмъ больше надо торопиться. (*беретъ Родольфа подъ руку*) Я съ вами: вы меня домой проводите!

генрихъ.

Съ Богомъ! съ Богомъ! скорымъ шагомъ, разъ, два, три!...

луиза (*уходя Генриху*).

Не заставь себя дожидаться — приходи ровно въ часъ (*уходитъ съ Родольфомъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

генрихъ, тереза.

генрихъ (*смотря имъ въ слѣдъ*)

Ушли!.. счастливый путь! Признаюсь вамъ, Тереза! я очень радъ, что мы вдвоемъ остались!

тереза.

Отъ чего?

генрихъ.

О! отчего... Послушайте... я купецъ, говорю какъ пишу: то есть, иду прямо къ дѣлу. Вотъ вещь какого содержанія. Съ братцемъ вашимъ мы задушевные друзья и товарищи; торгуемъ, слава Богу, прекрасно; кажется, и желать бы нечего; однако жъ съ нѣкоторыхъ поръ и эдакъ иногда очень, очень задумываюсь, и мнѣ бываетъ куда какъ грустно!

тереза.

Неужели, Генрихъ! Ахъ, Боже мой! Скажите, отчего же это?

генрихъ.

Я зналъ, что вы обо мнѣ пожалѣете, вы такія добрыя. Да, Тереза, иной разъ мнѣ въ мысль приходитъ, что домъ мой слишкомъ для меня великъ и какъ будто я одинъ одинехонекъ въ цѣломъ свѣтѣ: чего-то ищу подлѣ себя — и не нахожу... словомъ, мнѣ не достаетъ доброй жены; и если вы хотите, Тереза, мы это дѣло сладимъ: вѣдь я влюбленъ именно въ васъ!

тереза.

Ахъ Боже мой! я не могу опомниться! вы такъ это вдругъ мнѣ говорите!...

генрихъ (*холодно*).

Что жъ? я вамъ просто говорю. — Мнѣ тридцать пять лѣтъ; у меня хорошее состояніе, честное имя!... Вы будете имѣть мужа, не отличнаго умницу, зато добраго малаго; будете во всемъ полною хозяйкою и жить точно такъ же, какъ у своего братца; а впрочемъ вѣдь я люблю его не меньше вашего: такъ почему же намъ и не жить вмѣстѣ? Пусть и въ счастливое время онъ будетъ моимъ товарищемъ!

тереза.

Генрихъ! вы прекрасный, преблагородный человѣкъ.

генрихъ.

Ужъ вы тамъ какъ хотите судите, а только скажите по душѣ: угодно ли вамъ быть моею женою?

тереза.

Если бы вы знали, въ какомъ я теперь замѣшательствѣ! за чѣмъ вы не поговорите объ этомъ брату?

генрихъ.

Ни за что не рѣшусь! Родольфъ мой другъ, мой должникъ, потому что мнѣ какъ-то посчастливилось сдѣлать ему добро, и еслибъ я сказалъ: «Братъ! я люблю твою сестру; отдай ее за меня!» Онъ вѣрно бы сейчасъ мнѣ сказалъ точно такъ же, какъ я давича Карлу: «Бери, братецъ, она твоя!» А вамъ Тереза, того гляди оно бы и не нравилось, потому, что тутъ могутъ быть такія причины и обстоятельства, которыя братьямъ не извѣстны; такъ я и подумалъ самъ себѣ: пойду-ка я лучше сначала пого-

верю съ самою Терезою: какъ скоро она согласится, такъ и дѣло кончено.

ТЕРЕЗА.

Послушайте Генрихъ... если вы хотите, чтобъ я платила за откровенность откровенностью, такъ я признаюсь, не имѣю намѣренія итти замужъ.

ГЕНРИХЪ.

Понимаю, вамъ другой нравится.

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ; и если бы я должна была выбрать себѣ жениха, то ужъ конечно я бы васъ выбрала.

ГЕНРИХЪ.

Въ самомъ дѣлѣ!

ТЕРЕЗА.

Но я ужъ вамъ сказала, что вижу въ васъ только друга моего брата! добраго, честнаго Генриха... я боюсь васъ огорчить, но что жъ дѣлать! я не чувствую къ вамъ любви и могу предложить вамъ одно мое уваженіе и дружбу.

ГЕНРИХЪ.

Право! Ну, такъ чего же мнѣ еще? съ меня и этого довольно, остальное придетъ само собою. Пусть какой нибудь красавецъ ищетъ, чтобъ по немъ вздыхали, ему къ лицу; а мнѣ ужъ куда въ романическіе пастушки! Я радъ и тому, если на меня смотрятъ безъ отвращенія и любятъ какъ добраго человѣка. (*цѣлуетъ руку Терезы*) Да, милая Тереза, клянусь, вы меня такъ осчастливили вашимъ признаніемъ, что я во всю жизнь!..

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

ПРЕЖНІЕ И РОДОЛЬФЪ (*входитъ при послѣднихъ словахъ, когда Генрихъ цѣлуетъ руку Терезы*).

РОДОЛЬФЪ.

Что я слышу!

ТЕРЕЗА.

Ахъ! братецъ!

ГЕНРИХЪ.

Ну, вотъ кстати и Родольфъ... ужъ какъ же ему будетъ пріятно!.. (*подходя къ нему*) Послушай, мой другъ, знаешь ли что?

РОДОЛЬФЪ (*грубо*).

Оставьте меня!

ГЕНРИХЪ.

Ой, ой! каково разсердился!.. Ты мнѣ это говоришь?

РОДОЛЬФЪ.

Вамъ самимъ.

ТЕРЕЗА.

Братецъ!

РОДОЛЬФЪ (*вспыльчиво*).

Молчите, и не мѣшайтесь тамъ, гдѣ васъ не спрашиваютъ.

ГЕНРИХЪ.

А! я вижу, что это значитъ; ты вѣдь престрогой: это вѣрно за то, что я поцѣловалъ руку у Терезы; но какъ скоро я тебѣ скажу мои намѣренія...

РОДОЛЬФЪ.

Совсѣмъ нѣтъ, сударь, вы ошибаетесь. Сестра... сестра моя властна въ своихъ поступкахъ, пусть ее любезничаетъ, слушаетъ всякой вздоръ... для меня это совершенно все равно.

ТЕРЕЗА.

Ахъ, Боже мой! онъ изъ себя выходитъ!

РОДОЛЬФЪ.

Я только хочу, чтобъ мой товарищъ по торговлѣ занимался не пустяками и помнилъ свое дѣло. (*подходя къ конторкѣ*) Я зналъ, что балансъ еще не подведенъ, и росписки также нѣтъ; конечно у васъ есть другія заботы, гораздо важнѣе!

ГЕНРИХЪ.

Да что за чортъ? изъ чего ты бѣсишься? какой тарантулъ тебя укусилъ? Теперь я подведу балансъ и дамъ росписку, или черезъ часъ это сдѣлаю, не все ли это едино? Что за важность?

РОДОЛЬФЪ.

А то, сударь, что каждый день у васъ такъ бываетъ; всѣ дѣла въ запуще-

нія, а отъ чего, отъ того, что вы, сударь, чѣмъ бы дома сидѣть, за конторкою, изволите безпрестанно прохаживаться то туда, то сюда, а я между тѣмъ все одинъ долженъ за васъ работать.

ГЕНРИХЪ.

Помилуй, Родольфъ! въ десять лѣтъ въ первый разъ я слышу отъ тебя жалобы.

РОДОЛЬФЪ (*внѣ себя*).

Всякому терпѣнію есть границы... а вѣдь ужъ это наконецъ и несносно!

ГЕНРИХЪ.

Тьфу чортъ возьми! да ты не шутя трактуешь меня, какъ мальчика.

РОДОЛЬФЪ.

Я, сударь, имѣю полное право на васъ взыскивать, а какъ скоро вамъ это не нравится, такъ можно сегодня же кончить наши распри. Черезъ часъ вы получите ваши деньги, слѣдующія вамъ по счетамъ. Я давича привелъ всѣ книги въ порядокъ, — и съ нынѣшняго дня мы ужъ не товарищи.

ТЕРЕЗА.

Родольфъ! братецъ!

ГЕНРИХЪ.

Какъ!

РОДОЛЬФЪ.

Пора этому кончиться; чѣмъ эдакъ дѣло дѣлать, лучше разойтиться и не знать другъ друга.

ГЕНРИХЪ.

Что!.. Ты ужъ меня отъ себя выгоняешь?.. Вспомни, кто изъ насъ виноватъ!

ТЕРЕЗА.

Генрихъ! Генрихъ! Ради Бога останьтесь!

ГЕНРИХЪ.

Ни за что; я самъ также имѣю свою амбицію — нога моя здѣсь не будетъ.

РОДОЛЬФЪ.

И прекрасно!

ГЕНРИХЪ.

Послѣ такой обиды, надо просто быть подлецомъ; (*рыдая*) ужъ не думаешь ли ты, что я безъ тебя жить не могу?.. Право не умру съ тоски!

РОДОЛЬФЪ.

Да вѣдь и мнѣ горя мало!

ГЕНРИХЪ.

Негодный характеръ!

РОДОЛЬФЪ.

Вѣтряная мельница!

ГЕНРИХЪ.

Неблагодарный.

РОДОЛЬФЪ.

Пустая голова.

ГЕНРИХЪ.

Я сотню друзей найду лучше тебя!

РОДОЛЬФЪ.

На здоровье!.. ступай, набери хоть тысячу, только оставь меня въ покоѣ.

ГЕНРИХЪ (*задыхаясь*).

Хорошо... очень радъ... благодарю за угощеніе... ты больше въ глаза меня не увидишь! прощай! (*въ сторону уходя*) Задыхаюсь... о Боже мой! не знаю доживу ли до завтра!!

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТЕРЕЗА И РОДОЛЬФЪ.

ТЕРЕЗА (*сидитъ въ углу и плачетъ*).
РОДОЛЬФЪ (*не смотря на нее, въ сильномъ волненіи ходитъ по комнатѣ*).

РОДОЛЬФЪ.

Надѣйся на друзей, какъ разъ тебя обманутъ! А я еще каждый день оставлялъ ихъ вмѣстѣ, и нынче утромъ расточалъ ему похвалы передъ Терезою, между тѣмъ какъ мнѣ давно бы надо остерегаться его происковъ! (*остановясь передъ Терезою*) Вы плачете, вамъ конечно очень жаль, что онъ ушелъ?

ТЕРЕЗА.

Очень, а еще больше жаль видѣть моего брата несправедливымъ и жестокимъ; этого никогда не было.

РОДОЛЬФЪ.

Сами виноваты, зачѣмъ вы меня обманули?

ТЕРЕЗА.

Я васъ обманула?

РОДОЛЬФЪ.

Да, сударыня! вы потому лишь отказались давича выйти за Миллера, что втайнѣ любили Генриха; не говорю, чтобъ вы не могли располагать собою, — въ вашей волѣ назвать его своимъ мужемъ: ужъ я, разумѣется, мѣшать вамъ не стану, но мнѣ обидно, что вы отъ меня скрывались.

ТЕРЕЗА.

Какъ! неужели ты могъ подумать, чтобъ Генрихъ...

РОДОЛЬФЪ.

Не хотите ли вы меня увѣрить, что онъ вотъ сейчасъ, на этомъ мѣстѣ, не говорилъ вамъ о своей любви?

ТЕРЕЗА.

Къ чему же мнѣ запираться? говорилъ.

РОДОЛЬФЪ.

И такъ вы видите, что онъ хотѣлъ васъ обольстить.

ТЕРЕЗА.

Онъ хотѣлъ на мнѣ жениться.

РОДОЛЬФЪ (*въ сторону*).

Обманщикъ! (*вслухъ*) И я вышелъ въ то время, какъ онъ васъ за что-то благодарилъ?

ТЕРЕЗА.

Да, благодарилъ за мою дружбу, потому, что я ничего больше ему не обѣщала.

РОДОЛЬФЪ.

Что я слышу!..такъ вы ему сказали...

ТЕРЕЗА.

Я сказала, что готова быть его другомъ, но не женою.

РОДОЛЬФЪ.

Какъ!

ТЕРЕЗА.

Еще я ему сказала то, что я не намѣрена выходить замужъ, а хочу навсегда остаться при васъ; правда, тогда я думала о васъ гораздо лучше: кто жъ зналъ, что у васъ такое злое сердце!

РОДОЛЬФЪ (*въ сторону*).

Боже! я погибъ!..(*вслухъ*) Да, Тереза, надо признаться: я извергъ!.. вы оба должны презирать меня!.. Бѣдный Генрихъ! какъ я его оскорбилъ! Я оскорбилъ моего благодѣтеля!

ТЕРЕЗА.

Ты съ нимъ совсѣмъ разстался!

РОДОЛЬФЪ.

Неужели!

ТЕРЕЗА.

Выгналъ его изъ дома!

РОДОЛЬФЪ.

О! нѣтъ, быть не можетъ!

ТЕРЕЗА.

Да! и еще въ то время, какъ онъ сговорилъ свою сестру, и они должны были вмѣстѣ съ женихомъ у насъ обѣдать.

РОДОЛЬФЪ.

Я его выгналъ! выгналъ лучшаго моего друга! моего брата! (*Терезѣ*) Стало я очень разсердился?

ТЕРЕЗА.

Я тебѣ говорю, что я отъ роду тебя такимъ не видала: глаза у тебя горѣли, губы дрожали, все лице поблѣднѣло... Вѣрно, Родольфъ, тебѣ было очень больно!

РОДОЛЬФЪ.

Да, я чувствовалъ адское мученіе... я совсѣмъ потерялъ разсудокъ... но теперь мнѣ легче... и еслибы я могъ увидѣться съ Генрихомъ... А кстати, Тереза: какъ ты думаешь, придетъ ли онъ къ намъ опять?

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ; онъ далъ слово, что никогда ужъ сюда не будетъ... Но еслибъ ты къ нему пошелъ и помирился.

РОДОЛЬФЪ.

Конечно... но я не смѣю, мнѣ стыдно...

ТЕРЕЗА.

Хочешь, я къ нему схожу?

РОДОЛЬФЪ

Ахъ, сдѣлай милость!..

ТЕРЕЗА.

Я скажу ему: Генрихъ! я пришла къ вамъ съ просьбою отъ брата: обнимитесь, поцѣлуемтесь — и все забыто!

РОДОЛЬФЪ.

А! ты его поцѣлуешь?... Да, да, въ самомъ дѣлѣ... Или лучше знаешь что? Напиши къ нему, попроси, чтобъ онъ сюда пришелъ, что будто тебѣ надо съ нимъ поговорить, такъ мы тутъ же сейчасъ и помиримся.

ТЕРЕЗА.

Какъ тебѣ угодно, изволь я напишу.

РОДОЛЬФЪ.

А теперь покуда прощай, Тереза... мнѣ нужно подышать на чистомъ воздухѣ: эта ссора меня совершенно разстроила... я пройдусь по берегу... Такъ ты напишешь? а?

ТЕРЕЗА.

Непремѣнно. Ты ужъ на меня не сердишься?

РОДОЛЬФЪ (*возвращаясь и цѣлуя ее*).

О! нѣтъ! лишь ты на меня не сердись пожалуйста! — Прощай, милая Тереза, до свиданія (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТЕРЕЗА (*одна*).

Что съ нимъ сдѣлалось? онъ никогда не былъ въ такомъ волненіи; и я сама... Понять не могу... но теперь когда онъ меня обнялъ... сердце такъ сильно забилось!... Напишу скорѣй къ Генриху. (*садится за конторку*) Однакожъ странно, Родольфъ, который всегда такъ добръ и ласковъ, вдругъ вышелъ изъ себя, при одной мысли о моемъ замужствѣ!... Впрочемъ что жъ! я это почти по себѣ знаю... давича, когда Генрихъ сказалъ, что ему хотѣлось выдать Луизу за моего брата, я тоже готова была разсердиться и чуть-чуть съ нимъ не поссорилась. Любопытно знать, всѣ ли сестры имѣютъ такую привязанность къ своимъ братьямъ; спрошу объ этомъ... А! вотъ и Луиза (*встаетъ и складываетъ записку*).

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТЕРЕЗА, ЛУИЗА (*съ платкомъ въ рукѣ, въ вѣнчальномъ платьѣ*).

ЛУИЗА (*плачетъ*).

Ахъ ты, Господи Боже мой! ну кто бы этого ожидалъ?

ТЕРЕЗА.

Что съ тобою, милая Луиза?

ЛУИЗА.

Какъ что? ты знаешь, вѣдь это при тебѣ было. Братецъ пришелъ домой на себя не похожъ, смотрѣть жалко... то бранится, то заплачетъ, то засмѣется... Ахъ, Боже мой! какіе несносные эти мужчины! Вздумали поссориться, и тогда какъ мнѣ надобно итти къ вѣнцу!.. точно нельзя было имъ разбраниться послѣ моей свадьбы!.. Но ужъ въ этихъ братьяхъ нѣтъ никакой жалости.

ТЕРЕЗА.

Успокойся, все поправится.

ЛУИЗА.

Да, поправится!.. Карлъ съ ума сходитъ, въ отчаяніи! Если бъ ты знала, какъ Генрихъ принялъ его въ свою очередь! Бѣдняжкѣ досталось въ чужомъ пиру похмѣлье!.. И что всего ужаснѣе, братецъ теперь не хочетъ и слышать про нашу свадьбу: приказалъ мнѣ сію же минуту отдать назадъ золотую цѣпочку, что г. Родольфъ мнѣ подарилъ; скажите пожалуйста: къ какой же это стати? вѣдь я съ Родольфомъ не ссорилась.

ТЕРЕЗА.

Полно! Родольфъ ужъ одумался; а я надѣюсь, что скоро по моей просьбѣ и Генрихъ...

ЛУИЗА.

Ахъ, пожалуйста, сдѣлай милость, Тереза, помири ихъ какъ нибудь по-

скорѣе: церемонія назначена въ два часа! Да растолкуй мнѣ, за что у нихъ вышло?

ТЕРЕЗА.

Не знаю; я вотъ тутъ разговаривала съ Генрихомъ; и кажется онъ цѣловалъ мнѣ руку, когда Родольфъ вошелъ въ комнату.

ЛУИЗА.

Такъ за это-то онъ разсердился? Мой братъ гораздо добрѣе: цѣлуй меня сколько душѣ угодно, онъ и слова не скажетъ!

ТЕРЕЗА.

Какъ! это ему ничего?

ЛУИЗА.

По крайней мѣрѣ я никогда не замѣчала, чтобъ это для него что нибудь значило. А вотъ Карлъ другое дѣло; этотъ точно левъ, — такъ вотъ и задрожитъ весь! но несмотря на его вспыльчивость, онъ тутъ дѣлается мнѣ еще милѣе: это только отучитъ отъ кокетства, потому что какъ скоро онъ въ досадѣ, и мнѣ не весело.

ТЕРЕЗА.

Добрая Луиза! и ты также грустишь, когда твой братъ огорчится чѣмъ нибудь?

ЛУИЗА.

О! я его очень люблю, разумѣется; но это все не то.

ТЕРЕЗА.

Какъ! развѣ чувство къ брату не такъ сильно и не есть первый долгъ? Развѣ ты не безпрестанно думаешь о Генрихѣ?

ЛУИЗА.

Ну какъ не думать! думаю, когда съ ними вмѣстѣ бываю... но что касается до Карла, о это совсѣмъ большая разница! Не знаю, какъ это дѣлается, но онъ ни на минуту не выходитъ изъ моихъ мыслей... днемъ и ночью онъ все какъ будто у меня передъ глазами.

ТЕРЕЗА (*въ сильномъ волненіи*).

Ну, а когда твой братъ тебя оставляетъ, когда его дома нѣтъ, ты по немъ не тоскуешь?

ЛУИЗА.

Ни сколько, потому я знаю, что онъ опять домой воротится. А вотъ если напримѣръ Карлъ отъ меня куда нибудь уѣдетъ, хоть не на долго, то мнѣ ужъ кажется, что мы на всю жизнь разстались, что для меня ужъ все кончено и цѣлый свѣтъ тогда мнѣ точно пустыня... жду не дождусь, считаю часы, минуты, и чуть только еще издалека его увижу, то вдругъ такъ обрадуюсь, такъ обрадуюсь, что тутъ же все и позабуду!

ТЕРЕЗА (*въ сторону, въ волненіи и страхѣ*).

Ахъ, Боже мой! (*вслухъ*) Ну, а скажи, Луиза, что ты чувствуешь въ то время, какъ твой братъ возметъ тебя за руку и поцѣлуетъ!

ЛУИЗА.

Я даже и не обращаю вниманія; но Карлъ... (*тихо*) Ну, тутъ ужъ я тебѣ не могу и выразить!.. сперва эдакъ меня всю въ жаръ броситъ... и трепетаніе сердца... и въ груди, эдакъ, замретъ... и я едва дышу!

ТЕРЕЗА.

Возможно ли?

ЛУИЗА.

Впрочемъ оно и не удивительно; и если ты хочешь, я тебѣ сейчасъ растолкую, отъ чего это происходитъ; вотъ видишь ли: одного-то люблю я какъ брата, а другаго-то какъ любовника (*Тереза готова упасть и облокотиться на спинку креселъ*) Ай, ай! Тереза! что съ тобою сдѣлалось?

ТЕРЕЗА (*закрывая лицо рукою*).

О, несчастная!

ЛУИЗА.

Развѣ я тебя чѣмъ нибудь разстроила, или огорчила?

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ очень благодар-

на. Поди, Луиза, къ своему брату, отдай ему эту записку и скажи, что я хочу съ нимъ видѣться... Только придетъ ли онъ?

ЛУИЗА.

На вѣрное придетъ; да вотъ сейчасъ еще онъ дома у себя клялся, что никогда сюда и не заглянетъ, а между тѣмъ безпрестанно надѣвалъ шляпу, и собирался прямо къ вамъ... да вотъ... вотъ онъ! его ли надобно!

ТЕРЕЗА.

Хорошо, оставь насъ.

ЛУИЗА.

Такъ ты ихъ помиришь, не правда ли?.. а если онъ спроситъ про цѣпочку, такъ ты скажи, что я де-скать приносила, да не взяли.

—

ЯВЛЕНІЕ 10.

ПРЕЖНІЕ И ГЕНРИХЪ (*входитъ задумавшись и видитъ свою сестру*).

ГЕНРИХЪ.

Что ты здѣсь дѣлаешь?

ЛУИЗА.

Ничего... я такъ... я уйду! (*въ сторону*) Пойду успокоить Карла (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

ГЕНРИХЪ, ТЕРЕЗА.

(*Генрихъ въ замѣчательствѣ смотритъ по сторонамъ*).

ТЕРЕЗА.

Такъ! нечего раздумывать, мнѣ осталось одно средство. (*подходитъ къ Генриху, стоящему въ глубинѣ сцены*) Это вы, любезный Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Да; я вышелъ прогуляться... и когда поравнялся съ вашимъ домомъ... ошибся дверью и думалъ, что иду къ тебѣ.

ТЕРЕЗА.

Что жъ! по моему вы не ошиблись.

ГЕНРИХЪ.

И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь я поклялся не ходить къ Родольфу, а не къ вамъ, добрая Тереза.

ТЕРЕЗА.

Благодарю васъ, Генрихъ (*указывая на записку, которая осталась на столѣ*). Я хотѣла послать къ вамъ записку, просить, чтобы вы ради Бога пришли помириться съ братомъ.

ГЕНРИХЪ.

Помириться? послѣ такой обиды!..

ТЕРЕЗА.

Онъ самъ чувствуетъ свою вину и отъ всего сердца готовъ просить у васъ прощенія, но ему совѣстно показаться вамъ на глаза; онъ не смѣетъ обнять васъ.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, право?.. Что вы говорите?.. Родольфъ! мой другъ! гдѣ онъ? скорѣй ведите меня къ нему.

ТЕРЕЗА.

Постойте, Генрихъ, чтобъ совершенно упрочить ваше согласіе, чтобы вы теперь ужъ навсегда были добрыми друзьями, у меня есть къ вамъ одна просьба.

ГЕНРИХЪ.

Просьба! чортъ возьми, приказывайте: все мое принадлежитъ вамъ обоимъ!

ТЕРЕЗА.

Давича вы мнѣ говорили, что вы меня любите и хотите на мнѣ жениться.

ГЕНРИХЪ.

Ахъ! я бы тогда былъ счастливѣе самаго Китайскаго Императора!

ТЕРЕЗА.

Ну, такъ если я вамъ нравлюсь, если вы и теперь еще желаете имѣть меня своею женою: я ваша!

ГЕНРИХЪ (*въ сомнѣніи*).

Какъ! возможно ли!.. Нѣтъ! сдѣлайте милость, не обманывайте меня... вѣдь эдакъ не долго уморить человѣка!..

ТЕРЕЗА.

Я готова итти съ вами къ вѣнцу на

этой же недѣли, завтра, даже сегодня, если вамъ угодно.

ГЕНРИХЪ.

Творецъ Небесный! такое неожиданное счастіе, блаженство!.. Да нѣтъ! я ей Богу умру отъ радости!

ТЕРЕЗА.

Генрихъ, добрый Генрихъ, другъ мой, умѣрьте свой восторгъ и выслушайте меня. Вы напередъ должны, и сейчасъ сію же минуту итти къ брату, просить его согласія.

ГЕНРИХЪ.

Иду.

ТЕРЕЗА.

А ежели онъ станетъ противиться...

ГЕНРИХЪ.

Не станетъ!

ТЕРЕЗА.

Въ такомъ случаѣ вы скажите ему, что *я*, я сама хочу итти за васъ — понимаете?

ГЕНРИХЪ.

Помилуйте, ужъ и очень понимаю!.. Да вотъ и онъ... Вы увидите!

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ, позвольте мнѣ васъ оставить (*уходя*) При немъ я не выдержу!.. (*уходитъ въ дверь на лѣво*).

—

ЯВЛЕНІЕ 12.

ГЕНРИХЪ И РОДОЛЬФЪ.

(*Родольфъ входитъ въ задумчивости и видитъ передъ собою Генриха. Оба молчатъ, и потомъ бросаются другъ другу на шею.*)

РОДОЛЬФЪ.

Братъ!

ГЕНРИХЪ.

Другъ!

РОДОЛЬФЪ.

Генрихъ!.. простилъ ли ты меня?

ГЕНРИХЪ.

Полно все забыто!.. но только съ уговоромъ, чтобъ ужъ никогда ни слова объ этомъ!

РОДОЛЬФЪ.

Изволь; но мнѣ хотѣлось бы однакожъ хоть чѣмъ нибудь доказать мою къ тебѣ любовь; хоть какъ нибудь заплатить тебѣ за твою дружбу!

ГЕНРИХЪ.

Если такъ, Родольфъ, хорошо: я скажу тебѣ средство.

РОДОЛЬФЪ.

Говори!

ГЕНРИХЪ.

Мы теперь съ тобой друзья: будемъ родные!

РОДОЛЬФЪ.

Какъ такъ?

ГЕНРИХЪ.

Я люблю сестру твою, отдай ее за меня.

РОДОЛЬФЪ (*вспыльчиво*).

Что?.. Терезу?..

ГЕНРИХЪ.

Ну вотъ! опять раскипятился! кой чертъ съ нимъ сегодня дѣлается?

РОДОЛЬФЪ (*удерживаясь*).

Ничего, мой другъ, извини. Конечно я бы очень былъ радъ, ты самъ знаешь; но мнѣ нѣсколько извѣстны чувства моей сестры... и какъ я ни друженъ съ тобою, а все нельзя же мнѣ ее принудить.

ГЕНРИХЪ.

Э! стало ты изъ того только не соглашаешься!

РОДОЛЬФЪ.

Да, мой другъ, иначе я бы...

ГЕНРИХЪ (*бросаясь къ нему на шею*).

Душа моя! Поздравь меня! Тереза-то сама и поручила мнѣ съ тобою объясниться!

РОДОЛЬФЪ.

Что ты говоришь?

ГЕНРИХЪ.

Давича, это правда, она мнѣ отказала; а теперь передумала и велѣла просить твоего согласія... Ба!.. Родольфъ! съ тобою дурнота!..

РОДОЛЬФЪ.

Ничего... я такъ удивленъ... такой нечаянностію...

ГЕНРИХЪ.

Право! ну вотъ сію минуту и со мною было тоже самое... я зналъ, ты будешь въ восхищеніи... Мой добрый Родольфъ, мой другъ!.. Наконецъ — поди же!.. мы все таки побратались.

РОДОЛЬФЪ (*съ притворнымъ равнодушіемъ*).

Такъ она тебя любитъ, ты въ этомъ увѣренъ!

ГЕНРИХЪ (*простодушно*).

Еще бы! когда она сама сказала.

РОДОЛЬФЪ (*съ усиліемъ*).

Хорошо... Тереза твоя!

ГЕНРИХЪ.

Какое счастіе!

РОДОЛЬФЪ.

Ея приданое давно готово

ГЕНРИХЪ.

Приданое! да развѣ я его требую? Ну тебя къ Богу и съ твоимъ приданымъ! Я теперь и безъ того первый богачь въ мірѣ! Прощай! побѣгу распорядиться, сказать сестрѣ и Карлу!... Бѣдняжки! я ввелъ ихъ въ слезы, и самъ на себя досадую, вѣдь это ужасно: ты радуешься, а тутъ другіе охаютъ... Не правда ли? а!... (*взявъ его за руку*) До свиданія, мой другъ; сію минуту явлюсь къ тебѣ франтомъ, женихомъ, съ букетомъ въ петличкѣ и съ свадебнымъ контрактомъ въ рукѣ; мы оба вмѣстѣ его подпишемъ.

(*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 13.

РОДОЛЬФЪ (*одинъ*).

Не могу опомниться! Какое вѣроломство! лицемѣрка! Давно ли она обѣщала со мной не разлучаться?.. Такъ пусть же ее узнаетъ... Нѣтъ, теперь меньше, чѣмъ когда нибудь... она вѣкъ отъ меня не услышитъ. Да, Тереза, я поклялся умирающей твоей матери, заботиться о твоемъ счастіи; я устроилъ его, съ потерею своего собственнаго — и ты, которая мнѣ ее поручила, возьми ее теперь назадъ; моя клятва исполнена!.. Это она! соберу всю свою твердость.

—

ЯВЛЕНІЕ 14.

РОДОЛЬФЪ, ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА (*дрожа*).

Братецъ, Генрихъ ушолъ?

РОДОЛЬФЪ.

Сейчасъ только вышелъ?

ТЕРЕЗА (*тоже*).

Онъ вамъ сказалъ?

РОДОЛЬФЪ.

Все, я далъ свое согласіе, и сегодня вы будете его женою.

ТЕРЕЗА (*въ сторону, устремляя взоры къ небу*).

Теперь, все кончено.

РОДОЛЬФЪ.

Одно слово, Тереза... Почему вы мнѣ прежде не сказали всю истину? Давича вы увѣряли меня, что не хотите итти замужъ.

ТЕРЕЗА.

Правда; но теперь я рѣшилась.

РОДОЛЬФЪ.

Что же заставило васъ перемѣнить намѣреніе?

ТЕРЕЗА.

Прошу васъ, не спрашивайте!.. это единственная тайна, которой вы никогда отъ меня не узнаете.

РОДОЛЬФЪ.

Тереза! ты меня ужъ не любишь?

ТЕРЕЗА (*съ нѣжностью*).

Я? я тебя не люблю! ... (*остановясь съ большимъ усиліемъ*) Родольфъ! Я иду замужъ, и ни за кого другаго, какъ за Генриха.

РОДОЛЬФЪ.

Богъ тебя благословитъ! Генрихъ честный человѣкъ, и ты будешь съ нимъ счастлива! (*идетъ къ конторкѣ и вынимаетъ оттуда бумагу*) Возьми, вотъ наше богатство; я для тебя его

собралъ... хотя и надѣялся... Но все равно, возьми это твое приданое.

ТЕРЕЗА.

Хорошо, хорошо!

РОДОЛЬФЪ.

Будь счастлива, и помни Родольфа!.. прощай!

ТЕРЕЗА.

Куда ты?

РОДОЛЬФЪ.

На первый корабль, въ другую часть свѣта!

ТЕРЕЗА.

Какъ! ты ѣдешь отсюда?.. и я съ тобою! я отъ тебя не отстану!

РОДОЛЬФЪ.

А, Генрихъ?

ТЕРЕЗА.

Что мнѣ до него?

РОДОЛЬФЪ.

Онъ твой женихъ!

ТЕРЕЗА.

Мой долгъ всюду слѣдовать за тобою.

РОДОЛЬФЪ.

Тебѣ слѣдовать за мною! но одно слово сейчасъ тебя остановитъ... Да, Тереза! узнай же мою тайну: до сихъ поръ ты думала что я люблю тебя, какъ другъ, какъ братъ...

ТЕРЕЗА (*въ ужасѣ*).

Не договаривай, ступай, удались отъ меня!

РОДОЛЬФЪ (*въ сторону*).

Боже! какой лучъ надежды!.. (*вслухъ*) Такъ, Тереза, я самъ чувствую, что я долженъ бы съ тобой разстаться, когда бъ ты любила меня столько же, сколько я тебя люблю.. когда бы ты отвѣчала моей страсти...

ТЕРЕЗА (*внѣ себя*).

Бѣги! бѣги отъ меня!

РОДОЛЬФЪ.

Творецъ! что я слышу! (*Терезѣ, которая закрываетъ лицо руками*) Тереза! не бойся!... если ты точно меня любишь, въ этомъ нѣтъ преступленія: я не братъ твой!

ТЕРЕЗА.

Что ты говоришь? Возможно ли?

РОДОЛЬФЪ.

Клянусь тебѣ прахомъ моей матери, которая теперь можетъ быть слышитъ насъ и знаетъ, что я не достоинъ такого счастія!

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

ПРЕЖНІЕ И ЛУИЗА.

ЛУИЗА (*за сценой*).

Тереза! Тереза! (*входитъ*) Вы здѣсь? Что жъ вы тутъ стоите? ступайте! А вы еще не готовы!... всѣ собрались у Нотаріуса... Если бъ ты знала, Тереза, въ какомъ всѣ восхищеніи; особливо я!... вѣдь ты будешь мнѣ сестрица! А ужъ твой женихъ Генрихъ — право съ ума сходитъ отъ радости!

РОДОЛЬФЪ (*въ сторону*).

Боже! что я ему скажу?...

ТЕРЕЗА (*въ сторону*).

Какъ я ему признаюсь?...

ЛУИЗА.

Бѣдный Генрихъ! на себя не похожъ, не постоитъ на мѣстѣ!... потому то мы и прискакали за вами оба?

ТЕРЕЗА.

А гдѣ же онъ?

ЛУИЗА.

Онъ приказалъ мнѣ итти впередъ; у вашихъ дверей съ нимъ встрѣтился молодой военный, какой то Г. Миллеръ, который остановилъ его и началъ съ нимъ что-то по тихоньку разговаривать.

РОДОЛЬФЪ (*въ сторону*).

Миллеръ получилъ мою записку.

ЛУИЗА.

Но, что вы оба носъ повѣсили? Ну, пристало ли невѣстѣ быть такой печальной? Нѣтъ мой братъ, не въ тебя, — посмотрѣла бъ ты на него!... да вотъ и онъ идетъ... (*увидя, что Генрихъ входитъ блѣдный и разстро-*

енный) Ахъ, Господи! да нынче знать на всѣхъ находитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 16.

ПРЕЖНІЕ И ГЕНРИХЪ.

ГЕНРИХЪ *(взявъ Родольфа за руку).*

Родольфъ, я на тебя очень сердитъ, ты меня обманулъ... скрылъ отъ меня тайну.

РОДОЛЬФЪ.

Генрихъ!

ГЕНРИХЪ.

Я все знаю. Миллеръ сейчасъ показывалъ мнѣ письмо, которое ты къ нему писалъ сегодня утромъ. Я могъ простить *(Родольфу)* тебѣ за твою вспыльчивость; *(Терезѣ)* васъ, за уничтоженіе всѣхъ моихъ надеждъ; но зато, что вы оба чуть не сдѣлали меня причиною вашего несчастія, я никогда васъ не прощу!

ТЕРЕЗА.

Вы правы... я обѣщалась за васъ выттн... и готова сдержать свое слово, если вы этого требуете.

ГЕНРИХЪ *(съ радостью).*

Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ?... Она моя! Такъ я теперь стало быть счастливѣе тебя, Родольфъ, потому что могу отдать свою невѣсту моему лучшему другу *(соединяетъ ихъ).*

ТЕРЕЗА *(Родольфу).*

Боже мой!

ЛУИЗА.

Да что жъ это такое? Я невольно плачу, и сама не знаю отъ чего.

ГЕНРИХЪ.

Послѣ тебѣ растолкуютъ; но будь спокойна: ужъ твоя свадьба не разойдется. Ступайте, друзья мои васъ ждутъ. Вамъ нуженъ свидѣтель: хотите ли, чтобъ я имъ былъ? а?..

РОДОЛЬФЪ.

Генрихъ! это слишкомъ! ты вѣрно въ душѣ страдаешь!...

ГЕНРИХЪ.

Я страдаю! тогда какъ сестра моя и вы, задушевные друзья мои, нашли свое счастіе?... Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ остается въ утѣшеніе ваша дружба. *(беретъ ихъ за руку)* и картина вашего благополучія... *(вынимая букетъ изъ петлички)* Братъ! вотъ тебѣ мой букетъ! ступай, подписывай контрактъ!

ОТЧЕТЪ

ЗА ИСТЕКШЕЕ ПОЛУГОДІЕ О ДОСТОИНСТВѢ ПЬЕСЪ И ВЫПОЛНЕНІИ ИХЪ АРТИСТАМИ

НА

АЛЕКСАНДРЫНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Репертуаръ Русскаго театра обязанъ представить отчетъ за первое полугодіе о достоинствѣ пьесъ и выполненіи ихъ артистами, что онъ и дѣлаетъ — съ *голоса публики.* Мы думаемъ, что масса людей, именуемая публикою, повидимому искусственно, но въ сущности по самой естественной необходимости, раздѣленная на разряды, ни въ какомъ случаѣ не живетъ такъ явственно жизнію слитою въ одно чувство, въ одинъ умъ, какъ въ театральномъ зрѣлищѣ. Театральное зрѣлище выражаетъ жизнь во всѣхъ ея безконечныхъ оттѣнкахъ, которые неуловимы для каждаго разряда людей, рѣзко отдѣленнаго одинъ отъ другаго своимъ образомъ привычки чувствованія и мышленія. Только въ театрѣ простолюдинъ съ радостнымъ любопытствомъ заглядываетъ въ жизнь барина и съ отраднымъ чувствомъ успокоенія видитъ, что и на высшихъ ступеняхъ лѣстницы общественной жизни та же скорбь, тѣ же радости, тѣже страхи и тѣ же надежды волнуютъ сердце человѣческое; не меньше того и человѣкъ высшаго круга только на сценѣ увлекается въ сочувствіе и грусти и веселья съ такими людьми, съ какими онъ никогда не можетъ встрѣтиться въ обществѣ ни подъ какимъ родомъ сближенія.

Не только общія святыя волненія сердца — чувство благодарности къ благодѣтельной власти, привязанность къ родинѣ, связи крови, любви и дружбы, но каждое явленіе тревожной жизни, какого бы ни было разряда, въ особенности понятно каждому подъ вліяніемъ этого тайнаго сочувствія, которое въ организмѣ всего человѣчества связываетъ самыя раздѣльныя мѣстоположенія людей точно также, какъ въ тѣлѣ человѣка по тому же закону каждый органъ участвуетъ въ раздраженіи другаго. Драма выражаетъ данный моментъ жизни взволнованной; зритель участвуетъ въ ней, какъ въ жизни дѣйствительной, на это мгновеніе; страсть, вѣрно выраженная авторомъ и вѣрно переданная артистомъ, равно увлекаетъ въ сочувствіе каждаго зрителя, будетъ ли она оскорбленное честолюбіе вельможи, или безкорыстное самоотверженіе ремесленника: едино

мгновенный взрывъ рукоплесканій доказываетъ, что каждый понялъ, каждый почувствовалъ, то есть, что и въ креслахъ и въ ложахъ и въ райкѣ у каждаго есть своя доля ума и чувства: эти-то доли, взятыя вмѣстѣ, составляютъ неподдѣльное, безкорыстное цѣлое — голосъ публики.

Можетъ быть я ошибаюсь, но посѣщая Русскіе театры слишкомъ двадцать лѣтъ, наблюдая публику и критиковъ, съ каждымъ представленіемъ болѣе и болѣе убѣждаюсь, что голосъ публики — единственный, хотя и невсегда безпристрастный, судья — вѣрнѣе опредѣляетъ настоящее достоинство пьесы по современному требованію, нежели судъ критики всегда своенравный, всегда увлекаемый самолюбіемъ, желаніемъ отличиться — и передъ кѣмъ же — предъ той же публикой, на которую сваливаетъ обвиненіе въ пристрастіи — съ больной головы на здоровую.

Слѣдующій обзоръ новыхъ пьесъ расположили мы по времени появленія ихъ на сценѣ въ бенефисы артистовъ Александрынскаго театра.

Бенефисъ г. Каратыгина 1-го.
Смерть или честь! драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. А. Полеваго.

Почтенный Н. А. Полевой задалъ себѣ вопросъ — можно ли заимствовать изъ повѣсти сценическое представленіе: пробная драма его Смерть или честь, взятая изъ повѣсти «Песчинка», разрѣшаетъ вопросъ какъ нельзя утвердительнѣе: публика двукратнымъ торжественнымъ вызовомъ благодарила автора за прекрасную попытку.

Идея драмы — спасеніе, чести—понятна, близка сердцу каждаго зрителя; образецъ честности, благородства и великодушія, благодѣтель своего отечества графъ и министръ платитъ дань слабости человѣческой, влюбляется въ жену герцога и для спасенія ея чести, уже подозрѣваемой, падаетъ въ новое преступленіе: оклеветываетъ своей любовію сестру и невѣсту бѣдныхъ ремесленниковъ. Честные ремесленники очень естественно не менѣе его дорожатъ честію: женихъ отказывается отъ опозоренной невѣсты, и братъ, теряющій единственное благо свое — доброе имя, начинаетъ борьбу неравную, но дѣятельную, торжествующую съ пособіями враговъ министра, и возвращаетъ сестрѣ честь и жениха. Вся пьеса исполнена жизни и истины; вниманіе зрителя распаляется больше и больше отъ перваго до послѣдняго явленія. Авторъ выполнилъ дѣло мастеромъ. Артисты шли объ руку съ авторомъ вѣрно.

Г. Каратыгинъ 1-й былъ истинный типъ честнаго, твердаго, глубоко обиженнаго ремесленника; если голосъ его возвышался и переходилъ границу своего состоянія въ сценахъ съ всесильнымъ графомъ, то не должно забывать, что это былъ уже не слесарь, пришедшій въ домъ вельможи по ремеслу, но *человѣкъ* невинно позоримый, отстаивающій святыню чести сестры своей, юноша въ цвѣтѣ силъ, братъ мститель: малѣйшая робость унизила бы его предъ могуществомъ перваго княжескаго министра и погубила бы его дѣло; онъ рѣшился: смерть или честь и — такъ и дѣйствуетъ. Г-жа Каратыгина была не менѣе совершенна въ ролѣ герцогини; публика по обыкновенію громкими продолжительными рукоплесканіями встрѣчала и провожала своихъ любимцевъ. Г. Каратыгинъ 2-й съ честію выдержалъ трудную и довольно сбивчивую роль графа Оттона, то благороднаго, сильнаго душой — какъ министра, то робкаго, терзаемаго мукой невольнаго преступленія — какъ любовника, вдругъ рѣшающагося на злодѣяніе и потомъ

на самоотверженіе тяжко-героическое. Все это было выражено отчетливо и съ достоинствомъ. Роль Шнупфтуха сплетника, табачнаго продавца, игралъ нашъ Протей, г. Сосницкій: есть же люди, (какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!) обвиняющіе этого чуднаго артиста въ однообразіи; и мы знаемъ за нимъ однообразіе: онъ всегда одинаково умѣетъ быть именно тѣмъ лицемъ, которое представляетъ — ни больше, ни меньше — въ истинную мѣру. Важный урокъ всѣмъ комическимъ артистамъ!

Семейный судъ, или *свои собаки грызутся, а чужая не приставай*, комедія въ одномъ дѣйствіи.

Дюрозо, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ Французскаго.

Двѣ Русскія галиматьи, передѣланныя съ Французскаго вздора. Авторы неизвѣстны; а для строжайшаго инкогнито оба пьесечки исключены изъ Репертуара.

Бенефисъ г. Каратыгина 2.

Иванъ Рябовъ, рыбакъ Архангелогородскій, историческая быль въ двухъ картинахъ, соч. Н. В. Кукольника.

Честь и слава писателямъ, оживляющимъ въ памяти Русскаго народа доблестныя дѣла, которыми такъ богата его исторія. Можетъ быть подвигъ рыбака - лоцмана, посадившаго на мель непріятельскіе корабли, слишкомъ *обособленъ* для драмы и матеріально неудобоисполнимъ въ представленіи; общее смятеніе Архангелогородцевъ съ приближеніемъ грознаго врага и въ то же время необоримый духъ побѣднаго торжества, свойственный вѣку Петрову, разлитый авторомъ такъ искусно и такъ понятно въ чтеніи... а на сценѣ? все пропало! Но виноватъ ли авторъ, что картины, имъ нарисованныя, переданы дурно въ дѣйствіи? Нельзя на всѣ роли набрать Каратыгиныхъ и Сосницкихъ. На зрителей вѣяло со сцены холодомъ; они видѣли не смятеніе, порожденное страхомъ близкаго врага, по суматицу невыученныхъ ролей... Прекрасный подвигъ избавленія, совершавшійся за сценой, пересказанъ актерами, восклицавшими не во время и съ громкими подсказами суфлера; г. Григорьевъ 1-й особенно отличился въ этомъ родѣ; даже въ разсказѣ его про свиданіе съ Великимъ Петромъ (лучшее мѣсто во всей піесѣ) не было ни капли одушевленія! И зрители невольно вспоминали Сосницкаго въ Дѣдушкѣ Русскаго флота. Только появленіе г. Каратыгина 1 (Ивана Рябова) оживляло по временамъ сцену и зрителей; одушевленный разсказъ, исполненный г. Афанасьевымъ, про удальство Рябова и погибель Дмитрія также награжденъ былъ громкимъ рукоплесканіемъ. Г-жа Гусева (Кузминишна) до того не заботилась о своей ролѣ, что хлѣбала кашицу лѣвой рукой, что, кромѣ безобразія, въ простонародіи почитается грѣхомъ. Г-жа Асенкова была такъ прелестна въ Русской душегрѣечкѣ! но за чѣмъ она не по Русски упала въ обморокъ? За чѣмъ она не бросалась на шею къ любой бабѣ, которыя шатались безъ всякаго дѣла по сценѣ, не обвилась около нея руками, не замерла отъ горя? Обязанность артиста пополнять даже и недомолвки автора.

Голубой токъ, комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго: милая, искусно составленная и прекрасно разыгранная пьеса. И могло ли быть иначе: всѣ лучшіе артисты высокой комедіи исполняли ее на сценѣ. Нельзя вообразить, какъ все было хорошо, легко, живо, все на своемъ мѣстѣ: ни одного фарса и

между тѣмъ такъ весело! Г-жа Каратыгина, Герцогиня, по числу рѣчей играла маленькую роль; но умная художница тонкой отчетистой мимикой высказала цѣлый томъ — смятенія, боязни, догадокъ и наконецъ радости, которыми какъ грѣшница — ловимая, но непойманная, она должна была волноваться. Г. Сосницкій, Лордъ Коривалисъ, самодовольный холостякъ съ громкимъ именемъ и великолѣпнымъ имѣніемъ — вызванный на женитьбу, съ которой получалъ мѣсто шталмейстера, былъ чрезвычайно милъ и съ милостивымъ отказомъ короля и съ своей догадкой, кому достался головный уборъ. Г. Каратыгинъ 2-й, Герцогъ — охотникъ женить и рядить — былъ прекрасно вѣренъ въ соединеніи герцогскаго достоинства съ комической стороной мужа, попавшагося въ такую бѣду, надъ которой отъ всей души смѣялся въ другихъ. Г-жа Асенкова, фрейлина, г. Максимовъ, гвардейскій офицеръ, дополняютъ группу мастеровъ своего дѣла.

Первое Іюля въ Петергофѣ, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, П. А. Каратыгина.

Превосходный комическій артистъ П. А. Каратыгинъ рѣшительно и по праву завладѣлъ первымъ мѣстомъ между Русскими водевилистами. Небольшую небрежность въ созданіи, пожалуй даже неполноту въ идеѣ, онъ искупаетъ отличнымъ искусствомъ отдѣлки главнаго лица и безчисленнымъ множествомъ остротъ и каламбуровъ. Водевиль игрушка, а г. Каратыгинъ такъ мило, такъ весело вертитъ этой игрушкой передъ глазами зрителей, что не даетъ опомниться: не успѣешь подумать, въ чемъ дѣло, хохочешь во все горло, хлопаешь, кричишь остротамъ — браво, куплетамъ — форо и — чего же хотѣть больше отъ шутки-водевиля? Главное лице въ первомъ Іюля, кантонистъ Лычкинъ, нарисовано, какъ нельзя лучше, и г. Максимовъ сыгралъ эту роль, какъ нельзя лучше.

Роковая почта — конецъ подмосковныхъ проказъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Г. Каратыгинъ 2-й и г-жа Сосницкая — Легкины, подъ старость отягченные долгами, прибѣгающіе къ помощи родныхъ и знакомыхъ и все понапрасну, принужденные выдать дочь свою за стараго богатаго сосѣда Кулакова, дослужившагося изъ даточныхъ до полковника, наконецъ образумясь при подозрѣніи о безчестномъ поступкѣ Кулакова и рѣшась лучше умереть съ голоду, нежели погубить свою дочь — были чрезвычайно вѣрны, естественны и благородны до малѣйшаго движенія. Г. Сосницкій — полковникъ Кулаковъ, честный, откровенный служака... Читатель можетъ представить себѣ, какъ онъ долженъ быть хорошъ! Г-жа Асенкова — дочь, жертвующая своей любовію для спасенія родителей отъ нищеты, и брата отъ безчестія, рѣзвая сначала, грустная потомъ и наконецъ благородная, возвышенная не по лѣтамъ до самоотверженія — была прекрасна. Г. Максимовъ маленькую роль уланскаго офицера, просрочившаго въ отпуску отъ невозможности заплатить карточные долги, обрисовалъ такъ умно, съ такимъ достоинствомъ, что сдѣлалъ ее необходимою, между тѣмъ, какъ въ пьесѣ съ перваго взгляда она кажется лишнею. Г-жа Сандунова — Каверзина вдова, запоздалая невѣста, съ невиннымъ желаніемъ достать въ мужа молодаго Легкина и прибѣгающая къ разнымъ подыскамъ и клеветамъ, чтобы затруднить

положеніе старыхъ Легкиныхъ и выгнать Кулакова — вдругъ превратившаяся изъ сѣдой старухи въ молодую брюнетку — обнаружила много истиннаго комисма и привлекла на себя особенное вниманіе публики. Всѣ артисты были вызываемы единогласно въ каждое представленіе.

Бенефисъ Г. Григорьева 1-го.

Кремневъ, Русскій солдатъ. Народное представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. Русскаго инвалида И. Н. С.

1812-й годъ, чудный годъ! Искуснѣйшій и счастливѣйшій полководецъ древнихъ и новѣйшихъ временъ, со всѣми лучшими генералами своего времени, съ полумилліономъ войска испытаннаго въ бояхъ, вторгается въ Русское царство внезапно—и Благословенный Царь Русскій объявляетъ своему вѣрному народу — во всеуслышаніе всему міру, въ лице завоевателю: Дотолѣ не положу оружія моего, доколѣ ни единаго врага не останется на землѣ Русской! Слово царя свято! Оно сбылось какъ слово вѣчной правды, сказанное устами Пророка: Видѣхъ нечестива возносящася и высящася яко кедры ливанскіе; и мимо идохъ — и се не бѣ и не обрѣтеся мѣсто его!

Сей то великій и священный моментъ избралъ достойно уважаемый воинъ - сочинитель для народнаго представленія и доставилъ зрителямъ самыя сладостныя минуты. Общій торжественный восторгъ при чтеніи манифеста нельзя изобразить словами. — Это былъ вопль благодарности, радости и славы!

Содержаніе пьесы очень просто; всякое вычурное сплетеніе ослабило бы идею Русской народной гордости — въ вѣрности и преданности Престолу, которой такъ глубоко проникнуто сочиненіе.

Артисты выполнили дѣло свое превосходно. Г. Григорьевъ 1-й въ ролѣ Кремнева былъ особенно хорошъ; мы боимся обвинять его въ излишнемъ тщаніи дать каждому слову вѣсъ и оттѣнокъ — излишнее стараніе не грѣхъ. Г. Максимовъ въ роли молодаго дворянина Русова былъ очень вѣренъ данному характеру; одушевленіе его при чтеніи манифеста было такъ истинно, такъ отвѣчало прекрасному типу чувствованій тогдашней молодежи! Публика нѣсколько представленій сряду единодушнымъ вызовомъ благодарила автора.

Городская почта, или *Вечеринки у заимодавца.* Комедія водевиль подражаніе Скрибу. Публика вѣроятно простила бенефиціанту неудачу передѣлки за счастливое пріобрѣтеніе Кремнева, а мы и подавно.

Бенефисъ Г-жи Самойловой 2-й.

Любовь и ревность, комедія въ одномъ дѣйствіи, перев. съ Французскаго, въ передѣлкѣ потеряла все свое достоинство, которое впрочемъ и въ подлинникѣ основано на громкой извѣстности историческихъ лицъ.

Русскій человѣкъ добро помнитъ, драматическая быль въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. А. Полеваго.

Отъ времени до времени являются на сценѣ пьесы, подъ названіемъ драматическихъ, историческихъ, анекдотическихъ былей, представленій, водевилей и пр. Мы почитаемъ сіи оговорочки огражденіемъ автора отъ нашествія критиковъ. Нельзя винить чадолюбивую мать, когда она вспрыскиваетъ больное дитя водицей съ уголька отъ дурнаго глаза. Сохрани насъ Боже осуждать это безгрѣшное подготовленіе зрителей къ грѣшкамъ, которые самъ родитель видитъ въ новорожденномъ. Мы даже съ удо-

вольствіемъ глядимъ на это выраженіе скромности въ писателяхъ первокласныхъ, какъ на душеспасительный урокъ писателямъ прочихъ классовъ.

Ежели Н. А. Полевой нарисовалъ нѣсколько портретовъ, уже рисованныхъ съ успѣхомъ и прежде, это не дастъ права говорить, что онъ сдѣлалъ съ нихъ копіи; дѣло въ томъ: подмѣтилъ ли онъ ихъ въ современномъ быту? Вѣрно ли свелъ ихъ вмѣстѣ? Ведутъ ли они зрителя къ цѣли избранной авторомъ? Да, отвѣчаемъ мы утвердительно: всѣ эти лица выказываютъ главное лице въ настоящемъ его свѣтѣ: Ѳомка запропащій, лице небывалое на сценѣ, дѣлается еще новѣе посреди лицъ, съ которыми болѣе или менѣе знакомы зрители. Этотъ рельефъ производитъ удивительный еффектъ. Само собою разумѣется, что и роль Ѳомки запропащаго начертана мастерски: Русскій купецъ по временамъ являвшійся на сценѣ всегда съ смѣшной стороны, вдругъ изумляетъ горячимъ чувствомъ благодарности, котораго и въ лучшихъ сословіяхъ не встрѣтишь. Публика поняла автора и благодарила его торжественнымъ вызовомъ.

Гг. Сосницкій, Каратыгинъ 2, Мартыновъ и г-жа Самойлова 2, исполнили свои роли со всѣмъ уваженіемъ къ публикѣ, къ автору и къ себѣ. Г. Григорьевъ 1-й, увы, былъ холоденъ, какъ ледъ. Г. Григорьевъ 2-й (въ ролѣ коммерціи совѣтника Пудовикова) былъ точно въ такомъ отношеніи къ артистамъ, какъ лице его къ прочимъ лицамъ пьесы: будучи совершеннымъ новичкомъ въ драмѣ, онъ показалъ, что умѣетъ передать теплые звуки благороднѣйшей изъ добродѣтелей — благодарности тѣмъ же купецкимъ выговоромъ, которымъ въ Тальоновомъ дебютѣ смѣшитъ до упаду. Это не бездѣлица! Идите г. Григорьевъ 2-й, идите впередъ, трудитесь, за одобреніемъ дѣло не станетъ: Русская публика умна и благодарна.

Барышня крестьянка, оригинальный водевиль, взятый изъ повѣсти Пушкина, соч. Н. А. Коровкина.

Помнится, прежде называли оригинальною пьесу еще не напечатанную. Пора бы оставить это названіе не называющее ничего и отзывающееся чѣмъ то-похожимъ на — товаръ лицемъ продать. Какъ бы то ни было, а водевиль Барышня крестьянка очень не дуренъ, хотя многое въ немъ (а въ особенности куплеты) отзывается поспѣшностію срочной бенефисной работы.

Г-жа Самойлова 2-я въ превращеніяхъ изъ барышни въ крестьянку, изъ крестьянки въ Англичанку, обнаружила много гибкости и дарованія, очень мило пропѣла Русскія пѣсни. Публика встрѣчаетъ г-жу Самойлову съ явнымъ одобреніемъ. Отъ самой артистки зависитъ поддержать, удвоить, учетверить это вниманіе строжайшимъ присмотромъ за собою въ нѣкоторыхъ недостаткахъ: побольше естественности, да поменьше вычурности.

Г. Сосницкій въ ролѣ Англомана... Да что это за г. Сосницкій, что его все надо хвалить! Давай ко понатужимся, да побранимъ — нѣтъ, рука не подымается и кромѣ истинной благодарности отъ лица публики и отъ авторовъ ничего писать не можетъ.

Бенефисъ г. Величкина.

Г. Величкинъ на годовщинѣ со сценой и съ публикой поподчивалъ ту и другую именно не заздравнымъ пиромъ. Кто не видѣлъ г. Величкина лѣтъ пятнадцать назадъ, тому не чѣмъ его и вспомнить, мы старожилы, помнимъ время его славы. Когда-то Сосницкій, Брянскій и

Величкинъ составляли комическій тріумвиратъ. Шаховскій, Хмельницкій и др. писали для нихъ роли. Но явился Рязанцевъ — и Величкинъ исчезъ. Брянскій самъ выцвѣлъ; остался одинъ Сосницкій, которому ни Рязанцевъ, ни Дюръ, ни все новое поколѣніе артистовъ и публики — никто не мѣшалъ и не мѣшаетъ: онъ идетъ себѣ впередъ и все впередъ! Г. Величкину оставалось еще средство хоть не остаться въ памяти людской, по крайней мѣрѣ сойти со сцены съ честію, взять съ послѣднихъ зрителей спасибо: вмѣсто того г. Величкинъ какъ будто постарался на долгую разлуку наскучить, какъ ниже слѣдуетъ:

Мужъ въ бѣдѣ, или *безъ вины виноватъ*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. Соколова.

Было за чѣмъ выписать изъ Москвы эту *піесу*!

Камоэнсъ или *Слава и нищета*, драматическая фантазія, соч. Фридриха Гальма, въ стихахъ, переводъ П. Г. Ободовскаго.

Нѣкій шутъ-учитель толковалъ въ дѣвичьемъ пансіонѣ тако: Что такое діалогъ? Сочиненіе въ разговорахъ. Что такое фантазія? Сочиненіе въ умѣ. — Иную фантазію можно бы спросить: въ умѣ ли ты, что зашла на сцену?

Фантазія Камоэнсъ въ чтеніи имѣетъ много достоинствъ, а на сценѣ ни единаго, при всемъ томъ, что г. Каратыгинъ 1 не сходилъ со сцены; а что не закипѣло жизнію подъ рукою нашего Прометея, то навѣрное не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго элемента жизни. Не понимаемъ, какъ почтенный П. Г. Ободовскій, большой охотникъ и не меньшій мастеръ переводить, такъ неудачно выбираетъ для сцены вовсе несценическія пьесы. Искренно жаль потеряннаго впрочемъ весьма хорошаго труда.

Пажъ Арестантъ, или *потрудитесь объяснить*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Чего на свѣтѣ не бываетъ, или *у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Арестантъ въ Шпандау и Утѣшенная вдова — заплѣснѣвшія оперетка и комедія попались въ передѣлку къ г. Годунову и превратились въ два вышеречепные водевиля. Мы не осуждаемъ первой попытки новаго *драматическаго писателя*, скромно начавшаго свое поприще передѣлками: на первый разъ это не дурно. Г-жа Асенкова и г-жа Сосницкая старательно содѣйствовали успѣху пьесъ и авторъ былъ вызванъ, хоть не торжественно, съ подшикиваньемъ завистниковъ, но все таки вызванъ.

Бенефисъ г-жи Самойловой 1.

Отецъ дебютантки, комедія съ пѣніемъ изъ Парижскаго быта и журналистики въ пяти отдѣленіяхъ.

Мы знаемъ одного будущаго драматическаго писателя, которому *до смерти* хочется попасть за кулисы: отмѣнилъ ли онъ свое желаніе, посмотрѣвши (отца дебютантки) комедію съ пѣніемъ, въ которой закулисный бытъ слегка очерченъ съ нѣкоторыми своими козпями и претензіями. Мы говоримъ съ нѣкоторыми — потому что всѣмъ бывшимъ, настоящимъ и грядущимъ козпямъ и претензіямъ закулиснымъ нѣсть конца; изъ этой комедіи мы знаемъ только, что плохой актеръ Гаспаръ хлопочетъ о первомъ дебютѣ своей дочери, противъ которой интригуетъ первая актриса; плохова актера играетъ г. Сосницкій, первую актрису г-жа Бормотова, а дебютантку г-жа Асен-

кова. Есть ли тутъ хоть крошечка нашего закулиснаго быта? Стало быть вышереченному будущему драматическому писателю нѣтъ удовлетворительной причины отмѣнять свое желаніе быть за кулисами, а потомъ попасть и на сцену. Добрый ему путь, а мы остаемся въ креслахъ.

Комедія переведена плохо, но сыграна прекрасно. Веселая, разнообразная, высоко-естественная игра г-на Сосницкаго, упрочила будущность ея на Русской сценѣ. Г. Каратыгинъ 2 (Бульбуль) былъ очень милъ и забавенъ. Г-жа Асенкова (Анаиса), полная одушевленія и горячей любви къ искусству, была вовсе не дебютантка, но искусная, опытная артистка, которой по праву принадлежитъ не второе, но *другое* мѣсто на нашей сценѣ.... По крайней мѣрѣ мы, любители Русскихъ талантовъ преимущественно, не можемъ ни видѣть, ни вспоминать ее безъ истиннаго наслажденія. Мы увѣрены, что большая часть публики раздѣляетъ съ нами это мнѣніе, нисколько непреувеличенное. Пусть остальная часть возметъ во вниманіе только одно, что г-жа Асенкова во всѣ зимніе мѣсяцы не сходитъ со сцены; рѣдкій спектакль играетъ она одну роль, большею частію двѣ и три! Физической возможности нѣтъ выдѣлать каждую роль до такой степени художественно, чтобъ придирчивая критика не нашла въ ней пятенъ.

Сообразивъ, что г-жа Асенкова кромѣ того, что сыграетъ въ годъ около трехъ сотъ пьесъ, должна каждый день, лучшее время — утро, истратить въ репетиціонной залѣ — съ удивленіемъ спрашиваешь себя, когда же она разучиваетъ ихъ? Прибавьте къ этому, что большую часть новыхъ ролей изъ бенефисныхъ пьесъ получаетъ она много что за десять, за восемь и за шесть дней — случается и менѣе — до представленія, и что не малое число изъ этихъ ролей недостойны ея таланта, а ихъ все таки надобно выучить, истратить невозвратимое время! Конечно критику до всего этого нѣтъ дѣла... мы понимаемъ его невыгодное положеніе итти въ театръ ex officio, выслушивать три, четыре пьесы по неволѣ, наблюдая хладнокровно, безъ малѣйшаго соучастія и къ пьесѣ, и къ артистамъ, подмѣчать преимущественно однѣ ошибки; прибавьте къ этому хоть немного пристрастія, предубѣжденія... мудрено ли непримѣтнымъ образомъ отъ замѣчаній, наученія перейти къ непріятнымъ отзывамъ и къ порицаніямъ. Вѣдь и критикъ человѣкъ то есть!

Кстати за симъ слѣдуетъ чихающій водевиль: *Будьте здоровы*, стало быть мы сказали правду.

Бенефисъ г. Максимова 1.

Гугенотъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, переведена съ Французскаго Г. П.

Гаръ гугенотъ (герцогъ Роганъ прослывшій умершимъ), защищая Ларошель, осажденную герцогомъ Неверскимъ, при неудачной вылазкѣ былъ загнанъ въ лѣсъ; случайно захвативши курьера съ депешами и переодѣвшись въ его платье, онъ является къ герцогу Неверскому въ надеждѣ найти средство пробраться въ городъ. Между депешами прислано описаніе примѣтъ Гара. Герцогъ Роганъ узнанъ — ему остается жить только нѣсколько часовъ; между тѣмъ онъ узнаетъ, что Діана Нанжисъ, страстно имъ любимая, овдовѣла и готова выйти за герцога Неверскаго... Но Діана узнавъ, что герцогъ Роганъ живъ, отказывается отъ союза, приносившаго ей покровительство во времена, извѣстныя своей безнравственностію; герцогъ Роганъ проситъ позволенія у герцога Невер-

скаго быть на предстоящемъ балѣ и получивъ его, требуетъ отъ Діаны Нанжисъ свиданія — въ намѣреніи преклонить ее на предложеніе герцога Неверскаго, страстно въ нее влюбленнаго; Діана даетъ свиданіе, приходъ герцога Неверскаго мѣшаетъ полному объясненію и даетъ случай Діанѣ объявить свой рѣшительный отказъ. Герцогъ Роганъ рѣшается пробраться ночью въ комнаты Діаны извѣстнымъ ему потаеннымъ входомъ. Между тѣмъ герцогъ Неверскій, съ совѣта двоюродной сестрицы Совъ, придумываетъ новое средство къ успѣшнѣйшему убѣжденію Діаны — огласку: — онъ приходитъ къ ней ночью, застаетъ Рогана, успѣвшаго однакожъ спрятаться за завѣсъ, и объявляетъ безъ церемоніи свое намѣреніе и предлагаетъ контрактъ, какъ единственное средство избавленія отъ обезчещенія огласкою; Діана Нанжисъ въ бѣдѣ неминучей прибѣгаетъ къ хитрости, успѣваетъ передать контрактъ герцогу Рогану для вписанія своего имени и обѣщаетъ герцогу Неверскому выйтти замужъ за того, кто эту ночь пробудетъ съ нею въ комнатѣ. Герцогъ Неверскій, довольный успѣхомъ, остается ночевать въ креслахъ и съ разсвѣтомъ вылѣзаетъ изъ окошка. Подученная стража стрѣляетъ и огласка разнеслась. Злоязычницы одна за другой появляющіяся, подсмѣиваютъ надъ добродѣтелью Діаны: герцогъ Неверскій является прикрыть своимъ именемъ безчестіе, имъ нанесенное, и узнаетъ въ своемъ плѣнникѣ счастливаго соперника, который ночевалъ въ комнатѣ Діаны; спасенный нѣкогда матерью герцога Рогана, онъ изъ благодарности испрашиваетъ прощеніе Гугеноту Гару у герцога Анжуйскаго съ помѣщеніемъ въ его свиту спасаетъ отъ мщенія Екатерины Медицисъ.

Интрига составлена весьма искусно; характеры выдержаны вѣрно и рѣзко; переводъ хорошъ, но представленіе на Русской сценѣ не произвело никакого особеннаго впечатлѣнія на публику, не смотря на то, что піеса обставлена какъ нельзя лучше. Эта неудача объясняется двумя причинами: во первыхъ чужія историческія лица не возбуждаютъ въ насъ того горячаго участія, которое въ соотечественникѣ поддерживается и воспоминаніемъ и любопытствомъ, какъ живали наши дѣды — виновники и предметы народной гордости, или чего другаго. Только могущественная сила творчества сродняетъ зрителя всѣхъ странъ съ лицами, не принадлежащими всемірной извѣстности, надѣляя ихъ избыточно тѣмъ, что близко сердцу, понятно душѣ... *Сего-то* и онаго во всей комедіи Гугенотъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. На мѣсто герцоговъ Неверскаго и Рогана поставьте другихъ герцоговъ, перенесите дѣйствіе въ Калькуту, для Русскаго равно будетъ сухо и холодно. Во-вторыхъ: первое представленіе такъ шло плохо, что скорѣе можно назвать его репетиціей — да еще и не генеральной. Г. Каратыгинъ 1-й роль герцога Неверскаго игралъ какъ будто не хотя, даже ошибался, раза два имѣлъ нужду въ подсказѣ суфлера, чего съ одними только гг. Каратыгиными 1-ми, да съ покойникомъ Дюромъ никогда не бывало. Г. Максимовъ (герцогъ Роганъ) впалъ въ противоположную погрѣшность: въ лучшихъ мѣстахъ онъ ужъ перестарался — бралъ тономъ выше и выходило фальшиво. Впрочемъ о г. Максимовѣ мы съ удовольствіемъ повторяемъ оцѣнку одного изъ театральныхъ критиковъ: Максимовъ... талантъ прекрасный; его назначеніе драма въ

высшемъ ея значенiи; нѣсколько попытокъ, сдѣланныхъ имъ прошлаго года въ этомъ родѣ, могутъ подать надежду, что изъ него скоро образуется артистъ для ролей jeunes premières (первыхъ любовниковъ), для которыхъ такъ давно не было и нѣтъ у насъ актера, между тѣмъ какъ г. Максимовъ имѣетъ все нужное для этого амплуа (Литературныя прибавленiя 1839 года № 12). Г-жа Асенкова (Дiана Панжисъ) сцену свиданiя съ герцогомъ Роганомъ послѣ бала исполнила какъ художница. Короткiй, но прекрасный разсказъ про странное поведенiе его на балѣ — ему же самому — она изложила вѣрно, отчетисто и съ истиннымъ одушевленiемъ; за то про другiя сцены мы этого сказать не можемъ: даже превосходная ночная сцена съ герцогами Неверскимъ и Роганомъ была сыграна ею хорошо, но какъ то скомкана. Одна г-жа Каратыгина первая (Совъ, придворная дама) съ начала до конца пiесы и въ хлопотахъ о бальныхъ кавалерахъ, которыхъ отнимали у нея и непрiятели и свои, и въ сценѣ съ Гаромъ, и въ совѣщанiяхъ съ Неверскимъ и въ сарказмахъ съ сплетчицами была равно весела, любезна — всегда въ тонѣ высшаго круга, всегда чрезвычайно прилична... однимъ словомъ была художницей, на которую до сыта нельзя налюбоваться. За то другiя придворныя дамы... хоть бы одѣлись по приличнѣе....

Школьный другъ, водев. въ 1-мъ дѣйствiи, взятый съ Французскаго П. С. Федоровымъ.

Мысль прекрасная, но исполнена вовсе превратно, совершенно напротивъ заданной темѣ. Если бы сочинитель вывелъ дѣйствительно *друзей* школьныхъ, которые изъ школы пустились въ свѣтъ по разнымъ дорогамъ и чрезъ тридцать лѣтъ сошлись, хоть бы въ домѣ у котораго нибудь — разумѣется лучше у того, котораго прямо изъ школы приняло на руки, возлелѣяло, избаловало счастье... тогда стоило бы ему только срисовывать портреты, въ которыхъ нѣтъ недостатка — въ любомъ нашемъ быту. Вмѣсто того мы видѣли на сценѣ двухъ школьниковъ, изъ которыхъ одинъ — Нечуевъ и въ школѣ былъ негодяемъ и никогда не былъ другомъ Ветлугина. Этотъ Нечуевъ является въ домъ прежняго своего товарища съ какими-то знакомцами, захваченными съ улицы, распоряжается какъ хозяинъ кухней и погребомъ въ отсутствiе настоящаго и даже думаетъ жениться на его дочери. Приходитъ Ветлугинъ и выгоняетъ любезнаго друга. Разумѣется, г-нъ Сосницкiй поддерживалъ сколько могъ пiесу но увы, не могъ ее спасти отъ паденiя!

Сей и оный, шутка-экспромтъ въ 1 дѣйствiи съ куплетами...

Подъ названiемъ шутки-экспромта кажется должно разумѣть шутку необдуманную, слово во слово, дѣло въ дѣло:

У Буквина издателя есть племянница, въ которую влюбленъ Лунской, молодой литераторъ съ *сими* и *оными* достоинствами. Буквинъ, почитатель *тѣхъ* и *этихъ* не покупаетъ у него повѣстей, и не отдаетъ за него племянницы. Является другой писатель Бездарный съ *тѣми* и *этими* качествами, изъ которыхъ одно главное — выдавать чужое за свое, и предлагаетъ свои повѣсти сперва за деньги, потомъ даромъ — изъ единой чести; между тѣмъ Буквинъ узнаетъ, что Лунскаго повѣсти покупаютъ на расхватъ и что умные люди не чуждаются и *тѣхъ* и *этихъ* и *сихъ* и *оныхъ* по пословицѣ: помози Боже и

вашимъ и нашимъ! Тутъ является Лунской съ мировой, и съ новыми повѣстями, уличаетъ Бездарнаго въ присвоеніи чужаго, и, какъ водится — даже — и въ шуткахъ, получаетъ руку племянницы издателя. Блестящій успѣхъ этой шутки, дѣйствительно необдуманной во всѣхъ отношеніяхъ, объясняется весьма легко: шутка попала на сцену во время — именно въ то время, когда скучныя перебранки *сихъ* и *оныхъ*, *тѣхъ* и *этихъ* начали надоѣдать.

Вотъ каковы Корнеты! водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г-на Дьяченко.

Автору, въ первый разъ являющемуся на сценѣ міра сего, или хоть на сценѣ Александрынскаго театра, первый дебютъ не посчастливился. По названію водевиля публика ждала корнета живаго, веселаго, легкаго—Гусарскаго или Уланскаго шалуна; вмѣсто таковыхъ вышелъ Корнетъ изъ тяжелой кавалеріи — Кирасиръ! За первой ошибкой потянулись всѣ прочія: въ самомъ началѣ піесы авторъ вывелъ помѣщицу, полную властительницу и повелительницу мужа, дочери и прочихъ душъ, и тотчасъ же вывелъ ее за дверь, да безъ нея и совершилъ всѣ піесныя дѣла — и сватовство и помолвку. Выдать дочь безъ матери непростительно; да и политиковъ помѣщиковъ, которыхъ интересуютъ *только* Греческія дѣла, какъ гласится въ водевилѣ, неслѣдовало бы заставлять болтать всякой вздоръ про Коренкова, да про Наполеона: сближеніе именъ, отстоящихъ одно отъ другаго на полюсныя разстоянія, не водевильное дѣло. Кирасира игралъ г-нъ Максимовъ, а газетнаго политика г-нъ Мартыновъ и оба были очень смѣшны, первый по милости автора, а второй по милости публики.

Бенефисъ г-на Мартынова.

Три свиданія, вод. въ 1 дѣйствіи соч. г-на Филимонова.

Существованія *сего* водевиля было два представленія, и прежде этого нѣсколько репетицій; слѣдовательно съ этимъ водевилемъ публика простилась на всегда, а не *до свиданія*! Къ нему можно примѣнить слѣдующій эпиграфъ:

Покойся милый прахъ до радостнаго утра!

Таинственный гость, водевиль въ 1 дѣйствіи, переданный, съ Франц. П. С. Федоровымъ.

Дѣвушка невѣста не знаетъ грамотѣ, не умѣетъ писать; къ ней ходитъ въ извѣстный часъ тайкомъ отъ жениха учитель чистописанія; женихъ ревнуетъ, подкарауливаетъ таинственнаго посѣтителя, наконецъ ловитъ его и узнаетъ тайну. Просто, коротко, прибавьте легко и мило. Очерки характеровъ нарисованы вѣрно, кругло, въ водевильную мѣру; роли разыграны прекрасно; — слѣдствіе *сего всего* — успѣхъ почти блестящій. Любимый, немножко балуемый публикою бенефиціантъ Мартыновъ на сей разъ былъ истинно прекрасенъ въ аккуратномъ калиграфѣ съ Песковъ: гладенькая головка, костюмъ, маперы, интонаціи безъ малѣйшаго фарса и съ изумительной близостію къ данному лицу чистописателя — доказываютъ что г-нъ Мартыновъ дѣйствительно можетъ быть аккуратнымъ въ большей части своихъ ролей, точно также, какъ онъ въ нихъ невыразимо забавенъ. Г. Самойловъ 2-й въ ролѣ любовника ревнивца былъ очень ловокъ, пылокъ сколько нужно и благороденъ. Перспектива г-на Самойлова на сценѣ самая блестящая; въ игрѣ его видѣнъ образованный человѣкъ: онъ поетъ прекрасно, и въ его голосѣ столько одушевленія, что услышавши

разъ, хочешь опять послушать, и долго помнишь эти звуки, полные чувства. Повтореніемъ куплетовъ авторъ обязанъ г-ну Самойлову; публика громогласнымъ браво и торжественнымъ вызовомъ привѣтствовала обоихъ артистовъ.

Двѣ станціи, оригинальный водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. г. Коровкина.

На первой станціи — станціонный смотритель и семинаристъ влюблены въ крестьянскую дѣвушку, которая промышляетъ кренделями и баранками. Являются пріѣзжіе — двое пройдохъ — одинъ Русскій-что то въ родѣ ухарщины, другой Грекъ торгашъ. Смотритель стережетъ свою невѣсту отъ пріѣзжаго пройдохи, а подстерегаетъ семинариста; Грекъ думаетъ надуть проѣзжаго, а самъ попадаетъ въ просакъ — взявши у него подъ залогъ томпаковые часы за золотые; семинариста прогоняютъ; проѣзжіе отправляются мирно. Въ антрактѣ станціонный смотритель женится на крестьянской дѣвушкѣ и переходитъ на другую станцію. На этой па другой станціи являются — семинаристъ почтовымъ чиновникомъ, Грекъ содержателемъ гостинницы а оный пройдоха — женихомъ дочери одной помѣщицы, жительствующей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги: онъ уже не на первой сватается и каждую невѣсту обираетъ и отправляется къ другой; стало быть онъ бьется изъ денегъ? Но куда же онъ дѣваетъ ихъ? Мы невидимъ его ни мотомъ ни гулякой . . . На сценѣ онъ явился въ такомъ костюмѣ, въ какомъ самый безнравственный человѣкъ постыдится остаться даже одинъ на одинъ съ самимъ собою, то есть въ сюртукѣ съ разодранными локтями и съ пребольшими прорѣхами подъ мышками... Воля ваша, господа, придумавшіе сей нарядъ, — а всему есть мѣра . . . Какъ ни вѣренъ вашъ идеалъ нравственнаго безобразія, онъ отвратителенъ до послѣдней крайности. Этотъ молодецъ успѣваетъ выманить у Грека сюртукъ безъ дыръ, но не успѣваетъ обмануть невѣсту; на бѣду его откуда ни возмись одна изъ прежнихъ невѣстъ и обнаруживаетъ обманъ. Семинаристъ чиновникъ, вздумавшій возвратиться à ses premières amours, возвратился со срамомъ во свояси. Грекъ пустился въ полицію. Еще помнится кого то, подоспѣвшаго на выручку водевиля — женили.

Въ этомъ хаосѣ есть одно лицо совершенно новое на сценѣ. Это Грекъ мелочный торгашъ, промышляющій и процентами и прочими художествами, котораго представлялъ г. Самойловъ 2 и былъ прелестенъ. Лице, костюмъ, ухватки всё до такой степени было по ново-гречески, что ни одного похожаго движенія нельзя отыскать ни въ Жидѣ, ни въ Армянинѣ, ни въ татаринѣ, ни даже на толкучемъ рынкѣ — достойномъ представителѣ всѣхъ возможныхъ торгашей художниковъ. Голосъ его прекрасный, восхитительный голосъ, превратился въ какіе-то подхрипывающіе въ носъ звуки — безъ малѣйшаго фарса. Очень жаль, что это лицо явилось въ такомъ водевилѣ, которому на роду было написано упасть и не возстать. Г. Мартыновъ въ семинаристѣ-чиновникѣ, былъ лучше семинариста безчиннаго; впрочемъ онъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать изъ плохой роли. Г-жа Самойлова 2-я очень мило обрисовала сценку бывшей крестьянки, попавшей въ чиновницы, а водевиль все таки упалъ: больно плохъ!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ОТЧЕТЪ
О МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ
ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ

(отъ 1-го Января до 1-го Іюля).

—

Московскій театръ, не столько разнообразный въ своемъ репертуарѣ, какъ театры петербургскіе, и неимѣющій такихъ богатыхъ средствъ, какими надѣлены послѣдніе, тѣмъ не менѣе представляетъ много замѣчательныхъ талантовъ, и многія замѣчательныя явленія. Живя своею особенною жизнію, запечатлѣнный своимъ особеннымъ характеромъ, онъ усердно воздѣлываетъ предоставленную ему долю искусства, съ любовію обработываетъ его, подкрѣпляемый живымъ участіемъ просвѣщенной московской публики. Эта любовь и участіе къ своему дѣлу въ артистахъ московской труппы замѣтны въ особенности потому, что всякое прекрасное явленіе драматической литературы находитъ въ нихъ душѣ живой отголосокъ, передается со всевозможнымъ *художническимъ* вниманіемъ. Посмотрѣли бы вы, съ какимъ успѣхомъ разыгрываются тамъ *Гамлетъ*, *Ревизоръ*, *Горе отъ ума*, *Аскольдова могила*, *Робертъ*, *Цампа*, *Сильфида*, всякій умный водевиль, художническая бездѣлка . . . Какъ, съ другой стороны, скоро умираютъ тѣ выродки искусства, которые не достойны таланта, и ставятся на сцену по случаю, или по разсчету. Въ этомъ отношеніи московскій театръ едва ли не имѣетъ большаго преимущества передъ петербургскимъ.

Но мы увлеклись бы далеко, еслибъ стали подробно входить въ разсужденіе объ этомъ предметѣ, который впрочемъ имѣетъ въ себѣ сторону весьма привлекательную и можетъ привести къ соображеніямъ небезплоднымъ: объ этомъ надѣемся мы поговорить въ другомъ мѣстѣ и въ другое время, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ наша цѣль — не столько перо критика, сколько грифель лѣтописца.

Чтобы дать нашему обозрѣнію сколько возможно ясную и отчетливую форму, мы будемъ придерживаться слѣдующаго порядка: сперва поведемъ рѣчь о бенефисахъ, которые были на Московской сценѣ въ теченіе сего полугодія, потомъ о новыхъ піесахъ (не въ бенефисы), о дебютантахъ и дебютанткахъ, далѣе вообще о замѣчательнѣйшихъ спектакляхъ, наконецъ представимъ об-

щій итогъ всего обозрѣнія и сдѣлаемъ выводы статистическіе.

Начало новаго года или конецъ стараго — въ значеніи года театральнаго — представляетъ всегда на нашихъ театрахъ самую живую, занимательную эпоху въ теченіе всего годичнаго періода: къ этому періоду относятся бенефисы лучшихъ артистовъ нашихъ, а бенефисы, надо сказать правду, на московскомъ театрѣ особенно, составляютъ почти единственное разнообразіе его слишкомъ неразнообразнаго репертуара: въ это время московская сцена всегда обогащается или какой нибудь новой оригинальной піесой или замѣчательной переводней.

Января 4-го, въ бенефисъ г. Мочалова, данъ былъ *Король Лиръ* Шекспира. Послѣ представленія *Гамлета* на Московской сценѣ, имя Мочалова, соединенное съ драмой Шекспира, имѣетъ для насъ волшебную, обаятельную силу. Гамлетъ въ такой степени выказалъ могучее дарованіе этого артиста, поставилъ его такъ высоко въ общемъ мнѣніи, что настоящіе любители театра стали смотрѣть на Мочалова, какъ почти на единственнаго представителя искусства въ его истинномъ, высокомъ значеніи, искусства неуниженнаго, необезображеннаго современными драматическими фарсами и мелодрамами. Оканчивая свое артистическое поприще (Мочаловъ перешелъ уже на пенсію), хотя еще обладая полнотою и свѣжестію силъ, достойный жрецъ высокаго искусства хотѣлъ достойнымъ образомъ и заключить свое служеніе: роль короля Лира — едва ли не самое глубокое, и вмѣстѣ для исполненія самое трудное созданіе Шекспира, была избрана нашимъ артистомъ для своего нынѣшняго бенефиса.

Не станемъ говорить о значеніи Шекспировой драмы и о характерѣ короля Лира: это вывело бы насъ далеко изъ положенныхъ предѣловъ. Скажемъ только, что артистъ выполнилъ эту роль достойнымъ образомъ: въ рѣдкихъ роляхъ его была замѣтна такая обдуманность, такое соображеніе въ цѣломъ, какъ въ настоящей: онъ постигнулъ вполнѣ идею Шекспирова созданія, оттѣнилъ искусно его характеръ, сдѣлалъ его понятнымъ для зрителя, умѣлъ свести начало съ концомъ, не противорѣча основной мысли, не нарушая единства созданія, безъ чего Лиръ не можетъ возбудить въ зрителѣ участія полнаго: онъ умѣлъ провести это лице по всѣмъ положеніямъ, провести ровно, постепенно, безъ быстрыхъ, мгновенныхъ переходовъ.

Нѣкоторыя сцены были сыграны Мочаловымъ съ поразительною естественностію и силою. Сцены *безуміе Лира* (въ IV актѣ, явленіе VI), *пробужденіе и свиданіе его съ Корделіей* (въ томъ же актѣ, явленіе VII) особенно тронули зрителя до глубины сердца. Вообще же Мочаловъ совершилъ подвигъ свой прекрасно, какъ художникъ; онъ вплелъ въ вѣнокъ своей славы неувядаемый лавръ, и вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣлъ новое право на уваженіе публики.

Роль Корделіи занимала г-жа Орлова. Неудовлетворительная въ цѣломъ, по недостатку простоты, игра ея отличалась благородною пластикою и во многихъ мѣстахъ живымъ участіемъ, похожимъ на чувство.

Въ этотъ же бенефисъ, послѣ короля Лира, данъ былъ водевиль *Узкіе башмаки*, въ которомъ г-жа Рѣпина была наивна и мила до очарованія, а г. Живокини смѣшенъ до уморы.

Января 13-го бенефисъ г. Лавро-

ва. Спектакль начался какой-то безсвязной піесой: *Тринадцатый за столомъ*, или *не будь гостю запасенъ, но будь ему радъ*, *водевильной сценой изъ деревенскаго быта*. Объ этой *водевильной сценѣ* говорить не стоитъ.

Далѣе слѣдовала опера *Почтальонъ* (*Le postillon de Lonjumeau*), опера, безсвязная въ цѣломъ, утомительная въ частностяхъ, по своему однообразію и длиннотѣ, но довольно пріятная по своей музыкѣ — легкой, живой, игривой, *французской*, однимъ словомъ, музыкѣ, которая не тронетъ васъ до глубины души, но вопьется въ слухъ вашъ своими рѣзвыми мотивами Содержаніе оперы слѣдующее: Шаплу, молодой почтальонъ, только-что женился на Мадлинѣ, молоденькой и хорошенькой содержательницѣ гостинницы. Онъ въ восторгѣ ожидаетъ той минуты, когда вполнѣ назоветъ Мадлину своею; какъ вдругъ, на бѣду его, пріѣзжаетъ Маркизъ де Корси, королевскій каммергеръ, директоръ всѣхъ придворныхъ увеселеній, который ѣдетъ отыскивать тенора для придворнаго театра: онъ слышитъ прекрасный теноръ (не потому прекрасный, что такъ значится въ піесѣ, а дѣйствительно прекрасный теноръ г. Бантышева) почтальона Шаплу, и обрадовавшись случаю, хочетъ, во что бы то ни стало, увезти этотъ теноръ съ собою: убѣжденіямъ, обѣщаніямъ нѣтъ конца, и несчастный почтальонъ-пѣвецъ волею-неволею уѣзжаетъ съ нимъ, даже не простившись съ молодой своею женою! Бѣдный пѣвецъ!

Во второмъ актѣ — десять лѣтъ спустя — Шаплу является подъ именемъ *Сенъ-Фара*, первымъ теноромъ большой оперы. Мадлина подъ именемъ *Латуръ*, богатой и знатной дамой, потому что она получила наслѣдство и имя своей бабушки или тетушки, не знаемъ навѣрное. За этой г-жей Латуръ, которая все такъ же хороша, какъ и въ то время, когда была просто Мадлиной, за этой г-жей Латуръ ухаживаетъ Маркизъ де Корси; къ ней неравнодушенъ и Шаплу, soit-disant Сенъ-Фаръ. Мадлина узнала его, а онъ въ г-жѣ Латуръ ни сколько не подозрѣваетъ своей Мадлины. Послѣ разныхъ продѣлокъ съ той и съ другой сторонъ, о которыхъ долго было бы разсказывать, г-жа Латуръ предлагаетъ ему свою руку: Сенъ-Фаръ въ затрудненіи, но любовь преодолѣваетъ все: онъ рѣшается жениться на второй женѣ, сначала думая обмануть ее, парядивъ своего товарища пасторомъ, но противъ этого приняты мѣры, и бракъ совершается по всѣмъ законамъ.

Шаплу снова въ такомъ же положеніи, какъ десять лѣтъ тому назадъ, т. е. близокъ къ той минутѣ, когда Мадлина будетъ *его*, во всемъ смыслѣ слова. Но Мадлина себѣ на умѣ: она хочетъ хорошенько проучить его.

Сенъ-Фаръ остается въ темной комнатѣ, переодѣвшись въ прежній костюмъ. Мадлина является къ нему въ двухъ видахъ, какъ г-жа Латуръ, и какъ Мадлина, ея горничная. Пользуясь темнотою, она перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, съ одной стороны на другую, перемѣняетъ голосъ, то говоритъ съ грознымъ укоромъ, какъ г-жа Латуръ, то съ жалобнымъ, какъ Мадлина. Въ заключеніе, само собою разумѣется, дѣло объясняется, и Сенъ-Фаръ-Шаплу дѣлается формальнымъ супругомъ г-жи Латуръ-Мадлины.

Въ этой піесѣ г-жа Рѣпина выполнила роль свою превосходно; особенно прекрасна была она въ третьемъ актѣ, въ мистификаціи съ Сенъ-

Фаромъ. Г. Бантышевъ (Сенъ-Фаръ) какъ теноръ былъ на своемъ мѣстѣ: такой теноръ могъ бы свести съ ума и Маркиза де Корси и хорошенькую Мадлину; но какъ актеръ онъ выполнилъ роль свою, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетворительно. Между *первымъ* актомъ, когда онъ былъ *почтальономъ*, и *вторымъ*, когда сдѣлался *пѣвцомъ большой оперы*, не было въ немъ замѣтно большой разницы, даже почти никакого оттѣнка, которые, очень естественно, должны были произойти въ слѣдствіе десяти-лѣтней *новой жизни*, а при томъ *жизни на сценѣ*, да еще на *сценѣ королевскаго театра*: онъ былъ не Сенъ-Фаръ, первый теноръ большой оперы, а все тотъ же Шаплу-почтальонъ.

Дѣдушка Русскаго флота, драматическая быль Н. А. Полеваго, такъ извѣстна нашимъ читателямъ, что мы не считаемъ нужнымъ говорить объ ней. Это одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ драматическихъ опытовъ г. Полеваго: за каждый изъ такихъ опытовъ мы готовы смѣло отдать съ полдюжины *драматическихъ фантазій мистерій*, и даже *представленій*. Г. Щепкинъ произвелъ глубокое впечатлѣніе въ роли Карстена Брандта, и не мудрено: онъ самъ былъ тронутъ до глубины сердца такъ, что иныя слова умирали у него недосказанныя, но въ этихъ случаяхъ истинное чувство было у него краснорѣчивѣе словъ

Si vis me flere dolendum est primum ipsi tibi:

Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить —

мудрое правило Горація, которое во всякомъ искуствѣ имѣетъ примѣненіе. Г. Самаринъ исполнилъ роль Питера Гроддеккера съ замѣчательною простотою и силою; особенно былъ онъ прекрасенъ въ томъ мѣстѣ, когда Питеръ, запыхавшись, прибѣгаетъ къ Карстену Брандту. Г-жа Сабурова 2-я была очень мила въ роли Корнеліи, хотя желательно было бъ видѣть въ ней болѣе участія къ Питеру, особенно при его разсказѣ о Петрѣ.

Января 20 — бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой. *Артуръ*, или *шестнадцать лѣтъ назадъ*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, очень хорошенькая драма, хотя не новая по завязкѣ своей. Лордъ Мельвиль, когда еще онъ былъ просто сиръ Ліонель Анкольнъ, т. е. пока не наслѣдовалъ знатнаго имени и богатаго имѣнія своего дяди, жилъ въ Парижѣ и, какъ молодой человѣкъ, вошелъ въ связь съ молодой, незнатной дѣвушкой Маріей; у нихъ родился сынъ Артуръ. Сиръ Ліонель уѣхалъ въ Англію, чтобы испросить у дяди своего позволеніе жениться на Маріи; но въ это время дядя умеръ, сдѣлавъ его наслѣдникомъ своего богатства и знатности. Что было хорошо для простаго *сира*, то совсѣмъ неприлично для знатнаго лорда, пера Англіи и адмирала: Марія оставлена, а между тѣмъ лорду Мельвилю очень хочется сколько нибудь загладить передъ ней свой поступокъ; онъ посылаетъ ей денегъ — она ихъ отвергаетъ, проситъ ее отдать ему сына — она не соглашается — и лордъ Мельвиль отнимаетъ его силою — крадетъ этого Артура въ то время, когда невинный ребенокъ игралъ въ табачной лавочкѣ своего дяди, кузена Маріи, страстно въ нее влюбленнаго.

Проходитъ шестнадцать лѣтъ: Артуръ выросъ — молодецъ, умный, удалой мальчикъ — любо глядѣть... Онъ кончилъ свое воспитаніе и готовится вступить въ службу. Разъ, поднялась жестокая буря, которая разбила судно, ѣхавшее въ Англію: Артуру, какъ моряку, удалось спасти

отъ гибели одну женщину — вы догадываетесь, что это была его мать, но онъ объ этомъ не могъ догадаться. Лордъ Мельвиль узналъ ее, она узнала лорда Мельвиля, узнала Артура, за которымъ нарочно ѣхала въ Англію, чтобы тамъ отыскать его. Материнское сердце громко заговорило въ ней, но ей предложено условіе — или взять съ собою своего сына, лишивъ его прекрасной перспективы, какая открывается ему, и повергнувъ его въ бѣдность, или оставить его у лорда Мельвиля, навсегда отказаться отъ него, чтобы чрезъ это составить ему счастіе — и бѣдная страдалица молчитъ. Мало по малу однакожъ дѣло распутывается: Артуръ узнаетъ исторію своей матери, хотя не узнаетъ самой матери въ Маріи — въ немъ пробуждается вся сила духа — и онъ идетъ къ своему отцу, какъ грозный судія. Все попирая ногами, что получилъ отъ лорда Мельвиля, онъ хочетъ раздѣлить бѣдность съ своею матерью... и лордъ Мельвиль готовъ разразиться противъ Маріи, какъ вдругъ является она, блѣдная, въ ужасномъ волненіи, и объявляетъ, что имѣетъ отъ матери Артура письмо къ нему, къ Артуру, если онъ отъищется — письмо предсмертное, въ которомъ она благословляетъ сына, умирая, и приказываетъ ему любить и почитать того, кто старался составить его счастіе, хотя и сдѣлалъ зло его матери. Такая твердость побѣждаетъ непреклоннаго лорда, и онъ, обнявъ Артура, передаетъ его въ объятія Маріи, восклицая: «Артуръ! обними мать свою! Мад. Мельвиль! благословите своего сына!»*

а) Эта небольшая драма превосходно разыгрывается на французскомъ театрѣ въ Петербургѣ: г-жа *Бурбье*, гг. *Женьесъ*, *Верне*, *Дюфуръ* и *Брессанъ* исполняютъ каждый свою роль въ совершенствѣ.

Въ этой маленькой піесѣ есть драматическая жизнь, есть интересъ; нѣкоторыя сцены поражаютъ до глубины сердца Г-жа Львова-Синецкая (Марія) и г. Самаринъ (Артуръ) выполнили эти сцены прекрасно.

Въ слѣдъ за Артуромъ данъ былъ старый водевиль *Кетли*, въ которомъ г-жа Рѣпина была очаровательна, а г. Никифоровъ (Рутли) очень хорошъ.

За тѣмъ *Иголкинъ, купецъ Новогородскій*; роль Иголкина выполнена была г. Мочаловымъ превосходно, какъ этого и надобно было ожидать отъ его русской души. Сцена, когда онъ вступается за оскорбленіе русскаго царя, потомъ, когда отвергаетъ предложеніе коммендантa — притвориться сумасшедшимъ, далѣе, когда Густавъ приноситъ ему письмо отъ родныхъ, прощаніе съ Густавомъ и Маргаритою, послѣдняя сцена, когда онъ возвращается на родину и лобызаетъ родную землю — всѣ эти сцены были исполнены глубокаго, неподдѣльнаго чувства. Г. Никифоровъ прекрасно выполнилъ роль тюремщика.

Въ заключеніе (нѣтъ, виноватъ, не въ заключеніе: еще былъ «дивертиссементъ,» неизбѣжная принадлежность всякаго бенефиса и даже всякаго спектакля въ Москвѣ), и такъ послѣ *Иголкина* шелъ водевиль «*Тѣнь моего мужа*,» перев. съ Франц. В. В. Г., въ которомъ не было ни тѣни остроумія или веселости.

27-го января — бенефисъ г. Щепкина. Въ этотъ спектакль явилась на нашей сценѣ новая драма, а въ нашей драматической литературѣ новое имя: драма — *Пятидесятилѣтній дядюшка* или *странная болѣзнь*, въ четырехъ актахъ, имя — г. *Бѣлинскаго*.

Разскажемъ въ короткихъ словахъ содержаніе этой драмы, которое

очень просто: пятидесятилѣтній старикъ, *Горскій*, воспитываетъ двухъ дочерей своего друга, *Думскаго*, сосланнаго въ Сибирь; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ объ немъ нѣтъ никакого извѣстія. Старшая дочь, Лизавета Петровна, дѣвушка осьмнадцати лѣтъ, грустная мечтательница, съ характеромъ меланхолическимъ, напоминаетъ собою Татьяну въ *Онѣгинѣ*; меньшая, Катерина Петровна, дѣвушка шестнадцати лѣтъ, беззаботная, веселая, насмѣшница, болѣе походитъ на Ольгу. Старикъ Горскій, человѣкъ умный, довольно образованный, и притомъ замѣтьте, *глубоко нравственный*. Онъ какъ отецъ любитъ своихъ воспитанницъ, которыя привыкли называть его дядюшкой; но — странное дѣло! — будучи отъ природы характера добраго, кроткаго, онъ съ нѣкотораго времени начинаетъ замѣчать въ себѣ перемѣну: часто бываетъ брюзгливъ, ворчитъ попусту, сердится ни за-что; а всего страннѣе, что это бываетъ съ нимъ въ то время, когда онъ увидитъ Лизаньку плачущую, когда ее оскорбитъ или огорчитъ кто нибудь; онъ, повидимому, равно любитъ обѣихъ воспитанницъ своихъ, но ни слезы, ни смѣхъ Катеньки не производятъ на него такого впечатлѣнія, какъ смѣхъ или слезы Лизаньки. Горскій приписываетъ все это старости, болѣзни, и думаетъ, что ему надобно лечиться.

Между тѣмъ Лизанька, терзаемая этими мнимыми припадками болѣзни своего воспитателя, съ другой стороны томимая скрытою грустію — глубоко затаенною любовію къ Мальскому (молодому человѣку, племяннику Горскаго, недавно окончившему курсъ въ Университетѣ) съ ужасомъ угадываетъ причины этихъ мнимо-болѣзненныхъ припадковъ своего воспитателя: онъ влюбленъ, и влюбленъ въ нее — да, въ нее, осьмнадцатилѣтнюю дѣвушку, онъ — старикъ пятидесятилѣтній!.. Она срываетъ повязку съ глазъ старика, — и бѣдный Горскій видитъ весь ужасъ своего положенія: онъ, старикъ честный, старикъ нравственный, влюбленъ въ дѣвушку — селадонъ на старости лѣтъ!.. Горько смѣется онъ надъ самимъ собою; еще горше плачетъ и жалуется на судьбу, поставившую его въ такое положеніе — и съ этой минуты начинаются его страданія, закипаетъ борьба воли съ чувствомъ, нравственнаго долга съ влеченіемъ сердца — *нравственнаго долга, а не ума*: по внушенію *благоразумія* (bon sens) онъ могъ и долженъ былъ жениться на Лизанькѣ, которая въ порывѣ великодушія, а можетъ быть и страсти неузнанной (она воображаетъ, что Мальскій влюбленъ въ сестру ея Катеньку), предлагаетъ руку и сердце своему благодѣтелю. Но Горскій, оцѣнивъ вполнѣ эту жертву, съ твердостію отказывается отъ нея.

Между тѣмъ возвращенъ изъ Сибири Думскій, отецъ Лизаньки и Катеньки. Горскій узнаетъ, что Лизавета Петровна любитъ Мальскаго, и взаимно любима имъ; онъ устроиваетъ ихъ судьбу, устроиваетъ судьбу Катеньки, отдавъ руку ея Коркину, исправнику, и самъ назначивъ все свое имѣніе въ наслѣдство Мальскому и женѣ его, уѣзжаетъ на Кавказъ, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться...

Вотъ основа драмы г. Бѣлинскаго. Изъ этого краткаго содержанія вы можете видѣть, что здѣсь нѣтъ мѣста ни выисканнымъ, заранѣе разсчитаннымъ эффектамъ, ни подготовленнымъ нечаянностямъ, coups de theatre, — нѣтъ ни крови, ни кинжала, ничего такого, на чемъ разсчитываютъ успѣхъ новѣйшіе драматурги. Это просто

развитіе мысли Пушкина, такъ прекрасно высказанной имъ въ стихахъ, которыя могутъ служить самымъ приличнымъ эпиграфомъ къ драмѣ г. Бѣлинскаго:

«Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

А въ наше время, когда бо̀льшая часть драматическихъ произведеній основывается на разсчитанныхъ эффектахъ, на характерахъ странныхъ и часто неправдоподобныхъ, на дѣйствіяхъ кровавыхъ, которыя невольно возмутятъ душу, или наконецъ на какихъ нибудь особенныхъ, частныхъ интересахъ, — выйдти изъ общей колеи, взять анализъ страсти, со всѣми ея изгибами и оттѣнками, какъ хотите — это шагъ замѣчательный, подвигъ достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что его предпринимаетъ литераторъ молодой, избираетъ его для перваго своего опыта.

Но не въ одномъ этомъ заключается достоинство драмы г. Бѣлинскаго: въ ней есть много характеровъ, прекрасно очерченныхъ. Кромѣ характера главнаго дѣйствующаго лица — Горскаго, который хотя и растянутъ нѣсколько, но выдержанъ ровно, въ постоянной гармоніи съ основной идеей, вы видите здѣсь прекрасное, милое, простодушное лице *Катеньки*, дѣвушки живой, рѣзвой, веселой, которая никого не любитъ, никого не ненавидитъ, которая иногда и задумывается, но эта задумчивость проходитъ по душѣ ея, какъ легкое облачко по ясному, голубому небу; которая хочетъ, чтобы мужъ ея «былъ уменъ, добръ, и нѣсколько смѣшонъ;» это лице нарисовано такъ вѣрно, снято съ натуры такъ живо, что вы непремѣнно узнаете въ немъ что-то знакомое: такіе характеры встрѣчаются очень нерѣдко. Потомъ цѣлая группа — провинціяльная семья — *Хватова*, сплетница, *Анна Васильевна*, дочка ея, старая, злая дѣва, *Платонъ Васильевичъ*, сынъ, армейскій хватъ, какихъ встрѣчаете на каждомъ шагу въ провинціи: эти три лица — цѣлая комедія. Въ *pendant* къ нимъ *Бражкинъ*, уѣздный засѣдатель, который «любитъ всхрапнуть послѣ обѣда» и хочетъ жениться на второй женѣ, для того, что скучно, «побраниться не съ кѣмъ.» Всѣ эти аксесуарныя лица нисколько не натянуты, и какъ будто сняты съ натуры. Къ нимъ можно отнести и *слугу Ивана*, который любитъ поговорить, любитъ при случаѣ выпить лишнее, но радъ умереть за своего барина, готовъ на край свѣта бѣжать за нимъ.

Вотъ хорошая сторона драмы г. Бѣлинскаго; съ другой стороны много въ ней недостатковъ, изъ которыхъ большая часть показываетъ въ авторѣ человѣка молодаго, незнающаго сцены, несвыкшагося съ театральными подмостками. Особенно бросаются въ глаза — длиннота, растянутость драмы, происшедшія отъ того, что авторъ хотѣлъ исчерпать предметъ до глубины его, и потому впалъ въ многорѣчивость и повторенія; во многихъ мѣстахъ изложеніе драмы отзывается языкомъ книжнымъ, не въ томъ смыслѣ, что есть въ немъ *сей, оный*, и т. п., но въ томъ, что часто разговорныя фразы бываютъ слишкомъ длинны, слишкомъ правильны, а въ иныхъ мѣстахъ испещрены словами, которыя

какъ будто взяты на прокатъ изъ *Московскаго наблюдателя*; далѣе — неискусно уложенъ разговоръ между дѣйствующими лицами, что пріобрѣтается навыкомъ и опытностію: такъ вы видите на сценѣ нѣсколько дѣйствующихъ лицъ; два изъ нихъ говорятъ между собою, а другіе стоятъ безмолвныя и дожидаются своей очереди. — Есть лица безцвѣтныя, какъ напр. *Мальскій*, котораго любовь къ Лизаветѣ Петровнѣ высказана слишкомъ неясно, и то ужъ въ послѣднемъ только актѣ; сама Лизавета Петровна, которую до конца четвертаго акта и подозрѣвать нельзя, чтобы она любила Мальскаго, и проч.

На счетъ постановки этой піесы на сценѣ надобно отдать справедливость гг. артистамъ; каждый изъ нихъ былъ на своемъ мѣстѣ, и каждый дѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Г. Щепкинъ (Горскій) занималъ роль драматическую, и притомъ — кромѣ того, что длинную, — трудную роль. Скажемъ откровенно (говоря о Щепкинѣ, можно быть откровеннымъ) — роль эта, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ *удалась* ему (выраженіе самое приличное): г. Щепкинъ задалъ себѣ трудную задачу — слить въ одномъ лицѣ двѣ стороны, хотя могъ взять только одну: влюбленный старикъ можетъ быть лицомъ комическимъ и лицомъ драматическимъ; каждая изъ этихъ сторонъ, взятая отдѣльно, можетъ быть легко выполнена — при условіяхъ таланта, разумѣется; но соединить эти два лица въ одномъ характерѣ, такъ, чтобы комизмъ трогалъ зрителя, и наоборотъ, въ сценахъ трогательныхъ проявлялась нѣсколько сторона комическая влюбленнаго старика — это дѣло чрезвычайно трудное. Поставить въ драмѣ высоко-трагическое рядомъ съ комическимъ можно — объ этомъ нѣтъ спору; но дать одному лицу двѣ физіономіи, двѣ стороны — чрезвычайно трудно. И потому въ игрѣ г. Щепкина замѣтна была двойственность, такъ сказать: старикъ смѣшной, даже возбуждающій какое-то непріятное чувство, какъ старый селадонъ, и старикъ высоко-нравственный, котораго положеніе трогаетъ васъ до глубины души: каждая сторона, взятая отдѣльно, выполнена была прекрасно, но гармоніи между ними не было; отъ этого, послѣ комической сцены переходя въ драматическую, г. Щепкинъ какъ будто невольно впадалъ въ декламацію, чего съ Щепкинымъ никогда не бываетъ; но это такъ казалось, по рѣзкости переходовъ отчасти, а съ другой стороны, можетъ быть въ этомъ виноватъ нѣсколько и авторъ піесы. — Г-жа Орлова (Лизавета Петровна) во многихъ сценахъ была очень хороша, а въ иныхъ даже прекрасна. Г-жи Щепкина 2-я (Катерина Петровна) рѣдкая гостья на нашей сценѣ, — Сабурова 1-я (Хватова), Кашина (дочь ея) и гг. Потанчиковъ (Бражкинъ), Орловъ (Иванъ, слуга), Живокини 2-й (сынъ Хватовой, армейскій офицеръ) придали своимъ ролямъ колоритъ созданія, сдѣлали изъ нихъ лица живыя, характерныя.

Послѣ этой драмы данъ былъ водевиль *Поддѣльная Швейцарія*, въ которомъ мы не любовались г-жей Рѣпиной, противъ обыкновенія, потому что она играла роль *поддѣльную* — Рутли, молодаго рекрута: талантъ г-жи Рѣпиной выше этихъ средствъ, къ которымъ можетъ прибѣгать только безталантность — съ смазливенькимъ личикомъ....

Въ заключеніе — *сцена изъ оперы Полтавка*... Но кто не знаетъ, какъ хорошъ Щепкинъ въ этой піе-

съ? Это верхъ натуры — и верхъ совершенства!

Апрѣля 14-го, въ бенефисъ г. Орлова — *Честь или смерть*, Н. А. Полеваго. Читателямъ *Репертуара* извѣстна эта драма, и потому мы не станемъ входить объ ней въ разсужденіе. Роль слесаря Бидермана, еще прежде того, когда явился въ ней г. Мочаловъ, казалась намъ для него созданною: характеръ простаго, благороднаго ремесленника, человѣка честнаго, горячо любящаго сестру свою, неукротимаго мстителя за оскорбленную честь — да, эта роль совершенно по характеру Мочалова. И мы не ошиблись въ разсчетѣ своемъ: роль Бидермана была имъ выполнена прекрасно, выдержана ровно, отъ начала до конца. Здѣсь Мочаловъ ниразу не измѣнилъ характеру дѣйствующаго лица, оставаясь всегда тѣмъ же Бидерманомъ — тѣмъ же благороднымъ, честнымъ ремесленникомъ. Особенно энергическія мѣста въ роли Мочалова были слѣдующія: сцена, гдѣ Бидерманъ допрашиваетъ сестру свою; быстро сказанныя слова «кто твой любовникъ?» потрясли душу зрителя, открывая ему всю бурю души несчастнаго брата; первое объясненіе съ Оттономъ, когда Бидерманъ разсказываетъ жизнь свою — ставитъ свое прошедшее въ параллель съ настоящимъ, чтобы показать Оттону, чего лишилъ онъ его, чтобы требовать отъ него справедливости, требовать своего, законно ему принадлежащаго, и незаконно отнятаго; сцена въ трактирѣ, съ заговорщиками и проч. Не говоримъ объ нѣкоторыхъ, слишкомъ частныхъ красотахъ, о тѣхъ выраженіяхъ, которыя электрически потрясаютъ зрителя, какъ напр. послѣднія слова въ первомъ актѣ: «О, надежды человѣческія! Что вы такое!» Трудно уловить и передать словами эти глубокія впечатлѣнія, которыя не перестаютъ потрясать душу даже въ то время, когда вспоминаешь объ нихъ. Роль Оттона была выполнена очень удовлетворительно г. Ленскимъ, который велъ ее съ надлежащимъ благородствомъ и отчетливостію. О прочихъ лицахъ ничего мы не скажемъ.

Въ этотъ же разъ даны были два водевиля: *Заемный мужъ*, потому что есть водевиль *Заемныя жены*, и *Пажъ старыхъ временъ*, потому что былъ *Полковникъ старыхъ временъ* Въ этихъ водевиляхъ все обстояло благополучно, а новаго ничего не прибавилось.

Мая 19-го — бенефисъ г-жи Крей — *Монтеки* и *Капулетти*, опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. Это былъ грустный спектакль для любителей оперы, потому что они въ этотъ разъ простились съ г-жей Крей, порадовавшей ихъ въ свои предшествовавшія девять представленій. При участіи г-жи Крей, которая обладаетъ сильнымъ, выработаннымъ голосомъ, имѣетъ прекрасную методу пѣнія, и наконецъ весьма выгодную наружность московская опера обѣщала впереди много отраднаго, тѣмъ болѣе, что г-жа Крей пробудила жизнь въ нашей оперѣ, участіе и соревнованіе въ артистахъ. Тѣмъ грустнѣе былъ этотъ спектакль, что посѣтителей въ театрѣ было весьма немного, и что публика какъ будто не совсѣмъ оцѣнила то удовольствіе, которое доставляла ей г-жа Крей прежде; но въ этомъ мы должны винить не публику, а во первыхъ весну, которая выманила всѣхъ изъ города, во вторыхъ то, что г-жа Крей передъ этимъ долго не являлась на сценѣ: многіе думали, что она совсѣмъ уже оставила Московскій театръ, и разъѣхались по дачамъ, не дожидаясь ея бенефиса и не зная объ

немъ. Г-жа Крей по крайней мѣрѣ достойно отблагодарила публику за прежне участіе къ ней, выполнивъ свою партію превосходно.

Въ этотъ же спектакль данъ былъ водевиль *Дѣвушка себѣ на умѣ*, въ которомъ особенно замѣчательнаго ничего не было.

Этимъ кончились всѣ бенефисы перваго полугодія. Переходимъ къ остальной части нашего *отчета*, къ не бенефиснымъ новостямъ — новымъ піесамъ и новымъ дебютантамъ.

(До слѣдующей книжки).

РЕПЕРТУАРЪ
С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

1839 года,

Съ 1 по 31 Iюля.

С. ПЕТЕРБУРГСКIЕ ТЕАТРЫ.

1. *Ал. т.* Пожарскiй, траг. въ 3 д. 1-е Iюля въ Петергофѣ, шут.-вод. въ 1 д.
2. *Ал. т.* Ревизоръ, ор -ком. въ 5 д. Будьте здоровы! вод. въ 1 д.
3. *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 д. (въ первый разъ.)
4. *Ал. т.* Русской человѣкъ, драмат. быль въ 1 д. Сей и оный, шут.-экспр. въ 1 д. Ночной колокольчикъ, вод. въ 1 д.
5 *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 дѣйств.
6. *Ал. т.* Барышня крестьянка, вод. въ 2 д. Жена кавалериста, ком.-вод. въ 1 д. Юные романтики, анекд.-вод. въ 1 д.
7. *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 дѣйств.
9. *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 д.
13. *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 дѣйств.
14. *Ал. т.* Дѣдушка Русскаго флота, ист. быль въ 1 д. Юные романтики анекд.-вод. въ 1 д. С. А. Пятаковъ, ориг.-вод. въ 1 д.
16. *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 дѣйств.
17. *Ал. т.* Юные романтики, вод. въ 1 д. Портретъ моего мужа, вод. въ 1 д. Домъ на Петербургской сторонѣ, вод. въ 1 д.
19. *Бол. т.* Кромой колдунъ, балетъ въ 1. дѣйств.
20. *Ал. т.* Иголкинъ 1-е дѣйствiе, истор. быль. Чиновникъ по особымъ порученiямъ, вод. въ 1 д. Архиварiусъ, вод. въ 1 д.

МОСКОВСКIЕ ТЕАТРЫ.

25 Iюня. *Пар. т.* Дѣдушка Русскаго флота, истор. быль въ 1 д. Зол, вод. въ 1 д. Филатка и Мирошка, интерм. въ 1 д.
29. *Бол. т.* Цамна, опер. въ 3 д.
30. *Пар. т.* Горе отъ ума, ком. въ 4 д.
2 Iюля *Пар. т.* Иголкинъ, драма въ 2 д. Приключенiе на станцiи, вод. въ 1 д. Дивертиссементъ.
6. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.
7. *Пар. т.* Дочь скупаго, др. въ 2 д. Жизнь или смерть, вод. въ 1 д. Севильскiй цюрюльникъ, балетъ въ 1 д.
9. *Пар. т.* Артистъ, вод. въ 1 д. Матросъ, ком. въ 1 д. Волшебная флейта, бал. въ 1 д.
13. *Бол. т.* Невѣста Лукатинъ, оп. въ 3 д. Игры Париса, бал. въ 1 д.
14. *Пар. т.* Наслѣдники, ком. въ 1 д. Заемный мужъ, вод. въ 1 д. Дивертиссементъ.
16 *Пар. т.* Мужъ, какихъ мало, вод. въ 1 д. Новый Парисъ, вод. въ 1 д. Татьяна прекрасная, инт.
20. *Бол. т.* Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 3 д.

21. *Мих. т.* Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока, драма въ 3 д.
22. *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 д.
23. *Ал. т.* С. А. Пятаковъ, вод. въ 1 д. Имянины благод. помѣщика, интерм.-вод. въ 1 д. 1-е Іюля въ Петергофѣ, шутк.-вод. въ 1 д.
24. *Ал. т.* Разбойники, трагед. въ 5 д. Горе отъ тещи, ком.-вод. въ 1 д.
26. *Бол. т.* Возстаніе въ сералѣ, большой балетъ въ 3 д. 1-е дѣйствіе оперы Невѣста Лунатикъ (въ пользу г. Лашука).
28. *Бол. т.* Хромой колдунъ, балетъ въ 3 д.
Ал. т. Дѣдушка Русскаго флота, истор. быль въ 1 д. Дезертеръ, оп.-вод. въ 1 д. Мужъ въ каминѣ, вод. въ 1 д.
30. *Ал. т.* Ревизоръ, ориг.-ком. въ 5 д. Двѣ женщины противъ одного мужчины, вод. въ 1 д. Сватъ Гаврилычъ, карт. въ 1 д.
31. *Бол. т* Танкредъ, больш. опер. въ 2 д. и 2-е дѣйств. балета Сильфида (въ пользу г-жи Петровой) для закрытія предъ постомъ.

21. *Пар. т.* Фениксъ, вод. въ 1 д. Гусарская стоянка, вод. въ 1 д. Дивертисементъ.

КОЗЬМА РОЩИНЪ,

РЯЗАНСКІЙ РАЗБОЙНИКЪ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ВЪ СТИХАХЪ,

сочинение

К. А. Бахтурина.

Сюжетъ заимствованъ изъ извѣстнаго прозаическаго разсказа: *М. Н. Загоскина.*

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СЕРГѢЙ ФИЛИПОВИЧЪ ИЛЬМЕНЕВЪ, богатый помѣщикъ .... г-нъ Брянскій.
ВАРВАРА ДМИТРЕВНА, жена его . г-жа Гусева.
МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА, дочь ихъ ...... г-жа Асенкова.
ИВАНЪ ТИМОФѢЕВИЧЪ ЗАРУБКИНЪ, сосѣдъ Ильменева .... г-нъ Сосницкій.
ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ, сынъ его, драгунскій капитанъ . г-нъ Каратыгинъ 2.
КОЗЬМА РОЩИНЪ, атаманъ разбойниковъ, подъ имемемъ купца Выдыбаева .... г-нъ Каратыгинъ 1.

Есаулы Рощина:
ФИЛЬКА ЕЖЪ ...... г-нъ Афанасьевъ.
СТЕПКА КОЛОНЧА ... г-нъ Чайскій.
ПРОШКА ЦАПЛЯ ... г-нъ Рамазановъ.

РАЗБОЙНИКЪ .... г-нъ Ахалинъ.
ВАХМИСТРЪ ...... г-нъ Радинъ.
ТРУБАЧЬ ДРОЗДОВЪ .... г-нъ Калининъ.

драгуны:
1. .... г-нъ Сервіо.
2. .... г-нъ Сосновскій.

слуги Ильменева:
Мальчикъ — г-нъ Пономаревъ.
Дѣвушка — г-жа Кронштейнъ.

Драгуны, слуги, разбойники.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ комнату въ домѣ Ильменева, на правой сторонѣ кабинетъ, на лѣвой сторонѣ на первомъ мѣстѣ окно, на второмъ кабинетъ, на третьемъ мѣстѣ Голландская печь съ лежанкою. На правой сторонѣ столъ, на столѣ свѣчи и пяльцы, на лѣвой сторонѣ столикъ съ шахматами.

—

ЯВЛЕНІЕ 1.

ИЛЬМЕНЕВЪ и ЗАРУБКИНЪ (*играютъ въ шахматы*), ЖЕНА ИЛЬМЕНЕВА (*вяжетъ чулокъ*), МАША (*сидитъ за пяльцами, позади ея стула*) ВЛАДИМІРЪ (*стоитъ*). КОЗЬМА РОЩИНЪ (*стоитъ у печки. Нѣсколько дѣвушекъ плетутъ кружева*). МАЛЬЧИКЪ (*у дверей стоитъ съ щипцами въ рукахъ*).

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА (*Владиміру*).

Какъ на тебя я погляжу,
Куда ты измѣнился чудно!
Глазамъ повѣрить даже трудно:
Богъ видитъ, въ честность доложу,
Чтобы Володя нашъ проказникъ
Такой сталъ бравый молодецъ.
Вѣдь твой пріѣздъ для всѣхъ насъ праздникъ,
На долго-ль здѣсь ты мой отецъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Я думаю, нашъ полкъ пробудетъ
Въ уѣздѣ вашемъ до зимы.

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Такому гостю рады мы!
Чай слезъ-то, слезъ-то сколько будетъ,
Когда сыночка провожать
Придется батюшкѣ опять.

ЗАРУБКИНЪ.

Богъ милостивъ, авось Володя,
И не разстанется со мной;
Пора подъ кровлей жить родной;
Боюсь, чтобъ по чужимъ-то ходя,
Онъ не отвыкнулъ отъ своихъ.
Ужъ мы въ лѣтахъ не молодыхъ;
Эхъ, матушка! Плохенько стало,
Почти на ладанъ я дышу!
Летали соколомъ бывало!
Теперь взглянуть же попрошу:
Не та манера, нѣтъ той силы,
Заломитъ!... Кашель подступилъ!...
Такъ не хочу, чтобъ до могилы
Меня наемникъ проводилъ;
Вѣдь и купцу подъ старость лавку
Придется сдать, какъ форсу нѣтъ;
Пора Володѣ и въ отставку,
Что жъ прослужилъ десятокъ лѣтъ,
Ну и довольно, слава Богу,
Взялъ кавалерію и чинъ;
Учись хозяйству по немногу;
А я! Ну что за господинъ?
Не такъ ли, матушка?

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

И полно,
Къ чему морочишь насъ родной?
Ужъ говорилъ бы кто другой!
Въ тебѣ еще всего довольно;
Такихъ хозяевъ, каковъ ты,
И днемъ пронщешь со свѣчами!

ЗАРУБКИНЪ.

Эхъ, матушка, подъ часъ и съ нами
Не оберешся простоты,
Вѣдь всѣ мы подъ Богомъ то ходимъ.

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Да все поучимся у васъ!
Вотъ посмотри-ка хоть на насъ:
Концы едва съ концами сводимъ,
А не роскошное житье!
Ты жъ все годъ отъ году богаче,
Имѣнье выкупилъ свое,
Заводецъ выстроилъ на дачѣ,
У насъ двѣ пустоши скупилъ!
Не проживаешь и дохода.
Откуда Богъ тебѣ даетъ?
Душъ съ сорокъ было, а въ три года
Ты прикупилъ къ нимъ до двухъ сотъ.

ЗАРУБКИНЪ.

Ну... наберется и по болѣ;
А вотъ раздумье въ чемъ беретъ:
Конечно въ Божеской все волѣ!
Какъ это прахомъ все пойдетъ?
Вотъ потому-то, мать родная,
Теперь помощникъ нуженъ мнѣ,
Сынку... хозяйка молодая!
Скажите сами, при женѣ
Все лучше будетъ, жизнь угодье;
Да нѣтъ, жениться онъ не прочь!
(*сыну*)
Не такъ ли, Ваше Благородье?
А Побирашкина то дочь
Хоть бы кому пришлась? Не худо!
Авось не плоше мы другихъ!
Поможетъ Богъ! А дѣвка чудо!

ВЛАДИМІРЪ.

Я только разъ и былъ у нихъ,
Но и желанья не имѣю
Къ нимъ часто ѣздить!

ЗАРУБКИНЪ.

Что за вздоръ!
Кой что и я понять съумѣю!
Нѣтъ, братъ! Какъ повидался съ нею
Не даромъ тужишь съ этихъ поръ!
Мы разумѣемъ въ чемъ вся сила!
Варвара Дмитревна! Ей, ей!
Володю такъ теперь скрутило,
Что сна не знаетъ, ни ночей!
Съ утра онъ въ глушь забьется лѣса:
Да тамъ и бродитъ какъ шальной,
И не послать такъ мой повѣса
Обѣдать не придетъ домой;
И за обѣдомъ какъ цыпленокъ
Не ѣстъ, по зернушку клюетъ,

Ну словомъ, что грудной ребенокъ
Не понимаю чѣмъ живетъ!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Не маловажная примѣта!
Что жъ въ добрый часъ и по рукамъ;
Пора, пора, въ такія лѣта
Чиниться что по пустякамъ?
Зачѣмъ ты, Машинька, нагнулась?

МАША.

Такъ-съ... Подымала я клубки.

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА (*дѣвкамъ*)

Хотя одна бы повернулась,
Что вы усѣлись какъ мѣшки!?

ЗАРУБКИНЪ.

Сергѣй Филиповичъ! Родимый!
Ну что надумались ли вы?

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Эхъ, братъ! Какой нетерпѣливый!

ЗАРУБКИНЪ.

Ужъ я бъ доѣхалъ до Москвы,
Пока въ раздумьѣ вы сидите!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Охъ! Ну съ женою говорите,
Да мнѣ-то думать не мѣшай.

ЗАРУБКИНЪ.

Что ты, Владимiръ, не болтай,
А чуть ли мы теперь не правы,
Я самъ братъ старый воробей!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

И барышнѣ дурной нѣтъ славы,
Хоть онъ и приглянулся ей.

ВЛАДИМIРЪ.

Я право, батюшка, не знаю...
Вы на меня стали клепать.

ЗАРУБКИНЪ.

Э! Чему быть, не миновать;
Тебѣ, мой другъ, я не мѣшаю,
Какъ хочешь, такъ и дѣлай самъ,
Но помяни мое ты слово,
Потерпишь... Да придешь же къ намъ;
Пожалуй! Будетъ все готово!
Со мной такъ бились въ старину,
Тебя я былъ смѣлѣе вдвое,
А ночь прохныкалъ не одну,
Когда задѣла за живое
Любовь къ покойницѣ моей!
И я ни ѣлъ, не спалъ ночей,
Тоска душею овладѣла,
Такая дрожь была и страхъ,
Пока начать не вздумалъ дѣла,
А вотъ какъ подослали свахъ,
Да какъ пошли у насъ совѣты,
Да какъ пошло у насъ на ладъ,
Ахъ, батюшки мои, вы свѣты!
Чуть не спился я! Такъ былъ радъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

А вѣдь покойница не много
Была на ручку тяжела!
Подъ часъ тебя учила строго.

ЗАРУБКИНЪ.

Ну, да... Съ характеромъ была.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Ты часто получалъ обновки;
Теперь какъ вижу съ синякомъ,
Пріѣхалъ въ гости къ намъ въ Петровки.

(*Всѣ смѣются.*)

ЗАРУБКИНЪ.

Не помню что-то я о томъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Охъ, эта пѣшка надоѣла!
Весь ходъ закрыла у меня!...
Какъ быть! Ладья стоитъ безъ дѣла!...
Нельзя и тронуть мнѣ коня...
Досадно право!... Эй, Игнашка!
Сними со свѣчь!... Игру отдай!...
Ахъ, чортъ возьми! Добро бы шашка
А то, отъ пѣшки пропадай!...

ЗАРУБКИНЪ.

Вотъ такъ-то, батюшка, на свѣтѣ
У насъ бываетъ иногда,
За малость постоишь въ отвѣтѣ,
Чрезъ сущій вздоръ придетъ бѣда.
Секретаря-то воеводы
Вы знать изволите? Кажись,
Не важной человѣкъ породы,
А съ нимъ попробуйка, свяжись,
Такъ вѣдь развяжешься не скоро;
Я съ нимъ поохалъ прошлый годъ!
Всѣ присягнутъ: такого вора
Еще не видывалъ народъ!
А таже пѣшка, а не шашка!
Ему я къ Святкамъ не послалъ
Тово... въ бумашкѣ то барашка,
Тутъ на меня онъ и напалъ,
Какъ взнесъ проклятый ахинею,
Твердитъ: что я держу притонъ —
Клещемъ мнѣ нехристь сѣлъ на шею,
Душилъ меня какъ петлей онъ!
Какъ словно липку прибралъ въ руки,
Ужъ я и такъ, сюда, туда,
Да вы вотъ взяли на поруки,
А просто мнѣ была бъ бѣда;
Мое представьте удивленье:
Сижу я дома, вдругъ летятъ
Повозокъ съ пять; вошли, шумятъ,
Хотятъ описывать имѣнье!
Народу навалила тьма:
Подъячихъ, сыщиковъ, приказныхъ!
Бывалъ я въ жизнь въ продѣлкахъ разныхъ,
А тутъ сталъ просто безъ ума!

Народъ все пьющій и голодный!
Поставь двѣ бочки, не по чемъ!
Снаровки пѣту благородной,
Въ ночь выпьетъ, что не допилъ днемъ;
А ужъ какъ жрутъ! Ахъ, ты мой Боже!
Куда те, что твои быки;
Глаза едва продрали... что же?
Давай имъ фриштикъ: балыки,
Гусей, индѣекъ, солонины,
Яицъ, теленка, вѣтчины,
Тьфу пропасть! Ловкіе дѣтины!
Вотъ съ аппетитомъ рождены!
Могу сказать, что удружили!
Всего недѣлю погостили,
А домъ поставили вверхъ дномъ,
(*Всѣ спятся.*)
Ну, что же, батюшка, сходили?

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Да, братецъ, я сходилъ слономъ.

ЗАРУБКИНЪ.

Напрасно, мой отецъ, напрасно,
Вѣдь королю-то шахъ и матъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Какъ такъ?

ЗАРУБКИНЪ.

Да видимо и ясно,
Укрыться не чѣмъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Правда, братъ!
Когда бы прежде знать да вѣдать...
Теперь я на мель сѣлъ какъ ракъ!

РОЩИНЪ.

Нѣтъ, счастья можете отвѣдать,
Игра-то ваша...

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Какъ?

РОЩИНЪ.

Да такъ:
Вы посмотрите-ка смѣлѣе.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Согласенъ я, со стороны
Оно тебѣ, мой другъ, виднѣе.
Но все кругомъ мы стѣснены.

РОЩИНЪ.

Ну попытайтесь, заслоните
Вы короля, скорѣй, слономъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Возьметъ онъ ферзью?... Что жъ въ томъ?

РОЩИНЪ.

Нѣтъ, будетъ нѣкогда, идите,
Вы только слушайтесь меня;
Теперь вы тронувши коня,
Какъ разъ ладью свою открыли,
Вотъ и сказали: шахъ и матъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Славно, братъ!
Спасибо!... Ну, теперь отбрили!
Ха! ха! ха! ха! А, что? сосѣдъ?
Вотъ выкинулъ съ тобою шутку!

ЗАРУБКИНЪ.

Не такъ, подумаю минутку.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Да ты хоть думай, или нѣтъ,
Все матъ тебѣ...

ЗАРУБКИНЪ.

Ахъ, мой Создатель!
Слона не вывелъ, вотъ дуракъ!
Не думалъ проиграть никакъ!
Ну ни-что мнѣ...

ИЛЬМЕНЕВЪ.

А ты, пріятель,
Самъ видно мастеръ поиграть?

РОЩИНЪ.

Какъ вашей милости сказать?
Не то, чтобъ смыслили мы больно
А постоимъ и мы подъ часъ;
Ктому же Персіанъ довольно
Бываетъ въ городѣ у насъ;
Я съ ними игрывалъ въ частую,
Такъ вотъ, и самъ понаторѣлъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Съ тобой бы партію другую
Съигралъ, да онъ мнѣ надоѣлъ.
Ты самъ природный Астраханецъ?

РОЩИНЪ.

Я, сударь, тамошній купецъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Послушай, что скажу я, братецъ,
Ты какъ замѣтно молодецъ,
Люблю такого человѣка!

РОЩИНЪ.

Спасибо милости твоей!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Ты путь свой держишь изъ далека,
Чай уморилъ ты и коней,
И самъ умаялся не мало,
Такъ чтожъ, зачѣмъ же дѣло стало,
У насъ подолѣ погости,
И разговѣйся вмѣстѣ съ нами,
Вотъ и оправишься съ пути.

РОЩИНЪ.

Доволенъ много, сударь, вами!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Останешься?

РОЩИНЪ

Я бъ радъ душой,
Да надо мнѣ чѣмъ свѣтъ въ дорогу.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Э, братъ, останься-ка, ей Богу,
Стучали бъ въ шахматы съ тобой.

РОЩИНЪ.

Что дѣлать? Мѣшкать я неволенъ,

Въ торговлѣ часъ, дороже дня,
Я вами ужъ и такъ доволенъ:
Укрыть изволили меня
Отъ темной ночи, отъ мятели,
Вѣкъ помнить буду хлѣбъ и соль;
А можетъ о святой недѣли
Вернемся, погостимъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Изволь!....
Э! ты вѣдь человѣкъ дорожный,
Вездѣ понаберешь вѣстей:
Гдѣ Рощинъ съ шайкою своей?

РОЩИНЪ.

Козьма разбойникъ осторожный
Гдѣ былъ сегодня, завтра нѣтъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Кутитъ онъ около трехъ лѣтъ,
Не догулялся жъ окаянный!
Да знаетъ на кого напалъ,
Нашъ воеводишка престранный,
О, я бъ давно дружка поймалъ!

РОЩИНЪ.

Когда я слышалъ? Въ Воскресенье!
Что Рощинъ Волгой полетѣлъ,
И у Макарья, три селенья
Ограбить, выжечь, онъ успѣлъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

На Волгу сунулся пострѣлъ!
Что на Окѣ пришлося жутко?
Вездѣ команды и полки,
Теперь къ намъ кинулся бы, шутко!

РОЩИНЪ.

Теперь ему быть не съ руки;
А шайка видно пребольшая,
Съ нимъ слышно лодка не одна.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Удача бестіи какая!
Не за одно ль съ нимъ сатана!
Довольно лѣшій колобродитъ!
И что жъ? Все съ рукъ прекрасно сходитъ,
Минуетъ каждый разъ погонь...
Пройдетъ сквозь воду и огонь.

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Опять къ намъ явится, боюся,
Когда полки уйдутъ отъ насъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Я далъ бы дорого, клянуся,
Чтобъ съ нимъ мнѣ встрѣтиться хоть разъ,
Да вишь ты, все не удалося.

РОЩИНЪ.

Мнѣ видѣть даромъ довелося.

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Ахъ, мой отецъ!

РОЩИНЪ.

Дней семь назадъ
Мы ночевали съ нимъ въ трактирѣ.

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Ну, что же онъ каковъ на взглядъ?
Чай нѣтъ его страшнѣе въ мірѣ.

РОЩИНЪ.

Нѣтъ, грѣхъ сказать, онъ молодецъ.

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Да ты то цѣлъ какъ, мой отецъ?

РОЩИНЪ.

А вотъ какъ видите. Случайно,
Въ то время, Рощинъ былъ одинъ,
Ужъ по утру, открылъ мнѣ тайно
Что это онъ, хозяйской сынъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Не можетъ быть, чтобъ зналъ хозяинъ!

РОЩИНЪ.

Анъ зналъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Чего жъ онъ медлилъ Каинъ?
Онъ долженъ былъ людей созвать,
Связать разбойника!

РОЩИНЪ.

Связать?
Легко вамъ молвить, сударь это
Не вами-то одними нѣто;
Что жъ не связалъ его никто?...
Что Рощинъ былъ, село все знало!
Да видно духу не достало
Съ нимъ потягаться!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Ни на что,
Клянусь, это не похоже;
Съ однимъ не справиться! О Боже!
Они съ нимъ вѣрно за одно!

РОЩИНЪ.

Не думаю! А вотъ въ чемъ дѣло:
Пришли бъ вязать, анъ неравно
Гостей изъ лѣсу бъ налетѣло;
Пустили бъ красныхъ пѣтуховъ!
Съ конца въ конецъ прогорцовали,
Такъ мужики бъ не до считали
Къ разсвѣту съ сотенку дворовъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Оно и правда! Что разбойникъ
Ко мнѣ зайти не вздумалъ въ домъ?
Ужъ онъ давно бы былъ покойникъ!
Объѣхалъ я бъ его конемъ!

ЗАРУБКИНЪ.

Эхъ, батюшка! Не накликайся!
Къ чему? Не долго до бѣды!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Ну нѣтъ, его ты самъ признайся
И не осталися-бъ слѣды!

Пускай, пускай ко мнѣ онъ будетъ!
Такъ стану баней угощать,
Что онъ мошенникъ не забудетъ
До новыхъ вѣниковъ опять!
Чего бояться? Только свисну,
Съ полсотни станетъ молодцовъ,
Да какъ дождемъ свинцовымъ спрысну,
Такъ Рощинъ вашъ и былъ таковъ!
Разбить разбойника, вотъ диво!

РОЩИНЪ.

Вѣстимо, батюшка, вѣстимо,
Съ нимъ побороться можно вамъ!
Большое плаванье дается
Большимъ на свѣтѣ кораблямъ!

ЗАРУБКИНЪ.

А какъ не ровенъ часъ придется?
Козьма кудесникъ! Вѣдь онъ тожъ
Не самъ другъ ѣдетъ на грабежъ!
Съ нимъ также вдоволь есть народа!
Вотъ съ княземъ Грудовымъ у насъ,
Вы слышали, тому два года
Какихъ настроилъ онъ проказъ?

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Нѣтъ не слыхалъ! А что такое?

ЗАРУБКИНЪ.

Да дѣльцо вышло то плохое,
Надѣлалъ было князю бѣдъ!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Ахъ, разскажи-ка намъ, сосѣдъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Оно должно быть интересно,
Какъ задалъ князю Рощинъ страхъ!

ЗАРУБКИНЪ.

Князь Грудовъ, вамъ самимъ извѣстно,
Куда какъ боекъ на словахъ!
Ну словно мѣтилъ въ воеводы,
Такой былъ пышный господинъ,
А Рощинъ, батюшка, въ тѣ годы
На промыслъ хаживалъ одинъ.
Вотъ окружные то дворяне
Козьму задумали унять.
Нашъ князь всѣмъ слово далъ заранѣ
Его въ два мѣсяца поймать.
Ужъ какъ хвалился передъ нами!
Не ставилъ Рощина въ алтынъ,
Вотъ подопретъ бока руками,
Кричитъ: «Да что онъ чортовъ сынъ!
Со мной хоть разъ столкнулся бъ въ полѣ!
Моихъ отвѣдалъ бы ребятъ!
Ужъ не разбойничалъ бы болѣ,
Ему бы разомъ задалъ матъ!
Арканъ мошеннику на шею,
Свернулъ бы ребра всѣ въ клубокъ!
Да къ воеводѣ ратозѣю
Его живьемъ бы приволокъ!
У насъ начальство смотритъ худо!
Да это, по просту, позоръ!
И, что онъ за осьмое чудо?
Шишимора, бродяга, воръ!»
Вотъ рѣчи князевы, какъ видно,
Козьмѣ умѣли передать:
И стало Рощину обидно,
Задумалъ князю показать
Свою онъ удаль и раздолье!
Какъ вдругъ провѣдать онъ успѣлъ
Что ѣдетъ князь на богомолье,
Нашъ, разомъ, на ноги настрѣлъ!
Чѣмъ свѣтъ, съ винтовкой на дорогу,
И видитъ нищіе толпой
Бредутъ въ Успенскій по немногу,
И кто безрукой, кто хромой;
Къ нимъ полетѣлъ разбойникъ ловкой,
Какъ заоретъ среди толпы,
И какъ взмахнетъ на нихъ винтовкой,
Всѣ какъ овсяные снопы
Козьмѣ и повалились въ ноги!
А онъ на нихъ: «Долой съ дороги
До одного! Въ кусты припасть!
Смотри же, нищая порода,
Исполнить съ толкомъ мою власть,
Не то придетъ на васъ невзгода,
Всѣмъ околѣть вамъ помогу!
Лежите смирно! Ни гугу!
Но только зыкну: «Эй народы!
Вы ваши хари на показъ
Изъ за кустовъ тогда какъ разъ!
Махну! Опять въ кусты уроды!»
Легли уроды. Пыль столбомъ
Вдругъ поднялась! Рыдванъ несется,
По сторонамъ псари верхомъ,
И кто съ ножомъ, и кто съ ружьемъ,
Крикъ, гамъ, повсюду раздается;
Смѣкаетъ Рощинъ, » ѣдетъ князь...
Пойду принять его по свойски!...
И вдругъ на княжескіе войски
Какъ зарычитъ медвѣдемъ: Стой!
И въ лошадей навелъ винтовку.
Тутъ люди всѣ къ нему толпой,
А князь то, высунувъ головку,
Въ окно кричитъ: Ребята бей!
Козьма въ отвѣтъ: «Ну начинай-ка!
Я Рощинъ! Здѣсь моя вся шайка
Челомъ бьетъ милости твоей!
Народы!» Господи, мой Боже!
Какъ всполохнулося въ кустахъ,
Изъ каждаго глядитъ по рожѣ!
У князя мальчики въ глазахъ!
Холопья ружья покидали,
Всѣ въ ноги Рощину упали,
Махнулъ въ кусты рукою онъ,
А самъ къ рыдвану на поклонъ:

«Сіятельный! Вы дали слово,
(Съ покорствомъ взговорилъ ему)
Схватить разбойника Козьму?
Зачѣмъ же стало? Все готово!
Зависитъ все теперь отъ васъ,
Вотъ и веревку я припасъ;
Вяжите, батюшка, вяжите!
Да только крѣпче же смотрите!
Нашъ князь было разинулъ ротъ,
Но прикусилъ языкъ зубами,
Пошелъ блѣднѣть, мигать глазами,
И головой мотать, какъ котъ.
«Что храбрый князь, (примолвилъ тотъ,)
Пришлося разсчитаться съ нами?...
Мнѣ надо бъ было безъ хлопотъ
Съ тебя содрать съ живаго кожу!
Да такъ и быть! Обычай мой
Не помнить зла! Ну, Богъ съ тобой!
Я о бездѣлкѣ потревожу:
Съ тобой всегда денжонки есть,
Прошу Сіятельнаго въ честь»
Мнѣ ихъ отдать на сохраненье.
Представьте князя положенье:
Ужъ онъ то охалъ, то вздыхалъ,
Но долго спорить съ нимъ не сталъ,
Все, все, очистилъ изъ кармана!
«Ну, князь, (Козьма ему сказалъ,)
Ужъ на дворѣ у насъ не рано.
Что мѣшкать? Ты себѣ ступай
Да лихомъ насъ не поминай!»
Какъ князь поскачетъ безъ оглядки,
И слышно было заморилъ
На трехъ верстахъ онъ двѣ лошадки!
Во всю дорогу лобъ крестилъ.
Вдругъ въ монастырь еще съ разсвѣтомъ
Ватага нищихъ прибрела:
Я былъ, отцы мои, при этомъ,
Вотъ экзекуція пошла,
Когда открылося все дѣло:
Князь въ плети всѣхъ своихъ людей,
Наставилъ нищимъ фонарей!
Икота князя одолѣла,
Такъ взбѣленился, такъ шумѣлъ,
Что я отчитывать хотѣлъ!
Едва опомнился онъ дома,
И то, когда бутылку рома
Изволилъ выкушать съ чайкомъ.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Ай, Рощинъ! Лихо молодцомъ
Очистилъ Грудова карманы!
Не, что у князя за народъ?
Вся дворня даромъ ѣстъ и пьетъ;
Ужъ поручусь, мои буяны
Не такъ отбрили бы Козьму!
Спустили шкуру бы до пятокъ!
Холопьевъ княжескихъ десятокъ
За одного я не возьму!

МАЛЬЧИКЪ (*входитъ*).

Готово ужинать!

ИЛЬМЕНЕВЪ (*глядя на часы*).

Десятой.
Жена, вставай! Проси гостей.
(*Зарубкину*)
Наливки намъ дадутъ богатой
Ужъ не чета, сосѣдъ, твоей!
(*уходятъ всѣ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

(*Театръ представляетъ рощу и садъ около господскаго дома; на лѣвой сторонѣ старинный, деревянный господской домъ. На сцену большое деревянное крыльцо съ навѣсомъ и перилами, а другая часть дома, идетъ лицомъ къ зрителямъ. Передъ нимъ не большой палисадъ на возвышеніи; ходъ въ него только изъ внутренности дома.*)

ЗАРУБКИНЪ И ВЛАДИМІРЪ (*выходятъ изъ дома черезъ крыльцо*).

ЗАРУБКИНЪ.

Что, что съ тобой? Марью Сергѣвну,
Чтобы рѣшился сватать я?
Нѣтъ, не пойду я! Власть твоя!
Еще бъ влюбился ты въ царевну!
Мнѣ кажется, ты не здоровъ;
Старикъ Ильменевъ гордыхъ правилъ,
Онъ въ два, три года отбояриль
Уже съ десятокъ жениховъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Клянуся, батюшка, вамъ смѣло,
Что такъ же Машей я любимъ.

ЗАРУБКИНЪ.

Положимъ, но не въ этомъ дѣло,
Старикъ съ характеромъ крутымъ,
Самъ чортъ не скоро сладитъ съ нимъ;
Онъ дочку мѣтитъ въ генеральши,
Пойми, Володя, мой резонъ,
И вотъ дня съ три тому не дальше
Какъ говорилъ со мною онъ,
Что перебраться хочетъ лѣтомъ
Въ Москву, на жительство съ семьей,
За тѣмъ, что жить въ уѣздѣ этомъ
Нѣтъ Маши цѣли ни какой;
Она, онъ толковалъ, невѣста,
А здѣсь не сыщешь жениховъ,
Такъ изъ какихъ же ей грѣховъ,
Вѣкъ въ дѣвкахъ маяться безъ мѣста?

Пора завесть ей домикъ свой,
Пора быть барышей самой.
А я объ сынѣ воеводы
Ему едва сталъ намѣкать,
Какъ началъ мой старикъ кричать!
Оретъ: «Что ты, моей породы
Не осрамлю! Ты врешь, сосѣдъ!
Окольничьимъ вѣдь былъ мой дѣдъ,
А прадѣдъ въ думѣ былъ боярской;
А воевода господинъ,
Самъ выслужилъ себѣ и чинъ,
Да и дворянство! Чей онъ сынъ?
Отецъ купчишка Ярославской!
Пусть лучше въ дѣвкахъ дочь сидитъ
Чѣмъ мнѣ родниться съ воеводой!
Вотъ старичишка, что твердитъ,
А намъ не хвастаться породой!
Такъ мой совѣтъ любовь забыть!

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ съ Машей не снести разлуки,
И сынъ вашъ безъ ея руки
Иль на себя подыметъ руки,
Или зачахнетъ отъ тоски!

ЗАРУБКИНЪ.

Что, что съ тобой? Перекрестися!
Володя, что ты чушь несешь!
Ты въ православной вѣрѣ взросъ!
Опомнись, милый, не бѣсися!

ВЛАДИМІРЪ.

Я клятву страшную даю:
Сегодня жъ въ ночь, на вѣкъ до гроба
Покинуть родину мою!
Терзаться съ Машей будемъ оба,
Чтобъ не видать ея печаль,
Я уѣзжаю! Но едва ль
Съ отцомъ увижусь въ этой жизни!
Теперь постылъ мнѣ бѣлый свѣтъ!
Мнѣ нѣтъ любви! Мнѣ нѣтъ отчизны!
Надежды, радостей мнѣ нѣтъ!
Вы попытаться не хотите
О счастьи сына своего?...
Все кончено, благословите,
Теперь, въ послѣдній разъ его!

ЗАРУБКИНЪ.

Постой!.. Куда! Охъ, дѣти! дѣти!
Вотъ навалилася напасть!
Ну, просто, мнѣ пришлось пропасть!...
Старикъ сердитъ! Пожалуй въ плети
Поставитъ свата онъ готовъ,
Или на вѣрное придется
Мнѣ безъ послѣднихъ быть зубовъ.
Здѣсь сынъ убить себя клянется,
Такъ вишь понравилась она!...
Ума не приложу я къ горю!...
Ты сынъ единственный, не спорю,
Да и спина-то вѣдь одна!

ВЛАДИМІРЪ.

Спокойны будьте! хоть не много,
Ильменевъ тронетъ вашу честь,
Со мной онъ разочтется строго!
Тогда мою узнаетъ месть!

ЗАРУБКИНЪ.

Толкуй себѣ, Володя! Палокъ,
Когда однажды влеплены
Ни чѣмъ не вышешь изъ спины!
Признаться, ты мнѣ очень жалокъ,
Но и меня же пожалѣй,
Не знаю право я, ей, ей,
Что дѣлать! Впрочемъ Богъ съ тобою,
Я все, Володя, твой отецъ,
Рѣшуся сватать, но не скрою,
На врядъ не взбѣсится гордецъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Ахъ, добрый батюшка! душою
Я вашу чувствую любовь!
Другую жизнь дарите вновь!
Чѣмъ свѣтъ уѣду я, и дома
Конца жду участи моей!
Отвѣтъ вы дайте мнѣ скорѣй!

ЗАРУБКИНЪ.

Не знать мнѣ добраго пріема
За сватовство отъ старика,
Однако вотъ тебѣ рука,
Что приложу я все старанье,
Хоть гнѣвенъ будущій твой тесть.

ВЛАДИМІРЪ.

Солдатъ я! Горесть и страданье
Я долженъ твердо перенесть;
Но вѣрьте: страхъ недоумѣнья
Ужаснѣй всякаго мученья,
Змѣею сердце онъ сосетъ!

ЗАРУБКИНЪ.

Ну, этотъ скоро страхъ пройдетъ,
Да принесетъ ли облегченье,
Не знаю! Жди, сынъ, до утра!
Однако спать итти пора!

ВЛАДИМІРЪ.

Я батюшка въ бесѣдкѣ лягу,
Мнѣ тамъ постель ужъ постлана.

ЗАРУБКИНЪ.

Какъ знаешь! Ночь то холодна,
Я изъ бесѣдки далъ бы тягу;
То ль дѣло въ тепленькой избѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Тамъ душно, жарко, спать нѣтъ силы!

ЗАРУБКИНЪ.

Гдѣ хочешь, тамъ ложись себѣ;
Прощай, Володя, спи мой милый!

(*расходятся.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

МАША (*выходитъ въ палисадъ*).

Все тихо! Никого не видно!
Владиміръ, будетъ ли сюда?..
О Боже! Страшно мнѣ и стыдно,
Узнаетъ маменька... Бѣда!
Какъ я рѣшилась дать согласье
Съ нимъ ночью быть на единѣ!
Но что же дѣлать было мнѣ?
Его мнѣ жаль! Мое несчастье,
Что онъ такъ милъ, хорошъ собой!..
Ко мнѣ привязанъ всей душой!
И я люблю его невольно!...
Но впрочемъ, что-жъ дурнаго въ томъ?
Его тоску мнѣ видѣть больно!
Не вышла бъ я! Ночь подъ окномъ
Провелъ бы онъ въ слезахъ, въ печали,
Влюбленъ Владиміръ безъ ума!
Да, безъ ума! Но я едва ли
Съ умомъ влюбилася сама!...
Не знаю, что теперь со мною?
Ну, вотъ, на мигъ глаза закрою
И мой Владиміръ предо мной!...
И право скоро двѣ недѣли,
Какъ каждый разъ онъ снится мнѣ;
Не виновата я! Во снѣ
Вчера мы съ нимъ вдвоемъ сидѣли:
Меня Владиміръ цѣловалъ,
Своей женою называлъ,
И я его поцѣловала!
Пускай бы маменька узнала,
Что жъ дѣлать мнѣ? Уже ль не спать,
Что бъ съ нимъ не видѣться опять.
Мнѣ говорятъ: «Ужъ ты большая,
Уже невѣста Маша ты,
Въ тебѣ довольно красоты,
Крестьянъ есть тысяча другая!»
Прекрасно! Вотъ мнѣ и женихъ,
Теперь за чѣмъ же дѣло стало?
Не нужно жениховъ другихъ,
Владиміръ всѣхъ милѣе ихъ!
Въ кустахъ тамъ что-то замелькало!
Ахъ, это онъ! Онъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

МАША и ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Маша! Маша!

МАША.

Я здѣсь, Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ.

Ангелъ мой!
(*цѣлуетъ ея руку*).

МАША.

Боюсь, мой милый! Дворня наша
Не замѣчала ль за тобой!?

ВЛАДИМІРЪ.

О нѣтъ! Прошелъ я осторожно,
Кругомъ все тихо, люди спятъ!

МАША.

Какъ звѣзды на небѣ горятъ!
Отъ нихъ свѣтло какъ днемъ! Не должно
Мнѣ бъ выходить!

ВЛАДИМІРЪ.

Моя душа!
Къ чему твой страхъ и сожалѣнье?
Ты такъ добра! Такъ хороша!
Твой взоръ даритъ мнѣ наслажденье!
Я ночь бы пережить не могъ,
Когда бъ ты не сдержала слова!

МАША.

Не знаешь, какъ отецъ мой строгъ!
Но гнѣвъ его я снесть готова!
Теперь, мой милый, за тебя!...
За чѣмъ же ты меня любя,
Не скажешь нашимъ!?.. Это странно!
Ктому жъ отецъ твой безпрестанно
Твердитъ, что страстно любишь ты
Дочь Побирашкина! Мнѣ больно
Все это слышать!...

ВЛАДИМІРЪ.

Ну, довольно!
Оставь ревнивыя мечты!
Клянусь! Съ отцомъ моимъ невольно
Я какъ-то къ нимъ заѣхалъ разъ;
Повѣрь мнѣ, Маша, что не знаю
Я даже цвѣта ея глазъ.

МАША.

Теперь я сердцемъ отдыхаю;
Но для чего же, милый мой,
Скрываться предъ моей родней?

ВЛАДИМІРЪ.

Мой другъ, есть важная причина,
Отецъ твой знатенъ и богатъ,
Я жъ сынъ простаго дворянина,
Я началъ службу какъ солдатъ!

МАША.

Не разрушай надежду нашу!
Сто разъ твердилъ отецъ мнѣ самъ:
«Нѣтъ никогда я замужъ Машу
«Противъ желанья не отдамъ!»
Онъ гордъ! Но все меня онъ любитъ!
Ему признаюся сама,
Что безъ тебя мнѣ жизнь тюрьма,
Что онъ на вѣкъ меня погубитъ,
Когда не буду я твоей!

владимиръ.
Я весь дрожу отъ восхищенья!
Ты жизнь даешь душѣ моей!
Наступитъ день! Когда бъ онъ могъ
Разсѣять горесть и мученья!
О Боже! Страхъ недоумѣнья
Свинцомъ мнѣ на сердце налегъ!

маша.
Сюда идутъ!... Прощай, мой милый!

владимиръ.
Теперь душой я твой супругъ!

маша.
Тебѣ вѣрна я до могилы!

владимиръ (*цѣлуя ея руку*).
Прощай! Прощай, прелестный другъ!

рощинъ (*съ фонаремъ въ рукахъ показывается на террасѣ, занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(*Декорація перваго дѣйствія, перваго явленія.*)

ЯВЛЕНІЕ 1.

ильменевъ (*сидитъ за столомъ и завтракаетъ*).
зарубкинъ (*нѣсколько разъ выглядываетъ въ дверь; наконецъ входитъ*).

ильменевъ.
Сосѣдъ, любезный!

зарубкинъ.
Бьемъ челомъ!

ильменевъ.
Какъ кстати! Радъ твоей подмоги!
Присядь-ка, примемся вдвоемъ:
Что за икра! Что за миноги!
Что за селянка съ осетромъ!
Но прежде хлопни красоулю,
Настойка, братецъ, хоть куда!
Ты если лучше пилъ когда,
Я въ лобъ себѣ влѣпить дамъ пулю;
Отвѣдай, скажешь, что не лгу,
Да посмакуй же хорошенько!

зарубкинъ.
Сергѣй Филипычъ!... Не могу!

ильменевъ.
Ого! Позавтракалъ раненько!

зарубкинъ.
Нѣтъ, сударь, я еще не ѣлъ,
Едва глаза продрать успѣлъ!

ильменевъ.
Не ѣлъ? Такъ что же братъ съ тобою?
Послушай, аль ты не здоровъ?

зарубкинъ.
Здоровъ-съ, но только не душою.

ильменевъ.
Вотъ не люблю я пустяковъ!
Сгрустнулось вѣрно? Полечися,
(*показывая на водку*)
И горе снимetъ какъ рукой!
Не чванься, братецъ, приложися,
Пройдетъ, не съ первой, такъ съ другой.

зарубкинъ.
Не трапезой душа живится!
Оно конечно!... Впрочемъ... Да-съ!
Я съ вами долженъ согласиться:...
И мы пьемъ, батюшка, подъ часъ,
Для пользы... Ради естомаха,
Но нѣтъ-съ, теперь не до питья!
Себя не помню я отъ страха:
Сплю ль, стою ль, не знаю я!

ильменевъ.
Кой прахъ! Да что съ тобой случилось?
Тебя коробитъ какъ въ тискахъ!?
Лубкомъ все тѣло искривилось,
Что въ самомъ дѣлѣ?

зарубкинъ.
Ахъ! Ахъ! Ахъ!
Съ дѣтьми намъ радость, да и горе!
А если дѣтище одно...

ильменевъ.
Вотъ вздумалъ толковать о вздорѣ!
Повѣрь, любезный, все равно
Дѣтей-то мало ль иль довольно!
И съ десятьми приходитъ страхъ,
Какъ десять пальцовъ на рукахъ,
Любой отрѣжь, все будетъ больно!
Да рѣчь рѣчь-то ты кчему повелъ?
Твой сынъ не боленъ ли, пріятель?

ЗАРУБКИНЪ.
И молвить страшно! Ахъ, Создатель!
Володя мой, съ ума сошелъ!
ИЛЬМЕНЕВЪ (*вскакивая*).
Какъ такъ?
ЗАРУБКИНЪ.
Рѣхнулся онъ и, только,
Со мной буянитъ какъ хмѣльной!
Меня не слушаетъ ни сколько!
Того гляжу, чтобъ надъ собой
Чего не сдѣлалъ мой бѣдняга!
ИЛЬМЕНЕВЪ (*встаетъ*).
Послушай, что скажу, сосѣдъ,
Ты посмотри не съ нимъ ли шпага,
А то надѣлаетъ онъ бѣдъ!
ЗАРУБКИНЪ.
Эхъ, батюшка, не въ шпагѣ дѣло!
Съ любви, съ любви рѣхнулся онъ;
Его женитьбой одолѣло!...
ИЛЬМЕНЕВЪ (*садясь*).
Ахъ, шутъ! Да какъ же ты смѣшонъ!
Жениться хочетъ? Эко диво!...
Вѣдь малой слишкомъ въ двадцать лѣтъ;
Меня ты понялъ, или нѣтъ?
ЗАРУБКИНЪ.
Оно, родимый, справедливо,
Конечно можно бы женить...
Я былъ бы радъ, въ томъ Богъ свидѣтель!
Но знаете ли, благодѣтель,
Кого задумалъ онъ любить?
ИЛЬМЕНЕВЪ.
Кого бъ то ни было, отказа
Твой не услышитъ молодецъ;
Не будетъ хлопотать два раза,
Толкнутъ съ руками подъ вѣнецъ!
Вѣдь женихи въ сапожкахъ ходятъ,
Да поищи-ка ихъ поди!
А дочки съ рукъ что-то не сходятъ,
Хоть прудъ невѣстами пруди!
ЗАРУБКИНЪ (*цѣлуя его въ плечо*).
Дай Богъ прожить тебѣ два вѣка!
Мой ненаглядный, мой родной!
Ты спасъ, утѣшилъ человѣка!
ИЛЬМЕНЕВЪ.
Ну полно, полно, что съ тобой?
Не въ первый разъ тебѣ толкуютъ,
Такихъ достойныхъ жениховъ
Нигдѣ любезный не бракуютъ.
ЗАРУБКИНЪ.
Изъ вашихъ заключаю словъ:
Что если... Спречь... Такъ... Когда бы...
Мой сынъ... то есть, Володя мой...
Какъ всѣ мы грѣшны... Всѣ мы слабы,
Задумать... Вздумалъ стороной...
Не ради прочаго другаго...
О нѣтъ... Душъ двѣсти... триста много:
У насъ и свой кусочикъ есть...
Тутъ главное любовь и честь...
Конечно все въ Господней волѣ;
Дай Богъ и вамъ пожить подолѣ,
Вы жъ сбережете для внучатъ!...
ИЛЬМЕНЕВЪ.
Да что за дичь ты порешь, братъ?
Мнѣ до внучатъ ихъ нѣтъ заботы?
ЗАРУБКИНЪ.
Какъ нѣтъ-съ? Всѣ въ молодости моты!
Вы наставляйте молодежъ!...
ИЛЬМЕНЕВЪ.
Кчему? Зачѣмъ скажи? Да что жъ
На комъ женить ты вздумалъ сына?
ЗАРУБКИНЪ.
Нѣтъ, нѣтъ, онъ самъ! Ей ей, не я!
Я право, сударь, не причина!
Богъ видитъ! Богъ мнѣ въ томъ судья!
Самъ вздумалъ, малой неразумный!
ИЛЬМЕНЕВЪ.
Да говори скорѣй, дуракъ,
Въ кого влюбился твой безумный?
ЗАРУБКИНЪ.
Вступить... Вступить въ законный бракъ,
Желаетъ сынъ, съ многолюбезной
И съ предостойной, и съ пречестной
Твоею дщерію родной!...
ИЛЬМЕНЕВЪ (*вскакивая*).
Съ моею дочерью?!
ЗАРУБКИНЪ (*въ сторону*).
Ой! Ой!
Какъ онъ глядитъ! Ну быть безъ шкуры,
Того смотри дастъ тумака!
Сынокъ! Сынокъ! Твои амуры
Отца уходятъ старика!
ИЛЬМЕНЕВЪ (*послѣ минутнаго молчанія, спокойно*).
Скажи мнѣ, братецъ, откровенно,
Гдѣ ты наклюкался чѣмъ свѣтъ?
ЗАРУБКИНЪ.
Клянуся вамъ, что есть священно
Съутра во рту росинки нѣтъ
ИЛЬМЕНЕВЪ.
Пошелъ, пошелъ! Проснись дубина!
Съ чего въ башку твою зашло,
Чтобъ это сдѣлаться могло?..
За твоего отдамъ я сына
Мою единственную дочь?
Ты не съ ума ли спятилъ въ ночь?
Прошу покорно! Вотъ затѣи!
Ни какъ забыли фалелеи

Съ Володькой оба вы о томъ,
Что дѣдъ твой нашимъ былъ псаремъ?
Пошолъ же Хамово отродье!
Съ какимъ подъѣхалъ женихомъ!

ЗАРУБКИНЪ.

Отецъ! Ваше высокородье!
Не гнѣвайтесь! Вотъ какъ Богъ святъ,
Я тутъ ни въ чемъ не виноватъ.
Ужъ какъ журилъ за то я сына!
Тебѣ ль, сказалъ я, по плечу
Дочь... Дочь такого господина?
Я и мѣшаться не хочу!»
Твердилъ, твердилъ, ну хоть зарѣжьте!
Что толку? Въ разумъ не беретъ,
Шумитъ, не постоитъ на мѣстѣ,
Такъ какъ пилой его деретъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Скажи ему, чтобъ убирался
Сейчасъ изъ дома моего!

ЗАРУБКИНЪ.

Давно и духу нѣтъ его!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Ага! Самъ парень догадался!
Отца онъ видно поумнѣй!

ЗАРУБКИНЪ.

Сергѣй Филиповичъ! Не вы ли
Мнѣ сами, батюшка, польстили?

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Польстилъ я глупости твоей?
Но чѣмъ? Еще что за проказа?

ЗАРУБКИНЪ.

Что сынъ мой, малой хоть куда,
Сказали вы, и, что отказа
Онъ не услышитъ никогда,
Сказали вы!...

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Что жъ за бѣда?
Вчера сказалъ я точно тоже
Ипаткѣ повару, а онъ
Однако въ Машу не влюбленъ.
Самъ согласись, твоей ли рожѣ
Тянуться въ родственники къ намъ,
Ну, что твой сынъ, и что ты самъ?
Не лучше повара Ипата!
Будь живъ мой батюшка, такъ свата
Съ двора спровадили бъ дубьемъ.
Счастливъ ты! Я вѣдь не по немъ!
Я съ дураками не дерусь,
А просто, съ дочерью, съ женой,
Надъ вами братцы посмѣюсь.

ЗАРУБКИНЪ.

Не гнѣвайтесь, заступникъ мой!
Я доложилъ не все вамъ дѣло:
Повѣрьте ни когда бъ не смѣлъ
Мой сынъ присвататься такъ смѣло,
Но... Страшно молвить... ваша дочь
Сама отъ этого не прочь!

ИЛЬМЕНЕВЪ (*въ бѣшенствѣ*).

Ты лжешь! Ты врешь!

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢЖЕ И МАША.

ЗАРУБКИНЪ (*въ сторону*).

Ну, будетъ каша!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

А! вотъ она! Дружокъ мой Маша!
Поди ко мнѣ! Поди сюда!

ЗАРУБКИНЪ (*въ сторону*).

Какъ отопрется! Вотъ бѣда!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Какъ думаешь, о чемъ со мною
Мололъ здѣсь старый дуралей?
Что имъ просить руки твоей
Дано согласіе тобою!
Вѣдь это, Маша, пустяки?

МАША.

Нѣтъ, папенька, моей руки
Просить, дала я позволенье.

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Какъ!...

МАША.

Я Владиміра люблю.

ЗАРУБКИНЪ (*въ сторону*).

Что за дѣвица! Объядѣнье! (*громко*)
Вотъ сударь, лжи я не терплю!
Теперь мы съ сыномъ чисты оба,
Сія достойная особа
Насъ оправдала!..

ИЛЬМЕНЕВЪ (*топая ногами*).

Вонъ! Плетей!

ЗАРУБКИНЪ.

Прошу же сватать сыновей! (*убѣгаетъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ИЛЬМЕНЕВЪ И МАША.

ИЛЬМЕНЕВЪ (*молчитъ нѣсколько минутъ, потомъ беретъ дочь за руку и говоритъ почти умоляющимъ голосомъ*).

Послушай, вѣрно ты шутила
Надъ этимъ глупымъ старикомъ?
Твоя любовь моя могила!
Ахъ, Маша, сжалься надъ отцомъ!
Молю, будь радостью моею!
Молю будь счастіемъ моимъ!

МАША.
Скрываться не могу!.. Не смѣю!
Владиміръ страстно мной любимъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ (*съ гнѣвомъ*).
Любимъ! Такъ вотъ мнѣ награжденье!
Нѣтъ благодарности въ тебѣ!
Найти я думалъ утѣшенье
Подъ старость въ дочери себѣ;
Твои желанія за святость
Я почитать всегда привыкъ,
И вотъ за то какую радость
Нашелъ обманутый старикъ!
Такой не ждалъ себѣ я доли!
Чуть живъ отъ горя и стыда!

МАША.
Не гнѣвайтесь! Изъ вашей воли
Не выйдетъ Маша никогда!
Она позора и несчастья
Не принесетъ собой отцу;
Клянусь! Безъ вашего согласья
Не поведутъ меня къ вѣнцу:
Мой долгъ я выполнить готова,
Мнѣ вами жизнь была дана,
Но отъ родителей, ни слова,
Ни мысли, скрыть я не должна!
Люблю Владиміра! Быть можетъ
Порывъ любви не излечимъ,
Но пусть васъ это не тревожитъ,
Я не увижусь болѣ съ нимъ,
Его я долго помнить буду,
Трудна побѣда надъ душой!
Но вѣрьте такъ же не забуду
Къ отцу долгъ дочери святой!

ИЛЬМЕНЕВЪ.
Ахъ, Маша! Маша! Что съ тобой?
Куда дѣвичій дѣлся стыдъ!
Вѣдь эта рѣчь тебя срамитъ!
Тебѣ ль располагать собою?
Опомнись! Ты еще дитя!
Дѣвчонка, по просту ребенокъ,
Едва лишь вышла изъ пеленокъ,
Влюбилась, разумъ очертя!...
Не смѣй же думать ты о вздорѣ;
Я поступлю какъ должно! Вскорѣ
Ты отъ отца жди жениха.
Пошла! Не балагурь со мною!

МАША (*твердо*).
Ни чьей не буду я женою!
Страшуся вѣчнаго грѣха!
Пускай подъ кровлей безмятежной
Дни въ одиночествѣ веду,
Съ моей родительницей нѣжной.
Я утѣшенія найду!
Со мной вы поступайте строго,
Кого люблю, открыла вамъ,
Но знайте: предъ престоломъ Бога
Другому клятвы я не дамъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ.
Какая дерзость! ... И святое
Ты смѣла имя призывать?
Тебя оставлю я въ покоѣ!
Тебя не стану принуждать!
Иди, иди за негодяя,
Но съ глазъ моихъ сегодня жъ прочь!
Крестьянка мнѣ теперь простая
Дороже, чѣмъ такая дочь!
И развѣ только умирая,
Тебя къ постели призову,
Не подарить благословеньемъ,
Но, чтобъ сказать, что поношеньемъ
Мою покрыла ты главу!

МАША (*падая на колѣни*).
Отецъ!

ИЛЬМЕНЕВЪ.
Не дочь моя ты болѣ!
Тебя напрасно я любилъ,
Отца ты не покорна волѣ,
Такъ онъ же дочь свою забылъ!
И если мы за гробомъ въ силѣ
Благословлять своихъ дѣтей:
Не буду я!... Къ моей могилѣ
Придти несчастная не смѣй!

МАША (*вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ на полъ*).

ИЛЬМЕНЕВЪ (*кидаясь къ дочери*).
Дочь! Дочь моя!... Она не слышитъ!
(*подымаетъ ее*).
Мое дитя! Другъ милый мой!
Отца не дѣлай сиротой!...
Очнись! Она на силу дышитъ!
Эй люди! люди! Всѣ сюда!
(*Слуги и служанки вбѣгаютъ*)
Несите барышню!... Бѣда!
(*Машу уносятъ*)
Скачи за лекаремъ скорѣй! (*слуга уходитъ*).
Раздѣньте, дайте ей покой!
Зарубкинъ встрѣтиться со мной
Попробуй только! Я бъ злодѣя!... (*бѣжитъ слуга*).
Туда! Что съ барышней узнай!
Пришлось бѣжать хоть на край свѣта!
Что дѣлать? просто пропадай!...
Какъ долго не несутъ отвѣта! (*другой слуга бѣжитъ*)
Ты попроворнѣй, Алексѣй!...
Бѣгомъ бѣги! Узнай что съ ней!
(*Слуга убѣгаетъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ильменевъ и варвара дмитревна (*входитъ и плачетъ*).

ильменевъ.

Не мучь меня! Скажи что съ Машей!

варвара дмитревна.

Очнулась! Но куда плоха!

ильменевъ.

Гдѣ жъ твой присмотръ за дочкой нашей?
Не выспишь этого грѣха!
Ну, что молчишь? Тебѣ не стыдно,
Что дочь идетъ на насъ войной?

варвара дмитревна.

Сергѣй Филипычъ! Намъ такъ видно
Уже назначено судьбой!

ильменевъ.

Судьбой! Что за судьба такая?
Подъѣхалъ къ дочкѣ сорванецъ!
Вздурилась дѣвка молодая,
А я веди ихъ подъ вѣнецъ?
Она не падчерица наша,
Не вотчимъ я, родной отецъ!

варвара дмитревна.

Сергѣй Филипычъ, Воля ваша!
А ты, напрасно, слишкомъ строгъ,
Боюся я!...

ильменевъ.

Чего ты трусишь?

варвара дмитревна.

Пусть будетъ, что прикажетъ Богъ!
Не то, самъ батюшка, потужишь,
Когда придется-то, потомъ
Намъ пережить ее вдвоемъ.

ильменевъ.

Такъ за подъяческаго сына
Дочь выдать долженъ Бригадиръ?
Я честь унижу дворянина!
Я осрамлюсь на цѣлый міръ!
Мы искони считались въ барахъ,
Вездѣ насъ ставили въ примѣръ,
А тутъ подъѣхалъ на фандарахъ
Безродный, голый офицеръ,
И я роднися съ нимъ! Вотъ славно!

варвара дмитревна.

Читали въ книжкѣ мнѣ не давно,
Что, гдѣ то, случай былъ таковъ!...

ильменевъ (*перерывая*).

Не ври со мною пустяковъ!
Плевать хочу на книжки ваши!
Вотъ то-то матушка и есть,
Чѣмъ кружева учить бы плесть,
А ты давала книжки Машѣ,
Та начиталась чепухи,
Вотъ и мерещется ребенку:
Сердецъ страданья, женихи!
Намедни я послалъ Аооньку
Принесть изъ спальни календарь,
Гляжу онъ тащитъ мнѣ книженку
О томъ, какъ Мексиканскій царь
Орданъ, любилъ княжну Жевану!
Плати мнѣ, я читать не стану!...
Да, что объ этомъ, навсегда
Скажу: не быть въ фамильи нашей
Псаринымъ внукамъ никогда!

варвара дмитревна.

Да сжалься, батюшка, надъ Машей!
На силу бѣдная жива;
Того смотри себя погубитъ!

ильменевъ.

Не трать же попусту слова,
Влюбилась вдругъ, и вдругъ разлюбитъ.

варвара дмитревна

Не говори: Когда любовь
Въ дѣвичье сердце заберется,
Огнемъ зажжетъ злодѣйка кровь,
И ужъ ни чѣмъ не изведется!
На взглядъ любовь, какъ маковъ цвѣтъ,
Она красна и презрядна,
Но съ ней шутить, отецъ, накладно!
Ее горчѣй на свѣтѣ нѣтъ!

ильменевъ.

Да что жъ учить меня ты хочешь?
Молчи, и слушай мой отвѣтъ:
Напрасно, матушка, хлопочешь,
И знай для дочери моей
Я постараюсь самъ о мужѣ!

дѣвушка (*вбѣгая*).

Зоветъ васъ барышня! Ей хуже!

варвара дмитревна.

Ахти! Бѣда моя! Что съ ней!
(*Уходитъ съ дѣвушкой*).

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ильменевъ одинъ.

Ей хуже! Бѣдная малютка!
Не знаю дѣлать что, ей, ей!
Умретъ, плохая будетъ шутка!...
Драгунъ, проклятый! Чародѣй!
Околдовалъ ты дочку нашу!...
За чѣмъ впустилъ тебя я въ домъ!
Какъ за тебя мнѣ выдать Машу?
Пойми? твой прадѣдъ былъ псаремъ! —
Смотрѣть за Машею построже...
Такъ не видать бы горя съ ней!...
А ужъ Зарубкину не къ рожѣ
Имѣть красавцовъ сыновей!
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

Театръ представляетъ рощу, около дома Зарубкина, на лѣвой сторонѣ вдоль сцены деревянный заборъ, посреди котораго большой стогъ сѣна. На правой сторонѣ плетень съ калиткою, ведущею къ дому.

ЗАРУБКИНЪ И ВЛАДИМІРЪ.

ЗАРУБКИНЪ.

Не хорошо, Володя! Полно!
Драгуну горѣвать нейдетъ!
Потосковалъ! Ну и довольно,
Обуха плеть не перебьетъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Я, батюшка, и не тоскую.

ЗАРУБКИНЪ.

Что жъ, веселишся ты не бось?
Эхъ, милый, дурь ты эту брось!
Невѣсту сыщемъ мы другую!
И что отмѣннаго то въ ней?
Какъ у цыпленка ручки, ножки,
Глаза, ну что твои двѣ ложки,
Рѣсницъ не видывалъ длиннѣй,
Дородства нѣтъ ни капли въ тѣлѣ,
Такъ что жъ, Володя, въ самомъ дѣлѣ
Въ своей ты лапушкѣ нашелъ?

ВЛАДИМІРЪ (*въ сторону*).

Когда бъ отецъ скорѣй ушелъ!
Меня онъ мучитъ утѣшеньемъ!

ЗАРУБКИНЪ.

Съ твоимъ умомъ, съ твоимъ имѣньемъ!
Не отвѣкуешь безъ жены!
Тебя же всѣ, скажу я смѣло,
Съ хорошей знаютъ стороны!
Гдѣ бъ не задумалъ: въ шляпѣ дѣло!
Ни кто не пикнетъ про отказъ,
Ни кто ни приметъ такъ спѣсиво,
Какъ принялъ, этотъ пудель насъ!
Вишь Бригадиръ онъ! Эко диво!
Такъ ужъ и чортъ ему не братъ!
Чтобъ не дождался онъ внучатъ!
И что за скаредное чванство?
Пусть судятъ какъ себѣ хотятъ;
Но мы... Мы все таки дворянство,
А онъ насъ ставитъ ни въ алтынъ!...
Чтобъ съ жиру лопнулъ чортовъ сынъ!
Скажу, когда пришлося къ слову,
Тебя къ сосѣду Говоркову
Я повезу, взгляни на дочь!
Ручаюсь всѣмъ тебѣ, Володя,
Что ты въ тотъ мигъ отъ Маши прочь!
И по нѣмечинѣ то ходя
Такихъ не видывалъ красотъ!...
Меня повыше головою,
И что за брови, что за ротъ!
Въ щекахъ румянецъ полосою,
Крупна какъ праздничный пирогъ!
Ну словомъ, просто, царь-дѣвица!
А пѣть какая мастерица!
Какъ вся зальется! Ахъ, мой Богъ!
За нашей мельницею слышно,
И что за домъ, живутъ какъ пышно!
Не хуже города село;
Да если, ужъ на то пошло,
Не только дочку Говоркова,
Тебѣ сосватаю княжну!
Ты знаешь князя Беркутова?
Онъ дочь имѣетъ не одну,
Въ помѣстьяхъ всякое угодье,
Подъ лѣсомъ триста десятинъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Благодарю васъ за совѣты,
Мой добрый, батюшка, но мнѣ
Блаженства не найти въ женѣ.

ЗАРУБКИНЪ.

Что за угрюмые отвѣты!
Ну, какъ же быть-то намъ съ тобой?

ВЛАДИМІРЪ.

Я продолжать желаю службу.

ЗАРУБКИНЪ.

Володя, полно! Сдѣлай дружбу,
Ступай въ отставку, будь со мной;
Вдвоемъ мы зажили бъ чудесно!

ВЛАДИМІРЪ.

Еще мнѣ рано на покой.
Самимъ вамъ, батюшка, извѣстно,
Къ полку привязанъ я душой.
Однако же смеркаться стало,
Пойду я, батюшка, сосну!

ЗАРУБКИНЪ.

Поспать тебѣ бы не мѣшало;
Я жъ на минуточку одну
Схожу въ деревню, есть нуждишка,
Запри же двери на замокъ;
Нѣтъ никого, а чай мальчишка
Лежитъ на лавкѣ какъ мѣшокъ.
Прощай, мой милый, спи сынокъ

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

ВЛАДИМІРЪ (*одинъ*).

Надежды нѣтъ! Любви отрада
Не мнѣ назначена судьбой!

Зачѣмъ спасительнаго хлада
Я не могу свести съ душой?
Приди суровое забвенье!
Отдай безпечной жизни дни,
Любви восторги и мученье
Отъ чувствъ, отъ сердца отжени!
Безумецъ! Какъ я смѣлъ предаться
Очаровательнымъ мечтамъ?
Ахъ! Послѣ первой встрѣчи намъ
До гроба должно бы разстаться!
Признанья не схвативъ залогъ,
Мое спокойствіе бъ сберегъ!
Я поздно, поздно пробудился
Отъ сна сердечнаго. Но онъ
Въ душѣ упрекомъ разразился
И въ помышленьи впечатлѣнъ!
Зачѣмъ въ пылу любви, желанья
Нескромнымъ пламенемъ лобзанья
Я въ сердце чистое ея
Вдохнулъ восторгомъ бытія?
Съ ея душой развелъ я радость
Безчеловѣчною рукой!

(*на сценѣ темно.*)

Она въ слезахъ утопитъ младость,
Какъ жертва страсти роковой!

ГОЛОСЪ РОЩИНА (*за сценой*).

Да точно ль спитъ твой полуночникъ?

ГОЛОСЪ ЗАРУБКИНА.

Давно онъ въ комнатѣ своей;
А ты не встрѣтилъ ли людей?

ГОЛОСЪ РОЩИНА.

Нѣтъ никого, пойдемъ помощникъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Отецъ идетъ сюда съ купцомъ...
Отецъ въ боязни и смущеньи...
Что значитъ это?

(*прячется*)

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

ВЛАДИМІРЪ, РОЩИНЪ И ЗАРУБКИНЪ (*входятъ*).

ЗАРУБКИНЪ.

Ну, о чемъ
Ты скажешь мнѣ?

РОЩИНЪ.

Возьми терпѣнье,
Дай оглядѣться мнѣ кругомъ;
Ай лихо! Знатное имѣнье!
Ты нынче баринъ хоть куда;
А всѣмъ, за все, кому обязанъ?
Козьмѣ!...

ЗАРУБКИНЪ.

Что ты кричишь? бѣда!
Того смотри, ты будешь связанъ:

РОЩИНЪ.

Мы здѣсь съ тобой на единѣ,
Чего жъ бояться лиходѣевъ?
Не бригадиръ ли вашъ Ильменевъ
Захочетъ сунуться ко мнѣ?
Пускай придетъ! покорно просимъ!
Сойтись короче съ нимъ готовъ!
Мы не простое имя носимъ,
Я Рощинъ!!

ВЛАДИМІРЪ (*въ сторону*).

Рощинъ!

ЗАРУБКИНЪ.

Ахъ, здоровъ
Оратъ! Уймись, Побойся Бога!
Меня погубишь ты въ конецъ!

ВЛАДИМІРЪ (*въ сторону*).

Клевретъ злодѣя! Мой отецъ!

РОЩИНЪ.

Ну, полно трусить, мнѣ не много
Дѣлить осталося съ тобой;
Простимся съ вашей стороной;
Ока поила насъ, пусть Волга
Ребятъ поноситъ на себѣ;
Но отправляяся на долго
Зашелъ проститься я къ тебѣ

ЗАРУБКИНЪ.

Проститься? Ну прощай, любезный!
Прощай, Козьма! Счастливый путь!
Тебѣ пора бы отдохнуть
И обратиться къ жизни честной.

РОЩИНЪ.

И самъ, братъ, думаю, я тожъ

ЗАРУБКИНЪ.

Что, Рощинъ, видно надоѣло
Изъ за куска итти на ножъ?

РОЩИНЪ.

Душа пропала! Жаль мнѣ тѣло
Отдать въ потѣху палачу!
Такъ потому-то я съ разсвѣтомъ
Отъ васъ отправиться хочу;
На Волгѣ позабавлюсь лѣтомъ.
Быть можетъ въ Нижній полечу,
Тамъ съ мѣсяцъ прогостимъ безъ скуки,
Купцовъ, товаровъ, въ волю есть,
Мы тамъ свои нагрѣемъ руки!
Ктому же надо знать и честь!
Чѣмъ шмольничать, крутить сторонкой,
Да по рублевикамъ сбирать:
Возокъ схвачу монетки звонкой,
И стану жить да поживать!

ЗАРУБКИНЪ.

И такъ, прощай!

РОЩИНЪ.

Постой, я слово

Хочу сказать тебѣ одно:
Къ отъѣзду все у насъ готово,
Все наше въ лодки снесено,
Но надо, съ вами на прощаньѣ,
Оставить память по себѣ.

ЗАРУБКИНЪ.

Кчему? Напрасное старанье:
Не бось! Попомнятъ о тебѣ!

РОЩИНЪ.

И... Разживутся по немногу!
Я не со всѣми былъ знакомъ,
Да надо хлѣбца на дорогу;
Такъ попрошу я объ одномъ
Тебя, пріятель, сдѣлай дружбу,
Запри ты сына до утра;
А я тебѣ за эту службу
Отсыплю ковшикъ серебра!

ЗАРУБКИНЪ.

За чѣмъ?

РОЩИНЪ.

Тебѣ какое дѣло?
Ты больно чванишся съ тѣхъ поръ,
Такъ по карманамъ разтолстѣло!
А встарь бывалъ послушный воръ;
Вопросовъ ты не дѣлалъ прежде,
Цѣлковый дай, готовъ какъ разъ...
Но нѣтъ, я въ полной, братъ, надеждѣ,
Что ты исполнишь мой приказъ!

ЗАРУБКИНЪ.

Скажи, за чѣмъ Володю надо,
Сегодня, на ночь запереть?
Я безъ того не буду смѣть
И приступить....

РОЩИНЪ.

О чадо, чадо!
Какъ чрезъ меня разбогатѣлъ,
Опять скажу, сталъ больно смѣлъ!
Ну, слушай же: затѣи кстѣху
Теперь послѣднюю потѣху,
Моимъ задамъ я молодцамъ,
Но уговоръ не портитъ намъ:
Къ Ильменеву хочу въ палаты
Мою я вольницу впустить,
Онѣ и знатны и богаты,
Есть чѣмъ принять и угостить!

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу!

ЗАРУБКИНЪ.

Полно! что съ тобою?
Помилуй, можно ли Козьма!

РОЩИНЪ.

Я ѣду къ нимъ, не самъ собою,
Онъ приглашалъ, она сама,
Чтобъ къ нимъ заѣхать непремѣнно
Мнѣ разговѣться куличомъ,
Чай испекли его отмѣнно,
Мы завернемъ! Мы завернемъ!
Мы наше слово держимъ свято;
Въ полуверстѣ мои ребята
Ужъ вышли на берегъ съ судовъ;
Зажгутъ село со всѣхъ концовъ,
Когда къ заутренѣ крестьяне
И всѣ дворовые пойдутъ;
Мы жъ разговѣемся заранѣ:
Пока изъ церкви прибѣгутъ,
Кой-что очистимъ на просторѣ...
И унеси ты наше горе
Родная рѣчинька Ока!

ЗАРУБКИНЪ.

Что, что, какъ?

РОЩИНЪ.

Ты запри сынка,
Чтобъ онъ, съ командою своею,
На насъ ударить не успѣлъ,
Пока я съ шайкою моею
Не кончу съ миромъ нашихъ дѣлъ.

ЗАРУБКИНЪ.

А понимаю!

РОЩИНЪ.

Такъ согласенъ?

ЗАРУБКИНЪ.

Нѣтъ, Рощинъ! Я вамъ не указъ!
Козьма! Твой грѣхъ великъ, ужасенъ,
Меня не путай въ этотъ разъ!
Твоимъ сообщникомъ не буду,
Я на Ильменева хоть золъ,
Но хлѣба соли не забуду!
И ты-то времячко нашелъ:
Подъ Свѣтлый праздникъ!? Бойся Бога!
Въ тебѣ и въ церковь вѣры нѣтъ!

РОЩИНЪ.

Давно ль судить такъ стали строго?
Челомъ бьемъ другу за совѣтъ! (*съ бѣшенствомъ*)
Зарубкинъ слушай, если смѣешь
Ты заикнуться съ кѣмъ нибудь,
Моей ты клятвы не забудь:
Ты подъ ножами околѣешь!
Расправа намъ не мудрена,
Но знай попавшись въ наши руки,
Такія испытаешь муки,
Что вздрогнетъ въ адѣ сатана:
Когда лукавствомъ иль обманомъ
Заплатишь другу своему,
Всѣ жилы вырву... по суставамъ
Тебя живаго разниму!...

ЗАРУБКИНЪ.

Да, это видано ли въ свѣтѣ!

Самъ лѣзешь въ пѣтлю какъ баранъ!
За что же мнѣ то быть въ отвѣтѣ?
Тебѣ совѣтъ не мною данъ...!.

РОЩИНЪ.

Какъ хочешь думай; повторяю:
Со мной кто ходитъ за однимъ,
То тѣхъ я щедро награждаю,
Но казнь измѣнникамъ моимъ!

ЗАРУБКИНЪ.

А если встрѣтитъ васъ Ильменевъ,
Съ своею дворней на бѣду?

РОЩИНЪ.

Послушай, вещь скажу одну:
Злодѣй, легко пойметъ злодѣевъ;
Пускай захватятъ насъ въ расплохъ:
Не пропадетъ твоя, другъ, плата,
Въ судѣ открою, видитъ Богъ
Что я въ тебѣ имѣю брата!
Но если шайка пропадетъ,
Я жъ выду съ цѣлой головою,
То Рощинъ, вѣрь, къ тебѣ придетъ
И расчитается съ тобою:
Я знаешь — слову господинъ!
Не день одинъ, не часъ одинъ,
Нѣтъ буду тѣшиться недѣлю!
Винтовъ, гвоздей, въ тебя вобью,
На бритвахъ буду слать постели,
Струнами ребра перевью!

ЗАРУБКИНЪ.

Ну дѣлать нечего, Согласенъ...
Исполню все когда велятъ;
Но все скажу: твой грѣхъ ужасенъ!...
А гдѣ рублевики то брать?

РОЩИНЪ *(вынимаетъ изъ за пазухи мѣшокъ)*

Чтобъ было все у насъ здорово,
Не то...

ЗАРУБКИНЪ.

Довольно ты училъ,
Пойдемъ! Душа кричать готова,
Такихъ гостинцовъ насулилъ!
(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 9.

ВЛАДИМІРЪ *(одинъ).*

Отца ли, здѣсь, я слышалъ голосъ?
О небо! Это былъ не сонъ!
Какъ сердце рвется! Дыбомъ волосъ!
Въ груди дыханьемъ я стѣсненъ!...
Кто мой отецъ? За чѣмъ не въ силѣ
Я погребсти на днѣ души
Все то, что слышалъ здѣсь въ тиши...
Одной бы передалъ могилѣ
Отца ужасный разговоръ!...
Что, въ жизни, ждетъ меня? Позоръ,
Друзей укоры и презрѣнье!...
Нѣтъ, въ битвѣ я найду конецъ!
Нѣтъ, легче смерть, чѣмъ поношенье:
Отецъ злодѣй — мнѣ не отецъ!
Бѣгу..! Куда?... Когда спасенья
Я принесу въ несчастный домъ,
Отецъ погибнетъ подъ ножемъ!...
Я медлю здѣсь, итти не смѣя,
Но можетъ въ этотъ мигъ она
Лежитъ въ объятіяхъ злодѣя
Насильнымъ ласкамъ предана!
А я клялся моей душею
Ей въ вѣчной искренней любви!

ГОЛОСЪ ЗАРУБКИНА.

Володя! Гдѣ ты?

ВЛАДИМІРЪ.

А!... За мною!
Погибни все! Но честь живи!
(Убѣгаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Декорація перваго дѣйствія перваго явленія, но въ безпорядкѣ. Посреди сцены небольшая бочка съ виномъ, дно вышибенное и изъ нее черпаютъ ковшемъ. Ежъ, Каланча, Цапля, и нѣсколько разбойниковъ сидятъ въ безпорядкѣ въ разныхъ положеніяхъ полупьяные; въ окнахъ зарево отъ пожари, освѣщаетъ всю сцену.

хоръ разбойниковъ.
Не лѣса шумятъ, не погодушка
Разыгралася,
Нѣтъ, Рязанская наша волюшка
Разгулялася!
Родились мы врозь, породнились, вдругъ,
Ночкой темною!
Съединилъ друзей, закадышный другъ,
Свахой острою!
Мы рѣку проныриемъ, сквозь огонь мы пройдемъ
Шайкой цѣлою,
Что ножемъ не возьмемъ, то огнемъ доберемъ
Рукой смѣлою!
Не лѣса шумятъ, не погодушка
Разыгралася!
Нѣтъ Рязанская, наша волюшка
Разгулялася!
ежъ.
Эй, Цапля! Дай-ка брать винцевки!
На сердцѣ станетъ веселѣй!
Ну, чортъ! Не знаешь и сноровки:
Сталъ лить, такъ лей же пополнѣй!
Ге! Хорошо!.. Да гдѣ Козьма-то?
Пора бы въ лодки удирать;
Какъ здѣсь ни бражничай богато,
А надо честь и мѣру знать!
Еще подлѣй... Что жъ въ самомъ дѣлѣ
Куда дѣвался атаманъ?
Ни какъ вы черти онѣмѣли?
Вѣдь я начну и по зубамъ!
цапля.
Кого не насъ ли?.. Злое семя!
Пей Ежъ! Да дѣло разумѣй!
Нашелъ же ты проклятый, время
Хвалиться лапою своей!...
Два разбойника *вносятъ сундукъ.*
ежъ.
Ну, ну, ну, ну! Живѣй ребята!
Кажись, что съ жалованьемъ онъ?!
За чѣмъ же крышка то измята?
1-й разбойникъ.
Ершами въ полъ былъ запущенъ!
Пытались отхватить и ломомъ,
Да вишь и ломъ то не беретъ!
ежъ.
Такъ просто оторвали бъ съ поломъ?
Да атаманъ-то что нейдетъ?
1-й разбойникъ.
Все очищаетъ кладовую.
ежъ.
А много тамъ еще добра?
1-й разбойникъ.
Гдѣ! Дрянь сбираетъ кой-какую!
ежъ.
Ну, такъ бы домъ зажечь пора!
По мнѣ, какъ грабить, такъ ужъ грабить,
Не взялъ съ собой, пали огнемъ!
Ну, что же даромъ честь безславить?
Что началъ, кончи молодцомъ.
Ребята, подавай соломы!
цапля.
За чѣмъ! Аль позабылъ приказъ.
Не жечь боярскіе хоромы?
Козьма такъ хочетъ.
ежъ.
Вотъ те разъ!
Онъ хочетъ! Мнѣ какое дѣло?
цапля.
Ты, что то, Ежъ, буянишь смѣло,
Смотри, услышитъ атаманъ,
Такъ у Ежа онъ съежитъ шкуру!
ежъ.
Пусть слышитъ! Не видалъ фигуру!
Аль всѣ холопы, а онъ панъ?
Дери горой бы его душу!
Я знать не буду ничего;
Въ глаза сказать ему не струшу,
Что всѣ не хуже мы его!... (*показывая на ножъ*)
Махну съ того, съ другаго края,
Такъ съ атаманствомъ и прости!
колонча (*сидя на стулѣ*).
Ну, не шуми, осина злая,
И не мѣшай грибамъ расти!
ежъ.
Тебя кто проситъ чортъ лохматый?
Хочу шумѣть, такъ и шумлю!
колонча.
Смотри, шутить я не люблю,
Уйму въ минуту!
ежъ.
Ахъ, проклятый!
А, что крѣпка ль твоя башка?
Вѣдь какъ собаку изувѣчу!
колонча.
Не подходи! Самъ крупно встрѣчу;
Сиди и лай изъ подтишка!
ежъ (*кидаясь на него*).
Ахъ, жердь дубовая!
колонча (*толкаетъ его, тотъ падаетъ*).
Ну далъ!
Не суйся подъ ноги сверчокъ:
Мы молодцовъ такихъ видали!
Да, часомъ, мяли ихъ въ клубокъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ РОЩИНЪ (*съ фонаремъ и топоромъ*).

РОЩИНЪ (*втыкая въ полъ топоръ*).

Эй, Тише! Что вы развозились?
Чѣмъ прибирать бы все къ рукамъ,
А вы, здѣсь, за виски схватились?
Подраться будетъ время вамъ.
Поменьше черти, пили бъ водки,
Такъ блажь бы въ умъ вамъ не зашла;
Ты, Ежъ, вели тоскать все въ лодки,
Пора убраться изъ села.
Ну, что стоишь? Аль слышишь плохо?
Пошелъ! (*перевертываетъ его*)

ЕЖЪ.

Идемъ! Идемъ!

Неси, ребята! Ты, Тереха,
Возьми-ка съ Сенькою вдвоемъ
У васъ плеча поздоровѣе! (*показывая на сундукъ*)
Ну, подымай, за мной живѣе! (*Разбойники уносятъ разныя вещи*)

РОЩИНЪ (*беретъ топоръ и засучиваетъ рукава рубахи*)

Кто тамъ зарѣзалъ возлѣ сада
Двоихъ дѣтей и старика?

КОЛОНЧА.

Моя работала рука!

РОЩИНЪ.

А для чего?

КОЛОНЧА.

Такъ было надо.

РОЩИНЪ.

Не въ драку ль шли они съ тобой?
О кровожадная собака!

КОЛОНЧА.

Да почитай, что таже драка,
Въ село бѣжали стороной!..

(*Рощинъ бьетъ его по головѣ обухомъ, тотъ падаетъ, разбойники его уносятъ*).

РОЩИНЪ (*отирая топоръ о рубаху*).

Ты, Цапля, отпираешь славно
Замки чужіе безъ ключей,
Примись за этотъ поскорѣй,
Онъ запертъ, что-то преисправно,
Начни же время не губя.
Да нѣтъ, постой, и безъ тебя
Мы отопремъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢ ЖЕ, РАЗБОЙНИКИ ВВОДЯТЪ ИЛЬМЕНЕВЫХЪ (*старикъ связанъ*).

РОЩИНЪ.

Прощенья просимъ,
Высокородный бригадиръ!
Мы вашей милости доносимъ,
Что пиръ вашъ былъ на цѣлый міръ:
Всѣхъ насъ вы лихо угостили!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Нашъ гость!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Купецъ! Что вижу! ты ли?

РОЩИНЪ.

Бывалъ я, сударь, и купцомъ,
Бывалъ бояриномъ я тоже!
Не гнѣвайтесь, стоимъ на томъ:
Я Рощинъ!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Милосердый Боже!
Иль нѣтъ и совѣсти въ тебѣ?
За нашу хлѣбъ соль?...

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Захотѣла,
Чтобъ совѣсть онъ искалъ въ себѣ!
Молчи, жена! Ты одурѣла!

РОЩИНЪ.

Сергѣй Филиповичъ! Подъ часъ
Бываетъ совѣсть и у насъ.
Вотъ у помѣщика другова
Сожгли бъ хоромы мы до тла,
Твоя жъ усадьба вся цѣла,
Тебя не трогаемъ роднова:
Все при тебѣ, жена и дочь!
А отъ такихъ и мы не прочь;
Но къ ней имѣемъ уваженье,
Твою мы помнимъ хлѣбъ и соль!
Теперь же, сдѣлай одолженье,
Со мною спорить не изволь,
А по добру и по здорову
Отдай ключи отъ сундуковъ;
Не хочешь? Богъ съ тобой! Да, къ слову,
Куда на память я здоровъ! (*Ей*)
Мнѣ помнится, что ты родная
Ключи-то прятала въ карманъ,
Вручи ихъ мнѣ, сундукъ ломая,
Тебѣ жъ надѣлаемъ изъянъ!

МАША.

Отдайте, маменька, скорѣй!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

На, на, возьми ключи злодѣй!

РОЩИНЪ.

Спасибо милости твоей!
Теперь вы будьте посмѣлѣе,
Ни кто не тронетъ пальцомъ васъ.
Пострѣлы! Шапки-то снимите!

Здѣсь барыни! Да говорите
При нихъ потоньше, безъ прикрасъ!
(*Слышны выстрѣлы*).
Кой прахъ! Аль мой забыть приказъ?
Кто смѣлъ стрѣлять? Еще! О, черти,
Да что на нихъ это нашло?
Переполошать все село!
(*Цаплѣ*)
Уйми, и бѣй до полусмерти!

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢ ЖЕ И ЕЖЪ СЪ РАЗБОЙНИКАМИ.

ЕЖЪ.

Гдѣ атаманъ?

РОЩИНЪ.

Ну, что тамъ съ вами?

ЕЖЪ.

Драгуны въ дворъ валятъ толпами!

РОЩИНЪ (*въ бѣшенствѣ топаетъ*).

Анаѳема, Зарубкинъ! Сына
Таки не заперъ! Будешь знать!
Ребята! Къ лодкамъ всѣ бѣжать!
Ну, живо! Чертова дружина!
Аль животовъ не жаль своихъ?!
Эй, Ежъ! Собрать сторожевыхъ,
И тоже въ лодки! Мнѣ оставьте
Одинъ у берега челнокъ,
А сами духомъ на утекъ!
Столами, стульями заставьте
Вотъ эти двери!.. Такъ, Ступай!
(*разбойники уходятъ*)
(*Ильменевымъ*)
Никто и рта не розѣвай!
Не то короткая расправа!
А, вотъ они! (*отворяетъ окно*)
Ну, честь и слава
Сперва сынку, — Потомъ отцу!
(*наводитъ пистолетъ*)
Ну, ближе!.. Подходи къ крыльцу!..

МАША (*на колѣняхъ*).

Спаси его! Творецъ вселенной!

РОЩИНЪ.

Вотъ такъ! Вотъ такъ! О мой безцѣнный!
Какъ разъ на выстрѣлъ лѣзетъ онъ!
Владиміръ! Батюшки поклонъ!
(*стрѣляетъ. Маша съ крикомъ падаетъ въ обморокъ*).

ГОЛОСЪ ВЛАДИМІРА.

Сюда! Сюда! За мной ребята!

РОЩИНЪ.

Вотъ чудо! Промаха я далъ!
За то ужъ батькѣ будетъ плата!

ГОЛОСЪ ВЛАДИМІРА.

Скорѣй, Скорѣй!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Твой часъ насталъ:
Злодѣя ждетъ ударъ закона!

РОЩИНЪ.

Какъ знать! А если на бѣду,
Я отъ враговъ и не уйду,
Такъ вотъ пока мнѣ оборона!
(*хватаетъ Машу на плечо и бѣжитъ съ нею*).

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Дитя мое!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Голубка наша!
(*Владиміръ врывается съ драгунами.*)

ВЛАДИМІРЪ.

Вы живы оба! Гдѣ же Маша?

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Спаси, Спаси ее родной!

ВЛАДИМІРЪ.

Но гдѣ она? Скорѣй скажите?

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Злодѣй унесъ ее съ собой!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Отцы Спасите!... Помогите!

ИЛЬМЕНЕВЪ.

Клянуся всѣмъ, что свято я:
Спаси мнѣ дочь, она твоя!

ВЛАДИМІРЪ.

За мной! За мной, ребята!
(*Всѣ убѣгаютъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

(*Театръ представляетъ крутые берега Оки, съ правой стороны отъ зрителя видѣнъ сходъ къ рѣкѣ, съ лѣвой стороны вxодъ на утесъ, за рѣкой въ преспективѣ видна деревня, съ лѣвой стороны видно зарѣво.*)

ДРАГУНЫ.

ВАХМИСТРЪ.

Что не видали капитана?

1-й ДРАГУНЪ.

Нѣтъ, братцы, слухомъ не слыхать.

2-й ДРАГУНЪ.

Вотъ странно! Нѣтъ ли тутъ обмана?
Намъ не къ усадьбѣ ли бѣжать?

ВАХМИСТРЪ.

Безъ командирскаго приказа,
Нельзя отсюда никуда;
Чтобъ не нажить себѣ бѣды:
Здѣсь не бездѣльная проказа,
Вездѣ разбойничьи слѣды.
Дроздовъ, когда трубилъ тревогу,
Сказалъ, чтобы скорѣй нашъ взводъ

Спѣшилъ къ Окѣ, друзьямъ въ обходъ;
А съ остальными на подмогу,
Въ село поскачетъ капитанъ,
И если тамъ завяжутъ дѣло,
Сигналъ какъ разъ намъ будетъ данъ.

1-й драгунъ.

А, ужъ кажись село сгорѣло;
Ну, этотъ Рощинъ сорванецъ!

2-й драгунъ.

Да не уйдетъ отъ насъ! Конецъ
Теперь пришелъ его раздолью:
Теперь онъ волей иль неволью
А разсчитается за все!

вахмистръ.

Плохое будетъ имъ житье!
Отъ насъ нельзя уйти рѣкою:
Мы порубили лодки ихъ;
Пойдутъ военною рукою:
То такъ мы угостимъ пальбою,
Что не найдутъ слѣдовъ своихъ!

1-й драгунъ.

А согласитеся, ребята,
Какъ скоро пособилъ намъ Богъ
Ихъ лодки захватить въ расплохъ,
Живьемъ вся шайка будетъ взята!

вахмистръ.

Вотъ, Рощинъ, хватъ! Куда хитеръ!
А противъ нашего-то брата
И не съумѣлъ: Все вышелъ вздоръ!
И не прикрылъ онъ ретирады,
Оставилъ лодки на виду,
Вотъ и попалъ злодѣй въ бѣду!
Пугай другихъ, а мы солдаты!
Мы огородная трава!
Продѣлки знаемъ, нѣтъ, братъ съ нами
Разсчетъ не тотъ, что съ мужиками!
Мы не распустимъ рукава!

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

тѣ же и дроздовъ.

1-й драгунъ.

А! Вотъ Дроздовъ!

вахмистръ.

Ну, что за нами?

дроздовъ.

Гдѣ лодки?

2 й драгунъ.

Всѣ на берегу.

вахмистръ.

Да и въ добавокъ просверлили!

1-й драгунъ.

Гдѣ съ капитаномъ то вы были?

дроздовъ.

Постой, едва дышать могу!
Вѣдь мы, чуть — чуть, не опоздали,
Пока работали вы здѣсь,
Мы командира проискали,
И такъ устали, хоть повѣсь!

1-й драгунъ.

Да гдѣ же былъ онъ?

дроздовъ.

Съ нимъ невзгода
Случилась, братцы, онъ упалъ
Въ оврагъ, что возлѣ огорода,
Когда на ротный дворъ бѣжалъ;
Ночь темная! Намъ не въ догадку,
Что съ нимъ случилася бѣда!
Ужъ я крутилъ туда, сюда,
Ну, просто, уморилъ лошадку,
Нѣтъ капитана! Хоть пропасть!
Готовы! А стоимъ безъ дѣла!
Вдругъ вся окрестность загудѣла,
Село горитъ! Такая страсть!
Ну такъ на сердцѣ и заныло!
Въ потьмахъ, мудренаго-то что жъ
Ему попасться и на ножъ;
Тутъ къ намъ деньщикъ его Гаврило,
Что духу есть, бѣгомъ бѣжитъ,
Пока сказалъ, пока сыскали,
А время все себѣ летитъ;
Вотъ такъ-то мы и запоздали!...
Теперь же братцы, всѣ въ село,
Въ господскомъ домѣ перестрѣлка!

вахмистръ.

Мнѣ драка слаще, чѣмъ горѣлка.
Люблю! На чистую пошло!

1-й драгунъ.

Хоть ночь то проведемъ безъ скуки!

2-й драгунъ.

Пойдемъ, Пойдемъ, погрѣемъ руки!
(*Всѣ уходятъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

рощинъ (*является съ Машей на плечахъ, одежда его въ безпорядкѣ, въ рукѣ ножъ*).

рощинъ (*опуская Машу*).

Сегодня вдоволь мнѣ работы!
Гуляй, булатный братецъ мой!
Съ Зарубкинымъ я кончилъ счеты,
Онъ кстати встрѣтился со мной;
Теперь лежитъ онъ въ чистомъ полѣ,
Облитый красненькимъ винцомъ,
Досадно, что не могъ подолѣ
Потѣшиться надъ старикомъ!
Пора мнѣ въ путь, мои пострѣлы
Ужъ, чай, давно летятъ какъ стрѣлы,

По гладкой скатерти Оки!
Что вижу!? Наши челноки
На берегу! Мои ребята
Погибли всѣ! О сатана!
Тебѣ душа моя нужна?
Бери ее! За то расплата
Невѣстой будетъ молодцу!
(заноситъ ножъ надъ Машей.)

МАША *(приходитъ въ с бя).*

Владимірь!
(Владиміръ вбѣгаетъ, Рощинъ борется съ нимъ, обезоруживаетъ, ударяетъ его о землю и становясь колѣномъ на грудь его, заноситъ ножъ).

РОЩИНЪ.

Ну, ступай къ отцу!

МАША *(кидаясь подъ ножъ).*

О, пощади! Святая дѣва,
Твой часъ послѣдній усладитъ,
И чашу Божескаго гнѣва
Отъ устъ преступныхъ отвратитъ!
Сопутникъ вѣрный твой до гроба
Моленье чистое мое!

РОЩИНЪ *(глядитъ на нее молча).*

ГОЛОСА ДРАГУНЪ.

Сюда! Поспѣли! Живы оба!

РОЩИНЪ *(Владиміру)*

Молися Богу за нее! *(кидаетъ ножъ, бѣжитъ къ Окѣ, и бросается въ воду)*

ДРАГУНЫ *(на утесахъ).*

Стрѣляй! Стрѣляй! Дружнѣй, ребята,
Нырнулъ!... Пали! Вотъ онъ плыветъ!
(Стрѣляютъ)
(Ильменевы прибѣгаютъ. Владиміръ и Маша бѣгутъ къ нимъ.)

ИЛЬМЕНЕВЪ *(обнимая дочь).*

О, Боже! Дочь моя живетъ!
Владиміръ! Вотъ тебѣ отплата!

ВАРВАРА ДМИТРЕВНА.

Жива! Голубушка моя!

МАША *(бросаясь на шею Владиміру).*

Владиміръ! Другъ мой! Я твоя!

ДРАГУНЫ.

Убитъ! Убитъ! Ко дну пошелъ!
Вотъ бьется — бьется! Тонетъ! Тонетъ!

РОКОВАЯ ПОЧТА

или

КОНЕЦЪ ПОДМОСКОВНЫМЪ ПРОКАЗАМЪ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, соч. АВТОРА *Подмосковныхъ проказъ* и *Гусарской стоянки.*

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПЛАТОНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЛЕГКИНЪ, помѣщикъ . г-нъ КАРАТЫГИНЪ 2.

АННА АЛЕКСѢЕВНА, жена его ...... г-жа СОСНИЦКАЯ.

дѣти ихъ:

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ, Уланскій офицеръ .... г-нъ МАКСИМОВЪ 1.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА .... г-жа АСЕНКОВА.

ПАХОМІЙ КОНДРАТЬЕВИЧЪ КУЛАКОВЪ, полковникъ .... г-нъ СОСНИЦКІЙ.

СЕРАФИМА СИЛИШНА КАВЕРЗИНА, вдова, помѣщица, гоститъ у Легкиныхъ .... г-жа САНДУНОВА.

ИВАНЪ, столовый дворецкій .... г-нъ АФАНАСЬЕВЪ.

МАРЬЯ, бывшая кормилица молодыхъ Легкиныхъ .... г-жа СИБИРЯКОВА.

Дворовыя бабы ..... г-жа РАМАЗАНОВА 2. г-жа ШИШКИНА. г-жа БАРЩЕВСКАЯ. г-жа СЕМЕНОВА.

ПОЧТАРЬ .... г-нъ ІЕВЛЕВЪ.

Театръ представляетъ большую пріемную комнату. Съ дверью со входа рядомъ дверь на террасу въ садъ. На правой сторонѣ одна дверь къ *Алексѣю Платонычу*, на лѣвой двѣ къ старшимъ *Легкинымъ* и въ женскую половину.

ЯВЛЕНІЕ 1.

КАВЕРЗИНА И МАРЬЯ.

КАВЕРЗИНА (*въ утренней кофтѣ и спальномъ чепцѣ, изъ-подъ котораго торчатъ сѣдые волосы, сидитъ передъ столикомъ на диванѣ и наливаетъ кофе*).

Ты, Марьюшка, съ просонковъ-то совсѣмъ заморозила кофе.

МАРЬЯ.

Только сію минуточку сняла съ канфорки.

КАВЕРЗИНА (*наливая сливки*).

Что это? Молоко!

МАРЬЯ.

Нѣтъ, сливочки-съ.

КАВЕРЗИНА.

Хороши сливочки! Вотъ такъ-то у васъ въ домѣ все жидехонько! (*отвѣдываетъ кофе*) Экъ ты на цикорей-то раздобрилась!

МАРЬЯ.

Да, у насъ и въ заводѣ нѣтъ цикорею.

КАВЕРЗИНА.

Хорошъ заводъ — нечего сказать! Понасмотрѣлась я на ваше хозяйство: хоть шаромъ покати. На скотномъ дворѣ ни души не встрѣтила: коровушки гуляютъ себѣ безъ корму; въ ткацкой избѣ по станкамъ одна паутина; а птичникикурамъ на смѣхъ. Отъ того-то твои господа и въ долгу, какъ въ шелку. Хорошо еще, что ты у нихъ правая рука. Да, что ты не сядешь? Вѣдь ты знаешь, что я тебя люблю и почитаю... право почитаю. Сядь-ко, сядь, въ ногахъ правды нѣтъ.

(*Марія садится*).

КАВЕРЗИНА (*подавая ей чашку*).

Не церемонься, поближе. Сшила ли ты себѣ платье изъ моего ситца?

МАРЬЯ.

Сшила, сударыня; покорно благодарствую.

КАВЕРЗИНА.

Да я и за шелковое не постою! А что нашъ голубчикъ, Алексѣй Платонычъ?

МАРЬЯ.

Что бѣдненькой, все горюетъ: не съ чѣмъ въ полкъ ѣхать.

КАВЕРЗИНА.

Жаль мнѣ его, до смерти жаль: въ такія лѣта только бы веселиться!

МАРЬЯ.

А молодецъ то какой, сударыня!

КАВЕРЗИНА.

Охъ, ужъ не говори; не томи ты моей душеньки. Приковалъ онъ меня къ здѣшнему дому крѣпче цѣпей желѣзныхъ, заполонилъ съ ногъ до головы. Да, говорятъ, долженъ много.

МАРЬЯ.

Дѣло молодое, сударыня; Богъ дастъ добрые люди пособятъ!

КАВЕРЗИНА.

То-то, Марьюшка, пособить близкому человѣку, своему — понимаешь, какъ не пособить! А какъ откладываютъ въ дальній ящикъ... этакъ и помочь пройдетъ охота. Хоть бы ты Аннѣ Алексѣевнѣ внушила, до чего она дошла: щеголиха такая, а сама говоритъ, что новенькаго платьица не на что сдѣлать. Мадамъ изъ Москвы три почты ни оборочки не прислала, а я въ займы больше не дамъ. Коли хочетъ щеголять, такъ пусть уговоритъ сына...

МАРЬЯ.

Да вѣдь онъ не послушается: балованое дитя!

КАВЕРЗИНА.

А ужъ какъ бы я-то его баловала!

МАРЬЯ.

За него сватали богатыхъ дѣвицъ.

КАВЕРЗИНА.

Слава, что дѣвицы! а меня съ чего бракуетъ! Вышла замужъ я ранёнько, овдовѣла скорехонько; молодость мою сохраняю незазорно...

МАРЬЯ.

Годковъ то вамъ, сударыня, чуть ли не вдвое противъ его...

КАВЕРЗИНА.

За то и имѣнія вдесятеро, да ни копѣйки долгу. Гроша не промотала, гривны не бросила даромъ, рубля изъ ломбарда, какъ положила, такъ и не вынимала. А вотъ какъ отцовское то имѣньице стукнутъ съ молотка, такъ и живи онъ однимъ жалованьемъ, али иди въ тюрьму.

МАРЬЯ.

Съ нами крестная сила... Господь милостивъ.

КАВЕРЗИНА.

Коли самъ плохъ, такъ не дастъ Богъ! Лучше бы ему жениться на мнѣ, да и кататься какъ сыру въ маслѣ.

МАРЬЯ (*въ сторону*)

Съ ума баба сошла: чѣмъ бы въ монастырь на спасенье, а она замужъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ И ПОЛКОВНИКЪ КУЛАКОВЪ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Слава Богу! На силу нашелъ людей!

КАВЕРЗИНА.

Ай, ай, ай! (*вскакиваетъ и становится за диванъ*).

МАРЬЯ (*подавая куцавейку Каверзиной*).

Это долженъ быть нашъ сосѣдъ — вотъ что изъ рядовыхъ-то вышелъ въ полковники.

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

И видно, что мужикъ: лѣзетъ себѣ, куда глаза глядятъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Мое почтеніе! Платонъ Алексѣичъ Легкинъ присылалъ ко мнѣ нарочнаго и просилъ пораньше...

МАРЬЯ (*собираетъ приборъ*).

Сейчасъ, сударь, доложу (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

КАВЕРЗИНА И ПОЛКОВНИКЪ.

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

Экъ родной обрадовался, что позвали, ни свѣтъ, ни заря пріѣхалъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы здѣшняго дома?

КАВЕРЗИНА (*значительно*).

Я изъ старинняго дворянскаго дома Тютиныхъ, а по мужѣ Каверзина — Серафина Силишна.

ПОЛКОВНИКЪ.

Имѣлъ честь слышать (*въ сторону*) Старая невѣста молодыхъ жениховъ. (*къ ней*) Мы съ вами сосѣди... Имѣю честь рекомендоваться: Полковникъ Пахомій Кондратьевичъ Кулаковъ. Извините, я васъ обезпокоилъ... въ передней никого нѣтъ.

КАВЕРЗИНА.

Слишкомъ рано поднялись — по старой привычкѣ... (*въ сторону*) по барабану.

ПОЛКОВНИКЪ.

Старые люди рано встаютъ, (*въ сторону*) не къ вамъ будь сказано.

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

Неучъ! такъ и несетъ казармой! (*къ нему*) Только иные старые люди знаютъ время, когда можно пріѣхать въ порядочный дворянскій домъ. (*въ сторону*) Мотай себѣ на усъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

А иные старыя встаютъ пораньше для того, чтобъ женихъ не засталъ въ расплохъ, да не подглядѣлъ сѣдыхъ волосъ.

КАВЕРЗИНА (*подбирая волосы подъ чепчикъ*).

Женщины высшаго круга — хоть бы я...

ПОЛКОВНИКЪ.

И преклонныхъ лѣтъ...

КАВЕРЗИНА.

Въ настоящей порѣ, какъ я,

ПОЛКОВНИКЪ (*въ сторону*).

Для бабушки.

КАВЕРЗИНА.

Съ хорошимъ имѣніемъ...

ПОЛКОВНИКЪ.

За неимѣніемъ зубовъ...

КАВЕРЗИНА.

Не торопятся... всегда есть время выбрать не богатаго, но благовоспитаннаго добраго человѣка!...

ПОЛКОВНИКЪ.

Доброта — главное дѣло.

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

Зачѣмъ то ты прискакалъ, старый прондоха? (*идетъ къ дверямъ на лѣвой сторонѣ*).

ПОЛКОВНИКЪ (*вслѣдъ*).

Потрудитесь напомнить, Серафима Силишна...

КАВЕРЗИНА.

Напомню, Пахомій Кондратьевичъ, (*въ сторону*) да и припомню.

(*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПОЛКОВНИКЪ КУЛАКОВЪ (*одинъ*).

Эта вѣтошь изъ старинняго дома вздумала уколоть меня своей барской древностью. Какъ я взбѣсился на нее и какъ это глупо! Сѣдой ребенокъ! Развѣ ты виноватъ, что родился въ крестьянской избѣ? То, что заслужилъ ты, принадлежитъ тебѣ по праву сорокалѣтней вѣрной службы, куплено тобою цѣною крови, пролитой за Царя и Вѣру православную! Если бы сложить всѣ рубцы отъ ранъ, принятыхъ сюда, прямо въ грудь, лицемъ къ лицу съ врагами роднаго края, какой бы преузорочный вышелъ гербъ! Женщина, не этой чета, женщина прекрасная и добродѣтельная наградила честнаго солдата своимъ непорочнымъ сердцемъ и надѣлила богатствомъ, котораго мнѣ не прожить. Очень понятно, что это то богатство и заставило Легкиныхъ искать знакомства со мною: что я имъ за собесѣдникъ? Я не прожора, не пьяница, не знаю толку ни въ борзыхъ, ни въ гончихъ: меня бы сюда не скоро дозвались, если бы не было здѣсь чуда-красоты: одинъ молокососъ такъ нахвалилъ мнѣ дочку г-на Легкина, что упаси Господи. Да я увижу это совершенство своими старыми, безпристрастными глазами: молодымъ-то я не очень вѣрю.

На молодежъ я насмотрѣлся,
Влюбленныхъ множество видалъ!
Тотъ въ караулъ не такъ одѣлся,
Другой къ разводу опоздалъ,
Команды третій не дослышитъ,
Романсъ во фрунтѣ тянетъ вслухъ,
Четвертый рапортъ вдругъ подпишетъ:
До гроба вашъ нѣжнѣйшій другъ.

Послушать — въ лицахъ небылица!
Плохихъ невѣстъ нѣтъ ни одной:
Что дѣвушка, то царь-дѣвица,
Богиня тѣломъ и душой.
Въ той свѣтлый умъ, какъ день, пріятенъ;
Въ той глазки блещутъ ярче звѣздъ.
Вотъ такъ-то въ свѣтѣ темныхъ пятенъ
Никто не видитъ у невѣстъ.

(*За сценой хохотъ Елизаветы Платоновны*).

Что это? хохотъ женскаго голоска? Отойдемъ, веселью мѣшать не должно.

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПОЛКОВНИКЪ, ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА И АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*съ кувшиномъ, въ которомъ плещутся рыбки*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*съ двумя удочками, въ атласчомъ архалукѣ*).

ОБА.

Какъ весело къ рыбкамъ закидывать уду!
Вотъ манитъ вострушекъ къ себѣ червячокъ,
И глупыя рыбки спѣшатъ отовсюду
Одна за другою попасть на крючокъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Есть дѣвушки рыбки — водой не замутятъ;
Боятся замужства, не любятъ крючковъ.
А послѣ онѣ же смѣются и шутятъ,
И щиплютъ ужасно мужей-червячковъ.

(*повторяютъ первый куплетъ оба*).

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Есть рыбы мужчины: иные съ усами;
Тѣмъ мало простова съ приманкой крючка:
Ихъ надо прекрѣпко опутать сѣтями,
И въ сердце презлова пустить червячка.

ПОЛКОВНИКЪ (*въ сторону*).

О, о, какія у нея затѣи! (*кашляетъ*).

(*Елизавета Платоновна и Алексѣй Платонычъ оборачиваются*).

Мое почтеніе! Полковникъ Кулаковъ.

(*Елизавета Платоновна дѣлаетъ реверансъ*)

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Извините, полковникъ, я не одѣтъ какъ должно.

ПОЛКОВНИКЪ.

Безъ церемоніи, сударь; вы дома.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Тѣмъ больше обязанъ наблюдать приличіе въ присутствіи гостя и старшаго.

ПОЛКОВНИКЪ.

Такъ вы нашъ братъ, военный?

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Уланскій поручикъ Легкинъ. Это сестра моя...

(*Полковникъ и Елизавета Платоновна раскланиваются*).

Я разбужу батюшку... онъ очень поздно ложится (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА И ПОЛКОВНИКЪ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Какой молодецъ вашъ братецъ, сударыня!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*благодаритъ*).

ПОЛКОВНИКЪ.

Вѣжливъ и знаетъ службу: лучшая рекомендація молодому человѣку.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Онъ военный!

ПОЛКОВНИКЪ.

За всѣхъ благодарю (*раскланиваются*). Какъ же это случилось, что всѣ еще спятъ, а вы.... пользуетесь утромъ?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Батюшка не здоровъ; докторъ предписалъ ему уху.

ПОЛКОВНИКЪ.

На шампанскомъ и самъ пріѣдетъ наблюдать за діетой больнаго. А вы захотѣли сдѣлать сюрпризъ папенькѣ?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Я дѣлала компанію брату; онъ начинаетъ скучать въ деревнѣ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Съ одной стороны скромность, съ другой доброта.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Съ примѣсью маленькой злости.

ПОЛКОВНИКЪ.

Какъ такъ?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Не жестоко ли заставлять бѣдную рыбку трепетать на крючкѣ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, какое тиранство, просто душегубство!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Я готова навсегда отказаться отъ ухи.

ПОЛКОВНИКЪ.

Откажитесь ужъ отъ цыплятъ, дичи, котлетъ и кушайте одинъ салатъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Какая счастливая мысль!

Что естьли бъ люди въ самомъ дѣлѣ
Питалися одной травой...
Быть можетъ похудѣвши въ тѣлѣ,
Пораздобрѣли бы душой.

ПОЛКОВНИКЪ.

А сколько новаго дохода
Отъ птицъ, овецъ, телятъ, коровъ!
Да то бѣда: тогда прохода
Не будетъ вовсе отъ скотовъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*въ сторону*).

Да онъ очень милъ и даже любезенъ.

ПОЛКОВНИКЪ (*въ сторону*).

Говорятъ, веселость въ правѣ порука за хорошее сердце!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Полковникъ, вамъ скучно дожидаться батюшки!...

ПОЛКОВНИКЪ.

То есть, скучно не мнѣ...

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Вы даете другой смыслъ простымъ словамъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

И я человѣкъ простой, какъ вамъ извѣстно; человѣкъ не ранней молодости, какъ видите; но у меня есть уши, чтобъ съ удовольствіемъ васъ слушать, есть глаза, чтобы...

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*перебиваетъ*).

Вы еще недавно нашимъ сосѣдомъ, полковникъ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Да, сударыня, я купилъ деревню, въ

которой я самъ родился; но я отпускаю ее на волю, какъ только устрою.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Это очень великодушно, а то...

ПОЛКОВНИКЪ.

А то, какъ можно быть бариномъ своей родни? Не правда ли?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Я этого не сказала.

ПОЛКОВНИКЪ.

Если бы и сказали, такъ сказали бы правду: ни чинъ мой, ни отличія, ни даже богатство, этотъ источникъ безумія и спѣси, не задушили во мнѣ любви къ родной избѣ и уваженія къ могилѣ отца... Да, сударыня, ни передъ вами, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ я не постыжусь моего происхожденія.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*съ жаромъ*).

Это очень благородно!

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, именно отъ васъ!... Вашъ голосъ отозвался участіемъ непритворнымъ; ваши милыя черты выразили точно то, что я желалъ найти въ нихъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*въ сторону*).

Ахъ, Боже мой! Я начинаю бояться.

ПОЛКОВНИКЪ (*продолжая*).

Похвала такой прекрасной, умной и такой любезной.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Извините, полковникъ... (*откланивается*).

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы ужъ уходите?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Надобно отдать рыбу — она уснетъ...

ПОЛКОВНИКЪ.

То есть, вы боялись уснуть со мной: до пріятнаго свиданія!

(*Раскланиваются. Елизавета Платоновна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

ПОЛКОВНИКЪ КУЛАКОВЪ (*одинъ*).

Да и слава Богу, что она ушла... я готовъ былъ открыть ей всѣ мои тайныя помышленія и намѣренія. Сколько чувства, души въ двухъ трехъ словахъ! Неужели это притворство — уроки воспитанія бросить ласковое словцо и въ то же время уколоть, какъ Каверзина, только другимъ изворотомъ? О нѣтъ! Грѣшно и ставить ихъ на одну доску! Она рѣшительно мнѣ нравится (*садится*). А есть ли я увлекся первымъ движеніемъ? А есть ли я обманутъ наружностію? Люди хамелеоны... а женщины... нѣтъ! Женщины лучше: грѣшный человѣкъ! не хотѣлъ бы объ нихъ думать дурно Подождемъ, повыспросимъ — испытаемъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

ПОЛКОВНИКЪ И ИВАНЪ.

ИВАНЪ.

Премного извините, Ваше Высокоблагородіе; я было шелъ къ барину.

ПОЛКОВНИКЪ.

И я жду его. (*въ сторону*) Кстати нельзя ль поразспросить? (*къ Ивану*) Ты управитель?

ИВАНЪ.

Столовой дворецкой.

ПОЛКОВНИКЪ.

А! хозяйствомъ занимаешься. Чай мастеръ своего дѣла? (*въ сторону*) Карманъ набить.

ИВАНЪ.

Да-съ, не большое дѣло-съ, какъ умѣется-съ. Господъ семейство не малое... гости частые-съ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Есть приманка — дочь невѣста.

ИВАНЪ.

Какже-съ! Прошедшее лѣто наѣзжали и невѣсть откуда, да все такая голь перекатная — глядѣли больше

на барской карманъ, чѣмъ на барышню. Пріѣзжали правда и почтенные люди, тузы, что называется, такъ барышня на нихъ не глядѣла: нынче что-то на тѣхъ и на другихъ неурожай. (*въ сторону*) Въ карманѣ то у насъ засуха.

ПОЛКОВНИКЪ.

Неужто таки ни одинъ не приглянулся ни отцу, ни матери?

ИВАНЪ.

Какъ же-съ! одинъ всѣмъ приглянулся: Уланскій офицеръ Александръ Петровичъ, забылъ фамилію. Молодецъ, всѣмъ взялъ и богатый человѣкъ, да деньги-то не у него въ рукахъ, а у дяди, престрашнаго, говорятъ, скряги! Такъ дѣло то и склеилось, и нѣтъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

А барышнѣ онъ крѣпко понравился?

ИВАНЪ.

А Господь се знаетъ: чужая душа—потемки. Перебывало ихъ не малое число; заговорятъ бабы: женихъ, женихъ! глядишь — она и съ тѣмъ ласкова, и съ другимъ словоохотлива... смотришь: тотъ улетѣлъ и другой уплылъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

А барышня?

ИВАНЪ.

А барышня какъ будто и пригорюнится денька на два, много что на три; ну а тамъ извѣстное дѣло: память дѣвичья, короткая!

ИВАНЪ (*хочетъ итти, слышенъ колокольчикъ изъ комнатъ Легкиныхъ.*)

ПОЛКОВНИКЪ (*даетъ Ивану деньги.*)

Ты пьешь водку?

ИВАНЪ (*ворочаясь беретъ деньги.*)

Грѣшные люди-съ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Стало быть вѣрнаго жениха ни у господъ ни у барышни еще нѣтъ на мысли? (*Слышенъ звонокъ*).

ИВАНЪ (*въ сторону*).

Э, э, куда закинулъ! (*къ нему*) Да кажется нѣтъ; а если бы Господь послалъ человѣка надежнаго, то есть съ хорошимъ состояніемъ, надо полагать, что господа бы въ теперешнихъ обстоятельствахъ и не прочь.

(*Колокольчикъ звенитъ громко и продолжительно Иванъ бѣжитъ*)

ПОЛКОВНИКЪ.

Дурныя, очень дурныя вѣсти! хоть эти вѣсти и холопскія, да говоритъ же пословица: каковъ попъ, таковъ и приходъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТѢЖЕ И ПЛАТОНЪ АЛЕКСѢИЧЪ, АННА АЛЕКСѢЕВНА, И ИВАНЪ.

ЛЕГКИНЪ.

Мое нижайшее почтеніе, Пахомій Кондратьевичъ! Извините пожалуйста, во первыхъ въ томъ, что обезпокоилъ васъ; я самъ бы пріѣхалъ, да ноги вовсе не ходятъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я къ походамъ привыкъ.

ЛЕГКИНЪ.

Во вторыхъ, что заставилъ васъ дожидаться: ужъ въ этомъ жена больше виновата съ своими нарядами.

ПОЛКОВНИКЪ (*къ Легкиной*).

Право, сударыня, я не стою такой заботливости.

ЛЕГКИНА.

Что вы его слушаете? Вы видите сами, можно ли одѣваться проще?

ПОЛКОВНИКЪ.

Какъ нельзя лучше!

ЛЕГКИНЪ.

Это наша слабость, полковникъ, (*особо полковнику*) которая крѣпко сидитъ у меня на шеѣ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я не противъ щегольства. Нашъ братъ военный то же любитъ щегольнуть:

хоть и въ старой аммуниціи, да только бы не было ни одной морщинки.

ИВАНЪ (*въ сторону*).

Да и мы изъ того же бьемся.

ПОЛКОВНИКЪ.

Также затягиваемся, въ рюмочку...

ЛЕГКИНЪ.

Да еще и потягиваемъ ее...

ПОЛКОВНИКЪ (*Легкину*).

Женщины сурмятъ брови, а мы фабримъ усы.

ЛЕГКИНЪ.

Ха, ха, ха!

ИВАНЪ (*въ сторону*).

Это не въ бровь, а въ самый глазъ.

ЛЕГКИНА (*мужу*).

Ты хотѣлъ поговорить съ сосѣдушкомъ о чемъ то нужномъ?

ЛЕГКИНЪ.

Да, полковникъ обворожилъ меня своею веселостью. (*къ полковнику*) Вѣдь мы съ вамъ Пахомій Кондратьевичъ близкіе сосѣди; размежевали черезполосицу, какъ нельзя дружелюбнѣе... пора водить намъ хлѣбъ соль и доброе знакомство.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я не прочь.

ЛЕГКИНЪ (*подзываетъ Ивана*).

Скажи-ка повару, чтобъ поразвернулся. (*тихо*) Да за винами съѣзди въ городъ.

(*Иванъ протягиваетъ руку*).

ЛЕГКИНЪ (*особо Ивану*).

Ну пошелъ! знаешь!

ИВАНЪ (*въ сторону*).

Все въ долгъ, а порука волкъ!

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢЖЕ БЕЗЪ ИВАНА.

ЛЕГКИНЪ.

Безъ околичностей, полковникъ. (*подаетъ стулъ полковнику*).

ПОЛКОВНИКЪ (*подаетъ стулъ Легкиной*).

Тѣмъ лучше — ближе къ дѣлу.

ЛЕГКИНЪ.

У меня имѣнія около полуторы тысячъ душъ.

ЛЕГКИНА (*въ сторону*).

То есть у меня, а у него шесть сотъ борзыхъ съ гончими.

ЛЕГКИНЪ.

Таиться нечего: женился я рано; въ деревню пріѣхалъ прямо изъ манежа.

ПОЛКОВНИКЪ.

Не хозяйство и не крестьяне были на умѣ.

ЛЕГКИНА (*въ сторону*).

А крестьянки.

ЛЕГКИНА.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ: только было разумъ началъ устанваться, какъ пришли на стоянку гусары, потомъ уланы...

ПОЛКОВНИКЪ.

Пошли пирушки съ старыми товарищами.

ЛЕГКИНА.

Ахъ, какъ было тогда весело! Можно сказать, что я пожила и отдохнула.

ЛЕГКИНЪ.

А я прожился, да чуть не задохся.

ПОЛКОВНИКЪ.

Понимаю. Досталось порядочно хозяйству...

ЛЕГКИНЪ.

А еще больше хозяину. Тутъ то и начались бѣда за бѣдой: дома передержки, по деревнямъ недоимки; тутъ пожаръ, тамъ дожди... одно за другимъ. Наконецъ я увидѣлъ, что надо принять рѣшительныя мѣры...

ПОЛКОВНИКЪ.

Умѣрить расходы...

ЛЕГКИНЪ.

И увеличить доходы. Я рѣшился завесть фабрики, заводы...

ПОЛКОВНИКЪ.

А было ли что въ заводѣ, чтобъ заложить основаніе?

ЛЕГКИНА.

Все до основанія заложили.

полковникъ (*въ сторону*).
Изъ омута въ адъ, какъ рукой подать.

легкинъ.
Я накупилъ домашняго скота и нанялъ трехъ иностранцевъ.

полковникъ.
Учредили компанію.

легкинъ.
Планъ то у меня былъ прекрасный... истинное вдохновеніе ...

полковникъ.
И вспыхнулъ, какъ шампанское, за которымъ придуманъ.

легкинъ.
Во первыхъ рогатый скотъ есть основаніе домашества.

полковникъ.
Не всякаго.

легкинъ.
Во вторыхъ иностранцы въ нашемъ быту необходимы, какъ свѣтъ.

полковникъ.
На это я темный человѣкъ.

легкинъ.
Швейцарецъ взялся дѣлать сыры настоящіе швейцарскіе.

легкина.
Въ Тамбовской губерніи.

полковникъ.
Чай насулилъ вамъ и горы швейцарскія?

легкинъ.
Англичанину поручилъ устройство пильныхъ мельницъ.

легкина.
Въ степи, гдѣ не изъ чего сдѣлать плетня.

легкинъ.
Француза пригласилъ.

полковникъ.
Молоть на просторѣ.

легкинъ.
Для разныхъ издѣлій изъ роговъ, копытъ, соломы... Все это пропадало даромъ.

полковникъ.
А теперь пропадаетъ съ жалованьемъ.

легкинъ.
Да и съ какимъ, полковникъ; на троихъ со всѣмъ содержаніемъ пятьдесятъ тысячъ въ годъ по контракту! Проклятые обѣщали двѣсти тысячъ дохода въ годъ.

полковникъ.
А далеко ли дошли?

легкина.
Въ три года на ленты не прислали.

легкинъ.
У Швейцарца падежъ; Англичанинъ только и пилитъ, что пилить нечего — подавай ему лѣсъ! Французъ столько нагородилъ всякаго вздору, что не стоитъ провоза. А что получено съ мужиковъ, то пошло на ломку, да на перестройку; тутъ на бѣду выросъ сынъ.

полковникъ.
А блаженное время недорослей миновалось!... хочешь не хочешь, а изволь расти да идти въ службу.

легкинъ.
Надо было содержать прилично; онъ же и позамотался.

полковникъ.
Родовая слабость.

легкинъ.
Потомъ выросла дочь.

полковникъ.
Я имѣлъ честь ее видѣть. Красавица!

легкинъ.
Съ красавицей то надо было выѣзжать въ свѣтъ, самимъ давать балы... пошли наряды...

полковникъ
Что дѣлать! родительскій долгъ...

легкинъ.
Не одинъ родительскій — и сыновній и женнинъ—всѣ долги хороши; теперь конечно я трачу мало, экономничаю.

легкина (*въ сторону*).
Пересыпаемъ изъ пустова въ порожнее.

ЛЕГКИНЪ.

Но вотъ бѣда: заморскіе шарлатаны требуютъ жалованья . . . подошли сроки платить по векселямъ, проценты въ Ломбардъ.

ЛЕГКИНА.

Да расплатиться съ мадамъ Лебуръ.

ЛЕГКИНЪ.

Вотъ въ какомъ мы положеніи, Пахомій Кондратьевичъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

Благодарю васъ за искреннюю довѣренность.

ЛЕГКИНЪ.

Совершенно искреннюю, Пахомій Кондратьевичъ! Вы зажиточный человѣкъ, притомъ одинокій. Я слышалъ про ваше расположеніе къ добру . . . Помогите намъ пожалуйста.

ПОЛКОВНИКЪ.

Съ величайшею охотою!

ЛЕГКИНЪ (*въ сторону*).

Слава Богу, я не разстанусь съ охотой.

ЛЕГКИНЪ (*въ сторону*).

Сейчасъ же въ Москву: расплачусь съ Лебуршей.

ПОЛКОВНИКЪ.

Прошу только меня выслушать: все мое имѣніе и наличныя деньги я получилъ отъ покойной жены на условіи, если я женюсь, то воленъ располагать всѣмъ по своему произволу . . .

ЛЕГКИНЪ

Преумное распоряженіе!

ЛЕГКИНА (*въ сторону*).

Нельзя глупѣе . . .

ПОЛКОВНИКЪ.

Въ противномъ случаѣ, я не властенъ ни закладывать, ни давать въ долгъ, жить только доходами, а всего оставшагося послѣ покойницы быть попечителемъ въ пользу ея племянника.

ЛЕГКИНЪ.

Что жъ? неужели вы рѣшились остаться вдовцемъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Мнѣ шестьдесятъ слишкомъ.

ЛЕГКИНА.

Съ вашею свѣжестью, здоровьемъ, на мои глаза вы настоящій женихъ!

ЛЕГКИНЪ.

На твои! найдутся и помоложе твоихъ, которые позарятся на такого молодца.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я человѣкъ хилый, раненый . . .

ЛЕГКИНА.

Тутъ то и нуженъ вѣрный другъ и попечитель.

ЛЕГКИНЪ.

У полковника, какъ видно, есть ужъ на примѣтѣ . .

ПОЛКОВНИКЪ.

Есть, да немножко молода.

ЛЕГКИНА.

Что можетъ быть приличнѣе для молодой жены солиднаго мужа!

ПОЛКОВНИКЪ.

Слишкомъ хороша для меня.

ЛЕГКИНЪ.

Славная парочка! вы сами видный мужчина, — просто красавецъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

Ну, если вы находите меня годнымъ въ мужья, такъ позвольте и мнѣ быть вашимъ должникомъ. Примите меня въ свое семейство.

ЛЕГКИНЪ (*встаетъ*).

Что, что, что такое?

ЛЕГКИНА (*встаетъ*).

Вслушалась ли я?

ПОЛКОВНИКЪ (*встаетъ*).

Отдайте за меня вашу дочь. . .

ЛЕГКИНА (*въ сторону*).

За человѣка низкой породы!

ЛЕГКИНЪ.

Мы другъ друга не поняли, кажется.

полковникъ.

Я также искренно вамъ открылся, какъ и вы мнѣ, (*къ Легкиной*) Солидный мужъ самый приличный для неопытной жены.

легкина.

Конечно; ну да Лиза ужъ не ребенокъ.

полковникъ (*къ Легкину*).

Вы же сами находите меня чуть не красавцемъ.

легкинъ.

Конечно; ну да вѣдь у дочерей разные вкусы съ отцами...

полковникъ.

Я это знаю, и потому согласіе вашей дочери поставляю главнымъ и необходимымъ условіемъ.

легкина.

Конечно, хотя воля матери...

легкинъ.

И отцовскіе совѣты...

полковникъ.

Да... Я понимаю вы хотѣли бы подумать...

легкинъ.

Конечно...

легкина.

Нельзя же иначе.

полковникъ.

И такъ до взаимно-радостнаго свиданія...

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

легкинъ и легкина.

легкина.

Что за столбнякъ на тебя нашелъ?

легкинъ.

Что еще?

легкина.

Отъ чего ты не отказалъ ему на отрѣзъ?..

легкинъ.

Отъ того, что у меня въ обрѣзъ...

легкина.

Продай свою псарню.

легкинъ.

Она не дороже твоихъ токовъ, чепцовъ, блондъ, перьевъ и чортъ знаетъ чего еще...

легкина.

Они хлѣба не просятъ.

легкинъ.

Да за нихъ просятъ: за вершки кружевъ отсыпай четвертами овса; за одну шляпку мало цѣлаго анбара:.. купить-то это тряпье дорого, а продать...

легкина.

Ни за что на свѣтѣ!

легкинъ (*не слушая*).

Если бы только не лѣта его...

легкина.

Въ лѣтахъ бѣда не велика, да Серафина Силишна говоритъ, что у него полдеревни родни, да и въ нашу дворню попались оттуда... хорошъ будетъ кругъ!

легкинъ (*не слушая*).

Голова ходитъ кругомъ: нечего ни продать, ни заложить!

легкина.

Продай ему дочь, вѣдь онъ купилъ же родню.

легкинъ.

Ахъ, несчастный отецъ!
Н ума въ тебѣ нѣтъ,
Что свезти наконецъ
Въ опекунскій совѣтъ.

легкина.

Ахъ, несчастная мать!
За твою простоту
Не съ чѣмъ глазъ показать
На Кузнецкомъ мосту.

легкинъ.

Ахъ, несчастный отецъ!
Иностранцы уйди...
Всѣмъ заводамъ конецъ!
Новый скотъ заводи!

легкина.

Ахъ, несчастная мать!
Какъ откажетъ мадамъ,
Въ старыхъ платьяхъ опять,
Разъѣжай по баламъ.

ЛЕГКИНЪ.

Для твоихъ баловъ
Я имѣнье убилъ...

ЛЕГКИНА.

Нѣтъ поменьше бы псовъ
Покупалъ, да кормилъ.

ЛЕГКИНЪ

Ахъ, несчастный отецъ!

ЛЕГКИНА.

Ахъ, несчастная мать!

ЛЕГКИНЪ.

Хоть умри наконецъ.

ЛЕГКИНА.

А должны проживать.

—

ЯВЛЕНІЕ 12.

ТѢЖЕ И ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*въ другомъ платьѣ*).

Bon jour maman! (*цѣлуются*) Здравствуйте, папенька.

ЛЕГКИНА.

Къ чему это ты такъ разрядилась? точно на смотръ; посмотрись-ка въ зеркало

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

У насъ есть чужіе люди, maman, (*идетъ къ зеркалу*).

ЛЕГКИНЪ (*сидя*).

И этакую милочку выдать за старика!

ЛЕГКИНА.

Эту чистую дворянскую кровь смѣшать, Богъ знаетъ, съ какой!

—

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢЖЕ И АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Здравствуйте, батюшка! (*цѣлуетъ руку у Легкиной*).

ЛЕГКИНЪ.

И ты разрядился, какъ на парадъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Здѣсь полковникъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢЖЕ И КАВЕРЗИНА (*съ темноволосой накладкой на лбу, въ модномъ чепцѣ, затянутая какъ самая молоденькая дѣвица*).

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

И дамы (*въ сторону*) тоже во всемъ парадѣ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*подходитъ къ отцу*).

Что батюшка, нашъ сосѣдъ?

ЛЕГКИНЪ.

Что любезный другъ, плохо!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Какое несчастіе! Я и такъ просрочилъ три мѣсяца.

ЛЕГКИНА.

Проценты слишкомъ велики.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Возможно ли?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Этого бы я не ожидала.

КАВЕРЗИНА.

А сколько?

ЛЕГКИНА.

Да побольше вашихъ.

КАВЕРЗИНА.

Экой скаредъ! такъ жидомъ и смотритъ!

ЛЕГКИНЪ (*обнимая дочь*).

Милое дитя мое! знаешь ли, какіе проценты онъ назначилъ?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Неужели!...

ЛЕГКИНЪ.

Да, мой другъ, твою руку.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Это не возможно, батюшка! вы обѣщали ее другому.

ЛЕГКИНА.

Да объ этомъ вздорѣ и говорить нечего. Не пугайся, Лизачка... (*къ мужу*) А вы, сударь, извольте-ка выпроводить своего сосѣда, какъ знаете.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Помилуйте, матушка: за что же оскорблять его?

ЛЕГКИНА (*гордо*).

За что! а онъ не оскорбляетъ развѣ насъ, что лѣзетъ въ зятья?...

ЛЕГКИНЪ (*особо жене*).

Да на что ты надѣешся?

ЛЕГКИНА.

Я надѣюсь на почту, на г. Другина Лизина жениха, на Ивана Савича Взяткина, на твою кузину, на мадамъ Лебуръ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Конечно, батюшка; нынѣшняя почта должна принесть радостныя извѣстія; три почты прошло...

ЛЕГКИНЪ.

По пустякамъ; а если и четвертая придетъ безъ отвѣта, тогда я отвѣчай, а вы въ сторонѣ.

ЛЕГКИНА.

Не бросить же дочь первому встрѣчному отъ того, что тебѣ лѣнь подождать.

ЛЕГКИНЪ (*думая*).

Хмъ!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*матери особо*).

Маменька! я боюсь... папенька въ нерѣшимости.

ЛЕГКИНА (*съ намѣкомъ на мужа*).

Какія глупости! безъ меня я надѣюсь, что здѣсь не посмѣютъ рѣшиться!... (*Уходитъ*).

ЛЕГКИНЪ.

Алеша, поди къ полковнику; попроси его остаться до обѣда. Займи его чѣмъ нибудь... тѣмъ временемъ придетъ почта, можетъ бы и мы займемъ.

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА, КАВЕРЗИНА И АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

КАВЕРЗИНА (*Елизаветѣ Платоновнѣ*).

Вотъ ужъ напрасно вы съ нимъ церемонитесь; какъ будто только и свѣту въ окошкѣ, что Пахомъ Кондратьичъ; найдутся люди, которые помогутъ не хуже его... (*въ сторону*) и не слушаетъ! (*переходитъ на другую сторону*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Милая сестра! какъ бы мнѣ хотьлось успокоить тебя и нечѣмъ.

КАВЕРЗИНА.

Только выслушайте меня, тотчасъ успокоитесь...

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*къ брату*).

А твое положеніе развѣ лучше моего! Я начинаю сомнѣваться въ Александрѣ Петровичѣ... Не писать три почты!... Мнѣ на его мѣстѣ развѣ одна бы смерть помѣшала...

КАВЕРЗИНА.

Да выслушайте меня прежде... (*становится между братомъ и сестрой*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Теперь то я чувствую весь ужасъ вашего положенія.

КАВЕРЗИНА.

То то любезнѣйшій Алексѣй Платоныче!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Бѣдный братъ!

КАВЕРЗИНА (*къ Алексѣю Платонычу*).

Понапрасну тратите вы свою горячность и не видите около себя друга, готоваго подать вамъ руку помощи.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Да только этотъ другъ за эту руку помощи потребуетъ тоже, я думаю, руки да и съ процентами.

КАВЕРЗИНА.

Вникните только, какое несчастіе грозитъ вашей сестрицѣ! (*къ Елизаветѣ Платоновнѣ*) Внушите ему, Елизавета Платоновна.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Что внушать, онъ самъ понимаетъ свое несчастіе.

КАВЕРЗИНА.

Какое несчастіе! Я готова заплатить всѣ долги и за батюшку вашего и за братца... понимаете ли вы?

ЕЛИЗЕТА ПЛАТОНОВНА.

Избави Боже вас понять
И такъ же вамъ скажу о братѣ,
Что онъ не долженъ протягать
Руки къ позорной этой платѣ.
Отецъ и братъ — мы всѣ въ долгу,
За это пусть насъ свѣтъ осудитъ;
Но наша честь еще въ торгу
И не была, да и не будетъ!
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ 16.

КАВЕРЗИНА И АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

КАВЕРЗИНА.

Меня не поняла, да и сама напѣла Богъ знаетъ что!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Д что ее слушат !

КАВЕРЗИНА.

Я съ добрымъ сердцемъ намѣрена сдѣлать законнымъ образомъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Заемнымъ письмомъ?

КАВЕРЗИНА.

На что тутъ письма, коли сами можемъ объясниться.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Я не въ состояніи.

КАВЕРЗИНА.

Да у меня такое состояніе, что пятерымъ не прожить.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

А я который?

КАВЕРЗИНА.

Вы единственный! честью васъ увѣряю.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Экая честь!

КАВЕРЗИНА.

Двѣсти тысячъ ассигнаціями на лицо.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

На лицо — есть на что полюбоваться; ну, а на прочее?

КАВЕРЗИНА.

И золота довольно.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Достанетъ позолотить пилюлю.

КАВЕРЗИНА.

А серебра, вещей и всякихъ рѣдкостей!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Да вы сами лучше всякагс антика.

КАВЕРЗИНА.

Да таки и сама сохранилась и имѣньице сберегла; съ коихъ лѣтъ копила! Какъ будто предчувствовала, что для васъ... какъ во снѣ васъ видѣла.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

На яву то меня тогда еще и не было; а право жаль: съ добраго примѣра я бы такъ не истратился...

КАВЕРЗИНА.

Да не горюйте: все пополню: бѣдность не порокъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Да и богатство не добродѣтель.

КАВЕРЗИНА.

За то съ богатствомъ можно сдѣлать добродѣтель.

АЛЕКСѢЙ.

Конечно!

Извѣстныхъ лѣтъ невѣсты прежде
На свадьбу копятъ, берегутъ;
А женихи на нихъ въ надеждѣ
Все неимущимъ раздаютъ.
Столь благочестныя занятья
Не пропадаютъ безъ плода:
Старушекъ добренькихъ объятья
Отверзты бѣдному всегда...
(идетъ вонъ).

КАВЕРЗИНА.

Куда же вы, Алексѣй Платонычъ?

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Къ полковнику.

КАВЕРЗИНА.

Да покончите со мной.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Да я еще и не начиналъ!
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ 17.

КАВЕРЗИНА ОДНА.

Этотъ проклятый Пахомъ все дѣло испортилъ. На почту надежда ихъ

тщетная: Къ Вяткину я отписала; онъ мнѣ старый другъ, не дастъ ни полушки. Скрягиной я также расписала ея родственничковъ: хоть мы съ ней и на ножахъ, ну да въ опасности и за бритву схватишься. Кромѣ меня не оставалось имъ ни единаго помощника, если бы не этотъ Пахомъ Кондратьичъ. Да я ему подготовила славную встрѣчу: уѣдетъ безъ оглядки! тогда-то бѣлая моя лебедушка Серафима Силишна лови — рыбку въ мутной водицѣ, да поймай осетра — молодца Алексѣя Платоныча, да и живи себѣ припѣваючи:

Я подъ старость вспомню младость!
  Ворочу таки свое!
    Ай люли, ай люли!
  Ворочу таки свое!

Пятьдесятъ мнѣ, мужу двадцать;
  То то рай, а не житье.
    Ай люли, ай люли!
  То то рай, а не житье!

Вотъ позарятся подружки:
  Что за радость у нее!...
    Ай люли, ай люли!
  Что за радость у нея.

Мужъ молодчикъ, мужъ красавчикъ
  Уродился весь въ нее.
    Ай люли, ай люли!
  Уродился весь въ нее!

(При концѣ каждаго куплета подплясываетъ).

—

ЯВЛЕНІЕ 18.

КАВЕРЗИНА И МАРЬЯ.

МАРЬЯ *(входитъ при концѣ послѣдняго куплета. Въ сторону)*.

Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла!

КАВЕРЗИНА.

А, Марьюшка! что моя голубушка? сладила все, какъ слѣдуетъ?

МАРЬЯ.

Всѣ готовы, ждемъ только его: ходитъ въ саду, да самъ съ собою разсуждаетъ.

КАВЕРЗИНА.

Вишь разсудилъ: этакую крошечку, сущаго ребенка отдай за стараго да за сѣдова. *(поправляетъ волосы)* На то ли ты ее выкормила, да выпянчила.

МАРЬЯ.

Что и говорить, матушка!

КАВЕРЗИНА.

Мнѣ истинно тебя жаль: ты умрешь съ горя; я знаю тебя, за тебя и стараюсь...

МАРЬЯ.

Вѣстимо, матушка, а вотъ и наши собрались.

—

ЯВЛЕНІЕ 19.

ТѢЖЕ И ЧЕТЫРЕ ДВОРОВЫХЪ БАБЫ.

КАВЕРЗИНА *(особо Марьѣ)*.

Хорошо ли ты ихъ настроила!

МАРЬЯ.

Бабы смышленыя! тертый калачь!

КАВЕРЗИНА.

А ужъ я отплачу съ лихвою... *(идетъ къ садовой двери и заглядываетъ)*.

МАРЬЯ *(въ сторону)*.

А чтобы напередъ дать!

КАВЕРЗИНА *(отъ дверей)*.

Идетъ, идетъ! смотрите, твердо ли выучили: не ударьте лицемъ въ грязъ. *(Уходитъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ 20.

ТѢЖЕ БЕЗЪ КАВЕРЗИНОЙ.

1-я БАБА.

Что жъ, Марья Ивановна, задатку то?

МАРЬЯ.

Отдастъ все вдругъ.

2-я БАБА.

Отдастъ! знаемъ мы се!

МАРЬЯ.

Помните, что говорить то должно, да не робѣйте; а пуще всего не разболтайте, кто васъ настроилъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 21.

ТѢЖЕ И ПОЛКОВНИКЪ (*изъ садовыхъ дверей*).

Бабы кланяются.

ПОЛКОВНИКЪ.

Что такое? что вамъ надо?

БАБЫ.

Родомъ мы изъ Панкратьевки
Твоего урожденьица:
Замужъ выданы, проданы,
На чужую сторонушку.

ПОЛКОВНИКЪ.

Что это значитъ? Говори кто нибудь одна.

1-Я БАБА.

Да говори ты, Феклуша.

2-Я БАБА.

Феклистовна, доскажи ты.

МАРЬЯ (*сзади*).

Савельевна, подхвати, не робѣй!

3-Я ЖЕНЩИНА.

Не гнушайся насъ, батюшка,
Что въ холопствѣ остались мы.
Мы твоя родня кровная
За здоровье молельщицы...

ПОЛКОВНИКЪ (*смѣется отъ всей души*).

(*въ сторону*).

Ха, ха, ха! Выдумка не совсѣмъ глупа; надо узнать, чья это работа. (*притворно сурово*) А кто изъ васъ первая вздумала причесться ко мнѣ въ родню?

(*Бабы пятятся*).

МАРЬЯ (*въ сторону*).

Ахти пытать начинаетъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ну, кто же?

1-Я БАБА.

Не я, батюшка.

2-Я БАБА.

Не я, отецъ мой.

МАРЬЯ (*сзади*).

Да скажи, Савельевна, всѣ дескать въ единодушествѣ.

3-Я БАБА.

Мы всѣ, батюшка, въ единодушествѣ.

ПОЛКОВНИКЪ.

А! ну подойдите же поближе.

БАБЫ (*подходятъ по одиначкѣ*).

ПОЛКОВНИКЪ.

Всѣ, всѣ четыре души единодушныя! (*Бабы приближаются*). Видите это? (*показываетъ красную ассигнацію*).

БАБЫ (*умильно кланяются*).

Видимъ, батюшка.

ПОЛКОВНИКЪ.

По рублю на душу; а остальныя шесть рублей той, которая скажетъ всю правду.

(*Бабы подвигаются*).

МАРЬЯ (*въ сторону*).

Продадутъ разбойницы.

ПОЛКОВНИКЪ.

Кто васъ подучилъ?

БАБЫ (*въ одинъ голосъ*).

Госпожа Каверзина.

ПОЛКОВНИКЪ.

А! еще душа бездушная!

МАРЬЯ.

Ахти и до меня доберется...

ПОЛКОВНИКЪ (*отдаетъ бумажку*).

Нате же дѣлитесь, какъ знаете.

БАБЫ (*хватаютъ ассигнацію и рвутъ другъ у дружки изъ рукъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 22.

ТѢЖЕ И АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*изъ садовыхъ дверей*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*къ бабамъ*).

Что это? за чѣмъ вы здѣсь?

БАБЫ (*опрометью бѣгутъ въ дверь*).

МАРЬЯ (*въ сторону*).

Ну, пропала моя головушка... (*пробирается бокомъ украдкой къ дверямъ*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Полковникъ! вѣрно эти дуры услышали про ваше предложеніе и пришли поздравить.

ПОЛКОВНИКЪ (*указывая на Марью*).

Вотъ спросите: она кажется изъ числа дѣйствующихъ лицъ: на ней лица нѣтъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Няня! что вы надѣлали?

МАРЬЯ.

Батюшка Алексѣй Платонычъ! Господинъ полковникъ! простите окаянную, грѣхъ попуталъ, лукавый смутилъ; Серафима Силишна подустила какъ нибудь выжить отсюда его милость.

ПОЛКОВНИКЪ.

За что бы такая немилость! (*въ сторону*) А! мое предложеніе вѣроятно разстроиваетъ планы старухи на молодаго Легкина.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Полковникъ, простите бѣдную няню, она выкормила сестру.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ступай съ Богомъ старушка: я добра желаю Елизаветѣ Платоновнѣ.

МАРЬЯ.

Дай Богъ вамъ добраго здоровья на многія лѣта! (*въ сторону*) Кабы лѣтъ то ему было поменьше!

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 23.

ПОЛКОВНИКЪ АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Извините, полковникъ.

ПОЛКОВНИКЪ (*встаетъ*).

Есть о чемъ говорить!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Батюшка проситъ васъ откушать съ нами.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вашъ покорный слуга. Мнѣ вашъ мундиръ знакомъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Одного корпуса съ вашимъ, полковникъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вѣроятно вы за ремонтомъ?

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*въ смущеніи*).

Нѣтъ-съ, полковникъ; я въ отпуску: просрочилъ по важнымъ причинамъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Служба важнѣе всѣхъ причинъ: извините стараго служаку.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Есть обстоятельства.

ПОЛКОВНИКЪ.

Никакихъ. Самое важное — денегъ нѣтъ на дорогу: я пошелъ бы пѣшкомъ. (*оглядываетъ комнату*) Здѣсь никого нѣтъ: поговоримъ обстоятельнѣе . . . откровенно: вы должны?

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

(*Отвѣчаетъ въ молчаніи утвердительно*).

ПОЛКОВНИКЪ.

Проиграли большую сумму.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

На честное слово.

ПОЛКОВНИКЪ.

То есть на мѣлокъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Вамъ извѣстно, полковникъ, что мѣлокъ въ этомъ случаѣ сильнѣе векселя.

ПОЛКОВНИКЪ.

И даже сильнѣе адскаго камня, который жжетъ и чернитъ одно тѣло, а этотъ бѣлый мѣлъ пачкаетъ руки, мараетъ мундиръ и заставляетъ расчитаться и состояніемъ и спокойствіемъ души.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Кто молодъ не былъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

Въ томъ то вся и бѣда. Пылкій, молодой офицеръ, даже юнкеръ, увлекаемый новостью, подстрекаемый примѣрами на удальство, почти все-

гда первоученка за бутылкой, съ этимъ проклятымъ мѣломъ лѣзеть на ножъ... а что всего хуже: ни одинъ человѣкъ, даже тотъ, кого уже обобрали до нитки, не удержитъ его на краю бездны, не возметъ на себя труда сказать ему:

Брось мѣлъ неопытный товарищъ.
Бѣги, не оставайся тутъ —
Среди безнравственныхъ пожарищъ,
Гдѣ въ уголь честь твою сожгутъ.
Еще стыда покровъ не сорванъ:
Ты первый выдержалъ урокъ...
Ты одураченъ, ты обобранъ;
Не ставь хоть чести на мѣлокъ.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Это голосъ истины: имъ нельзя оскорбиться.

ПОЛКОВНИКЪ.

Боже меня сохрани оскорбить васъ! Вашу руку! (*пожимаетъ руку Ал. Пл.*) Вы узнаете послѣ, что я очень хорошо васъ знаю. Кто Богу не грѣшенъ, кто Царю не виноватъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 24.

ТѢЖЕ ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА И ПОЧТАРЬ. (*изъ передней*).

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*выбѣжавъ изъ боковыхъ дверей, увидѣвъ полковника, останавливается въ нерпшимости*).

Почта?

ПОЧТАРЬ (*развязывая сумку*).

Да-съ.

ПОЛКОВНИКЪ (*откланивается*).

Я въ письменныя дѣла не мѣшаюсь. (*Уходитъ въ боковыя двери*).

—

ЯВЛЕНІЕ 25.

ТѢЖЕ БЕЗЪ ПОЛКОВНИКА.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*взявъ письма отъ почтаря, читаетъ адресы*).

Батюшкѣ, и это батюшкѣ; больше нѣтъ?

ПОЧТАРЬ (*отдаетъ инвалидъ Алек. Платонычу*).

Еще газеты.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*читаетъ съ примѣтнымъ волненіемъ*).

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Четвертую почту ни одного слова отъ Александра Петровича?

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Этого только не доставало. И онъ не помѣшалъ!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*брату*).

Отъ Александра ни строчки, — не стыдно ли ему!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

За пятьсотъ верстъ не краснѣютъ. И въ глазахъ то съ этими друзьями держи камень за пазухой, а за глаза и дружба и любовь... припоминаются такъ... иногда... и то для анекдота.

—

ЯВЛЕНІЕ 26.

ТѢЖЕ И ЛЕГКИНА, а за ней КАВЕРЗИНА.

ЛЕГКИНА (*переодѣтая къ обѣду*).

Есть изъ Москвы?

ПОЧТАРЬ.

Нѣтъ-съ ни чего-съ.

ЛЕГКИНА (*съ возрастающимъ жаромъ*).

Ни письма?... Ни картоновъ?.. Ни соломенной шляпки?..

ПОЧТАРЬ.

Ни соломенки.

ЛЕГКИНА.

Ой, ой! спазмы... колика, дурно, очень дурно!

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

Хорошо, очень хорошо!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*бѣжитъ къ дверямъ*).

Марьюшка, спирту, спирту!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*около матери*).

Можетъ быть это не тяжелая почта.

легкина (*вдругъ оживясь*).
Въ самомъ дѣлѣ спроси . . .
почтарь.
Обѣ тутъ-съ.
(*Уходитъ*).
легкина (*со стономъ опрокидывается въ кресла*).
Охъ ! . . .

—

ЯВЛЕНІЕ 27.

тѣже и марья.
марья (*подбѣгаетъ къ Легкиной*).
Понюхайте, матушка!
легкина (*нюхая изъ рукъ Марьи*).
Тяжелая! . . . (*нюхаетъ*) Нелегкая (*нюхаетъ и отталкиваетъ Марью*) Да поди прочь.

—

ЯВЛЕНІЕ 28.

тѣже и легкинъ.
легкинъ (*входя*).
А! почта!
елизавета платоновна (*подаетъ отцу письма*).
легкинъ (*распечатывая*)
Ну, слава Богу, насилу отвѣтили!
легкина.
А мнѣ хоть бы словечко, разбойница! спирту!
(*Марья подаетъ спиртъ*)
легкинъ (*читаетъ*).
Милостивый государь Платонъ Алексѣичъ! Вы просите у меня въ займы денегъ, да гдѣ мнѣ взять ихъ... (*смотритъ внизъ письма*) Это отъ Взяткина! мерзавецъ! (*бросаетъ письмо на полъ*) Сколько у одного меня вытянулъ ненасытный воронъ . . .
каверзина (*въ сторону*).
Спасибо, голубчикъ!
легкинъ (*распечатавъ другое*).
А это отъ набожной моей кузины — Евдокіи Степановны Скрягиной. (*читаетъ*) Любезный братецъ, ты просишь помощи на поправку заводовъ, а за чѣмъ ты завелъ троихъ Нѣмцевъ? ужъ вѣришь ли ты въ Бога, что повѣрилъ и душу и имѣніе некрестямъ? отъ того то у тебя во всемъ и неудача. И не проси, и не жди; я нечестивымъ не помощница... надо подумать о спасеніи души, а я стою одной ногой въ гробу... (*бросаетъ письмо на столъ*): чтобъ тебѣ влѣзть туда и съ руками и съ ногами!
каверзина (*въ сторону*).
Дай ей Богъ здоровья!
алексѣй платонычъ.
И послѣдняя надежда пропала!
каверзина.
Напрасно вы отчаиваетесь, Алексѣй Платонычъ! вспомните мое предложеніе.
алексѣй платонычъ.
Въ самомъ дѣлѣ... я свободенъ.. (*въ сторону*) А безчестіе не лучше старой жены.
легкинъ.
Да братъ, Алексѣй Платонычъ! плоха надежда на родныхъ да на пріятелей! Да что ты поблѣднѣлъ?
алексѣй платонычъ.
(*Подаетъ Инвалидъ*)
Прочтите!
елизавета платоновна (*беретъ и читаетъ*).
Отъ Украинскаго полка поручику Легкину симъ объявляется (*бормочетъ про себя, потомъ вскрикиваетъ* Ахъ, несчастный братъ! его хотятъ выключить изъ службы за неявку *идетъ къ столу и садится*).
каверзина (*въ сторону*).
Чудесно! какъ нельзя лучше!
легкина.
Ай да почта!
легкинъ.
Ужасная почта!
алексѣй платонычъ.
Моя роковая почта.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*беретъ письмо*).

Ахъ тетушка, тетушка, еслибъ вы видѣли наше горе (*читаетъ письмо*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Батюшка, матушка! еще есть спасеніе... Серафина Силишна обѣщала мнѣ заплатить ваши долги.

КАВЕРЗИНА.

Только знаете... на условіи!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Я согласенъ быть вашимъ мужемъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Братъ, братъ! что ты дѣлаешь? неслушайте, не слушайте его!

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

Типунъ бы тебѣ на языкъ!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*подаетъ отцу два письма*

Прочтите... до конца.

(*Всѣ кромѣ Каверзиной собираются вокругъ Легкина*).

ЛЕГКИНЪ (*читаетъ*).

Одной ногой въ гробу... еслибы ты получше выбиралъ знакомство, можетъ быть я бы не постояла за деньги, а то смертельная моя непріятельница у васъ въ домѣ, какъ родная... прочти-ко ея письмецо, какъ она честитъ васъ (*беретъ другое письмо*).

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

Ужъ не мое ли прислала эта кіевская вѣдьма!

ЛЕГКИНЪ (*читаетъ*).

«Милостивая государыня Евдокія Степановна! чтобъ доказать вамъ искреннюю дружбу и облыжность наговоровъ, я спѣшу васъ увѣдомить про вашего братца, что дѣла его хуже всякаго худа.

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*)

Ахти, худо!

ЛЕГКИНЪ (*продолжаетъ*).

Да нельзя и быть иначе: заводы отдалъ наемщикамъ нѣмцамъ, а самъ только и дѣла что рыщетъ съ собаками. Вотъ облаяла! (*читаетъ*) А невѣстушка ваша, чѣмъ бы Богу молиться, только и бредитъ балами, да нарядами.» Вотъ это за дѣло!

ЛЕГКИНА.

Какъ! и меня задѣла?

ЛЕГКИНЪ (*читаетъ*).

А сынокъ картежничаетъ и въ хвостъ и въ голову.

КАВЕРЗИНА (*въ сторону*).

Погубила мою головушку!

ЛЕГКИНА.

Да скажи, какая это мерзавка!

ЛЕГКИНЪ.

Ваша искренняя доброжелательница Серафина Каверзина.

ВСѢ.

Возможно ли?

(*Кружокъ развертывается, всѣ оборачиваются къ Каверзиной*).

КАВЕРЗИНА.

Право я съ добрымъ намѣреніемъ.

ЛЕГКИНА.

Это ты такъ отчестила
Нашъ домашній обиходъ?
За хлѣбъ за соль насолила...
(*Каверзина хочетъ говорить*).
И не смѣй разинуть ротъ!
Нарохтилась въ жены къ сыну...
Разругала мать — любля...
Да въ людскую половину
Не позволю взять тебя!
Счастье! во время узнали...
Вонъ нечистый духъ — скорѣй!
(*къ Марьѣ*).
Ты смотри, чтобъ не давали —
Ни подводъ, ни лошадей!

МАРЬЯ.

И пѣшкомъ дойдетъ!

КАВЕРЗИНА.

Я не старше иной.

ЛЕГКИНЪ.

Невѣста! только въ молодыя попасть не можетъ.

КАВЕРЗИНА.

Да и ноги то у меня не отсохли еще какъ у инова.

МАРЬЯ.

Да идите съ миромъ, сударыня...

КАВЕРЗИНА.

Скоро всѣ пойдете по міру.

(*Уходитъ за ней Марья*).

—

ЯВЛЕНІЕ 29.

ТѢЖЕ КРОМѢ КАВЕРЗИНОЙ И МАРЬИ.

ЛЕГКИНЪ (*садится къ столу*).

Экая ехидная!

ЛЕГКИНА.

Да и твоя сестрица — змѣя подколодная, вдругъ пятерыхъ ужалила, а мнѣ больше всѣхъ досталось. Ужъ пусть бы обругала, это ея утѣшеніе, да хоть бы родныхъ то потѣшила! (*особо*) Хоть бы съ мадамой расплатиться!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*брату*).

А ты меня не благодаришь?

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Я въ состояніи ее воротить: увидишь, чѣмъ кончится!

ЛЕГКИНА (*мужу*).

Что жъ ты усѣлся? поворачивайся!

ЛЕГКИНЪ.

Усадили, нечего сказать...

ЛЕГКИНА (*особо мужу*).

Надо же что нибудь дѣлать!

ЛЕГКИНЪ (*вставъ, тихо женѣ*).

Ужъ не кончить ли съ полковникомъ?

ЛЕГКИНЪ (*особо мужу*).

Да нечего думать: утопающій за соломенку хватается.

ЛЕГКИНЪ (*сыну*).

Алеша! ты просилъ полковника съ нами отобѣдать?

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Онъ остался...

ЛЕГКИНА (*мужу*).

Только съ Лизой то умненько говори: съ ней на строгость не возмешь.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*сестрѣ*).

Ты догадываешся, о чемъ идетъ дѣло?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Ахъ! я предчувствую!

ЛЕГКИНЪ.

Лизачка!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Такъ! (*подходитъ къ отцу*) Что вамъ угодно, батюшка?

ЛЕГКИНЪ.

Ты дочь моя!

ЛЕГКИНЪ (*въ сторону*).

Вѣчно вздоромъ начнетъ!

ЛЕГКИНЪ.

Спроси у матери, какъ я радовался, что ты выбрала себѣ жениха по сердцу Александра Петровича Другина.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Мы всѣ радовались, батюшка, я надѣялась быть счастливой.

ЛЕГКИНЪ.

Теперь мы на тебя одну надѣемся. Всѣ родные и знакомые, кто насъ оставилъ, кого мы прогнали...

ЛЕГКИНА.

Да и г. Другинъ вовсе не помнитъ своей обязанности... цѣлый мѣсяцъ ни строчки.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Какое мученіе! сердце мое разрывается на части.

ЛЕГКИНЪ.

А должники разорвутъ по клочкамъ все имѣніе.

ЛЕГКИНА.

Оберутъ до послѣдней ленточки!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Богъ съ тобой, Александръ, ты забылъ свои клятвы (*плачетъ*).

ЛЕГКИНА.

Милое дитя мое!

ЛЕГКИНЪ.

Въ тебѣ одной наше спасеніе...

ЛИЗА (*колеблется*).

Братецъ...

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Рѣшись, мой другъ! будь великодушна!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Такъ это моя роковая почта! (*рѣшась*) Такъ и быть, я согласна!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Ангелъ нашъ хранитель! еслибы ты теперь видѣла себя, какъ ты прекрасна!

ЛЕГКИНЪ (*сыну*).

Поди же проси сюда полковника.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Ахъ, постойте.

ЛЕГКИНА.

Нельзя же, онъ ждетъ и время не терпитъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

(*Даетъ знакъ брату, чтобы шелъ*). Только я не могу... я должна... мнѣ нужно собраться съ силами.

(*Убѣгаетъ*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 30.

ЛЕГКИНЪ И ЛЕГКИНА.

ЛЕГКИНЪ.

Судя по тебѣ я не думалъ такъ скоро уломать ее... да у нея мой характеръ.

ЛЕГКИНА.

Ни крошечки твоего нѣтъ: да и рѣшилась не для тебя: она видѣла отчаяніе матери... какъ не прислать ни шелковинки изъ Москвы.

—

ЯВЛЕНІЕ 31.

ТѢЖЕ И ПОЛКОВНИКЪ.

ЛЕГКИНЪ.

Извините, Пахомій Кондратьевичъ!

ПОЛКОВНИКЪ (*весело*).

Она не согласна?

ЛЕГКИНЪ.

Мы заставили васъ немного подождать касательно руки нашей дочери.

ПОЛКОВНИКЪ.

Эти дѣла на скорую руку не клеятся.

ЛЕГКИНА.

А что жъ и медлить... невѣста ужъ въ тѣхъ лѣтахъ...

ЛЕГКИНЪ.

Да однимъ словомъ, мы согласны.

ПОЛКОВНИКЪ.

И Елизавета Платоновна?

ЛЕГКИНА.

Какъ же! У насъ такъ водится.

ПОЛКОВНИКЪ.

Честь, которую вы мнѣ дѣлаете принятіемъ въ свое родство, я умѣю цѣнить и постараюсь заплатить за нее, только вы мнѣ позволите прежде поговорить съ прекрасной моей невѣстой. Это мой обычай!

ЛЕГКИНЪ.

И прекрасный обычай! (*особо женѣ*) не проболталась бы она про Другина...

ЛЕГКИНА (*особо мужу*).

Не бойся, я ее настрою. (*къ полковнику*) Очень хорошо, полковникъ; сейчасъ она придетъ!

(*Уходитъ*).

ЛЕГКИНЪ.

До радостнаго свиданія!

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 32.

ПОЛКОВНИКЪ, ПОТОМЪ ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Признаться, я не ожидалъ такъ скоро... Неужели я въ ней ошибся? Неужели въ самомъ дѣлѣ она вѣтрена и также легко перемѣняетъ своихъ жениховъ, какъ башмачки? Правда, она такъ еще молода... испытаніе сильно... деньга камень долбитъ, а сердце женщины мягче воска.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*входитъ съ примѣтной грустію на лицѣ*).

ПОЛКОВНИКЪ (*въ сторону*).

Она грустна... есть еще надежда. (*къ ней*) Сударыня, я имѣлъ счастіе услышать о вашемъ согласіи... смѣю надѣяться, что оно не вынуждено никакой крайностію?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Вы сдѣлали предложеніе... его нашли приличнымъ и приняли.

ПОЛКОВНИКЪ.

Позвольте попросить васъ — въ эту важную минуту — отвѣчать только за себя и говорить сущую истину.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*поглядѣвъ на полковника съ вниманіемъ, говоритъ торжественно*).

Вы не услышите отъ меня ни одного слова неправды. (*смягчивъ тонъ*) Я исполнила желаніе моихъ родителей.

ПОЛКОВНИКЪ.

Безъ насилія вашему собственному?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Они знали мои желанія и предложили мнѣ свое, какъ лучшее.

ПОЛКОВНИКЪ.

Такъ вы только повиновались?...

ЕЛИЗАВ. ПЛАТОНОВНА.

Съ величайшею охотою.

ПОЛКОВНИКЪ.

Но если бы они не требовали?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Они просили.

ПОЛКОВНИКЪ.

Если бъ не просили?... Вы обѣщались говорить правду...

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Я была бы женой друг... я не была бы вашей женой.

ПОЛКОВНИКЪ (*въ сторону*).

Прекрасно, какое благородство!

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*въ сторону*).

Что я сказала? Онъ откажется.

ПОЛКОВНИКЪ.

Еще вопросъ, на который также прошу отвѣчать правдой. Вы любили?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Да-съ.

ПОЛКОВНИКЪ.

И любите?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Я не хочу любить.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вамъ приказали...

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Для васъ все равно, полковникъ; я больше не люблю его...

ПОЛКОВНИКЪ.

Я долженъ знать его имя.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Для чего же?

ПОЛКОВНИКЪ.

Для моего спокойствія: легче бояться одного, чѣмъ подозрѣвать многихъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Я не подамъ вамъ повода.

ПОЛКОВНИКЪ.

Слѣдовательно не нужно дѣлать тайны.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Человѣкъ, котораго я любила, товарищъ моего брата по полку, Александръ Петровичъ Другинъ.

ПОЛКОВНИКЪ (*сухо и важно*).

И конечно по важнымъ причинамъ вы такъ скоро перестали любить его?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*глядитъ на него во всѣ глаза*).

Скажите, откройте мнѣ, ради Бога, я сама не понимаю, отъ чего ваши вопросы проникаютъ въ глубину души, раскрываютъ всѣ мои помышленія? Я не въ силахъ не открыть вамъ всего моего сердца! Да, я любила его страстно; почти также люблю его и теперь... Но я не хочу его любить: хочу принадлежать вамъ — честному и благородному человѣку... Буду уважать васъ, любить самою святою, самою возвышенною любовію — благодарностію! Батюшка и матушка не перенесутъ своего раззоренія, брату объявлено безчестіе за неявку въ полкъ... Вы ихъ спасаете... Что бы вы сказали обо

мнѣ, еслибы я отказалась искупить ихъ спасеніе моей ничтожной любовію, даже жизнію?

полковникъ (*какъ бы продолжая слушать*).

Говорите же, говорите!... Зачѣмъ вы перестали говорить! Каждое ваше слово радуетъ меня какъ доброе дѣло, какъ выигранное сраженіе! (*забывшись*) Молодѣй, молодѣй сѣдая голова! Надежды твои сбылись вполнѣ: еще награда за твою честную жизнь и за вѣрную службу! (*вынимаетъ портретъ*) Вотъ, сударыня, портретъ вашего жениха.

елизавета платоновна.

На что же? Развѣ вы уѣзжаете?

полковникъ.

Я ухожу... пройдусь... я имѣю нужду въ успокоеніи... А вы привыкните покуда къ его чертамъ... онъ очень похожъ, ни сколько не польщенъ... (*раскланиваются. Полковникъ уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 33.

елизавета платоновна (*одна*).

И Александръ обѣщалъ прислать мнѣ свой портретъ.

И также онъ передо мной
 Стоялъ и говорилъ:
И взоръ его горѣлъ душой
 И счастье въ душу лилъ.
Пусть любитъ онъ другую вновь
 И счастіемъ даритъ:
Другая, лучшая любовь
 Теперь во мнѣ горитъ.

Да не похвалится же онъ
 Виною слезъ моихъ...
На радость вѣкъ мой обреченъ,
 На счастіе родныхъ!
Пускай ихъ жизнь какъ прежде вновь
 Весельемъ закипитъ:
Другая лучшая любовь
 Теперь во мнѣ горитъ.

Начнемъ исполнять свой долгъ! (*хочетъ раскрыть портретъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 34.

елизавета платоновна и иванъ.

иванъ (*подъ хмѣлькомъ*).

Честь имѣю поздравить, сударыня...

елиз. платоновна.

Что это, опять? Не стыдно ли тебѣ? Вчера говорилъ, что въ послѣдній разъ.

иванъ.

Да и праздниковъ то этакихъ на моемъ вѣку первый да и послѣдній. (*кланяется*) Съ нареченнымъ супругомъ.

елизавета платоновна.

Ты былъ въ городѣ... гдѣ ты узналъ?

иванъ.

Узналъ то я здѣсь, а въ городѣ самъ догадался.

елиз. платоновна.

Напиться.

иванъ.

Пьянъ, да уменъ, два угодья въ немъ. Я и барскій приказъ исполнилъ, да проѣздомъ черезъ деревню господина полковника, и къ нему письмецо захватилъ. Да и на погостъ къ пономарю заѣхалъ... а тамъ Серафима Силишна лошадокъ нанимала и мнѣ дала на водочку. Мы съ кумомъ пошли да выпили; а она тѣмъ временемъ къ вамъ письмецо приготовила, (*вынимаетъ письмо*) да и полковничье тутъ же вложила, чтобъ я не растерялъ... Добрая барыня! Какъ наказывала, чтобы не выронилъ; сама завернула, сама и за пазуху уложила.

елизавета платоновна (*взявъ письмо*).

Поди проспись; ты на ногахъ не стоишь!

иванъ (*глядитъ на ноги*).

А на чемъ же-съ?

елизавета платоновна.

Опять ты разсердишь папеньку.

иванъ.

Посердится, да такой же будетъ. *въ сторону*) Я и ему привезъ вы-

пить. Прощенья просимъ! (*идетъ къ боковымъ дверямъ*).

ЕЛИЗЕТА ПЛАТОНОВНА.

Не туда!

ИВАНЪ (*оборачивается*.

Что-съ?

ЕЛИЗЕТА ПЛАТОНОВНА.

Поди, поди!

ИВАНЪ.

А я что же дѣлаю-съ? Изволите видѣть, что я иду. Не такъ, что ли-съ? (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 35.

ЕЛИЗЕТА ПЛАТОНОВНА (*одна распечатываетъ письмо*).

Какъ я не рада этой встрѣчѣ Каверзиной съ Иваномъ. (*смотритъ на письмо*) Что это? рука Александра Петровича .... (*читаетъ*) «Достойно уважаемый дядюшка, Пахомій Кондратьевичъ!» (*смотритъ на подпись*) «Александръ Другинъ.» Боже мой! Что это значитъ?... (*читаетъ другое письмо*) «Истинное участіе заставило меня прочесть письмо къ Кусакову. Онъ дядя вашего жениха и скрываетъ отъ васъ. Больше нечего сказать... Поймите сами. *Серафина Каверзина*.» Боже милосердый! Я начинаю понимать... онъ дядя Александра Петровича... Какое злодѣйство! Странный, адскій умыселъ! *кричитъ къ дверямъ Алексѣя Плат. и Легкиныхъ*) Братъ, братъ! Батюшка, матушка!

—

ЯВЛЕНІЕ 36.

ЛИЗЕТА ПЛАТОНОВНА, АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ, ЛЕГКИНЪ, ЛЕГКИНА (*поспѣшно входятъ*).

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Что такое?

ЛЕГКИНА.

Что съ тобой сдѣлалось?

ЛЕГКИНЪ.

Гдѣ же Пахомій Кондратьевичъ!

ЛЕГКИНА.

Не разстроилась ли свадьба?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Должна разстроиться.

ВСѢ (*кромѣ Елиз. Платоновны*).

Возможно ли?

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА (*отдаетъ письмо полковника брату*).

Прочтите.

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Письмо отъ Другина: «Достойно уважаемый дядюшка Пахомій Кондратьевичъ!

ВСѢ (*кромѣ Лизы*).

Дядюшка!

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ (*читаетъ*)

«Видѣли ли вы мою Лизу? Не правда ли, что она мила, какъ ангелъ. Я исполняю ваше приказаніе строго... Я не писалъ къ ней четыре почты: что же наконецъ она подумаетъ обо мнѣ? Ваше молчаніе убиваетъ меня. Я потерялъ всякую надежду.... Ради Бога, ради вашей любви къ тетушкѣ, позвольте мнѣ къ вамъ пріѣхать. Каждая минута ожиданія вѣкъ мученій!»

(*у всѣхъ на лицахъ ужасъ*).

Какое неслыханное коварство! Вдругъ два страшныхъ преступленія — ограбить племянника и отнять у него жену.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Что, батюшка?

ЛЕГКИНЪ (*къ женѣ*).

Что, Анна Алексѣевна?

ЛЕГКИНА.

Ахъ, смерть моя! Это моя роковая почта! (*хочетъ упасть въ кресла*).

ЛЕГКИНЪ (*удерживаетъ ее за руку*).

Полноте, сударыня, причудничать... Это наша общая роковая почта. Не бросить же бѣдное дитя въ руки изверга для того только, чтобы у тебя былъ всякой модный вздоръ, у меня собаки, а у сына...

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Батюшка! Я готовъ на всякую

ЛЕГКИНЪ (*женѣ*).

Слышишь благородный вызовъ? (*сыну*) и я также.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Милосердный Боже, какая перемѣна!

ЛЕГКИНЪ.

Да, пора перемѣниться.

ЛЕГКИНА.

Возмите же мои послѣдніе бралiанты.

ЛЕГКИНЪ.

Прекрасно! А я сброшу съ себя лѣнь. Самъ поѣду по деревнямъ и по заводамъ. Продамъ не нужное, остальное устрою. Богъ подкрѣпитъ раскаявшагося грѣшника. Нечего скрывать; у насъ останется мало; но лучше ходить по мiру, нежели продавать дѣтей. Лиза! Ты свободна отъ обѣщанiя.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА И АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

О батюшка:

ЛЕГКИНА.

Другъ мой!

(*Обнимаютъ Легкина*).

—

ЯВЛЕНIЕ 14.

ТѢ ЖЕ И ПОЛКОВНИКЪ (*выходитъ изъ садовыхъ дверей и остается взади.*

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Простите меня, родные мои, я васъ всѣхъ обманывала... Я люблю Александра Петровича больше моей жизни... Я соглашалась на ваше счастiе и приготовлялась къ смерти.

ЛЕГКИНЪ.

А! Что бы мы надѣлали! Какъ было одурачилъ, насъ этотъ полковникъ...

АЛЕКСѢЙ ПЛАТОНЫЧЪ.

Можно ли было подозрѣвать такое ужасное вѣроломство въ этомъ правдивомъ и откровенномъ человѣкѣ?

ПОЛКОВНИКЪ (*въ сторону*).

А! понимаю! Они прочли письмо. Пьяный дворейкiй сказалъ мнѣ, что имъ отдалъ.

ЛЕГКИНА.

Какъ онъ прикинулся добрымъ и честнымъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

На даромъ сквозь лице его просвѣчивалась какая-то хитрость... Глаза его проницали меня насквозь... Не даромъ онъ далъ мнѣ свой портретъ, чтобы я привыкала къ его чертамъ.... (*раскрываетъ портретъ и вскрикиваетъ*) Ахъ! Что это? Портретъ Александра Петровича! (*радостно*) А! Какъ судьба справедливо расположила! Онъ ошибся: вмѣсто своего далъ настоящiй!

ПОЛКОВНИКЪ.

Позвольте эту честь мнѣ взять на себя.

ВСѢ.

Что это значитъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Я расположилъ, чтобы портретъ настоящаго жениха былъ въ вашихъ рукахъ, а я его сватъ, или дядя какъ вамъ угодно.

ВСѢ.

Возможно ли?

ПОЛКОВНИКЪ.

Очень возможно.

Все это было испытанье!
Всѣхъ горю наконецъ котнецъ:
За мной успѣхъ, вамъ сосоянье
Невѣстѣ слава и вѣнецъ.
Какъ вы не разсудили сами,
Что для невѣсты молодой
Женихъ съ сѣдыми волосами
Страшнѣе почты роковой.

ЛЕГКИНЪ.

Прошло счастливо испытанье!
Конецъ долгамъ — теперь нашъ долгъ.
(*женѣ*)
Съ Лебуръ послѣднее свиданье
(*сыну*)
А на мѣлокъ — избави Богъ!
Ктому жъ не для однихъ обѣдовъ
Есть разумъ на Руси святой:
Пора заморскихъ дармоѣдовъ
Отправить съ почтой роково

ЕЛИЗАВЕТА ПЛАТОНОВНА.

Конецъ проказамъ подмосковнымъ;
Но въ наказанье отъ Творца
Проказамъ *этимъ*, *симъ* и *онымъ*
Не будетъ кажется конца!
На *сей* разъ мы въ надеждѣ полной,
Что *этой* (*указывая на рукоплесканiя*) дружною рукой
Вы защищите насъ отъ *оной* —
Журнальной почты роковой!

ВСѢ.

Вы защищите насъ отъ оной —
Журнальной почты роковой.

ОТЧЕТЪ

ЗА ИСТЕКШЕЕ ПОЛУГОДІЕ О ДОСТОИНСТВѢ ПЬЕСЪ И ВЫПОЛНЕНІИ ИХЪ АРТИСТАМИ

НА

АЛЕКСАНДРЫНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

(*Продолженіе.*)

Сергѣй Ананьичъ Пятаковъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Авторъ не выставилъ имени своего на афишѣ, и напрасно; за то скромность его награждена достойно: его вызвали, потому что водевиль дѣйствительно хорошъ. Сергѣй Ананьичъ, уже сосватанный на порядочной девицѣ съ порядочнымъ приданымъ, вдругъ узнаетъ, что кухарка его выиграла въ лотерею триста тысячъ злотыхъ; пятаковое сердце его поворотилось и приворотилось къ кухаркѣ; немедленно протянулъ онъ одну руку къ злотымъ и предложилъ другую кухаркѣ со всею своею знатностію (онъ чиновникъ); кухарка онѣмѣла отъ удивленія и радости; въ качествѣ жениха Сергѣй Ананьичъ справляется о приданомъ, сирѣчь о лотерейномъ билетѣ, но увы, нарѣченная невѣста продала его лавочнику за два фунта *кофе!* Что жъ?. Пятаковъ, вы думаете, обратился опять къ прежней невѣстѣ? Вовсе нѣтъ; онъ полетѣлъ къ лавочнику, у котораго есть дочь невѣста, а вышереченная невѣста вышла за того, кого любила!

Пятаковъ, т. е. г-нъ Мартыновъ, вознаградилъ сторицею за всю скуку двухъ станцій; кухарка г-жа Рамазанова 2-я въ сценѣ сватовства Пятакова была лучше и много лучше всѣхъ нашихъ театральныхъ кухарокъ; мужичекъ волокита, самъ авторъ г. Григорьевъ 2, усердно споспѣшествовалъ успѣху водевиля. Мы бы посовѣтовали автору изъ своей роли въ слѣдующія представленія выкинуть вонъ болтовню про рыжаго ахтера да про ахтрису Г . . . . которая представляетъ королевенъ.

Бенефисъ г. Куликова.

Почти весь бенефисъ г-на Куликова былъ составленъ изъ старыхъ піесъ (три изъ четырехъ); но эти старыя піесы заключаютъ въ себѣ всю приманку новизны: въ нихъ участвовала нежданая, дорогая гостья изъ Москвы — актриса Московскаго театра г-жа Орлова.

Спектакль начался водевилемъ, *Жена, какихъ много*, выворочепнымъ на изнанку изъ комедіи *Молодые супруги*; мастеръ этого дѣла не разсудилъ, что мужскія *дѣла* нейдутъ

женщинамъ: очень натурально, что мужчина разсчитываетъ на возбужденіе ревности, какъ на вѣрное средство образумить своего молодаго друга: самый разсудительный мужъ при малѣйшемъ подозрѣніи, кромѣ потери женниной любви, видитъ въ предстоящей бѣдѣ еще кое-что другое не менѣе важное — невозвратно клеймящее его репутацію въ свѣтѣ, которому нѣтъ надобности разбирать виноватыхъ: съ него довольно случая посмѣяться. Женщина въ подобныхъ обстоятельствахъ скорѣе приметъ сторону своей подружки, или пуститъ въ ходъ немножко злословія: ни вразумлять мужа, ни образумливать жену не женское дѣло. Неестественность положенія такой женщины-резонерки отразилась въ игрѣ г-жи Орловой: она была слишкомъ разсудительна, довольно холодна, но временамъ рисовалась и впадала въ манерность. За то другое лице женщины, хотя и легкомысленной, но по слабости мужа пріобрѣтшей драгоцѣнное право властвовать въ домѣ и распоряжаться собою по собственному произволу, и наконецъ тотчасъ перешедшей къ досадѣ и бѣшенству, какъ только замѣтила она другаго распорядителя съ собственностію — мужемъ, начертано авторомъ очень хорошо и чудно создано г-жей Асенковой. Какъ вѣрно, какъ отчетисто вела она постепенность перехода, довольно впрочемъ быстраго, отъ равнодушія, какъ слѣдствія увѣренности въ мужниной привязанности, къ подозрѣнію, къ досадѣ и наконецъ къ полной вспышкѣ негодованія на измѣнниковъ въ дружбѣ и любви. Она требуетъ отъ мужа письмо, которое только что получилъ онъ отъ кого-то; слезы, укоры, угрозы и просьбы, все напрасно: ей не отдаютъ; она падаетъ въ обморокъ... Не только мужъ, всѣ зрители были обмануты этимъ невиннымъ и столь обыкновеннымъ, но прекрасно выполненнымъ средствомъ обманывать и разжалобливать мужчинъ. Но когда оплошный мужъ отдалъ это бѣдовое письмо женѣ, лежавшей безъ чувствъ, надобно было видѣть, съ какою радостью схватила притворщица столь желанную улику. Полное торжество надъ соперницей выразилось и въ звукѣ вскрика и въ вспышкѣ глазъ и въ движеніи живомъ, мгновенномъ и въ тоже время вѣрномъ до высочайшей степени!

Да, г-жа Асенкова, вамъ нужна соперница, но соперница опасная: у васъ много таланта, много умѣнья и еще больше любви къ искуству, но жаль, то есть, жаль намъ зрителей, что у васъ нѣтъ соперницы: мы почаще наслаждались бы такими прекрасными минутами! Рукоплесканіямъ не было конца; обѣ артистки были вызваны громко и единодушно.

Сцены изъ 4-го дѣйствія Гамлета. Г-жа Орлова вновь явилась въ Офеліи безумной. Опасный скачокъ изъ посредственнаго водевиля г-на Григорьева въ лучшее произведеніе Шекспира г-жа Орлова совершила благополучно и съ большимъ эфектомъ. Хорошій ростъ, блѣдное, пріятное лице, волосы, распущенные по плечамъ, глаза, устремленные неподвижно и имя Офеліи произвели свое дѣйствіе; публика, радушно встрѣтившая гостью въ водевилѣ, приняла ее и въ высокой драмѣ съ громкими рукоплесканіями. Офелія запѣла; то ли она запѣла, такъ ли она пѣла, что и какъ она запѣла у Шекспира? Вовсе не то и не такъ; стало быть мы слушали не Офелію безумную, а пѣвицу, для которой искусный композиторъ подладилъ въ мѣру голоса — нѣчто въ родѣ аріи нѣсколько нотъ, отзывающихся чувствомъ. Стало быть также г-жа Ор-

лова невиновата: она выполнила заданную тему счастливо, и произвела эфектъ и—довольно; неестественность — недостатокъ въ комедіи, сдѣлался достоинствомъ въ драмѣ; да, со всѣмъ уваженіемъ къ немалому искусству г-жи Орловой, мы осмѣливались замѣтить ей, что во всякомъ уклоненіи отъ стройнаго привычнаго для глазъ порядка, природа тотчасъ устроиваетъ новый порядокъ наружныхъ движеній, согласныхъ съ внутреннимъ новымъ состояніемъ двигателя, то есть мысли: Офелія безумная не можетъ дѣлать театральныхъ стройныхъ жестовъ; движенія ея должны повиноваться мысли разстроенной Припомните въ королѣ Лирѣ Каратыгина 1-го (не ради сравненія, но ради наученія): какъ вѣрно разсчитано и употреблено каждое движеніе помѣшавшагося царственнаго старца!

Еще замѣчаніе для всѣхъ театральныхъ героинь, которыя распускаютъ волосы по плечамъ: у женщины съ самой ранней юности до глубокой старости, или лучше сказать до самой смерти, всѣ мысли и чувства проникаетъ одна господствующая идея приличія, наряда, украшенія; эта привычка дѣлается второй натурой; страхъ безобразія не разстается съ женщиной ни въ какомъ тягчайшемъ случаѣ въ жизни. Безумная никогда не распуститъ волосъ, она уберетъ ихъ или подберетъ какъ безумная, но все таки подберетъ; страхъ безобразія не разлученъ съ нею. Даже это распущеніе волосъ вовсе не нужно для эфекта.

У насъ есть обычай дѣвичій — распускать волосы въ святыя минуты благочестія, въ знакъ глубокаго самоотверженія, когда всѣ земные помыслы склоняются въ прахъ и когда одно небо наполняетъ душу покаявшейся: безумная не въ состояніи возвыситься до столь умилительнаго уничиженія.

Второе и третье дѣйствіе комедіи *Горе отъ ума.*

Фамусовъ — *г-нъ Сосницкій.*
Софья Павловна — *г-жа Асенкова.*
Наталья Дмитріевна — *г-жа Орлова.*
Скалозубъ — *г-нъ Орловъ.*
Молчалинъ — *г-нъ Куликовъ.*

Это внезапное появленіе *Горя отъ ума* въ новой обстановкѣ порадовало насъ, какъ повышеніе достойнаго всѣми уважаемаго человѣка. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы открытія сцены, и — вотъ онъ — да, это онъ, Фамусовъ, Московскій баринъ, съ полнымъ вѣрнымъ своимъ отпечаткомъ отъ головы до пятокъ!

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ!

Только онъ — Московскій баринъ усвоилъ за собою эту кличку: Петрушка, Ѳедька! Жаль, что для полноты картины лице слуги не выставлено такъ, какъ оно есть, или было въ натурѣ Московской: у баръ старичковъ были такіе Петрушки въ пятьдесятъ лѣтъ и болѣе: семилѣтній Петрушка, приставленный къ пятилѣтнему барину ради разныхъ невинныхъ забавъ, а болѣе для наказанія Петрушки за шалости ребенка росъ съ нимъ вмѣстѣ и вѣчно слылъ Петрушкой. Но возвратимся къ Фамусову. Въ первое представленіе комедіи, *Горе отъ ума*, мы замѣтили въ игрѣ г-на Сосницкаго какую то осторожность — не то, что неувѣренность, но какъ будто пробу, примѣрку, какъ надо говорить, и прислушиванье за самимъ собою, такъ ли сказано. Великій артистъ помнитъ, что до него играли эту роль всѣ комическія знаменитости: Рязанцевъ, Брянскій, Щепкинъ; г. Афанасьевъ

также дебютировалъ въ Фамусовѣ. И всѣ они кромѣ Щепкина, держались какой-то неопредѣленной середины между мѣщаниномъ во дворянствѣ и помѣщикомъ — провинціаломъ; — иные помахивали платочкомъ да размахивали руками; иные — не въ осужденіе будь сказано — жаловали швейцара изъ собственныхъ ручекъ толчками. Одинъ г. Щепкинъ читалъ прекрасно и сохранилъ барскій тонъ, но былъ слишкомъ живъ для Русскаго барина и напоминалъ хлопотуна. Г. Сосницкій очень умно подмѣтилъ и искусно выразилъ эту лѣнивую важность, которая составляла истинную характеристику — особый отпечатокъ на всѣхъ Московскихъ — во времена оны. Во второе представленіе онъ явился уже съ увѣренностію въ своихъ силахъ и читалъ роль, какъ никто изъ его предшественниковъ; всѣ движенія его до малѣйшей подробности, оба костюма его до послѣдней мелочи были неимовѣрно точны и отчетисты. Смѣемъ надѣяться, что г. Сосницкій подаритъ публику всей ролей Фамусова и въ непродолжительномъ времени.

До г-жи Асенковой на нашей сценѣ не было еще Софьи Павловны. Да, по совѣсти, безъ малѣйшаго пристрастія, мы можемъ сказать, что г-жа Асенкова была олицетворенней дѣвушкой — барышней подготовляющей себѣ мужа-слугу; по одинъ *благонамѣренный* рецензентъ, судя по этой роли, предсказываетъ въ г-жѣ Асенковой будущій талантъ въ родѣ г-жи Гусевой и — нехотя похвалилъ ее. Что такое Софья Павловна? Нѣчто легкомысленное и малосмысленное... лице безъ образа, котораго поприще на семъ свѣтѣ окончится великой знаменитостью по околодку— въ вареньяхъ, да въ соленьяхъ.

Наталья Дмитріевна, г-жа Орлова и Скалозубъ, супругъ ея, напомнили двѣ пословицы: она — смѣлымъ Богъ владѣетъ; онъ — славны бубны за горами!

Несравненная, единственная наша Наталья Дмитріевна, то есть А. М. Каратыгина! Воскресите, да поскорѣй воскресите Наталью Дмитріевну, убитую безъ всякаго сожалѣнія. А Скалозубъ? Есть и скалозубъ, дивный отличный скалозубъ П. А. Каратыгинъ.

И такъ возобновленіе Горя отъ ума еще возможно на нашей сценѣ. Чацкій, Каратыгинъ 1; Фамусовъ Сосницкій; Наталья Дмитріевна—Каратыгина 1; Софья Павловна, Асенкова; Скалозубъ — Каратыгинъ 2-й; Молчалинъ — мы бы желали видѣть Мартынова въ Молчалинѣ. Горичъ, Брянскій (только въ слѣдующій разъ слѣдуетъ ему пріѣхать на балъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ Москвѣ такъ прежде водилось); Репетиловъ — г. Максимовъ, Загорѣцкій, хотъ г. Годуновъ. Предчувствуя истинное наслажденіе, мы ждемъ — не дождемся *онаго*.

Юные романтики, водевиль въ одномъ дѣйствіи. Авторъ г. Куликовъ былъ вызванъ — мы не помнимъ — за что.

Батый въ Рязани, трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, сочиненіе К. А. Бахтурина. Дѣйствіе въ Рязани, въ 1237 году.

Содержаніе: Батый, подступивъ подъ Рязань требуетъ покорности отъ Рязанцевъ: князь Рязанскій, Юрій Изяславовичъ, съ совѣта другихъ князей союзниковъ принимаетъ лучше сраженіе, а супруга князя Юрія рѣшается лучше погибнуть въ пламени зажженнаго ею города, чѣмъ здаться Батыю. Батый торжествуетъ, Рязанцы гибнутъ. Коротко и ясно. Гдѣ же интрига? Интрига была до трагедіи: Евнатій, молодой бояринъ Рязанскій, былъ влюбленъ въ нынѣш

шою супругу князя Юрія, онъ же былъ и оклеветанъ въ измѣнѣ; а по какому случаю—неизвѣстно, передъ княземъ Юріемъ, чего-ради и жилъ въ Черниговѣ, откуда прибылъ съ дружиною въ Рязань такъ искусно, что князья, въ Рязани обрѣтающіеся, не понимаютъ, какъ онъ пробрался сквозь Батыево полчище. Евпатій принесъ свою покорную голову князю Юрію. КнязьЮрій принимаетъ его съ ласкою и вручаетъ хоругвь войсковую. Во второмъ дѣйствіи Евпатій разговариваетъ о томъ же съ княземъ Пронскимъ; потомъ слѣдуетъ свиданіе съ княгиней (дѣйствіе происходитъ въ великокняжескомъ саду):

Евпатй, я тебя искала

говоритъ княгиня; въ своемъ саду?

Евпатій, смущенный такой несообразностью, отвѣчаетъ по Тредьяковски:

Мнѣ твой привѣтъ,
Княгиня, слышать такъ отрадно!

Не лучше ль было бы начать.

Къ тебѣ, Княгиня о
Въ Рязань пришелъ я чрезъ и пр.

Евпатій продолжаетъ поговаривать въ томъ же родѣ:

Княгиня, если бъ я объятый
Еще огнемъ былъ прежнихъ мукъ —

Потомъ:

Клянусь, когда бы мнѣ велѣли
Съ позоромъ шествовать на казнь,
Не объясня ея причины,
Я бъ не постигнулъ половины
Страданій тѣхъ, которыхъ я
Былъ жертвою все это время;
Къ нему влеклась душа моя,
Влача его опалы бремя,
Не видя взоръ его очей!

Княгиня вѣроятно такъ же, какъ и мы, недовольная дурными стихами говоритъ ему:

Самъ объяснись съ супругомъ.

Евпатій начинаетъ говорить также о вышеречениомъ съ княземъ и княгиней, которые хотятъ поговорить, но бояринъ останавливаетъ ихъ:

Княгиня, князь, ни слова болѣ.
О какъ теперь я васъ постигъ!
О, сколько тягостной печали
Въ мое льетъ сердце этотъ мигъ!
Такъ молоды едва узнали,
Въ любви взаимной счастья лучъ,
Ужъ ваше райское свѣтило
Ликъ безмятежный закатило
Въ кровавой тьмѣ свирѣпыхъ тучъ!

Здѣсь да позволено будетъ замѣтить г-ну автору небольшой анахронизмъ: дѣйствіе происходитъ въ 1237 году, а дѣйствующіе говорятъ языкомъ 1760 года. Въ третьемъ дѣйствіи: Батый съ полководцами, изволитъ также говорить о томъ, что уже извѣстно зрителю; надобно однако жъ признаться, что Татары говорятъ гораздо лучше по Русски, нежели Русскіе; только Батый иногда грѣшитъ противъ смысла и грамматики:

Мы съ вами (со своими полководцами)
Уже воюемъ много лѣтъ
. . . .
Треть нашей силы перебили.
Горсть Русскихъ

Послѣ этого Лычкинъ имѣетъ право говорить:

Да есть такіе хватики
И познатнѣй меня.

Вотъ являются къ Батыю просители, потомъ послы Французскіе, а потомъ и Евпатій въ качествѣ Русскаго посла. Свиданіе Русскаго боярина съ Батыемъ вылилось у автора сильно, коротко,съ жаромъ. . . стало быть съ четвертымъ дѣйствіемъ есть надежда... Новъ четвертомъ дѣйствіи дѣйствіе происходитъ за сценой и безъ Евпатія, безъ войсковаго знамени, а на сценѣ застой, хоть Евпатій и спѣшитъ:

А! время вспыхнулъ славный бой!
Гряди впередъ Рязани знамя!

Но все таки стоитъ и выслушиваетъ длинное наставленіе отъ княгини, какъ сберечь и какъ прислать ей знамя въ случаѣ несчастія: это явленіе было очень эффектно — въ

отрицательномъ смыслѣ. Не смотря на всѣ недостатки трагедіи, публика съ удовольствіемъ замѣтила не мало звучныхъ стиховъ, согрѣтыхъ теплымъ чувствомъ любви къ отечеству, къ великокняжескому дому — и вызвала автора.

Дебютъ г–жи Яковлевой.

Дездемона, въ «Дездемона и Отелло» Луиза, въ «Коварство и любовь. Наташа, въ «Своя семья или замужняя невѣста.»

Для перваго знакомства съ публикой г–жа Яковлева выбрала, какъ ей казалось, лице, самое выгодное для дебютантки. Въ самомъ дѣлѣ съ перваго взгляда что такое Дездемона? Не много больше того, что должно разумѣть о дѣвушкахъ, которыя

Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ;

Я уже слышу, что со всѣхъ сторонъ кричатъ и вопіютъ: какъ? что? Дездемона — Московская барышня? нѣтъ Венеціянская барышня, молоденькая, хорошенькая, сущій ребенокъ — и не болѣе. Въ продолженіи всей драмы нѣтъ ни одного мѣста, которое обличило бы въ Дездемонѣ душу сильную, страсть могучую. «Дездемона, говоритъ Отелло, просто полюбила мои разсказы, и когда *заботы по хозяйству* вызывали ее изъ комнаты, она спѣшила какъ можно скорѣй ихъ выполнить и возвратившись, съ жадностію прислушивалась къ словамъ моимъ . . . . когда я кончилъ мою исторію, она наградила меня несчетными вздохами; она воскликнула: какія странныя приключенія, престранныя. Какъ это достойно участія, самаго нѣжнаго участія!» Слѣдствіемъ сего участія Дездемоны было бѣгство ея къ Отелло изъ дома родительскаго; намъ кажется, что этотъ поступокъ доказываетъ отсутствіе, а не присутствіе сильной рѣшительности, доказываетъ боязнь Дездемоны за собственную слабость, за любовь колеблющуюся, готовую уступить и волѣ и гнѣву, а еще болѣе просьбамъ отца ея: только страсть легкая, обольщеніе минутное хватается за подобныя средства, не надѣясь выдержать побѣднаго борен я съ предстоящими препятствіями. Ясно, что Шекспиръ хотѣлъ противопоставить неукротимому бѣшенству Мавра и непримиримой злобѣ его оруженосца женщину характера слабаго, довѣрчиваго, боязливаго, женщину до того легкомысленную и мало проницательную, что когда Отелло кипитъ ревностью и повторяетъ ей три раза: платокъ! — который *потерять или отдать значитъ навлечь на себя несчастіе выше всѣхъ несчастій*, что Дездемона знала и платокъ былъ уже потерянъ,—она надоѣдаетъ ему повтореніемъ заступленія за Кассіо. Но эту женщину почти обыкновенную, великій Maestro одарилъ необыкновенной красотой, которая превосходитъ всѣ описанія и даже разсказы о кочующей славѣ Отелло: красота недоступная самой искусной кисти, облеченная всѣми чарами природы, существо самое совершенное, говоритъ Кассіо. И эту красоту Шекспиръ заставилъ влюбиться въ Арапа; это существо самое совершенное поставилъ между физическимъ безобразіемъ Отелло и нравственнымъ безобразіемъ Яго! Вотъ на чемъ основывается весь интересъ лица Дездемоны въ драмѣ: зритель, волнуясь безпрерывнымъ страхомъ за юную, прекрасную и простодушную барышню, соединяетъ съ ней самое трагическое положеніе, за которое между тѣмъ она ни мало не отвѣчаетъ; небольшаго таланта достаточно для исполненія сей роли особенно новой и примѣчательной своимъ бездѣйствіемъ, которое по-

жалуй назовите высокимъ выраженіемъ преданности своей судьбѣ, но этому крошечному таланту нужна ранняя юность и очень много красоты, иначе не будетъ очарованія, не будетъ Дездемоны. Намъ кажется, что дебютантка ошиблась въ разсчетѣ и вышла въ первый разъ на сцену въ весьма невыгодной для себя роль. Зритель, котораго такъ искусно обманываетъ или очаровываетъ Шекспиръ, былъ вовсе разочарованъ г-жей Яковлевой: она говорила хорошо, вѣрно, даже отчетливо, но ей не доставало того, что именно составляетъ Дездемону — дочь Венеціанскаго вельможи, красавицу — предметъ искательства лучшихъ жениховъ въ Венеціи — безотчетно, простодушно пылающую до любви къ Арапу и покинувшую для него своего отца за одни разсказы.

Дѣло другое Луиза «въ Коварствѣ и любовь», (2-й дебютъ г-жи Яковлевой), гдѣ на одинакомъ основаніи Шиллеръ выстроилъ драмматическое зданіе, только въ другомъ стилѣ: Фердинандъ тотъ же пламенный, ревнивый Отелло, но онъ сынъ министра, образованный, прекрасный юноша; Луиза таже добрая и прекрасная Дездемона, но она дочь бѣднаго музыканта, мечтательница, чуждая не только заботъ по хозяйству, но объединенная отъ всего міра, сосредоточившая всѣ свои помышленія въ одномъ Фердинандѣ, и въ тоже время — жертвующая даже своей любовію для спасенія отца. Луиза умнѣе Дездемоны, больше умна, нежели сколько допускаетъ слѣпая, пламенная, безрасудная любовь. Не только неопытной дебютанткѣ, самымъ опытнымъ и даже талантливымъ актрисамъ, сколько мы помнимъ на Русской сценѣ, не удавалось выставить въ настоящемъ свѣтѣ это прекрасное, но чисто фантастическое созданіе — смѣсь ума и простодушія, безпредѣльной любви и отреченія отъ нея, совершенной душевной чистоты и постиженія того чуждаго для нея положенія, въ которое поставлена Леди Мильфортъ, любовница княжеская; созданіе, окруженное честнымъ, но безхарактернымъ отцемъ, упрекающимъ дочь за любовь; слабою, честолюбивою матерью, поддерживающую эту любовь; грознымъ вельможей, карающимъ эту любовь; Фердинандомъ — идоломъ этой любви, и наконецъ коварнымъ Вурмомъ, нашедшимъ средство вынудить у нея отреченіе отъ этой любви. Да, въ Луизѣ Шиллера меньше естественности, но больше искуства, нежели въ Шекспировой Дездемонѣ: здѣсь зритель, увлеченный мощной силой искуства, можетъ еще забыть, что Луиза должна быть также чудной красотой, какъ и Дездемона: здѣсь выигрышь на сторонѣ таланта, одушевленія искуственнаго, чего мы въ г-жѣ Яковлевой во все не замѣтили. Она исполнила должность актрисы исправно, знала твердо роль, проговорила ее съ толкомъ и съ растановкой, но увы! безъ чувства.

Въ третьемъ дебютѣ г-жа Яковлева спустилась въ комедію Шаховскаго — Своя семья или замужняя невѣста: видно, что молодая дебютантка сама не можетъ рѣшить, гдѣ ея мѣсто на сценѣ, и куда влечетъ ее призваніе: первокласная и второкласная драмы ей не удались, да между нами будь сказано, не далась ей и комедія. Натаща миленькая, умненькая бабочка проводитъ новыхъ своихъ родныхъ на маленькихъ слабостяхъ, которыми каждый и каждая изъ нихъ болѣе или менѣе одержимы. Мы невольно вспомнили умненькую и миленькую Наташу, покойную Дюръ; да мы съ истинною грустью вспом-

нили высокую артистку безвременно похищенную смертью, и вовсе забыли г-жу Яковлеву;.. винимся, каемся: comparaison n'est pas raison; но резонъ тотъ, что г-жа Яковлева хоть и невиновата въ томъ, что не выполнила ролей, выбранныхъ ею не подъ силу и по средствамъ, но очень погрѣшила въ томъ, что выбрала именно такія роли, за которыя не могла ожидать снисхожденія даже отъ самой благосклонной публики.

Дебюты г-на Алексѣева.

Падчерицынъ въ «Хороша и дурна, глупа и умна.» Лычкинъ въ «Первое іюля въ Петергофѣ.»

Хвастливаго съ богатымъ не узнаешь, подумали мы, прочитавши въ афишѣ объявленіе о новомъ дебютантѣ въ ролѣ Падчерицына, въ одной изъ первыхъ ролей незабвеннаго артиста Дюра, въ ролѣ, переданной также отличному артисту г-ну Каратыгину 2-му, въ ролѣ, которая начинается огромнымъ куплетомъ въ шестьдесятъ стиховъ, а съ подобными куплетами и у опытныхъ артистовъ пересыхаетъ въ горлѣ: признаемся, что самонадѣянность дебютанта не расположила насъ въ его пользу: мы пришли въ театръ съ подготовленіемъ къ досадѣ и съ готовностію больше хулить, нежели хвалить, а вышли изъ театра совершенно въ противномъ расположеніи духа: молодой дебютантъ удовлетворилъ насъ какъ нельзя больше; особенно поразила насъ смѣлость необыкновенная для перваго выхода на сцену; семимильный куплетъ былъ пройденъ твердо, вѣрно и довольно отчетисто. Публика тотчасъ привѣтствовала лестнымъ одобреніемъ новичка. Вообще г. Алексѣевъ былъ хорошъ и послѣ Дюра, это не бездѣлица; много, очень много было въ немъ Дюровскаго, но было и свое, обнаружившее слѣды таланта, очень значительнаго для перваго раза. Такъ то смѣлость города берётъ.

Въ Лычкинѣ случилась съ нами таже ошибка. Мы шли въ театръ съ полною увѣренностію что г. Алексѣевъ исполнитъ эту роль столько хорошо, сколько легко списать это лицо съ Лычкиныхъ, которыми преизобилуютъ и грады и веси. Но дебютантъ повидимому хотѣлъ пересоздать это лице, чтобъ не попасть въ одну колею съ г. Максимовымъ: намѣреніе хорошо, да исполненіе дурно, очень дурно, даже и въ такомъ случаѣ было дурно, если бы мы не видали г. Максимова.

Дебюты г-жи Лариной.

Надежда Ивановна Д. въ «Чиновникѣ по особымъ порученіямъ». Если не ошибаемся, г-жа Ларина прежде нежели выступила на сцену дѣйствующимъ лицемъ, была уже на ней нѣсколько разъ на выходъ (говоря языкомъ театральнымъ). Это подготовленіе къ сценѣ и выступленіе на нее въ роляхъ весьма незначительныхъ ясно доказываетъ, что въ г-жѣ Лариной есть достаточное количество скромности или пожалуй боязливости, которыя имѣютъ свою хорошую сторону. Въ исполненіи ролей она не обнаружила ничего такого, за что бы ее было можно очень хвалить или очень охуждать. Публика замѣтила пріятную наружность, стройный станъ, умѣнье держать себя прилично и толковитость; а что будетъ впередъ, то будетъ! — 2. 70 —

ОТЧЕТЪ
О МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ
ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ
(отъ 1-го Января до 1-го Іюля).

(*Окончаніе*.)

—

По принятому въ нашемъ отчетѣ порядку, слѣдуетъ теперь говорить о новыхъ піесахъ, игранныхъ не въ бенефисы: эта часть отчета будетъ очень невелика, потому что новости нашего театра большею частію ограничиваются бенефисами. Въ нынѣшнее полугодіе всего-на-все была одна новость — *Булатъ-Темиръ, Татарскій Богатырь*, или *Донская битва*, національное (!) представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, Россійское (!!) сочиненіе *Р. Зотова* (представлена въ первый разъ 24 Апрѣля). Имя автора, такъ давно являющееся на театральныхъ аффишахъ, можетъ служить, въ нѣкоторой степени, мѣриломъ достоинства піесы, а заглавіе ея, выписанное нами, что называется, съ дипломатическою точностію изъ театральной аффиши, показываетъ уже отчасти, каково это *національное представленіе, россійское сочиненіе:* съ тѣхъ поръ, какъ на бѣломъ свѣтѣ существуютъ театры, публика, вѣроятно, никогда столько не скучала и не зѣвала. Многіе уѣхали изъ спектакля, не досидѣвъ до четвертаго акта, а кто рѣшился досидѣть — уснулъ сномъ самымъ крѣпкимъ. По заглавію піесы, вы можете видѣть, что содержаніе ея взято изъ временъ Дмитрія Донскаго; слѣдовательно, г-нъ Р. Зотовъ хотѣлъ потянуться силами съ Озеровымъ, но Озеровъ, стѣсняемый тяжелыми цѣпями классической школы, имѣлъ дарованіе, вкусъ, поэтическое чувство, владѣлъ прекрасно языкомъ; а г. Р. Зотовъ . . . Впрочемъ вотъ содержаніе этого «россійскаго сочиненія»: судите сами.

У Дмитрія Константиновича, князя Нижегородскаго и Суздальскаго. Татары похитили малолѣтнаго сына; разумѣется, они стали его воспитывать на свой ладъ, стараясь сдѣлать изъ русскаго младенца настоящаго Татарина и поселить въ душѣ его ненависть къ Русскимъ. Этотъ похищенный малютка, Константинъ, росъ, росъ, и выросъ наконецъ, и сдѣлался *Булатъ-Темиромъ*, изволите ви-

дѣть: Булатъ-Темиръ этотъ безщадно проливаетъ кровь своихъ соотечественниковъ, рѣжетъ встрѣчнаго и поперечнаго, губитъ души христіанскія, а все для того только, чтобы г-нъ Р. Зотовъ написалъ изъ его подвиговъ свое «россійское сочиненіе». У князя Дмитрія Константиновича, у котораго Татары похитили сына, осталась дочь, Евдокія, которой пока еще никто не похищалъ. Подождите, что будетъ дальше. Великій князь Московскій, Дмитрій Іоанновичъ, плѣненный красотою Евдокіи, (какъ у Озерова Ксеніи), предложилъ ей руку свою. Предложеніе, такое почетное, разумѣется, и совершено обрученіе. Ве-принято, и совершено обрученіе. Великій князь послѣ этого отправился въ Орду. Все идетъ хорошо и ладно, а между тѣмъ горе ждетъ изъ-за угла: влюбись на бѣду въ эту княжну Евдокію Булатъ-Темиръ, т. е. ея братъ, и Олегъ, князь Рязанскій. Дѣло выходитъ плохо. Задумалъ этотъ *отатарившійся* Русскій князь злую думу: дай, говоритъ, увезу княжну Евдокію — и увезъ, т. е. было-увезъ: при помощи Бориса Константиновича, князя Городецкаго, младшаго брата Дмитрія Константиновича, онъ ворвался въ Нижній Новгородъ, опустошилъ его и здѣсь-то захватилъ Евдокію, т. е. сестру свою. Онъ увезъ ее недалеко: на Волгѣ встрѣтилъ его великій князь и привелъ плѣнникомъ. Не унявшись отъ этого, онъ покусился во второй разъ: напавъ внезапно на теремъ Нижегородскаго князя, онъ съ обнаженною саблею влѣзъ въ окно, поразилъ отца, защищавшаго дочь свою, и бросился къ Евдокіи; но-въ это время узнала его няня (нужды нѣтъ, что она не видала его больше двадцати лѣтъ: няни очень памятливы, когда дѣло идетъ объ ихъ вскормленникахъ), такъ няня узнала его и закричала: «Ахъ, милосердый Богъ! да это Костя!» Костя, или Булатъ-Темиръ, услышавъ это восклицаніе, остановился: вглядываться, припоминать — точно, эти комнаты, эти лица, эта няня, отецъ, сестра — все это ему знакомое, родное. И сдѣлался онъ съ той поры Константиномъ Константиновичемъ. Не правда ли, что все это очень затѣйливо? Другой соперникъ и его и великаго князя, Олегъ Рязанскій, получившій отказъ отъ Евдокіи или лучше сказать отъ отца ея, мститъ великому князю за свою неудачу разными коварными замыслами и предательствомъ Наконецъ наступаетъ Куликовская битва и Булатъ-Темиръ, или Константинъ Константиновичъ, сражается противъ Татаръ, но смертельно-раненый, умираетъ на рукахъ отца своего. Тѣмъ это «національное представленіе» и кончится.

Нужно ли прибавлять еще что нибудь для оцѣнки этого «россійскаго сочиненія» г-на Р. Зотова? Развѣ одно: трагедія написана стихами — пятистопными ямбами безъ рифмъ — которые у г-на Р. Зотова такъ звучны, плавны, какъ напримѣръ слѣдующіе:

> *Не знаешь*, князь Димитрій Іоанычь,
> Что съ сватовствомъ къ намъ присылалъ недавно
> Олегъ Рязанскій, *и, его я зная*
> Крутой и гордый нравъ...

или вотъ еще:

> Другъ передъ другомъ намъ *хвастливой рѣчью,*
> *Угрозой и надменностью — къ чему*
> *И время и слова* безъ пользы *тратить?*

или наконецъ:

> Подайте мечь мой, шлемъ и *латы! ты*
> Скорѣй, и пр.

національное представленіе, россійское сочиненіе г. *Р: Зотова.*

Во второй и послѣдній разъ оно было

сыграно 30 того жъ мѣсяца: послѣ того оно мирно опочило въ архивѣ театральномъ... Житія его было *семь дней*.

И такъ вотъ единственная *не-бенефисная* новость на Московскомъ театрѣ въ теченіе перваго полугодія. Теперь о дебютантахъ.

Съ открытіемъ театра, при началѣ театральнаго года (послѣ великаго поста) явилось вдругъ два претендента на театральную славу, на вниманіе и аплодисменты публики — г-жа *Данилова* и г-нъ *Садовскій*. Послѣдній въ первый разъ явился на сцену 6-го Апрѣля, въ водвилѣ *Любовное зѣлье*, въ роли *Жано Бижу*; г-жа Данилова — на другой день, 7-го Апрѣля, въ водвилѣ *Жизнь* или *смерть*, въ роли *Емилія*; сказать правду, и тотъ и другая — дебютантъ и дебютантка, принадлежатъ къ числу такихъ артистовъ, отъ которыхъ театръ не выигрываетъ ничего, и о которыхъ нельзя сказать ни худаго, ни хорошаго, т. е. въ нихъ нѣтъ ничего положительно-дурнаго, хотя и положительно хорошаго ничего незамѣтно; впрочемъ перевѣсъ таланта на сторонѣ г-на Садовскаго: онъ человѣкъ молодой, и не мудрено, что при старанія, при любви къ искусству, можетъ быть для второстепенныхъ и третьестепенныхъ комическихъ ролей полезнымъ артистомъ: въ игрѣ его проглядываетъ простота, даже иногда непринужденная веселость; онъ является въ роляхъ то г-на Живокини, то г-на Ленскаго, впрочемъ не замѣняя вполнѣ ни того, ни другаго. Вслѣдъ за первымъ дебютомъ, онъ явился во второй разъ въ *Дезертерѣ* (7-го Апрѣля) въ роли *Наца*; *Хороша и дурна* (23 Апрѣля, въ роли *Емельяна*. Г-жа Данилова могла бы нравиться болѣе, еслибъ не было на московской сценѣ очаровательной г-жи Рѣпиной, и не только г-жи Рѣпиной, но г-жи Орловой, даже г-жи Сабуровой 2-й; при этихъ трехъ артисткахъ, московскій театръ, въ лицѣ г-жи Даниловой, рѣшительно ничего не выигрываетъ. Первые дебюты ея были въ водвиляхъ: *Жизнь или смерть!* (7-го Апрѣля), *Искусство платить долги* (16-го Апрѣля), *Полковникъ старыхъ временъ* (18-го Апрѣля), *Мужъ и жена* (28 Апрѣля). Главнѣйшій, но не-единственный недостатокъ г-жи Даниловой, это — какое-то жеманство, довольно непріятное; желаніе выказать всякую двусмысленность, которую напротивъ надлежало бы скрыть совершенно, щадя нравственное чувство и самого автора и зрителя. Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ видѣть это усиліе — высказать и выказать то, что могло бы произвести еффектъ при наивной, ненатяжной игрѣ и что совершенно теряетъ свою цѣну, когда въ артистѣ замѣчаешь усиліе — обратить вниманіе зрителя на извѣстное слово, извѣстную фразу. Простота и естественность суть необходимая условія изящества.

Почти въ одно время съ г-жею Даниловою и г-номъ Садовскимъ явилась новая дебютантка — г-жа Калинская, но только совершенно въ другомъ родѣ и въ другомъ амплуа: опера долго сиротѣла въ Москвѣ; г-жа Петрова — вслѣдствіе ли дѣйствительнаго недостатка въ пѣвицахъ, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ, довольно долго занимала въ операхъ первое амплуа, хотя талантомъ своимъ далеко не соотвѣтствовала условіямъ этого амплуа; наконецъ г-жа Петрова сошла со сцены — явилась г-жа Крей; плохо знакомая съ русскимъ языкомъ, г-жа Крей пробудила однакожъ жизнь въ нашей оперѣ, потому что обладала сильнымъ и довольно пріятнымъ голосомъ, знала хорошо музыку,

имѣла выгодную наружность, благородно держала себя на сценѣ; не успѣли мы ея наслушаться, не успѣла она свыкнуться надлежащимъ образомъ со сценой, утвердиться надлежащимъ образомъ въ русскомъ языкѣ, какъ вдругъ пронесся слухъ, что она оставляетъ сцену и на ея мѣсто является новая дебютантка — г-жа Каплинская. Мы не знали, радоваться или печалиться намъ, съ сожалѣніемъ ли провожать одну, или съ радостію встрѣчать другую, какъ г-жа Каплинская поспѣшила ознакомиться сама и познакомить съ собою публику, великимъ постомъ, въ концертѣ г-на Варламова. Первое впечатлѣніе, произведенное ею, было несовсѣмъ для нея выгодно: правда, въ пѣніи ея было замѣтно знаніе музыки, голосъ выработанный, но вмѣстѣ съ этимъ въ голосѣ было что-то непріятное, въ пріемахъ видна была неловкость, наружность показалась невыгодною для сцены. Впрочемъ мы не рѣшались по этому первому, мимолетному знакомству съ г-жей Каплинской, не только произносить вслухъ, но даже про себя составлять объ ней сужденіе, какъ объ оперной пѣвицѣ: г-жа Каплинская оставалась для насъ еще загадкою — до 10-го Апрѣля: здѣсь явилась она въ первый разъ въ оперѣ — *Баядерка*, въ роли Ниики. Въ этотъ разъ могли мы судить объ ней съ бо́льшею увѣренностію, и вотъ что было результатомъ нашего сужденія: если заглянуть подалѣе, т. е. вспомнить, какъ пѣвала г-жа Петрова, нельзя было не порадоваться г-жѣ Каплинской; но если сравнить ее съ г-жей Крей, то нельзя было не пожалѣть о послѣдней. Превосходя во всѣхъ отношеніяхъ г-жу Петрову, г-жа Каплинская далеко ниже г-жи Крей въ отношеніи къ силѣ, къ энергіи голоса, въ отношеніи къ глубинѣ чувства, и даже — пріятности пѣнія. Произношеніе ея не совсѣмъ чисто, также какъ и произношеніе г-жи Крей, съ тою только разницею, что у г-жи Каплинской слышенъ выговоръ польскій, у г-жи Крей — нѣмецкій. Временемъ и постояннымъ усиліемъ артистки этотъ недостатокъ скоро можетъ уничтожиться; но г-жѣ Каплинской много еще надо заботиться о томъ, чтобы усовершенствовать игру свою въ пластическомъ отношеніи, пріобрѣсти сценическую ловкость, недостатокъ которой очень замѣтенъ въ ней. Отчасти этотъ недостатокъ можно приписать непривычкѣ, незнакомству со сценой, робости первыхъ дебютовъ и т. п., но во всякомъ случаѣ г-жа Каплинская должна обратить на него все свое вниманіе. Первый дебютъ г-жи Каплинской, какъ уже мы сказали выше, былъ 10-го Апрѣля, въ роли Ниики, въ оперѣ *Влюбленная Баядерка*; 21-го Апрѣля она явилась во второй разъ, въ той же оперѣ, а 27 Апрѣля и 5-го Мая въ *Робертѣ*, въ роли Изабеллы. Публика во всѣ разы принимала дебютантку очень благосклонно и осыпала рукоплесканіями — доказательство того только, что московская публика очень благосклонна и всякому доброму началу, всякому обѣщающему дарованію, покровительствуетъ радушно. Въ эти разы съ бо́льшею увѣренностію можно было замѣтить, что со стороны искусства, зависящей отъ воли артистки, т. е. знанія музыки, старательной отдѣлки своей партиціи, г-жа Каплинская заслуживаетъ полную справедливость; но въ отношеніи къ пріятности голоса, къ энергіи пѣнія, къ силѣ чувства, глубокому увлеченію — у ней недостаетъ многаго и многаго: знатокъ музыки,

увлекающійся отдѣлкою, исполненіемъ, останется ею доволенъ; любитель музыки, непосвященный въ тайны искусства, но, при вѣрномъ слухѣ, одаренный душою воспріемлющею, не вынесетъ изъ театра ни одного звука, который запалъ бы ему глубоко въ душу. На нѣтъ суда нѣтъ: порадуемся и тому, что есть, тѣмъ болѣе, что при участіи новой артистки, московская опера, если не будетъ лучше, по крайней мѣрѣ хуже не будетъ.

Всѣ дебютанты эти начали свое поприще скромно, съ смиреніемъ подвергая себя справедливому суду публики и выбравъ для дебютовъ своихъ болѣе или менѣе важныя роли, но сообразныя съ своими силами и средствами. Не успѣли еще мы поприглядѣться къ этимъ новичкамъ, вдругъ передъ глазами нашими засіяло новое имя на театральной аффишѣ, громко раздалось въ ушахъ нашихъ и не только поразило — просто *ошеломило* насъ! Аффиша отъ 16 мая возвѣстила, что «въ четвергъ, 18 мая, данъ будетъ Гамлетъ, и что «въ *оной* драмѣ роль Гамлета будетъ играть въ первый разъ г. *Славинъ.*»

Г. Славинъ... въ первый разъ роль *Гамлета*!!! Все это такъ стѣснилось въ головѣ моей, что я долго не могъ собраться съ мыслями. Если вы любите театръ такъ, какъ я его люблю, если Гамлетъ, въ игрѣ Мочалова, производилъ на васъ такое впечатлѣніе, какое производилъ на меня — вы поймете мое изумленіе. Кто этотъ г. Славинъ? Откуда судьба послала его? Гдѣ, на какой сценѣ, пробовалъ онъ силы свои? На какой почвѣ выросъ этотъ талантъ? Какое небо его возлелѣяло? — Ни слава, ни даже молва ничего не говорила намъ объ этомъ. И мы, по крайней мѣрѣ *я*, не могли дождаться четверга, 18 мая, когда «въ *оной* драмѣ будетъ играть въ первый разъ г. Славинъ.»

Насталъ четвергъ, день представленія *оной* драмы — и пошли мы въ театръ, и сѣли, и стали смотрѣть, и стали слушать... Поднялся занавѣсъ — все утихло — вышелъ наконецъ и г. Славинъ... Но изъ г. Славина ничего однакожъ не вышло... правда, порядочный ростъ, громкой голосъ — но черты лица, но выраженіе, но мимика, все это столько похоже на гамлетовское, какъ... какъ чтобы?... какъ романъ самыхъ плохихъ подражателей на романъ Вальтера-Скотта. Въ чертахъ лица — отсутствіе всякаго выраженія, въ мимикѣ — всякаго благородства, въ голосѣ — всякаго перелива, оттѣнка души... Мы сначала долго не могли опомниться, не рѣшаясь произнести сужденія о новомъ *артистѣ* (извините за злоупотребленіе слова), мы слушали и смотрѣли со всѣмъ должнымъ вниманіемъ, сохраняя всю серьёзность человѣка, равнодушнаго къ тому, что онъ видитъ; но когда, въ 3-мъ актѣ, передъ началомъ комедіи на сценѣ, вышелъ актеръ и поклонившись, жалобнымъ голосомъ произнесъ:

Для нашего представленія
Просимъ вашего снисхожденія:
Не потеряйте терпѣнія —

невольный смѣхъ вырвался отъ души, и оцѣнка новаго дебютанта явилась сама собою. Мы просидѣли еще минутъ десять, пока г. Славинъ прокричалъ стихи:

Былъ у насъ въ чести немалой
Левъ—да часъ его пришелъ,
Счастье львиное пропало,
И теперь въ чести...

И послѣ этихъ стиховъ, такъ кста-

ти высказанныхъ новымъ дебютантомъ, вышли изъ театра.

Да, г. Славинъ произвелъ-было величайшую тревогу въ душѣ моей: двѣ ночи не могъ я уснуть покойно, — такъ занимала меня мысль о новомъ дебютантѣ: что это такое? могучій ли талантъ, который сознаетъ полноту силъ своихъ, и, юный атлетъ, съ перваго раза хочетъ шагнуть далеко? или бездарность, ослѣпленная самонадѣянностію, бездарность, которая берется за подвигъ Атланта и падаетъ жертвою собственнаго своего неблагоразумія? Середины здѣсь нѣтъ. Если *Гамлетомъ* началъ г. Славинъ, чѣмъ же придется ему кончить свое поприще? Чѣмъ? Послѣ перваго представленія, я уже могу отвѣчать вамъ: какимъ нибудь *Нюнинымъ* или въ этомъ родѣ чѣмъ нибудь. На третью ночь я уснулъ спокойно.

Г. Славинъ не ограничилъ подвиговъ своихъ Гамлетомъ: онъ игралъ въ *Разбойникахъ* (Карла Моора), въ *Игрокѣ* (Адольфа), говорятъ даже намѣренъ сыграть Людовика XI въ *Заколдованномъ домѣ* . . . (*)

Кромѣ означенныхъ здѣсь, другихъ дебютантовъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не было: но между тѣмъ и 9-го мая, на сценѣ *малаго театра*, явилось нѣсколько будущихъ молодыхъ артистовъ, *которые скрываются еще* застѣнами школы. Піеска *Любовное Зелье или цирюльникъ-стихотворецъ*, была разыграна въ этотъ разъ, за исключеніемъ г-жи Кашиной, воспитанниками и воспитанницами театральной школы. Изъ нихъ г-жу *Михайлову* видѣли мы прежде, въ роли швеи, въ піесѣ: *Принцъ-Маляръ*, гдѣ она обратила на себя вниманіе наше пріятною игрою, пріятнымъ голосомъ, и выгодною для сцены наружностію. Въ этотъ новый дебютъ она еще болѣе убѣдила насъ въ томъ, что въ ней есть талантъ и что заботы, употребленныя на дальнѣйшее образованіе ея, вознаградились бы достаточно. Г. Шванъ, котораго мы видѣли и прежде въ незначительныхъ комическихъ роляхъ, сыгралъ въ этотъ разъ роль Лаверже весьма отчетливо, умѣлъ придать ей и надлежащій характеръ и непринужденную веселость. Г. Бобовскій особенно порадовалъ насъ простотою, наивностію игры своей, которою мы совѣтывали бы ему дорожить какъ можно болѣе на будущее время, не увлекаясь ни натяжными фарсами, ни поддѣльнымъ комисмомъ. Г-жа *Павлова* въ роли Жоржеты также заслужили одобреніе публики.

Этотъ спектакль еще болѣе могъ убѣдить всѣхъ и каждаго въ необходимости имѣть при театрѣ училище, въ которомъ образовывались бы будущіе артисты, съ малыхъ лѣтъ приготовляясь къ своему званію, пріучаясь къ сценѣ, изучая искусство на опытѣ, въ тѣхъ образцахъ, какіе видятъ они передъ собою въ лицѣ заслуженыхъ артистовъ. Сдѣлаться вдругъ актеромъ, по крайней мѣрѣ хорошимъ актеромъ — невозможно, такъ же точно, какъ невозможно вдругъ сдѣлаться музыкантомъ, живописцемъ и т. п.; всякое искусство имѣетъ свою азбуку, свою школу, которую надо пройдти отъ самаго начала, чтобы дойдти до конца. Иначе, сценическое искусство ниже всѣхъ другихъ, и всякой, кто только умѣетъ читать, можетъ выучить роль, чувствуетъ въ себѣ охоту къ театру, — безъ предварительнаго изученія, безъ всякаго приготовленія, всякой можетъ

(*) Извѣстіе о г-нѣ Славинѣ сообщено автору этой статьи отъ постороннаго рецензента.

прямо изъявить претензіи свои на званіе артиста и требовать себѣ дебюта. Съ такими понятіями о сценическомъ искусствѣ театръ никогда не будетъ имѣть артистовъ выше г. Славина.(*)

Вотъ всѣ *новыя явленія* московскаго театра за первое полугодіе. Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторые замѣчательнѣйшіе спектакли, въ теченіе сего времени.

1 го Января дана была комедія *Сватьба Фигаро*, возобновленная въ концѣ прошедшаго года, въ бенефисъ г. Ленскаго. Эта комедія и въ нынѣшній разъ игранная по переводу г. Баркова, нѣсколько устарѣвшему, но довольно вѣрному и ловкому, лежала подъ спудомъ въ московскомъ репертуарѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда въ роли Фигаро являлись покойный Сабуровъ, и въ прежній пріѣздъ свой въ Москву, г. Сосницкій. Не смотря на опасное соперничество, г. Ленскій не упалъ духомъ и выполнилъ роль Фигаро съ большимъ успѣхомъ, такъ что во многихъ сценахъ онъ не только не уступалъ, но едва ли не былъ превосходнѣе своихъ предшественниковъ, если взять игру ихъ по частямъ. Вообще въ игрѣ его было замѣтно стараніе, изученіе роли, отчетливость въ отдѣлкѣ, а это показало, что г. Ленскій *можетъ* сдѣлать, когда захочетъ. Сцены, въ которыхъ видно хитрость, или которыя оживлены ироніей, были имъ ведены съ большимъ искусствомъ. Роль Сусанны выполнена г-жею Рѣпиною въ совершенствѣ; не говоря о сценахъ веселыхъ, игривыхъ, живыхъ, въ которыхъ г-жа Рѣпина всегда неподражаема, сцены согрѣтыя чувствомъ, одушевленныя страстію, выполнены ею со всею художественною четливостію, съ сохраненіемъ малѣйшихъ оттѣнковъ. Надо сказать правду, г-жа Рѣпина есть явленіе необыкновенное на нашей сценѣ: мы видѣли много такихъ артистокъ, которыя нравятся и увлекаютъ, пока онѣ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, но потомъ, слабѣя мало по малу, пользуются знаменитостію — если только пользуются ею—по *воспоминанію*. Г-жа Рѣпина напротивъ, съ лѣтами какъ будто укрѣпляется болѣе и болѣе: тѣ, которые видѣли ее лѣтъ пять-шесть тому назадъ, не узнаютъ, увидѣвъ ее снова послѣ такого долгаго промежутка времени: опытность и изученіе развиваютъ талантъ ея болѣе и болѣе, любовь къ искусству поддерживаетъ то, что мы называемъ въ артистѣ сценическою жизнію, а внутренній, дарованный отъ природы огонь, постоянно одушевляетъ художническую игру ея. — Роль пажа Серафима сыграна очень мило г-жей Орловой: живой, вѣтренный юноша, мечтатель наивный, готовый влюбиться и высказать любовь свою первому встрѣтившемуся существу — и графинѣ, и Сусаннѣ, и даже Марцеллинѣ, престарѣлой дѣвѣ — этотъ рѣзвый, веселый, милый характеръ былъ переданъ г-жей Орловой очень хорошо. Г. Щепкинъ въ роли садовника, а г. Потанчиковъ въ роли судьи *Тестадура* были такъ хороши, что лучше желать нельзя. Вообще, піеса обставлена и слажена прекрасно, за исключеніемъ развѣ г. Мочалова (графа), которому роль не по характеру, а потому и выполнена была не совсѣмъ хорошо. — Пьеса эта дана была еще разъ въ это полугодіе — 25-го Апрѣля.

15 Января — *Горе отъ ума*, и 2 февраля — *Ревизоръ*. И та и другая комедіи принадлежатъ въ Москвѣ къ такого рода явленіямъ, которыя возбуждаютъ много и много думъ во всякомъ мыслящемъ любителѣ театра. Странное дѣло! Тамъ, гдѣ не всегда удается видѣть хорошо-слаженный

(*) Сообщено.

въ цѣломъ легонькій водевиль, тамъ двѣ эти комедіи, лучшія и, можно сказать, единственныя художественныя произведенія русской Таліи, разыгрываются почти съ совершенствомъ всѣми дѣйствующими лицами, отъ перваго до послѣдняго; тѣ самые актеры, которыхъ прежде вы не замѣчали или даже замѣтить не могли, здѣсь являются превосходными артистами, художнически - создавшими роли свои. Передъ вами живая картина, рядъ вѣрныхъ портретовъ, или лучше сказать не портретовъ, не копій, а лицъ, творчески созданныхъ. Всякой артистъ имѣетъ здѣсь свое значеніе, свой смыслъ, всякой на своемъ мѣстѣ. Отчего это? оттого во-первыхъ, что эти комедіи суть творческія произведенія, что эти лица суть дѣйствительно-живыя лица; оттого во-вторыхъ, что дѣйствіе взято изъ міра близкаго, знакомаго, повседневнаго, такъ сказать. Это послѣднее обстоятельство служитъ лучшимъ отвѣтомъ на возраженіе тѣхъ, которые говорятъ, что комедія Гоголя есть будто бы фарсъ высокаго комическаго таланта, но не живое, реальное созданіе, что такихъ людей въ наше время нѣтъ: всякая каррикатура на сценѣ выкажется еще болѣе, нежели въ чтеніи; изъ каррикатурнаго лица актеръ ничего не можетъ сдѣлать безъ фарсовъ, а комедія Гоголя, напротивъ, при фарсахъ становится скучна, что мы извѣдали на опытѣ — въ другое время и въ другомъ мѣстѣ... Сообразивъ все это, нельзя не согласиться, что — первое, талантъ сценическій может развиваться только черезъ изученіе творческихъ драматическихъ произведеній, и что — второе, тамъ, гдѣ творческія произведенія, подобныя *Горю отъ ума* и *Ревизору*, разыгрываются безъ успѣха или съ весьма слабымъ успѣхомъ, тамъ нѣтъ сценическихъ талантовъ, или эти таланты очень незначительны.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что роль Щепкина въ Ревизорѣ, за отсутствіемъ его, занималъ одинъ разъ г. Рославскій, а другой г. Потанчиковъ. Со Щепкинымъ сравнивать мы ихъ не станемъ, потому что въ этихъ роляхъ онъ превосходенъ безъ сравненія, но между тѣмъ и г. Рославскій и г. Потанчиковъ, особенно послѣдній, выполнили роль эту весьма успѣшно, всякой сообразно своему понятію, своимъ средствамъ и силамъ, и какъ тотъ, такъ и другой заслужили одобреніе публики. *Горе отъ ума* повторялось еще 30 іюля, а *Ревизоръ* 11-го апрѣля и 2-го іюня.

Отъ комедіи до драмы и трагедіи, какъ отъ великаго до смѣшнаго, только одинъ шагъ: да, и здѣсь это выраженіе — отъ великаго до смѣшнаго, справедливо не случайно, нѣтъ, справедливо дѣйствительно: драма и трагедія въ наше время, Богъ знаетъ отчего, стали смѣшны на сценѣ, но *на сценѣ*, замѣтьте; не говоря уже о выраженіяхъ — *онъ впалъ въ трагедію, это трагедія* (c'est de la tragèdie), выраженіяхъ, которыми нерѣдко обозначаютъ дурную, неестественную, напыщенную игру актера, сколько разъ случается до слезъ смѣяться въ трагедіи, если только смѣхъ этотъ не перетянетъ зѣвота! И съ другой стороны, развѣ комедія не выжимала у васъ слезъ — хоть бы «Горе отъ ума,» напримѣръ, или «Сватьба Фигаро;» — не исторгала изъ души вашей глубокаго вздоха, отзывающагося грустію — хоть бы «Ревизоръ»? А какъ пораздумаешься въ иной разъ, право не шутя спрашиваешь и самого себя и готовъ спросить другихъ: «да почему жъ «Ревизоръ» — комедія? Почему это не драма, по крайней мѣрѣ?» Впрочемъ, если преслѣдовать этотъ вопросъ серьёзно, не мудрено

зайти слишкомъ далеко: пожалуй *иныхъ* и это сомнѣніе покажется смѣшно; и такъ оставимъ дальнѣйшее сужденіе объ этомъ предметѣ до другаго мѣста, когда будетъ больше мѣста, и до другаго времени, когда будетъ больше времени.

Но что сказать о драмѣ и трагедіи? То и другое нынче не въ ходу: кто виноватъ? Ужъ конечно не публика, потому что въ публикѣ, которая всегда права, составляется общее мнѣніе, а это общее мнѣніе *не выражается*, но *высказывается*: голоса не слышно, а дѣйствіе видно. Толпа предпочитаетъ драмѣ и трагедіи — оперу, балетъ: найдите же причины такого предпочтенія, и не вините публику въ томъ, въ чемъ она не виновата. Какія же причины неуспѣха драмы и трагедіи въ наше время, или, скажемъ ограниченнѣе, на нашей Московской сценѣ? — Почему опера и балетъ предпочтительно посѣщаются публикой?—Кромѣ внутреннихъ причинъ такого предпочтенія, причинъ скрывающихся можетъ въ самомъ характерѣ нашей эпохи, одна изъ главныхъ причинъ есть причина внѣшняя, и, можно сказать, случайная — недостатокъ талантовъ. Мочаловъ, Мочаловъ и опять таки Мочаловъ — какъ хотите, однимъ артистомъ, хоть онъ и великій артистъ, не можетъ держаться трагедія, когда прочее, окружающее этого артиста, ниже посредственности, когда піеса обставлена безъ всякаго, не только старанія, но даже вниманія, когда наконецъ какой нибудь г. Славинъ является на сцену съ претензіей на амплуа перваго трагическаго актера. Что жъ остается дѣлать въ такомъ случаѣ? Или смѣяться или зѣвать — а когда не хотите ни того, ни другаго, ступайте смотрѣть балетъ, гдѣ все слажено тщательно, гдѣ на сцену не выпустятъ такого танцовщика, или такую танцовщицу, которые не умѣютъ ступить шагу, какъ это бываетъ въ драмѣ и въ трагедіи. Вотъ почему, когда приходится говорить о драмѣ или трагедіи, говоришь только о Мочаловѣ: ему обязаны мы минутами нашихъ лучшихъ театральныхъ наслажденій и онъ одинъ пока будетъ предметомъ нашихъ похвалъ и нашей благодарности. *Гамлетъ*, *Король Лиръ*, *Разбойники*, *Скопинъ-Шуйскій*, *Честь*, *или Смерть*, *Иголкинъ* — вотъ тѣ піесы, въ которыхъ являлся онъ въ теченіе сего полугодія, привлекая въ театръ хотя не многихъ, но истинныхъ любителей искусства.

Опера на Московской сценѣ замѣтно приковываетъ къ себѣ болѣе и болѣе вниманіе публики. *Аскольдова могила*, *Робертъ*, *Цампа*, *Влюбленная Баядерка*, *Черное домино*, *Принцъ-маляръ*, *Почтальонъ*, *Волшебный стрѣлокъ*, *Невѣста лунатикъ*, *Норма*, *Монтеки и Капулетти*, *Невѣста* (Скриба), вотъ какими піесами разнообразился оперный репертуаръ московскаго театра. Изъ нихъ — *Аскольдова могила*, а потомъ *Робертъ* и *Цампа* являлись на репертуарѣ чаще другихъ. Украшеніемъ почти всѣхъ этихъ оперъ постоянно былъ г. Бантышевъ, одаренный чуднымъ, очаровательнымъ голосомъ: что, еслибы этотъ голосъ да былъ еще обработанъ надлежащимъ образомъ! Г. Бантышевъ могъ бы занять одно изъ первыхъ мѣстъ между лучшими пѣвцами Европейскими, тѣмъ болѣе, что — по странному игру случая — хорошій теноръ есть чрезвычайно рѣдкое явленіе въ современномъ *поющемъ* мірѣ. Впрочемъ надо отдать справедливость г. Бантышеву: въ последнее время онъ обогатилъ репертуаръ свой нѣсколькими новыми, прекрасно имъ выполненными ролями, какъ въ

музыкальномъ, такъ и въ сценическомъ отношеніяхъ. Не говоря о роли Торопа въ Аскольдовой могилѣ, піесѣ, которая, надо сказать правду, имъ только и держится, и въ которой онъ достигъ крайней степени совершенства, не говоря о его партиціяхъ въ Робертѣ, въ Цампѣ, и другихъ прежнихъ операхъ, нельзя не упомянуть о роляхъ его въ *Черномъ домино*, въ *Принцъ-маляръ*, и нѣкоторыхъ другихъ, превосходно выполненныхъ имъ въ послѣднее время. Если справедливы слухи, что г. Бантышевъ оставляетъ сцену, то Московская опера въ лицѣ его понесетъ потерю невознаградимую. Вмѣстѣ съ г. Бантышевымъ, хотя и не въ равной съ нимъ степени, раздѣлялъ любовь и одобреніе публики г. Лавровъ. И его одарила природа голосомъ рѣдкимъ, хоть этотъ голосъ также не выработанъ искусствомъ; но съ прекраснымъ голосомъ г. Лавровъ не соединяетъ сценической игры, между тѣмъ какъ г. Бантышевъ обладаетъ замѣчательнымъ комическимъ талантомъ. Притомъ въ г. Лавровѣ замѣтенъ весьма важный недостатокъ въ произношеніи, недостатокъ, который много вредитъ ему: не смотря на громкій, сильный голосъ, произношеніе у него такъ глухо, звуки такъ слиты, что вы съ трудомъ можете понять не только что поетъ, но даже что говоритъ г. Лавровъ на сценѣ. Второстепенныя роли въ операхъ занимали гг. Стрѣльскій, Сахаровъ и Щепинъ, каждый съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Изъ пѣвицъ, кромѣ г-жъ Крей и Каплинской, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, упомянемъ о г-жѣ Совицкой: хотя она не обладаетъ богатымъ голосомъ, но московская опера безъ нея обойтись не можетъ.

Говоря объ оперѣ, замѣтимъ разницу въ этомъ отношеніи между Москвой и Петербургомъ. Уступая можетъ быть, сѣверной столицѣ въ оперѣ лирической—и богатствомъ средствъ, и великолѣпіемъ постановки, и оркестровкой самой, Москва далеко выше Петербурга въ отношеніи къ комической оперѣ. Невѣста (Скриба), Черное домино, Принцъ-маляръ, Почтальонъ самая Аскольдова могила — оперы, которыя или вовсе не даются въ Петербургѣ или не имѣли тамъ никакого успѣха, на Московской сценѣ держатся постоянно и разыгрываются съ большимъ успѣхомъ. Здѣсь снова надобно упомянуть о г-жѣ Рѣпиной, которая служитъ украшеніемъ всѣхъ этихъ оперъ, придавая имъ жизнь своею неподражаемой игрою.

Отъ оперы перейдемъ къ водвилю. Эти рѣзвыя произведенія легкаго пера и легкаго таланта, затопляющія не одну русскую сцену, постоянно разнообразятъ репертуаръ нашего театра, являясь объ руку и съ трагедіей, и съ драмой, и съ комедіей, и съ оперой, и съ балетомъ—и съ чѣмъ вамъ угодно. Когда стоитъ на аффишѣ имя г-жи Рѣпиной, или гг. Щепкина, Живокини—ступайте смѣло въ театръ, хоть бы весь спектакль состоялъ изъ однихъ водевилей. Вы убѣдитесь здѣсь, что «*водевиль есть вещь*», и что его можно смотрѣть съ удовольствіемъ. *Жизнь или смерть*, *Дезертеръ*, *Мужъ въ каминѣ, а жена въ гостяхъ*, *Титулярные совѣтники*, *Хороша и дурна*, *Любовное зелье*, *Гусарская стоянка*, *Мужъ въ бѣдѣ*, *Полковникъ старыхъ временъ*, *Кеттли*, *Маскарадъ въ клубѣ*, *Скряги въ тискахъ*, и проч. и проч. и проч.— все это пестрѣло и пестрило театральныя аффиши, забавляло, смѣшило публику, заслуживало рукоплесканія, *браво* и *фора*, игралось, забывалось и повторялось—однимъ словомъ жило на репертуарѣ и оживляло репертуаръ.

Вотъ отчетъ, по возможности полный, обо всемъ, что въ теченіе пер-

ваго полугодія являлось на Московской сценѣ — говорило и пѣло, пѣло и говорило. Отдавши въ своемъ мѣстѣ справедливость заслуженнымъ артистамъ московской труппы, пріобрѣтшимъ уже общее уваженіе — гг-мъ Щепкину, Мочалову, Бантышеву, Лаврову и пр., г-жамъ Рѣпиной, Львовой-Синецкой и пр., упомянемъ о другихъ, или съ успѣхомъ продолжающихъ свое поприще или недавно съ успѣхомъ на него выступившихъ.

Г. Живокини, одаренный несомнѣннымъ и весьма замѣчательнымъ комическимъ талантомъ, что-то рѣдко являлся на сцену во все это время, да и то, большею частію мы съ нимъ *перечитывали зады*, т. е. повторяли старое, а вновь почти ничего не сдѣлали. Всегда живой, веселый, игривый, онъ во всякой роли смѣшитъ зрителей, хотя очень часто возбуждаетъ справедливыя нареканія критики за неумѣренную свободу на сценѣ и за грубые фарсы. Обо всемъ этомъ говоримъ мы съ сожалѣніемъ, потому что въ правѣ ожидать отъ г. Живокини очень много.

Г. Потанчиковъ постоянно былъ хорошъ въ роляхъ старыхъ отцовъ (Миллеръ, въ *Коварство и любовь*), резонеровъ и т. п. и въ роляхъ простаковъ, наивныхъ глупцовъ, и пр.

Г-нъ П. Степановъ, неподражаемый въ роляхъ, стариковъ, гримовъ и каррикатуръ, постоянно былъ превосходенъ въ князѣ Тугоуховскомъ (Горе отъ ума), въ Судьѣ (Ревизоръ), въ Артистѣ (Едуардъ). Будь подобный талантъ на какой нибудь Парижской сценѣ, для него написали бы десятки ролей, а наши гг. драматическіе писатели или лѣнятся, или не хотятъ воспользоваться такимъ дарованіемъ для своихъ піесъ.

Г. Орловъ, неподражаемый въ Скалозубѣ, въ Осипѣ, и подобныхъ роляхъ, возведенныхъ имъ на степень художническаго творчества, являлся иногда въ трагическомъ и драматическомъ амплуа, не пользуясь здѣсь однако жъ такимъ успѣхомъ, какъ въ амплуа комическихъ.

Г. Ленскій, съ успѣхомъ выполнившій двѣ новыя для него роли — Фигаро и Принца Оттона (въ *Честь или Смерть!*), болѣе всего участвовалъ въ водвиляхъ, заслуживая особенное одобреніи публики въ роляхъ холодныхъ, требующихъ умной, отчетливой игры.

Г. Никифоровъ являлся на сценѣ безпрестанно, трудился усердно, и не смотря на однообразіе своего таланта, постоянно заслуживалъ одобреніе публики.

Г. Самаринъ, молодой актеръ съ дарованіемъ, сыгралъ нѣсколько новыхъ ролей, удостоившись особеннаго вниманія публики въ Питерѣ Гродскерѣ (*Дѣдушка Русскаго флота*), Артурѣ (піеса подъ тѣмъ же названіемъ), Молчалинѣ (*Горе отъ ума*) и и. др. Роли Ревизора и Чацкаго были выполняемы имъ съ замѣтнымъ стараніемъ и отчетливостію. Отъ него зависитъ успѣхъ дальнѣйшій, т. е. постоянное стараніе, любовію согрѣтое изученіе искусства и — весьма важное дѣло — испытаніе силъ своихъ въ роляхъ болѣе важныхъ, сообразныхъ однако жъ съ средствами и силами.

Изъ артистокъ — г-жа Сабурова 1, являясь въ комедіяхъ, операхъ и водвиляхъ, вездѣ съ успѣхомъ выполняла роли пожилыхъ, сварливыхъ дамъ, сплетницъ и т. п. Лучшія роли ея изъ новыхъ были роль Гіацинты (въ *Черномъ домино*) и г-жи Шрейенъ (въ *Честь или смерть!*)

Г-жа Орлова — въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ, комическихъ операхъ и водвиляхъ замѣтно съ

постояннымъ рвеніемъ, совершенствовала игру свою. Роли Корделіи (въ *Король Лиръ*), Лизаветы Петровны (въ *Пятидесяти-лѣтнемъ дѣдушкѣ*), Пажа Серафима (въ *Фигаро*) были лучшими изъ ея новыхъ ролей.

Г-жа Сабурова 2-я съ успѣхомъ участвовала во многихъ водвиляхъ и небольшихъ драмахъ — *Дѣдушка Русскаго флота*, *Иголкинъ* и н. д. Въ ней замѣтно дарованіе, которое еще очень молодо.

Упомянемъ еще о гг. Усачевѣ, Богдановѣ 2, г-жѣ Кашиной, Стрѣльской, съ болѣе или менѣе замѣчательнымъ успѣхомъ участвовавшихъ въ разныхъ піесахъ, и — засвидѣтельствуемъ всѣмъ прочимъ свое глубочайшее почтеніе.

Изъ пріѣзжихъ артистовъ Петербургскихъ въ это полугодіе никого не было. Изъ непринадлежащихъ къ труппѣ Московской, участвовала два раза въ спектаклѣ г-жа Щепкина въ роли Катерины Петровны, въ драмѣ: *Пятидесятилѣтній дѣдушка*, въ водевилѣ: *Поддѣльная Швейцарія*. (См. «Репертуаръ Русскаго Театра» за Августъ мѣсяцъ, въ отчетѣ о Московскомъ театрѣ, стр. 8). Изъ Московской труппы выбылъ въ семъ году г. Вышеславцевъ.

Мы говорили до сего времени о тѣхъ драматическихъ представленіяхъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ репертуару русскаго театра, какъ произведенія на *русскомъ языкѣ* писанныя и игранныя; но ничего не сказали о томъ родѣ спектаклей, который обходится безъ языка, не только Русскаго, но и всякаго, языка словеснаго по крайней мѣрѣ: мы разумѣемъ *балеты*. Говорить ли объ нихъ? Впрочемъ почему же и не сказать нѣсколько словъ для полноты нашего отчета?

Оживленный талантомъ г-жи Санковской, балетъ сдѣлался въ послѣднее время едва ли не самымъ любимымъ театральнымъ зрѣлищемъ Московской публики: по крайней мѣрѣ, никакой другой родъ спектаклей не приноситъ такихъ сборовъ, не обставляется съ такою роскошью, и не посѣщается съ такою любовію. Два балета въ это полугодіе постоянно привлекали вниманіе публики — Сильфида и въ особенности Дѣва Дуная. Въ обоихъ г-жа Санковская была постоянно очаровательна, такъ что многіе, видѣвшіе даже Тальйони, смотрятъ и засматриваются на г-жу Санковскую, съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и на знаменитую ея наставницу. Мы должны быть признательны дирекціи Императорскихъ Московскихъ Театровъ, которая не пощадила никакихъ издержекъ на великолѣпную постановку этихъ двухъ балетовъ. Балетная труппа Московская пріобрѣла въ концѣ прошедшаго года новаго, полезнаго артиста въ лицѣ г. Гернно, который явился въ первый разъ въ Дѣвѣ Дуная (18 Декабря).

9-го Іюня, въ театрѣ Петровскаго Парка, возобновленъ старый балетъ *Игры Париса*, который былъ поставленъ изъ воспитанницъ Театральнаго Училища Балетмейстеромъ Императорскихъ Театровъ г-номъ Гернно. Между юными питомицами Терпсихоры обращаютъ на себя особенное вниманіе г-жи Санковская 2 и Оттаво 2.

Говоря о Московскомъ балетѣ, считаемъ обязанностію прибавить, что кромѣ г-жи Санковской 1, Московская балетная труппа имѣетъ прекрасную танцовщицу въ лицѣ г-жи Ворониной-Ивановой, танцы которой особенно отличаются энергическою жизнію, огнемъ и граціею.

Изъ балетной труппы выбылъ г. Каре, ангажированный въ прошедшемъ году на одинъ годъ.

Заключимъ наше обозрѣніе статистическими выводами.

Въ теченіе сего полугодія на трехъ Московскихъ театрахъ — Большомъ, Маломъ и театрѣ Петровскаго парка — дано представленій:

Съ 1-го Января по 5-е Февраля (т. е. дня закрытія театровъ передъ постомъ	39
Съ 3-го Апрѣля (дня открытія театра послѣ поста) до 1-го Іюля	67
Всего	106
Изъ сего числа бенефисныхъ спектаклей было	6
Съ 1-го Января по 1-е Іюля дано было: комедій (всѣхъ въ сложности)	23
драмъ и трагедій	29
оперъ	21
водвилей	69
балетовъ	16
Вновь поставленно на сцену въ этомъ полугодіи:	
драмъ и трагедій	7
оперъ	2
водвилей	7
Итого	16

Изъ всѣхъ этихъ піесъ собственно дирекціей поставлена была одна *трагедія*, а прочія 15 піесъ бенефиціентами.

Болѣе всѣхъ доставилъ московскому театру въ этомъ году г. Полевой — 3 піесы; спектаклей, въ которыхъ давались его піесы, было 15. Изъ другихъ авторовъ доставлены театру г. Бѣлинскимъ —, г. Зотовымъ —1, г. Өедоровымъ —1, г. Коровкинымъ — 1, неизвѣстными — 5.

Возобновлены дирекціею *одинъ* балетъ и *одна* опера.

Изъ старыхъ піесъ чаще всѣхъ игрались піесы г. Ленскаго, — 20.

Эти результаты, повидимому незначительные, да не вводятъ въ заблужденіе тѣхъ, которые поспѣшилибы дѣлать по нимъ свои заключенія. Здѣсь представленъ отчетъ за *первое полугодіе*, т. е. конецъ зимы, весну и лѣто, — время, всегда небогатое новостями, которыя сберегаются обыкновенно къ осени и къ первой половинѣ зимы. Мы бы могли сказать много утѣшительнаго о будущемъ, но если мы все выскажемъ напередъ, что останется на долю того, кто будетъ писать отчетъ за *второе полугодіе*?

*Л. Л.**

* Статья эта составлена частію изъ замѣчаній, собранныхъ на мѣстѣ, а частію изъ извѣстій, сообщенныхъ корреспондентами. Годовые выводы составлены по соображеніямъ, изъ театральныхъ аффишъ за все полугодіе.

РЕПЕРТУАРЪ
С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.
1839 года,
Съ 15 по 31 Августа.

С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

16. *Ал. т.* Двѣ женщины противъ одного мужчины, вод. въ 1 д. Архиваріусъ, вод. въ 1 д. Чиновникъ по особымъ порученіямъ, вод. въ 1 д. Первое Іюля въ Петергофѣ, вод. въ 1 д.
Бол. т. Танкредъ, опера въ 2 д. Мельники, бал. въ 1 д.
17. *Ал. т.* Ревизоръ, ком. въ 5 д. Горе отъ тещи, ком. въ 1 д.
18. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д. 1-е дѣйствіе, оперы Влюбленная Баядерка.
Ал. т. 1-е дѣйствіе истор. были Иголкинъ, куп. Новогород. Русскій человѣкъ добро помнитъ, др. быль въ 1 д. Любовное зелье, вод. въ 1 д. Домъ на Петерб. стор. вод. въ 1 д.
20. *Бол. т.* Капулетти и Монтеки, опера въ 4 д.
Ал. т. Кремневъ, Русскій солдатъ, драм. пред. въ 3 д. Бабушка и внучка, вод. въ 1 д.
21. *Ал. т.* Матушкина дочка, вод. въ 1 д. Будьте здоровы, вод. въ 1 д. Архиваріусъ, вод. въ 1 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д.
22. *Бол. т.* Семирамида, оп. въ 2 д.
Ал. т. Рука Всевышняго отечество спасла, тр. въ 5 д. Имянины благодѣтельнаго помѣщика.
23. *Бол. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 2 д.
24. *Бол т.* Бронзовый конь, опера въ 3 д.
25. *Бол. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 2 д.
Ал. т. Смерть или честь! др. въ 5 д. Барышня крестьянка, вод. въ 2 д.
27. *Бол. т.* Жизнь за Царя, опера въ 4 д.
Ал. т Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ, опер. въ 2 д. Титулярные со-

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

23. Іюля. *Пар. т.* Молодая смиренница или женщины между собою, ком. въ 1 д. Хлопотунъ, оп.-вод. въ 1 д. Семикъ, или гулянье въ Мар. рощѣ.
27. *Бол. т.* Влюбленная Баядерка, оп. въ 2 д. Полковникъ старыхъ временъ, вод. въ 1 д
28. *Пар. т.* Пятидесяти-лѣтній повѣса или Пажъ старыхъ временъ, ком.-вод. въ 1 о. Забавы Калифа, опер. въ 3 д.
30. *Пар. т.* Горе отъ ума, ком. въ 4 д.
17. Августа. *Бол. т.* Цампа, морской разбойникъ, оп. въ 3 д.
18. *П. П.* Ревизоръ, ком. въ 5 д.

20. *П. П.* Подложный кладъ, ком. въ 1 д. Купеческая дочь, вод. въ 1 д. Дивертиссементъ.

21. *Бол. т.* Тоска по родинѣ, опер. въ 3 д. слова М. Н. Загоскина, музыка А. Н. Верстовскаго (въ 1-й разъ).

22. *М. т.* Дѣдушка Русскаго флота, истор. быль въ 1 д. Фениксъ или утро журналиста, вод. въ 1 д. Филатка и Мирошка, интерм. въ 1 д.

24. *Бол. т.* Тоска по родинѣ, опер. въ 3 д. (въ 2-ой разъ).
25. *Бол. т.* Тоска по родинѣ, опер. въ 3 д. (въ 3-й разъ).

вѣтники въ домаш. быту, вод. въ 1 д. Двѣ женщины противъ одного мужчины, вод. 1 д. Невозможный бракъ, вод. въ 1 д.

28. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д. 1-е д. опер. Севильскій цирюльникъ.

30. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.

Ал. т. Кремневъ, Русскій солдатъ, др. пред. въ 3 д. Женихъ на расхватъ. вод. въ 1 д. Таинственный гость, вод въ 1 д.

31. *Ал. т.* Мальвина, ком. въ 2 д. Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ, опер. въ 2 д. Отецъ, какихъ мало, вод. въ 1 д.

—

Образцы портретовъ Гг. Сосницкаго и Щепкина, гравированные въ Лондонѣ Гобертомъ для Русскаго Репертуара, получены; самые же портреты получатся въ теченіе Сентября и будутъ розданы при слѣдующихъ книжкахъ.

—

Въ прошедшемъ No. вкралась ошибка въ *Балладѣ* Пушкина. Партія написана Дюромъ для баса, а не для Сопрано, и въ нотахъ долженъ быть басовой ключь вмѣсто скрипичнаго, какъ напечатано въ нотахъ.

—

Въ слѣдующихъ книжкахъ будетъ помѣщена Біографія извѣстнаго артиста В. М. Самойлова. Портретъ его пошлется для гравированія въ Лондонъ и выдетъ въ будущемъ году.

—

Въ Октябрьской книжкѣ будетъ напечатана новая драматическая піеса Н. А. Полеваго: *Мельникъ, колдунъ, обманщикъ, и сватъ*, и которая будетъ дана въ первой разъ въ половинѣ Сентября, въ бенефисъ г-жи Сосницкой. Къ той же книжкѣ будетъ приложенъ Вальсъ извѣстнаго Ланнера (Werberwalzer).

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ
МЕЛЬНИКА КОЛДУНА, ОБМАНЩИКА И СВАТА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Полеваго.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ, сочинитель. Г-нъ КАРАТЫГИНЪ 2.
ВАСИЛІЙ КИРИЛОВИЧЪ ТРЕДЬЯКОВСКІЙ, сочинитель .... г-нъ СОСНИЦКІЙ.
ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ЖУКОВЪ, сочинитель........... г-нъ КУЛИКОВЪ.
АННА ИВАНОВНА, воспитанница Сумарокова .... г-жа АСЕНКОВА.
АЛЕКСАНДРЪ ОНИСИМОВИЧЪ АБЛЕСИМОВЪ, переписчикъ стиховъ у Сумарокова .... г-нъ МАКСИМОВЪ 1.
БОГДАНЪ БОГДАНОВИЧЪ КНИПЕРЪ, содержатель вольнаго театра въ Петербургѣ .... г-нъ МАРТЫНОВЪ.
Слуга Сумарокова ..... г-нъ ФАЛѢЕВЪ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ квартирѣ Сумарокова, неподалеку отъ театра Книперова.

Комната, убранная порядочно. — Направо огромный столъ съ книгами и бумагами. Прямо и налѣво двери.

—

ЯВЛЕНІЕ 1.

КНИПЕРЪ И АБЛЕСИМОВЪ *(входятъ).*

КНИПЕРЪ.

Я вамъ говорю, патюшка, что этого никто не знаетъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ахъ! какъ я радъ....

КНИПЕРЪ.

Вы рады, а я не совсѣмъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Отъ чего такъ?

КНИПЕРЪ.

Отъ того, патюшка, что издержался на обстановка, и Богъ знаетъ, наградитъ ли меня сборъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

О, вѣрно!

КНИПЕРЪ.

Одна борода для Мельникъ стала мнѣ чуть не сорокъ алтынъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Что тутъ сорокъ алтынъ!...

КНИПЕРЪ.

Мельница стала 2 рубля 50 копѣйка!

АБЛЕСИМОВЪ.

Она намелетъ въ твой кошелекъ денегъ!

КНИПЕРЪ.

А если нѣтъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Повѣрь же, Богданъ Богданычъ!

КНИПЕРЪ.

Я вѣрю, патюшка, да, мнѣ чудно одно только: если вашъ оперетта такъ хорошъ, для чего же вы скрываетесь ото всѣхъ? Для чего не скажете Александру Петровичу?

АБЛЕСИМОВЪ.

Ахъ! ему-то и не надобно говорить!

КНИПЕРЪ.

Это значитъ все дѣло вверхъ ножками пошло. Во первыхъ, онъ узнаетъ и можетъ осердиться...

АБЛЕСИМОВЪ.

Успѣхъ примиритъ меня съ нимъ.

КНИПЕРЪ.

Во вторыхъ, слова и покровительство такого великаго поэта могли бы защитить васъ отъ критикъ. У насъ, и вездѣ, многіе выѣзжали, когда хватались за хвостъ какой нибудь знатной человѣкъ, или великій поэтъ.

АБЛЕСИМОВЪ.

Никогда, никогда не рѣшусь на такія средства!

КНИПЕРЪ.

Очень напрасно! Гибкая спинка и ловкая ножка — одна погнется немножко, а другой шаркнетъ немножко. — О! это для молодаго сочинитель очень не дурно...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ты не поймешь меня, любезный Богданъ Богданычъ, если я стану объяснять...

КНИПЕРЪ.

Чего тутъ не понимать! Слава Богу, на мои плеча не кадушка приставлена, а голова съ мозгомъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ты начинаешь сердиться, Богданъ Богданычъ?

КНИПЕРЪ.

Будешь сердиться, когда кошелекъ грозитъ бѣда! Вѣдь всякой пьеса, какъ хлопнитъ, такъ директоръ театра лучше будетъ по щека хлопнитъ...

АБЛЕСИМОВЪ (*съ жаромъ*).

А каково въ то время сочинителю, безчувственный? Что тебѣ за бѣда? — Паденіе моего Мельника принесетъ тебѣ убытка нѣсколько рублей, а для меня убьетъ оно мою славу, мое счастіе, любовь, жизнь — все, все... кромѣ того, что ужь самое ожиданіе, страданіе до самаго успѣха.... О! это мученья, которыхъ не понятъ никому, кромѣ того, кто былъ драматическимъ писателемъ...

КНИПЕРЪ.

Слава, счастіе, любовь—все, все... что такое? (*въ сторону*) Право, всѣ сочинитель этакъ немножко дураки. Если бы можно было самимъ директорамъ писать...

АБЛЕСИМОВЪ.

Кто-то идетъ! Уйди, уйди поскорѣе, Богданъ Богданычъ, чтобъ насъ вмѣстѣ не увидали, чтобы не замѣтили...

КНИПЕРЪ.

Но, я хотѣлъ вамъ поговорить — мнѣ надобно спросить у васъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Послѣ, послѣ... *(толкаетъ его вонъ)*

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ И АННА ИВАНОВНА.

АБЛЕСИМОВЪ *(останавливаетъ Кипера)*.

А! это свои, отъ нея нечего скрываться... Ахъ! передъ ней все открыто—все, и сердце и тайны мои...

КИППЕРЪ.

Такъ барышня участвуетъ въ нашемъ секретѣ?

АННА ИВАНОВНА.

Въ томъ, что онъ вамъ отдалъ пьесу свою? Ахъ! какъ я вамъ благодарна, Богданъ Богдановичъ! Какая милая пьеса! — Посмотрите, сколько будетъ вамъ барыша!

КИППЕРЪ *(въ сторону)*.

Она знаетъ? А! тутъ есть шашни немножко! — Но я боюсь, что Александръ Петровичъ узнаетъ, а онъ такой сердитый...

АННА ИВАНОВНА.

Скажите: нравится ли вамъ опера Александра Онисимыча? Не правда ли, что она премиленькая, не правда ли?

КИППЕРЪ.

Я этого не знай, сударынь — у меня всегда та пьеса будетъ хорошъ, который сборъ даваетъ.

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! какой вы корыстолюбивый!

АБЛЕСИМОВЪ.

Вздоръ! Онъ самъ хвалилъ мою пьесу... Слушайте, Богданъ Богданычъ — идите вы къ себѣ, а я тотчасъ къ вамъ буду, тотчасъ! *(тихо)* Онъ можетъ опечалить мою милую Аннушку... *(громко)* Идите, идите, Богданъ Богданычъ... Я тотчасъ за вами.

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ КИППЕРА.

АННА ИВАНОВНА.

Что онъ такой сердитый? Развѣ ему не нравится ваша пьеса?

АБЛЕСИМОВЪ.

О, нѣтъ! да они всѣ, знаете, такіе уроды... Анна Ивановна...

АННА ИВАНОВНА.

Боже мой! Если вамъ въ самомъ дѣлѣ будетъ неудача, Александръ Онисимовичъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Неужели вы тогда меня разлюбите?

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! какъ вамъ не стыдно!... Но что жь тогда наша свадьба? Что скажетъ мой опекунъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Анна Ивановна, Аннета, Аннушка, милая моя, безцѣнная Анна Ивановна, я тогда напишу пьесу еще лучше, еще замысловатѣе... Да, вѣдь ты сама читала ее, ты хвалила...

АННА ИВАНОВНА.

Да, что же мнѣ не понравится, что дѣлаетъ мой милый Александръ Онисимовичъ? Но, я боюсь, что скажутъ другіе...

АБЛЕСИМОВЪ.

Если только ты будешь любить меня, если только .. О, да, я горы сдвину съ мѣста, если велитъ мнѣ моя милая, моя безцѣнная Аннушка, сокровище мое, жизнь моя...

АННА ИВАНОВНА.

Полноте, полноте, Александръ Онисимовичъ... Ахъ! постойте, кто-то идетъ: не опять ли этотъ несносный Петръ Ѳедоровичъ!

АБЛЕСИМОВЪ.

Эта ходячая риѳма, этотъ дуралей, этотъ риѳмачъ несносный...

АННА ИВАНОВНА.

Его любовь еще несноснѣе стиховъ его, а онъ безпрестанно надоѣдаетъ

мнѣ своею любовью, которую напѣваетъ прозой и стихами.

АБЛЕСИМОВЪ.

Но, но ... вы могли бы, сударыня, сказать ему, чтобы онъ оставилъ васъ въ покоѣ!..

АННА ИВАНОВНА.

Вотъ хорошо, когда мой опекунъ прочитъ мнѣ его въ женихи!..

АБЛЕСИМОВЪ.

Въ женихи? А вы до сихъ поръ ничего мнѣ не говорили, и теперь вы говорите это такъ равнодушно!

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! Боже мой! Да, для чего же было мнѣ сердить васъ, и будто у насъ не объ чемъ другомъ говорить, кромѣ Петра Ѳедорыча вашего?..

АБЛЕСИМОВЪ.

Вашъ онъ, сударыня, а не мой — чортъ бы его побралъ совсѣмъ!.. Ахъ! Боже мой!.. Вотъ новая бѣда ... и въ самомъ дѣлѣ — онъ и стихи пишетъ, и такой щеголь, и Александръ Петровичъ его полюбилъ, и дядя его... И она такъ говоритъ объ немъ... О! я погибъ, погибъ. Ждать мнѣ больше нечего—пойду, утоплюсь, брошусь въ Неву...

АННА ИВАНОВНА.

А вашъ Мельникъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Пусть ихъ свищутъ, хвалятъ, дѣлаютъ, что угодно... все кончено...

АННА ИВАНОВНА.

И, разумѣется, кончено: будетъ ли успѣхъ Мельнику или нѣтъ, а кромѣ моего Александра никому не будетъ принадлежать рука моя.

АБЛЕСИМОВЪ.

Какъ? Что вы говорите? Вы, Анна Ивановна, вы... (*голосъ Сумарокова за кулисами: «Да неужели еще не приходилъ Александръ Онисимычъ?»*)

АБЛЕСИМОВЪ.

Боже мой! Его голосъ! Онъ велѣлъ мнѣ переписать свою послѣднюю оду, а она еще не кончена — и я совсѣмъ было забылъ... Побѣгу!.. Не говорите, Анна Ивановна, что я здѣсь былъ, пожалуйте только ручку вашу... (*Убѣгаетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

АННА ИВАНОВНА (*одна*).

Ахъ! какой онъ сталъ взбалмошный, съ тѣхъ поръ, какъ началъ стихи писать: то сердится, то плачетъ, то смѣется, да жаль, что на него рассердиться-то нельзя... Такой онъ милый, такой добрый и такъ меня любитъ, — мнѣ кажется, я изъ него что хочу, то и сдѣлаю; да онъ же и сочинитель, и ужь, конечно, хорошій сочинитель — можетъ быть, не хуже Александра Петровича, а ужь не такой гадкой, какъ этотъ несносный Петръ Ѳедорычъ...

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢ ЖЕ И ЖУКОВЪ.

ЖУКОВЪ (*входитъ при послѣднихъ словахъ*).

Она произнесла мое имя! О радость, о восторгъ! Въ мое отсутствіе, она обо мнѣ думаетъ, обо мнѣ мечтаетъ!

АННА ИВАНОВНА (*не видя его*).

Признаюсь, этотъ Петръ Ѳедорычъ..

ЖУКОВЪ.

Онъ здѣсь, и — у ногъ вашихъ!

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! какъ вы испугали меня! Можно ли такъ подслушивать, можно ли такъ подкрадываться...

ЖУКОВЪ.

Вы были однѣ — вы такъ нѣжно произнесли мое имя...

АННА ИВАНОВНА.

Не стыдно ли вамъ подслушивать чужія рѣчи?

ЖУКОВЪ.

Онѣ были восхитительны! Амуръ ру-

ководилъ меня, Афродита вела меня— Аполлонъ внушалъ мнѣ...

АННА ИВАНОВНА.

Какъ мудрено вы говорите — я васъ не понимаю...

ЖУКОВЪ.

О! вы поймете меня, прекрасная, вы должны понять меня, несравненная... Позвольте... *(вынимаетъ бумагу)* Какой счастливый случай! Она одна, а я уже давно искалъ благопріятнаго времени... Она выслушаетъ...*(громко)* Богиня несравненная! позвольте, позвольте сердцу моему излиться въ письменномъ изъясненіи того, что его томитъ, крушитъ, сожигаетъ...

АННА ИВАНОВНА.

Мнѣ право некогда... Можетъ быть, вы долго будете читать...

ЖУКОВЪ.

Часы превратятся для васъ въ мгновенія, для изъясненія пламеннаго огня моего, любви, страсти, меня снѣдающей... Пусть языкъ боговъ замѣнитъ языкъ смертныхъ...

АННА ИВАНОВНА.

Я ужь не разъ говорила вамъ, что мнѣ рѣчи ваши слушать не годится.

ЖУКОВЪ.

Но о чемъ же говорить человѣку, если отнять у него рѣчи любви?

АННА ИВАНОВНА.

Вы поговорили бы лучше, Петръ Ѳедоровичъ, съ дядюшкою Александромъ Петровичемъ...

ЖУКОВЪ.

Нѣтъ, съ вами, съ вами долженъ я говорить... Моя Муза, скромная Муза моя, вамъ хочетъ передать свои мечты, свои радости, свои надежды...

АННА ИВАНОВНА.

Александръ Петровичъ лучше бы понялъ что вы говорите, а я, право, не знаю, что вамъ и сказать...

ЖУКОВЪ *(въ сторону)*.

То есть, она признается въ любви своей; но это, что она меня любитъ, это я давно знаю... *(вслухъ)* Вотъ, прелестная Анна Ивановна, я хотѣлъ представить вамъ мою новую эклогу...

АННА ИВАНОВНА.

Мнѣ, право, теперь слушать некогда..

ЖУКОВЪ *(въ сторону)*.

Она робѣетъ! О часъ восторга! *(вслухъ)* Въ Аркадіи, въ той блаженной странѣ, гдѣ не знали ни золота, ни чиновъ, ни прозы—тамъ жилъ нѣкогда настушокъ Аминтъ... Онъ любилъ прелестную Сильвію...

АННА ИВАНОВНА.

Вѣрно, имъ нечего было лучше дѣлать!

ЖУКОВЪ.

Въ одно майское утро, когда лучезарный Фебъ... Но, позвольте... *(начинаетъ читать)*.

АМИНТЪ.

эклога.

Уже багряная заря на небесахъ,
Предшественница дня, съ росою на устахъ,
Раззолотила сводъ небесъ улыбкой милой
Когда изъ хижины своей Аминтъ унылой...

АННА ИВАНОВНА.

Боже мой! Онъ зачитаетъ меня!

ЖУКОВЪ *(читаетъ)*.

Токъ слезный осушивъ, что ночь точился всю,
На лугъ влачилъ тоску снѣдающу свою.
Колико ясенъ день, Авророй озлащенный,
Толико грустенъ былъ въ тоскѣ Аминтъ смущенный...

АННА ИВАНОВНА *(тихо)*.

Убѣжать отъ него; онъ не замѣтитъ! *(крадется потихоньку вонъ и уходитъ)*.

ЖУКОВЪ *(съ жаромъ)*.

«О ты!» воскликнулъ онъ, жестокая краса,
Котору въ гибель мнѣ послали небеса...
Доколѣ унывать и мнѣ не знать покою,
Доколѣ буду я не милымъ предъ тобою!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЖУКОВЪ И СУМАРОКОВЪ.

СУМАРОКОВЪ *(декламируетъ и идетъ съ листомъ въ рукахъ)*.

И славой днесь твоей вселенна
Какъ солнцемъ съ высоты небесъ...

ЖУКОВЪ *(не видя его, читаетъ)*.

Рѣши мою ты страсть—воскликнулъ онъ, рѣши!

Владычица моей, и сердца, и души!

СУМАРОКОВЪ *(не видя его)*.

Во вѣки будетъ озаренна,
Твоихъ величіемъ чудесъ!

ЖУКОВЪ *(въ восторгѣ громко)*.

Рѣши, жестокая!...

СУМАРОКОВЪ *(пугаясь)*.

Ай! что такое?

ЖУКОВЪ *(отскакивая)*.

Рѣши... Ахъ!

СУМАРОКОВЪ.

Тьфу, ты братецъ — это ты, любезный Петръ Ѳедоровичъ?

ЖУКОВЪ *(роняя эклогу)*.

Извините, Ваше Превосходительство, простите.

СУМАРОКОВЪ *(подымая выпавшую у него эклогу)*.

Ба, ба, что это? Опять стихи — эклога? Ну, пріятель, хорошо! Экой злодѣй! — Въ восторгѣ и не замѣчаетъ людей — настоящій поэтъ.

ЖУКОВЪ.

Великій поэтъ не принадлежитъ къ числу другихъ людей, и тотъ, кто высокимъ даромъ своимъ заставилъ меня любить поэзію — проститъ мнѣ забывчивость восторга...

СУМАРОКОВЪ *(въ сторону)*.

Ловокъ на рѣчь!

ЖУКОВЪ.

Кто былъ въ одно время Мольеромъ и Расиномъ Россіи...

СУМАРОКОВЪ.

Ну, ну, полно! Садись-ка. Что это такое у тебя?

ЖУКОВЪ.

Простите... Видя и въ вашей рукѣ что-то такое, могу ли я думать о моихъ стихахъ!

СУМАРОКОВЪ.

Это, братецъ, у меня такъ, дрянь — первая мысль оды... намарана...

ЖУКОВЪ.

Намарана! — Да кто же послѣ того творитъ великое?

СУМАРОКОВЪ.

Мало ли кто! Вонъ теперь и Рубанъ Василій въ поэты попалъ... ха, ха, ха!

ЖУКОВЪ.

Рубанъ! Ха, ха, ха!

СУМАРОКОВЪ.

Вѣдь и покойнаго Михайла Васильевича многіе мнѣ предпочитали...

ЖУКОВЪ.

Предпочитали! Ха, ха, ха!

СУМАРОКОВЪ.

Вотъ, я еще недавно написалъ эпиграмму. — Такъ, знаешь, мимоходомъ — постой—какъ бишь она?

Пінтовъ родъ плохихъ дотоль не прекратится,
Доколь крапива въ щи не будетъ ужь годиться,
Соль съ чаемъ будутъ пить, и ракъ, что ходитъ взадъ
Идти дорогою прямою будетъ радъ...

ЖУКОВЪ.

Прекрасно! Превосходно! Позвольте списать! Ахъ, Александръ Петровичъ! ваши эпиграммы ужасны!

СУМАРОКОВЪ.

Льстецъ!..

ЖУКОВЪ.

Помилуйте! Послѣ этого вся Россія льститъ вамъ!

СУМАРОКОВЪ.

Уменъ злодѣй!.. А что, неужели ты тутъ одинъ разглагольствовалъ, когда я вошелъ...

ЖУКОВЪ.

Признаюсь... здѣсь была ваша прелестная, ваша прекрасная...

СУМАРОКОВЪ.

Воспитанница моя?

ЖУКОВЪ.

Да, она!..

СУМАРОКОВЪ.

Гдѣ же она?

ЖУКОВЪ.

Вѣроятно, упорхнула, какъ легкая птичка, замѣтя васъ...

СУМАРОКОВЪ.

Дура она — чего тутъ стыдиться? Дѣвка товаръ не такой, чтобы запирать его, и я вашей любви радъ,

радъ, что могу выдать мою любезную родственницу за человѣка, который поддержитъ доброе стихотворство въ Россіи.

ЖУКОВЪ.

О! помилуйте!...

СУМАРОКОВЪ.

Конечно, тебѣ, напримѣръ, за мной, братецъ, не угоняться, но все таки братецъ, ты человѣкъ съ умомъ, со вкусомъ, совсѣмъ непохожъ на дядюшку своего Василья Кириловича, который человѣкъ добрый, а стихотворецъ — куда плохой...

ЖУКОВЪ.

Я хотѣлъ было...

СУМАРОКОВЪ.

Что, ужь не свататься ли? Пожалуй— что мѣшкать? Но послушай-ка, пріятель, что же твои драматическіе опыты?

ЖУКОВЪ.

Признаюсь — начиналъ..

СУМАРОКОВЪ.

За драму, братецъ, надобно приниматься, за драму, за то, чему я положилъ такое твердое и незыблемое основаніе въ Россіи, что смѣло могу говорить:

Расиновъ я театръ явилъ, о Россы, вамъ!

Скаредные пiесы ползутъ теперь на вершины Пинда, хотятъ взять Россійскій Парнассъ приступомъ, и овладѣваютъ даже и театромъ: истребляется вкусъ, уничтожается смыслъ, и — признаюсь, я пріѣхалъ теперь изъ Москвы нарочно, остановить моими совѣтами, моимъ вліяніемъ, такую пагубную за разу-...

ЖУКОВЪ.

Вашъ голосъ силенъ будетъ...

СУМАРОКОВЪ (*съ жаромъ*).

Еще бы не быть ему сильну, послѣ моихъ заслугъ, послѣ моего Хорева, послѣ моего Димитрія Самозванца, моего Ярополка и Димизы, послѣ того, когда самъ г-нъ Вольтеръ писалъ ко мнѣ, послѣ того (*кашляетъ*).

ЖУКОВЪ.

Я было и началъ, но трагедія, рѣшительно, не мой родъ... Вы загородили у насъ путь трагедіи...

СУМАРОКОВЪ (*усмѣхаясь*).

Хе, хе, хе!

ЖУКОВЪ.

Я рѣшился приняться за комедію— мой родъ — смѣшное...

СУМАРОКОВЪ (*подозрительно*).

А развѣ мои комедіи тебѣ не нравятся?

ЖУКОВЪ.

Помилуйте, прелесть ... особливо нѣкоторыя — напримѣръ: «Приданое обманомъ,» гдѣ у васъ окармливаютъ опекуна ботвиньею съ гнилою рыбою и заставляютъ подписать духовную.

СУМАРОКОВЪ.

И неужели только? А мой Тресотиніусъ?

ЖУКОВЪ.

А вашъ Брамарбасъ, Фатюй, ваши Чудовищи?

СУМАРОКОВЪ (*треплетъ его по плечу*).

Вотъ, братецъ, какъ надобно писать комедіи!

ЖУКОВЪ.

Гдѣ же мнѣ, уткѣ, летать за орломъ! Но я осмѣлился въ подражаніе вамъ ..

СУМАРОКОВЪ.

Ну!

ЖУКОВЪ.

Написать нѣчто...

СУМАРОКОВЪ.

Ну?

ЖУКОВЪ.

Но, трепещу представить вамъ, не смѣю говорить, пока вы не одобрите — не смѣю и ожидать вашего одобренія...

СУМАРОКОВЪ.

Ты скромный, любезный молодой человѣкъ — Гдѣ же твоя комедія? Не бойся, давай — я буду снисходителенъ.

ЖУКОВЪ.

Она подражаніе вамъ, повторяю — тоже завязка на ботвиньи...

СУМАРОКОВЪ.

Ха, ха, ха! Вишь понравилось злодѣю!

ЖУКОВЪ.

Если позволите, я сбѣгаю домой и тотчасъ возвращусь...

СУМАРОКОВЪ.

Хорошо, ступай, а я покамѣстъ напишу строфы двѣ моей оды...

ЖУКОВЪ.

Но, напередъ, сдѣлайте милость...

СУМАРОКОВЪ.

Что толковать! Давай, неси, неси; если, братецъ, твоя комедія хороша—хоть сейчасъ по рукамъ съ Аннушкой.

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

СУМАРОКОВЪ (*одинъ*).

Вотъ, говорятъ: яблочко отъ яблони недалеко падаетъ, но онъ племянникъ Тредьяковскаго, а пишетъ стихи славно. Конечно, гдѣ жь ему съ нами тянуться, да много ли Сумароковыхъ является и въ сотни лѣтъ? Примемся однакожъ за мою оду. Этотъ стихъ: «Колико вознесенна ты — не хорошъ! — Не лучше ли: «Колико прославленна ты?» — Удареніе будетъ не на мѣстѣ! О стихи, стихи! не легко васъ писать, если писать такіе, какъ я пишу! — И такъ онъ влюбленъ въ мою Аннушку? — Пожалуй—мы и выдадимъ ее за него!

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

СУМАРОКОВЪ И АННА ИВАНОВНА.

АННА ИВАНОВНА (*она показывалась за дверьми еще при Жуковѣ, но пряталась*).

Ахъ, дядюшка!

СУМАРОКОВЪ (*разсѣянно*).

Что, милая племянница? — Не лучше ли будетъ однакожъ: «Колико освѣщенна ты?»

АННА ИВАНОВНА.

Вы за кого-то хотите меня отдать?

СУМАРОКОВЪ (*разсѣянно*).

За Петра Ѳедоровича Жукова, милая. — Или такъ: «Колико славой блещешь ты?» — Но вѣдь «блестѣть» не то, что «блистать!»

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ, дядюшка!

СУМАРОКОВЪ (*разсѣянно*).

Что опять: «Ахъ!»... Нѣтъ! Видно лучше оставить по старому!

АННА ИВАНОВНА.

Я не пойду за него! Это никуда не годится!

СУМАРОКОВЪ (*съ сердцемъ*).

Какъ никуда не годится? Что ты врешь? Разумѣется, гораздо приличнѣе сказать: «Колико вознесенна ты!»

АННА ИВАНОВНА.

Я говорю о вашемъ Жуковѣ.

СУМАРОКОВЪ (*пишетъ*).

А я думалъ о моей одѣ... Ну, такъ что жь такое о Жуковѣ? — Вѣдь ты любишь его?

АННА ИВАНОВНА.

Нѣтъ!

СУМАРОКОВЪ.

Выйдешь за него?

АННА ИВАНОВНА.

Нѣтъ!

СУМАРОКОВЪ.

Какъ? — Да, онъ самъ сказалъ мнѣ!

АННА ИВАНОВНА.

Онъ вамъ солгалъ. Я его терпѣть не могу и за него не пойду!

СУМАРОКОВЪ.

Этого нельзя. Во первыхъ, я ему почти слово далъ...

АННА ИВАНОВНА.

Вы возьмете его назадъ!

СУМАРОКОВЪ.

Эвося! Да, что, развѣ слова-то мои,

что ваши дѣвичьи клятвы въ любви? — А во вторыхъ онъ. . .

АННА ИВАНОВНА.

Дуракъ!

СУМАРОКОВЪ.

Сочинитель.

АННА ИВАНОВНА.

Прегадкій!

СУМАРОКОВЪ.

Слушай, Аннушка — я люблю откровенность и тебя принуждать не стану, во всему есть мѣра, мой другъ... Если онъ и не очень уменъ, это правда — а сочинять начнетъ — чортъ его знаетъ, откуда что берется!

АННА ИВАНОВНА.

Да, развѣ вамъ непремѣнно хочется отдать меня за сочинителя?

СУМАРОКОВЪ.

Слушай, мой другъ! — Ты не богата и за богатаго идти тебѣ и думать нечего, а за подьячаго, хоть бы и чиновнаго, я тебя не отдамъ—терпѣть не могу подьяческаго рода. Что жь? Не за купца же идти тебѣ, генеральской племянницѣ? И притомъ, отдавая тебя за сочинителя, я продолжаю въ родѣ моемъ творчество піитическое. Дочь выдалъ я за автора, а ты мнѣ хоть и дальняя родственница, но съ отцомъ твоимъ все таки были мы родные, а наипаче друзья, и быть и тебѣ женою поэта!

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ, дядюшка!

СУМАРОКОВЪ.

Что такое опять?

АННА ИВАНОВНА.

Я боюсь сказать вамъ...

СУМАРОКОВЪ.

Ужь не влюбилась ли ты въ кого нибудь?

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! я люблю!

СУМАРОКОВЪ.

Какая дерзость! Безъ моего позволенія? Вотъ что въ наше время дѣвушки изволятъ дѣлать. Да, какъ ты смѣла?

АННА ИВАНОВНА.

Вы сами похвалите мой выборъ.

СУМАРОКОВЪ.

Нарочно не похвалю, чтобы не было по твоему!

АННА ИВАНОВНА.

О Боже мой!

СУМАРОКОВЪ.

А! плакать! Ты будешь за Жуковымъ и только! Я своевольства не потерплю.

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТѢ ЖЕ И АБЛЕСИМОВЪ.

АБЛЕСИМОВЪ (*въ сторону*).

Что такое сдѣлалось? Она плачетъ — онъ сердится.

СУМАРОКОВЪ.

А, это ты братъ Аблесимовъ? — Ну, что? готово?

АБЛЕСИМОВЪ.

Готово.

СУМАРОКОВЪ.

А, славно! Этакой писака — какъ будто жемчужкомъ нижетъ! Куда же ты?

АБЛЕСИМОВЪ.

Я... боюсь... Кажется, я пришелъ не кстати...

СУМАРОКОВЪ.

Ничего! Ты свой человѣкъ — дѣвичьи слезы вода — мы перекинули съ Аннушкой о женихахъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

О женихахъ!

СУМАРОКОВЪ.

Ну, вотъ, братецъ, ты хоть молодой, но умный малый — разсуди: я желаю, чтобы она была за хорошимъ человѣкомъ, и непремѣнно за сочинителемъ... Такъ ужь я хочу!

АБЛЕСИМОВЪ.

И прекрасно хотите.

СУМАРОКОВЪ (*Аннѣ Ивановнѣ*).

Видишь? Ну вотъ, я и выбралъ ей жениха...

АБЛЕСИМОВЪ.

Выбрали жениха!

СУМАРОКОВЪ.

Да, малаго — ну, не глупаго, да за то ловкаго, стихотворца, молодаго...

АБЛЕСИМОВЪ.

Боже мой! Да кто же это?

СУМАРОКОВЪ.

Нашъ знакомецъ Жуковъ.

АБЛЕСИМОВЪ.

Жуковъ!

СУМАРОКОВЪ (*Аннѣ Ивановнѣ*).

Видишь? Вотъ и онъ подтверждаетъ мой выборъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Извините, Александръ Петровичъ, я не говорю ни слова!

СУМАРОКОВЪ.

Развѣ и тебѣ мой Жуковъ не нравится?

АБЛЕСИМОВЪ.

Мнѣ кажется, онъ самый пустой человѣкъ!

СУМАРОКОВЪ.

Что такое?

АБЛЕСИМОВЪ.

Плохой риѳмачъ!

СУМАРОКОВЪ.

Это что?

АБЛЕСИМОВЪ.

Негодяй, хвастунъ, который ногтя вашей Анны Ивановны не стоитъ!

СУМАРОКОВЪ.

Что съ тобой сдѣлалось, Аблесимовъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Извините — я люблю говорить правду! Вы не захотите несчастія своей племянницѣ — вы не отдадите ее за человѣка, котораго она терпѣть не можетъ!

СУМАРОКОВЪ.

А ты это почему знаешь?

АБЛЕСИМОВЪ.

Вы отдадите руку ея тому, кого выбрало ея сердце...

СУМАРОКОВЪ.

Что ты, братецъ? вздурился?

АБЛЕСИМОВЪ.

Простите меня, но если я заслужилъ сколько нибудь довѣріе ваше, вниманіе ваше...

СУМАРОКОВЪ.

Ты малой добрый, честный...

АБЛЕСИМОВЪ.

Если любовь и усердіе могутъ замѣнить все другое, если трудолюбіе стоитъ богатства, если счастіе вашей Анны Ивановны...

СУМАРОКОВЪ.

Да, что все это значитъ?

АБЛЕСИМОВЪ (*на колѣняхъ*).

Александръ Петровичъ! будьте отцомъ моимъ: отдайте мнѣ Анну Ивановну!

АННА ИВАНОВНА (*на колѣняхъ*).

Дядюшка! отдайте меня ему!

СУМАРОКОВЪ.

Ха, ха, ха! Ну, братъ, сцена, хоть бы въ комедію, такъ годится... Ха, ха, ха! хоть бы поэту сыграть такую штуку!

АБЛЕСИМОВЪ.

Поэту? Вашей Аннѣ Ивановнѣ непремѣнно надобно жениха поэта?

СУМАРОКОВЪ.

Именно!

АБЛЕСИМОВЪ.

И вы только потому не отдадите мнѣ руки ея, что я не пишу стиховъ?

СУМАРОКОВЪ (*хохочетъ*).

Да, именно!

АБЛЕСИМОВЪ.

Встаньте, Анна Ивановна — вы моя!

СУМАРОКОВЪ.

Какъ такъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Я поэтъ — я истинный поэтъ, котораго вдохновляетъ любовь!

СУМАРОКОВЪ.

Что ты переписываешь стихи, хорошо, это я знаю...

АБЛЕСИМОВЪ.

Нѣтъ, я самъ пишу ихъ и вы ихъ хвалили!

СУМАРОКОВЪ.

Когда? Какъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Да вотъ притча во вчерашнемъ Трутнѣ моя, пѣсенка въ Муравьѣ: «Очи дѣвы голубыя!» — моя....

СУМАРОКОВЪ.

Твои? Хорошо, не дурно! Но, но, почему же до сихъ поръ ты скрывался отъ меня?

АБЛЕСИМОВЪ.

Я хотѣлъ заслужить руку Анны Ивановны чѣмъ нибудь достойнѣйшимъ вашего вниманія.

СУМАРОКОВЪ.

Ужь не трагедіей ли?

АБЛЕСИМОВЪ.

Нѣтъ, но зная, какъ дорого цѣните вы произведенія драматическія, я написалъ родъ оперы, комедію съ пѣснями...

СУМАРОКОВЪ.

Комедію съ пѣснями?

АБЛЕСИМОВЪ.

Въ Русскомъ, новомъ, совершенно небываломъ родѣ.

СУМАРОКОВЪ.

Ну, что же?

АБЛЕСИМОВЪ.

И хочу отдать ее на театръ...

СУМАРОКОВЪ.

А имя ей?

АБЛЕСИМОВЪ.

Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ.

СУМАРОКОВЪ.

Да что же это? Стало быть, герой ея Мельникъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Точно такъ, и дѣйствіе въ деревнѣ.

СУМАРОКОВЪ.

А героиня деревенская дѣвка, женихъ ея мужикъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

На сценѣ деревенская свадьба; поютъ Русскія пѣсни...

СУМАРОКОВЪ.

И мужичекъ объясняется въ любви по своему? Да, ужь, не называютъ ли они другъ друга Ѳома, Карпушка, Сидорка, Фекла, Ѳедора?

АБЛЕСИМОВЪ.

Точно такъ.

СУМАРОКОВЪ (*хохочетъ и падаетъ въ кресла. Аблесимовъ и Анна Ивановна въ изумленіи*).

АБЛЕСИМОВЪ.

Помилуйте, Александръ Петровичъ, что жъ тутъ такого смѣшнаго?

СУМАРОКОВЪ.

Слушай, братъ, Аблесимовъ: мнѣ надобно бы на тебя разсердиться, за то, что ты завелъ съ Аннушкой такія любовныя шашни, но ты меня до того утѣшилъ своими словами, что, такъ и быть — я тебя прощаю; но племянницѣ моей за тобой не бывать!

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, не сами ли вы сказали, что у меня не доставало только одного — быть сочинителемъ?

СУМАРОКОВЪ.

Да, этого-то именно и не достаетъ... Послушай-ка ты, братъ, добраго совѣта: не говори ты никому о своемъ Мельникѣ, да сожги его — просто, растопи имъ печку!

АННА ИВАНОВНА.

Какъ, дядюшка?

СУМАРОКОВЪ.

Да, такъ, тетушка! Онъ самое сильное доказательство, что надобно сперва учиться и знать піитику, а потомъ приниматься сочинять...

АБЛЕСИМОВЪ.

Что же такое...

СУМАРОКОВЪ.

Ну, да, ты самъ посуди: комедія съ пѣснями! Да, это все равно, что трагедія въ прозѣ, стихи безъ риѳмы, рѣдька съ кофеемъ, человѣкъ съ двумя носами... Постой, постой еще! Далѣе — выводить на сцену подлую, мужицкую любовь, переносить дѣй-

ствіе къ мужицкому зипуну... Да, этого братецъ, и на ярмаркѣ не потерпятъ, не только что на театрѣ въ просвѣщенной столицѣ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Напротивъ, мнѣ всегда казались несносны всѣ эти Оронты, Криспины, всѣ эти опекуны, всѣ лукавыя ваши Финетты, которыхъ мы, Рускіе, не знаемъ, которые всѣ кроятся на одну стать...

СУМАРОКОВЪ.

Что, что такое? Ха, ха, ха! Опять ты... Полно, братецъ — ты уморишь меня... Если ты піитикѣ не учился...

АБЛЕСИМОВЪ.

Сердце учило меня!

СУМАРОКОВЪ.

Искуство и правила, установленныя великими людьми — вотъ гдѣ, братецъ, источникъ всего... Да, одно то, что на сценѣ будутъ Русскіе мужики — Сидоры, Карпы, Ѳедоты... Ха, ха, ха!

АБЛЕСИМОВЪ.

Но вѣдь вы выводили же Мстиславовъ, Ярополковъ, Синавовъ?

СУМАРОКОВЪ (*важно*).

Да! этакъ ты хватилъ! Да, развѣ я не облагородилъ ихъ? Развѣ я не заставилъ ихъ говорить языкомъ Брутовъ, Цидовъ, Митридатовъ? У меня выйдетъ на сцену какой нибудь Вышеславъ, а заговоритъ — анъ Ахиллъ! Выйдетъ Ксенія, а заговоритъ Андромаха!.. Хе, хе, хе! Въ томъ-то и искуство!... А у тебя какимъ языкомъ актеры заговорятъ? какъ запоютъ?

АБЛЕСИМОВЪ (*вынимая рукопись*).

Вотъ какъ!

СУМАРОКОВЪ.

О! дай-ка, дай — почитаемъ!

(*Онъ наскоро пробѣгаетъ рукопись. Аблесимовъ и Анна Ивановна съ робостью смотрятъ на него.*)

АННА ИВАНОВНА (*тихо*).

Ахъ! Александръ Онисимовичъ! Я боюсь, если твоя пьеса въ самомъ дѣлѣ...

СУМАРОКОВЪ (*хохочетъ*).

Ну, братъ Аблесимовъ, знаешь ли что? Здорова ли твоя голова? не рехнулся ли ты отъ любви?.. Ха, ха, ха!

—

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢ ЖЕ И КНИПЕРЪ.

СУМАРОКОВЪ.

Богданъ Богданычъ! ну-ка, братъ не надобна ли тебѣ новенькая пьеска?

КНИПЕРЪ.

О, ошень надобна!

СУМАРОКОВЪ.

Ну, такъ не угодно ли: вотъ мой добрый пріятель смастерилъ пьеску, да какую? Чудо, братъ!

КНИПЕРЪ.

Вы шутитъ?

СУМАРОКОВЪ.

Нимало! Одно названіе соберетъ къ тебѣ толпу народа: зовутъ ее Мельникъ... какъ бишь еще? Да, еще колдунъ, да еще и обманщикъ, да еще и сватъ! Что ты ротъ-то разинулъ?

КНИПЕРЪ.

Такъ развѣ вы знаетъ?

СУМАРОКОВЪ.

Бери скорѣе!

КНИПЕРЪ.

Да, вы шутить, или правду говоритъ?

СУМАРОКОВЪ.

А что тебѣ?

КНИПЕРЪ.

Да, вѣдь этотъ пьесъ будеть представляетъ у меня!

СУМАРОКОВЪ (*Аблесимову*).

Такъ ты стало не шутишь? Ты пьесу свою успѣлъ отдать и на сцену?

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, я ужь отдалъ ее.

КНИПЕРЪ (*со страхомъ*).

Такъ развѣ она такъ — трянь?

СУМАРОКОВЪ (*качая головой*).

Да, глупость, братецъ, какую только можно себѣ вообразить — доказательство, что и умные люди бываютъ помѣшаны на чемъ нибудь...

КНИПЕРЪ.

Поцтаузендъ! Какъ!

СУМАРОКОВЪ.

Ну, братъ Аблесимовъ, стоило бы тебя порядочно побранить, что не за свое дѣло берешься, но за твою дерзость ты будешь довольно наказанъ стыдомъ и свистками...

(*Аблесимовъ стоитъ, какъ окаменѣлый.*)

СУМАРОКОВЪ.

Послушай, Богданъ Богдановичъ, нельзя ли, братецъ, не срамить молодаго человѣка? Малый онъ добрый — ну, сдѣлалъ глупость, взялся не за свое дѣло — любовь свела его съ ума!

КНИПЕРЪ (*хватаясь за парикъ обѣими руками*).

О! сердечко предчувствовало... Отмѣнить нельзя: ее даютъ сегодня, чрезъ два часа начало! Въ раекъ ужь сбирается народъ... Но, это ужасно! это безчеловѣчно! Зачѣмъ я не спросилъ герръ Сумароковъ... зачѣмъ — одеръ тейфель! О! о! о!...

(*Сумароковъ хохочетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

ТѢ ЖЕ, ЖУКОВЪ И ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*Онъ застегнутъ и кафтанъ у него ужасно оттопырился*).

СУМАРОКОВЪ.

А, добро пожаловать! Василій Кириловичъ, небывалый гость!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Имѣлъ дерзновеніе завернуть къ милостивцу моему, Вашему Превосходительству...

СУМАРОКОВЪ.

Безъ чиновъ, братецъ, безъ чиновъ!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Но, кажется, у милостивца приключилась нѣкая смѣхотворная оказія?

СУМАРОКОВЪ.

Да, что, братецъ, явился у насъ новый сочинитель драматическій, написалъ пьесу, гдѣ герои Русскіе мужики...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Дивно! Но, или не вѣдаетъ онъ піитики?

СУМАРОКОВЪ.

Слышишь, Аблесимовъ? Вѣдь вотъ не сговаривались!

ЖУКОВЪ.

Такъ развѣ это вы, г-нъ Аблесимовъ, написали такую пьесу?

СУМАРОКОВЪ.

Эхъ! проболтался я! Ну, да, тѣмъ лучше, постараться уговорить его вмѣстѣ, подружески. Слышите: мужики на сценѣ и начинается, тѣмъ...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Сирѣчь, мужики Русскіе? Да, колико же сіе есть подло! И говорятъ по мужицки?

СУМАРОКОВЪ.

Чего: говорятъ — поютъ мужицкія пѣсни, объясняются по-своему въ любви... Вотъ какъ начинаетъ пѣсню любовникъ... Постой, постой!

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню!

(*Тредьяковскій, Жуковъ и Сумароковъ хохочутъ.*)

КНИПЕРЪ.

Пѣсню — Прѣсню!.... Да, не хорошъ, не хорошъ! Какъ я этого не замѣтилъ!

СУМАРОКОВЪ.

Любовникъ, какъ быть говоритъ любовницѣ. Да: «У насъ вѣдь не по боярски, а какъ любушкѣ своей тулумбаса два, три въ спину влѣпишь, да она стерпитъ — такъ и наша!»

ЖУКОВЪ.

Фу!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Фи! оррибельно сіе и це есть именуемо изящно!

СУМАРОКОВЪ.

То ли еще? Одно изъ лицъ поетъ:

Мнѣ на спорщицу женищу
Купить добрую плетищу,
Нахлестать ея спинищу!
Будетъ жить, какъ я хочу...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

О Квинктиліанусъ! О Роллинъ! О вкусъ! О элоквенція!

КНИПЕРЪ.

О я пропалъ, пропалъ съ ручками и съ ножками пропалъ... О! сто пощечина мнѣ, сто пощечина за то, что я дуракъ!...

ЖУКОВЪ (*съ участіемъ*).

Г-нъ Аблесимовъ! послушайтесь добраго совѣта...

АБЛЕСИМОВЪ (*съ гнѣвомъ*).

Убирайтесь съ вашими совѣтами! — Александръ Петровичъ! я слышалъ все, я вытерпѣлъ все, и смѣло утверждаю, что моя комедія хороша, что она будетъ имѣть успѣхъ необыкновенный!...

СУМАРОКОВЪ.

Да, развѣ ты зрителей съ толкучаго рынка сгонишь — такъ! Но, вкусъ публики...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Но, вкусъ и піитика!

ЖУКОВЪ.

Но, піитика и вкусъ!

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, да, вкусъ, піитика! — Пока смѣялся Александръ Петровичъ, я еще сомнѣвался, а когда моей комедіи не хвалите вы — прочь всѣ сомнѣнія!..

КНИПЕРЪ (*робко*).

Такъ вы увѣренъ въ успѣхъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, я заплачу вамъ всѣ убытки, если они будутъ, а съ вами, Александръ Петровичъ, не угодно ли — бьюсь объ закладъ!

СУМАРОКОВЪ.

Пожалуй!

АБЛЕСИМОВЪ.

Успѣхъ и — рука Анны Ивановны!

АННА ИВАНОВНА.

Что вы хотите дѣлать?

АБЛЕСИМОВЪ.

Если моя комедія упадетъ, тогда — простите на вѣкъ, а если... вы моя!

ЖУКОВЪ.

Что такое? Его? Да развѣ онъ...

СУМАРОКОВЪ.

Я не прочь — шутить, такъ шутить — изволь, братъ, по рукамъ! Разнимай, Василій Кириловичъ!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Марьяжъ или абшитъ жениху!

СУМАРОКОВЪ.

Куда жь ты, сочинитель Мельника?

АБЛЕСИМОВЪ.

Простите — вы не увидите меня до тѣхъ поръ, пока это самое названіе не принесетъ мнѣ чести.

(*Бѣжитъ вонъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 12.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ АБЛЕСИМОВА.

СУМАРОКОВЪ.

Жаль мнѣ его — славный малый, да вотъ — дурь нашла — вздумалъ писать!

ЖУКОВЪ (*Аннѣ Ивановнѣ*).

Неужели вы, прелестнѣйшая, вдохновляющая Муза...

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! отстаньте отъ меня!

(*Бѣжитъ вонъ.*)

СУМАРОКОВЪ.

Но, вотъ тебѣ то, братецъ, Богданъ Богдановичъ, какъ тебѣ-то не стыдно? На сценѣ, гдѣ гремѣли мой Синавъ и Труворъ, гдѣ закололась моя Ильмена — ты допускаешь мужицкіе фарсы, подлыя шутки?

КНИПЕРЪ.

Охъ!

СУМАРОКОВЪ.

Ты портишь вкусъ, ты уродуешь храмъ Таліи. Да, ты достоинъ послѣ того плошки зажигать, а не директоромъ театра быть...

КНИПЕРЪ.

Я плакать хочетъ со стыдъ!

ЖУКОВЪ.

Но, стало быть, Александръ Петро-

вичъ, г-нъ Аблесимовъ имѣлъ нѣкоторую претензію на руку Анны Ивановны?

СУМАРОКОВЪ.

Да!

ЖУКОВЪ.

Но, вѣдь вы почти дали слово мнѣ?

СУМАРОКОВЪ.

Я и сдержу его.

ЖУКОВЪ.

А закладъ вашъ?

СУМАРОКОВЪ.

Развѣ ты не видишь, что шутка, братецъ?

ЖУКОВЪ.

Да, точно ли его комедія очень плоха?

СУМАРОКОВЪ (*даетъ ему рукопись*).

Да, на вотъ тебѣ — читай и посмѣйся!

ЯВЛЕНІЕ 13.

ПРЕЖНІЕ И СЛУГА.

СЛУГА.

Богданъ Богданычъ! васъ зовутъ въ театеръ!

КИППЕРЪ (*въ отчаяніи*).

Что мнѣ тамъ дѣлать?

СЛУГА.

Говорятъ-съ драка за билеты — народъ дескать ломится въ двери...

КИППЕРЪ (*въ радостномъ недоумѣніи*).

Какъ? Что такое, что такое?

СЛУГА.

Билетовъ, вишь, недостало!

КИППЕРЪ (*трепеща*).

О!... Да, нѣтъ! Неправда! Однакожъ побѣгу ... Это какой нибудь ошибка!

СУМАРОКОВЪ.

Постой, постой ... (*Киперъ опрометью бѣжитъ*).

ЖУКОВЪ.

Кой чортъ! Да это сумасшедшая гиль! (*въ сторону*) Однакожъ побѣжать было туда — пришикнуть, да присвиснуть еще, все-таки не мѣшаетъ ... (*громко*) Александръ Петровичъ! позвольте мнѣ униженному, представить вамъ и мою дрянную рукопись, и — напомнить условіе...

СУМАРОКОВЪ.

А! давай-ка, давай — посмотримъ, что такое! ... Ба, и посвященіе по формѣ ... «Его Превосходительству ... Расину ... Корнелю.» — Ну, мы ужь къ этому привыкли ... Далѣе —

Тому, кто храмъ воздвигъ Россійской
Мельпомены,
Сіе твореніе, назначенно для сцены,
Осмѣливаюсь я усердно посвятить,
Да повелитъ ему онъ — жить, иль мертвымъ быть...

Хорошо, хорошо, давай читать!

ЖУКОВЪ.

Позвольте ужь мнѣ не присутствовать въ то время, когда Россійскій Расинъ будетъ удостоивать высокаго взгляда мои ничтожныя риѳмы — я могу умереть отъ страха и радости. Да, и дядюшка хотѣлъ что-то съ вами отдѣльно поговорить ... (*низко кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

СУМАРОКОВЪ И ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

СУМАРОКОВЪ.

Что такое поговорить? Если такъ, такъ садись же сюда поближе, Василій Кириловичъ!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Великое дерзновеніе, да еще и дерзость возымѣлъ я...

СУМАРОКОВЪ.

Ну, что у васъ новенькаго-то въ Питерѣ дѣлается? Вѣдь я въ Петербургѣ вашемъ теперь гость — почти ни съ кѣмъ еще не видался; хоть и не только что пріѣхалъ, да все такъ занятъ моею одою — вотъ ужь третью недѣлю сижу...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Что безъ васъ! Сами вотъ изволите увидѣть! ... сиротствуетъ Парнассъ,

плачутъ Музы у истоковъ Россійскія Аретузы!

СУМАРОКОВЪ.

Что правда, то правда — плохо, братъ, Россійскому Парнассу приходится отъ плохихъ стихотворцовъ...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Изученіе элоквенціи упадаетъ.

СУМАРОКОВЪ.

Чистый вкусъ исчезаетъ!... Вотъ ужь и мужицкія оперы не учась пишутъ... да еще и у меня въ домѣ...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Неужели имѣя толикій геніусъ, сирѣчь, превыспръ, Муса Синава и Трувора безмолвіемъ запечатлѣнна пребыла донынѣ?

СУМАРОКОВЪ.

Куда ужь, братецъ, нашему брату, старику писать!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Истинно есть рѣченіе, что не повадливо Мусамъ Россійскимъ, да толико мало есть слышимы звуки лиры вашея...

СУМАРОКОВЪ.

Другимъ мѣсто дать надобно! Вѣдь и изъ молодежи являются у насъ таланты — Хмъ! (*тихо*) Дай испытаю молодца! (*вслухъ*) Вотъ у насъ одинъ піита въ Москвѣ, одинъ — ну, имени не скажу — что еще вздумалъ? переложить Шакеспирова Гамлета. Ты знаешь, что Шакеспиръ былъ Англійскій піита, и есть въ немъ преизрядныя искры дарованія, но ихъ надобно искать тамъ, гдѣ Езоповъ пѣтухъ нашелъ жемчужину. — Ну, такъ вотъ, посмотри-же самъ, какъ Шакеспиръ заговорилъ по Русски — вотъ я тебѣ прочту... гдѣ-то у меня былъ тутъ списокъ Гамлетова преизряднаго монолога... то есть, братецъ... Да вотъ ты самъ увидишь... Гдѣ бишь... Да, вотъ онъ! Видишь — Гамлетъ въ горести, хочетъ заколоться — такъ ужь ему пришлось — вотъ и хватается за шпагу, и вдругъ...

(*начинаетъ декламировать*)

Постой! великое днесь дѣло предлежитъ:
Мое сей тѣло часъ съ душею раздѣлитъ.
Отверзть ли гроба дверь и бѣдствы окончати?
Или во свѣтѣ семъ еще претерпѣвати?
Когда умру—засну, засну и буду спать.
Но что за сны сія ночь будетъ представлять?
Умреть и внити въ гробъ — спокойствіе прелестно,
Но что послѣдуетъ сну сладку? неизвѣстно!
Мы знаемъ, что сулитъ намъ щедро Божество —
Надежда есть — духъ бодръ — но слабо естество...
вскакиваетъ)
О смерть, послѣдній часъ, минута прелютѣйша!
Послѣдняя напасть, но всѣхъ напастей злѣйша!
Воображеніе мучительное намъ,
Неизрѣченный страхъ отважнѣйшимъ сердцамъ!
Единымъ именемъ твоимъ вся плоть трепещетъ
И отъ пристанища опять въ валы отмещетъ.
Но если бы въ бѣдахъ здѣсь жизнь была вѣчна,
Кто бъ не хотѣлъ имѣть сего спокойна сна?
И кто бы могъ снести злосчастія, гоненья,
Болѣзни, нищету и сильныхъ нападенья,
Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
Вліянный ядъ въ сердца великихъ льсти рѣчами,
Когда бъ мы жили въ вѣкъ и скорбь жила вѣкъ съ нами?
Во обстоятельствахъ такихъ намъ смерть нужна.
Но, ахъ! во всѣхъ бѣдахъ еще страшна она...
И какъ ты, естество, суровствамъ подчиненно!
Страшна... Но весь сей страхъ пройдетъ мгновенно!...
Мой разумъ естество почти превозмогло...

О долгъ! о красота! о сколь терпѣть мнѣ зло!
Я горести своей вдаюся безразсудно...
Не можно вообразить, какъ мнѣ терпѣти трудно...

(*Отираетъ потъ и садится.*)

Тьфу! Ну... что скажешь?.. А! каковы стишки? что? — не дурны?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*сухо.*)

Еще коли-бы... Да, не дурны...

СУМАРОКОВЪ (*съ досадою.*)

Только не дурны?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Я вамъ такъ же хотѣлъ прочесть опытъ... здѣшняго перевода — хмъ! Энеиды Виргиліуса... если позволите... Помните, когда Римскій піита преизрядно описываетъ сошествіе Энея въ адъ, царство Тартаруса, презлобнаго Плутонуса, и по семъ — восклицаетъ:

Тамъ на низу, при престолѣ, стояла смерть цвѣто-блѣдна,
Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и нѣмо, и слѣпо,
Та въ рукахъ имѣла свою преострую косу,
Кою еще изощряла оселками всю непрестанно.
Окрестъ ея летали черны и мрачны печали
Лютыя и недовѣрности, кровь источающи мести,
Тѣжь израпены всѣ, и ненависть несправедлива,
Завистъ притомъ свой смертный ядъ изблевающа гнусно,
И въ бѣсноту приходяща, вредить что не возмогаетъ...

СУМАРОКОВЪ.

Постой-ка, постой, Василій Кирилловичъ!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*въ жару ничего не слышитъ.*)

Мерзки страшилища и весьма привидѣнія страшны,
Мертвыхъ собой представляющи, да живыхъ испугаютъ,
Тщетныя и сновидѣнія, и безсонницы люты,
Тожъ потолику, сны поколику опечалуютъ.
Сіи смертельны призраки всѣ окружали Плутона,
И сей отвѣщалъ...

СУМАРОКОВЪ.

Да, погоди — дай слово....

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*не слушая.*)

Отвѣщалъ... отвѣщалъ голосомъ толстымъ и грубо...

СУМАРОКОВЪ (*вскакивая со стула.*)

Да, скажи, братецъ Василій Кирилловичъ, что ты, въ своемъ умѣ, аль нѣтъ?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*останавливаясь.*)

Къ чему аллюзивное есть рѣченіе?

СУМАРОКОВЪ.

Да, къ тому — что ты мнѣ такое читаешь? Да что это за стихи? Да, тутъ и риѳмы, кажется, нѣтъ?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*улыбаясь.*)

Риѳмы — гремушки, дѣтски игрушки, стихъ съ ними безъ душки, какъ у малой мушки, да толку ни полушки! — Видите — захотимъ и мы риѳмовать, такъ за риѳмой въ карманъ не ходимъ... Да, если пошло на стихи съ риѳмами, такъ вотъ вамъ и цѣлая трагедія на лицо, шестистопнымъ вашимъ ямбомъ, съ ритмою... (*Онъ разстегиваетъ кафтанъ и вытаскиваетъ изъ-подъ полы кафтана огромнѣйшую тетрадь.*)

СУМАРОКОВЪ (*съ ужасомъ.*)

Какъ? Ты еще хочешь читать?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*развертывая тетрадь торжественно*).

Дейдамія, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. — Дѣйствіе 1-е. Явленіе 1.

СУМАРОКОВЪ.

Постой, постой, братецъ! Скажи, что тебѣ надобно отъ меня?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*съ жаромъ.*)

Молю, да, имѣете вниманіе, прослушаете чадо мое, и если оно достойно уваженія, да рекомендуете его на сцену, гдѣ вашъ голосъ толико... толико...

СУМАРОКОВЪ.

Постой-ка, да ты не надуваешь ли меня? Полно — не свои ли ты сти-

хи выдалъ мнѣ за переводъ изъ Виргилія?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*усмѣхаясь.*)

Да, если бы и такъ? Да, милостивецъ мой — видно понравились? Да, это стихи изъ моей Телемахиды — чистые гексаметры, чисто Эллинская скапція!...

СУМАРОКОВЪ.

Да, за то и смысла-то въ нихъ я на чисто не вижу!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*оскорбясь.*)

Такъ неужели болѣе смысла въ томъ, что вы мнѣ читали изъ Шакеспира? (*Парикъ его отъ сильнаго движенія сдвигается на сторону.*)

СУМАРОКОВЪ.

Да, знаешь ли ты, чьи это читалъ я стихи?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*поправляя парикъ*).

Пыжжика какого нибудь, сирѣчь, юноши дутика!

СУМАРОКОВЪ.

Ахъ! ты старый враль! Да вѣдь это мои стихи?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Какъ? Ваши?

СУМАРОКОВЪ.

Да, тебѣ ли судить о стихахъ, пачкунъ ты этакой?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Оскорбляете, Александръ Петровичъ, забываетесь!

СУМАРОКОВЪ.

Самъ ты забываешься, старая Парнасская крыса!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*гордо*).

Крыса сія имѣетъ чинъ Надворнаго Совѣтника!

СУМАРОКОВЪ.

Я самъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ — я Расинъ Русскій, я Мольеръ Россійскій.

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

А я Омиръ Русскій, Виргиліусъ Россійскій! Очистите-ка совѣсть отъ того, что вы забрали отъ Французскихъ трагиковъ, что-то у васъ тогда остается!

СУМАРОКОВЪ.

Такъ что жъ что забралъ? Я завоевалъ у нихъ красоты!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Поострите зубки вашимъ туповатымъ эпиграммамъ!

СУМАРОКОВЪ.

А ты сожги еще, да въ третій разъ начинай пытать своего дурака Ролленя!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Какъ, Г-нъ Ролленъ дуракъ?

СУМАРОКОВЪ.

Какъ? мои эпиграммы не остры? Да, я тебя проколю эпиграммою насквозь?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Да, я васъ въ Ювеналовской сатирѣ выставлю!

СУМАРОКОВЪ.

Да, я тебя въ пѣснѣ осмѣю, да и дурака-то твоего племянника во дворъ къ себѣ не пущу... Убирайся ты къ чорту съ твоей трагедіей — она гадкая, глупая!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

О... о... если такъ, такъ я же... Мы не здѣсь увидимся — а тамъ, тамъ, на Парнассѣ... Моя трагедія глупая... моя трагедія гадкая... Г-нъ Ролленъ дуракъ!...

(*Спѣшитъ вонъ, забывая тетрадь свою на стулѣ*)

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

СУМАРОКОВЪ (*одинъ.*)

Ахъ! проклятый риѳмоскрыпъ! Ахъ! риѳмачъ безмозглый! Да, я живаго мѣста на немъ не оставлю! Я изъ него эпиграммами рѣшето сдѣлаю! Я его ухожу... Постой, постой, эпиграмма? Такъ, такъ!

(*садится и пишетъ*)

Уродливый творецъ претолстыя поэмы,
Гдѣ такъ же смысла нѣтъ, какъ нѣтъ у ней и риѳмы
Твой трудъ къ безсмертію тебя не поведетъ,
Съ тобою въ Лету онъ на вѣки упадетъ!

Ха, ха, ха! Что? каково? колется? Хорошо! Еще эпиграмму! О я тебя...

ЯВЛЕНІЕ 16.

СУМАРОКОВЪ И КНИПЕРЪ.

КНИПЕРЪ (*поспѣшно.*)

Александръ Петровичъ, васъ туда зовутъ! Ступайте скорѣе!

СУМАРОКОВЪ.

Зовутъ? кто?

КНИПЕРЪ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и господа — и Богъ знаетъ, кто?...

СУМАРОКОВЪ (*вскакивая.*)

Что? Куда? Что такое?

КНИПЕРЪ.

Въ театръ; народу тамъ бездна такая, что стѣны трещатъ, и вся знать съѣхалась!

СУМАРОКОВЪ.

Да, ты развѣ мою трагедію какую нибудь сегодня даешь?

КНИПЕРЪ.

Какой ваша трагедія — Мельникъ, Герръ Аблесимовъ! Вы это знаетъ!

СУМАРОКОВЪ.

Да, что же, съ ума, что ли они сошли? Неужели они съѣхались смотрѣть твоего Мельника?

КНИПЕРЪ.

Да, да! первое дѣйствіе сыграно! Всѣ въ восторгѣ — всѣ кричитъ: «Вотъ Русское! Вотъ чудо! вотъ» — да, и такъ — хлопь, хлопь, хлопь, да и браво, и фора! — Спрашиваютъ: гдѣ г-нъ Сумароковъ? Какъ ему не стыдно, что онъ не смотритъ пьесъ свой ученикъ? Честь и хвала ученикъ и учитель!

СУМАРОКОВЪ.

Что за дичь такая! Эй (*слуга входитъ*). Кафтанъ мнѣ, парикъ, палку! (*одѣваясь*) Такъ они называли его моимъ ученикомъ.

КНИПЕРЪ.

Какъ же! Я всѣмъ сказалъ, что г-нъ Аблесимовъ у васъ учился!

СУМАРОКОВЪ (*гордсливо*).

Именно, любезный Богданъ Богданычъ, именно, я наставилъ его, я руководствовалъ; но пойдемъ, пойдемъ скорѣе!

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 17.

АННА ИВАНОВНА (*вбѣгаетъ*).

Что за шумъ такой? Гдѣ дядюшка? Куда это они побѣжали? Гдѣ-то мой бѣдный Александръ Онисимычъ? Что-то дѣлается въ театрѣ? Ахъ, сердце мое такъ бьется!..

ЯВЛЕНІЕ 18.

АННА ИВАНОВНА И ЖУКОВЪ.

ЖУКОВЪ.

Вы здѣсь, несравненная — Я такъ благополученъ, такъ счастливъ, что могу васъ видѣть, что могу...

АННА ИВАНОВНА.

Скажите, гдѣ дядюшка?

ЖУКОВЪ.

Онъ въ театрѣ.

АННА ИВАНОВНА.

А вы тамъ были? Что тамъ дѣлается?

ЖУКОВЪ (*въ сторону.*)

Такъ она еще не знаетъ? Отмщу (*громко*) Ахъ! и не спрашивайте! пожалѣйте бѣднаго автора.

АННА ИВАНОВНА.

Неужели его пьеса упала?

ЖУКОВЪ.

Такого паденія и не слыхивано! Хохотъ, свистки, шумъ — я думаю докончить не дадутъ!

АННА ИВАНОВНА (*падаетъ въ кресла.*)

Боже мой!

ЖУКОВЪ.

Что съ вами сдѣлалось? Помилуйте, что такое?

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! отойдите прочь, сударь, прочь! я васъ терпѣть не могу...

ЯВЛЕНІЕ 19.

ТѢ ЖЕ И АБЛЕСИМОВЪ.

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! мой добрый другъ! Ахъ! Алесандръ Онисимычъ!

*

АБЛЕСИМОВЪ.

Что такое, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА.

Все кончено! Всѣ надежды наши погибли...

АБЛЕСИМОВЪ.

Неужели! Кто сказалъ?

ЖУКОВЪ.

Я!

АБЛЕСИМОВЪ.

Такъ! Сердечная тоска меня не обманула... И я не послушался совѣта такого опытнаго поэта!.. Анна Ивановна! прощайте, прощайте навсегда!

АННА ИВАНОВНА.

Какъ? что вы говорите?

ЖУКОВЪ.

Онъ бѣжитъ, онъ отказывается отъ васъ. — Разумѣется, вамъ стыдно было бы быть невѣстой освистаннаго писателя!

АБЛЕСИМОВЪ (*горячо.*)

Освистаннаго? . . . (*опомнясь*) Но онъ имѣетъ право такъ говорить... О! я глупецъ, глупецъ!

АННА ИВАНОВНА.

Но теперь-то я васъ и не оставлю!

ЖУКОВЪ.

Но вашъ дядюшка?

АННА ИВАНОВНА.

Хоть бы цѣлый свѣтъ...

ЖУКОВЪ.

Вотъ хорошо! А слово, мнѣ данное?

АБЛЕСИМОВЪ.

Нѣтъ! Анна Ивановна — я отказываюсь отъ васъ! Безталантный дуракъ не будетъ зятемъ Сумарокова... Я думалъ, что довольно сильно чувствовать, довольно представить людямъ истину — Русскому Русское, и что при одномъ голосѣ Русской пѣсни сильно забьется Русское сердце; но...

(*Слышенъ голосъ Книпера, который бѣжитъ и поетъ весело: «Ужъ какъ шла старикъ съ старухой изъ лѣсочка!»*)

АБЛЕСИМОВЪ.

Боже мой! голосъ Богдана Богдановича!...

—

ЯВЛЕНІЕ 20.

ТѢ ЖЕ И КНИПЕРЪ (*на веселѣ, съ бутылкой и стаканомъ.*)

АБЛЕСИМОВЪ.

Богданъ Богдановичъ!

КНИПЕРЪ (*поетъ и пляшетъ.*)

Ужъ какъ шла старикъ съ старушка
Изъ лѣсочка,
Изъ лѣсочикъ, и шла съ дочикъ
Прикошайкой...
Трали та ли, та ли, ли та ли,
Тра ла лай ла, ла!

АБЛЕСИМОВЪ.

Что съ вами сдѣлалось?

КНИПЕРЪ (*пьетъ.*)

Ура! Мельникъ! Ура! Аблесимовъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 21.

ТѢ ЖЕ И СУМАРОКОВЪ.

СУМАРОКОВЪ (*входитъ.*)

Ура! Мельникъ! Ура! Аблесимовъ! За здоровье автора! (*беретъ у Книпера стаканъ и пьетъ*).

АННА ИВАНОВНА.

Дядюшка! Какъ? Развѣ Мельникъ его не упалъ?

СУМАРОКОВЪ.

Упалъ? Кто тебѣ сказалъ это?

АБЛЕСИМОВЪ.

Вотъ г-нъ Жуковъ!

СУМАРОКОВЪ.

Да, не васъ ли, полно, Петръ Ѳедоровичъ, вывели изъ креселъ, когда вы вздумали было свиснуть? Ха, ха, ха!

ЖУКОВЪ.

Нѣтъ-съ! это моего сосѣда — на немъ былъ такой же кафтанъ, какъ и на мнѣ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Не совѣстно ли было однако жъ вамъ прибѣжать сюда, налгать, испугать насъ?

ЖУКОВЪ.

Я пошутилъ... А за то я первый поздравлю васъ съ успѣхомъ!

АННА ИВАНОВНА.

Такъ его пьеса сыграна съ успѣхомъ?

СУМАРОКОВЪ (*гордо.*)

Только мои пьесы доныңѣ могли имѣть подобные успѣхи...

КНИПЕРЪ.

У меня ужь и на завтра всѣ билеты разобраны, а послѣ завтра велѣно поставить Мельникъ на придворный спектакль...

АБЛЕСИМОВЪ.

Вѣрить ли ушамъ?

СУМАРОКОВЪ.

Да, и мнѣ за тебя, братець, столько наговорили комплиментовъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, вамъ, Александръ Петровичъ, вамъ и одолженъ я всѣмъ: ваша поэзія познакомила меня съ литтературою...

СУМАРОКОВЪ.

А моя Анюта съ поэзіею? Ну, братъ, Аблесимовъ! надобно сознаться, что ты хоть не ученый, но природный поэтъ — да, ты поэтъ! Піитика піитикой, искуство искуствомъ, и что хочешь говори, а твой Мельникъ — такъ вотъ заставилъ у меня играть всѣ мои Русскія косточки... Науки-то тутъ нѣтъ, а — просто хорошо, да и чортъ знаетъ, какъ мнѣ прежде этого самому въ голову не приходило!...

АБЛЕСИМОВЪ.

Стало, мой Мельникъ не даромъ же называется колдунъ и обманщикъ — онъ заколдовалъ васъ и обманулъ вашу піитику...Но вѣдь у него и еще есть названіе...

СУМАРОКОВЪ.

Сватъ! — Давайте-ка руки: я проигралъ закладъ. Аннушка! ты заплатишь за меня Аблесимову — живите-ка счастливо, да давайте намъ Мельниковъ побольше!

КНИПЕРЪ.

Побольше, побольше! Я откупаю ихъ всѣ напередъ!

ЖУКОВЪ (*Сумарокову*).

Но ваше слово?

СУМАРОКОВЪ.

Слушай, братъ, за невѣжество дяди твоего и за твои штуки, хоть ты стихотворецъ и порядочный — стоило бы тебя проводить отсюда... ну, да на радости ссориться не хочу — о старомъ молчи, да поздравляй жениха съ невѣстою... Право, я такъ радъ, что даже помирился бы и съ Василіемъ Кирилловичемъ — стихотворецъ онъ плохой, а человѣкъ, хоть и пустой, но добрый, а что мы посчитались съ нимъ немножко...

—

ЯВЛЕНІЕ 22.

ТѢ ЖЕ И ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*выглядывая изъ двери*).

Извините — я здѣсь забылъ маленькую рукопись мою...

СУМАРОКОВЪ.

Кстати и ты, Василій Кирилловичъ! Что? рукопись? (*беретъ и несетъ къ нему*) На-ка, братъ, ее тебѣ — эка махина! Да постой-ка, постой: за что мы давича съ тобой на старости побранились? Вѣдь мы не со вчера знакомые!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Кажется, таковая амиція укрѣплена была сукцессіей многихъ лѣтъ...

СУМАРОКОВЪ.

Не помириться ли намъ за стаканомъ вина?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Да, если вы опять станете осуждать мои гексаметры?

СУМАРОКОВЪ.

Нѣтъ! ужь не стану, а — только ты впередъ будь осторожнѣе, и если я что нибудь читаю...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Буду хвалить — вѣдь и умный можетъ ошибиться — вотъ вы что-то о Мельникѣ давича говорили...

СУМАРОКОВЪ.

Да, Мельникъ его порядочный урокъ нашимъ піитикамъ... Какъ это такъ

... Пойдемъ-ка, да за бутылкой вина посудимъ, да поспоримъ! Александръ Онисимовичъ! иди впередъ — веди свою невѣсту! Петръ Ѳедоровичъ! давай мнѣ руку (*смѣясь*), да не пиши, братецъ, такими стихами, какими твой дядюшка пишетъ.

(*Книперъ бѣжитъ впередъ и отворяетъ двери.*)

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*одинъ.*)

Шути, сударь, шути.... Государь Петръ Алексѣевичъ поумнѣе тебя былъ, такъ я былъ еще тогда вотъ этакой — а онъ и зашелъ къ намъ въ школу — кого такъ — кого сякъ, а на меня поглядѣлъ, ударилъ меня десницею по лбу, да и сказалъ: «вѣчный труженикъ, а толку не будетъ» — Хе, хе, хе! Вотъ и великій Государь былъ, а во мнѣ ошибся . . Да, поди, увѣрь другихъ... Хоть бы и о стихахъ моихъ говоритъ Александръ Петровичъ, а вотъ я... (*обращаясь къ зрителямъ, развертываетъ тетрадь Деидаміи, и кладетъ ее на одну руку, другою готовясь декламировать*) прочту вамъ....

(*занавѣсъ опускается*).

ПОЛЮБОВНАЯ СДѢЛКА,

или

РУССКІЕ ВЪ БАДЕНѢ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВЛАДИМІРЪ СТЕПАНОВИЧЪ НЕВѢРИНЪ .... г-нъ Самойловъ.
ПАВЛА ПЕТРОВНА, жена его .... г-жа Самойлова.
ЛЕВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КАРПИНСКІЙ .... г-нъ Григорьевъ 1.
ВѢРА НИКОЛАЕВНА, жена его .... г-жа Асенкова.
ФРИЦЪ, слуга въ гостинницѣ .... г-нъ Мартыновъ.
Слуга, отъ барона.
Мальчикъ (безъ рѣчей).

Дѣйствіе въ гостинницѣ.

Театръ представляетъ общую залу; дверь въ глубинѣ и двѣ боковыя: направо комната Г-жи Карпинской, налѣво Г. Невѣрина; на аван-сценѣ вправо, маленькій столикъ для завтрака, возлѣ него у стѣны трюмо; на противуположной сторонѣ диванъ. Въ глубинѣ между средней дверью и комнатой Невѣрина, столъ съ полнымъ письменнымъ приборомъ. Большое окно налѣво.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Фрицъ *(вноситъ чайный приборъ на большомъ подносѣ и ставитъ на маленькій столъ.)*

Уфъ! бѣдной я тварь на семъ свѣтъ! Дасъ хейстъ измучился, измутарился, прости Богъ, какъ осла какой! Чутка ли, 21 завтракъ подаю сегодня! Мнѣ кажится, что нигдѣ такъ мноска не ѣдятъ, какъ больной на во дахъ. А я сама, покорна ихъ слуга и сдорова, до сей поръ не удалось хорошенько пофриштикай. Вѣдь еще славна Богъ, что я какъ шестный человѣкъ умѣлъ сдѣлайть экономи отъ эта завтраковъ: три котлетка, два кусокъ пирогъ и пульвина рябшикъ, а тобу совсѣмъ бѣда! Ахъ! трудно нынше нашемъ брату буть сыта! Ужъ некуда я не шатался, жилъ даже нѣсколько лѣтъ и въ Россіи, тамъ начала очень було тепло, да вотъ

подъ конеса-то я перехитрилъ, что ли, такъ мнѣ и холодно покажится . . . да и сухо принимать всѣ стали, такъ я скорѣй въ Баденъ на теплинькія вода. Конечно, много есть господа короши, да только мало такихъ-то, чтобъ можно було безъ труда дать воля своево усердію. А все просвѣшень проклятое! Нынше господа зовсѣмъ не имѣитъ любовь къ нашъ братъ.

Хоть много мѣстъ, оно безспорно,
Да мало намъ доходъ даютъ;
Хоть служишь честно и проворно....
(*прячетъ сахаръ въ карманъ.*)
А все бездѣльникомъ зовутъ!
Но эта глупи пустословья,
Мнѣ брань не больна на ушахъ,
Мене дай Богъ, чтобъ на здоровья
Хворалъ всѣ больше на водахъ.

А! да вотъ, кажится, еще новый больной; тѣмъ лучше, добрый знакъ; только зидѣсь больша нѣту мѣста . . . .

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ФРИЦЪ И КАРПИНСКІЙ.

(*Фрицъ приготовляетъ чай; Карпинскій входитъ, одѣтый въ дорожное платье и съ тростью въ рукѣ.*)

КАРПИНСКІЙ.

Прошу покорно! Во всей гостинницѣ ни души! Что это значитъ! А! вотъ наконецъ попалась рожа . . . . и кажется, человѣческая . . . . Эй! ты! кто ты такой? Руской или Нѣмецъ!

ФРИЦЪ.

Какъ вамъ угодно: съ Нѣмцами — Нѣмецъ, съ Русски — Русскій, съ Французъ — Французъ! Ich bin ganz der ihrige? Что вамъ угодно? Je suis tout a vous, ваша превосходительства?

КАРПИНСКІЙ.

Во-первыхъ, не знавши, прошу не величать меня такъ а во-вторыхъ, дѣйствуй по Русски; поди, принеси сюда мои вещи, отведи комнату, и приготовь завтракъ какъ можно скорѣе. (*Глядитъ на столикъ.*) Что это такое? чай? Нѣтъ! онъ не уйдетъ отъ меня и вечеромъ, а теперь вели мнѣ приготовить что нибудь, знаешь, по существеннѣе, по положительнѣе... Я Русскій, я люблю положительное.

ФРИЦЪ.

Извольте, г. Русскій, завтракъ-то, положимъ, еще не трудно вамъ принести, а ужъ что касается до комнаты, такъ извините-съ . . . . *гаръ нихцъ! мейнъ-геръ*! . . . . то есть, хоть вы подымите весь домъ вверху дномъ, нѣтъ ни единой коморочка; здѣсь, благодаря Богъ, упдъ здоровыя воды, гостиница набита-съ больными отъ погреба до чердакъ.

КАРПИНСКІЙ.

Чортъ возьми! Всѣ мнѣ здѣсь на водахъ твердятъ одно и то же! Куда ни придешь, у всѣхъ одинъ глупый отвѣтъ. Это ужасно! Человѣкъ сдѣлался боленъ, пріѣзжаетъ сюда лечиться, и не можетъ имѣть какой нибудь дрянной постели, ни малѣйшаго покоя.

ФРИЦЪ.

А! такъ ви, сударь, тоже больна? Ошень жаль; должно буть страдаете-съ обще болѣзнію? Скажите пожалуста! Такъ видно ваша физіономи нѣсколько обманивантъ. Но, какъ буть, потерпите . . . . позвольте доложить, хоть бу ви заумерла, да коли чуть пріѣхали сюда не въ свое время, то вамъ всѣ Баденъ скажи: «конечно, очень вамъ жалка! но ужъ поздa, gedulden sie sich geffälligst. Пріѣзжай на будущій годъ.

КАРПИНСКІЙ.

Вздоръ! я непремѣнно хочу хоть гдѣ нибудь помѣститься.

2-й СЛУГА (*входитъ съ букетомъ въ рукахъ.*)

Отъ его сіятельства, барона Зубкеництейна, отдать Елизаветѣ Нико-

лаевнѣ г-жѣ Карпинской. (*Отдаетъ Фрицу, уходитъ*).

ФРИЦЪ.

Хорошо-съ!

КАРПИНСКІЙ.

Что? Что онъ сунулъ? Какъ! развѣ г-жа Карпинская живетъ здѣсь, у васъ?

ФРИЦЪ.

Да-съ. Что жъ васъ такъ удивительнаго, сударь? Русскихъ здѣсь нынче много. У насъ на та полосъ живетъ Русское семейства.

КАРПИНСКІЙ (*въ сторону*).

Быть не можетъ! (*ему*) Такъ скажи мнѣ, пожалуйста, любезный, какихъ лѣтъ эта г-жа Карпинская?

ФРИЦЪ.

Да.... лѣтъ 22-хъ, не больше.

КАРПИНСКІЙ.

И хороша собой?

ФРИЦЪ.

О, она дючичка, сударь, какъ говорятъ ваша Русскіе.

КАРПИНСКІЙ.

Блондинка или брюнетка?

ФРИЦЪ.

Ихъ, настоящой брулетка, сударь.

КАРПИНСКІЙ.

И точно ее зовутъ Елизаветой Николаевной?

ФРИЦЪ.

Тошна, тошна такъ, сударь.

КАРПИНСКІЙ (*въ сторону*).

Вотъ чудеса! Чортъ возьми! Только со мною и могутъ быть такія глупыя встрѣчи. (*ему*) Браво! Такъ отнеси же всѣ мои вещи и чемоданъ въ ея комнату.

ФРИЦЪ.

Какъ? Что-съ? Вы, кажится, надъ мене шутитъ, г. Русскій!...

КАРПИНСКІЙ.

Я никогда не шучу.

ФРИЦЪ.

Помилуйте! Г-жа Карпинской нѣтъ дома, и...

КАРПИНСКІЙ.

Дѣлай, что я тебѣ приказываю.

ФРИЦЪ.

Но... lieber Herr.

КАРПИНСКІЙ (*хладнокровно*).

Послушай, какъ тебя зовутъ, любезный?

ФРИЦЪ.

Фрицомъ, къ вашимъ услуга, г. Русскій.

КАРПИНСКІЙ.

Ну, такъ знай же, г. Фрицъ, я, ты видишь, человѣкъ больной и имѣю вотъ какую привычку....

Чтобъ мнѣ себя не мучить злостью,
Люблю сказать одинъ лишь разъ,
Потомъ, одною только тростью
Я повторяю мой приказъ. (*играя тростью*).

ФРИЦЪ (*вытараща глаза, отступаетъ*).

Нѣтъ, нѣтъ! все будетъ глейхъ готово!
Больной сердитъ я не хочу,
Оно и Русска не здорово,
И Нѣмцу страхъ не по плечу.

КАРПИНСКІЙ.

А! стало быть, мой завтракъ и мои вещи...

ФРИЦЪ.

Все это снести надо къ этой.... (*движеніе Карпинскаго*). По.... по.... понимай-съ.... не трудитесь повторяйть....

КАРПИНСКІЙ.

Браво! молодецъ! Такъ комната Елизаветы Николаевны точно здѣсь? (*показывая на право*).

ФРИЦЪ.

Да-съ; хоть сама-то она уѣхала со двора, а комнатъ ея зеен-зи...

КАРПИНСКІЙ.

Вотъ самое странное приключеніе!....
(*Входитъ въ комнату направо*).

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ФРИЦЪ *одинъ*.

Гмъ! Странное приключеніе! Точно странное.... а особливо этотъ кас-

падинъ такъ странно обходится по Русски, что у меня сердце упалъ отъ толста палка! А онъ какъ не въ чемъ не бывало, взялъ да и ушелъ.... Что-то скажетъ г-жа Карпинской? Ну! они обѣ Русскіе, такъ пусть ихъ сдѣлаются, какъ хочитъ.... Ей-то онъ ужъ конечно не станетъ объяснять своя привичекъ посредствомъ своя палка. (*Звонокъ съ правой стороны*) А! звонитъ.... хорошо! Звоните себѣ на здоровье! Этого-то трезвону я не боюсь.... Не безпокойтесь, будьте какъ дома.... (*Слышенъ звонокъ съ лѣвой стороны*) А! другая! видно г-нъ Невѣринъ проснулся.... Ну, этотъ Русскій гораздо лучше того, не имѣетъ дурной замашекъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ФРИЦЪ И НЕВѢРИНЪ (*съ лѣвой стороны входитъ.*)

ФРИЦЪ.

Вы изволили звонить, сударь?

НЕВѢРИНЪ.

Готовъ чай? Жена моя скоро возвратится, а докторъ приказалъ ей завтракать сейчасъ послѣ купанья. (*Садится на диванъ*).

ФРИЦЪ.

Все готово, господинъ (*въ сторону.*) Этотъ мужа, кажется, на посылка у своей жена! (*Опять звонокъ съ правой стороны*).

НЕВѢРИНЪ.

А! Это что? Наша сосѣдка ужъ возвратилась? рано же она встаетъ.

ФРИЦЪ.

Да-съ хороша, тамъ сосѣдка! Зналъ, куда палкой попалъ сосѣдка! Вотъ ужъ онъ другой разъ звонитъ, а это не къ добру.... побѣгу лучше туда, чтобъ не дождаться мнѣ отъ эта русака задай мене въ его палка.... Нѣтъ! Mit den Wölfen muss man heulen! (*Бѣжитъ направо въ комнату, и уноситъ букетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

НЕВѢРИНЪ И НЕВѢРИНА.

НЕВѢРИНЪ.

Чего это онъ такъ перепугался?... (*Идетъ на встрѣчу женѣ, которая входитъ въ среднюю дверь*). Здравствуй, милая Павлинька! Я ждалъ тебя.

НЕВѢРИНА.

Какъ, Вольдемаръ, проведя всю ночь на балѣ, ты такъ рано всталъ?

НЕВѢРИНЪ.

Ты не была тамъ вчера, такъ мнѣ и захотѣлось сегодня пораньше тебя увидѣть. А все виноватъ этотъ гадкій докторъ — педантъ, который не пустилъ тебя на балъ.

НЕВѢРИНА.

Что дѣлать, мой другъ! (*Садятся оба къ маленькому столику.*) И всѣ эти дамы, которыхъ я видѣла нынче въ купальнѣ, только бѣсили меня, разговаривая объ удовольствіяхъ вчерашняго бала. Такъ тамъ было весело? Ну, разскажи мнѣ что нибудь объ этомъ вечерѣ.

НЕВѢРИНЪ.

Ахъ, мой Богъ! Да я тамъ безъ тебя ничего не видалъ необыкновеннаго. Разумѣется, много танцовали, играли въ карты; мужья, зѣвая, смотрѣли на часы; вдовы и старыя дѣвы злословили, разумѣется, молодыхъ—вотъ тебѣ и весь вчерашній балъ. Поэтому ты видишь, что балы вездѣ почти одинаковы.

НЕВѢРИНА.

Но, по крайней мѣрѣ скажи, которая изъ молодыхъ женщинъ была лучше всѣхъ одѣта, или больше другихъ нравилась мужчинамъ?

НЕВѢРИНЪ.

О, что касается до этого, такъ вчера и Француженки и Нѣмочки, большыя

и здоровья, невольно уступили полную побѣду Русской красавицѣ. Ты вѣрно угадаешь, кому именно?

НЕВѢРИНА.

Неужели Елизаветѣ Николаевнѣ?

НЕВѢРИНЪ.

Да, мой другъ; она умѣла обворожить всѣхъ и любезностью и нарядомъ. Когда, три недѣли назадъ, она прiѣхала сюда безъ мужа, я заранѣе предсказывалъ ей, что она будетъ торжествовать надо всѣми. Вчера ужъ до того дошло, что влюбленные единогласно прокричали ее царицею водъ!

Мы смотрѣли и считали,
Кто ей нравиться желалъ;
Даже тѣ при ней вздыхали,
Кто и самъ едва дышалъ;
Всѣ при ней пустились въ танцы,
Прыгалъ Нѣмецъ удалой,
И тяжелые Британцы
И Французикъ съ бородой.

Всѣ влюблялись, какъ умѣли;
Кто былъ жалокъ, кто смѣшонъ,
А мужья — такъ не хотѣли
И смотрѣть на старыхъ женъ!
Всѣ больные ей въ угоду
Принялись страдать вполнѣ,
И кто долженъ пить бы воду,
Тотъ купается въ винѣ!

Тамъ былъ докторъ всѣхъ смѣшнѣе,
Открывая за секретъ:
Что лечить всего труднѣе
Модныхъ женщинъ въ 20 лѣтъ.
Доктора находятъ средства
Излечить хоть цѣлый свѣтъ,
Но отъ женскаго кокетства
Ни какого средства нѣтъ!

Впрочемъ, я и самъ нахожу, что заключенiе доктора отчасти справедливо. Она ужъ до того желала нравиться, что я хоть и Русскiй, а невольно готовъ былъ сказать всѣмъ и каждому: извините, господа, вы сами виноваты: хорошенькой женщинѣ только дайте полную волю, такъ послѣ и бѣда,— не удержишь.

НЕВѢРИНА.

А! такъ ты ею недоволенъ? Это удивительно!... Ну, а что до меня, такъ я давно ей все простила; да впрочемъ, она и сама старается о томъ, чтобъ я не имѣла на нее ни какихъ претензiй за прежнее. Надо сказать, что она очень любезна.

НЕВѢРИНЪ.

Помилуй! Однако жъ она любезна съ тобой, со мной, съ цѣлымъ свѣтомъ! Эта любезная женщина, конечно, можетъ всѣмъ нравиться, но любить — никогда. Нѣтъ, я терпѣть не могу такихъ женщинъ, тѣмъ болѣе, что Елизавета Николаевна еще любитъ злословить и смѣяться, завидуя нашему счастливому супружеству. Впрочемъ я молчу; всѣ ея недостатки относятся къ ея мужу, который также очень хорошъ! Изо всѣхъ моихъ прiятелей, почтенный г. Карпинскiй, не смотря на свои 35 лѣтъ, все еще вѣтренникъ и волокита порядочный: ихъ парочка.

НЕВѢРИНА (*съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ*).

Да... да... Но скажи мнѣ... вчера вечеромъ, кому она больше оказывала предпочтенiе изъ обожателей? Кто ей больше нравился?

НЕВѢРИНЪ.

Кто? Разумѣется тотъ, кто менѣе всѣхъ добивался этой чести.

НЕВѢРИНА.

Вотъ чудо! А кто же этотъ счастливый смертный?

НЕВѢРИНЪ (*серьезно*).

Человѣкъ, котораго почетное положенiе въ свѣтѣ уже не позволяетъ ни закѣмъ волочиться, который женатъ на прелестнѣйшей женщинѣ, однимъ словомъ, такой человѣкъ, который можетъ служить образцомъ постоянства. Неужели ты до сихъ поръ не угадала его?

НЕВѢРИНА (*посматривая на него*).

Нѣтъ, не угадала.

НЕВѢРИНЪ (*вставая изъ-за стола*).
При врожденной скромности, весьма непріятно говорить о самомъ себѣ.

НЕВѢРИНА.
Какъ! Такъ это ты?

НЕВѢРИНЪ.
Да. Но это меня ни чуть не удивляетъ.

НЕВѢРИНА.
Прошу покорно! Вотъ какъ всѣ мужчины много о себѣ думаютъ. Это ужасно! Отъ того что Елизавета Николаевна обошлась съ тобою по дружески, какъ обыкновенно бываетъ въ обществѣ, такъ ты и думаешь, что она въ тебя влюблена.

НЕВѢРИНЪ.
Да кто тебѣ и говоритъ о любви? Я вижу, что она кокетка, молчу и только... а отъ того, что не хотѣлъ быть въ числѣ ея несчастныхъ жертвъ, она сочла мое равнодушіе за дерзость, и нарочно такъ обратилась ко мнѣ. Но, я слуга покорный! Я составляю исключеніе, хоть и очень знаю, что всѣ женщины любятъ исключенія.

НЕВѢРИНА.
Какой вздоръ! Сдѣлай же ты милость, не перетолковывай въ свою пользу ея короткое обращеніе; это доказываетъ, что она вовсе и не думаетъ о тебѣ. Да впрочемъ, женатый человѣкъ для молодой женщины нисколько не интересенъ и *ровно ничего не значитъ* (Отходитъ въ глубину и потомъ становится по лѣвую сторону своего мужа).

НЕВѢРИНЪ (*переходя направо*).
А! Такъ по твоему *я ничего не значу*? Такъ она засматривалась на меня тоже отъ того, что *я ровно ничего не значу*? Удивительно!

НЕВѢРИНА.
Ни мало. Вамъ стыдно такъ дурно думать о женщинахъ.

НЕВѢРИНЪ.
Нѣтъ, я ничего не думаю. Только вчера Елизавета Николаевна, чтобъ уйти отъ докучныхъ любезниковъ, взяла меня подъ руку и объявила своимъ безцѣннымъ кавалеромъ. Это должно быть тоже отъ того, что *я ровно ничего не значу*. (*Вынимаетъ изъ кармана вѣеръ.*) Да, кажется, и свой вѣеръ оставила у меня въ рукахъ тоже, видно отъ того, что *я ничего не значу*.

НЕВѢРИНА.
Какъ! Ея вѣеръ? Какимъ образомъ онъ у тебя?

НЕВѢРИНЪ.
Да такъ, онъ очутился у меня ничего незначущимъ образомъ. Гмъ! Вотъ каковы нынче наши жены! Ужъ кажется, я очень люблю свою, такъ что въ глазахъ другой прелестной женщины кажусь отъ этого смѣшнымъ, сохраняю вѣрность, и вѣрность допотопную; по вмѣсто всякой благодарности, жена называетъ мужа человѣкомъ ничего незначущимъ! Нѣтъ, милая Павла Петровна, чтобы увѣрить васъ въ противномъ, я докажу вамъ при Елизаветѣ Николаевнѣ, что вы ошибаетесь.

НЕВѢРИНА.
Ну, ну, замолчи, вотъ и она идетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ И Г-ЖА КАРПИНСКАЯ (*входитъ изъ глубины съ букетомъ въ рукахъ; за нею лакей, который отдаетъ ей письма изъ разноцвѣтныхъ бумагъ*).

КАРПИНСКАЯ (*беретъ отъ него письма*)
Я очень больна, никого нынче не принимаю, слышишь?.. (*Невѣриной*) А! Здравствуйте, милая Павла Петровна!..
(*Слуга уноситъ столъ съ завтракомъ.*)

НЕВѢРИНЪ (*кланяясь*).

Сударыня!..

КАРПИНСКАЯ.

Такъ... всегда вмѣстѣ!.. Ха! ха, ха! Мы не даромъ прозвали васъ образцовыми супругами: всегда нѣжности; ни облачка печали, никогда ни малѣйшаго спора...

НЕВѢРИНЪ.

Напротивъ, Елизавета Николаевна. Вѣрно вы насъ сглазили: мы вотъ сію минуту заспорили. (*Становясь между двухъ дамъ.*) Позвольте васъ избрать нашимъ судьею.

НЕВѢРИНА (*быстро*).

Вольдемаръ! Перестань пожалуста!

НЕВѢРИНЪ.

Нѣтъ! Ты оскорбила мое самолюбіе

КАРПИНСКАЯ.

Посмотримъ, въ чемъ дѣло! О иногда я судья, можетъ быть, черезъ-чуръ справедливый.

НЕВѢРИНЪ.

Меня жестоко обижаютъ! Представьте, говорятъ утвердительно, что я въ глазахъ прекраснаго пола—просто человѣкъ ничего незначущій.

КАРПИНСКАЯ.

Послушайте жъ, если вы спрашиваете моего мнѣнія, то вашъ справедливый судья въ большомъ затрудненіи... Такой вопросъ очень щекотливъ. Гмъ! Когда сказать, что я согласна съ вашей женой, то ужъ это было бы невѣжество; если же признаться, что я совсѣмъ другаго мнѣнія, то, пожалуй, вы подумаете, что я... нахожу васъ очень опаснымъ.

НЕВѢРИНЪ.

Гмъ! Ну, сударыня, отвѣтъ вашъ настоящій дипломатическій... его надобно отгадывать.

КАРПИНСКАЯ.

А! ужъ извините! Всѣ молодыя женщины это-то и любятъ, чтобъ ихъ разгадывали.

НЕВѢРИНЪ (*тихо женѣ.*)

Вотъ ужъ и начинается кое-что. Слушай же...

КАРПИНСКАЯ.

Впрочемъ, чтобъ лучше вамъ понять меня, такъ, пожалуй, я объясню, что значитъ по моему: человѣкъ ничего незначущій, и тогда вы сами можете рѣшить, относится ли это къ особѣ вашей, или нѣтъ.

Достоинства свои кто высказать хлопочетъ,
Кто хочетъ умереть, не зная для кого,
Кто жалкимъ франтовствомъ понравиться намъ хочетъ —
Для насъ мужчина тотъ не значитъ ничего!
Кому насъ обмануть не жалко и не стыдно,
Кто уважать, любить не можетъ никого,
Кто хвалитъ насъ въ глаза, а думаетъ обидно —
Тотъ (*показывая на голову*) здѣсь имѣетъ все.. (*показывая на сердце*), тутъ ровно ничего!

И вотъ доказательство. Я вижу, что нашлись какіе-то глупцы, которые, кажется, составили заговоръ, чтобъ погубить меня своей несчастной перепиской въ прозѣ и стихахъ.

НЕВѢРИНЪ.

А! Такъ это вашъ сегодпишній вѣстникъ... Я думаю, сколько различной поэзіи, огня...

КАРПИНСКАЯ (*рветъ письма*).

Да, да, розовая водица съ сахаромъ.

НЕВѢРИНА.

Какъ? разорвать, ни одного не прочитавши?

КАРПИНСКАЯ.

А вы бы прочли, на моемъ мѣстѣ? Ай, ай, мой другъ!

НЕВѢРИНЪ.

Извините ея простодушіе; она никогда въ жизнь свою не имѣла переписки въ этомъ родѣ.

КАРПИНСКАЯ.

Очень вѣрю. За то я и завидую ва-

шей женѣ: она всегда подъ покровительствомъ нѣжнаго, преданнаго супруга. О! друзья мои, это много значитъ (*Садится на диванъ.*)

НЕВѢРИНЪ (*тихо женѣ.*)

Теперь, кажется, переходъ къ нѣжной меланхоліи. (*вслухъ*) Въ самомъ дѣлѣ, г. Карпинскій очень дурно ведетъ себя... Однако жъ не отчаявайтесь, я думаю, онъ не замедлитъ на этихъ дняхъ соединиться съ вами.

НЕВѢРИНА (*про себя, съ испугомъ*).

Что я слышу! Возможно ли!?

КАРПИНСКАЯ.

Нѣтъ, мой милый супругъ, по видимому, и не знаетъ, что я въ Баденѣ. Онъ такъ разсѣянъ! Богъ знаетъ зачѣмъ путешествуетъ? Право, я даже не знаю, гдѣ онъ и находится теперь ... полагаю, что въ, Германіи.

НЕВѢРИНА (*про себя*).

А! онъ не пріѣдетъ ... я отдыхаю! (*Беретъ книгу и садится на диванъ съ правой стороны.*)

КАРПИНСКАЯ (*вздохнувъ.*)

Ахъ, пренепріятное положеніе—пріѣхать на воды одной, сносить разныя глупости отъ праздной молодежи, которая готова думать и болтать: Она забыта! Она бѣдняжка оставлена! Слава Богу, что я встрѣтилась здѣсь съ вами, друзья мои! Мы очень хорошо сдѣлали, что поселились почти въ одной квартирѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ я сама не понимаю, что со мною дѣлается! Всѣ эти приторныя нѣжности молодыхъ крикуновъ не поселяютъ во мнѣ ни какого чувства, кромѣ холоднаго презрѣнія; между тѣмъ, какъ здѣсь, дома, иногда бываютъ минуты, что я хочу, желаю услышать хоть одно слово, сказанное мнѣ съ истиннымъ, благороднымъ чувствомъ.

НЕВѢРИНЪ (*тихо женѣ.*)

Ага! слышишь? Здѣсь! здѣсь !А вѣдь здѣсь между вами только я одинъ.

НЕВѢРИНА (*тихо мужу.*)

Да, да, ты правъ.

КАРПИНСКАЯ.

Согласитесь, друзья мои, вѣдь я имѣю право жаловаться на судьбу, на моего мужа?.. Но увы! я слишкомъ, добра! (*весело*) Однако жъ мужа въ сторону. Я надѣюсь, Павла Петровна, что вы нынче отправляетесь съ нами на скачку, не правда ли?

НЕВѢРИНА.

Нѣтъ, мой другъ, я сегодня никуда ни на шагъ.

КАРПИНСКАЯ.

Ну, такъ позвольте мнѣ васъ, Вольдемаръ Степанычъ, избрать своимъ кавалеромъ? (*ей*) Надѣюсь, вы дадите мнѣ волю похитить вашего мужа?

НЕВѢРИНА.

Да... почему же... (*тихо мужу*). Откажись, ради Бога!..

КАРПИНСКАЯ.

Стало быть, это рѣшено?

НЕВѢРИНЪ.

Извините, Елизавета Николаевна. Здоровье жены моей не позволяетъ мнѣ исполнить вашего желанія... Не сердитесь пожалуста. Я, какъ добрый мужъ, желалъ бы провести утро съ нею.

КАРПИНСКАЯ (*съ насмѣшкою*).

А! Да, да, я вѣдь и забыла, что вы всегда неразлучны... Впрочемъ, это не бѣда: я надѣюсь, что другіе не откажутся отъ подобнаго предложенія.

НЕВѢРИНЪ.

О, вѣроятно! Всякой готовъ будетъ оспоривать эту милость.

КАРПИНСКАЯ.

Вы думаете?

НЕВѢРИНЪ.

Разумѣется. Даже и для меня это большая жертва... Но, какъ человѣкъ женатый, который вполнѣ цѣнитъ свое счастіе, обязанъ поступать благоразумнѣе... (*Беретъ отъ жены вѣеръ, который она у него взя-*

ла до этой сцены.) Даже я увѣренъ, что вы безъ намѣренія забыли взять отъ меня вчера свой вѣеръ.

КАРПИНСКАЯ *(въ сторону.)*

Мой вѣеръ въ рукахъ его жены! О, это ужъ слишкомъ!

НЕВѢРИНЪ *(качая головой.)*

Признаюсь, было время, когда эта вещица была бы моею драгоцѣнностію; но теперь, я не тотъ! Какъ честный мужъ, я берегу себя, и знаю, какъ должно уважать чужую собственность... *(Отдаетъ ей вѣеръ.)* Не правда ли, вѣдь это хорошо съ моей стороны?

КАРПИНСКАЯ *(машетъ на себя вѣеромъ, говоря съ ироніей).*

Да-съ. Очень хорошо, съ вашей стороны! Я никакъ этого не ожидала!.. Вамъ бы за это слѣдовало... получить хорошую премію.

НЕВѢРИНЪ.

О, какъ вы добры, сударыня!..

(Карпинская встаетъ).

НЕВѢРИНА.

Что это, вы ужъ оставляете насъ?..

КАРПИНСКАЯ.

Да, мнѣ надо приготовиться къ поѣздкѣ; да я же, кажется, и мѣшаю вамъ... *(въ сторону)* Они оба заплатятъ мнѣ за свою дерзость! *(Хочетъ войти въ свою комнату).*

НЕВѢРИНЪ.

Надѣюсь, что впередъ она выберетъ себѣ другую жертву.

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢ ЖЕ И ФРИЦЪ.

(Въ ту минуту, какъ Карпинская хочетъ войти въ свою комнату, Фрицъ является въ дверяхъ съ чемоданомъ и разнымъ платьемъ въ рукахъ).

КАРПИНСКАЯ.

Фрицъ! Что это такое?

ФРИЦЪ.

Это, сударыня... видите веркій сюртукъ, чемоданъ, жилетъ, а это все прочее...

КАРПИНСКАЯ.

Да какъ же все это случилось у меня?

ФРИЦЪ.

О, да, у васъ, сударыня, то ли еще тамъ ошутится! Видите-съ, это все принадлежитъ тому господинъ, что пріѣхалъ нынче утромъ, тожебольной, хворый шеловѣкъ, только смотритъ такой здоровякъ, что шудо! А судя по манеръ, какъ кажется, онъ шисто Русскій.

НЕВѢРИНЪ.

Что это значитъ?

КАРПИНСКАЯ.

Вотъ мило! Какъ же ты смѣлъ пустить въ мою комнату?

ФРИЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не пускалъ, онъ самъ вошелъ. Къ тому же, эта больной господинъ имѣетъ странна маниръ: видитъ, онъ прикажетъ на слова только разъ, а другой, третій, и такъ дальше, дѣлитъ пантомима своя толста палка. Теперь эта больной надѣваитъ модна шлафрокъ; я поставилъ два кувертъ, и онъ ждетъ васъ на фриштикъ, не угодно ли? Онъ, кажется, ужъ крѣпка проголодовайся.

КАРПИНСКАЯ.

Прошу покорно! Да какъ же зовутъ этого господина?

ФРИЦЪ.

Позвольте... фамиліи я не знай, не спроси, а зовутся его... Геръ, геръ Иванъ Петровишь.

КАРПИНСКАЯ.

Мой мужъ! Ай! Ай!.. *(опомнясь)* Ахъ, какъ я рада!

НЕВѢРИНА *(въ сторону).*

Ахъ, Боже мой! Что мнѣ дѣлать?

ФРИЦЪ.

Ваша мужъ?

КАРПИНСКАЯ.

Мой мужъ! Какое счастіе! Я ждала отъ него этой глупости. Извините меня... Я такъ довольна, что увижу его! Ахъ, я въ восхищеніи! (*Уходитъ быстро въ свою комнату, Фрицъ въ глубину*).

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

НЕВѢРИНЪ И НЕВѢРИНА (*съ лѣвой стороны*).

НЕВѢРИНЪ (*смѣясь*).

Гмъ! Въ восхищеніи! Она въ восхищеніи отъ мужа... Ну, ей Богу, не вѣрю ни одному слову! Этотъ припадокъ супружеской нѣжности вовсе не натураленъ. (*ей*) Что, мой другъ? Видишь ли, какъ она досадовала на мое равнодушіе. Кажется, я совершенно уничтожилъ ея противузаконныя претензіи на сердце твоего мужа?

НЕВѢРИНА (*съ замѣшательствомъ*).

Другъ мой, Вольдемаръ! Я хочу просить у тебя одной милости.... ради Бога! не откажи мнѣ.... это очень важно....

НЕВѢРИНЪ.

Помилуй! да развѣ я отказывалъ тебѣ въ чемъ нибудь?

НЕВѢРИНА.

Знаю, знаю... но, все таки...

НЕВѢРИНЪ.

Къ чему этотъ серьезный тонъ? Клянусь тебѣ, что я исполню все, чего бы ты ни захотѣла.

НЕВѢРИНА.

Я хочу уѣхать.

НЕВѢРИНЪ.

Какъ! Оставить Баденъ?

НЕВѢРИНА.

Да.

НЕВѢРИНЪ.

Фи! какое ребячество! Не стыдно ли тебѣ такъ принимать къ сердцу кокетство этой женщины? Можешь ли ты ревновать меня, когда я въ твоихъ глазахъ нанесъ ея тщеславію одно изъ тѣхъ оскорбленій, которыя никогда не прощаются.

НЕВѢРИНА.

О, я знаю, что ты меня любишь.... Но, я хочу ѣхать.

НЕВѢРИНЪ.

Да что жъ это значитъ? Теперь только на водахъ настаетъ самое веселое время; притомъ же ты знаешь, какъ онѣ для тебя полезны.

НЕВѢРИНА.

Да... конечно... но я боюсь этой хитрой женщины... она можетъ похитить у меня твое сердце.

Пусть я несправедлива,
Брани меня за то....
Но, другъ мой.... я ревнива!
Ревнива, какъ никто!...

НЕВѢРИНЪ.

Не стыдно ли напрасно
Меня подозрѣвать?...

НЕВѢРИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, кто любитъ страстно,
2. Тотъ долженъ ревновать!

Да, мой другъ, я страдаю и надѣюсь, что ты не захочешь....

НЕВѢРИНЪ.

Не исполнить твоей воли? Боже сохрани! Если отъѣздъ необходимъ для твоего спокойствія....

НЕВѢРИНА.

Да, да, ради Бога!

НЕВѢРИНЪ.

Когда же ты хочешь ѣхать?

НЕВѢРИНА.

Даже сегодня.

НЕВѢРИНЪ.

Хоть сію минуту, если тебѣ угодно.

НЕВѢРИНА (*въ сторону*).

О, я только тогда и вздохну свободно, когда мы будемъ далеко отсюда.

НЕВѢРИНЪ.

Но знаешь ли, мой ангелъ, что съ твоимъ ревнивымъ характеромъ, ты была бы пренесчастная женщина, ес-

ли бъ имѣла не такого совѣстливаго мужа, какъ я. . . .

НЕВѢРИНА.

О, я знаю, что ты . . . .

НЕВѢРИНЪ.

Я прикажу приготовить почтовыхъ лошадей, и чрезъ два часа мы поѣдемъ.

НЕВѢРИНА.

Милый, добрый Вольдемаръ! (*въ сторону*). Теперь я спасена!

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТѢ ЖЕ И Г. КАРПИНСКІЙ.

КАРПИНСКІЙ (*въ богатомъ халатѣ.*)

Возможно ли! Невѣринъ здѣсь? Гдѣ же онъ? гдѣ?. . .

НЕВѢРИНА (*въ сторону.*)

Ахъ! это онъ!

КАРПИНСКІЙ.

Чортъ возьми! Владиміръ Степанычъ! Здорово, мой милый! Жена сейчасъ только сказала, что ты здѣсь, и я бросился, какъ безумный . . . но, *pardon!* . . . кажется я заставляю бѣжать эту прекрасную даму . . . и не мудрено: мой глупый костюмъ . . .

НЕВѢРИНА (*въ сторону.*)

Я едва стою на ногахъ! . . .

НЕВѢРИНЪ.

Ничего, ничего, позвольте мнѣ, Левъ Александровичъ, представить васъ г-жѣ Невѣриной . . .

КАРПИНСКІЙ (*про себя*).

А! это его жена! Посмотримъ, хорошъ ли у него вкусъ . . . проклятый халатъ! . . . Сударыня. . . Что я вижу! Павла Петровна! . . .

НЕВѢРИНЪ.

Отъ чего жъ вы такъ изумились?

КАРПИНСКІЙ.

Вотъ самая счастливая встрѣча! . . . Ваша супруга, Владиміръ Степановичъ, знакома со мною . . . право . . .

НЕВѢРИНЪ.

Вотъ! въ самомъ дѣлѣ?

КАРПИНСКІЙ.

Какъ же. Онѣ жили въ Подмосковной деревнѣ, а имѣніе моего покойнаго отца по сосѣдству, близехонько . . . и тамъ-то я имѣлъ честь видѣть ихъ нѣсколько разъ.

НЕВѢРИНА (*въ замѣшательствѣ.*)

Да . . . точно . . . я сама припоминаю теперь!

КАРПИНСКІЙ (*про себя*)

Она припоминаетъ! Ну, дѣло запутывается. . . Тамъ жена, здѣсь прежняя невѣста, нѣтъ ли ужъ гдѣ и третьей? . . . а я въ халатѣ . . . худо!

НЕВѢРИНЪ.

Ну, Левъ Александровичъ, если бы вы видѣли, какъ обрадовалась Елизавета Николаевна вашему пріѣзду . . . просто она была въ восторгѣ.

КАРПИНСКІЙ.

О, и я также, клянусь вамъ! . . . (*смотря на Невѣрину*). Вы не повѣрите, какое счастіе, послѣ долгой разлуки найти тѣхъ, кого невольно все еще любишь по прежнему.

НЕВѢРИНА.

Фу! какой жаръ! . .

КАРПИНСКІЙ.

Да, я давно не былъ такъ счастливъ! Какъ я благодаренъ судьбѣ, что она свела меня съ однимъ изъ лучшихъ друзей . . . съ тобою, любезный Владиміръ Степановичъ.

НЕВѢРИНЪ.

Жаль только, что не на долго. . . мы оставляемъ Баденъ.

КАРПИНСКІЙ.

Какъ, сударыня, вы уѣзжаете?

НЕВѢРИНА.

Да, сударь.

КАРПИНСКІЙ.

О, такъ вѣрно васъ заставляютъ какія нибудь важныя причины . . .

НЕВѢРИНЪ.

Нѣтъ, ребячество, ея капризъ, больше ничего. Но я молчу, соглашаюсь, и только побѣжалъ за лошадьми, а вы и вошли.

КАРПИНСКІЙ.

Если такъ, то пожалуста не церемоньтесь со мною . . . (*про себя*) Я могу говорить съ нею наединѣ . . . (*ей*) А куда вы ѣдете?

НЕВѢРИНЪ.

Да! въ самомъ дѣлѣ, куда же мы поѣдемъ, мой ангелъ? Впрочемъ это мы рѣшимъ на первой станціи; оно будетъ нѣсколько романически. Странно! я теперь похожъ на отчаяннаго любовника, который похищаетъ свою красавицу. Признайся, Карпинскій, ты бы хотѣлъ быть на моемъ мѣстѣ?

КАРПИНСКІЙ (*забывшись.*)

Какъ же, чортъ возьми! . . . Извините меня, сударыня, я проговорился . . . (*про себя*) Проклятый халатъ!

НЕВѢРИНЪ.

Ничего, ничего; однако жъ позвольте мнѣ, я побѣгу приготовиться къ отъѣзду (*уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

НЕВѢРИНА И КАРПИНСКІЙ.

КАРПИНСКІЙ (*про себя, подбирая полы*).

Гмъ ! . . . гмъ ! . . .

(*особо*)

Мы одни! я очень радъ ! . . .
Но, дурацкій мой халатъ
Страхъ мѣшаетъ мнѣ проклятый! . . .

(*ей*)

Ахъ, позвольте вамъ сказать . . .

(*особо*)

Нѣтъ! не въ силахъ я начать.
Просто шутъ я полосатый! . . .

НЕВѢРИНА (*особо*).

Онъ останется со мной!
Что мнѣ дѣлать? . . . Боже мой! . . .

КАРПИНСКІЙ (*особо*).

Вотъ мила! какъ розанъ майскій!
А ужъ я то передъ ней,
Съ глупой физикой своей,
Точно мандаринъ Китайскій!

Но, все равно! (*ей*) Наконецъ-то, сударыня, судьба сжалилась надо мною . . . и доставила мнѣ случай поговорить съ вами безъ принужденія.

НЕВѢРИНА.

Государь мой! мнѣ нечего слушать отъ васъ; позвольте мнѣ удалиться! . . .

КАРПИНСКІЙ.

Какъ! вы хотите лишить меня счастія, которое мнѣ само небо . . . (*особо*) проклятый халатъ! (*ей*) послало . . . Вспомните, ужъ четыре года прошло, какъ жестокій жребій разлучилъ насъ.

НЕВѢРИНА.

Вы забываетесь! Я не могу, я не должна теперь слушать подобныхъ выраженій . . .

КАРПИНСКІЙ.

Помилуйте, отъ чего же? Неужели такъ скоро позабыто все прошедшее? Это непростительно! Я не вѣрю: ваше замѣшательство при моемъ появленіи, которое даже и теперь вы напрасно желаете скрыть . . . все даетъ знать, что вы меня вспомнили . . . что прошедшее не могло еще истребиться . . . (*особо*) Фу, чортъ возьми! никогда я такъ пошло не выражался. Дурацкій халатъ отнялъ у меня всѣ средства.

НЕВѢРИНА.

Послушайте, сударь, вамъ извѣстно, что уже два года, какъ я замужемъ, и люблю своего мужа истинно, потому что онъ вполнѣ достоинъ моей любви.

КАРПИНСКІЙ.

Я вамъ вѣрю... Однако жъ, помнится, что, когда-то, вы и меня любили

НЕВѢРИНА.

Съ чего вы это взяли, сударь? Клянусь вамъ, что вы ошиблись.

КАРПИНСКІЙ.

Какъ! я ошибся? Неужели? Стало быть, я не смѣю сослаться на ваши письма, въ которыхъ такъ непритворно изливались ваши чувства . . . и на портретъ, который когда-то я, тоже, вѣрно получилъ ошибкой?

НЕВѢРИНА.

Ахъ, Боже мой!...

КАРПИНСКІЙ *(особо.)*

А! это подѣйствовало!.. *(ей)* Повѣрьте, что этотъ залогъ минувшаго счастія, во все время разлуки не оставлялъ меня!... *(особо)* О, если бъ я теперь не былъ въ халатѣ.

НЕВѢРИНА.

Если такъ, то надо признаться, сударь мой, теперь я и сама довольна тѣмъ, что встрѣтилась съ вами! Если бъ вы знали, сколько разъ мысль объ этомъ портретѣ и письмахъ лишала меня спокойствія... Ради Бога, не отравляйте моего счастія, я васъ прошу, отдайте мнѣ ихъ...

КАРПИНСКІЙ.

Что вы говорите! Мнѣ отдать вамъ эту драгоцѣнность? а знаете ли вы, что съ потерею васъ, этотъ портретъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ отчаянному страдальцу! *(особо)* Смѣлѣй! Нужды нѣтъ, что въ халатѣ!.. *(ей)* Да, сударыня: меня очернили въ вашихъ глазахъ, описали человѣкомъ легкомысленнымъ, жаднымъ до однихъ удовольствій; но никто не могъ угадать причины моихъ поступковъ. Правда, я предавался разсѣянности, и все отъ того, что вы привели меня въ отчаяніе... Знайте же, что я женился съ отчаянія... что я и жить остался съ отчаянія! И клянусь вамъ, что жизнь эта для меня ужаснѣе смерти!... *(особо)* Кажется, хорошо.

НЕВѢРИНА.

Замолчите, сударь! Черезъ часъ я буду далеко отсюда... и очень сожалѣю, что, уѣзжая, должна потерять къ вамъ всякое уваженіе.

КАРПИНСКІЙ.

А! такъ теперь я понимаю васъ! Вы хотите бѣжать отъ меня... но, вы не успѣете въ этомъ: я долженъ оправдаться, получить ваше прощеніе, я послѣдую за вами. *(особо)* Не услыхала бы жена...

НЕВѢРИНА.

Какъ! вы осмѣлитесь?...

КАРПИНСКІЙ.

На всякую глупость! Да, сударыня, если вы лишаете меня вашей дружбы, моего счастія, если вы запрещаете мнѣ видѣться съ вами, то я буду дѣйствовать, какъ безумный: вы уѣдете черезъ часъ, а черезъ часъ съ четвертью, моя карета послѣдуетъ за вами.

НЕВѢРИНА.

Но это безразсудство! Я не понимаю, что вы захотите мнѣ доказать этимъ? чего вы надѣетесь? и что скажетъ мой мужъ?

КАРПИНСКІЙ.

О, пусть онъ скажетъ всѣмъ, что я сошелъ съ ума; пусть бранитъ меня, или убьетъ, мнѣ все равно; но я долженъ оправдаться передъ вами, я хочу пользоваться снова вашею дружбой... вспоминать прошедшее, и вотъ все, чего я желаю въ этомъ мірѣ. Клянусь, что тутъ нѣтъ ни вины, ни преступленія... А! вотъ, кажется, идетъ вашъ мужъ... Подумайте же хорошенько о томъ, что я сказалъ: если вы останетесь, и назовете меня своимъ старымъ, нѣжнымъ другомъ, то нѣтъ такой жертвы, которой бы я не принесъ вамъ; но, если же вы уѣзжаете, мое отчаяніе послѣдуетъ за вами, и неотразимый гнѣвъ грозной судьбы уничтожитъ насъ обоихъ! .. *(особо)* Цѣликомъ изъ какой-то глупой Французской драмы! Да ничего, годится для аттаки въ халатѣ.

(уходитъ направо.)

—

ЯВЛЕНІЕ 10.

НЕВѢРИНА, потомъ НЕВѢРИНЪ.

НЕВѢРИНА *(въ страхѣ.)*

Ахъ, Боже мой! что мнѣ дѣлать?..

НЕВѢРИНЪ.

Ну, радуйся, мой ангелъ, приказаніе твое исполнено.

НЕВѢРИНА (*особо.*)

Можно ли мнѣ теперь уѣхать?...

НЕВѢРИНЪ.

Это что значитъ? Отъ чего такъ смутилась?

НЕВѢРИНА.

Ахъ, мой другъ! я очень несчастна!

НЕВѢРИНЪ.

Несчастна! Отъ чего же ты молчишь? Открой мнѣ все....

НЕВѢРИНА.

Владиміръ! эта тайна давно уже тяготитъ мое сердце.

НЕВѢРИНЪ.

Тайна?..

НЕВѢРИНА.

Да; тысячу разъ я хотѣла тебѣ открыть ее, но боялась, думая, что ты менѣе станешь любить меня ... но, теперь я все скажу тебѣ: я увѣрена, что ты простишь меня...

НЕВѢРИНЪ.

Простишь! Что жъ это за тайна? Откройся...

НЕВѢРИНА.

Во всемъ, мой другъ! Выслушай меня, такъ какъ отецъ дочь свою: пять лѣтъ тому назадъ, я была почти еще ребенкомъ и жила съ матушкой въ нашей подмосковной деревнѣ. Мы познакомились тамъ съ однимъ сосѣднимъ семействомъ, въ которомъ была молодая дѣвица лѣтъ семнадцати, но съ характеромъ пылкимъ и романическимъ, отъ этого именно она мнѣ нравилась, и, разумѣется, была со мною неразлучна; я съ нею жила совершенно счастливо, какъ вдругъ ея братъ...

НЕВѢРИНЪ.

А! у ней былъ братъ?...

НЕВѢРИНА.

Да, онъ оканчивалъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, и я тогда только узнала его, какъ онъ однажды пріѣхалъ провести лѣтнее время въ деревнѣ съ своими родными. Со времени его пріѣзда, сестра его посѣщала насъ гораздо чаще, а онъ былъ всегда ея провожатымъ. Но, надо тебѣ сказать, что его короткое знакомство съ нами въ послѣдствіи было причиною моихъ горькихъ слезъ.

НЕВѢРИНЪ.

Понимаю, онъ просто въ тебя влюбился.

НЕВѢРИНЪ.

Да... я тоже думала ... и разумѣется, призналась во всемъ матушкѣ. Но вотъ что получила въ отвѣтъ: что если бъ даже лѣта позволяли мнѣ, то это супружество никогда не состоится!.... Ахъ, мой другъ, когда я должна была отказаться отъ него, то, признаюсь, мнѣ показалось, что и я также къ нему неравнодушна.

(*Невѣринъ удерживается.*)

НЕВѢРИНЪ.

Гмъ! продолжай...

НЕВѢРИНА.

Но, матушка разсердилась и строго запретила ему пріѣзжать въ нашъ домъ; однимъ словомъ, все бы между нами кончилось, если бъ легкомысленная сестра его, не понимая всей важности своихъ совѣтовъ, не вздумала помогать намъ. Въ ея глазахъ, мы сдѣлались какими-то несчастными героями романа ... Что же вышло? Она увѣрила насъ, что въ разлукѣ мы должны по крайней мѣрѣ переписываться другъ съ другомъ, и для начала принесла мнѣ письмо своего брата; я не хотѣла взять, но она такъ трогательно описала его горесть, такъ смѣло упрекала меня въ жестокости, что я не могла никакъ противиться...

НЕВѢРИНЪ.

И ты отвѣчала ему?

НЕВѢРИНЪ.

Нѣтъ, я была такъ неопытна... мы обѣ отвѣчали ему. Варинька всегда поправляла мои письма, потому что мало находила въ нихъ нѣжныхъ выраженій. Когда же онъ долженъ

былъ уѣхать въ Петербургъ, чтобъ оттуда отправиться путешествовать по Европѣ, то Варинька упросила меня позволить ему снять мой портретъ, который бы остался брату единственнымъ утѣшеніемъ въ разлукѣ.

НЕВѢРИНЪ.

Твой портретъ?

НЕВѢРИНА.

Да... и на другой день онъ уѣхалъ.

НЕВѢРИНЪ.

Съ твоимъ портретомъ!?

НЕВѢРИНА.

Ахъ, мнѣ казалось тогда, что я очень несчастна! Но, наконецъ мы узнаемъ, что этотъ молодой человѣкъ просто шалунъ, ведетъ въ Петербургѣ самую разсѣянную жизнь и клянется въ любви другимъ точно такъ же, какъ и мнѣ. Разумѣется, этого было слишкомъ довольно, чтобъ открыть мнѣ глаза... Другъ мой! только съ тобою я постигла истинное счастіе! Теперь ты узналъ все... и суди меня.

Я себя не понимала,
Я тогда была дитей,
И любовью то считала,
Что теперь зову мечтой.

Разсуди же хладнокровно,
Ты не зналъ меня тогда,
Я дитей была виновна,
Но женою — никогда!

НЕВѢРИНЪ (*послѣ минутнаго размышленія.*)

И ты, послѣ этого, никогда уже не видала этого молодаго человѣка?

НЕВѢРИНА.

Никогда.. однако жъ, сегодня, вдругъ!..

НЕВѢРИНЪ.

Сегодня!.. А его фамилія?..

НЕВѢРИНА.

Карпинскій!

НЕВѢРИНЪ.

Карпинскій! Такъ ты отъ него-то хотѣла уѣхать?

НЕВѢРИНА.

Да, мой другъ, я боялась съ нимъ встрѣтиться. Вообрази себѣ: какъ только ты оставилъ насъ однихъ, то онъ опять началъ говорить со мною точно такъ, какъ бывало прежде.

НЕВѢРИНЪ.

Наглецъ!

НЕВѢРИНА.

Я стала просить у него назадъ мой портретъ и письма, но онъ не хотѣлъ отдать ихъ; напротивъ, онъ еще хочетъ ѣхать вслѣдъ за мною, чтобъ оправдаться и имѣть право пользоваться моею дружбой. Владиміръ! Увѣрь меня, что я тутъ нисколько невиновата, что ты простилъ жену свою!..

НЕВѢРИНЪ.

Прощаютъ виноватыхъ, а я понялъ и вижу, что ты была только безразсудна. (*Невѣрина обнимаетъ его.*) Успокойся же, я не стану обвинять тебя... Однако жъ, это можетъ имѣть очень важныя послѣдствія, потому что г. Карпинскій изъ числа тѣхъ молодыхъ глупцовъ, которые во славу романтической свободы готовы забыть себя, чтобъ только имѣть удовольствіе помрачить доброе имя женщины. Нѣтъ! надо взять мѣры... (*Идетъ къ столу, который въ глубинѣ сцены.*)

НЕВѢРИНА.

Что жъ ты хочешь дѣлать?

НЕВѢРИНЪ.

Надо получить твой портретъ и письма — они ему вовсе не нужны (*звонитъ; потомъ садится и пишетъ.*)

НЕВѢРИНА.

Какъ! Ты хочешь съ нимъ объясняться? Ахъ! Я ужасно боюсь....

НЕВѢРИНЪ.

Ничего, дѣло теперь касается до одного меня.

НЕВѢРИНА.

Но, прошу тебя, будь благоразумнѣе, мой другъ...

НЕВѢРИНЪ (*вошедшему слугѣ.*)

А! Сыщи г. Карпинскаго и отдай

ему эту записку. (*Отдавъ слугѣ, который немедленно уходитъ, обращаясь къ женѣ.*) Успокойся... я самъ не желаю разглашать этой проказы, но и не могу оставить твоей репутаціи во власти этого волокиты

НЕВѢРИНА.

А если онъ не послушаетъ тебя?

НЕВѢРИНЪ.

Вздоръ! Тѣмъ или другимъ способомъ, но я заставлю его молчать.

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

ТѢ ЖЕ И Г-ЖА КАРПИНСКАЯ.

КАРПИНСКАЯ.

Что это значитъ, друзья мои? Мужъ мой сказалъ, что вы насъ оставляете?

НЕВѢРИНА.

Да... разныя непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ насъ...

НЕВѢРИНЪ (*особо.*)

Ахъ, какая мысль!.. Да! Это очень можетъ быть... кокетство этой женщины... которое даже сегодня утромъ... о, если бъ мнѣ удалось!.. (*думаетъ.*)

КАРПИНСКАЯ.

Да что жъ такое сдѣлалось, что вы вдругъ такъ заторопились?..

НЕВѢРИНЪ (*особо*).

Тогда я по крайней мѣрѣ буду увѣренъ въ его скромности и кончу это несчастное дѣло безъ огласки.

—

ЯВЛЕНІЕ 12.

ТѢ ЖЕ И Г. КАРПИНСКІЙ.

(*Карпинскій держитъ въ рукахъ записку.*)

КАРПИНСКІЙ (*самъ съ собою.*)

Фи, какъ это по-Руски! Разсказать все... для того чтобъ я имѣлъ дѣло съ ея мужемъ... Это вовсе не весело.

НЕВѢРИНА (*мужу*).

Я ужасно боюсь!..

КАРПИНСКІЙ (*тихо Невѣрину*).

Я получилъ вашу записку.

НЕВѢРИНЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Ахъ, я очень радъ, любезный Левъ Александровичъ!..

КАРПИНСКІЙ (*особо.*)

Любезный!.. Что это? Ахъ, да... понимаю. (*Тихо Невѣрину*) Я къ вашимъ услугамъ.

НЕВѢРИНЪ (*особо*).

Чортъ возьми! Какъ тутъ выпутаться?.. Мнѣ нужно было кое что сказать вамъ...

КАРПИНСКАЯ.

Господа! У васъ какая-то тайна... Не мѣшаемъ ли мы вамъ?..

(*Невѣринъ переходитъ къ Карпинской, Невѣрина справа подлѣ мужа.*)

НЕВѢРИНЪ.

Помилуйте, Вѣра Николаевна, ничего не бывало... Я хотѣлъ попросить вашего мужа о небольшой услугѣ...

КАРПИНСКІЙ (*особо.*)

Хоть убей, ничего не понимаю.

НЕВѢРИНА (*про себя.*)

Что онъ хочетъ дѣлать?

НЕВѢРИНЪ (*улыбаясь.*)

Мы остаемся здѣсь.

КАРПИНСКАЯ.

Неужели?

НЕВѢРИНЪ.

Да, жена передумала, и я тоже.

НЕВѢРИНА (*тихо мужу.*)

Что же онъ-то подумаетъ?

КАРПИНСКІЙ (*особо*).

Да это прелесть, а не женщина!.. А я смѣлъ обвинять ее.

НЕВѢРИНЪ.

Вамъ извѣстно, я думаю, что наши дамы, какъ-то, не умѣютъ быть рѣшительными; и моя Павла Петровна изъ этого же числа; она остается, а чтобъ ни въ чемъ не отстать отъ другихъ, такъ же хочетъ присоединиться къ блестящей кавалькадѣ, о которой теперь хлопочетъ весь Баденъ...

Жаль только, что я необходимо долженъ остаться, чтобъ приготовить отвѣты на нѣкоторыя письма, полученныя нынче утромъ изъ Петербурга; впрочемъ, я надѣюсь, что любезный Левъ Александровичъ замѣнитъ меня? Не такъ ли?

КАРПИНСКІЙ.

Я!..

НЕВѢРИНЪ.

Да, жена моя не такъ хорошо ѣздитъ, и меня будетъ безпокоить, если при ней не будетъ искуснаго всадника.

НЕВѢРИНА (*тихо мужу.*)

Помилуй! Ты знаешь, что этого теперь не должно быть!

НЕВѢРИНЪ (*тихо женѣ.*)

Это необходимо.

КАРПИНСКІЙ.

Сударыня, можете быть увѣрены, что я съ удовольствіемъ готовъ услужить вашему супругу .. (*особо*) О, почтеннѣйшій мужenекъ! А я было принялъ его письмо за вызовъ.

КАРПИНСКАЯ.

Ну, такъ я очень рада, что нашихъ Русскихъ будетъ тамъ побольше. Благодарю тебя, душа моя, что ты передумала.

КАРПИНСКІЙ (*особо.*)

Ахъ, чортъ возьми! Жена-то моя будетъ лишняя.

НЕВѢРИНЪ (*Карпинской.*)

Сдѣлайте милость, сударыня, останьтесь; мнѣ необходимо поговорить съ вами.

КАРПИНСКАЯ (*особо.*)

Возможно ли! Чего онъ хочетъ отъ меня?

КАРПИНСКІЙ (*женѣ.*)

Какъ, душа моя, неужели ты можешь быть на скачкѣ, протанцовавши цѣлую ночь? Это тебя убьетъ.

НЕВѢРИНЪ (*Карпинской,*)

Умоляю васъ! Только на одну минуту!..

КАРПИНСКІЙ (*женѣ.*)

Я совѣтую тебѣ, мой ангелъ, поберечь себя.

КАРПИНСКАЯ.

Ну, если мужъ мой непремѣнно этого хочетъ, хорошо, пожалуй, я остаюсь.

КАРПИНСКІЙ.

И очень умно: здѣсь надо беречь здоровье... а я пойду приготовить лошадей, и чрезъ десять минутъ приду за вами. (*Тихо Невѣриной*) Вы ангелъ!!

(*За кулисами слышенъ отдаленный звукъ рога.*)

НЕВѢРИНЪ (*тихо Карпинской.*)

Какъ я вамъ благодаренъ!..

КАРПИНСКІЙ (*тихо Невѣриной*).

Вмѣстѣ.

Я вашъ покорнѣйшій слуга!..
(*особо*).
Какъ кстати, вотъ прекрасно!
Тамъ слышу я, трубятъ въ рога,
А здѣсь, ихъ вижу ясно.
НЕВѢРИНЪ (*женѣ*).
Вотъ твой защитникъ и слуга,
Не ѣздите жъ напрасно...
(*особо*).
Пускай врага зовутъ рога,
Онъ ищетъ ихъ ужасно.
КАРПИНСКАЯ.
Друзья, скорѣй! трубятъ въ рога.
Я ихъ ждала напрасно.
(*особо*)
За то здѣсь гордаго врага
Я накажу ужасно!
НЕВѢРИНА (*смотря на Карпинскаго.*)
Я вижу въ немъ себѣ врага,
Боюсь его ужасно!
(*особо*)
Такой покорнѣйшій слуга
Услужливъ не напрасно.

(*Карпинскій провожаетъ Невѣрину до ея комнаты; потомъ уходитъ въ глубину сцены*).

—

ЯВЛЕНІЕ 13.

НЕВѢРИНЪ И КАРПИНСКАЯ.

НЕВѢРИНЪ (*про себя.*)

Гмъ!.. Хоть умереть, не знаю какъ начать разговоръ...

КАРПИНСКАЯ (*про себя.*)

Не рѣшился бы онъ на какую нибудь новую дерзость?.. Онъ дорого за нее заплатитъ.

НЕВѢРИНЪ.

Вѣра Николаевна!..

КАРПИНСКАЯ.

Владиміръ Степанычъ!..

НЕВѢРИНЪ (*про себя.*)

Дьявольски трудно!.. Я давича такъ не кстати вздумалъ надъ нею посмѣяться... Какъ бы пустить въ ходъ прежнее, холостое краснорѣчіе?.. (*ей*) Вѣра Николаевна!

КАРПИНСКАЯ (*смѣясь.*)

Опять!

НЕВѢРИНЪ (*особо.*)

Ну, эта улыбка добра не обѣщаетъ! .. Съ чего бы начать?..

КАРПИНСКАЯ.

Такъ вы только это и хотѣли сказать мнѣ?

НЕВѢРИНЪ.

Ради Бога! Не увеличивайте моего замѣшательства... Виноватъ, мое смущеніе мѣшаетъ мнѣ высказать то, чего я такъ желалъ... отъ чего и вы сами, можетъ быть, удивитесь...

КАРПИНСКАЯ.

Да можно ли не удивляться, если вы хотите сказать что нибудь любезное (*Смѣется.*)

НЕВѢРИНЪ (*особо*).

А! Она, кажется, готова сама помочь мнѣ.

Ужель вы хотите безбожно смѣяться?
Ужель мнѣ отнынѣ несчастье во всемъ?
Нѣтъ, я передъ вами хочу оправдаться,
Чтобъ быть вашимъ вѣрнымъ, послушнымъ рабомъ!
Къ чему жъ вы хотите насмѣшкой, презрѣньемъ
Смягчать наказанье въ обидѣ своей!.

2 { Вы знаете сами, что вашимъ прощеньемъ
Вы мнѣ отомстите гораздо больнѣй!

КАРПИНСКАЯ (*про себя.*)

А! Да это публичное покаяніе!.. Ну, такъ пусть же оно будетъ вполнѣ.

НЕВѢРИНЪ.

Вы не отвѣчаете?

КАРПИНСКАЯ.

Конечно, вы виноваты, что отказались провожать меня... и что отдали мнѣ вѣеръ, который я потеряла ... что дѣлать, я не множко избалована, я привыкла видѣть, чтобъ передо мною падали на колѣна. Но, впрочемъ, ваше гордое равнодушіе имѣетъ столько благородства, что я никогда не могу имъ обидѣться.

НЕВѢРИНЪ (*про себя.*)

Если она и кокетка, такъ по крайней мѣрѣ незлопамятна. (*ей*) Да, наружность меня обвиняетъ... но тайный голосъ не говоритъ ли вамъ, что притворная холодность моя не что иное, какъ маска, подъ которою я думалъ всегда скрываться.

КАРПИНСКАЯ.

А! Такъ это была только комедія?.. Поздравляю васъ! Вы очень хорошо ее съиграли. Ну, а какъ называется та, которую вы теперь играете?

НЕВѢРИНЪ.

О, вы очень хорошо знаете, что теперь я вамъ говорю чистую правду... Я слишкомъ долго боролся съ самимъ собою; но теперь вижу, что все напрасно. Заклинаю васъ, забудьте все прошедшее! Оставьте этотъ строгій видъ, и взгляните на меня такъ, какъ вы смотрѣли нынѣшнею ночью на балѣ... вспомните, когда вы забыли въ моихъ рукахъ вашъ вѣеръ.

КАРПИНСКАЯ.

И который вы такъ вѣжливо отдали назадъ.

НЕВѢРИНЪ (*съ чувствомъ.*)

О, теперь я хотѣлъ бы цѣною моей

жизни купить залогъ вашей нѣжной дружбы! Я бы хотѣлъ ежеминутно находить ее въ вашихъ взорахъ... Ахъ! Этотъ медальонъ...

КАРПИНСКАЯ.

Мой портретъ!

НЕВѢРИНЪ.

Вашъ портретъ!.. О, умоляю васъ! Дайте мнѣ его, какъ залогъ прощенія и дружбы! Посмотрите, я готовъ на колѣняхъ, неотступно просить васъ объ этомъ... (*Становится на одно колѣно*) Неужели вы можете мнѣ отказать? Ради Бога!..

КАРПИНСКАЯ.

Г. Невѣринъ! Въ отвѣтъ на все, что вы такъ мило мнѣ напѣли, я хочу дать вамъ совѣтъ. Знаете ли вы?..

(*музыка*).

Бываютъ обиды, которыхъ, признаться,
Не должно мужчинамъ прощать никогда!
И тотъ, кто способенъ такъ сильно влюбляться,
Тотъ дерзокъ ужасно бываетъ всегда;
Когда жъ вы хотите молить о прощеньи,
Къ женѣ обратитесь, совѣтую я;
2. Тамъ будьте предъ нею въ такомъ положеньи,
А здѣсь, вы совсѣмъ уронили себя!

(*Смѣется и уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 14.

НЕВѢРИНЪ (*одинъ, вскакивая съ колѣнъ.*)

То есть... во всѣхъ частяхъ, съ ногъ до головы кокетка!.. Чортъ возьми! А я думалъ еще перехитрить ее, и остался въ дуракахъ, какъ глупый школьникъ!.. Я думалъ, что она мнѣ по крайней мѣрѣ скажетъ: встаньте, насъ увидятъ!.. Рѣшительно, эта семейная война для меня непонятна.... Да, женидьба меня совсѣмъ испортила... лучше возьмусь за прежнюю мысль, объяснюсь съ Карпинскимъ; мужчина противъ мужчины, значитъ партія ровная.

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

КАРПИНСКІЙ И НЕВѢРИНЪ.

КАРПИНСКІЙ.

Ну, что, готова ли Павла Петровна? Я нашелъ ей чудесную рыжую лошадь! Самое смирное и кроткое животное.

НЕВѢРИНЪ.

Поберегите его для себя, напрасный трудъ.

КАРПИНСКІЙ.

Какъ напрасный, если я нахожу въ этомъ одно удовольствіе?

НЕВѢРИНЪ.

Но прогулка эта не состоится.

КАРПИНСКІЙ.

Ба! Да какая же причина?

НЕВѢРИНЪ.

А такая, что для себя я тутъ не вижу ни какого удовольствія.

КАРПИНСКІЙ (*особо.*)

Ну, еще новости! (*ему*) Да вѣдь вы сейчасъ сами желали этого.

НЕВѢРИНЪ.

Да, но теперь не желаю.

КАРПИНСКІЙ (*особо*).

Пусть меня повѣсятъ, если я понимаю хоть слово.

НЕВѢРИНЪ.

Послушайте, г. Карпинскій, чѣмъ вамъ быть провожатымъ моей жены, не угодно ли вамъ минуту поговорить со мною?

КАРПИНСКІЙ (*особо*)

А! Находитъ туча быть грозѣ. (*ему*) Я васъ слушаю.

НЕВѢРИНЪ.

Г. Карпинскій! Между нами всякое вступленіе будетъ лишнимъ, когда дѣло идетъ о чести... Мы оба женаты, стало быть, положеніе наше одинаково. И такъ, я полагаюсь совершенно на вашъ судъ и благородство характера: знайте же, что жена моя пересказала мнѣ все ваше объясненіе съ нею.

КАРПИНСКІЙ.

Право? (*особо*) Ну, вотъ ужъ это глупо! Это нынче не водится.

НЕВѢРИНЪ.

Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

КАРПИНСКІЙ.

Я?.. (*особо*) Чортъ возьми! Онъ меня аттакуетъ...

НЕВѢРИНЪ.

Можете ли вы оставить во власти посторонняго человѣка тѣ предметы, которые могутъ подвергнуть опасности честь вашей супруги?

КАРПИНСКІЙ.

Гмъ!.. Что за странный вопросъ!.. Но я васъ прошу замѣтить, что во мнѣ отъ природы всегда было два человѣка: женатый и холостякъ. Если вы спрашиваете мужа, то, разумѣется, я потребовалъ бы, чтобъ мнѣ возвратили все, о чемъ вы говорите.

НЕВѢРИНЪ.

И такъ, прошу васъ именемъ чести, возвратить мнѣ портретъ и письма, которые не должны быть въ вашей власти.

КАРПИНСКІЙ.

А! Ну такъ и я въ свою очередь предложу вамъ вопросъ: неужели вы думаете, что человѣкъ, который уважаетъ себя, уступитъ кому бы то ни было вещь, въ которой онъ отказалъ дамѣ?

НЕВѢРИНЪ.

Послушайте: въ дѣлѣ столь важномъ, это ребяческія причины! Прошу не шутить, если васъ спрашиваютъ серьезно.

КАРПИНСКІЙ.

Да съ чего жъ вы взяли, что я думаю шутить въ подобныхъ случаяхъ?

НЕВѢРИНЪ.

Такъ вы мнѣ отказываете?

КАРПИНСКІЙ.

Совершенно. Я имѣю право: письма адресованы ко мнѣ, портретъ данъ мнѣ добровольно — все это составляетъ мою собственность... я же люблю крѣпко держаться своей собственности.

НЕВѢРИНЪ (*вспыхнувъ.*)

Ну, такъ извольте же дать мнѣ другое удовлетвореніе, потому что поступокъ вашъ я называю...

КАРПИНСКІЙ (*перебивая его.*)

Тсъ! Пожалуйста безъ пошлыхъ выраженій! Они такъ глупы, что оскорбляютъ благородное ухо.

Къ чему кричать и горячиться,
И измѣнять хорошій тонъ?
Есть средство тихо объясниться,
Лишь стоитъ только выйти вонъ;
Когда все дѣло въ пистолетѣ,
Безъ шуму должно умереть...
Въ томъ и умѣнье жить на свѣтѣ,
Чтобъ послѣ смерти нашумѣть?

НЕВѢРИНЪ.

Вотъ жена моя.. тише! Ступайте, я сейчасъ послѣдую за вами, и мы въ минуту кончимъ это дѣло.

—

ЯВЛЕНІЕ 16.

ТѢ ЖЕ И НЕВѢРИНА (*изъ своей комнаты.*)

НЕВѢРИНА.

Они вмѣстѣ!.. Что, если ихъ объясненіе? (*Карпинскому*) Милостивый государь!..

НЕВѢРИНЪ.

Извини, мой ангелъ, г. Карпинскій нуженъ мнѣ на минутку.

НЕВѢРИНА.

Какъ! вы уходите?

НЕВѢРИНЪ.

Да, только написать письмо... Черезъ пять минутъ мы оба къ твоимъ услугамъ. Пойдемте же, Левъ Александровичъ!..

(*Уходитъ.*)

КАРПИНСКІЙ (*тихо Невѣриной.*)

Я не ожидалъ, чтобъ вы объявили войну.

(*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 17.

НЕВѢРИНА, потомъ КАРПИНСКАЯ.

НЕВѢРИНА.

Я объявила войну? Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?.. Его злая улыбка... смущеніе мужа... о, я боюсь догадываться!.. Что, если я причиной ссоры, дуэли? Если жизнь моего мужа! Нѣтъ! Это было бы слишкомъ ужасно! (*Карпинской, которая входитъ.*) Ахъ, Вѣра Николаевна! подите сюда!

КАРПИНСКАЯ.

Что съ тобою, моя милая? Отъ чего ты въ такомъ смущеніи?

НЕВѢРИНА (*отворяя окно.*)

Посмотрите, посмотрите, видите ли вы?

КАРПИНСКАЯ (*взявъ лорнетъ, смотритъ въ окно.*)

Вижу... вашъ мужъ гуляетъ по саду съ моимъ... Что жъ тутъ страннаго?

НЕВѢРИНА.

Но развѣ вы не видите, какъ они горячо разговариваютъ? Посмотрите, вашъ мужъ дѣлаетъ знакъ, чтобъ Владиміръ подождалъ его, а самъ удаляется... О, вѣрно они говорили объ условіяхъ дуэля, который долженъ быть черезъ нѣсколько часовъ.

КАРПИНСКАЯ.

Какъ, драться?.. (*особо*) Неужели Невѣринъ хочетъ убить моего мужа, за то, что я надъ нимъ посмѣялась? Вотъ было бы оригинально.

НЕВѢРИНА.

Намъ нельзя терять ни одной минуты, поспѣшимъ разнять ихъ.

КАРПИНСКАЯ.

Да они не будутъ драться, вѣдь они друзья.

НЕВѢРИНА.

Съ чего вы взяли? Ахъ, я должна вамъ все сказать...

КАРПИНСКАЯ.

Что же такое? Говорите?

НЕВѢРИНА.

Сегодня, на этомъ самомъ мѣстѣ, вашъ мужъ до того забылся... но вы будете на меня сердиться.

КАРПИНСКАЯ.

Какой вздоръ! Говорите.

НЕВѢРИНА.

Онъ сказалъ, что будетъ меня преслѣдовать, искать моей дружбы... однимъ словомъ, онъ ужасный человѣкъ!

КАРПИНСКАЯ.

Такъ, это на него похоже... и вы, ребенокъ, думаете, что я за это буду на васъ сердиться... Боже сохрани! Да эдакъ мнѣ бы пришлось воевать со всѣми хорошенькими женщинами.

НЕВѢРИНА.

Я, разумѣется, разсказала моему мужу, и теперь опасаюсь.

КАРПИНСКАЯ.

Что онъ взбѣсился, и будетъ ревновать, какъ Отелло? Ха, ха, ха!

НЕВѢРИНЪ.

Какъ! Вы смѣетесь?..

КАРПИНСКАЯ.

Разумѣется. Но, если дѣло идетъ о дуэлѣ, то я сейчасъ улажу это! Вы правы: къ чему имъ погибать задаромъ? Они такъ схожи между собою во всемъ, что ихъ для образца надо пожалѣть.

НЕВѢРИНА.

Ахъ! Вы будете нашею спасительницей!.. Но, что жъ вы сдѣлаете?

КАРПИНСКАЯ.

Какъ что?.. Я скажу, что если одинъ влюбился въ васъ, то другой влюбился въ меня: стало быть, одно стоитъ другаго.

НЕВѢРИНА.

Какъ Мой Владиміръ въ васъ влюбленъ?

КАРПИНСКАЯ.

Да, онъ мнѣ признавался самъ.

НЕВѢРИНА (*вспыхнувъ.*)

Неправда, сударыня! Вы это говорите съ досады на непостоянство вашего мужа.

КАРПИНСКАЯ.

Послушайте: прошу не забыть, вѣдь я вамъ вѣрила, что вы сейчасъ мнѣ говорили; и хоть, конечно, наши достоинства не одинаковы, но ужъ повѣрьте же, что измѣна этихъ господъ совершенно равна одна другой.

НЕВѢРИНА.

Нѣтъ! Я не вѣрю вамъ! Владиміръ не измѣнитъ мнѣ... онъ любитъ одну только меня.

КАРПИНСКАЯ (*особо.*)

Вотъ преобидная увѣренность! (*ей*) А если я вамъ докажу противное?

НЕВѢРИНА.

Да, да, сударыня, мнѣ нужны доказательства.

КАРПИНСКАЯ.

Извольте, душа моя! Г. Невѣринъ сію минуту будетъ на колѣняхъ передо мною.

НЕВѢРИНА.

Сударыня, и вы можете?.. (*особо*) О, я дрожу противъ воли!..

КАРПИНСКАЯ.

Погодите, это сейчасъ будетъ... Тамъ ли онъ еще?.. (*Беретъ со стола книгу и подходитъ къ окну*). Да онъ прогуливается подъ самымъ окномъ.... Ахъ!.. (*роняетъ книгу въ окно*). Извините, Владиміръ Степановичъ.... я знала, что вы будете такъ добры, и... (*ей*) Онъ идетъ сюда! вамъ надо спрятаться.

НЕВѢРИНА.

Мнѣ спрятаться?...

КАРПИНСКАЯ.

Да вѣдь нельзя же ему при васъ упасть передо мною на колѣна.... О, да вы боитесь рѣшиться на испытаніе?

НЕВѢРИНА.

Нѣтъ! я должна узнать всю истину, хотя бы мнѣ это стоило жизни!

КАРПИНСКАЯ.

Это прелегко. Я съ удовольствіемъ готова разъодолжить васъ... Впрочемъ, ужъ вы позвольте мнѣ немножко пококетничать, потому что я сейчасъ только ужасно съ нимъ поссорилась.

НЕВѢРИНА.

Хорошо, хорошо; но гдѣ же мнѣ спрятаться?

КАРПИНСКАЯ.

Тамъ, сзади этого трюмо. (*Невѣрина становится за трюмо.*) Я дала урокъ мужу; теперь очередь за нею. (*Садится на диванъ.*)

—

ЯВЛЕНИЕ 18.

НЕВѢРИНА, КАРПИНСКАЯ И НЕВѢРИНЪ.

(*Невѣринъ, молча подаетъ Карпинской книгу.*)

КАРПИНСКАЯ (*Невѣрину.*)

Фу! какой важный и грозный взоръ!.. Точно посланникъ, объявляющій войну.

НЕВѢРИНЪ.

Повѣрьте, сударыня, что я и не думалъ жить съ вами въ мирѣ (*хочетъ выйти.*)

КАРПИНСКАЯ.

Развѣ я гоню васъ отъ себя?

НЕВѢРИНЪ.

О, нѣтъ.... но, извините...

НЕВѢРИНА (*особо.*)

Онъ и говорить не хочетъ съ нею.

КАРПИНСКАЯ.

Что это? Я не узнаю васъ... Куда дѣвалась ваша любезность?

НЕВѢРИНЪ.

Послушайте, Вѣра Николаевна: вы такъ умны, что, признаюсь, у меня точно нѣтъ силъ бороться съ вами.

НЕВѢРИНА (*особо.*)

Такъ съ чего жъ она взяла, что онъ любитъ ее?

КАРПИНСКАЯ.

А! вы на меня сердитесь!... А я думала, что это позволено только нашему полу... Бѣдныя женщины! За что отнимаютъ у насъ и послѣднее утѣшеніе? Неужели мы ужъ не сто-

нимъ и того, чтобъ господа мужчины, хоть на капризы уступили намъ привиллегію? Это безчеловѣчно!

НЕВѢРИНЪ (*особо.*)

Что это? какая перемѣна!...

КАРПИНСКАЯ.

Скажите пожалуста, неужели вы всѣ поклялись осуждать насъ и за самую малѣйшую слабость!... Однако мнѣ пріятно, что я должна безпрестанно приподнимать голову, чтобъ говорить съ вами? Не угодно ли вамъ сѣсть вотъ здѣсь, возлѣ меня?... (*Дѣлаетъ знакъ, чтобъ онъ взялъ стулъ и сѣлъ возлѣ нея. Въ то время, когда Невѣринъ беретъ стулъ, она говоритъ въ сторону*). А! г-жа Невѣрина, вы поплатитесь за давишнюю насмѣшку надъ моимъ вѣеромъ...

НЕВѢРИНЪ (*садясь въ сторону.*)

Неужли партія еще не потеряна? Начну опять о портретѣ.

НЕВѢРИНА (*особо.*)

Что это? онъ остался!

КАРПИНСКАЯ.

Прошу покорно! вы садитесь возлѣ меня съ такою миной, какъ будто васъ принуждаютъ!... За полчаса назадъ вы бы сдѣлали это съ удовольствіемъ.

НЕВѢРИНЪ.

О, теперь, сударыня, я сталъ нѣсколько поопытнѣе.

КАРПИНСКАЯ.

Я очень вѣрю; но все таки едва ли когда нибудь вы разгадаете всѣ прихоти женскаго сердца. Я, напримѣръ, сама не понимаю, отъ его давича вздумала выказать передъ вами всю свою гордость? Я увѣрена, что вы тогда же назвали меня безчеловѣчной, жестокой женщиной.

НЕВѢРИНЪ.

О, вы и теперь не менѣе безчеловѣчны, или все сказанное вами только одна игра словъ.

НЕВѢРИНА (*особо.*)

Что я слышу!

КАРПИНСКАЯ.

Но на подобную игру жалуются только проигравшіе.

НЕВѢРИНЪ.

Вѣра Николаевна! я слишкомъ хорошо знаю, что вы никогда не простите меня за дерзкое мое признаніе.... но, виноватъ ли я, что не въ состояніи былъ заглушить въ себѣ то пагубное чувство, которое теперь сдѣлало меня несчастнымъ человѣкомъ! Теперь я больше ни на что не надѣюсь....

КАРПИНСКАЯ.

Неужели? Это жалко! Мнѣ кажется....

НЕВѢРИНЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! не увлекайте меня обманчивою надеждой! Если вы хотите, чтобъ я повѣрилъ вашему прощенію, вашей дружбѣ, вы должны мнѣ дать залогъ, который бы въ ваше отсутствіе напоминалъ мнѣ о васъ; не откажите мнѣ въ этой милости... и чего еще лучше?... этотъ портретъ, подарите мнѣ его.

НЕВѢРИНА (*особо.*)

О, мнѣ кажется, я умру сію минуту!...

КАРПИНСКАЯ.

Вамъ нуженъ мой портретъ.... но, съ лентою это будетъ настоящій кавалерскій орденъ.

НЕВѢРИНЪ.

Тѣмъ лучше, вы какъ прелестнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, можете отнынѣ назвать меня своимъ неизмѣннымъ кавалеромъ.

КАРПИНСКАЯ.

Но къ чему всѣ эти глупости? Впрочемъ, церемоніалъ требуетъ принимать на колѣняхъ.

НЕВѢРИНЪ (*принимая портретъ*).

На колѣняхъ и на всю жизнь! (*Карпинская повязываетъ ему ленту кругомъ шеи*).

НЕВѢРИНА (*выходитъ изъ-за трюмо.*)

О, презрѣнный человѣкъ!!

НЕВѢРИНЪ.

Жена моя!

НЕВѢРИНА.

Вы такъ со мной ужасно поступили,
Что я теперь васъ видѣть не хочу!
Когда вы мнѣ такъ явно измѣнили,
Клянусь, что я вамъ тѣмъ же заплачу!

НЕВѢРИНЪ.

Мой другъ! повѣрь, мы, право, пошутили,
Узнай, вѣдь я не даромъ хлопочу...
Дай Богъ, чтобъ всѣ мужья такъ вѣрны были
Я образцомъ быть вѣрности хочу!

КАРПИНСКАЯ (*особо.*)

Они со мной сегодня пошутили,
Теперь и я надъ ними подшучу;
Когда бъ мужей всѣ жены такъ учили,
Какъ я теперь объ этомъ хлопочу!

(*Невѣрина быстро уходитъ въ свою комнату; мужъ слѣдуетъ за нею. Послѣ ихъ ухода Карпинскій показывается въ глубинѣ сцены, держа въ рукахъ ящикъ съ пистолетами.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 19.

КАРПИНСКАЯ, ПОТОМЪ КАРПИНСКІЙ.

КАРПИНСКАЯ.

Онъ, пожалуй, увѣритъ ее, что не стоялъ передо мною на колѣняхъ. И такъ, мое маленькое мщеніе совершилось во всей формѣ! Остается только мнѣ раздѣлаться съ своимъ мужемъ.

КАРПИНСКІЙ.

Ай! ай! жена моя!

КАРПИНСКАЯ.

А! это вы, сударь... Пожалуйте-ка сюда, порадуйтесь на ваши проказы.

КАРПИНСКІЙ.

Мои проказы!

КАРПИНСКАЯ.

И вы не краснѣете отъ своихъ недостойныхъ поступковъ? Едва только я увидѣлась съ вами послѣ четырехъ-мѣсячной разлуки, вы ужъ ищете случая поволочиться за женой вашего друга!

КАРПИНСКІЙ.

Такъ! Только этого не доставало! не вѣрь, душа моя, меня хотятъ оклеветать... (*особо*) Подлецъ Невѣринъ!

КАРПИНСКАЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, не оправдывайтесь! Я все знаю! Вы посѣяли раздоръ въ семействѣ, поссорили мужа съ женою, можетъ быть, даже разлучили ихъ на всегда! Это непростительно, безчеловѣчно! А что еще я терплю отъ вашего сумасбродства....

КАРПИНСКІЙ.

Мой ангелъ! Вѣрочка....

КАРПИНСКАЯ.

Нѣтъ! Я васъ теперь узнала:

Вы любите морочить небылицей
И быть грозой замужнихъ и дѣвицъ;
Не такъ ли всѣ мужчины за границей,
Забывши женъ, выходятъ изъ границъ?
Когда же вы свой долгъ не позабыли,
Вамъ все прощу я съ нынѣшняго дня;
Но, если вы мнѣ *точно* измѣнили,
То я клянусь!!.. вы поняли меня!

(*уходитъ въ свою комнату.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 20.

КАРПИНСКІЙ (*одинъ.*)

Гмъ! пусть разразитъ меня громъ, если я понимаю, въ какую мы нынче игру играемъ?.. Рѣшительно все идетъ вверхъ дномъ: тогда какъ я пріѣзжаю сюда, чтобъ пожить тихо, не думая никому вредить, желаю быть въ дружбѣ со всѣми мужчинами и женщинами.... особенно съ женщинами.... и вдругъ, чортъ возьми, всѣ остервенились противъ меня! Невѣринъ, его жена, моя жена, крики, упреки, пистолеты.... а право, все это, какъ видно, происходитъ отъ того, что я одинъ разсудителенъ и ни мало не горячусь... Проклятіе! Постойте же, господа, если на то по-

ило, такъ и я взбѣшусь не на шутку! Теперь первый кто попадется мнѣ подъ руку!..

—

ЯВЛЕНІЕ 21.

КАРПИНСКІЙ и НЕВѢРИНЪ (*выходитъ отъ жены*).

НЕВѢРИНЪ (*особо*).

Славная исторія! Она заперлась и ничего слышать не хочетъ. Ну, да теперь я знаю, что дѣлать... А! вотъ мой злодѣй!

КАРПИНСКІЙ.

А! Милостивый государь! Прошу объяснить, что же значитъ все это? Цѣлыхъ два часа вы меня проводите, какъ дурака, и я вѣдь конца этому не вижу! Вы присылаете мнѣ вызовъ, я являюсь на него со всею важностію... потомъ вдругъ называете меня своимъ любезнымъ другомъ и простираете ко мнѣ свои объятія, Очень хорошо! Но только я бросаюсь въ нихъ.... вы опять трубуете дуэля! Я съ новою важностію берусь за пистолеты, а вы уходите; я бѣгу за вами, и вдругъ нахожу вмѣсто васъ свою жену, которая вымыла мнѣ голову! Чортъ возьми! Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло, я требую отчета!

НЕВѢРИНЪ.

Успокойтесь, любезный Левъ Александровичъ!

КАРПИНСКІЙ.

Какъ! Я опять вашъ любезный? Это изъ рукъ вонъ! Такъ я принужу васъ раскаяться за такіе поступки! Теперь я чувствую себя обиженнымъ!

НЕВѢРИНЪ.

Обиженнымъ!..

КАРПИНСКІЙ.

Да, да, обиженнымъ вполнѣ! Конечно, хоть я и не совсѣмъ прилично объяснился съ вашею женою, но это часто случается и въ самыхъ лучшихъ обществахъ, а вы, вы донесли на меня женѣ моей: это такая черта, которая помрачаетъ всѣ ваши достоинства! Послѣ этого, что бы было съ обществомъ, если бъ между мужчинами такое вѣроломство было позволительнымъ? Если вы хотѣли мстить, вамъ стоило только наговорить такихъ же глупостей моей женѣ, и я бы вамъ не сказалъ ни слова... но тайный доносъ!.. Чортъ возьми!

НЕВѢРИНЪ.

Позвольте; вы, помнится, говорили, что выходить изъ себя и кричать, есть признакъ дурнаго тона?

КАРПИНСКІЙ.

Да, да, ваша правда. (*Показываетъ ящикъ съ пистолетами*) Вотъ единственный посредникъ всякаго спора.

НЕВѢРИНЪ.

Да вамъ что именно нужно? Убить меня, или быть убитымъ?

КАРПИНСКІЙ.

Это что! Да развѣ я для того искалъ пистолеты, чтобы стрѣлять по куклѣ?

НЕВѢРИНЪ.

Конечно... Но я передумалъ. Между двумя старинными друзьями, какъ мы съ вами, дуэль, кажется, ужъ будетъ излишнею крайностью... Не лучше ли намъ устроить полюбовную сдѣлку?

КАРПИНСКІЙ.

Нѣтъ, чортъ возьми! Нѣтъ! Если вы привыкли измѣнять мысли, какъ хорошенькая, прихотливая женщина, то надо вамъ доказать, что я вовсе не такъ малодушенъ! Мы согласились драться, и будемъ драться.

НЕВѢРИНЪ.

Да не ошибаемся ли мы?

КАРПИНСКІЙ (*особо*).

Онъ просто рѣжетъ меня своимъ хладнокровіемъ! Но ужъ вздоръ! Я взбѣшу его (*Вынимаетъ изъ кармана портретъ и письма Невѣриной.*)

Такъ это вы называете ошибкой. Вотъ портретъ г-жи Невѣриной, то есть вашей жены, вотъ ея и письма... все это вы у меня требуете; но я не отдаю! Довольно ли ясно? Какъ же намъ не драться послѣ этого?

НЕВѢРИНЪ.

Такъ... Да авось, какъ нибудь иначе уладимся.

КАРПИНСКІЙ.

Его чертовская флегма превращаетъ мою кровь въ кипятокъ! (*ему*) Но развѣ вы не знаете, что я имѣю ужасную репутацію, что я негодяй, что я способенъ сдѣлать изъ этихъ предметовъ чертовскую проказу: съ писемъ переписать нѣсколько экземпляровъ, съ портрета снять копію..., разослать вашу жену повсюду, и если теперь еще вы не броситесь мнѣ на горло, то клянусь, что въ жилахъ вашихъ течетъ вмѣсто крови сахарная вода.

НЕВѢРИНЪ.

Гмъ! вы корчите изъ себя злаго человѣка... не вѣрю. Послушайте, надо вамъ знать, что давича, прося у васъ эти вещи, вѣдь я сбирался также вознаградить васъ, то есть: думалъ предложить вещь одинаковой цѣны, какъ въ художественномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи.

КАРПИНСКІЙ.

Да если бъ вы дали мнѣ 50-ть Рафаэлей и сто Брюловыхъ, я скажу вамъ: нѣтъ! нѣтъ! Въ живописи я ничего не понимаю, кромѣ женскихъ портретовъ... разумѣется, молодыхъ и хорошенькихъ.

НЕВѢРИНЪ.

А! такъ, стало быть, вы человѣкъ со вкусомъ и отдадите справедливость этому... какъ вы думаете (*Показываетъ портретъ его жены.*)

КАРПИНСКІЙ.

Моя жена!! О!.. теперь у насъ будетъ дуэль на смерть! (*Падая на стулъ.*) Я чувствую разслабленіе во всѣхъ нервахъ... Не ожидалъ! Теперь только я вижу, что значитъ быть мужемъ.

НЕВѢРИНЪ.

Дуэль! пожалуй!.. Ну, а когда въ послѣдствіи узнаютъ всю истину... О! какимъ глупѣйшимъ образомъ начнутъ смѣяться надъ нами... такъ ужъ не приличнѣе ли будетъ тихая, полюбовная сдѣлка? То есть: шутка за шутку, портретъ за портретъ, не такъ ли? (*Онъ предлагаетъ ему портретъ Карпинской, а получаетъ въ замѣнъ письма и портретъ своей жены*). Да... все тутъ на лицо... милая Павлинька! Какъ она будетъ рада!

—

ЯВЛЕНІЕ 22.

ТѢ ЖЕ И НЕВѢРИНА (*обращаясь къ мужу.*)

НЕВѢРИНА.

Послушайте, сударь, послѣ нанесеннаго мнѣ оскорбленія, я не могу ни минуты оставаться съ вами! Позвольте мнѣ возвратиться къ моей матушкѣ.

НЕВѢРИНЪ.

Какъ! Мы должны разстаться?

НЕВѢРИНА.

Да, сударь, разстаться навсегда! Тамъ я скорѣй позабуду свое несчастіе.

КАРПИНСКІЙ (*особо.*)

А! Всѣ въ отчаяніи! Слава Богу, что хоть не одинъ страдаешь.

НЕВѢРИНЪ.

Ну, если ты непремѣнно хочешь уѣхать, то возьми по крайней мѣрѣ свои вещи.

(*Подаетъ ей портретъ и письма.*)

НЕВѢРИНА.

Ахъ! Мой портретъ! Мои письма!.. Владиміръ, какъ же ты это сдѣлалъ?

НЕВѢРИНЪ.

Послѣ все узнаешь.

НЕВѢРИНА.

Какъ я тебѣ благодарна, мой другъ! (*Они оба обнимають другъ друга.*)

КАРПИНСКІЙ (*Вскакивая со стула.*)

Чортъ меня осѣдлай! Я въ отчаяніи, а они въ насмѣшку мнѣ пустились въ нѣжности! Это ужасно!

НЕВѢРИНЪ.

О, и вы можете въ насмѣшку мнѣ сдѣлать то же, обернитесь только.

ЯВЛЕНІЕ 23.

ТѢ ЖЕ И КАРПИНСКАЯ.

КАРПИНСКАЯ.

Ну, помирились, слава Богу! Я такъ и думала!..

КАРПИНСКІЙ (*съ важностію женѣ.*)

Сударыня! А подумали ли вы, когда отдавали мнѣ свою руку, что должно прежде всего свято исполнять свои обязанности въ отношеніи ... то есть, знаете ли вы, что бракъ есть вещь священнѣйшая? Что предъ лицомъ Бога и общества — величайшее преступленіе, есть преступленіе муж... то есть, жены, хотѣлъ я сказать... знаете ли вы... это что такое? (*Показываетъ ей ея портретъ*)

КАРПИНСКАЯ.

Ахъ! Какая измѣна!

КАРПИНСКІЙ.

Такъ теперь я клянусь вамъ, что мое мщеніе будетъ!..

НЕВѢРИНЪ.

Потише, потише... вы лучше извольте-ка благодарить вашу супругу.

КАРПИНСКІЙ.

Какъ! За что?

НЕВѢРИНЪ.

За то, что она приняла участіе въ невинномъ заговорѣ, и одолжила мнѣ на нѣсколько минутъ свой портретъ; этимъ средствомъ она помѣшала вамъ сдѣлать глупость, въ которой бы вы рано или поздно раскаялись.

КАРПИНСКІЙ.

Какъ! Такъ она вамъ одолжила только? Ахъ, душа моя! Теперь я вижу, какъ ты бережлива... О, ты очень знаешь, какъ надо дорожить любовью мужа.

КАРПИНСКАЯ.

Я очень, знала что вамъ нуженъ урокъ... и потому извольте же имъ воспользоваться.

КАРПИНСКІЙ.

Уфъ! Кажется съ, меня какъ гору сняли!.. Я вовсе не ожидалъ, что Баденскія воды такъ полезны мужьямъ и женамъ.

КАРПИНСКАЯ.

Отдай же мнѣ мой портретъ.

КАРПИНСКІЙ.

Нѣтъ! Ужъ я оставлю его при себѣ, а то, пожалуй, одолжая его, да одолжая, онъ можетъ наконецъ и совсѣмъ потеряться. Да! Чтобъ забыть прошедшее горе, знаешь ли, Невѣринъ, что мнѣ теперь пришло въ голову.

НЕВѢРИНЪ.

Разумѣется, знаю; поди сюда... (*оба шепчутся*).

ОБА.

Какъ мужья, мы женъ научимъ...
Снисхожденья попросить...
(*Шепчутъ на ухо каждый своей женѣ.*)

ЖЕНЫ.

Ну, а если мы наскучимъ?..
Всѣмъ вѣдь трудно угодить.

ВСѢ (*вмѣстѣ*).

Ну, такъ хоромъ всѣмъ актерамъ
Авторъ кончитъ присудилъ,
И чтобъ зритель полнымъ хоромъ
Нынче насъ разъодолжилъ.
Судъ журнальный, уголовный,
Просимъ васъ предупредить,
Если сдѣлкой полюбовной
Мы умѣли насмѣшить.

РЕПЕРТУАРЪ
С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.
1839 года,
Съ 1 по 30 Сентября.

С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. Сентября *Бо. т.* Гитана, бал. въ 3 д *Ал. т.* Гамлетъ. дра. въ 5 д.

2. *Бо. т.* Танкредъ, опе. въ 2 д. Дивертиссементъ.

3. *Ал. т.* Елена, ком. въ 1 д. Гусарская стоянка, в. въ 1 д. Чиновникъ по особымъ поручен. вод. въ 1 д. Бабушка и внучка, ком.-вод. въ 1 д.

4. *Бо. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
Ал. т. Уголино, дра. въ 5 д. Двѣ женщины противъ одного мужчины, вод. въ 1 д.

5. *Ал. т.* Полковникъ старыхъ временъ, ком.-вод. въ 1 д. Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д. Титулярные совѣтники, вод. д. Женихъ на расхватъ. вод. въ 1 д.

6. *Бол. т.* Робертъ, опер. въ 5 д.
Ал. т. За Богомъ молитва, др. быль въ 1 д. Торквато Тассо, дра. въ 5 д. Молодая мачиха, вод. въ 1 д.

7. Женскій умъ лучше всякихъ думъ. ком. въ 1 д. Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 кар. Дѣвица отшельница, ком. въ 1 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д.

8. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
Ал. т. Козьма Рощинъ, дра. въ 3 д. Дѣвушка гусаръ, вод. въ 1 д. Молодая мачиха, шут. вод. въ 1 д.

10. *Бол. т.* Семирамида, опер. въ 2 д.
Ал. т. Женскій умъ лучше всякихъ думъ ком. въ 1 д. Ложа 1-го яруса Ане. вод. въ 2 д. Девица отшельница, ком. вод. въ 1 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д.

11. *Ал. т.* Пятнадцатилѣтній король, ком. въ 2 д. Катерина или золотой крестикъ, ком во. въ 2 д. Царство женщинъ, вод. въ 2 д.

12. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 4 д. *Ал. т.* Мальвина, ком. въ 2 д. Жена

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

27. *Пар. т.* Августа, Мужъ и любовникъ ком. въ 1 д. Чиновникъ по особ. поруч. вод. въ 1 д. Волшебная флейта, бал. въ 1 д.

31. *Бол. т.* Авгу. Заемный мужъ, вод. въ 1 д. Дѣва Дуная, бал. въ 2 д. и 4 кар.

1. *Бол. т.* Сент. Дуелисты, ком. въ 5 д. (1-е пред.) Узкіе башмаки, вод. въ 1 д. Дивертиссементъ.

3. Сент. *Бол. т.* Ревизоръ, ком. въ 5 д. Диверти.

4. *Бол. т.* Мужъ какихъ мало, вод. въ 1. д. Дѣва Дуная, бал. въ 2 д.

5. *Бол. т.* Тоска по родинѣ, опе. въ 3 д.

7. *Бол. т.* Дѣдушка Русскаго флота, др. въ 1 д. Гусарская стоянка, вод. въ 1 д. Маскарадъ въ клубѣ, вод. въ 1 д.

8. *Бол. т.* Опытъ искуства, ком. въ 1 д. Сильфида, бал. въ 2 д.

10. *Бо. т.* Аскольдова могила, опе. въ 4 д.

11. *Бол. т.* Иголкинъ, дра. въ 2 д. Хлопотунъ, вод. въ 1 д. Пріѣздъ жениха, инт-

12. *Бо. т.* Цампа, опе. въ 3 д.

15. *Бо. т.* Суженаго конемъ не объѣдешь вод. въ 1 д. Титулярныя совѣтники вод. въ 1 д. Фениксъ вод. въ 1 д.

17. *Бо. т.* Мужъ въ каминѣ. вод. въ 1 д. Чиновникъ поособымъ порученіямъ, вод. въ 1 д. Честный воръ, вод. въ 1 д.

18. *Бо. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 2

19. *Бо. т.* Смерть или честь! дра. въ 5 д.

21. *Бо. т.* Два мужа, вод. въ 1 д. Влюбленная Баядерка, вод. въ 2 д.

22. *Бо. т.* Уголино, дра. въ 5 д.

кавалериста, ком. вод. въ 1 д. Молодая мачиха, шут. вод. въ 1 д.

13. *Ал. т.* Димитрій Донской, тра. въ 5 д. Архиваріусъ, вод. въ 1 д.

15 *Бол. т.* Влюбленная Баядерка, опе. въ 1 д. Севильскій цирульникъ, оп. 2 д. Дезертеръ, бал. въ 4 д.

Ал. т. Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ, ком. въ 1 д. Фебусъ, ком. вод въ 2 д. Меръ по выбору, вод. въ 1 д. Иванъ Рябовъ историческая быль въ 2 д. (въ пользу г-жи Сосницкой)

17 *Бол. т.* Жизнь за царя, оп. въ 4 д.

Ал. т. Эсмеральда, дра. въ 5 д. Алый башмачокъ прол. въ 1 д. Узкіе башмаки, вод. въ 1 д.

18. *Ал. т.* Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ, ком. въ 1 д. Фебусъ ком.-вод. въ 2 д. Меръ по выбору, ком.-вод. въ 1 д.

19. *Ал. т.* Хороша и дурна и глупа и умна, вод. 1 д. СтудентъАртистъ, опе. въ 2 д. Ложа 1-го яруса, Ан. вод. въ 2 д. Тереза, дра. въ 1 д.

20. *Ал. т.* Кинъ или Геній и безпутство, ком. въ 5 д. Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д.

21. *Бол. т.* Велизарій, лирическая опер. въ 3 д.

Ал. т. Король Лиръ, тра. въ 5 д. Молодая мачиха, шут. вод. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д.

Ал. т. Кремневъ, дра. въ 3 д. Узкіе башмаки, вод. въ 1 д. Невозможный бракъ, ком. вод. вь 1 д.

24. *Ал. т.* Иголкинъ Историческая быль, въ 2 д. Первое Іюля въ Петергофѣ, вод. въ 1 д. Заемный мужъ, вод. въ 1 д. Женихъ на расхватъ, вод. въ 1 д.

24. *Бол. т.* Велизарій, опе. въ 3 д. Дезертеръ, бал. въ 4 д.

25. *Ал. т.* Сцены въ Москвѣ въ 1812 г. др. пред. въ 2 д. въ 1-й разъ Полюбовная сдѣлка, въ 1-й разъ ком. вод. въ 1 д. Пажъ - арестантъ, вод. въ 1 д. въ бенефисъ г-жи Брянской.

26. *Ал. т.* Заколдованный домъ тра. въ 5 д. Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д.

27. *Ал. т.* Полюбовная сдѣлка ком. вод. въ 1 д. Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ ком. въ 1 д. Меръ по выбору ком. вод. въ 1 д. Пажъ Арестантъ вод. въ 1 д.

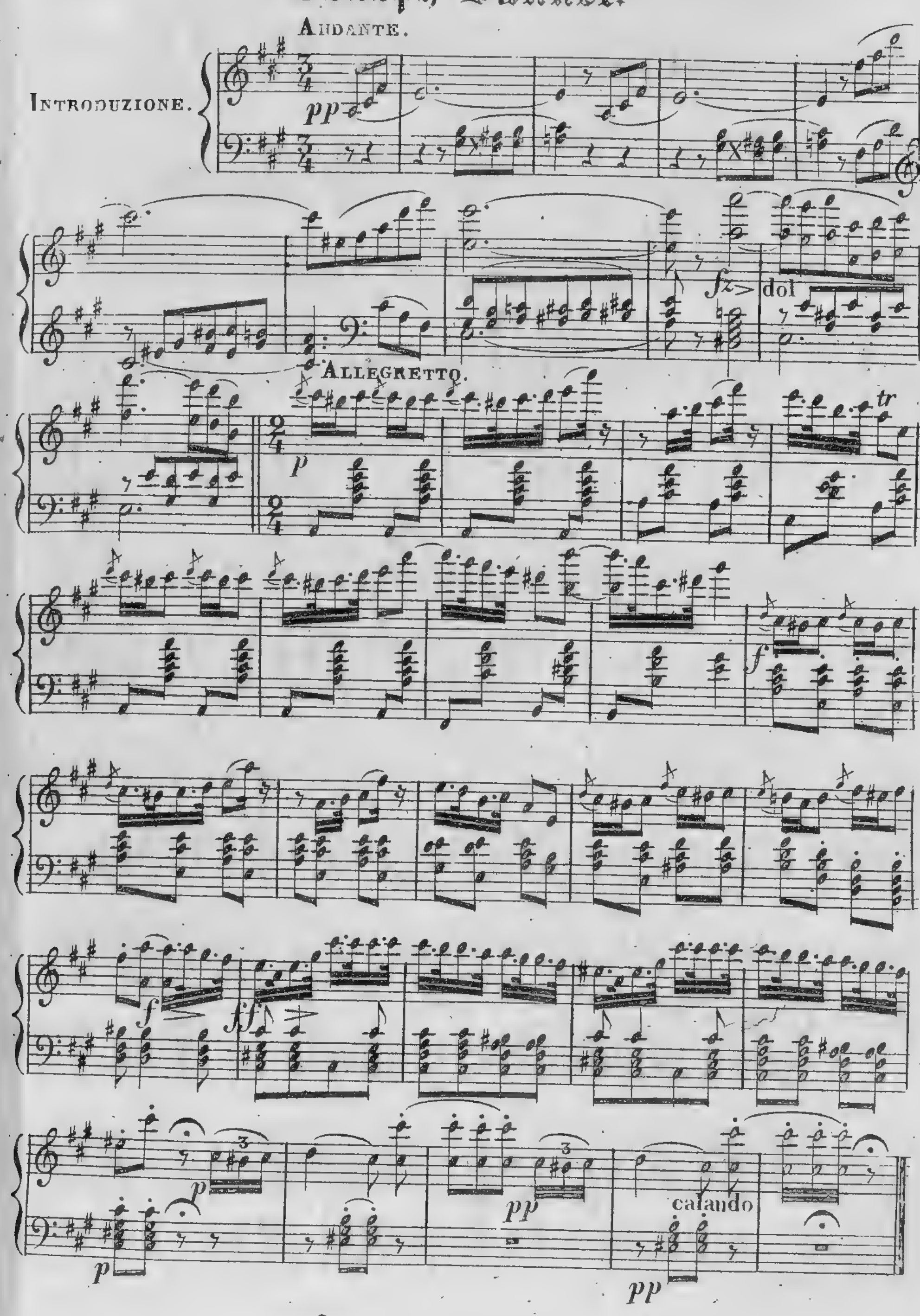
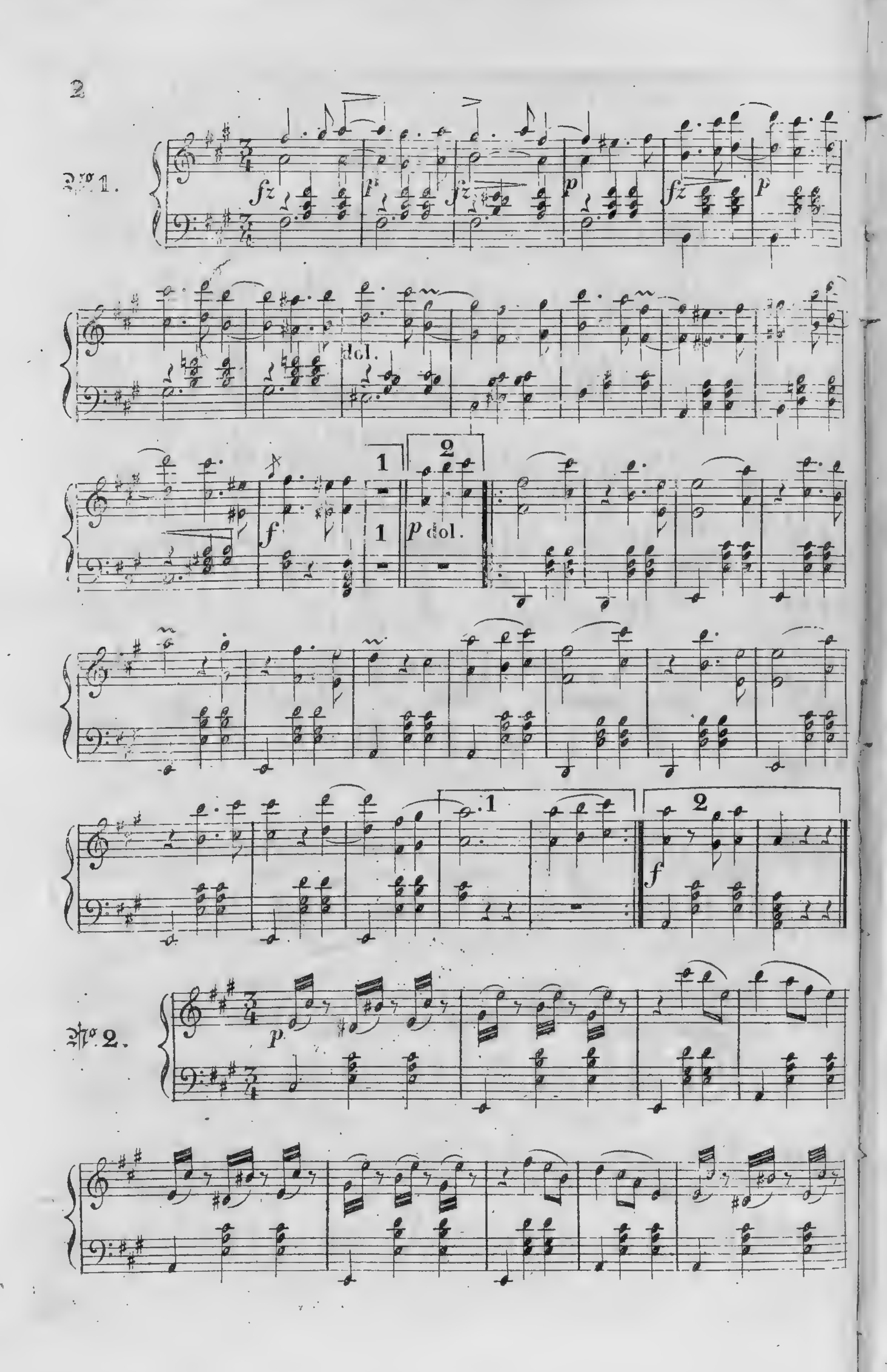
28. *Ал. т.* Сцены въ Москвѣ въ 1812 драм. предст. Катерина или золотой крестикъ ком. вод. въ 2 д. Двѣ женщины противъ одного мужчины вод. въ 1 д.

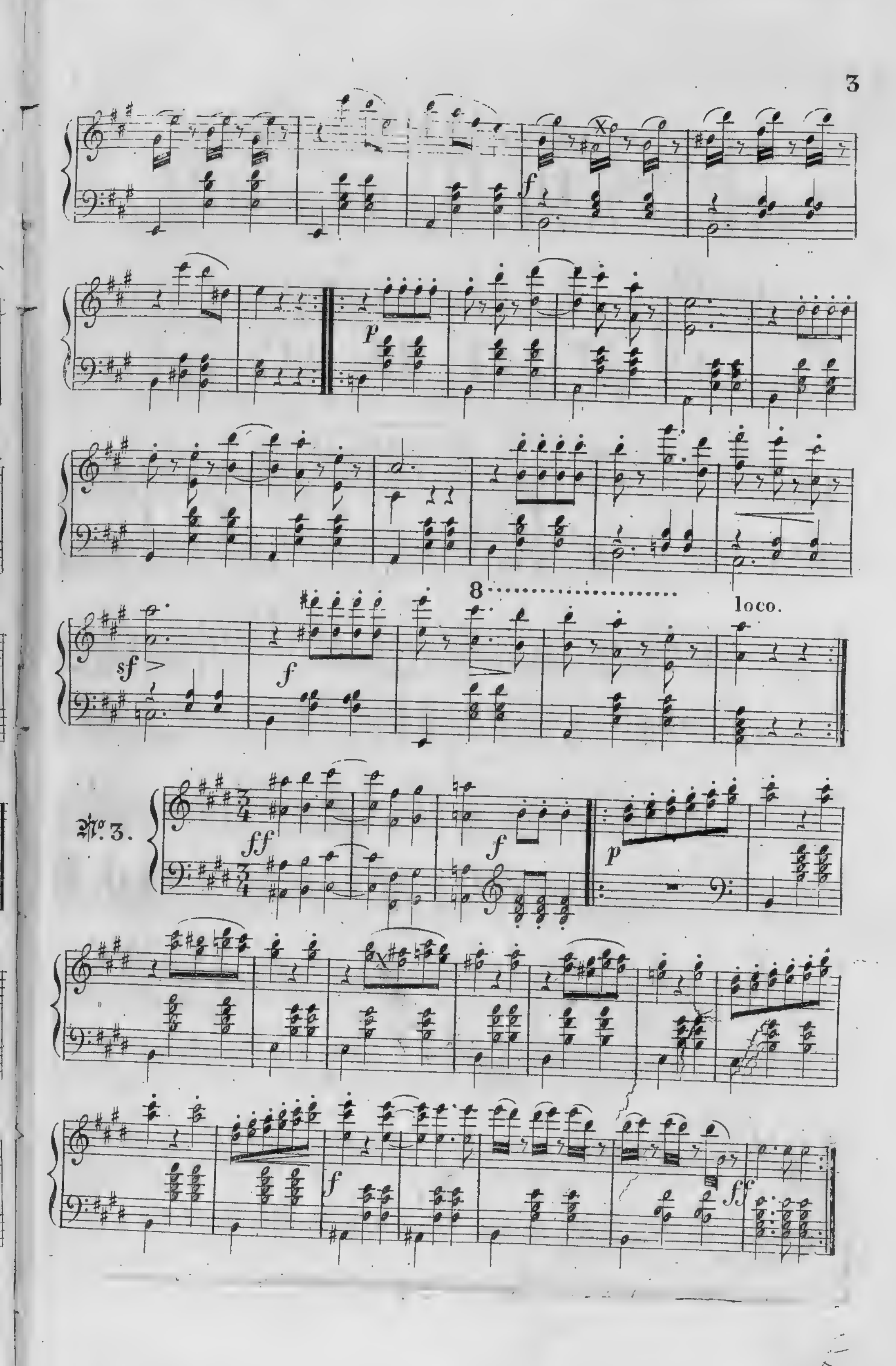
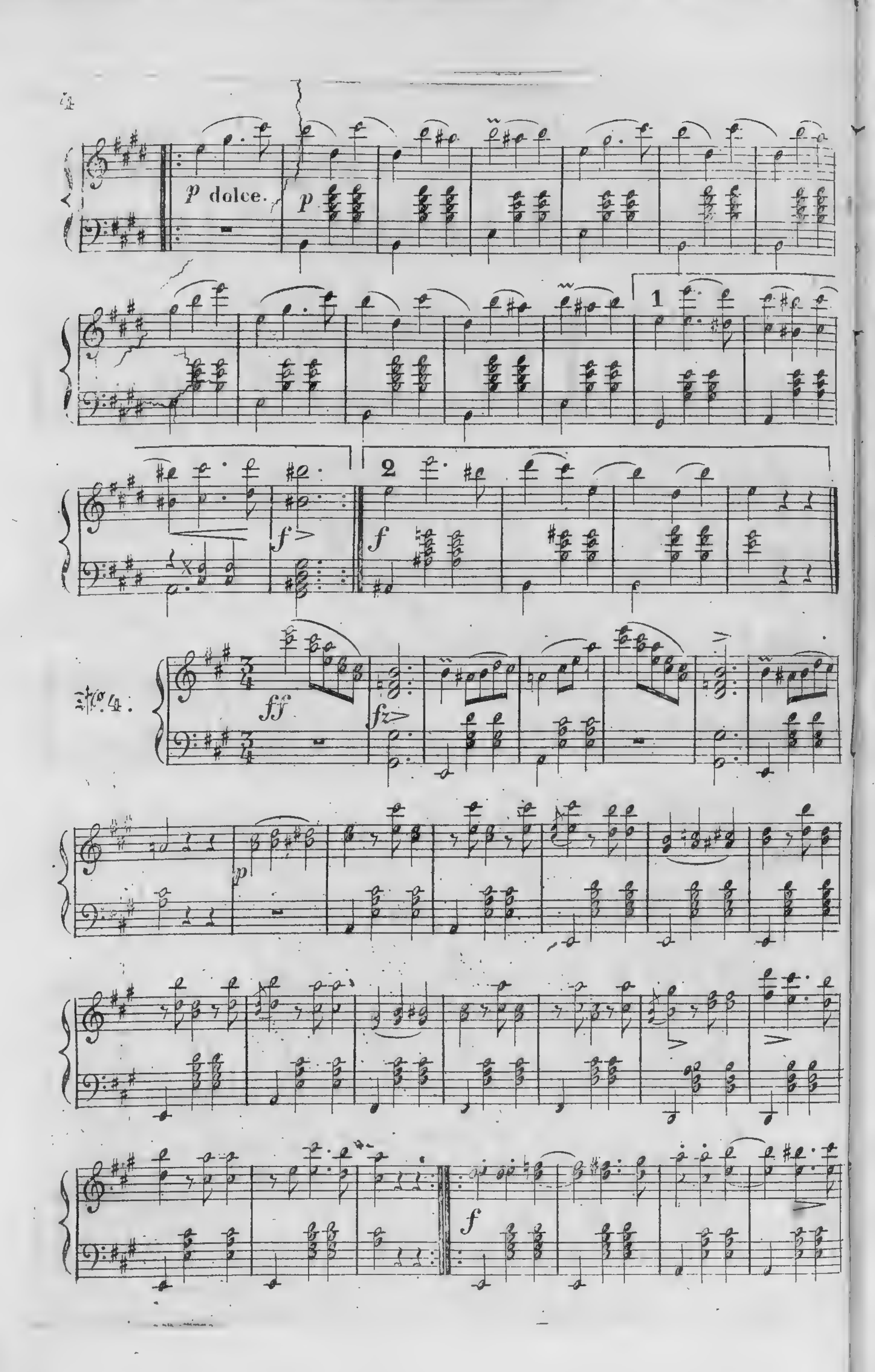
29. *Бол. т.* Робертъ опера въ 5 д.

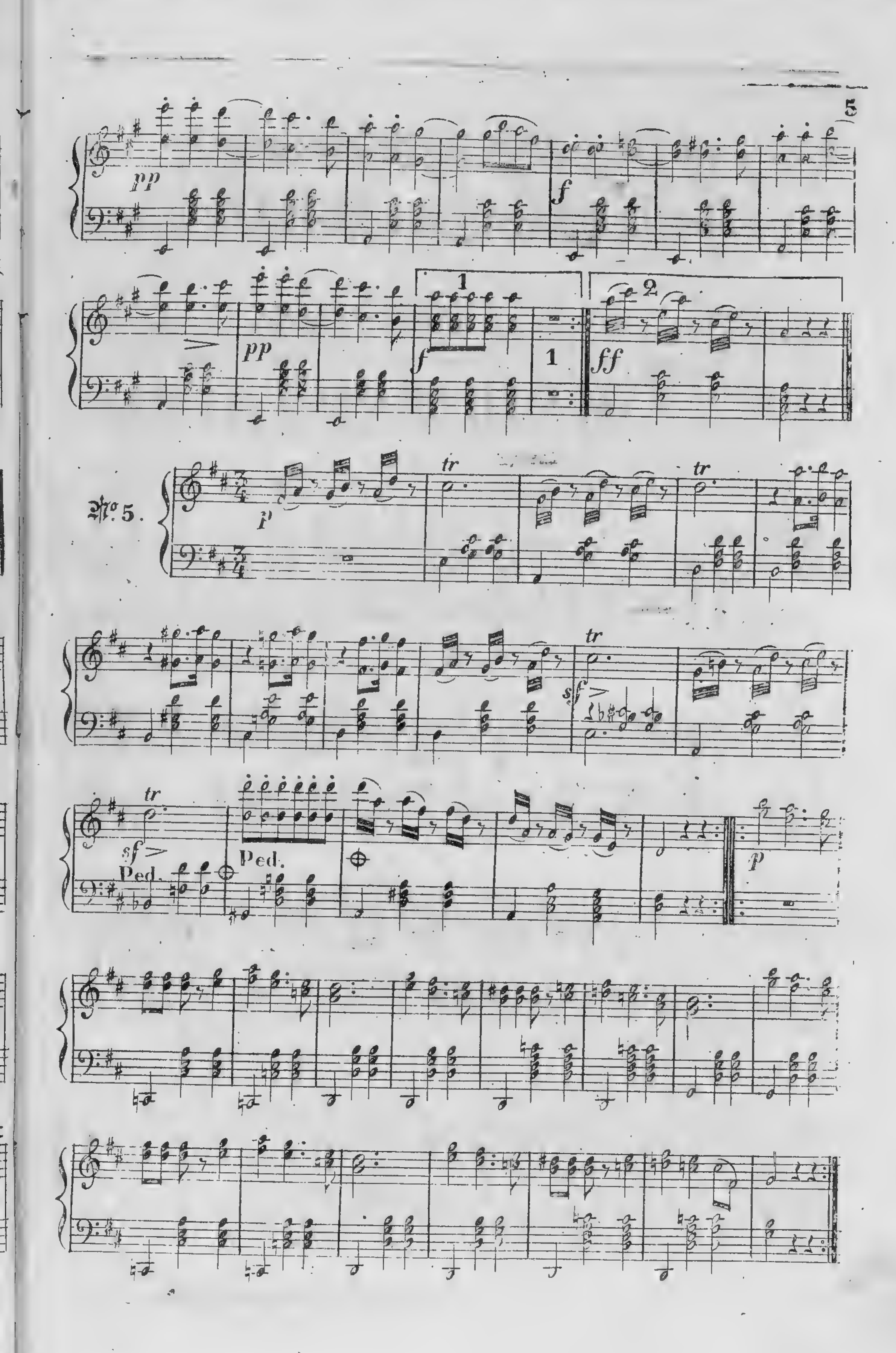
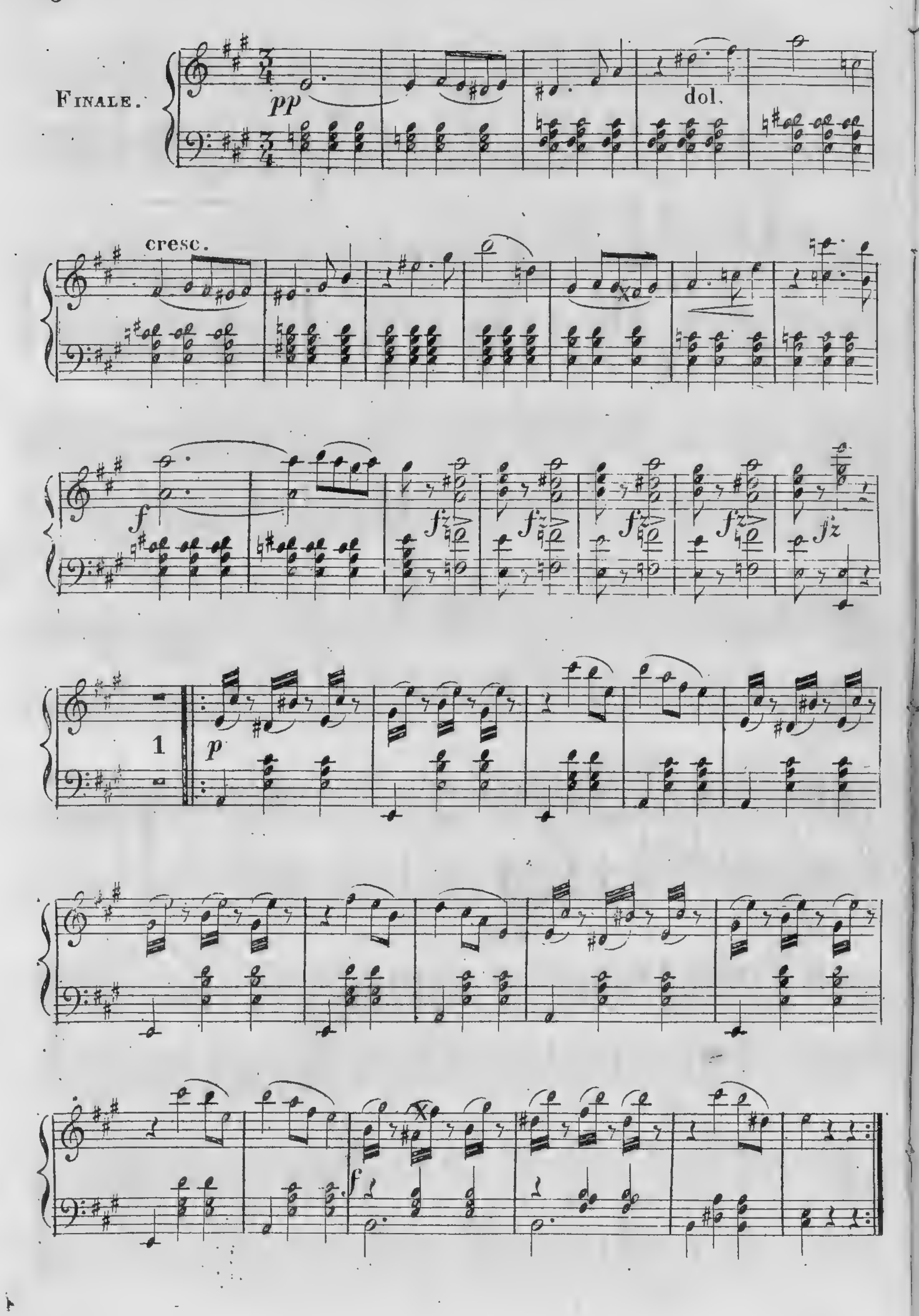
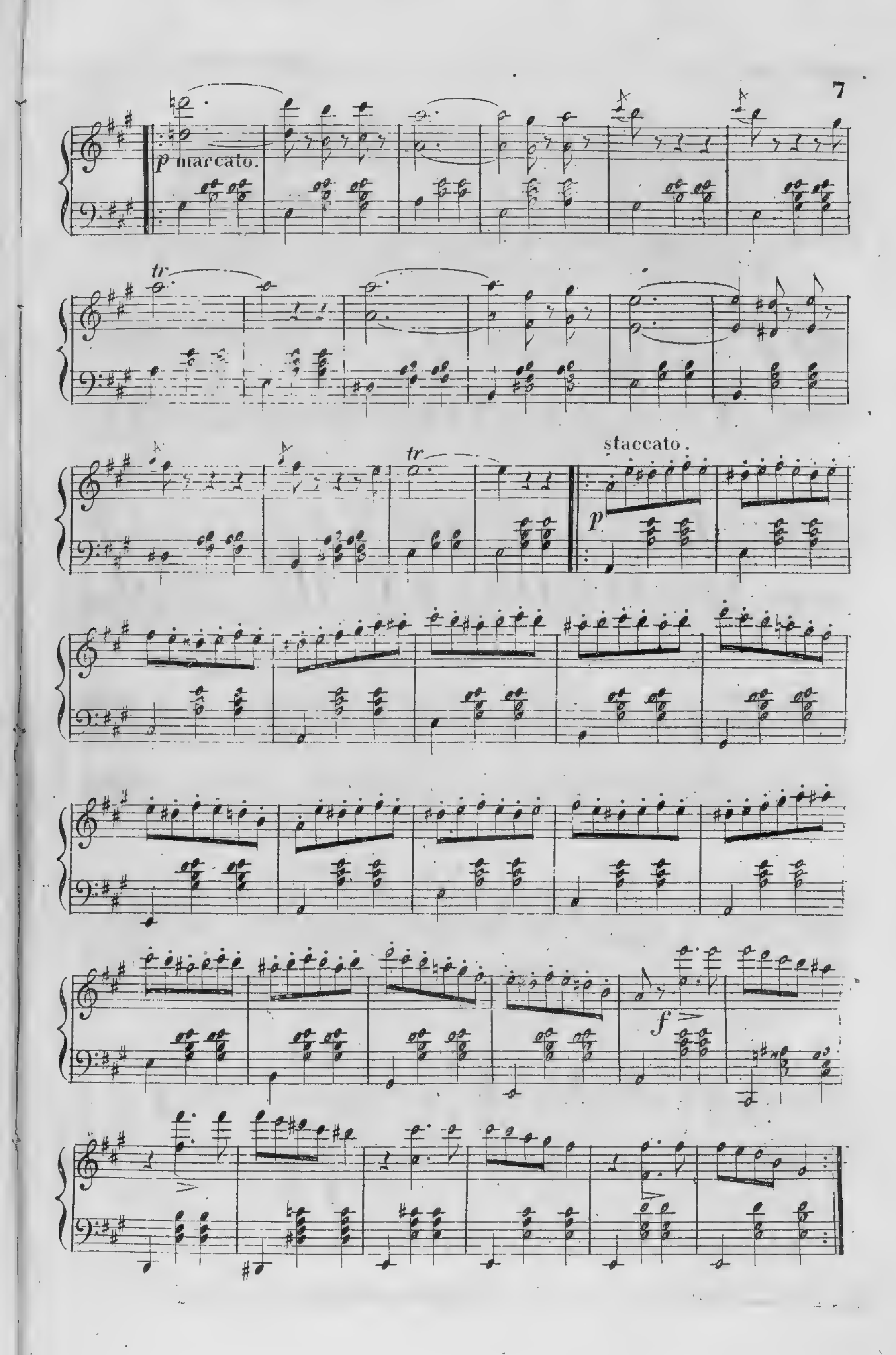
Ал. т. Знакомыя Незнакомцы ком. вод. въ 1 д Артистъ, ком. вод. въ 1 д. Меръ повыбору, ком. вод. въ 1 д. Будте здоровы вод. въ 1 д.

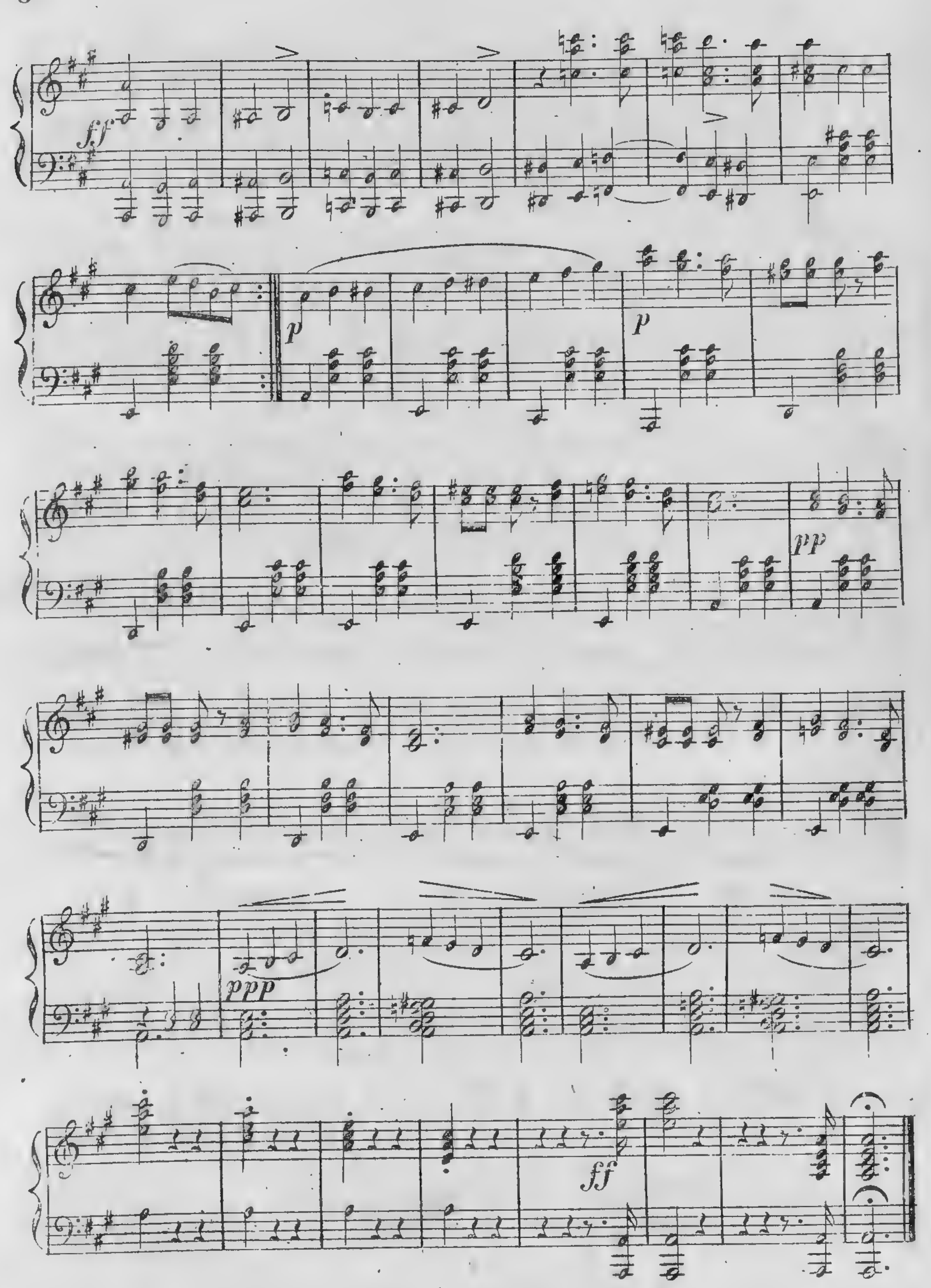
DIE WERBER WALZER.

von

Joseph Lanner.


№ 1.
fz
p
dol.
p dol.
f
№ 2.
p


f
p
sf
f
8
loco.
No. 3.
ff
f
p
f
ff

p dolce.
p
1
2
f
f
No. 4.
ff
fz
p
f


pp
f
pp
1
f
1
2
ff
Nº 5.
p
tr
tr
tr
sf
sf
Ped.
Ped.
p

FINALE.
pp
dol.
cresc.
f
fz
1
p
f

p marcato.
tr
tr
staccato.
p
f


ff
p
p
pp
ppp
ff

ИГОЛКИНЪ,

КУПЕЦЪ НОВОГОРОДСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЫЛЬ.

въ 1 дѣйствіи, съ эпилогомъ.

сочиненіе

Н. Полеваго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАРЛЪ XII, Король Шведскій............ г-нъ Каратыгинъ 2.
БАРОНЪ ГЕРЦЪ, министръ его........ г-нъ Борецкій.
БАРОНЪ АДЕЛЬКРЕЙЦЪ, коммендантъ Стокгольмской крѣпости............ г-нъ Григорьевъ 1.
Секретарь............ г-нъ Горшенковъ.
ХРИСТІАНЪ, тюремщикъ............... г-нъ Сосницкій.
МАРГАРИТА, дочь его.................. г-жа Рамазанова 1.
ГУСТАВЪ, молодой Шведскій купецъ.... г-нъ Максимовъ 2.
ИГОЛКИНЪ, купецъ Новогородскій....... г-нъ Каратыгинъ 1.
Шведскій офицеръ.... г-нъ Годуновъ.
1.(судьи военнаго со- г-нъ Сервіо.
2.(вѣта.......... г-нъ Фалѣевъ.
1.(солдаты Шведскіе г-нъ Афанасьевъ.
2.(солдаты Шведскіе г-нъ Третьяковъ.
Два офицера и нѣсколько солдатъ Шведскихъ.

Дѣйствіе въ Стокгольмской крѣпости въ 171 году.

Дѣйствующіе въ Эпилогѣ:

ИГОЛКИНЪ г-нъ Каратыгинъ 2.
Старый купецъ. г-нъ Вороновъ.
Жена его. г-жа Себирякова.
АНТОМИНИ, сынъ его. г-нъ Родинъ.
1 } купцы. г-нъ Сосковскій.
2 } купцы. г-нъ Самойловъ 2.
Преображенскій капитанъ. г-нъ Леонидовъ.
Солдаты, народъ, Чухонцы.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ

Тюрьма въ Столкгольмской крѣпости. Направо нѣсколько дверей; прямо выходъ въ корридоръ; налѣво дверь запертая, и подлѣ нея столъ и скамейка. — Звонятъ. Смѣна караула.

ХРИСТІАНЪ. *(выходитъ съ ключами.)*

Подлинно говорятъ правду, что привычка другая природа. Подумаешь: другаго бы на мое мѣсто — и года бы не прожилъ! Покоя ни день, ни

ночь — смотри, ходи, отпирай, запирай, принимай, перекликай, отвѣчай... Голова кругомъ пойдетъ! Приляжешь уснуть — думай, все ли здорово; три раза встанешь ночью, а вмѣсто награды — того и жди, что самого тебя посадятъ на мѣсто какого нибудь сокола, который успѣлъ упорхнуть изъ-подъ замковъ! Вѣдь чудное, право, дѣло: никому не нравится въ тюрьмѣ, и всякій только о томъ и думаетъ, какъ бы улизнуть изъ нея! Экой прихотливый народъ! Что бы, кажется, имъ тутъ не житье: квартира готовая, дрова, свѣчи, хлѣбъ не купленый, дѣла ни какого нѣтъ — знай себѣ сиди, да философствуй о суетѣ мірской... Такъ вотъ нѣтъ — не сидится!..

ОФИЦЕРЪ (*входитъ.*)

Ну, что? Все ли благополучно?

ХРИСТІАНЪ.

Слава Богу! Всѣ на лице, и сидятъ смирно.

ОФИЦЕРЪ.

Много ли Русскихъ плѣнниковъ на твоей половинѣ?

ХРИСТІАНЪ.

У меня мало: только вотъ тутъ Иголкинъ, Новогородскій купецъ, да тутъ Русскій капралъ, да...

ОФИЦЕРЪ.

Не замѣчаешь ли ты въ нихъ, этакъ... буйнаго духа, непокорства?

ХРИСТІАНЪ.

Грѣхъ сказать! Сидятъ смирно. А развѣ что нибудь?

ОФИЦЕРЪ.

Ничего. Только надобно смотрѣть внимательнѣе.

(*Уходитъ.*)

ХРИСТІАНЪ (*одинъ.*)

Внимательнѣе! Да, было бы за кѣмъ! Правду сказать — скоро немного останется у насъ, не только Русскихъ плѣнныхъ, да и своихъ-то Шведскихъ солдатъ. А того еще и смотри, что и къ намъ въ Стокгольмъ пожалуютъ незванные гости, которыхъ поподчивать будетъ некому... (*Маргарита входитъ съ корзинкой.*) Ты зачѣмъ?

МАРГАРИТА (*прячетъ корзинку.*)

Ахъ! Я шла...

ХРИСТІАНЪ.

Куда шла?

МАРГАРИТА.

Погулять...

ХРИСТІАНЪ.

Только гульба на умѣ! Да, развѣ здѣсь садъ, что ли?

МАРГАРИТА.

Тутъ ближе пройдти въ ту загородку, которую вы называете садомъ.

ХРИСТІАНЪ.

Называете садомъ! А развѣ она не садъ? Деревьевъ сколько — съ двадцать пять будетъ; да зелень какая — бесѣдки...

МАРГАРИТА.

Да, четыре высокія стѣны, которыя придаютъ такую веселость, какъ поглядишь на нихъ!

ХРИСТІАНЪ.

Вотъ что еще! Вамъ бы все веселье..

МАРГАРИТА.

Богъ съ нимъ! Я ужь давно его не знаю.

ХРИСТІАНЪ.

Прежде ты не скучала...

МАРГАРИТА.

Ахъ! никогда!

ХРИСТІАНЪ.

А теперь почему не такъ?

МАРГАРИТА.

Будто вы не знаете?

ХРИСТІАНЪ.

Да! Ты все думаешь о своемъ Густавѣ...

МАРГАРИТА.

Боже мой! о чемъ же другомъ мнѣ думать? Вотъ ужь скоро два мѣсяца, какъ его нѣтъ! Поѣхалъ всего на мѣсяцъ, и живъ ли онъ? Вѣрно, теперь ужь нѣтъ его на свѣтѣ... И писемъ не приходитъ отъ него... Ахъ! Боже мой!..

ХРИСТІАНЪ.

Ну, полно, полно хныкать! Онъ воротится... (*тихо*) А жаль бѣдняжки — они такъ любятъ другъ друга, и я было совсѣмъ располагалъ, чтобы имъ обвѣнчаться этимъ же лѣтомъ... — Ну! воля Божья...

ИГОЛКИНЪ (*выходитъ изъ дверей направо.*)

Здравствуйте, г-нъ Христіанъ!

ХРИСТІАНЪ.

Здравствуйте, здравствуйте, г-нъ Иголкинъ! Какъ поживаете?

ИГОЛКИНЪ.

Хорошо, какъ видите. Веду себя, кажется, честно, потому, можетъ быть, что плутовать и случая нѣтъ.

ХРИСТІАНЪ.

О! я вамъ очень, очень благодаренъ — вы у меня такой добрый и смирный — сидите у насъ вотъ ужь почти два года, а отъ васъ ни какого безпокойства нѣтъ — не такъ, какъ другіе: то дай, другое дай, комнату перемѣни, то хлѣбъ черствъ, то вода мутна...

ИГОЛКИНЪ.

Я не изъ прихотливыхъ; да мнѣ все равно: если не на родинѣ — гдѣ ни быть...

ХРИСТІАНЪ.

Ну, вотъ Богъ дастъ, вы и родину скоро увидите...

ИГОЛКИНЪ.

Какъ?

ХРИСТІАНЪ.

Тутъ, видите, весьма важное политическое обстоятельство; сказать всего нельзя... Нашъ Король, говорятъ... пожалуста, только... хочетъ помириться съ вашимъ Царемъ — хочетъ принудить его мириться, если бы вашъ Царь не захотѣлъ!

ИГОЛКИНЪ (*улыбаясь.*)

Принудить? Ну, такъ мы не скоро дождемся мира, и мнѣ долго еще придется сидѣть въ тюрьмѣ...

ХРИСТІАНЪ.

Ну, вѣдь вы сами, Руcкіе, виноваты, г-нъ Иголкинъ!

ИГОЛКИНЪ.

Можетъ быть — я въ Царскія дѣла не мѣшаюсь.

ХРИСТІАНЪ.

О Полтавѣ мы до сихъ поръ, конечно, забыли бы — тамъ былъ разсчетъ за Нарву: мы васъ поколотили, а вы насъ поподчивали — и довольно! Но потомъ вы все у насъ забрали — и Ригу, и Ревель, и Нейшанцъ, и Нотенбургъ и Кексгольмъ; а потомъ ужь пробрались и въ Финляндію — а о томъ ужь и не говорю, что вы на нашей землѣ стали городъ строить, и какой еще городъ — столицу!

ИГОЛКИНЪ.

Царь Петръ Алексѣевичъ строитъ свою столицу не на чужой, а на родной землѣ. Петербургъ Русская земля: на ней сражался нашъ святой Князь Александръ Ярославичъ — предки наши купили ее своею кровью...

ХРИСТІАНЪ.

Ну, ну, если и такъ... Но вспомните-ка, что вы отняли у насъ и Стральзундъ, и Померанію, и... и мало ли еще чего!

ИГОЛКИНЪ.

Правда, да нельзя же, г-нъ Христіанъ: вѣдь вы лѣтъ сотню владѣли нашимъ, такъ это маленькіе барышки... (*улыбаясь*) Русскіе ведутъ себя честно, а обсчитать себя однако жъ никому не дадутъ...

ХРИСТІАНЪ.

Да не въ счетѣ дѣло, а въ томъ, что считаться-то съ вами Русскими.... Охо, хо, хо! Вѣдь вотъ теперь уже вы и къ намъ безпрестанно въ гости жалуете... Знаете ли, что недавно даже въ виду Стокгольма появились Русскіе корабли!

ИГОЛКИНЪ.

Появились Русскіе корабли?

ХРИСТІАНЪ.

Да, да! Ну, а такое наглое дѣло, вашего усатаго Князя Долгорукаго! Какъ же это, скажите: повезли лю-

дей въ *Готенбургъ,* а они дорогой перевязали, да перебили нашихъ солдатъ, и на нашемъ кораблѣ уплыли въ *Петербургъ*! ... Развѣ это одно и то же?

ИГОЛКИНЪ *(тихо.)*

Зачѣмъ меня тамъ не было съ тобой, Князь Яковъ Өедоровичъ! Лучше бы мнѣ положить тамъ мою голову за братію, нежели томиться здѣсь въ неволѣ...

ХРИСТІАНЪ.

Сами разсудите, что послѣ этого Королю нашему нельзя было не разсердиться, и не посадить остальныхъ Русскихъ въ тюрьму. Вотъ и вамъ вѣдь съ тѣхъ поръ въ чужомъ пиру похмѣлье-вы сидите, какъ птичка въ клѣточкѣ, а вѣдь прежде вы свободно гуляли по Стокгольму..,

ИГОЛКИНЪ.

Правда, правда, а теперь, г-нъ Христіанъ, я хотѣлъ бы просить васъ: позвольте мнѣ прогуляться хоть тутъ по крѣпостной стѣнѣ.

ХРИСТІАНЪ.

Охъ! мнѣ эти прогулки.... Вѣдь не велятъ! Право.. да, вамъ нельзя отказать...

ИГОЛКИНЪ.

Мѣсто совершенно безопасное—убѣжать нельзя, да я и не захочу нарушить честнаго слова, которое далъ вамъ. Этого у насъ въ Русскомъ быту не водится.

ХРИСТІАНЪ.

Оно не то, что убѣжать... А иногда, знаете, приходятъ тѣмъ, кто долго сидитъ въ тюрьмѣ, такія странныя мысли: вотъ такъ именно, съ этой самой стѣны одинъ арестантъ бросился внизъ. Видите: тоска взяла, что сидитъ въ тюрьмѣ... Хорошо, что его самъ г-нъ Коммендантъ отпускалъ гулять, а отпусти его я—бѣда, да и только!..,

ИГОЛКИНЪ.

Я на старости лѣтъ рукъ на себя не наложу, и не промѣняю временнаго горя на вѣчное осужденіе. Семнадцать лѣтъ, какъ томлюсь я далеко отъ родины, и вотъ ужь два года сижу въ тюрьмѣ, и часто, тяжко мнѣ бывало, но я молился, а не отчаявался — отчаяніе грѣхъ смертельный...

ХРИСТІАНЪ.

И что вамъ хочется теперь гулять по стѣнѣ? Вѣтеръ такой, сырость такая... То ли дѣло тутъ у васъ въ каюткѣ—тепло, спокойно...

ИГОЛКИНЪ.

Да, но оттуда я хоть на море раздольное смотрю, и мнѣ становится легче; хоть съ волнами синя-моря могу я оттуда послать на святую Русь-матушку молитву и поклонъ; хоть птичкѣ перелетной могу я сказать! «Не на Русь ли, православную, летишь ты, птичка? Отнеси мой поклонъ церквамъ Москвы бѣлокаменной; отнеси его моему родимому Новугороду, святой Софіи; отнеси мое благословеніе моимъ дѣтушкамъ—прощебечи имъ, что старикъ Иголкинъ живъ еще и молится за нихъ!»... *(тихо)* А можетъ быть—сквозь туманы синя-моря мелькнутъ передо мною корабли Русскіе, прогремитъ мнѣ вѣстью свободы Русская пушка.

ХРИСТІАНЪ.

Ну, ради такихъ *резоновъ* нельзя не позволить—только, пожалуста, если пойдетъ обходъ, такъ вы тотчасъ воротитесь -- вѣдь нашъ Коммендантъ шутить не любитъ—такія строгости! Избави Богъ—я и здѣсь-то, въ этой залѣ, позволяю вамъ гулять потому только, что вы такой добрый...

ИГОЛКИНЪ.

Благодарю. Я не введу васъ въ слово. *(Уходитъ въ корридоръ.)*

ХРИСТІАНЪ И МАРГАРИТА.

ХРИСТІАНЪ.

Смирный старикъ! Совсѣмъ на Рус-

скихъ не походитъ, даромъ что съ бородой. И то сказать: не военный человѣкъ, да и двадцать лѣтъ прожилъ въ Швеціи...

СОЛДАТЪ (*входитъ поспѣшно.*)

Эй, г-нъ Христіанъ! Коммендантъ васъ требуетъ къ себѣ!..

ХРИСТІАНЪ.

Что тамъ такое?

СОЛДАТЪ.

Не знаю.

ХРИСТІАНЪ.

Иду, иду! Вѣрно, новичка какого нибудь привели... Оно и кстати — столько теперь пустыхъ комнатъ, а это ни чуть не весело; и то ли дѣло, какъ всюду набито, вездѣ видишь народонаселеніе... Иду, иду! (*Уходитъ съ солдатомъ.*)

МАРГАРИТА (*одна.*)

А я его подожду — онъ вѣрно не замедлитъ воротиться, этотъ добрый старикъ... Мы съ нимъ опять поговоримъ о моемъ Густавѣ — я послушаю разсказовъ его о его дѣтяхъ, о женѣ, о томъ, что грустить не надобно, что Богъ за то награждаетъ насъ радостями...

ИГОЛКИНЪ (*возвращается.*)

Нѣтъ! Ничего не видать... Туманъ такой, что въ двухъ шагахъ разглядѣть ничего невозможно... Шумитъ только море невидимо, какъ звѣрь лютый завываетъ... (*Садится.*)

МАРГАРИТА.

Здравствуйте, г-нъ Иголкинъ!

ИГОЛКИНЪ.

Здравствуй, милая моя Маргаритушка!

МАРГАРИТА.

Вотъ, я опять принесла вамъ бутылочку винца, и еще кой-чего...

ИГОЛКИНЪ.

Благодарю, благодарю! Ты меня, старика, балуешь, милая...

МАРГАРИТА.

Когда мнѣ мой Густавъ заказывалъ угождать вамъ; да вы же такой добрый — право, я послѣ Густава васъ больше всѣхъ, кажется, на свѣтѣ люблю!

ИГОЛКИНЪ.

Ты что-то опять такая печальная!.. Видно о Густавѣ все еще нѣтъ вѣсти?

МАРГАРИТА.

Нѣтъ!

ИГОЛКИНЪ.

Молись Богу, мой другъ, и на Него возложи надежду — Онъ наказуетъ насъ горемъ для того, чтобы мы укрѣплялись въ упованіи на Его святую волю...

МАРГАРИТА.

Ахъ! г-нъ Иголкинъ... вѣдь два мѣсяца!

ИГОЛКИНЪ.

А мнѣ будто легче твоего, что я не вижу Густава? Вѣдь онъ былъ единственною моею отрадою — вѣдь только черезъ него слыхалъ я вѣсти о моихъ милыхъ, моихъ родныхъ... Богъ не оставитъ его за радости, какими онъ утѣшалъ меня, по Евангельскому слову: «Въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте мя!»

МАРГАРИТА.

Онъ самъ тебѣ такъ благодаренъ...

ИГОЛКИНЪ.

За что? За то, что я былъ друженъ съ отцомъ его? Да, стыдно было мнѣ не любить этого добраго старика, съ которымъ мы такъ честно торговались лѣтъ двадцать! Или за то, что я отдалъ ему сполна долгъ, когда объявили войну?

МАРГАРИТА.

Онъ разорился бы безъ того. Онъ говоритъ, что ты отдалъ имъ все, что только у тебя было, и самъ безъ копѣйки остался.

ИГОЛКИНЪ.

Да, какъ же было не отдать? Вѣдь онъ вѣрилъ мнѣ на честное слово, и росписки не бралъ съ меня!.. А

послѣ того, сколько разъ онъ помогалъ мнѣ, и когда меня заключили сюда въ тюрьму — твой Густавъ, небоясь опасности, доставлялъ мнѣ письма отъ моихъ... нарочно познакомился съ отцомъ твоимъ, и видишь ли, милая, какъ Богъ награждаетъ доброе дѣло: безъ этого, онъ не узналъ бы тебя, не полюбилъ бы тебя, не былъ бы съ тобою счастливъ...

МАРГАРИТА.

Ахъ! гдѣ-то онъ теперь!..

ИГОЛКИНЪ.

Не грусти, мой другъ! Не изъ гордости укажу я тебѣ на себя. Видишь? Унываю ли я?.. А подумай только, что ты еще не родилась, какъ я ужь былъ въ полону — разлученъ со всѣми, бродилъ плѣнникомъ по улицамъ Стокгольма... И чего не вытерпѣлъ я? О Боже, Боже праведный!.. Когда дошло сюда извѣстіе о Нарвской битвѣ, когда привезли сюда и генераловъ, и плѣнныхъ солдатъ нашихъ... Когда потомъ славный Царь нашъ по Русски расплатился за неудачу... Горе-то мы чувствовали здѣсь, на чужой землѣ, въ неволѣ, а не слыхали радостныхъ кликовъ, не дѣлили и торжества... Но, я виноватъ: забылъ, что говорю съ Шведкой... Право, я привыкъ считать тебя моею родною — вотъ и моему внуку Ванюшѣ теперь столько же лѣтъ... Охъ! хоть бы на старости, хоть бы передъ смертнымъ-то часомъ взглянуть мнѣ еще разъ на моихъ родныхъ, мою добрую старуху Прасковью, моего Сашу, моего Ванюшу...

МАРГАРИТА.

Дастъ Богъ, ты увидишь ихъ — вѣдь не вѣкъ будутъ воевать...

ИГОЛКИНЪ.

Да, и мнѣ-то вѣдь не долго остается жить на бѣломъ свѣтѣ — сокрушаетъ ретивое тоска кручина—эхъ! не молодые годы, не такъ какъ прежде... судьба ты моя, судьба горемычная! хоть бы разочикъ поглядѣть мнѣ еще на святую Русь, хоть бы разъ еще услышать службу Божію православную, хоть бы во снѣ-то мнѣ приснились родимые берега Волховскіе и мать Св. Софія золотоглавая... Господи! твоя воля!.. (*звонятъ въ колоколъ.*)

МАРГАРИТА.

Ахъ! они опять идутъ — простите, г-нъ Иголкинъ, простите! Мнѣ и поговорить съ вами хорошенько не удалось — эти солдаты такіе грубіяны... (*Убѣгаетъ.*)

ИГОЛКИНЪ (*задумывается.*)

Много времени протекло! Теперь въ сѣдомъ Иголкинѣ не узнали бы прежняго молодца Иголкина ни друзья, ни родные, не узнали того, кто прежде на стѣну одинъ хаживалъ въ кулачныхъ бояхъ, и съ молоду не отставалъ за дружеской братиной, и заливался на звончатыхъ гусляхъ... Молодость, молодость! не такую старость обѣщала ты мнѣ — подрѣзали пташкѣ крылья чужая сторона, да неволя! Не ропщи, старикъ — Божій судъ, Божія судьба! Царь Государь воюетъ за правое дѣло, за честь и счастіе великой Русской земли. Не суетная слава заставила его взяться за мечъ, врученный ему Богомъ, да покорястъ супостаты.... Охъ! и на него-то батюшку, Царя православнаго, хоть бы разъ еще взглянуть, на орла высоколета, сокола золотокрылаго... Помню я, какъ видѣлъ Его, юнаго, когда былъ въ Москвѣ — чай теперь и онъ, родимый, состарѣлся... Велико дѣло править царствомъ, да какихъ еще бѣдъ не испыталъ ты, отецъ нашъ! И враги, и злодѣи, и море, и земля... Да, не поддался никому — настоящій Русскій Царь!.. (*звонятъ.*) Что у нихъ опять такое? Будто дѣ-

ло дѣлаютъ! (*Садится въ сторонѣ, вынимаетъ маленькую книгу и читаетъ*) Утѣшительныя словеса, святыя рѣчи!..

ХРИСТІАНЪ, ОФИЦЕРЪ И СОЛДАТЫ.

ОФИЦЕРЪ.

Къ этой двери поставить двухъ часовыхъ! (*Ставятъ двухъ солдатъ налѣво.*) Никого туда не пускать! Это что за человѣкъ?

ХРИСТІАНЪ.

Русскій плѣнникъ.

ОФИЦЕРЪ.

Что жь онъ тутъ шатается? Зачѣмъ не въ своей капурѣ?

ХРИСТІАНЪ.

Онъ Русскій купецъ — старикъ, да и больной. Самъ г-нъ Коммендантъ его знаетъ, и позволилъ ему быть въ этой залѣ... Смирный такой! Въ самомъ началѣ войны захватили его вмѣстѣ съ другими, когда онъ пріѣхалъ за торговымъ дѣломъ въ Швецію, а послѣ побѣга Долгорукаго, посадили въ крѣпость, также вмѣстѣ съ другими.

ОФИЦЕРЪ.

А! ну, чортъ съ нимъ! (*Иголкину*) что у тебя за книга? Покажи! (*Иголкинъ показываетъ молча книгу.*)

ОФИЦЕРЪ.

А! ну, сиди, да читай! — на право! Маршъ! (*Уходитъ съ солдатами и Христіаномъ.*)

ИГОЛКИНЪ (*читаетъ.*) ДВА СОЛДАТА.

1-й СОЛДАТЪ.

Что, братъ-камрадъ?

2-й СОЛДАТЪ.

А что?

1-й

Да, ничего. Тутъ, спасибо, хоть присѣсть можно, да отдохнуть (*садится.*)

2-й

Смотри, чтобы не зашелъ капралъ!

1-й.

Тогда и выпрямимся! Эхъ! всѣ косточки, право, болятъ, а чорта два — служи, служи, да въ награду развѣ пули себѣ жди... Хоть бы выпить чего нибудь...

2-й.

Все же, камрадъ, наше дѣло выгоднѣе, нежели тѣхъ, кто съ Королемъ нашимъ бродилъ по заморскимъ землямъ...

1-й.

За то тамъ раздолье-то какое? Куда пришли — все наше: и вино, и гусь, и индѣйка, и хозяйка...

2-й.

Мнѣ удалось только однажды побывать на войнѣ, въ Норвегіи —

1-й.

А я, камрадъ, такъ прошелъ таки землей и моремъ — попилъ, погулялъ, а непріятелей билъ, билъ — безъ счета... Особливо Русскихъ... То-то, братъ, дрянь-то? Ха, ха, ха!

2-й.

Мужичье, ха, ха, ха!

1-й.

Вѣдь только тѣмъ и берутъ они, что у нихъ города построены ледяные, да холодъ такой, что слова мерзнутъ, а что носы-то отмораживать — такъ это у нихъ ни почемъ—то и дѣло!

2-й.

Такъ стало ихъ и водить-то не за что? Ха, ха, ха!

1-й.

Что ихъ водить — ихъ гонять надобно лозами... Когда мы были подъ Полтавой, такъ и ружьевъ въ руки не брали, а просто палками дрались, да орѣхами стрѣляли...

ИГОЛКИНЪ (*тихо.*)

Досталась вамъ тамъ на орѣхи, хвастунъ!

2-й.

Постой-ка, камрадъ: вѣдь подъ Полтавой-то, кажется, намъ не совсѣмъ-то удалось?—Да, ты развѣ тамъ былъ?

1-й.

Гдѣ я не былъ! Что ты говоришь не удалось? Мы ихъ на голову разбили, и плѣнныхъ набрали столько

что дюжину Русскихъ по грошу продавали Туркамъ...

иголкинъ (*встаетъ*)

Экой хвастливый враль! (*хочетъ идти.*) Лучше уйдти... Хоть и вранье, а все таки досадно, что этому негодяю нельзя рта зажать... Русская кровь такъ вотъ и закипаетъ!

1-й.

Ихъ Король-то, али, какъ они называютъ, по своему, Царь...

иголкинъ.

Что онъ осмѣливается говорить о батюшкѣ Царѣ?

2-й.

Я слышалъ, что онъ трусъ...

1-й.

Преестественный! Изъ подъ Нарвы онъ опрометью бѣжалъ, какъ услышалъ о приходѣ нашего Короля...

иголкинъ.

Лжецъ подлый... Я не вытерплю!

1-й.

И вотъ видишь, что я тебѣ объ немъ скажу, что онъ, кромѣ того, что трусъ, да еще...

иголкинъ (*подходитъ къ нему.*)

Г-нъ служивый!

1-й.

Ты что?

иголкинъ.

Я Русскій, а потому не могу слышать твоихъ непристойныхъ рѣчей о моемъ Государѣ — пожалуста перестань!

1-й.

Ахъ! ты, старый чортъ! Да какъ ты мнѣ смѣешь приказывать?

иголкинъ.

Приказывать я не смѣю, а прошу тебя.

1-й.

Плюю я на твои просьбы. Твой Царь воюетъ съ нашимъ Королемъ, а мы и бранить его не смѣй!

иголкинъ.

Не намъ съ тобой разбирать, за что и почему воюютъ между собой наши Государи; но порицать Помазанника Божія грѣхъ, и подданный, который терпѣливо сноситъ оскорбительныя рѣчи о своемъ Государѣ — преступникъ!

1-й.

Такъ ты и будь преступникомъ, а мнѣ не мѣшай — ха, ха, ха! — Я тебѣ скажу, что, Царь-то твой...

иголкинъ.

Замолчи же — говорю я тебѣ! Ты клеветникъ, лжецъ!

1-й (*вскакивая.*)

Клеветникъ? Ахъ! Борода пустая!..

офицеръ (*идетъ по корридору.*)

иголкинъ.

Г-нъ офицеръ, г-нъ офицеръ!

офицеръ.

Что тамъ такое?

иголкинъ.

Позвольте мнѣ принести вамъ жалобу на вашихъ солдатъ.

офицеръ.

Что они тебѣ дѣлаютъ?

иголкинъ.

Стоя здѣсь на часахъ, они ругаютъ насъ, Русскихъ....

офицеръ.

Ну?

иголкинъ.

И осмѣливаются — поносить непристойными словами моего Государя!

офицеръ.

Только.

иголкинъ.

А развѣ этого мало? Вы благородный Шведъ—поставьте себя на моемъ мѣстѣ: если бы кто осмѣлился непристойно говорить о вашемъ Королѣ....

офицеръ.

Я тому отрубилъ бы носъ, и въ добавокъ обрулъ бы уши. А ты какъ смѣлъ ввязываться?

иголкинъ.

Вы сами меня оправдываете.

офицера.

Я Шведъ и офицеръ.

ИГОЛКИНЪ.

Я Русскій, и чести моего надёжи-Государя никому не отдамъ! Умру, а не уступлю!

ОФИЦЕРЪ.

Ахъ! ты, старый бородачъ, болтунъ! Убирайся къ чорту — я тебя велю отпочивать фухтелями....

ИГОЛКИНЪ.

Бей меня, не щади сѣдинъ моихъ, но я не дозволю ни имъ, ни тебѣ самому ругаться надъ моимъ Царемъ!

ОФИЦЕРЪ.

Замолчи, ты, сѣдая крыса! Ребята — вамъ будетъ на водку, какъ смѣнитесь. Спасибо, что усердны къ вашему Королю!

СОЛДАТЫ *(вытянувшись.)*

Благодаримъ, ваше благородіе.

(Офицеръ идетъ.)

ИГОЛКИНЪ *(останавливая его.)*

Г-нъ офицеръ! Я васъ прошу покорно.... Я буду жаловаться Коммендапту...

ОФИЦЕРЪ *(замахиваясь.)*

Прочь ты, Русская харя!

ИГОЛКИНЪ.

Брани меня — я плѣнникъ, а участь плѣнника горька и безотвѣтна; но ругательства на моего великаго Государя... *(Офицеръ смѣется и уходитъ — солдаты хохочутъ.)*

1-й СОЛДАТЪ *(садится.)*

Что взялъ, старый хрычъ? Вотъ теперь ужь съ позволенія его благородія, я скажу тебѣ...

ИГОЛКИНЪ *(горестно.)*

Уйду, уйду! Если онъ еще осмѣлится произнести одно слово.... Да, что я могу сдѣлать... бѣдный плѣнникъ? Царь, Государь православный! прости меня — я ничего не могу сдѣлать... Но совѣсть моя теперь чиста! *(Идетъ въ свою комнату.)*

1-й. *(нарочно громко)*

И вотъ еще, напримѣръ сказать, Царь этотъ, когда онъ затѣялъ войну, противъ всѣхъ условій, забывши, что онъ на колѣняхъ стоялъ передъ Турецкимъ Визиремъ...

ИГОЛКИНЪ *(внѣ себя.)*

Клеветникъ! Ругатель!... Если ты не замолчишь — я оторву тебѣ голову моими руками!

1-й *(насмѣшливо.)*

Что? что? — Да я и Царю-то твоему....

ИГОЛКИНЪ *(дрожа отъ ярости.)*

Богъ, укрѣпившій руки Сампсона на Филистимлянъ, и отрока Давида на Голіаѳа, укрѣпи и благослови раба твоего — за Царя православнаго!

(Онъ бросается на солдатъ, выхватываетъ ружье у перваго солдата; тотъ падаетъ; второй устремляется на Иголкина; онъ колетъ его штыкомъ, потомъ колетъ перваго.)

2-й СОЛДАТЪ *(падая.)*

Ой, ой! помогите, помогите!

ИГОЛКИНЪ.

Тако, да погибнутъ мыслящіи злая!.. Господи! не вмѣни мнѣ во грѣхъ смерти ихъ!

1-й СОЛДАТЪ.

Помогите! *(Умираетъ.)*

ОФИЦЕРЪ *(вбѣгая.)*

Что это? Ахъ! чортъ побери! *(Убѣгаетъ, звонитъ въ корридоръ.)*

ИГОЛКИНЪ.

Ругатели Царя моего наказаны!... Ура, Иголкинъ!.. Теперь — Господи, благодарю тебя! Теперь хоть испить чашу смертную, благословляя моего Государя православнаго! *(Ставитъ ружье и спокойно садится.)*

ХРИСТІАНЪ, ОФИЦЕРЪ, СОЛДАТЫ.

ОФИЦЕРЪ.

Что это? Онъ убилъ обоихъ солдатъ! Ты убилъ ихъ?

ИГОЛКИНЪ.

Да.

ВСѢ.

Какъ? Ты?

ИГОЛКИНЪ.

Да, я убилъ ихъ, я, Русскій купецъ

Иголкинъ — отмстилъ за честь моего Государя, и — се лежатъ глаголавшіе зло!

ОФИЦЕРЪ.

Бѣгите поскорѣе къ коммендансту! Что ты сдѣлалъ, старый злодѣй?

ИГОЛКИНЪ.

Кто не сдѣлалъ бы этого на моемъ мѣстѣ, тотъ былъ бы — *не Русскій*, отступникъ чести и присяги своей, а отъ такихъ выродковъ заморскихъ, сохрани Господь Русь православную

ХРИСТІАНЪ.

Ахъ! да, я и... и... не опомнюсь— г-нъ Иголкинъ! вы убили двухъ солдатъ?

ОФИЦЕРЪ.

Купчишка проклятый!

ИГОЛКИНЪ.

Суди — много ли же надобно было ихъ на одну руку Русскому солдату, если я, старый купчишка, управился голыми руками съ двумя вооруженными вашими солдатами...

ОФИЦЕРЪ.

Схватите его! Что вы его боитесь?

ИГОЛКИНЪ.

Чего меня бояться! Теперь меня и ребенокъ одолѣетъ... Ну, да хоть окуйте меня на всякій случай! (*Солдаты окружаютъ его, уставивъ штыки.*)

ОФИЦЕРЪ.

Не колите, не колите его! Поберегите его для суда и казни!

КОММЕНДАНТЪ (*вбѣгая.*)

Боже мой! какое ужасное происшествіе!

ОФИЦЕРЪ.

Честь имѣю донести вашему превосходительству, что этотъ Русскій плѣнникъ злоумышленно умертвилъ двухъ солдатъ, стоявшихъ здѣсь на караулѣ.

КОММЕНДАНТЪ.

Одинъ, безоружный, двухъ вооруженныхъ! Возможно ли?.. Какъ, это ты, Иголкинъ! Я не вѣрю глазамъ моимъ!

ИГОЛКИНЪ.

Тамъ два трупа, ваше превосходительство!

КОММЕНДАНТЪ.

Ты, человѣкъ старый, кроткій — ты убилъ двухъ солдатъ?

ИГОЛКИНЪ.

Богъ подкрѣпилъ руку мою!

КОММЕНДАНТЪ.

На подлое убійство!

ИГОЛКИНЪ.

Видитъ Богъ, что въ сердцѣ не было и нѣтъ ни малѣйшей злобы. Двое этихъ солдатъ осмѣлились ругать и поносить Царя моего; я уговаривалъ ихъ перестать — они не слушали; я призвалъ вотъ этого г-на офицера — онъ похвалилъ еще ихъ поступокъ; солдаты продолжали ругательства — я наказалъ ихъ — вырвалъ изъ рукъ ихъ оружіе, которое они недостойны были носить, и положилъ ихъ на мѣстѣ. Присяга и совѣсть, не гнѣвъ и не безумная ярость заставили меня умертвить ихъ. Если поступокъ мой считаете вы виновнымъ — жизнь моя въ вашихъ рукахъ! (*Всѣ въ изумленіи.*)

КОММЕНДАНТЪ.

Г-нъ офицеръ!

ОФИЦЕРЪ.

Онъ лжетъ... онъ мнѣ не говорилъ ничего... онъ пьянъ...

ИГОЛКИНЪ.

Жаль же, что и ты не попался мнѣ подъ руку... Хорошо! Положимъ, что я тебѣ ничего не говорилъ...

КОММЕНДАНТЪ (*Офицеру.*)

Г-нъ поручикъ! отдайте шпагу! Такіе безпорядки... Христіанъ!

ХРИСТІАНЪ.

Помилуйте!..

ИГОЛКИНЪ.

Ваше превосходительство! не дѣлайте никого изъ-за меня несчастными: никто не виноватъ — дѣло ясное: я убилъ ихъ и не запираюсь, и если вы почитаете меня достойнымъ казни — казните меня!

коммендантъ.

Оставьте насъ однихъ съ плѣнникомъ... Идите, говорю я, и дожидайтесь тамъ моихъ приказаній. (*Всѣ выходятъ*) Иголкинъ! я врагъ твой, но я понимаю высокія побужденія и всѣ обстоятельства твоего поступка. Ты убійца моихъ земляковъ, ты преступникъ, но — ты великій человѣкъ, ты герой! Дай мнѣ свою руку!

иголкинъ.

Не знаю, что вы находите геройскаго въ моемъ поступкѣ. Въ присягѣ моему Государю, я клялся защищать его святую главу и его священное имя отъ всякаго зла, и исполнилъ свою присягу.

коммендантъ.

Но ты погибъ! Тебя — казнятъ...

иголкинъ.

И это вы называете погибелью? Возьмите временную жизнь мою, но есть еще жизнь, и, если вы казните меня, тамъ ждетъ меня пальма страдальца за честь и величіе Помазанника Божія...

коммендантъ.

Но кто узнаетъ, кто оцѣнитъ твой поступокъ?

иголкинъ.

Не узнаютъ его люди, но его видитъ Богъ! А, можетъ быть, и добрые люди вспомнятъ Иголкина; можетъ быть, и надежа-Государь о томъ услышитъ... и изъ его очей покатится слеза жемчужная въ память бѣднаго Иголкина... »Онъ легъ за меня костьми — не посрамилъ земли Русской въ плѣну и въ заточеніи..« О! за такую награду, кто, кто не понесетъ ста жизней на жертву!... Казните меня, рвите мое дряхлое тѣло на куски, бросьте псамъ на съѣденіе трупъ мой — по гласу Архангела воззовется персть моя передъ престолъ Божій, и Иголкинъ станетъ одесную Бога!... И за такого Царя, каковъ нашъ, не положить главы моей, за него, побѣдоносца, спасителя, избранника Божія...

коммендантъ (*утирая слезу.*)

Стыдись, старикъ, ты плачешь.... Послушай, г-нъ Иголкинъ — я могу спасти тебя. Притворись безумнымъ — мы скажемъ, что у тебя бѣлая горячка, что солдаты хотѣли связать тебя, и ты убилъ ихъ, сопротивляясь...

иголкинъ.

Я унижу себя ложью передъ моею смертью? Вы шутите, г-нъ коммендантъ!

коммендантъ.

Но тогда ты останешься живъ.

иголкинъ.

Осужденный на имя безумца? А на что мнѣ тогда жизнь? Да, что вы такъ дорожите моею жизнію? Если совѣсть ваша не мирится съ закономъ — судите меня по совѣсти, а не то осуждайте, забывши совѣсть— это уже не мое дѣло!

коммендантъ.

Но вообрази слѣдствія: Король строгъ и вспыльчивъ. Этотъ офицеръ, вѣтреный молодой человѣкъ, но онъ сынъ знатныхъ родителей — онъ пострадаетъ жестоко; тюремщикъ можетъ погибнуть — тебя разстрѣляютъ черезъ нѣсколько часовъ — я самъ... такіе безпорядки — Король не проститъ меня....

иголкинъ.

Васъ, офицера и тюремщика мнѣ жаль, да то ваше дѣло. Оправдывайте себя, лгите, а я не хочу. Ложь грѣхъ!

коммендантъ.

Упрямый старикъ!... Дай мнѣ пожать твою руку, хоть на ней Шведская кровь....

(*Ходитъ въ нерѣшительности.*)

иголкинъ (*садится и вынимаетъ книгу.*)

«Больше сея любы нѣсть, еже душу свою положити за други своя....

КОММЕНДАНТЪ.

Эй! сюда!

ХРИСТІАНЪ И СОЛДАТЫ (*входятъ.*)

КОММЕНДАНТЪ.

Оковать преступника (*налагаютъ цѣпи на Иголкина*) — но не оскорблять его, и запереть въ его комнату — допросъ его произведется немедленно!— Иголкинъ! приготовься къ смерти...

(*Иголкина уводятъ въ его комнату направо. Коммендантъ уходитъ съ солдатами.*)

ХРИСТІАНЪ (*одинъ.*)

Ну! передрогло мое сердечушко, ажно и теперь не опомнюсь! Онъ, такой смирный, добрый, старый человѣкъ, и за что? Что онъ тутъ такое толковалъ? Хорошо, что еще г-нъ коммендантъ самъ лично позволялъ ему свободу, а то этакъ — допусти его я... Ухъ! дрожь беретъ — пойду, выпью немножко . . . Ахъ! какой народъ эти Русскіе — точно медвѣди — этакъ онъ исковеркалъ ихъ ! . . Ну, диво ли, что Русскіе поколотили нашего Короля . . . Ай! ай! ай! (*Маргарита вбѣгаетъ.*)

ХРИСТІАНЪ (*вытягиваясь.*)

Право, я ничего не говорилъ, ваше благородіе, ваше превосходительство! ничего не говорилъ!

МАРГАРИТА.

Батюшка!

ХРИСТІАНЪ.

Это ты? Тьфу, пропасть — со страху ты показалась мнѣ коммендантомъ!

МАРГАРИТА.

Живы ли вы? Что такое сдѣлалось?

ХРИСТІАНЪ (*щупая себя.*)

Кажется, живъ, а ужь больше ничего не спрашивай.

МАРГАРИТА.

Во всей крѣпости такая сумятица — народъ бѣжитъ сюда — велѣли запереть крѣпостныя ворота — говорятъ, ворвались Русскіе . . .

ХРИСТІАНЪ.

Куда тебѣ — хуже! Иголкинъ, нашъ пріятель, этотъ добрый старичекъ, надѣлалъ всѣ эти проказы . , .

МАРГАРИТА.

Иголкинъ! Гдѣ же онъ теперь?

ХРИСТІАНЪ.

Его оковали и посадили опять на прежнее мѣсто, пока разстрѣляютъ.

МАРГАРИТА.

Его разстрѣляютъ? За что же, батюшка?

ХРИСТІАНЪ.

Дура! слышишь: онъ зарѣзалъ двухъ коммендантовъ — тьфу, бишь! двухъ солдатъ . . .

МАРГАРИТА.

Въ умѣ ли вы, батюшка?

ХРИСТІАНЪ.

Да, Богъ знаетъ, и до сихъ поръ не опомнюсь — пойду выпью . . . (*Уходитъ.*)

(*Становится темно.*)

МАРГАРИТА (*одна.*)

Что онъ говоритъ? Иголкинъ, нашъ добрый старичекъ, другъ Густава — его разстрѣляютъ . . . онъ убилъ? Это наклеветали, налгали на него . . .

ГУСТАВЪ (*вбѣгаетъ.*)

Маргарита!

МАРГАРИТА.

Густавъ, милый другъ! Откуда ты? Здоровъ ли ты?

ГУСТАВЪ.

Только что пріѣхалъ, и тотчасъ прибѣжалъ къ тебѣ . . .

МАРГАРИТА.

Ахъ! какъ я рада! Гдѣ ты былъ такъ долго?

ГУСТАВЪ.

Теперь не до того, милый другъ. Ради Бога, Маргарита — скажи любишь ли ты меня?

МАРГАРИТА.

Люблю ли я тебя?

ГУСТАВЪ.

Помоги же мнѣ, ради Бога! Ты слышала : Иголкинъ , благодѣтель мой,

другъ отца моего, добрый, почтенный нашъ Иголкинъ...

МАРГАРИТА.

Онъ убилъ солдата — его хотятъ разстрѣлять... Ахъ! какъ страшно, Густавъ!

ГУСТАВЪ.

Я все слышалъ, все знаю — Иголкинъ... онъ не убійца... (*въ сторону.*) Какъ растолковать ей? (*Маргаритѣ.*) Если бы онъ и былъ виноватъ — его надобно спасти — ты мнѣ пособишь — только повидаться съ нимъ, поговорить...

МАРГАРИТА.

Да, вѣдь говорятъ, что онъ...

ГУСТАВЪ.

Все это вздоръ, клевета — поспѣши поскорѣе — гдѣ онъ теперь? Надобно достать ключъ... Маргарита! ты не любишь меня...

МАРГАРИТА.

Ахъ! очень люблю, да боюсь — если батюшка узнаетъ — если тебя схватятъ...

ГУСТАВЪ.

Никто не узнаетъ — пойдемъ... Посмотри, посмотри — вотъ и судьи идутъ!..

(*Онъ и Маргарита прячутся въ уголокъ. Двое* СУДЕЙ *и* СЕКРЕТАРЬ *слѣдуютъ за* ХРИСТІАНОМЪ, *который уже довольно пьянъ и несетъ фонарь.* СОЛДАТЫ, *съ факелами, становятся у дверей тюрьмы Иголкина. Христіанъ отпираетъ двери. Судьи и Секретарь входятъ въ тюрьму.*)

ХРИСТІАНЪ И СОЛДАТЫ.

ХРИСТІАНЪ.

Ну, если появились эти черныя платья — плохое дѣло, и когда они появились, такъ ужъ значитъ, что человѣку долго не жить — то есть, не долго жить, и то есть — пора отправляться въ дорогу — прощай, не поминай лихомъ! А я не виноватъ — вы сами, ваше превосходительство, приказали выпить — вы приказали — поди, Христіанъ, выпей — я и выпилъ, только для куражу, а дѣло не забываю. То есть, тутъ теперь, изволите видѣть — выпилъ...

(*Маргарита и Густавъ между тѣмъ переговаривали знаками. Онъ выходитъ тихонько въ корридоръ.*)

МАРГАРИТА (*Христіану.*)

Батюшка! тамъ васъ ждутъ, спрашиваютъ.

ХРИСТІАНЪ.

Кто спрашиваетъ?...

МАРГАРИТА.

Да, кажется, г-нъ коммендантъ!

(*Слышенъ шумъ. Она прячется въ уголъ и тихонько убѣгаетъ*).

ХРИСТІАНЪ. (*бодро вытягиваясь.*)

Ваше превосходительство!

КОММЕНДАНТЪ И БАРОНЪ ГЕРЦЪ.

ГЕРЦЪ.

Мнѣ надобно рѣшительно поговорить съ вами, баронъ. Въ какомъ положеніи дѣло этого Русскаго купца, который убилъ солдата?

КОММЕНДАНТЪ.

Въ самомъ плохомъ, баронъ. Судьи теперь у него, для отобранія послѣднихъ свѣдѣній — вотъ и они....

(СУДЬИ И СЕКРЕТАРЬ *выходятъ.*)

КОММЕНДАНТЪ.

Что говоритъ преступникъ?

СУДЬЯ.

Подтверждаетъ прежнія показанія, и показываетъ совершенную нераскаянность.

КОММЕНДАНТЪ.

Идите въ судейскую. Я тотчасъ туда буду.

ГЕРЦЪ.

Прикажите всѣмъ удалиться, баронъ.

КОММЕНДАНТЪ.
Кажется, между нами не можетъ быть тайнъ?

ГЕРЦЪ.
Прошу васъ!

КОММЕНДАНТЪ.
Оставьте насъ (*всѣ уходятъ кромѣ Христіана.*) Пошелъ вонъ!

ХРИСТІАНЪ.
Не могу — не смѣю!

КОММЕНДАНТЪ.
Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ (*Христіанъ пробирается въ корридоръ*)? Что вы хотѣли говорить мнѣ, баронъ.

ГЕРЦЪ.
Что вы хотите дѣлать съ преступникомъ?

КОММЕНДАНТЪ.
Поступить по законамъ — его разстрѣляютъ немедленно, за нарушеніе порядка и дисциплины.

ГЕРЦЪ.
Я васъ прошу отсрочить казнь его.

КОММЕНДАНТЪ.
Мнѣ отдано строжайшее королевское повелѣніе о соблюденіи порядка и дисциплины. Я не могу его нарушить.

ГЕРЦЪ.
Я прошу отсрочить казнь плѣнника до полученія особеннаго королевскаго повелѣнія. Дѣло необыкновенное. Преступникъ не подлежитъ вашему суду; онъ не военный....

КОММЕНДАНТЪ.
Я вамъ докажу, что *подлежитъ*. Ваше вмѣшательство въ дѣло только ускоритъ смерть его. И безъ того распоряженія ваши много отбили уже власти у нашихъ военныхъ судей и государственныхъ чиновъ.

ГЕРЦЪ.
Несчастная война довольно доказала, что не всегда можно слѣдовать совѣтамъ людей военныхъ...

КОММЕНДАНТЪ.
Лучше погибнуть всѣмъ, нежели заключать договоры постыдные?...

ГЕРЦЪ.
Оставимъ-те споры. Разсудите, баронъ, что смерть этого плѣнника, какое бы ни было его преступленіе, раздражитъ Русскаго Царя... Вы знаете, что у насъ начались уже мирные переговоры, и мы должны избѣгать всѣхъ новыхъ поводовъ къ войнѣ...

КОММЕНДАНТЪ.
Вы, а не Король, и не Швеція ведутъ эти переговоры...

ГЕРЦЪ.
Я дѣйствую съ воли Короля

КОММЕНДАНТЪ.
Котораго успѣли вы уговорить къ миру.

ГЕРЦЪ.
Упорство было безполезно. И безъ того мнѣнія людей... вамъ подобныхъ—храбрыхъ, какъ шпага, но и...

КОММЕНДАНТЪ.
И глупыхъ, какъ шпага? договорите, баронъ!

ГЕРЦЪ.
Вы приняли на себя этотъ трудъ. Но, повторяю, оставимъ споры—послѣдствія оправдаютъ, кто былъ правѣе...

КОММЕНДАНДЪ.
Я исполняю долгъ мой. Поймете ли вы, что по совѣсти, я оправдываю этого храбраго Русскаго купца — буду плакать, подписывая его приговоръ, но—законъ неумолимъ! Онъ будетъ разстрѣлянъ—и немедленно. Я долженъ сдѣлать это, даже для успокоенія народа, который шумитъ и тревожится. А политика, баронъ, не мое дѣло. Прощайте!

ГЕРЦЪ.
Я отправилъ уже курьера къ Королю, да его и безъ того ждали съ часу на часъ. Прошу васъ, баронъ... Я ручаюсь вамъ, что Король не подтвердитъ вашего приговора.

КОММЕНДАНТЪ.
Вы слишкомъ много надѣетесь на

власть вашу надъ Королемъ.

ГЕРЦЪ (*въ сторону.*)

И эти люди владѣли прежде волею Короля! (*громко*) Дѣло остается на вашей отвѣтственности!

КОММЕНДАНТЪ.

Не на вашей, баронъ, не бойтесь, а я свою обязанность знаю.

ГЕРЦЪ.

Воля Короля.

КОММЕНДАНТЪ.

Не вы ли тотъ сапогъ, который обѣщалъ нашъ Король прислать для управленія нами?

ГЕРЦЪ.

Вы забываетесь, баронъ! вы забываете мое званіе...

КОММЕНДАНТЪ.

Я обязанъ помнить только долгъ свой.

ГЕРЦЪ.

Хорошо, М. Г., поступайте, какъ вамъ угодно; вы отвѣчаете мнѣ за обиду и послѣдствія...

(*Онъ уходитъ.*)

КОММЕНДАНТЪ (*одинъ.*)

Краснобай! Золотой дипломатъ, съ шпилькой вмѣсто шпаги! Стану я слушаться твоихъ дипломатическихъ тонкостей — я, сослуживецъ Карла XI. Онъ хочетъ мириться съ Русскимъ Царемъ! Онъ боится гнѣва его—пожалуй они и помирятся, а я не успѣю и порохомъ подышать!... И безъ того, семнадцать лѣтъ идетъ война, а я сижу въ этой крѣпости, какъ баба, и—умереть здѣсь, и пережить позоръ моей отчизны — видѣть, какъ Русскіе въ глазахъ нашихъ жгутъ наши города, къ Стокгольму подходятъ, и Царь ихъ съ четырьмя флотами готовитъ высадки; и ужъ мужикъ Русскій становится выше Шведскихъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ... Для чего не таковы стали вы, Шведы? Штенбокъ, Левенгауптъ...Этотъ мужикъ, котораго и память исчезнетъ съ позоромъ—онъ выше васъ — онъ герой!... Если бы тотъ дипломатъ за него не заступился... Бояться огорчить непріятеля.... Иголкинъ умреть!

(*Уходитъ.*)

ГУСТАВЪ И МАРГАРИТА (*входятъ осторожно.*)

МАРГАРИТА.

Ахъ! слышалъ ли ты? Онъ не послушался даже министра!

ГУСТАВЪ.

Поспѣшимъ! Отецъ твой тамъ сидитъ и храпитъ... Возьми у него ключъ!

МАРГАРИТА (*подходитъ къ двери тюрьмы.*)

Она не заперта!

ГУСТАВЪ.

Какое счастье! Они забыли запереть замокъ... Слава Богу! (*Отворяетъ дверь.*) Онъ молится! Посмотри, посмотри, какъ свѣтло, какъ оживлено лице его!... О, смерть добродѣтельнаго прекрасный вечеръ прекраснаго дня!.. Но время дорого!... Г-нъ Иголкинъ!

ГОЛОСЪ ИГОЛКИНА.

Кто зоветъ меня!

ГУСТАВЪ.

Это я, Густавъ!

ИГОЛКИНЪ (*выходитъ.*)

Добрый Густавъ! Какъ? Ты здѣсь? Давно ли? (*улыбаясь.*) Ну, теперь Маргарита грустить перестанетъ!

МАРГАРИТА.

Ты помнишь обо мнѣ въ такую страшную минуту!

ИГОЛКИНЪ.

Страшную минуту? Чѣмъ же она страшна, дитя мое?

МАРГАРИТА.

Вѣдь тебя ужь осудили на смерть!

ИГОЛКИНЪ.

Когда я родился, тогда еще былъ я на нее осужденъ. Осудили, говоришь

ты? Да будетъ воля Божія! Благодарю Господа за то, что такой кончины Онъ сподобляетъ меня!

ГУСТАВЪ.

Неужели тебѣ не жаль разстаться съ тѣмъ, что было тебѣ такъ мило и дорого...

ИГОЛКИНЪ.

Господь! благослови ихъ...

ГУСТАВЪ.

Я принесъ тебѣ добрую вѣсточку...

ИГОЛКИНЪ *(радостно.)*

Вѣсточку? Отъ нихъ?

ГУСТАВЪ.

Письмо, которое долго залежалось у нашего общаго пріятеля въ Ревелѣ...

ИГОЛКИНЪ.

Подай, подай его! *(Схватываетъ и читаетъ письмо.)*

«Милостивый государь, дѣдушка! Симъ «тебѣ, государю, кланяюсь до сырой «земли, и прошу твоего заочнаго ро«дительскаго благословенія. А мы те«бя, государь дѣдушка, ждемъ не до«ждемся, и надѣемся...» *(Закрываетъ лицо руками.)*

Не надѣйтесь—не дождаться вамъ меня, други мои, не дождаться—не видаться — до радостнаго свиданія — *тамъ!...*

ГУСТАВЪ И МАРГАРИТА.

Г-нъ Иголкинъ! Почтенный другъ нашъ!

ИГОЛКИНЪ.

Эхъ! слабость человѣческая... Согрѣшилъ я, окаянный! Когда полагалъ я, что все суетное мною уже забыто, когда приготовилъ себя молитвою къ великому переходу—сердце мое болитъ и разрывается! Летитъ душа моя не въ небо, а на землѣ она остается, у родныхъ она гоститъ, и витаетъ среди нихъ, какъ голубица пустынная... О! прискорбна, душа моя, прискорбна...

ГУСТАВЪ.

Мой другъ и благодѣтель! Ты можешь быть спасенъ!

ИГОЛКИНЪ.

Что ты говоришь? Спасенъ?

ГУСТАВЪ.

Я все припасъ къ твоему побѣгу.— Здѣсь на стѣнѣ виситъ веревочная лѣстница—внизу я приготовилъ лодку—тебя перевезутъ—оттуда ты переодѣнешься — я спрячу тебя у моихъ родныхъ, и найду случай переправить въ Данію... Ради Бога, согласись — дай мнѣ средство доказать тебѣ мою благодарность...

МАРГАРИТА.

Пожалуста, г-нъ Иголкинъ!

ИГОЛКИНЪ.

Густавъ! За что ты любишь и благодаришь меня?

ГУСТАВЪ.

Ты... благодѣтель мой... Ты училъ меня добру...

ИГОЛКИНЪ.

Развѣ я училъ тебя когда нибудь хитрить, лгать и обманывать?... Ты не отвѣчаешь?... Молодой человѣкъ! Развѣ не видишь ты, что побѣгъ отсюда невозможенъ?

ГУСТАВЪ.

Нѣтъ! можно, можно...

ИГОЛКИНЪ.

Благодарю тебя, благодарю, что принесъ мнѣ послѣднюю земную радость при дверяхъ гроба; но не стыдно ль тебѣ даже и то, что ты обманомъ прокрался ко мнѣ! Вы, вѣрно, напоили старика Христіана?

МАРГАРИТА.

Нѣтъ! Онъ самъ подгулялъ, и спитъ теперь, вонъ тамъ!

ИГОЛКИНЪ.

Хорошо! Я убѣгу—а Маргарита, а отецъ ея? Вѣдь его казнятъ за мой побѣгъ?

МАРГАРИТА.

Ахъ! Густавъ! Ты мнѣ не сказалъ!...

ИГОЛКИНЪ.

Не бойся, милая — я не убѣгу — я не посрамлю моего праваго дѣла, не покрою стыдомъ сѣдинъ моихъ, не

обезславлю Русскаго имени — не заставлю другихъ проклинать меня...

густавъ *(на колѣняхъ.)*

Ты праведникъ! Благослови, благослови меня!

иголкинъ.

О! дай мнѣ въ лицѣ твоемъ обнять всѣхъ дѣтей моихъ, внуковъ моихъ, родныхъ моихъ .. Юноша! Слушай и исполни мой завѣтъ послѣдній: когда не будетъ меня, не устыдись коснуться моего обезславленнаго трупа— сними съ него этотъ мѣдный крестъ, который надѣли на меня при моемъ рожденіи, который былъ со мною во все время моего тяжкаго плѣна, которому буду я молиться въ минуту смерти моей, и на которомъ охолодѣютъ уста мои... Сними его — отошли его на Русь-матушку, къ женѣ моей, къ дѣтямъ, къ внукамъ! Скажи имъ.. А можетъ быть, ты и увидишь ихъ когда нибудь... Скажи имъ... что тебѣ ввѣрилъ я мое послѣднее имъ благословеніе—пусть не плачутъ они обо мнѣ—пусть только помянутъ меня по христіански — будутъ добрыми, боятся Бога, и — не жалѣютъ живота за Царя и Отечество...

густавъ и маргарита,

Ахъ! другъ нашъ! *(обнимаютъ его.)*

иголкинъ.

Довольно! Прошло земное! Готовъ Господи, готовъ! Готово сердце мое, готово, Боже! *(Барабанный бой.)*

(Густавъ и Маргарита съ ужасомъ вскрикиваютъ и бѣгутъ въ сторону. Иголкинъ спокойно идетъ въ тюрьму свою. Барабанный бой.)

христіанъ *(вбѣгаетъ въ испугѣ.)*

Ай, ай, ай! Да что это? Гдѣ ключъ? Дверь не замкнута! Онъ ушелъ—пропала моя голова! *(съ робостію заглядываетъ)* Тутъ! Ахъ! Какой почтенный, милый человѣкъ... Вотъ ужъ настоящій другъ!...

коммендантъ, судьи, секретарь, солдаты *(входятъ.)* густавъ и маргарита *въ сторонѣ на колѣняхъ, молятся. Дверь тюрьмы отпираютъ.* иголкинъ *выходитъ. Съ него снимаютъ цѣпи. Безмолвіе.*

коммендантъ *(скрывая свое чувство.)*

Не имѣешь ли ты чего завѣщать передъ смертью?

иголкинъ.

Боже! Благослови мое отечество! Спаси Царя, покори подъ ноги его враги и супостаты! Вотъ мое завѣщаніе! Ведите меня!

(Онъ складываетъ руки на грудь, молится и спокойно идетъ. Солдаты слѣдуютъ за нимъ.)

герцъ *(вбѣгаетъ поспѣшно.)*

Остановитесь, остановитесь! Онъ помилованъ! Писать приказа было некогда, но я клянусь вамъ моею честью —самъ Король скачетъ сюда!

густавъ *(радостно.)*

Помилованъ! Остановитесь, остановитесь! *(убѣгаетъ.)*

коммендантъ.

Его Величество жалуетъ самъ?

(Барабанный бой.)

тѣ же и карлъ XII-й.

карлъ.

Гдѣ Русскій плѣнникъ?

(Иголкинъ *возвращается. Его окружаютъ* Густавъ, Маргарита и *солдаты.*)

карлъ *(долго смотритъ на Иголкина.)*

Ты поступилъ славно!

иголкинъ.

Я исполнилъ долгъ свой.

карлъ.

Я тебя прощаю.

иголкинъ.

Нѣтъ, Государь! Вы также испол-

щаете только долгъ свой —прощаютъ преступниковъ, а я не преступникъ!

КАРЛЪ.

Браво! Хороши мои, да и эти молодцы! Герцъ! Смерти его я никогда бы себѣ не простилъ, но, вы, Комендантъ, поступали, какъ слѣдовало. Дайте руку! (*слѣзетъ.*) Вы хотите драться? Вы ѣдете со мною—мы будемъ вмѣстѣ драться! А шпага перу не помѣха—дайте руку Герцу.

КОММЕНДАНТЪ.

Государь!.. Баронъ! Простите меня! (*Онъ обнимаетъ Герца.*)

КАРЛЪ.

Герцъ! Ты отправляешься немедленно на Аландъ. Возьми съ собою этого старика; скажи брату моему Петру, что я посылаю ему дорогой подарокъ... Если у него есть въ запасѣ еще нѣсколько такихъ стариковъ — мы кое-что успѣемъ сдѣлать вмѣстѣ!..

ИГОЛКИНЪ.

Ты хочешь мириться съ моимъ Государемъ? Ты мнѣ даешь свободу! Государь?

КАРЛЪ.

Слуга покорный! Такого забіяку оставить въ Стокгольмѣ — ты еще перебьешь у меня дюжины двѣ солдатъ, а мнѣ они надобны противъ Датчанъ. Вѣдь они не всѣ такіе негодяи, какъ тѣ, которыхъ ты вычеркнулъ изъ списка. Съ братомъ Петромъ мы покажемъ, что Русскіе и Шведы стòятъ другъ друга. Кланяйся ему, старикъ—дай руку—молодецкая, желѣзная рука!

ИГОЛКИНЪ (*улыбаясь*)

Русская рука, Ваше Величество, которая на себя охулы не положитъ...

КАРЛЪ (*слѣзется.*)

Братъ Петръ успѣлъ убѣдить меня въ этомъ — я не вѣрилъ прежде, и за увѣреніе заплатилъ не дешево.. Герцъ! Ты придешь ко мнѣ—старику я приготовлю въ дорогу гостинецъ... Баронъ Адделькрейцъ! пойдемте! (*уходитъ.*)

КОММЕНДАНТЪ.

Иголкинъ! Дай обнять себя! Ты зайдешь проститься со мною! (*Онъ обнимаетъ его и уходитъ за Королемъ.*)

ГЕРЦЪ.

Готовы ли вы въ путь, г-нъ Иголкинъ?

ИГОЛКИНЪ.

Готовъ ли я? (*Густавъ и Маргарита бросаются въ его объятія.*) Видите ли, какъ я люблю васъ... Мнѣ отдали жизнь, честь, свободу — я ѣду на святую Русь, а мнѣ грустно разставаться съ вами!

—

ЭПИЛОГЪ.

Площадь между Троицкою церковью, домикомъ Петра Великаго и крѣпостью. Сзади Нева. За нею строенія на нынѣшней Адмиралтейской сторонѣ. На площади веселятся и ходитъ народъ. Слышна пѣсня:

Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ
Молодой матросъ корабли снастилъ
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ...

ДВОЕ КУПЦОВЪ.

1-й КУПЕЦЪ.

Мое почтеніе, Иванъ Ивановичъ! Давно ли изъ Москвы?

2-й КУПЕЦЪ.

Только что вчера.

1-й КУПЕЦЪ.

Ну, что новаго?

2-й КУПЕЦЪ.

Москва вамъ кланяется. Живемъ по добру, по здорову. Что у васъ слышно, Петръ Петровичъ?

1-й КУПЕЦЪ.

На Русской землѣ когда безъ радостей, слава-те Господи! Вотъ къ вамъ

не дошли развѣ такія вѣсти, что батюшка нашъ, православный Государь воротился изъ чужихъ краевъ, и съ Матушкой Царицей?

2-й купецъ.

Да, не отъ того ли у васъ въ Питерѣ и народъ такъ гуляетъ?

1-й купецъ.

Именно. Возвращеніе Царя праздникъ для Русскаго сердца. А особливо вѣдь мы его, батюшку нашего, такъ долго, долго не видали. Ѣздилъ онъ за нашимъ же счастьемъ, бесѣдовалъ тамъ съ иноземными владыками, какъ бы имъ все устроить на миръ и спокойствіе, да на благо народное...

2-й купецъ.

Слышно было у насъ въ Москвѣ, что будто и съ Шведомъ у насъ скоро миръ будетъ?

1-й купецъ.

Да, кажется, что такъ. Увидѣлъ Шведскій Король, что не подъ силу ему бороться съ нашимъ великимъ Государемъ, и прислалъ своихъ министровъ. Начали было тутъ Шведы спорить, такъ Царь Государь и говоритъ: «Скажите имъ, что сильно-то спорить имъ не приходится — вѣдь я на *кангрессъ*-то 40,000 пословъ пришлю, съ пушками, вмѣсто перьевъ...

2-й купецъ.

Ай, да Царь Православный!

1-й купецъ.

А слышалъ ли ты, что въ прошломъ году на Шведа ходили Англичане, Голландцы, Датчане, наши Рускіе — всѣ на корабляхъ, а надъ всѣми четырьмя флотами главной былъ нашъ Государь православный!

2-й купецъ.

Дай ему Богъ здоровья! Объ немъ радостныхъ вѣстей и не переслушаешь. Да неужели здѣсь, на такой тѣсной площади, у васъ въ Питерѣ главное гулянье бываетъ?

1-й купецъ.

Тѣсна эта площадь, да Русскому разгулу на ней просторно: видишь ли, вотъ бѣдный домикъ? Этотъ домикъ первоначально построилъ себѣ Царь Петръ Алексѣевичъ, какъ заложилъ Питеръ. Здѣсь онъ жилъ, здѣсь онъ трудился, здѣсь онъ молился за свое царство православное, и теперь онъ часто здѣсь бываетъ, любуется на народъ православный, а потому и любимое здѣсь гулянье народное.

2-й купецъ.

Въ этомъ домикѣ жилъ онъ? Царь Россіи, великій, могущій, жилъ въ этомъ домикѣ, когда онъ могъ себѣ золотыя палаты построить? Поведи меня туда—дай мнѣ поклониться этому святому убѣжищу Царя великаго!..

1-й купецъ.

Постой, постой! Вотъ раздается наша Русская пѣсня, родная... народъ хороводы повелъ!

2-й купецъ.

Русская пѣсня! Эхъ! такъ отъ нея сердце и забилось!... *(Толпа народа, мужчины, женщины, дѣти. Впереди запѣвало. Они останавливаются на срединѣ.)*

пѣсня.

Засвѣтилась звѣзда самоцвѣтная
Надъ Невой рѣкой, во поднебесьи.
Чуетъ вѣщее радость дивную —
Прилетѣла къ намъ золотая вѣсть:
Воротился нашъ Православный Царь!
Радость-солнце нашъ отецъ,
Золотой на немъ вѣнецъ!
Съ нимъ и матушка-Царица,
Словно свѣтлая зарница!

хороводъ.

Заплетися, плетень, заплетися,
Православный народъ веселися!
Ты завейся, труба золотая,
Веселись, веселись, Русь святая!
Завернися, камка хрущатая,
Загреми наша пѣсня родная!

хоръ.

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю на сей землѣ слава!
Государь нашъ, надежда не старѣтся, слава!
Его цвѣтное платье не носится, слава!
Его добрые кони не ѣздятся, слава!
Золотой казнѣ его счета нѣтъ, слава!

Его воинство—громы небесные, слава!
А любовь къ нему—океанъ море, слава.

2-й купецъ.

Эхъ! утѣшили душку! Эй, молодцы! Да, посмотри-ка, посмотри, Петръ Петровичъ, что еще такое?

1-й купецъ.

Не знаю, родимый! Купечество съ хлѣбомъ солью, и офицерство, и солдатушки наши. . .

купцы *идутъ съ хлѣбомъ солью.* Преображенскій капитанъ и солдаты.

Народъ обступаетъ ихъ.

старшій купецъ (*народу.*)

Позвольте, добрые люди, очистите дорогу къ пристани. Царь-Государь велѣлъ встрѣтить намъ почетнаго гостя, который плыветъ сюда съ чужой стороны и близко подплываетъ. (*Народъ становится по сторонамъ.*)

1-й купецъ.

Позволь, родимый, узнать: кого-же это велѣлъ такъ привѣтствовать и встрѣчать Царь Петръ Алексѣевичъ? Не короля ли какого? Не енарала ли?

старшій купецъ.

Нѣтъ! Русскаго купца Иголкина, о которомъ ты, вѣрно, слыхалъ, какъ онъ, не жалѣя живота, бывши въ полону, отмстилъ оскорбленіе великаго Царскаго имени!

1-й купецъ.

Онъ возвращается на родину?

старшій купецъ.

Да, Король Шведскій одарилъ его за подвигъ дарами богатыми, и послалъ къ Царю съ грамоткой; говоритъ: Вотъ тебѣ, Государь, подарокъ, лучше котораго и прислать нечего! А Царь прочиталъ грамотку, велѣлъ приготовить пиръ почетный, и ждетъ его, тамъ, во дворцѣ своемъ, хлѣба-соли кушать, съ хозяюшкой своей, съ министрами, съ воеводами, а намъ велѣлъ встрѣтить здѣсь его и привѣтствовать. . .

народъ.

Ѣдетъ, ѣдетъ Иголкинъ! (*Всѣ стремятся къ берегу.*)

1-й купецъ.

А, пріятель, что скажешь? Умѣетъ ли за любовь и вѣрность награждать Русскій Царь?

2-й купецъ.

Эхъ, братъ! Плакать хочется, а говорить-то ужь не въ могуту!

Лодка пристаетъ къ берегу Иголкинъ *выходитъ изъ нея. Всѣ стоятъ почтительно.*

иголкинъ.

Русь моя матушка! Да не во снѣ ли ты мнѣ грезишься? Ты ли это, моя родимая сторонушка? Дай мнѣ обнять себя, дай прижать тебя къ ретивому! (*Онъ падаетъ на землю и цѣлуетъ ее.*) Люди Русскіе! Здравствуйте, православные! Заговорите со мной Русскимъ языкомъ! Пусть услышу я отъ васъ рѣчь родную, привѣтную!

старшій купецъ.

Милости просимъ, добро пожаловать. Люди Русскіе тебя привѣтствуютъ, челомъ тебѣ бьютъ, хлѣбъ-соль подносятъ!

капитанъ.

Его Царское Величество поздравляетъ тебя съ пріѣздомъ, присылаетъ тебѣ кафтанъ золотой, и проситъ тебя пожаловать на почетный пиръ!

(*Иголкинъ хочетъ говорить, и не можетъ.*)

жена и внукъ иголкина (*бѣгутъ къ нему.*)

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Дѣдушка!

(*Иголкинъ прижимаетъ ихъ къ сердцу. Многіе бросаются обнять его. Окруженный женою, внукомъ, народомъ, онъ выступаетъ впередъ и становится на колѣни.*

иголкинъ (*едва можетъ говорить.*)

Господи!... Услыши молитву мою, да будутъ внуки наши такъ любить Отечество и Царя Православнаго, какъ мы ихъ любимъ, и да будутъ Цари Русскіе подобны Царю Петру Алексѣевичу!

Общій кликъ: Ура! Ура!

ФЕБУСЪ,

ПУБЛИЧНЫЙ ПИСЕЦЪ.

КОМЕДІЯ ВОДЕВИЛЬ ВЪ 2 ДѢЙСТВІЯХЪ, ПЕРЕВЕДЕННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. А. Коровкинымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ФЕБУСЪ, публичный писецъ.............г-нъ сосницкій.
Г. МОЛЕ, негоціянтъ. Г-нъ каратыгинъ 2.
ТЕОДОРЪ, сынъ Моле..................г-нъ мартыновъ.
АДОЛЬФЪ, сержантъ національной гвардіи. г-нъ леонидовъ.
Г-жа БЕРНАРЪ, сестра Моле..........г-жа сандунова.
ДАМА, подъ вуалемъ. г-жа сосницкая.
ПОЛИНА, дочь ея. . г-жа асенкова.
МАГДАЛИНА, кухарка...............г-жа шелихова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Городская площадь; налѣво отъ актеровъ шалашъ Фебуса; дверь въ него съ площади съ вывѣскою: «Фебусъ публичный писецъ.» Большое окно выходитъ къ публикѣ; внутри жилья большая занавѣска, которая скрываетъ заднюю часть внутренности; на переди бюро, и все нужное для письма; ставни жилья закрыты. Домъ Моле направо противъ Фебуса; остальную часть сцены занимаютъ дома и улицы, примыкающіе къ площади.

ЯВЛЕНІЕ 1.

АДОЛЬФЪ (*въ мундирѣ сержанта національной гвардіи.*)

Вотъ жалуются всѣ, что нынче свѣжо, сыро, такъ всего на сквозь и пробираетъ, а влюбленный ничего не чувствуетъ, особенно, когда стоишь на караулѣ въ томъ самомъ кварталѣ, гдѣ живетъ предметъ нашей страсти, и если передъ карауломъ выпьешъ порядочную порцію пуншу... Поручикъ преспокойно отправился спать домой подъ предлогомъ, что его жена боится ночевать одна, и я отвѣчай теперь за цѣлую команду... Правду сказать, одинъ я исполняю въ точности свою обязанность: я охраняю сонъ и безопасность цѣлаго квартала; охраняю спокойствіе одного прелестнаго существа... (*указывая*

на окно.) Она тамъ!.. Тамъ!.. На что не рѣшится истинная любовь? Напримѣръ я, цѣлый часъ стою подъ окномъ и все въ одинаковомъ положеніи: сигара во рту, руки въ карманѣ, глаза на окнѣ.

Ядромъ меня не оторвать,
Стою какъ будто бы прикованъ,
Отецъ грозитъ арестовать
Когда я дочкой арестованъ.
Давно покоя своего
Лишенъ другими я цѣпями;
Вотъ здѣсь за этими стѣнами
Гауптвахта сердца моего!
(*смотритъ на окно*).

Я замѣчаю какое-то движеніе... вѣрно она проснулась... какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она просыпается!.. Впрочемъ я когда нибудь и увижу... всякой день буду это видѣть; соперниковъ у меня нѣтъ, а если бъ и выискался какой чучело, такъ я его разъ, два!.. (*Фехтуетъ и схватываетъ Магдалину, которая вышла изъ дому.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

АДОЛЬФЪ И МАГДАЛИНА.

МАГДАЛИНА.

Ай! ай! ай!

АДОЛЬФЪ.

Ахъ, извините!

МАГДАЛИНА.

Это вы, г. Адольфъ? Что вы тутъ дѣлаете?

АДОЛЬФЪ.

Я?... Да такъ... я (*въ сторону*) Отъ нея можно, что нибудь вывѣдать.

МАГДАЛИНА.

Однако прощайте, г. Адольфъ! Мнѣ нужно на рынокъ; у насъ сегодня большой обѣдъ.

АДОЛЬФЪ.

Обѣдъ?.. Какъ, г. Моле даетъ обѣдъ?

МАГДАЛИНА.

Какъ же-съ, сегодня заключаетъ свадебный контрактъ г. Теодора.

АДОЛЬФЪ.

Что ты говоришь! Да какая же дура пойдетъ за такого урода.

МАГДАЛИНА.

Ну, это напрасно: во-первыхъ, онъ совсѣмъ не уродъ, а во-вторыхъ, за него выходитъ не дура: мамзель Полина прекрасная дѣвушка!

АДОЛЬФЪ (*въ испугѣ.*)

Полина! Этого быть не можетъ (*опомнясь.*) Кажется, ничего и похожаго не было.

МАГДАЛИНА.

Мало ли какъ судьба играетъ, мы и сами не думали, не гадали, а вчера вдругъ рѣшилось.

АДОЛЬФЪ.

Полина! И за кого же? За рыжаго негодяя, дурака... Да нѣтъ, я его убью!

МАГДАЛИНА.

Что вы, что вы, г. Адольфъ! За что же вы меня-то пугаете? Можно ли говорить такія вещи... развѣ вы...

АДОЛЬФЪ.

Болѣе года я люблю ее, какъ сумасшедшій.

МАГДАЛИНА.

Можетъ ли это быть?

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТѢ ЖЕ И ФЕБУСЪ (*въ бумажномъ колпакѣ.*)

ФЕБУСЪ (*отворяя ставень со стороны публики.*)

Разсвѣло, или нѣтъ? (*зѣваетъ*) Какъ сладко зѣвается!

АДОЛЬФЪ.

Я увѣренъ, что Полина его не любитъ (*смотря на окно.*) Да, Полина... я слишкомъ хорошо тебя знаю.

МАГДАЛИНА.

Что я заболталась! (*беретъ свою корзинку*).

ФЕБУСЪ.

Долженъ быть часъ девятый: колбасная лавочка отворена! Какой же я сибаритъ!

(*Снимаетъ колпакъ и надѣваетъ парикъ.*)

АДОЛЬФЪ.

Послушай, Магдалина, окажи мнѣ услугу, и я ничего не пожалѣю... скажи Полинѣ...

МАГДАЛИНА

Нѣтъ, нѣтъ! въ такія дѣла я никогда не вмѣшиваюсь.

АДОЛЬФЪ (*беретъ ее за руки.*)

Я умоляю тебя; ну, что тебѣ это стоитъ? (*Въ это время Фебусъ отворилъ свою дверь.*)

ФЕБУСЪ (*открывая ставни со стороны площади.*)

Ага! ранняя интрижка! Ого, какой солдатикъ! Крупный народъ всегда начинаетъ съ утра, а мелкіе чиновники, обыкновенно, подъ вечеръ.

(*поетъ.*)

Въ гвардіи Французской
Милый мой служилъ!

АДОЛЬФЪ.

Но я непремѣнно долженъ съ нею видѣться.

МАГДАЛИНА.

Въ день подписи контракта?

АДОЛЬФЪ.

Тѣмъ болѣе; а, да я вижу, тебѣ надобно придать храбрости (*цѣлуетъ ее.*)

ФЕБУСЪ (*поетъ.*)

Я лю... ла, ла, лю, била.
Любви тра, та, — сила!

АДОЛЬФЪ (*оборотясь.*)

Что это?

ФЕБУСЪ

Не безпокойтесь; послушайте, не знаете, цирюльна отворена?

МАГДАЛИНА (*увидя Фебуса.*)

А, проснулся дядя!

ФЕБУСЪ.

А а! Это моя утренняя практика! (*тихо*) Національный гвардеецъ... и въ галунахъ... А, извините, извините... (*говоритъ въ кулису*) Эй! Молошница! Ты сегодня не будешь писать къ своему любезному? Нѣтъ!.. (*входитъ къ себѣ.*)

АДОЛЬФЪ.

Я найду случай придти къ нему въ домъ; ты только предупреди Полину...

МАГДАЛИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, пора на рынокъ! Дядя Фебусъ, я зайду записать расходъ! (*уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

АДОЛЬФЪ И ФЕБУСЪ.

АДОЛЬФЪ.

Ее хотятъ выдать насильно замужъ за человѣка, котораго она ненавидитъ.... Нѣтъ, чортъ возьми!

ФЕБУСЪ (*у себя.*)

Что этотъ сержантъ такъ горячится?

АДОЛЬФЪ.

А! Прекрасная мысль!

ФЕБУСЪ.

Берегитесь, вы можете простудить горло!

АДОЛЬФЪ.

Да, надо остановить эту свадьбу! И я это сдѣлаю.

ФЕБУСЪ (*разбирая свои бумаги.*)

Куда я дѣвалъ Терезу?

АДОЛЬФЪ.

Такъ точно, это публичный писецъ (*входитъ къ нему.*) Послушай, любезный!...

ФЕБУСЪ.

Боже мой, какъ вы меня испугали! Ворвались ко мнѣ, какъ бомба!

АДОЛЬФЪ.

Мнѣ нужно написать письмо.

ФЕБУСЪ.

Развѣ вы сами не умѣете писать?

АДОЛЬФЪ (*нетерпѣливо.*)

Не твое дѣло!

ФЕБУСЪ.

За что же вы сердитесь? Тутъ ни-

чего нѣтъ обиднаго: я зналалъ многихъ отличныхъ военныхъ, которые прекрасно владѣли саблею, и не умѣли взять въ руки пера. Вы мнѣ скажете, что это было въ наше время! Правда, правда! просвѣщеніе много надѣлало бѣдъ писцамъ; чорть знаеть, нынче всѣ пишутъ!

АДОЛЬФЪ.

Мнѣ толковать нѣкогда, садитесь!

ФЕБУСЪ.

Позвольте, позвольте, надо же мнѣ приготовиться, раскрыть бюро, вынуть перо. Вотъ, сударь, 25 лѣтъ я занимаюсь перепиской съ постояннымъ жаромъ, и не могу составить состоянія.... Сдѣлайте милость, садитесь.

АДОЛЬФЪ.

Да готовы ли вы?

ФЕБУСЪ.

Позвольте, позвольте, надо же перо очинить, arma scribοe.

АДОЛЬФЪ.

Дайте скорѣе бумаги, я напишу черновое (*Садится къ бюро*)

ФЕБУСЪ.

Я невиноватъ, что вы пожаловали такъ рано; я едва успѣлъ кончить свой туалетъ.

АДОЛЬФЪ. (*Осматриваетъ его и смѣется.*)

Туалетъ? Ха, ха, ха!

ФЕБУСЪ.

Какъ видите; я безъ этого не могу писать, также какъ г. Бюффонъ, который не могъ сочинять безъ жабо, манжетъ и голубаго платка. Вы не думайте, что я всегда былъ въ такомъ положеніи, какъ вы меня видите! Нѣтъ! Когда я переписывалъ г. Лагарпу... я собственноручно переписывалъ курсъ г. Лагарпа.... я жилъ въ пятомъ этажѣ, я жилъ въ семействѣ: насъ было у матери 18 штукъ дѣтей различнаго пола, я былъ хуже всѣхъ.... фигурой, а головой! О! у меня была такая голова! Отъ того-то я и сломилъ себѣ....

АДОЛЬФЪ.

Шею?

ФЕБУСЪ.

Нѣтъ, ногу!...

АДОЛЬФЪ.

Ногу?

ФЕБУСЪ.

Да-съ, лѣвую ногу! Когда я скакалъ изъ окна.... Надо вамъ знать, что я былъ въ большой милости (*таинственно*) у одного члена суда, или лучше сказать, я былъ.... понимаете, у половины суда.... что я суда, члена.... Я ее училъ писать. Я ни какъ не могъ ее пріучить держать правильно перо; но я это извиняю, потому что она была влюблена.... Бывало, она закричитъ: другъ мой, Фебусъ, мужъ, мужъ идетъ! Можете представить, какъ должно быть непріятно.... Сидишь съ супругой депутата, думаешь, что онъ ни какъ не вернется ранѣе обыкновеннаго, ни чуть не бывало.... колокольчикъ: дзинь, дзинь!.. красавица кричитъ: мужъ, мужъ! обожатель скачетъ въ окно и ломаетъ себѣ ногу.... (*Торопясь дочинить перо.*) Ужасное перо! (*разсердясь*) Это ни на что не похоже, милостивый государь, какія продаютъ гнусныя перья въ нынѣшнемъ году; прежде я всегда бралъ въ бумажныхъ лавкахъ-гадость!... въ мелочныхъ лавочкахъ-скверность!

АДОЛЬФЪ.

Кончите ли вы сегодня?

ФЕБУСЪ.

Сейчасъ, сейчасъ! Кажется, это попалось хорошее; дайте только носокъ обрѣзать.

АДОЛЬФЪ.

Вотъ вамъ черновое письмо, пишите, да скорѣе: черезъ полчаса караулъ снимутъ.

ФЕБУСЪ.

Ага! Вы въ ночномъ караулѣ? Надо

отдать справедливость, что нынче служба исполняется прекрасно, прекрасно... Недавно еще я говорилъ нашему коммиссару, что у насъ теперь прелюбезная полиція! Мое положеніе въ этой части города чрезвычайно непріятно: есть люди, которые никого не уважаютъ, останавливаются передъ моимъ окномъ, и смотрятъ на меня, какъ на звѣря.... я всегда высунусь и говорю: не угодно ли вамъ отойти прочь.... сдѣлайте милость, проходите, господа.... и при первомъ случаѣ, когда у меня будетъ водится деньга, я непремѣнно закажу написать на вывѣскѣ: *воспрещается подъ опасеніемъ штрафа*»....

АДОЛЬФЪ (*нетерпѣливо.*)

Оставите ли вы свои сказки, или я уйду.

ФЕБУСЪ.

Готовъ, готовъ! Я васъ только дожидаюсь.

АДОЛЬФЪ (*диктуя.*)

Милостивый государь!... Полина....

ФЕБУСЪ.

А! дѣло идетъ о Полинѣ.... Курсивной, или простой?

АДОЛЬФЪ.

Вы меня взбѣсите.

ФЕБУСЪ.

Какой вы странной! Я говорю не о вашей Полинѣ, а о моемъ почеркѣ.... какимъ прикажете!

АДОЛЬФЪ.

Все равно!

ФЕБУСЪ.

Все равно! Стало, можно курсивомъ; такъ, что вы сказали?

АДОЛЬФЪ (*диктуетъ.*)

Милостивый государь! Полина....

ФЕБУСЪ.

Позвольте, позвольте.... (*Адольфъ топаетъ ногой.*) Не торопитесь, возьмите терпѣніе! Съ позволенія сказать, вы чортъ знаетъ что мнѣ диктуете. »Милостивый государь Полина!« Растолкуйте, кому вы пишете, милостивому государю, или Полинѣ? Полинѣ, или милостивому государю? Если милостивому государю, такъ я и поставлю: »Милостивый государь!« А если Полинѣ, такъ слѣдуетъ сказать: милостивая государыня!.

АДОЛЬФЪ.

Да вы прежде выслушайте.... (*диктуетъ.*) Милостивый государь!... Полина любить васъ не можетъ....

ФЕБУСЪ (*вскрикиваетъ.*)

А! да, да!... Милостивый государь на верху, а Полина въ низу.... въ другой строкѣ.

АДОЛЬФЪ.

Пишите, пишите! Вы меня совсѣмъ сбили съ толку. Написали, Полина любить....

ФЕБУСЪ.

Хорошенькое имя Полина! Вы знаете, есть пѣсенка (*поетъ*)

»Цвѣла Полина розой алой»

АДОЛЬФЪ.

Любить васъ не можетъ. (*Увидя Моле который выходитъ изъ дому,*) Моле! (*затворяетъ дверь:*)

ФЕБУСЪ (*повторяя*).

Полина. . . . .

АДОЛЬФЪ.

Не такъ громко, прошу васъ!....

ФЕБУСЪ.

А!.. (*тихо.*) лю..бить васъ... не можетъ....

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же и Моле (*выходитъ изъ того же дома, откуда вышла Магдалина.*)

МОЛЕ.

Теодора все еще нѣтъ! Это меня очень безпокоитъ.

ФЕБУСЪ.

Послѣ этого вашъ соперникъ просто чудовище!

АДОЛЬФЪ.

Пишите, не останавливаясь.

МОЛЕ.

Постой же, только вернись, я ему

дамъ знать..... Сегодня надо все кончить.....

Меня онъ бѣситъ за частую....
Ну, я раздѣлаюсь съ тобой

АДОЛЬФЪ.

Пишите то, что я диктую....

ФЕБУСЪ,

Но тутъ не нужно запятой?

МОЛЕ.

Эта свадьба совершенно поправитъ мои обстоятельства....пойти заглянуть въ караулъ; эти господа часто оставляютъ свои посты. (*Уходитъ.*)

ФЕБУСЪ. (*Адольфу.*)

Такъ позвольте же сказать, что вы не знаете...на кой чортъ тутъ запятая?.. Выскажите правило!..., Вы вѣрно въ первый разъ пишете любовныя письма.

Въ любви къ чему правописанье?
Какъ ваша молодость видна:
Любовь со знакомъ препинанья
Куда жъ, помилуйте, годна!

Адольфъ (*въ сердцахъ.*)

По крайней мѣрѣ ужъ тутъ-то слѣдуетъ *а.*

Фебусъ. (*тоже.*)

Слѣдуетъ *о.*

Адольфъ.

Неправда, *а.* (*Выглядываетъ, ушелъ ли Моле.*)

Фебусъ.

Какъ *а?* не писать-ли по орѳографіи Г. Вольтера! Я знать не хочу Вольтерской орѳографіи! Онъ писатель.. я тоже пишу.... стало, всякой изъ насъ долженъ имѣть свое мнѣніе.... Что касается до меня, я стою за *о!* Я не говорю, я самъ уважаю г. Вольтера, пока онъ пишетъ свои трагедіи, или исторіи. Но какъ скоро онъ начинаетъ ставить *а* вмѣсто *о! О!* тогда я первый иду противъ него!.. Да!... какъ угодно, а я ставлю *о.*

Адольфъ (*смѣясь.*)

Старый болтунъ!

Фебусъ.

Что далѣе?

Адольфъ (*диктуя.*)

Откажитесь отъ этого союза, и не лишите меня счастія....

Фебусъ.

Счастья.... я не переживу такого несчастія....

Адольфъ.

Что, что?..

Фебусъ.

Извините; съ языка сорвалась риѳма.

«Не лишите меня счастія,
«Я не переживу такого несчастія!

Не правда ли, хорошо? Прежде я много занимался риѳмами; сочинялъ конфектные билеты и еще кой что, особенно стишки мои расходились въ Ломбардной улицѣ..... но съ тѣхъ поръ, какъ въ эти дѣла вмѣшались великіе поэты, еще одна отрасль моей торговли утрачена. Что далѣе?

Адольфъ (*диктуя.*)

По крайней мѣрѣ отсрочьте заключеніе контракта. Умоляю васъ именемъ любви и чести.

Фебусъ.

Чести, не худо бы риѳму и на этомъ мѣстѣ.

Адольфъ.

Чести, точка! больше ничего.

Фебусъ.

Какъ ничего? Такъ и окончить словомъ *чести?* Честью кончить сухо! Воля ваша, сухо! Вы подпишетесь?

Адольфъ.

Нѣтъ, запечатайте.

МОЛЕ (*входя.*)

Можно ли такъ невнимательно исполнять службу!

АДОЛЬФЪ.

Хорошо; пишите адресъ г. Теодору.

ФЕБУСЪ.

А! г. Теодору!

АДОЛЬФЪ.

Сколько я вамъ долженъ заплатить?

ФЕБУСЪ.

Съ обыкновенныхъ людей я беру 35

сантимовъ, а съ національной гвардіи франкъ 50 сантимовъ. (*Слышенъ барабанъ.*)

АДОЛЬФЪ.

Барабанъ! Снимаютъ караулъ (*Хочетъ идти и замѣчаетъ Моле.*) Опять онъ здѣсь!

ФЕБУСЪ (*попѣваетъ.*)

Чу! барабанъ! дозоръ ночной,
И вамъ пора идти на службу.

ТЕОДОРЪ (*входитъ съ противной стороны.*)

Наконецъ дошелъ!

АДОЛЬФЪ.

И Теодоръ! (*входитъ къ Фебусу.*)

МОЛЕ.

А повѣса! негодница! Счастье твое, что рано воротился... Гдѣ ты шатался?

ТЕОДОРЪ.

Я невиноватъ, папенька! дилижансы ужасно тихо возятъ.

ФЕБУСЪ (*Адольфу, который вылѣзаетъ въ окно.*)

Смотрите, смотрите! Вы забыли, что это окно.... прррь! слетѣлъ, какъ голубь....

МОЛЕ (*сыну.*)

Ну, что акціи?

ТЕОДОРЪ.

Упали въ половину.

МОЛЕ.

Я разоренъ! (*Остается въ задумчивости.*)

ФЕБУСЪ.

Однако онъ не заплатилъ (*въ окно.*) Молодой человѣкъ! послушайте! эй!... Господинъ...

ТЕОДОРЪ.

Но, можетъ быть, есть еще надежда?

ФЕБУСЪ.

Я пойду въ его караулъ! Какъ это можно? Франкъ 50 сантимовъ! (*Бѣжитъ и падаетъ на Теодора.*) Молодой человѣкъ! франкъ 50 сантимовъ.

ТЕОДОРЪ.

Что это?

ФЕБУСЪ.

Виноватъ, извините пожалуйста.... франкъ 50 сантимовъ! (*бѣжитъ дальше.*) Г. Сержантъ!

МОЛЕ.

Одна надежда на эту свадьбу. Сегодня же должно заключить контрактъ.

ТЕОДОРЪ.

Я весь продрогъ! Уфъ! цѣлую ночь просидѣлъ въ дилижансѣ....

МОЛЕ.

Не смѣй никому говорить о своей поѣздкѣ, слышишь-ли?

ТЕОДОРЪ.

Здорова ли маменька?

МОЛЕ.

Какое! Вѣчные припадки нервъ не даютъ и мнѣ покоя.... и теперь лежитъ въ постелѣ. Ну, да это дѣло мы безъ нее обдѣлаемъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

МОЛЕ, ТЕОДОРЪ И Г-ЖА БЕРНАРЪ.

Г-ЖА БЕРНАРЪ. (*ведетъ на шнуркѣ собачку.*)

Бишонка, поскорѣй! Какая лѣнивая! Вѣдь этакъ мы опоздаемъ.

ТЕОДОРЪ.

Вотъ и тетинька..

МОЛЕ.

Г-жа Бернаръ!

Г-ЖА БЕРНАРЪ.

Здравствуйте, братецъ, здравствуйте! Какъ поживаешь, Теодоръ! Я зашла за Полиной, чтобы вмѣстѣ отправиться во вдовій домъ! Мы еще вчера съ ней условились.

ТЕОДОРЪ.

Вдовій домъ!.. нашли о чемъ хлопотать! что вамъ дѣлать въ этомъ домѣ? Пустите-ка лучше насъ.

Г-ЖА БЕРНАРЪ.

Тише, тише! прошу не карикатурить! Гдѣ вы это изволили разгуливать?

ТЕОДОРЪ.

Въ разныхъ мѣстахъ; во-первыхъ..

МОЛЕ (*въ испугѣ.*)

Молчи, негодяй! (*толкаетъ его.*)

ТЕОДОРЪ.

Ай! ай!

МОЛЕ.

Теодоръ былъ со мной.... мы были вмѣстѣ кое гдѣ! Ступай, Теодоръ, и скажи Полинѣ, что г-жа Бернаръ ее ожидаетъ.

Г-ЖА БЕРНАРЪ.

Прошу васъ, братецъ! Но вотъ что мнѣ хотѣлось вамъ сказать: у васъ преехидная кошка, дерзкое животное, двумысленная тварь! того смотри, моей бѣдной Бишонкѣ глаза выцарапаетъ.

ТЕОДОРЪ (*смѣясь.*)

Вотъ будетъ большое несчастіе!

Г-ЖА БЕРНАРЪ.

Надѣюсь.

ТЕОДОРЪ.

Я знаю, что моя кошка терпѣть не можетъ ханжей. (*Уходитъ.*)

Г-ЖА БЕРНАРЪ.

Очень глупо дѣлаетъ.

МОЛЕ (*сердясь.*)

Меня, человѣка почтеннаго, уважаемаго цѣлымъ сосѣдствомъ! О, если бы знали....

БЕРНАРЪ.

Да что это съ вами сдѣлалось? Вы ходите, какъ полуумный.

МОЛЕ.

Такъ! ничего! я все забочусь на счетъ свадьбы нашихъ дѣтей.

БЕРНАРЪ.

Вы все еще объ этомъ думаете?

МОЛЕ.

Больше, чѣмъ когда нибудь! И если вы пожаловали сюда передавать Полинѣ ваши смѣшныя правила...

БЕРНАРЪ.

Я не передаю ей ни какихъ правилъ! Не хочу и заниматься этимъ вздоромъ!. Къ тому же въ нынѣшнемъ вѣкѣ всѣ хотятъ жениться! Какая-то эпидемія на свадьбы! Особенно у дѣвушекъ.

Я правственность однимъ бы разомъ
Могла сейчасъ возстановить:
Всѣ браки запретить указомъ,
А васъ всѣхъ на цѣпь посадить!

МОЛЕ.

Позвольте жъ въ эти мнѣ напѣвы
Вамъ не повѣрить напередъ.

(*въ сторону*).

Вотъ вамъ образчикъ старой дѣвы —
И видитъ глазъ, да зубъ неймëтъ.

Посадить на цѣпь за то, что сама засидѣлась въ дѣвкахъ. (*ей*) Вы судите по себѣ, что вы никого не любите...

БЕРНАРЪ.

Ошибаетесь, милостивый государь! У меня не каменное сердце! (*цѣлуетъ собаку.*) Бѣдняжечка, милаша! Впрочемъ вы сами себѣ господинъ.

МОЛЕ.

Надѣюсь! сверхъ того... отецъ Полины былъ храбрый офицеръ...

БЕРНАРЪ (*съ презрѣніемъ.*)

Бонапартовскій.

МОЛЕ.

Отецъ Полины, умирая, назначилъ меня опекуномъ своей дочери, вѣрилъ мнѣ ея состояніе... (*вздыхаетъ.*) состояніе! Я долженъ ее выдать замужъ, и выдаю за моего сына.

БЕРНАРЪ.

Который однако жъ моложе ея!

МОЛЕ.

Мужъ чѣмъ моложе, тѣмъ лучше!

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢ ЖЕ, ФЕБУСЪ, ТЕОДОРЪ И ПОЛИНА.

ФЕБУСЪ.

Даромъ заставилъ меня прогуляться! Правда, онъ сегодня на службѣ...

МОЛЕ

О чемъ это вы хлопочете, почтеннѣйшій?

ФЕБУСЪ.

Такъ, кой какія затрудненія повстрѣчались въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. (*Останавливаясь передъ г. Бернаръ.*) Ахъ какая миленькая собачка

БЕРНАРЪ.
Пожалуйста, оставьте ее въ покоѣ!
ФЕБУСЪ.
Я... ничего-съ! (*въ сторону.*) Что за смѣшная фигура! (*громко*) Сударыня, ваша собачка просто прелесть!
БЕРНАРЪ.
Она не любитъ, чтобъ ее трогали!.
ФЕБУСЪ.
Извините-съ! (*въ сторону*) терпѣть не могу этихъ охотницъ до собакъ ... и ненавижу собаченокъ! Чортъ ли въ нихъ!..
МОЛЕ (*понижая голосъ.*)
Я надѣюсь, вы ее убѣдите мнѣ повиноваться... Скажите ей, что на это была воля покойнаго отца, и проч. въ родѣ этого.
БЕРНАРЪ.
Вотъ еще! Съ чего вы взяли!
МОЛЕ (*сердясь.*)
Вы меня бѣсите, словно жена моя! Когда говорю вамъ, что это необходимо.
ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)
Старичишка за что-то злится!
МОЛЕ.
Къ тому же они такъ дружны между собою...
БЕРНАРЪ.
Удивительно! Какъ кошка съ собакой.
ФЕБУСЪ.
Однако мнѣ что-то ѣсть захотѣлось, не худо бы позавтракать...

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТѢ ЖЕ, ТЕОДОРЪ (*входитъ съ письмомъ въ рукахъ*) и ПОЛИНА.
ТЕОДОРЪ.
Я васъ увѣряю, что это неправда!
ПОЛИНА.
Нѣтъ правда, правда! Письмо говоритъ ясно.
МОЛЕ.
Что за шумъ? О чемъ вы спорите?
ТЕОДОРЪ.
Да вотъ, папенька, я получилъ письмо и съ дуру показалъ ей. Прочтите, какая гнусная клевета!
ПОЛИНА.
Не клевета, а правда!
БЕРНАРЪ.
Какое письмо?
МОЛЕ.
Подай письмо! (*читаетъ.*)
ФЕБУСЪ (*въ шалашѣ*).
Странная вещь, куда дѣвался мой Лимбургскій сыръ? Какъ теперь гляжу, кусокъ былъ препорядочный. Ахъ, я и забылъ: онъ въ комодѣ!
МОЛЕ (*читаетъ.*)
«Полина любить васъ не можетъ и «не должна, вы лицемѣръ, лгунъ, од-«нимъ словомъ, негодяй большой ру-«ки; даже сегоднишнюю ночь не по-«чевали дома.»
ПОЛИНА.
За это я поручусь, что правда!
БЕРНАРЪ.
Какой срамъ! Какой ужасъ!
ТЕОДОРЪ.
Дайте мнѣ хоть слово-то сказать. Самъ батюшка меня посылалъ...
МОЛЕ.
Молчи!

Вмѣстѣ:
ТЕОДОРЪ.
Батюшка, помилуйте; что же это въ самомъ дѣлѣ.
ПОЛИНА.
Въ письмѣ написали правду.
БЕРНАРЪ.
Не ночевать дома наканунѣ свадьбы.

МОЛЕ.
Чортъ возьми, говорятъ вамъ, все вздоръ и чепуха.
ФЕБУСЪ (*съ кускомъ хлѣба въ рукахъ.*)
Ба! Да они ссорятся не на шутку. Господа, тише! Сборища запрещены!
ТЕОДОРЪ.
Вы видите, соперникъ...

Вмѣстѣ:
ПОЛИНА.
Я его и въ глаза не знаю.
БЕРНАРЪ.
Нѣтъ, нѣтъ, это надо объяснить.

ФЕБУСЪ.

Если вы не перестанете, я пошлю за пожарными трубами, чтобъ васъ разлили.

МОЛЕ.

Просто, просто, это сущій вздоръ, да и только: я, я самъ посылалъ Теодора въ Понтуазу по моимъ дѣламъ: вотъ отъ чего онъ не ночевалъ дома.

ТЕОДОРЪ.

Что? Я вѣдь вамъ говорилъ, что ночевалъ въ Понтуазѣ.

БЕРНАРЪ.

Ну, теперь все объяснилось!

МОЛЕ.

А съ этимъ письмомъ, вотъ что надо сдѣлать (*раздираетъ его*).

ПОЛИНА.

Однако все же...

МОЛЕ.

Полно, перестань, моя душа, прошу тебя, поди къ себѣ съ г-жею Бернаръ, она особа почтенная, слушайся ея совѣтовъ, мы сегодня же подпишемъ и контрактъ.

ТЕОДОРЪ.

Увѣряю васъ, Полина, я ни въ чемъ не виноватъ!

ПОЛИНА.

Все равно, но письмо...

БЕРНАРЪ.

Пойдемъ, моя милая, пойдемъ!

МОЛЕ.

Г-жа Бернаръ, я поручаю ее вамъ, оправдайте мое довѣріе.

ФЕБУСЪ.

Что, вы еще не перестали?

МОЛЕ.

Вотъ человѣкъ! Да кто вы такой, и что у васъ за страсть вмѣшиваться, гдѣ васъ не спрашиваютъ?

ФЕБУСЪ.

Кто я такой? Я? Я такой же человѣкъ и гражданинъ, какъ и вы, сударь мой! У меня есть патенты, паспортъ отъ правительства, свидѣтельство о рожденіи, крещеніи и прививаніи оспы; мнѣ показалось, что вы подрались, спѣшу васъ разнимать, и вотъ получаю какую благодарность! Фуй! Это ужасно!

ТЕОДОРЪ

Батюшка! Это писарь изъ этого шалаша.

ФЕБУСЪ.

Точно такъ, сударь! Да-съ, писецъ изъ этого шалаша! Но достоинство таланта и чистая философія могутъ обитать и въ шалашѣ! Діогенъ жилъ въ бочкѣ, но Діогенъ былъ великій мудрецъ!.. Возвращаюсь въ мою бочку. (*Садится за конторкой.*)

МОЛЕ.

Писецъ!.. Позвольте, васъ-то мнѣ и нужно.

ФЕБУСЪ.

Меня вамъ нужно? А! А! (*Глядя на Теодора.*) Справедливо сказалъ баснописецъ.

«Безсильному не смѣйся,
»И слабаго обидѣть не моги?

Что вамъ угодно?

МОЛЕ.

Перепишите эту бумагу.

ФЕБУСЪ.

Пожалуй.

МОЛЕ.

Теодоръ, займись своимъ туалетомъ! Я побѣгу за нотаріусомъ; соперникъ явился, мѣшкать нечего! (*Фебусу*) До свиданія! Пожалуйста поторопитесь.

ФЕБУСЪ.

Будьте покойны, самый чистый почеркъ, и за самую дешевую цѣну (*въ сторону.*) Постой я сдеру съ тебя, шалашъ тебѣ отзовется.

МОЛЕ.

О, я совершенно увѣренъ... до свиданія!

ФЕБУСЪ.

Мое почтеніе.

моле (*Магдалинѣ, которая входитъ*).
Обѣдъ, Магдалина, обѣдъ, да проворнѣй.

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

ФЕБУСЪ И МАГДАЛИНА.

МАГДАЛИНА.
Будетъ, будетъ!

ФЕБУСЪ (*оборотясь.*)
Ты развѣ знаешь этого урода?

МАГДАЛИНА.
Какъ же не знать своего господина? Я у него служу...

ФЕБУСЪ.
У него? Вотъ что! Я думалъ, что это какой нибудь кандитеръ. Такъ это твой господинъ? Не съ чѣмъ тебя поздравить. Пока я искалъ свой завтракъ, онъ... куда же дѣвался мой сыръ! Странно!.. Да, да, знаю, знаю, я его съѣлъ...

МАГДАЛИНА.
Ну, запишите мнѣ поскорѣе расходную книжку.

ФЕБУСЪ.
Съ удовольствіемъ (*Беретъ ее за талію.*) Моя баядерочка!..

МАГДАЛИНА.
Это что еще!

ФЕБУСЪ.
Какая ты плотненькая. Поставь свою корзину и посиди со мной, я буду писать и завтракать... Такъ этотъ старикъ твой господинъ? Тутъ съ нимъ была еще старуха съ собачкой: это вѣрно его жена? Должна быть жена: они чуть не вцѣпились другъ въ друга.

МАГДАЛИНА (*сидитъ около Фебуса; корзина у нея на колѣнахъ*).
Нѣтъ, его жена не здорова...

ФЕБУСЪ.
Нездорова? Такъ эта старая...

МАГДАЛИНА (*диктуя.*)
Индюшка... 8 франковъ, 60 сантимовъ, пишите 12 франковъ.

ФЕБУСЪ.
Не дорого; а какая славная индюшка! И она попадетъ на зубы... это можетъ взбѣсить человѣка со вкусомъ.

МАГДАЛИНА.
Написали? Честерской сыръ.... Ахъ, какъ онъ нынче дорогъ.

ФЕБУСЪ.
Вотъ! За то какъ хорошъ! Такъ его называютъ Честерскимъ? (*Отрѣзываетъ кусокъ.*)

МАГДАЛИНА.
45 сант. Ставьте 3 франка...

ФЕБУСЪ.
Что за дорогъ! Я не нахожу, удивительно вкусенъ...

МАГДАЛИНА.
Кто вамъ позволилъ? Какъ это можно? Съ чѣмъ же я приду?..

ФЕБУСЪ.
Виноватъ! Скажи, какъ я разсѣянъ! А знаешь ли, если отрѣзать и съ этого боку, такъ будетъ не замѣтно. (*Рѣжетъ и ѣстъ*).

МАГДАЛИНА.
Этакъ совсѣмъ ничего не останется.

ФЕБУСЪ.
Такъ ты говоришь, что этотъ толстякъ твой господинъ! А жена его нездорова... какая жалость!

МАГДАЛИНА.
Пишите, пишите... груши...

ФЕБУСЪ (*беретъ одну.*)
Можно одну?..

МАГДАЛИНА.
Три ливра.

ФЕБУСЪ (*беретъ.*)
Только? Стоитъ ли это записывать.

МАГДАЛИНА.
Послушайте, я по рукѣ тресну!

ФЕБУСЪ.
Такъ этотъ, какъ его... твой господинъ! А бѣдная его жена нездорова?..

МАГДАЛИНА.
Вы меня только задерживаете. (*Диктуя*) Судакъ...

ФЕБУСЪ.
Тутъ же въ корзинѣ?

МАГДАЛИНА (*хохочетъ.*)
Да вѣдь это рыба. Постойте, пока изготовятъ.
ФЕБУСЪ.
Да . . . рыба, судакъ. . .
МАГДАЛИНА.
Масло сливочное, 40 копѣекъ . . .
ФЕБУСЪ.
Какое чудное масло. Гдѣ ты такое покупаешь? (*Намазываетъ на хлѣбъ и ѣстъ*).
МАГДАЛИНА.
Я не шутя говорю; не смѣйте трогать!
ФЕБУСЪ.
Зачѣмъ же ты сидишь подлѣ меня; я не могу удержаться; когда я чувствую такъ близко женщину, у меня является чертовскій аппетитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢ ЖЕ, АДОЛЬФЪ, ПОТОМЪ Г. БЕРНАРЪ И ПОЛИНА.

АДОЛЬФЪ (*въ партикулярномъ платьѣ.*)
Это точно они, я не ошибся.
ФЕБУСЪ (*вставая.*)
Ты мастерица закупать эти вещи; я славно позавтракалъ!
МАГДАЛИНА.
Дайте-ка книжку.
ФЕБУСЪ.
10 копѣекъ.
МАГДАЛИНА.
Что вы? Да вы съѣли гораздо больше.
ФЕБУСЪ.
Ну, ну, безъ шутокъ.
МАГДАЛИНА.
Прощайте, прощайте! А, г. Адольфъ!
ФЕБУСЪ.
Кто, сержантъ?
АДОЛЬФЪ (*Магдалинѣ.*)
Полина сюда идетъ; скажи ей, что я хочу съ нею говорить.
МАГДАЛИНА (*уходя.*)
Нѣкогда, нѣкогда; надо подумать объ обѣдѣ.

ФЕБУСЪ.
Послушайте, что же за письмо франкъ 50 сантимовъ . . .
АДОЛЬФЪ.
Хочешь ли ты получить 20 франковъ, 30, 40, 100 франковъ?
ФЕБУСЪ.
100 франковъ, что прикажете?
АДОЛЬФЪ.
Видите ли вы эту старую даму, которая сюда идетъ?
ФЕБУСЪ.
Старуха съ собачкой? Знаю, знаю!
АДОЛЬФЪ.
Я готовъ держать какое угодно пари, что вы ее отсюда не выгоните.
ФЕБУСЪ (*смѣясь.*)
Собаченку? Какая вамъ пришла странная идея! . .
АДОЛЬФЪ.
Ну, я держу пари.
ФЕБУСЪ.
Съ публичнымъ писцомъ?
АДОЛЬФЪ.
Держу! . .
ФЕБУСЪ.
100 франковъ?
АДОЛЬФЪ.
Да; Согласны?
ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)
Онъ сумасшедшій! (*Г-жа Бернаръ и Полина входятъ; Адольфъ уходитъ къ Фебусу.*)
БЕРНАРЪ.
Это кончено; ты должна повиноваться своему благодѣтелю. (*Пускаетъ собаку на землю*).
ПОЛИНА.
Я это знаю!
ФЕБУСЪ (*раскланиваясь*).
Имѣю честь кланяться!
БЕРНАРЪ.
Пойдемъ домой!
ФЕБУСЪ.
Сколько я замѣчаю, сударыня, вы должны быть чрезвычайно благочестивы. . . .

БЕРНАРЪ.

Похвастаюсь!

ФЕБУСЪ.

Человѣколюбивы!

БЕРНАРЪ.

Это всѣмъ извѣстно.

ФЕБУСЪ.

Милостивы!

БЕРНАРЪ.

Богъ подастъ, любезный, со мной ничего нѣтъ.

ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)

Что? она меня принимаетъ за . . . о, о! Ты мнѣ заплатишь за это, старая кочерга! (*Вынимаетъ перочинный ножикъ.*)

БЕРНАРЪ.

Въ 11 часовъ надо поспѣть къ нотаріусу. . . .

ФЕБУСЪ.

Сударыни? . . .

БЕРНАРЪ.

Я тебѣ сказала, что у меня ничего нѣтъ.

ФЕБУСЪ.

Извините, я совсѣмъ говорю не объ этомъ; напрасно такъ дурно обо мнѣ думаете! (*Пробуетъ отрѣзать снурокъ у собаки*).

БЕРНАРЪ.

Бишонка! цыцъ!

ФЕБУСЪ (*подходя все ближе.*)

Вы, кажется, ходили слушать проповѣдь. Кто нынче говорилъ?

БЕРНАРЪ.

Нѣтъ, я была во вдовьемъ домѣ!

ПОЛИНА (*замѣчаетъ Адольфа; въ сторону*).

Боже мой!

БЕРНАРЪ.

Что съ тобою!

ПОЛИНА.

Ничего, ничего! (*фебусъ въ это время обрѣзалъ снурокъ; собака убѣгаетъ.*)

ФЕБУСЪ.

Если говорилъ Г. Аббатъ Дуссе. (*въ сторону*) Кончено!

БЕРНАРЪ.

Можетъ быть. Бишонка! (*замѣчаетъ, что собаки нѣтъ.*) Бишонка!

ФЕБУСЪ.

Кого вы зовете?

БЕРНАРЪ.

Бишонка! Душенька, моя Бишонка! Ахъ, я несчастная! Гдѣ она? Бишонка! Я готова заплатить, что угодно, тому, кто ее поймаетъ.

ФЕБУСЪ.

Я готовъ.

ПОЛИНА (*указывая направо.*)

Она тамъ; я ее вижу!

ФЕБУСЪ.

Она что-то ѣстъ.

БЕРНАРЪ (*вскрикивая, уходитъ.*)

Ахъ! . . . .

ФЕБУСЪ (*идя за ней.*)

Бишонка, не тронь! цыцъ! Экая скверная! Какой у нея аппетитъ! (*уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

ПОЛИНА И АДОЛЬФЪ (*въ дверяхъ.*)

АДОЛЬФЪ.

Полина! останьтесь, умоляю васъ!

ПОЛИНА.

Какъ можно? Если насъ увидятъ.

АДОЛЬФЪ.

Не бойтесь . . . . я скорѣе рѣшусь умереть, нежели сдѣлать вамъ какое нибудь неудовольствіе. . . . Я такъ давно ждалъ случая; скажите, неужели вы выходите замужъ?

ПОЛИНА.

Къ несчастію, это правда.

АДОЛЬФЪ.

Но Теодоръ долженъ былъ получить письмо.

ПОЛИНА.

Это письмо было отъ васъ?

АДОЛЬФЪ.

Да, но я не подписалъ своего имени; это было единственное средство, и если въ немъ есть сколько нибудь чувства. . . . . .

ПОЛИНА.

Нѣтъ, это ни къ чему не послужитъ.

АДОЛЬФЪ.

Но вы, Полина, неужели вы согласитесь!

ПОЛИНА.

Могу ли я противиться волѣ моего опекуна.

АДОЛЬФЪ.

Нельзя ли по крайней мѣрѣ открыться г-жѣ Бернаръ?

ПОЛИНА.

О, она не имѣетъ ни какой власти надъ своимъ братомъ; впрочемъ дѣлайте, какъ вы найдете лучшимъ. . . я ввѣряюсь вамъ.

Кто такъ и прямъ и благороденъ,
Съ такою рѣдкою душой,
Я знаю, тотъ играть не сроденъ
Моей несчастною судьбой.
Моя любовь, я поклянуся,
Не прихоть свѣтской суеты;
Я чувствомъ къ вамъ своимъ горжуся:
Оно богатство сироты!

Сюда идутъ! . . . насъ видѣли! . . . .

АДОЛЬФЪ (*убѣгая.*)

Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь!

—

ЯВЛЕНІЕ 12.

ПОЛИНА, ФЕБУСЪ, И Г-ЖА БЕРНАРЪ.

ФЕБУСЪ (*несетъ собаку.*)

Вотъ она! вотъ она бѣглянка!

БЕРНАРЪ (*бѣжитъ за нимъ.*)

Отдайте мнѣ мою Бишонку!

ФЕБУСЪ.

Извольте, сударыня, бросаю ее изъ собственныхъ рукъ въ ваши объятія. . . .

БЕРНАРЪ.

Невѣрная!

ФЕБУСЪ.

Ты можешь похвастать, что заставила насъ побѣгать.

БЕРНАРЪ (*гладя собаку.*)

Милашка! . . . .

ФЕБУСЪ (*ударивъ собаку.*)

Милашка! . . . .

БЕРНАРЪ (*Полинѣ.*)

Я боюсь, что она заболѣетъ!

ПОЛИНА (*разсѣянно.*)

Вы думаете?

ФЕБУСЪ.

Какъ бы это было жалко; такая хорошенькая собачка (*въ сторону.*) Она очень похожа на свою хозяйку.

БЕРНАРЪ.

Впрочемъ я знаю лекарство, взять яичный желтокъ. . . .

ФЕБУСЪ.

Точно, точно; у меня, сударыня, былъ кроликъ, когда кролики были въ модѣ, такъ я всякое утро. . . . . каждое утро. . . . . я по утрамъ. . . . .

БЕРНАРЪ (*не слушая.*)

Я приготовлю для нее корзинку.

ФЕБУСЪ.

Да, да, прекрасная мысль! Это тоже очень хорошо.

БЕРНАРЪ.

Однако насъ ждутъ. Полина, пойдемъ!

ФЕБУСЪ (*останавливая.*)

Позвольте, сударыня!

БЕРНАРЪ.

Какой неотвязный! Сколько разъ нужно говорить, что я подать тебѣ не могу!

ФЕБУСЪ.

Подать! Какъ подать? Совсѣмъ нѣтъ, что такое подать? Вы готовы заплатить, все что угодно, тому, кто поймаетъ вашу собаченку.

БЕРНАРЪ.

Собаченку? Ахъ, ты. . . . Да я и сама бы поймала, а нищихъ у меня и безъ тебя много.

ФЕБУСЪ.

Нищихъ? Да развѣ я прошу у васъ милостыню; это мнѣ нравится; я требую своего должнаго, я имѣю на это право. Да, случается иногда, что оставятъ трость, попугая, ребенка, или что другое, найдутъ-такъ за это платить. . . . Вы же еще сами вызвались.

БЕРНАРЪ (*Полинѣ.*)

Пойдемъ, пойдемъ.

ФЕБУСЪ.

Такъ хорошо же; пусть только пропадетъ еще разъ..... я больше ничего не говорю, пусть пропадетъ.... Если бъ мнѣ знать да вѣдать, я бы ее удушилъ.

БЕРНАРЪ (*съ сердцемъ.*)

Что?

ФЕБУСЪ.

Удушилъ! Знаете, что значитъ удушить? Поганая собаченка! Видѣть ее не могу!

БЕРНАРЪ.

Ахъ, ты извергъ! Ахъ, ты разбойникъ!

ФЕБУСЪ.

Удушу, я на это имѣю право. У васъ нѣтъ ошейника, да, у васъ долженъ быть ошейникъ. Приказъ 15 Іюля на счетъ бѣшеныхъ собакъ; она, можетъ быть, бѣшеная!.... Ваша собака бѣшеная; подайте мнѣ собаченку! подайте сюда!

БЕРНАРЪ.

Кровопійца! Ахъ ты, чтобъ тебѣ.... (*Плюетъ и уходитъ.*) Пойдемъ, Полина! (*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 13.

ФЕБУСЪ, ПОТОМЪ ДАМА ПОДЪ ВУАЛЕМЪ.

ФЕБУСЪ (*кричитъ вслѣдъ.*)

Да, да, бѣшеная! ее убьютъ! я постараюсь!

Едва перевожу я духъ,
Непомню самъ себя отъ злости;
Готовъ бы я у всѣхъ старухъ
Пересчитать сухія кости!
Не нынче, завтра расплачусь
Съ твоей ехидною душенкой....
Я мстить торжественно клянусь
Старухѣ вмѣстѣ съ собаченкой!....

Попадись только она мнѣ, то есть, гдѣ бы я ее ни встрѣтилъ, я разорву ее на клочки! Есть минуты, когда я вполнѣ постигаю человѣческое мщеніе. А тотъ мнѣ еще заплатитъ (*Входитъ къ себѣ; въ это время дама подъ вуалемъ выходитъ изъ улицы, на которой стоитъ домъ Моле.*) Сержантъ ушелъ и не заплатилъ. онъ осрамилъ свой мундиръ; не укралъ ли онъ еще чего нибудь у меня?

ДАМА (*входя къ Фебусу.*)

Г. Фебусъ!

ФЕБУСЪ (*оборотясь.*)

Кто тамъ?

ДАМА.

Потише, дайте запереть дверь!

ФЕБУСЪ (*въ сторону*).

Подъ вуалемъ, что нибудь да не даромъ (*Подходитъ къ ней.*) Сударыня!...

ДАМА.

Заприте окно.

ФЕБУСЪ.

Окно? (*въ сторону.*) Вѣрно она за мной волочится!

ДАМА (*откидывая вуаль.*)

Я, можетъ быть, поступаю очень неосторожно.

ФЕБУСЪ.

Все равно, ступайте. (*въ сторону*) Какая полная! это моего вкуса.

ДАМА.

Дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни!

ФЕБУСЪ.

Готовъ, чѣмъ могу способствовать счастію вашей жизни, (*Дама подаетъ стклянку со спиртомъ.*) Что это?

ДАМА.

Это единственная моя помощь: со мной часто дѣлается дурнота.

ФЕБУСЪ (*нюхая.*)

То-то онъ такъ дурно и пахнетъ!

ДАМА.

У меня такъ слабы нервы.

ФЕБУСЪ.

Ну, смотря на васъ, этого не подумаешь.

ДАМА (*протяжно.*)

Ахъ, поддержите!

ФЕБУСЪ.

Что съ вами?

ДАМА (*осматриваясь.*)

Нѣтъ, ничего!

ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)

Это выходитъ щекотливое дѣло. Она въ меня влюблена; только гдѣ она могла меня видѣть?

ДАМА.

Вы публичный писецъ?

ФЕБУСЪ.

По страсти!

ДАМА.

Честны и справедливы?

ФЕБУСЪ.

Какъ судья!

ДАМА.

Скромны?

ФЕБУСЪ.

Какъ вы!

ДАМА.

Послушайте!

ФЕБУСЪ (*съ возможною любезностью.*)

Позвольте узнать, что доставляетъ мнѣ счастіе видѣть такую. . . . .

ДАМА.

Я хочу написать письмо.

ФЕБУСЪ (*пораженный.*)

Письмо? только?

ДАМА.

А вы развѣ. . . .

ФЕБУСЪ.

Нѣтъ, я думалъ. . . . не два ли письма; мнѣ все равно.

ДАМА.

Пожалуйста, поскорѣе; я тороплюсь.

ФЕБУСЪ (*садясь.*)

Извольте, извольте. (*въ сторону*) Какъ она меня надула!

ДАМА (*диктуя.*)

«Милая дочь моя, Полина!»

ФЕБУСЪ.

Полина, я знаю это имя. . . . есть Полина!

ДАМА (*диктуя.*)

«Наше общее счастіе». . . .

ФЕБУСЪ (*смотря на нее.*)

Чудесная женщина!

ДАМА.

Написали?

ФЕБУСЪ.

Счастіе. . . . есть.

ДАМА.

«Заставляетъ меня открыть тайну, которую я скрывала по долгу чести»....

ФЕБУСЪ (*всматриваясь.*)

У нея Греческая профиль!

ДАМА (*замѣтя, что онъ смотритъ, задергиваетъ вуаль.*)

Вы меня не узнаете? Боюсь, чтобъ со мною опять не сдѣлалось дурно.

ФЕБУСЪ.

Угодно спиртъ!

ДАМА.

Продолжайте (*поднимаетъ вуаль.*) «Умоляю васъ любовью матери не выходить замужъ; это можетъ меня убить» . . . . .

ФЕБУСЪ.

А! Это было бы убійство! (*въ сторону*) У нее особенно хороши . . .

ДАМА (*диктуя.*)

«Возвратись снова въ пансіонъ и ожидай совѣтовъ той» . . . послушайте . . .

ФЕБУСЪ.

Спиртъ?

ДАМА.

Нѣтъ, вы мнѣ дайте слово, что объ этомъ никто не узнаетъ.

ФЕБУСЪ.

Помилуйте, да я ничего не помню, что пишу.

ДАМА (*диктуя.*)

«Той, которой честь заставляетъ еще скрывать свое имя! Твоя мать!»

ФЕБУСЪ.

И вы подпишетесь . . .

ДАМА.

Нѣтъ.

ФЕБУСЪ.

Какъ же прикажете написать?

ДАМА.

Ничего не нужно. Запечатайте и надпишите: Полинѣ.

ФЕБУСЪ.

Странно! Я сегодня ужъ писалъ къ Полинѣ. Благодаря ей, у меня пошелъ расходъ на почтовую бумагу.

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢ ЖЕ И МОЛЕ.

МОЛЕ

Скорѣе, скорѣе, Магдалина, Теодоръ!

МАГДАЛИНА (*изъ дома.*)

Что прикажете?

ДАМА.

Боже мой! Этотъ голосъ!

ФЕБУСЪ.

Что съ вами?

МОЛЕ (*Магдалинѣ.*)

Пойдемте, нотаріусъ насъ дожидается. (*Говоритъ съ нею тихо.*)

ДАМА (*въ сильномъ волненіи.*)

Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

ФЕБУСЪ.

Что, что такое?

ДАМА.

Что я должна вамъ заплатить?..

ФЕБУСЪ.

Тридцать пять сантимовъ съ обыкновенныхъ людей, а съ дамъ я беру франкъ 50 сантимовъ.

ДАМА.

Гдѣ они? Странно! Извините меня..

ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)

Когда дѣло дойдетъ до денегъ, онѣ обыкновенно теряютъ кошелекъ.

ДАМА.

Я забыла свой кошелекъ.

ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)

Такъ и есть. Прошу составить состояніе отъ такой практики.

МОЛЕ (*подходитъ къ окну Фебуса.*

Эй! Здѣсь публичный писецъ! (*Читая вывѣску.*) Фебусъ

ДАМА

Ахъ!..

ФЕБУСЪ (*подбѣгая къ ней.*)

Что еще случилось?

ДАМА.

Если онъ меня увидитъ, я пропала!

ФЕБУСЪ (*идетъ къ двери.*

Кто кто увидитъ?

МОЛЕ.

Можно войти?

(*Дама скрывается за занавѣску; Моле входитъ.*)

ФЕБУСЪ.

Пожалуйте, пожалуйте. (*Осматриваясь.*) Гдѣ она?

МОЛЕ.

Что вы говорите?

ФЕБУСЪ.

Нѣтъ-съ, ничего Что вамъ угодно? (*Осматриваясь.*) Кой чортъ!..

МОЛЕ.

Перебѣлите мнѣ эту бумагу. (*Въ это время Фебусъ вездѣ осматривалъ, наконецъ отдергиваетъ занавѣсъ, за которымъ дама, и опять опускаетъ.*)

ФЕБУСЪ.

А, хорошо!

МОЛЕ.

Что такое?

ФЕБУСЪ.

Я сказалъ: *хорошо*! Вы мнѣ сказали: перебѣлите мнѣ бумагу, а я и отвѣчаю вамъ: *хорошо*! (*въ сторону*) Эта дама не церемонна: прячется въ моей спальнѣ.

МОЛЕ.

Надо переписать его непремѣнно нынче вечеромъ, и доставить мнѣ завтра. Принесите его ко мнѣ пораньше.

ФЕБУСЪ (*говоря въ тоже самое время.*)

Сколько я замѣчаю, эта таинственная женщина...

МОЛЕ.

Слушаете ли вы меня, г. Фебусъ?

ФЕБУСЪ.

Обоими ушами! Вы сказали принести его къ вамъ! Хорошо, куда это къ вамъ? И отдать его вамъ! Прекрасно, кому это вамъ?

МОЛЕ.

Г. Моле.... здѣсь рядомъ.

ФЕБУСЪ (*беретъ книгу и перо*).

Позвольте, вотъ мой адресъ-календарь. Прекрасное изобрѣтеніе адрессъ, календари.... Легко можно иногда забыть, тогда какъ съ нимъ.... нужно-ли припомнить чье нибудь имя или мѣсто жительства, вы раскрывае-

те адресъ-календарь, ищете.... Какъ вы себя назвали?

МОЛЕ.

Моле, болтунъ!

ФЕБУСЪ.

Г. Моле болтунъ!

МОЛЕ.

Нѣтъ; это я васъ назвалъ болтуномъ. Пишите *Моле*.

ФЕБУСЪ.

Да, да, понимаю. Какъ вы пишете свое имя?

МОЛЕ (*диктуя буквы.*)

М-о-л-е

ФЕБУСЪ.

Мове!

МОЛЕ.

Нѣтъ, нѣтъ, Моле-ле....

ФЕБУСЪ.

Ле, а то обыкновенно.... впрочемъ, что далѣе?

МОЛЕ.

Да вы опять написали *ве*; говорятъ вамъ, Моле!

ФЕБУСЪ.

А! Да, да! Теперь нуженъ адресъ?

МОЛЕ.

13 No, на углу.

ФЕБУСЪ.

А! стало,мы сосѣди! (*Встаетъ; дама отдергиваетъ занавѣску и дѣлаетъ Февусу знаки.*) Гмъ! понимаю, его надо отправить. (*Тѣснитъ его до выхода и проворно затворяетъ дверь.*) Вамъ, можетъ быть, еще что.... такъ я.... мое почтеніе!...

МОЛЕ (*входитъ снова.*)

Да, я забылъ выставить титулъ, дайте мнѣ перо. (*Дама дѣлаетъ знаки, что ей бы хотѣлось уйти.*)

ФЕБУСЪ (*въ полголоса.*)

А! да, да, вы хотите уйти? Сейчасъ....

МОЛЕ (*у бюро.*)

Скоро ли же?

ФЕБУСЪ.

Сейчасъ, сейчасъ. (*Говоря съ Моле, показываетъ дамѣ, что она можетъ выйти.*) Послушайте, титулъ не лучше ли будетъ написать большими крупными буквами? (*Дама достигаетъ дверей*)

МОЛЕ.

Не все ли мнѣ равно. (*Дама, уходя, задѣваетъ стулъ.*) Женщина!

ФЕБУСЪ.

Тише!

МОЛЕ.

Здѣсь была женщина?

ФЕБУСЪ.

Тише! (*Указывая на занавѣсъ.*) Тамъ! Хе, хе, хе! Не говорите никому. Жена одного негоціанта; страстишка....

МОЛЕ.

Прошу покорно! Ай да сосѣдъ! (*Въ продолженіе этой сцены дама достигла угла улицы, изъ которой вышла. Моле выходитъ.*) Что будетъ стоить, я заплачу! Приходите завтра часовъ въ 11-ть.

ФЕБУСЪ.

Въ 11-ть.... (*Въ продолженіе слѣдующей сцены Фебусъ садится у себя и просматриваетъ рапортъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

ТѢ ЖЕ, ТЕОДОРЪ, Г-ЖА БЕРНАРЪ, ПОЛИНА, И ПОТОМЪ МАГДАЛИНА.

ТЕОДОРЪ (*входя.*)

Пожалуйте, пожалуйте, нотаріусъ дожидается.

МОЛЕ.

А, ты здѣсь?

БЕРНАРЪ (*Полинѣ, которую она ведетъ.*)

Не бойся, душенька! Будь посмѣлѣе.

МОЛЕ.

А гдѣ же жена? Развѣ она не пойдетъ съ нами?

ТЕОДОРЪ.

Маменька заперлась въ своей комнатѣ; ее опять схватило!

МОЛЕ.

Ну ужъ эти мнѣ нервы! Когда ни-

будь онѣ меня такъ взбѣсятъ, что я самъ надорвусь! (*Полинѣ*) Перестань же плакать, мой дружечикъ! Вашу руку, сестрица! (*Беретъ ее подъ руку, Полинѣ.*) Полно же, полно!

ВМѢСТѢ.

БЕРНАРЪ, МОЛЕ И ТЕОДОРЪ.

И такъ отправимся скорѣе,
Васъ ждетъ тамъ счастія вѣнецъ.
Что восхитительнѣй, милѣе,
Двухъ юныхъ пламенныхъ сердецъ!

МОЛЕ (*сыну.*)

Ты страстно любишь, обожаешь?

ТЕОДОРЪ.

Ужасно, папенька, люблю!

МОЛЕ.

Ты терпишь, мучишься, страдаешь?

ТЕОДОРЪ.

Ужасно, папенька, терплю!

ПОЛИНА.

Вы мнѣ готовите страданья,
Готова ихъ переносить;
Но нѣтъ для сердца приказанья:
По долгу трудно полюбить.

(*Всѣ, кромѣ Полины, повторяютъ первые четыре стиха.*)

МАГДАЛИНА (*выбѣгая изъ дома.*)

Постойте, постойте, сударыня! Г. Моле!

МОЛЕ.

Ну, что тамъ еще?

МАГДАЛИНА.

Письмо къ мамзель Полинѣ.

ПОЛИНА (*беретъ письмо.*)

Ко мнѣ?

МОЛЕ.

Что за письмо?

ФЕБУСЪ (*у себя.*)

Не худо бы выпить, Да, да, а если кто меня спроситъ.... можетъ прочесть. (*Пишетъ на двери.*) Публичный писецъ въ винномъ погребѣ, напротивъ.

ПОЛИНА (*прочитавъ письмо.*)

Боже мой! отъ моей матери.

МОЛЕ.

Это письмо!

ТЕОДОРЪ.

Отъ маменьки!

БЕРНАРЪ.

Голубушка!

ПОЛИНА.

Она мнѣ запрещаетъ, и я исполню ея волю: я нейду замужъ.

МОЛЕ.

Помилуйте, что вы, что вы!

ПОЛИНА.

Оставьте меня, оставьте! Матушка!

БЕРНАРЪ.

Съ нею дурно!

МАГДАЛИНА (*поддерживая ее съ Теодоромъ.*)

Ахъ, Боже мой! (*Фебусу, который выходитъ на улицу.*) Дядя Фебусъ, подай скорѣе стулъ! Ей дурно!

ФЕБУСЪ.

Стулъ? Дурно? Хорошо!

МОЛЕ (*поднимая письмо.*)

Проклятое письмо!

ТЕОДОРЪ.

Вотъ и еще съ какой-то бумагой!

АДОЛЬФЪ (*входитъ съ бумагой.*)

Г. Моле! Рапортъ о состояніи команды.

МОЛЕ.

Убирайтесь къ чорту съ цѣлой командой.

ФЕБУСЪ (*вынося стулъ и рукомойникъ съ водой.*)

Извольте, извольте, подуйте на нее, спрысните водой.

АДОЛЬФЪ (*замѣтя Полину.*)

Полина!

МАГДАЛИНА (*тихо Адольфу.*)

Свадьбы не будетъ.

АДОЛЬФЪ.

Неужели?

БЕРНАРЪ.

Ей лучше, она приходитъ въ себя.

*

ФЕБУСЪ (*замѣтя, что онъ стоитъ подлѣ Бернаръ.*)

Моя старуха!....

Всѣ составляютъ группу около Полины, которая приходитъ въ себя; Фебусъ бѣгаетъ задѣвицей Бернаръ. Музыка. Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Залъ въ домѣ Моле; въ срединѣ и по бокамъ двери; налѣво диванъ, направо конторка и все нужное для письма.

ЯВЛЕНІЕ 1.

При поднятіи занавѣса на столѣ стоитъ завтракъ; Моле за столомъ, съ салфеткой, занятъ чтеніемъ письма; Полина сидитъ въ задумчивости; Теодоръ ѣстъ съ большою жадностью. Г-жа Моле на диванѣ смотритъ на мужа. Магдалина служитъ у стола.

ТЕОДОРЪ (*Полинѣ.*)

Не хотите ли еще пирожка?

ПОЛИНА.

Покорно васъ благодарю!

МОЛЕ (*вставая.*)

Не могу вспомнить, гдѣ я видѣлъ такой точно почеркъ. (*женѣ.*) Не помнишь ли ты?

Г-ЖА МОЛЕ.

Что, мой дружечикъ?

МОЛЕ.

Да вотъ, это проклятое письмо....

ПОЛИНА (*вскочивъ.*)

Ахъ, ради Бога, не рвите его!

МОЛЕ.

Нѣтъ, нѣтъ, будьте покойны? Ну, что, не помнишь?

Г-ЖА МОЛЕ.

Право, не знаю!

ТЕОДОРЪ (*ѣстъ.*)

Дай мнѣ напиться!

МАГДАЛИНА (*наливаетъ ему.*)

Экой аппетитъ, прости, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ И Г-ЖА БЕРНАРЪ.

БЕРНАРЪ.

Здравствуйте, братецъ! Здравствуйте, сестрица; ну, что твое здоровье?

Г-ЖА МОЛЕ.

По немногу!... Хочу пойти погулять, а то такая тоска, не знаешь, что дѣлать.... Все не по мнѣ, сержусь на всѣхъ, такъ вотъ, кого бы нибудь и треснула.

БЕРНАРЪ.

Такъ что же? На это есть у тебя мужъ. (*Теодоръ хохочетъ во все горло.*)

МОЛЕ.

Что такое? Что вы говорите?

БЕРНАРЪ.

Я говорю, что у нея есть мужъ для прогулокъ; ей хочется пройтиться.

МОЛЕ (*занятый письмомъ.*)

Я зналъ отца Полины. Онъ самъ выбралъ меня ея опекуномъ; а матери у нее не было.

БЕРНАРЪ.

Неужели? Скажите, а я полагала, что человѣкъ безъ матери быть не можетъ.

МОЛЕ.

Вотъ-съ?.. Скажите, какъ вы невинны!

теодоръ (*хохочетъ.*)
Ай да тетушка! Экую глупость сморозила... безъ матери человѣкъ... ха, ха, ха!

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

тѣ же и адольфъ.

адольфъ.
Г. Моле, я вамъ принесъ счеты; ихъ нужно повѣрить.

моле.
Да, нашли время!

адольфъ.
Полина! Полина! (*Тихо Полинѣ.*) Я говорилъ г-жѣ Бернаръ... (*Бернаръ*) Сказали ли вы ему?

бернаръ (*тихо.*)
Можно ли имѣть дѣло съ этимъ медвѣдемъ.

моле.
Теодоръ! повѣрь счеты съ г. Адольфомъ, я приду сейчасъ, а тебя прошу вытереть свои глаза, чтобъ я не видалъ этихъ слезъ, слышишь?

теодоръ (*Магдалинѣ.*)
Оставь мой пирогъ! Не смѣй трогать! Если я не съѣмъ всего въ одинъ разъ, изволь спрятать, я отдохну не много, да опять примусь.

магдалина (*въ сторону.*)
Чтобъ ему подавиться!..

бернаръ.
Сестрица! Братецъ! Какъ онъ вамъ нравится?

моле.
Кто онъ?

бернаръ.
Этотъ молодой человѣкъ, Адольфъ?

г-жа моле.
Прекрасный молодой человѣкъ!

моле.
Что за вопросъ? Онъ не можетъ не нравиться: прекрасно исполняетъ свои обязанности, и военную, и гражданскую; я имъ чрезвычайно доволенъ.

бернаръ.
Что, если бъ онъ посватался на Полинѣ?

моле.
Не угодно ли вамъ оставить его для себя!

адольфъ.
Г. Моле!

моле.
Ступайте, я вамъ сказалъ... Теодоръ, чтожъ ты? Подите въ мой кабинетъ! (*Они уходятъ. Г-жѣ Бернаръ.*) Съ чего вы взяли вмѣшиваться въ эти дѣла?

бернаръ (*разсердясь.*)
Съ этихъ поръ, я ни во что не мѣшаюсь; пойдемъ, Полина!
(*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

г-нъ и г-жа моле.

моле.
Неужели и Адольфъ влюбленъ въ Полину?

г-жа моле.
А что же... и я бы ни какъ не пошла противъ этого.

моле.
Надо быть дурой, сударыня, что бы говорить эти вещи; я разъ сказалъ, что она будетъ женою Теодора.

г-жа моле.
Душа моя, да если она его не любитъ!

моле.
Не любитъ, такъ заставлю любить. Что, развѣ онъ дурень, что ли? Я, кажется, былъ не лучше его, когда на тебѣ сватался, а умѣлъ же тебѣ понравиться.

г-жа моле.
А если Полина такъ же любитъ Адольфа?

моле.
Этого быть не должно. Понимаешь ли ты: не должно! Я всегда считался честнымъ человѣкомъ, и не хочу

потерять этого мнѣнія. Я разорилъ Полину. Адольфъ женившись на ней, можетъ потребовать у меня, какъ у опекуна, отчета въ ея состояніи, между тѣмъ, какъ мой сынъ... Надо умѣть жить въ нынѣшнее время.

Умѣть концы всегда сводить,
Что будешь дѣлать съ нашимъ вѣкомъ?
Умѣть не очень честнымъ быть,
Умѣть нечестное творить
И слыть честнѣйшимъ человѣкомъ.

г-жа моле.

Кривить душой изъ барыша?

моле.

Ну, вотъ, сыскалась чести сватья!
Что нынче черная душа,
Когда она въ опрятномъ платьѣ!

г-жа моле.

Такія правила! Мнѣ сейчасъ сдѣлается дурно.

моле.

Такъ ты прекрасно сдѣлаешь, если уйдешь отсюда.

г-жа моле (*уходя.*)

Я не могу слышать такихъ сужденій.

моле.

Такъ отправляйтесь безъ разсужденій.

(Г-жа Моле уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

моле, теодоръ и фебусъ.

теодоръ (*показываясь въ двери направо.*)

Что жъ, папенька?

моле.

Убирайся ты къ чорту!

фебусъ (*высовывая голову въ среднюю дверь*)

Гмъ! Гмъ!

моле.

Кто тамъ? А... г. Фебусъ!

фебусъ.

Къ вашимъ услугамъ!

теодоръ.

Что это значитъ?

фебусъ (*осматривая внимательно Моле и Теодора.*)

Какое ужасное сходство!

теодоръ.

Что вы вытаращили на насъ глаза?

моле.

Неужели наше сходство васъ такъ удивляетъ?

фебусъ.

Другимъ меня вы удивите ль!
Во всемъ другомъ найду я толкъ.
(*Теодору.*) Неужли это вашъ родитель?

теодоръ.

Ну, да!

фебусъ (*Моле.*)

Неужли это вашъ сынокъ?

моле.

Разумѣется! Ты съ ума сошелъ! Нашелъ чему удивляться, что сынъ похожъ на отца.

фебусъ.

Ахъ, этотъ случай очень рѣдокъ,
Теперь такой мудреной свѣтъ:
У нынѣшнихъ съ отцами дѣтокъ
По большей части сходства нѣтъ.
А почему? И что такое?
Я не рѣшу умомъ своимъ;
А только нынче здѣсь родное
Все отзывается чужимъ!

моле.

Да что же тебѣ надо? Намъ вовсе не нужно свидѣтелей нашихъ семейныхъ несчастій.

фебусъ.

Какъ, у васъ семейныя несчастія? Если бъ вы знали, какъ я сожалѣю! Ахъ, Боже мой! Вотъ ваша бумага, переписанная собственною моей рукой, лучшимъ курсивомъ.

моле (*беретъ у него.*)

Подайте. Что это стоитъ?

фебусъ.

Крайняя цѣна пять франковъ. Повѣрьте, что не взялъ ни копѣйки лишку. Какихъ ужасныхъ трудовъ мнѣ стоило разбирать вашу рукопись. Не отыщешь слѣда руки человѣческой; право, точно какъ будто муха вылѣз-

ла изъ чернильницы да и прошлась по бумагѣ, и что ни слово, то блинъ сидитъ, или слизанная лепешка.

моле (*пробѣгая бумагу.*)

Какое сходство! (*Ищетъ у себя въ карманахъ.*)

теодоръ.

Что вы ищете, папенька?

фебусъ (*у стола съ жадностію смотритъ на пирогъ.*)

Какой почтенный Г. Мове! У него въ письмахъ лепешки, а въ квартирѣ пироги!

моле (*сравнивая два почерка.*)

Послушай! Что жъ ты тамъ дѣлаешь?

фебусъ.

Позвольте попросить у васъ небольшой клочекъ...

моле.

Бумаги?

фебусъ.

Нѣтъ, пирога!

моле.

Возьмите хоть весь, только отвѣчайте.

фебусъ.

Такъ я его заверну въ бумагу.

моле.

Это ты писалъ?

фебусъ.

То есть, я переписывалъ! (*Смотря на пирогъ.*) Сегодня я угощу себя ужиномъ Лукулла!

теодоръ.

Что такое?

фебусъ.

Лукуллъ, Римскій гастрономъ, извѣстный своими *Балтазаровскими* ужинами.

моле.

Провались твой Балтазаръ; ну его къ чорту! Ты точно увѣренъ, что это твоя рука?

фебусъ (*занятый пирогомъ.*)

Чья же? Снаружи онъ казался гораздо куснѣе.

теодоръ.

Посмотрите, папенька... Не правда ли? Вѣдь совершенно одна рука... буква въ букву...

моле (*беретъ Фебуса съ одной стороны.*)

Подойди!

теодоръ (*тихо.*)

Подойди!

моле.

Эта бумага...

фебусъ (*испугавшись.*)

Что же? Развѣ дурно написано?

теодоръ (*показывая ему письмо.*)

А кто писалъ вотъ это письмо?

фебусъ.

Тоже я!

теодоръ.

И онъ не отпирается!

фебусъ.

Прекрасно! Да для чего же я стану отпираться.

моле.

Кто у тебя писалъ къ Полинѣ?

фебусъ.

Полинѣ! Что это нынче за день, только и слышишь: Полина, Полинѣ, къ Полинѣ.

моле.

Отвѣчай сейчасъ!

теодоръ.

Кто, кто писалъ?

моле.

Кто диктовалъ это письмо?

теодоръ.

Ну, кто, кто, кто?

моле.

Старый мошенникъ!

теодоръ.

Разбойникъ, каналья!

моле.

Кто? Ну?

теодоръ (*замахиваясь.*)

Ну?..

фебусъ (*прижавшись въ уголъ.*)

Подальше, подальше, я терпѣть не могу декломаціи; а не то я самъ про декламирую...

МОЛЕ (*въ бѣшенствѣ.*)

Кто писалъ?

ТЕОДОРЪ (*громче.*)

Кто?

ФЕБУСЪ (*еще громче.*)

Кто, кто?

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ, Г-ЖА БЕРНАРЪ, ПОЛИНА И АДОЛЬФЪ.

МОЛЕ И ТЕОДОРЪ (*вмѣстѣ.*)

Говорить тебя заставимъ
И поставимъ на своемъ,
Мы въ полицію отправимъ,
Въ судъ къ отвѣту поведемъ!
Не пройдетъ тебѣ проказа,
За рѣшетку, подъ конвой!
Ты семейная зараза,
Ты мошенникъ городской!

ФЕБУСЪ (*взбѣсясь*)

Ну, потише, не кричите!

(*въ сторону.*)

Здѣсь оглохнешь не за грошъ!

(*вслухъ.*)

Я и самъ, того смотрите ..

(*въ сторону.*)

Ихъ водой не разольешь!
Точно въ домъ вбѣжали воры,
Точно рѣжутъ ихъ орутъ;
Даже въ оперѣ актеры
Снисходительнѣй поютъ!

БЕРНАРЪ.

Что за шумъ? Что у васъ дѣлается?

МОЛЕ.

Сюда, сюда, поймали разбойника!

ФЕБУСЪ (*занятый письмомъ*).

А! Да, да, вчера!.. Точно! Точно! Теперь я вспомнилъ, это письмо писалъ мужчина, нѣтъ, женщина... нѣтъ, точно мужчина... позвольте... позвольте... а, вспомнилъ, вспомнилъ... это письмо было диктовано или мужчиной... или женщиной, это такъ вѣрно...

(*Адольфъ выходитъ впередъ.*)

ФЕБУСЪ.

Вотъ онъ! Вотъ онъ! Теперь я вспомнилъ!

ТЕОДОРЪ.

Адольфъ!

ФЕБУСЪ МОЛЕ.

Мой сержантъ!

АДОЛЬФЪ (*въ сторону.*)

Старый писецъ!

МОЛЕ.

Г. Адольфъ! Прошу васъ не уходить отсюда; мы должны объясниться.

ТЕОДОРЪ (*Фебусу.*)

Такъ это тебѣ диктовалъ г. Адольфъ?

ФЕБУСЪ.

Адольфъ! Его зовутъ Адольфомъ? Ну, такъ Адольфъ...

АДОЛЬФЪ.

Я совсѣмъ не знаю этого человѣка.

ФЕБУСЪ.

Да я то васъ знаю: это мой должникъ; онъ проигралъ пари на собаченкѣ. (*Увидя г-жу Бернаръ.*) Ну, такъ и есть, вотъ и сама маменька этой собаченки. Здорова ли ваша собачка?

БЕРНАРЪ.

Что вретъ этотъ невѣжда?

АДОЛЬФЪ.

Это какой-то бродяга!

ФЕБУСЪ.

Подайте мои деньги!

МОЛЕ.

Собаченкой, пари, и г-жей Бернаръ займемся послѣ; дѣло идетъ совсѣмъ не о нихъ.

ФЕБУСЪ.

А! Это г-жа Бернаръ!

ПОЛИНА (*Адольфу.*)

Написать письмо отъ имени моей матери... я вамъ этого никогда не прощу!..

АДОЛЬФЪ.

Я писалъ отъ вашей матери?

ТЕОДОРЪ

Да, да, нечего отговариваться!

БЕРНАРЪ.

Какія низости!

АДОЛЬФЪ.

Если вамъ угодно, я поклянусь своею честью.

МОЛЕ.

Писецъ также клялся своею.

ФЕБУСЪ.

Неправда, я не клялся, я просто сказалъ...

АДОЛЬФЪ.

Да выслушайте и разсудите сами; (*читаетъ письмо.*) поставьте себя на мое мѣсто: стану ли я писать къ дѣвушкѣ, чтобъ она не выходила замужъ, когда я ее люблю и сейчасъ готовъ предложить ей свою руку?

ФЕБУСЪ (*съ полнымъ ртомъ*).

Правда, правда!

МОЛЕ.

А эта бестія жретъ себѣ; ему и горя мало...

ФЕБУСЪ.

Не умирать же мнѣ съ голода!

БЕРНАРЪ.

Я самъ то же думаю, что г. Адольфу написать этого нельзя...

АДОЛЬФЪ

А это? (*читаетъ.*) Открыть тайну, которую я скрывала по долгу чести.

ФЕБУСЪ (*съ полнымъ ртомъ вскрикиваетъ, внезапно пораженный.*)

Ага!!!...

ТЕОДОРЪ.

Онъ подавился!

ФЕБУСЪ (*занимая средину сцены.*)

Помню, помню: это письмо диктовала мнѣ дама, точно, точно, навѣрное дама.

АДОЛЬФЪ.

Ну, что же вы скажете?

ФЕБУСЪ.

А вы писали другое.

МОЛЕ.

Ну, такъ и есть, первое то было отъ него.

ФЕБУСЪ.

Черновое должно быть со мною.

МОЛЕ,

Хорошо, давай сюда! Ну а то-то? То?

ФЕБУСЪ.

Говорятъ вамъ, дама; а какъ ее зовутъ, не знаю. Ахъ, Боже мой! (*Всѣ толпятся около него.*) Она вѣдь мнѣ тоже не заплатила!

(*Всѣ расходятся.*)

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢ ЖЕ, Г-ЖА МОЛЕ (*входитъ поспѣшно*)

ФЕБУСЪ (*замѣтя ее.*)

А!...

МОЛЕ.

Осторожнѣй! Писецъ въ нашихъ рукахъ; онъ откроетъ преступника.

Г-ЖА МОЛЕ.

Что ты хочешь сказать? (*Узнавъ Фебуса.*) О!

ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)

Я сказалъ «*А*!» она «*О*!» Здѣсь мнѣ заплатятъ.

ПОЛИНА.

Говорите, говорите, сударь, и если вы знаете мою матушку....

БЕРНАРЪ.

Назовите ее....

МОЛЕ.

То есть даму, которая диктовала письмо?...

ВСѢ.

Назовите, назовите.

Г-ЖА МОЛЕ (*подходитъ къ Фебусу.*)

Да, да, это необходимо. (*Подходя ближе, говоритъ тихо.*) Молчите, или вы меня погубите.

ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)

Навѣрно заплатятъ!

МОЛЕ.

Жена! не мѣшай ему!

ФЕБУСЪ (*въ сторону.*)

Это должна быть его жена.

АДОЛЬФЪ.

Пожалуйста, не мѣшайте; я хочу доказать, что я оклеветанъ.

Г-ЖА МОЛЕ (*подходя къ Фебусу съ другой стороны.*)

Говорите же, вы видите, какъ это

всѣхъ занимаетъ. *(Жметъ ему руку.)* Ради Бога, молчите!

ФЕБУСЪ *(въ сторону.)*

Пожалуйста, говорите! ради Бога, молчите! Говори и молчи! Какъ это легко!

ТЕОДОРЪ.

Говорите!

ФЕБУСЪ.

Вамъ хорошо говорить «говорите!» А если я начну, да можетъ быть, обличу кого нибудь.

МОЛЕ.

Это не ваше дѣло!

БЕРНАРЪ.

Впрочемъ, если это можетъ кого обидѣть, лучше молчать, потому что вредить ближнему...

МОЛЕ.

Вотъ ужъ вамъ точно, не худо бы помолчать...

ТЕОДОРЪ *(подходя къ Фебусу.)*

Вспомни, что ты нарушилъ спокойствіе цѣлаго семейства. *(Отходитъ на прежнее мѣсто.)*

ФЕБУСЪ.

Не я, не я!

МОЛЕ.

Понимаю, чего ему хочется. Послушай, скажи намъ имя этой женщины, и я даю тебѣ 50 франковъ!

ФЕБУСЪ *(скоро.)*

50 Франковъ.

Г-ЖА МОЛЕ *(тихо.)*

80.

ФЕБУСЪ *(въ сторону.)*

Пошло, пошло! *(вслухъ)* Какъ, за все это сто франковъ!

МОЛЕ.

Изволь, я даю двѣсти!

Г-ЖА МОЛЕ.

Сто ефимковъ!

ФЕБУСЪ *(въ сторону.)*

Идетъ! Идетъ!

МОЛЕ.

Ну что же?

ФЕБУСЪ.

Что же? Продолжайте; ну, далѣе! Э! Оставьте меня въ покоѣ съ вашими 200 франками... Мнѣ даютъ больше.

ТЕОДОРЪ.

Видите, его задарили.

ФЕБУСЪ.

Чтобъ вы ни стали мнѣ давать,
А будетъ все одно и то же;
(въ сторону.)
Мнѣ въ первый разъ пришлось молчать,
Возьму жъ за это подороже.
(имъ.)
Нѣтъ, вы не купите меня,
Довольно ясно вамъ толкую,
Что писарь я, а не судья —
Такъ стало, честью не торгую!..

МОЛЕ.

Ну такъ и быть, 400 франковъ.

Г-ЖА МОЛЕ *(тихо.)*

25 луидоровъ.

ФЕБУСЪ *(тихо.)*

25 луидоровъ старыхъ! Это составитъ 600 франковъ. *(вслухъ)* Продолжайте, продолжайте.

МОЛЕ.

25 наполеондоровъ.

ФЕБУСЪ.

Это тѣ же 500 франковъ.

МОЛЕ.

Ну, ни копѣйки больше!

ФЕБУСЪ.

Ну, стало, и толковать нечего. *(Г-жѣ Моле.)* Можете быть покойны.

ТЕОДОРЪ.

Это ужасно!

МОЛЕ.

Да вѣдь 500 франковъ.

ФЕБУСЪ *(тоже кричитъ.)*

Что вы мнѣ кричите 500 франковъ! Большая важность! Да если вы мнѣ дадите 599, такъ я и тутъ ничего не скажу, вотъ я каковъ.

ТЕОДОРЪ *(взбѣсясь.)*

Вышвырнуть его въ окно, да и дѣло съ концемъ!

ФЕБУСЪ.

Не горячитесь!

МОЛЕ.

Оставьте насъ одпихъ.

ТЕОДОРЪ.

Вы хотите съ нимъ остаться?

Г-ЖА МОЛЕ.

Мой дружечикъ.

БЕРНАРЪ.

Это опасно!

ПОЛИНА *(Фебусу.)*

Сдѣлайте милость, откройте эту тайну!..

ФЕБУСЪ.

Что прикажете, сударыня?

Г-ЖА МОЛЕ.

Полина! Оставь этого стараго враля. *(Тихо Фебусу.)* Я ворочусь.

МОЛЕ *(расталкивая всѣхъ.)*

Уйдите, говорю! Я хочу говорить съ нимъ наединѣ.

ФЕБУСЪ

Что ему такъ хочется остаться со мною наединѣ?

(Всѣ идутъ прочь):

ФЕБУСЪ *(въ то время, когда всѣ уходятъ).*

Эта толстая дама, вѣрно очень интересуется этой худенькой дѣвицей?.. А тотъ, должно быть... именно такъ, только, странно что...

ТЕОДОРЪ *(воротясь, перебиваетъ и кричитъ ему въ ухо.)*

Жадная тварь! *(Моле отводитъ Теодора, который уходитъ въ заднюю дверь.)*

ФЕБУСЪ *(отскоча отъ стола.)*

Можно ли такъ пугать!

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

ФЕБУСЪ И МОЛЕ.

МОЛЕ.

Кажется, мы одни, г. Фебусъ!

ФЕБУСЪ.

Одни, г. Мове!

МОЛЕ.

Моле, слышите ли, Моле; ле; а не ве.

ФЕБУСЪ.

Да, да, да, *ве*!

МОЛЕ.

Ты мошенникъ, тебя по горло набили золотомъ.

ФЕБУСЪ.

Не знаю, надо взглянуть; распшейте, пожалуйста, горло!

МОЛЕ.

Слушай, я тебя запру на замокъ и приведу полицію,

ФЕБУСЪ.

Что, полицію?

МОЛЕ.

Тебя заставятъ говорить!

ФЕБУСЪ.

Меня? Дудки! Съ чего вы взяли, что можете меня запереть: я человѣкъ свободный; могу уйти, куда мнѣ вздумается, и уйду сію же минуту, вмѣстѣ съ пирогомъ

МОЛЕ *(удерживая его.)*

Не уйдешь! Не выйти тебѣ отсюда, пока все не объяснится; а такъ какъ ты славно пишешь анонимныя письма, напиши мнѣ одно. *(Садится направо къ бюро и пишетъ.)*

ФЕБУСЪ.

Съ удовольствіемъ, почему и за это не взять? Вамъ извѣстно: за письмо 35 сантимовъ *(Замѣтя Адольфа, который показывается въ дверяхъ.)* А!

АДОЛЬФЪ *(даетъ ему знаки и говоритъ тихо.)*

Не отдавайте мое черновое письмо!

ФЕБУСЪ.

А, это вы!

МОЛЕ.

А? Что ты сказалъ? *(Адольфъ скрывается.)*

ФЕБУСЪ.

Кто? Я не шевелилъ губами!

АДОЛЬФЪ *(отворивъ дверь.)*

Не показывай, я дамъ 100 франковъ.

ФЕБУСЪ.

А что жъ 100 франковъ, которые вы должны?

АДОЛЬФЪ.

Это выйдетъ 400 франковъ.

ФЕБУСЪ.

Вы мнѣ отдадите?

АДОЛЬФЪ.

Даю честное слово!

ФЕБУСЪ.

Нѣтъ, лучше дайте деньги.

АДОЛЬФЪ.

И если это устроитъ мою свадьбу, получишь 500 франковъ.

МОЛЕ *(встаетъ.)*

Да съ кѣмъ ты тутъ болтаешь?

(Адольфъ скрывается.)

ФЕБУСЪ.

У васъ въ головѣ трещитъ, вы нездоровы.

МОЛЕ.

Садись и перепиши мнѣ его, тою же рукою, какъ ты писалъ вчера.

ФЕБУСЪ.

Я всегда пишу правою.

МОЛЕ.

Я заставлю ее слушаться. Она подумаетъ, что это письмо такъ же отъ ея матери, а между тѣмъ, я иду за полиціей.

ФЕБУСЪ.

Пожалуйста, не ходите!

МОЛЕ.

Нѣтъ, любезный!.. Я стою на своемъ?

ФЕБУСЪ.

Пожалуйста, не дурачьтесь!

(Моле уходитъ и запираетъ дверь на ключъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

ФЕБУСЪ *(одинъ).*

Онъ меня заперъ, такъ вѣрно не шутя сюда придетъ полиція. Нашъ коммиссаръ будетъ радехонекъ ко мнѣ придраться: я какъ то перебилъ стекла его квартиры, и съ тѣхъ поръ, онъ каждый день ходитъ мимо моего заведенія и коснится. Нѣтъ, ужъ лучше ее назвать; мнѣ какое дѣло до этой толстой дамы? Тѣмъ хуже для нея. Непремѣнно назову.

—

ЯВЛЕНІЕ 10.

ФЕБУСЪ И Г-ЖА МОЛЕ.

МОЛЕ *(входитъ тихо при концѣ монолога и становится сзади его.)*

Я здѣсь!..

ФЕБУСЪ.

А!..

МОЛЕ *(взявъ его за руку).*

Тише!

ФЕБУСЪ.

Пожалуйста, не такъ крѣпко: вся рука поспѣла.

МОЛЕ.

Надо запереть двери. *(Идетъ и запираетъ двери.)*

ФЕБУСЪ.

Она должна быть очень способна запирать двери; изъ нее была бы прекрасная дворничиха.

МОЛЕ.

Скажите, вы меня не узнали съ перваго раза?

ФЕБУСЪ.

Напротивъ, узналъ очень хорошо!

МОЛЕ.

И не измѣнили мнѣ: это съ вашей стороны весьма благородно.

ФЕБУСЪ.

О! Что касается до благородства... Тогда у насъ было, кажется, 25 луидоровъ стараго стиля!

МОЛЕ.

Вы ихъ получите. Но я увѣрена, что бы не случилось, вы никогда не откроете моей тайны.

ФЕБУСЪ.

А если меня посадятъ въ тюрьму?

МОЛЕ.

Все равно.

ФЕБУСЪ.

Какъ все равно? Равно, да не одно.

МОЛЕ.

Не имѣютъ права.

ФЕБУСЪ.

Найдутъ право.

МОЛЕ.

Но согласитесь, 25 луидоровъ.

ФЕБУСЪ.

Конечно, 25 луидоровъ хорошо, да въ тюрьмѣ-то не хорошо!

МОЛЕ.

Вы видите передъ собою несчастную, которая столько страдала въ своей жизни, что вы вѣрно не рѣшитесь убить ее.

ФЕБУСЪ.

Что вы, что вы? Да я кромѣ мухъ, которыя мѣшаютъ писать, никого не убивалъ.

МОЛЕ.

Вы меня убьете, если не сохраните этой тайны; а бѣдная моя дочь....

ФЕБУСЪ.

Дочь вашего мужа?

МОЛЕ.

Нѣтъ.

ФЕБУСЪ.

Что вы говорите?

МОЛЕ.

Боже мой! что мнѣ дѣлать! Да, сударь! Когда ужъ я разъ покраснѣла передъ вами, скрываться нечего.

ФЕБУСЪ.

Вы покраснѣли? *(въ сторону.)* Не замѣтно.

МОЛЕ.

Я мать Полины!

ФЕБУСЪ.

Возможно ли? О!...

МОЛЕ.

Я была молода, хороша собою....

ФЕБУСЪ.

Въ которомъ году?

МОЛЕ.

Въ 1813-мъ. У меня былъ двоюродный братъ, мы страстно полюбили другъ друга.... Послѣ трехъ-мѣсячнаго отпуска, ему надо было ѣхать... Вы можете представить, какъ ужасна бываетъ такая разлука; я плакала.... и въ послѣдній день....

О какъ ужасенъ этотъ свѣтъ!

ФЕБУСЪ.

Да, онъ достоинъ сожалѣнья!

МОЛЕ.

Мнѣ было только 20 лѣтъ....

ФЕБУСЪ.

Нѣтъ, говорите безъ вступленья.

МОЛЕ.

Но я боюсь сказать одно....

ФЕБУСЪ.

Со мной не бойтесь этой сдѣлкой.

МОЛЕ.

Я не устояла, и сдѣлала такую ошибку.

ФЕБУСЪ.

А! знаю!

Что женщины у насъ давно
Зовутъ невинною бездѣлкой!

МОЛЕ.

Онъ уѣхалъ, оставя мнѣ свой портретъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы получили извѣстіе, что онъ убитъ въ Испаніи.

ФЕБУСЪ.

А! Въ Испаніи! Да, да, да!

МОЛЕ.

Это случилось въ то самое время, когда г. Моле предлагалъ мнѣ свою руку; я была дѣвушка безъ всякаго состоянія; онъ былъ богатъ; ему ничего не говорили о моей дочери....

ФЕБУСЪ.

О вашей.... да, да, да, портретъ.... это былъ анонимъ...

МОЛЕ.

Г. Моле вѣроятно бы отказался.

ФЕБУСЪ *(въ сторону.)*

Очень вѣроятно. Бѣдняга! думалъ взять дѣвушку.... а вышло.... *(нюхаетъ табакъ.)*

МОЛЕ.

Судите же о моемъ несчастіи. Только

что я вышла замужъ.... онъ возвратился.

ФЕБУСЪ.

Вашъ супругъ?...

МОЛЕ.

Т. е. первый....

ФЕБУСЪ.

Покойникъ?

МОЛЕ.

Онъ не умиралъ, а былъ захваченъ въ плѣнъ. Изнуренный походами и болѣзнью, онъ умеръ... поручивъ свое дитя г. Моле; а теперь, вы видите, этотъ ужасный человѣкъ хочетъ выдать Полину.... за нашего сына...

ФЕБУСЪ.

А! а, вотъ что!

МОЛЕ.

Это ужасно; не правда ли, что волосы станутъ дыбомъ?

ФЕБУСЪ.

Не знаю, они у меня вылѣзли.

МОЛЕ.

Ничто не въ состояніи остановить моего мужа: онъ разстроилъ состояніе Полины, и боится отчетовъ; а выдавъ ее за своего сына....

ФЕБУСЪ.

Такъ, такъ....,

МОЛЕ.

Тише!

ФЕБУСЪ.

Что, что такое?

МОЛЕ *(въ полголоса.)*

Молчите, сюда идетъ Полина.

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

ТѢ ЖЕ И ПОЛИНА.

ПОЛИНА.

Вы здѣсь, сударыня? Извините, если я помѣшала.

МОЛЕ.

Ничего, ничего, мой другъ; я упрашивала г. Фебуса сказать имя твоей матери.

ПОЛИНА.

Послѣ всѣхъ напрасныхъ просьбъ, я не смѣю болѣе безпокоить...

ФЕБУСЪ.

Какъ же я могу ее назвать, когда я самъ ничего не знаю. Конечно, можно бы....

(Г-жа Моле дѣлаетъ ему знаки, чтобы онъ молчалъ.)

ПОЛИНА.

Отъ этого зависитъ все мое счастіе. Если бы она была здѣсь, меня вѣрно бы не принуждали выходить замужъ; а теперь я должна повиноваться.

ФЕБУСЪ.

Бѣдняжка, она меня совсѣмъ разжалобитъ.

ПОЛИНА.

Я вижу, вы тронуты. О! говорите, я вамъ отдамъ всѣ мои бриліянты, все, что имѣю, и останусь благодарной до смерти.

ФЕБУСЪ *(Моле.)*

Взгляните вы, изъ глазъ ея ручьями
Слеза течетъ.... Нѣтъ, я не удержусь!
И самъ сейчасъ словами и слезами
Предъ ней рѣкой обильной разольюсь.

ПОЛИНА.

Ахъ, сжальтеся и мать мнѣ назовите.

ФЕБУСЪ.

Узнайте все, и вѣрьте, я не лгу...

Г-ЖА МОЛЕ *(Фебусу тихо.)*

Еще плачу, но тайну сохраните.

ФЕБУСЪ *(Полинѣ)*

Такъ знайте же.... Сказать я не могу!

(Полина падаетъ безъ чувствъ на руки Фебуса.)

ФЕБУСЪ *(поддерживая ее на лѣвой рукѣ.)*

Ей дурно? Хорошо!

Г-ЖА МОЛЕ.

Ей дурно! Полина, другъ мой! я не въ силахъ перенести это! *(Падаетъ въ обморокъ.)*

ФЕБУСЪ *(поддерживая ее на правой рукѣ.)*

Да и мнѣ то же не вынести: тяжело ужасно, особенно эта сторона. *(Стучатъ въ дверь.)*

моле *(за дверью.)*
Отоприте, отоприте!
ФЕБУСЪ.
Да, отоприте; а позвольте спросить: чѣмъ? Обѣ руки заняты.
МОЛЕ.
Отопрешь ли ты!
ФЕБУСЪ.
Погодите, я занятъ.
Г-ЖА МОЛЕ *(вставая, въ полголоса.)*
Мой мужъ! Полина! Полина!
ПОЛИНА *(то же.)*
Что такое случилось?
ФЕБУСЪ.
Хорошо, что онѣ догадались подняться во время; у меня затекли руки, и мы всѣ трое непремѣнно бы шлепнулись на полъ! Уфъ!
Г-ЖА МОЛЕ.
Уйдемъ, Полина, скорѣе, сюда, сюда! *(Уходитъ.)*
ФЕБУСЪ.
Если бъ за каждое письмо я попадалъ въ такую исторію....
МОЛЕ *(кричитъ за сценою.)*
Пустишь ли ты меня, мошенникъ!
ФЕБУСЪ.
Сейчасъ! Сейчасъ! Не можете подождать.

ЯВЛЕНІЕ 12.

МОЛЕ И ФЕБУСЪ.
МОЛЕ.
Что ты здѣсь дѣлаешь одинъ? а? говори!
ФЕБУСЪ.
Вы можете меня обыскать, если угодно: я ничего не укралъ.
МОЛЕ.
Здѣсь еще кто то былъ: ты съ кѣмъ то разговаривалъ.
ФЕБУСЪ.
Кажется, никого больше нѣтъ. Впрочемъ поищите.

МОЛЕ.
Хорошо! Коммиссаръ полиціи мой искренній пріятель; онъ заставитъ говорить.
ФЕБУСЪ.
Я не боюсь ни вашего коммиссара, ни васъ, хоть вы и смахиваете на стараго бульдога.... Пусть придетъ, я и самъ найду, что сказать.
МОЛЕ.
Что ты можешь ему разсказать, мошенникъ ты этакой!
ФЕБУСЪ.
Я ему скажу, что вы заставляете меня писать фальшивыя письма къ этой молодой дѣвушкѣ, и клевещете на ея мать.... на честную и достойную женщину.
МОЛЕ.
Которую ты назовешь непремѣнно.
ФЕБУСЪ.
Не назову, а скажу вашему искреннему пріятелю, коммиссару, что вы насильно выдаете эту молодую дѣвушку замужъ, за своего сына. урода! Да! чортъ знаетъ какого урода: Онъ, какъ двѣ капли воды похожъ съ вами. И выдаете для того только, чтобъ не отвѣчать за ея состояніе, которое все разорено.
МОЛЕ.
Молчи, несчастный, это неправда!
ФЕБУСЪ.
Правда!
МОЛЕ.
Кто тебѣ сказалъ?
ФЕБУСЪ.
Она!
МОЛЕ.
Ея мать! Развѣ она здѣсь?
ФЕБУСЪ.
Да!
МОЛЕ.
Неправда!
ФЕБУСЪ.
Правда! *(Опомнясь, въ сторону.)* Что я вру?

МОЛЕ.
Эта женщина у меня въ домѣ.
ФЕБУСЪ *(въ сторону.)*
Я сболтнулъ. Его толстая супруга.... бѣда!... удеру съ пирогомъ!
МОЛЕ *(останавливая.)*
Не сойдешь съ мѣста!
ФЕБУСЪ.
Если вы меня не оставите, все разскажу, что знаю. Скажу, что вы разорили!...
МОЛЕ.
Будешь ли ты молчать?
ФЕБУСЪ.
Состояніе!...
МОЛЕ.
Замолчи!
ФЕБУСЪ.
Своей воспитанницы. *(гордо.)* Что, попался?
МОЛЕ.
Сдѣлай милость, говори потише... Ты знаешь, я человѣкъ честный.
ФЕБУСЪ.
Я тоже.
МОЛЕ.
Я тебѣ готовъ заплатить... Только молчи, сдѣлай одолженіе...
ФЕБУСЪ.
Извольте.
МОЛЕ.
Я вамъ заплачу!
ФЕБУСЪ.
Сдѣлайте милость.
МОЛЕ.
Назовите мнѣ только эту женщину.
ФЕБУСЪ.
Не могу!

—

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢ ЖЕ И МАГДАЛИНА.
МАГДАЛИНА.
Полицейскій коммиссаръ васъ спрашиваетъ.
МОЛЕ *(подбѣгая къ ней.)*
Магдалина, говори сейчасъ: какая женщина находится у меня въ домѣ?
МАГДАЛИНА.
Какъ, какая женщина? Ваша жена!
МОЛЕ.
Нѣтъ, кромѣ жены?
МАГДАЛИНА.
Г-жа Полина.
МОЛЕ.
Кромѣ Полины?
МАГДАЛИНА *(Фебусу, который ей дѣлаетъ гримасы.)*
Ну, что вы мнѣ строите гримасы?
МОЛЕ.
Прошу не дѣлать ни какихъ знаковъ? Ну, говори?
МАГДАЛИНА.
Да кому же быть еще.
(За кулисами слышенъ ужасный споръ.)
Г-ЖА БЕРНАРЪ *(за кулисами.)*
Я тебѣ говорю, что ты врешь.
ТЕОДОРЪ.
Нѣтъ-съ, не вру!
МАГДАЛИНА.
Ахъ! да, я и забыла, ваша сестрица!
МОЛЕ.
Сестра Бернаръ! О! *(Смотритъ на Фебуса.)*
ФЕБУСЪ.
Дѣвица Бернаръ! Старуха съ собачонкой?
МОЛЕ.
Что ты сказалъ?
ФЕБУСЪ.
Ничего, ничего!
МОЛЕ.
Нѣтъ, поздно, все знаю: это она!
ФЕБУСЪ.
Дѣвица!.. *(Въ сторону.)* Прекрасно! Мщеніе мое начинается! Чего же лучше!
МОЛЕ.
Выдь отсюда, Магдалина. Прошу покорно! Кто бы подумалъ, что бы эта благочестивая... Ну, ужъ послѣ этого я ни за кого не поручусь.

—

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢ ЖЕ, Г-ЖА БЕРНАРЪ И ТЕОДОРЪ.

БЕРНАРЪ *(входя.)*

Этой свадьбы не бывать!

МОЛЕ.

Что, что такое? Объ чемъ вы расшумѣлись?

ТЕОДОРЪ.

Да, вотъ, папенька, бѣсится, сама не знаетъ изъ чего!

МОЛЕ.

Теодоръ, не смѣй говорить дерзости; ты долженъ уважать почтенную свою тетушку, какъ уважаетъ ее твой отецъ.

ФЕБУСЪ.

Что то будетъ!

ТЕОДОРЪ.

Да помилуйте, эта старая...

МОЛЕ.

Молчи, негодяй.

ФЕБУСЪ.

Молчи негод... *(Въ сторону.)* Какъ бы его назвать учтивѣе. *(Вслухъ.)* Почтенная дѣвица Бернаръ кромѣ прекраснаго и разсудительнаго никогда не говоритъ и не дѣлаетъ.

БЕРНАРЪ.

Я ему говорю, что онъ ни какъ не можетъ жениться на Полинѣ; она его ненавидитъ, и я увѣрена, что вы, братецъ, не захотите пожертвовать счастіемъ бѣдной дѣвушки, которую я люблю, какъ родную...

МОЛЕ *(тихо.)*

Такъ, такъ и есть!

ФЕБУСЪ *(тихо.)*

Она сама себя путаетъ!

МОЛЕ.

Я совершенно съ вами согласенъ, я поступлю въ этомъ случаѣ, какъ бы поступила ея родная *мать*... Понимаете ли, *мать*.

ФЕБУСЪ.

Да, да!

ТЕОДОРЪ.

Да вѣдь маменька ея умерла.

МОЛЕ.

Почемъ знать, Теодоръ!

ФЕБУСЪ *(тоже.)*

Почемъ знать, Теодоръ!

БЕРНАРЪ.

Почемъ знать, Теодоръ!

—

ЯВЛЕНІЕ *(послѣднее.)*

ТѢ ЖЕ, Г-ЖА МОЛЕ, ПОЛИНА И АДОЛЬФЪ.

ПОЛИНА.

Что я слышу!

МОЛЕ.

Г-жа Моле! Я все узналъ!

Г-ЖА МОЛЕ *(подходитъ къ Фебусу.)*

Мнѣ дурно!

ФЕБУСЪ *(тихо.)*

Онъ ничего не знаетъ.

МОЛЕ.

Какъ, г. Адольфъ, вы еще здѣсь?

АДОЛЬФЪ.

Извините меня, я полагалъ, что Г-жа Бернаръ вамъ объяснила; это анонимное письмо писалъ вовсе не я!

ФЕБУСЪ.

Не онъ, не онъ!

ТЕОДОРЪ.

Да что этотъ-то мѣшается?

МОЛЕ.

Молчи, дьяволъ.

ФЕБУСЪ.

Молчи, дья... *(въ сторону.)* Невольно хочется назвать чортомъ. *(Вслухъ.)* Когда дѣвица Бернаръ принимаетъ такое участіе, и если Г-жа Полина его такъ любитъ?

ПОЛИНА *(скоро.)*

И очень давно! *(Вдругъ останавливается.)*

ФЕБУСЪ.

Сколько я замѣтилъ, и молодой человѣкъ ищетъ ее, а не богатства.

БЕРНАРЪ.

Богатства! Развѣ братецъ обязанъ ей дать богатство?

МОЛЕ *(радостно.)*
Сестрица! Вы рѣдкая дама... дѣвица... хотѣлъ я сказать, которую я всегда уважалъ, а теперь...

ТЕОДОРЪ.
Я не позволю этого!

МОЛЕ *(выталкиваетъ его въ дверь!)*
Я тебѣ такого дамъ: не позволю. Вонъ отсюда!

ФЕБУСЪ.
Подите сюда, г. Адольфъ и г-жа Полина. Я васъ соединяю, да будетъ надъ вами мое благословеніе *(тихо Адольфу.)* 100 франковъ за вами. *(Вслухъ.)* Поблагодарите за все это почтенную дѣвицу Бернаръ.

(Всѣ, за исключеніемъ Фебуса и г-жи Моле, окружаютъ Бернаръ и благодарятъ.)

МОЛЕ.
Сестрица!

АДОЛЬФЪ И ПОЛИНА.
Тетушка!

БЕРНАРЪ.
Что съ нимъ сдѣлалось?

МОЛЕ.
Въ моемъ порукой уваженьи
Вамъ всѣ домашніе мои,
Примите дружбы увѣренье
И брата искренней любви.
(Въ сторону) Душа меня не обманула.

Г-ЖА МОЛЕ *(тихо Фебусу)*
Да растолкуйте это все.

ФЕБУСЪ *(тихо.)*
Ошибкой какъ-то вѣтромъ сдуло
Бездѣлку вашу на нее.

Г-ЖА МОЛЕ.
А!

ФЕБУСЪ.
О! *(тихо)* 25 луидоровъ за вами!

Г-ЖА МОЛЕ *(даетъ свертокъ.)*
Возьмите!

МОЛЕ *(тихо Фебусу.)*
Молчи, пожалуйста, на мой счетъ.

ФЕБУСЪ.
А что вы заплатите? *(Моле даетъ ему тихо кошелекъ.)* Покорно благодарю! *(Бернаръ.)* За вами за собаченку; ну, я зайду послѣ. *(Раскланиваясь.)* Г. Моле и компанія, позвольте вамъ засвидѣтельствовать мое почтеніе. *(Въ сторону.)* Сегодня же покупаю домъ!

Не знаю я, на долго ли прощаюсь,
И потому рѣшаюся сказать:
Я 20 лѣтъ тружуся и стараюсь,
Чтобъ публикѣ почтенной угождать.
Когда у насъ могли повеселиться,
Когда вы всѣ довольны были мной,
И такъ прошу со мною расплатиться
Безъ барыша, хоть крайнею цѣной.

НЕКРОЛОГІЯ.

ВАСИЛІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

САМОЙЛОВЪ.

(Посвящается его памяти).

I.

Едва ли гдѣ, торговое сословіе принесло отечественному своему театру столько пользы и славы, какъ Русское купечество. Оно дало основателя нашего театра Ѳед. Григ. Волкова (род. 1729 г., ск. 1763 г.) О немъ фонъ Визинъ сказалъ: «Волковъ былъ мужъ «глубокаго разума, исполненный «достоинствъ; онъ имѣлъ большія «знанія и могъ бы быть человѣ«комъ государственнымъ,» Изъ купеческаго сословія произошли наши сценическіе геніи: Пет. Алек. Плавильщиковъ (род. 1760, ум. 1812 г.) Алек. Семен. Яковлевъ (род. 1773, ум. 1817 г.) Этому сословію обязаны мы незабвеннымъ артистомъ — человѣкомъ, Василіемъ Михайловичемъ Самойловымъ.

Родитель его былъ Московскій купецъ. Онъ управлялъ фабриками мануфактуриста Колокольникова.

Василій Михайловичъ родился 6 Апрѣля 1782 года; не достигши еще 10-ти лѣтняго возраста, онъ помогалъ уже отцу своему въ его занятіяхъ: ѣздилъ съ товарами на ярмарки; потомъ былъ сидѣльцемъ въ лавкѣ. Грамотѣ выучился онъ у какого-то пономаря. Не смотря на то, что порученія по торговлѣ онъ исполнялъ съ усердіемъ и врожденною ему честностію, душа у него, какъ говорится, не лежала къ торговому промыслу. Какое было для него наслажденіе, вечеромъ, *сбросивъ съ плечъ рыночное бремя* (1), читать какую нибудь книгу, или, уйдя подалѣе отъ дома, напѣвать свои любимыя пѣсенки. У Колокольникова былъ свой хоръ пѣвчихъ; лучшимъ изъ нихъ былъ Самойловъ. Страсть къ музыкѣ и пѣнію проявилась въ немъ еще на 10 году его возраста, и вотъ какъ это случилось: услышавъ впервые звуки кларнета, Самойловъ *обомлѣлъ*; *какая то искра пробѣжала по всѣмъ его суставчикамъ*. Онъ

(1) Слова, напечатанныя курсивомъ — слова Василія Михайловича.

познакомился съ музыкантомъ, игравшимъ на этомъ инструментѣ, со слезами умолялъ виртуоза—самоучку *поучить его на дудкѣ*. Кларнетистъ, видя настойчивость ребенка, охотно на сіе согласился. Съ этого времени Самойловъ каждую ночь *спалъ и видѣлъ*, какъ бы ему дождаться утренней зари. На разсвѣтѣ со всевозможною осторожностію, боясь разбудить домашнихъ своихъ, а болѣе дворовыхъ собакъ, пробирался онъ тайкомъ чрезъ заборъ къ своему музыкальному учителю, а отъ него уже отправлялся *официально* къ пономарю-грамотѣю. Пономарь этотъ, пройдя съ нимъ нѣсколько строкъ Часослова, посылалъ его обыкновенно на колокольню звонить къ заутренѣ. Съ колокольни Самойловъ сходилъ въ церковь, гдѣ пѣлъ на клиросѣ. Когда онъ пѣлъ, душа его была *выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго*; когда возвращался въ лавку, къ дневнымъ своимъ занятіямъ, *бѣдная душенька падала въ омутъ барышничества*. Въ послѣдствіи избранное общество Московское стекалось въ церковь Св. Никиты Мученика, гдѣ пѣлъ Колокольникова хоръ, чтобъ восхищаться голосомъ Самойлова. Съ этого же времени начинается его извѣстность въ музыкальномъ мірѣ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Московскій театръ увидѣлъ въ Самойловѣ свою надежду, предугадывалъ въ немъ свою славу. Извѣстному артисту Померанцову поручено было пріобрѣсть для сцены развивавшійся талантъ Самойлова. Въ то время Московская опера не имѣла тенора, сколько нибудь достойнаго сопрано Сандуновой. Однажды, во время репетиціи, вбѣгаетъ въ залъ Померанцевъ, разстроенный, въ слезахъ: «Вотъ вамъ Васинька! (такъ называлъ онъ любимца своего Самойлова) вскричалъ Померанцевъ, махнувъ рукою. » Соловушко улетѣлъ въ Питеръ!»

II.

Самойловъ точно уѣхалъ, едва ли не ушелъ, въ Петербургъ. Говоримъ, ушелъ, потому что онъ могъ смѣло повторить слова одного философа: Omnia mea mecum porto, т. е. все свое имѣніе несу съ собою. Что же привело его въ сѣверную столицу?—Увѣренность въ томъ, что онъ избавится отъ побоевъ за любовь его къ театру, увѣренность, что тамъ найдетъ людей, которые поймутъ страсть его къ изящному, которые дадутъ ему средство удовлетворить эту страсть. Онъ не ошибся.

Въ Петербургѣ Самойловъ познакомился съ лицами, составлявшими знаменитый, въ то время, капитульскій хоръ. Чрезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ этомъ хорѣ; еще нѣсколько дней, и о тенорѣ Васильѣ Михайловича заговорила столица. Въ одинъ праздничный день, пріѣхалъ въ церковь Капитула Директоръ театровъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Самойловъ пропѣлъ соло въ какомъ-то концертѣ, и этого довольно, и Самойлову предложено вступить на Императорскій театръ. Скромность и робость—подруги истиннаго таланта, не позволили ему принять вдругъ этого предложенія; онъ испросилъ позволенія пріуготовить себя для сцены. Для этого назначено полгода.

Онъ былъ уже тогда знакомъ

съ Дмитревскимъ и Крутицкимъ. Артисты сіи, достойные вполнѣ этого имени, радушно руководствовали юный талантъ, и словомъ и дѣломъ. Василій Михайловичъ всегда со слезами благодарности вспоминалъ объ этомъ и говаривалъ: *братецъ-сударикъ* (2), *да эдакихъ людей, каковы были Иванъ Афанасьевичъ* (Дмитревскій) *и Антонъ Михайловичъ* (Крутицкій), *нынче днемъ съ огнемъ не сыщешь.*

Чрезъ полгода, Самойловъ, не рѣшаясь еще на дебюты, упросилъ Ал. Л. Нарышкина позволить ему *для испытанія храбрости пропѣть на сценѣ что нибудь легонькое.* Для этого назначили дуэтъ, въ драмѣ: «Судъ Царя Саломона». Дуэтъ сей пропѣлъ онъ (21 Мая 1803) съ г-жею *Черниковою, съ тою* самою, съ которою потомъ онъ провелъ 34 года *припѣваючи!*

Въ первый свой дебютъ, Самойловъ съигралъ роль Инфанта въ оперѣ: «Рѣдкая вещь» (14 Іюня 1803). Для втораго дебюта повторена эта піеса. Въ третій его дебютъ данъ былъ Оберонъ; онъ игралъ въ немъ Хіона, Не смотря на то, что во всѣ эти дебюты робость, долго и потомъ не оставлявшая Самойлова, наводила тускъ на невыразимо-пріятный теноръ его, публика умѣла оцѣнить юнаго, неопытнаго пѣвца, заставивъ его, въ первый его дебютъ, повторить почти всю партію Инфанта. Скоро Самойловъ привыкъ къ сценѣ. Скоро для полноты театральной кассы онъ сдѣлался необходимымъ, до того, что въ первый годъ сценическаго своего поприща онъ съигралъ около 70 разъ. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что въ то время годовой репертуаръ нашъ едва ли состоялъ изъ 150 спектаклей Самойловъ игралъ не только почти во всѣхъ операхъ, но и во многихъ драмахъ и комедіяхъ, и всѣ свои роли украшалъ своимъ талантомъ.

Припомнимъ по возможности тѣ изъ оперныхъ ролей, которыя онъ создалъ (хотя нѣкоторыя изъ нихъ были играны, прежде его, другими актерами), и которыми пріобрѣлъ бы онъ лестную извѣстность на любомъ Европейскомъ театрѣ. Ихъ было много, весьма много: Видостана (въ Русалкѣ, 1, 2, 3 и 4 частяхъ). Всеслава (въ Князѣ Невидимкѣ). Графа (въ Любовной почтѣ). Исуфа (въ Калифѣ Багдадскомъ). Владисила (въ Ильѣ богатырѣ). Нурзахада (въ піесѣ того же имени). Мендоза (Двое слѣпыхъ въ Толедѣ). Изура (Три брата горбуны). Днѣстрова (Все дѣло въ окошкахъ). Любима (Домовые). Джалиндо (Содержатель театра). Валера (Тайна). Каролина (Чудаки). Милорда (Италіянка въ Лондонѣ). Флорваля (Одна шалость). Форлиса (Турецкій лекарь). Адольфа (Адольфъ и Клара). Барона (Мельничиха). Раймона (Монтенегрскій замокъ). Юрку (Эмерикъ, или Венгерцы). Любима (Старинныя Святки). Любосмѣхова (Мнимый невидимка). Каватини (Буфъ и портной). Едмонда (Ельвина). Алберти (Камилла). Зюльнара (Зораима и Зюльнаръ). Рамира (Сандриліона). Болеслава (Лодоиска). Якова (Швейцарское семейство). Вержи (Рауль, синяя борода). Братоубійца (въ оперѣ того же названія). Монтемара (Алина, Королева Голкондская). Корадина

(2) Такъ называлъ онъ тѣхъ, кого любилъ и уважалъ.

(Эфрозина и Корадинъ). Рожера (Аталла и Терпсихора). Замойскаго (Фаниска). Монтинье (Саржинъ). Полиника (Эдипъ въ Колонѣ). Якова (Сумбурщица жена.) Каспара (Волшебный стрѣлокъ). Данiила (Цампа.)

Самойлова не стало; но память о немъ сохранится не токмо въ благодарныхъ сердцахъ современныхъ ему Русскихъ меломановъ: но достигнетъ дальнѣйшаго ихъ потомства. Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ роляхъ Самойлова, которыя возложили на талантъ его вѣнецъ неувядаемый.

Миловзоръ (Оборотни, комическая опера, музыка Париса). Въ этой роли три характера: молодаго образованнаго любовника, стряпчаго-поэта и пьянаго трактирщика. Въ Миловзорѣ Самойловъ въ первый разъ (1808 г.) показалъ разнообразіе своего таланта. Восхищеніе публики дошло тогда до Геркулесовыхъ столбовъ.

Павелъ (Павелъ и Виргинія, муз. Крейцера) Пламенная любовь осмнадцати - лѣтняго сына природы къ 16-лѣтней красавицѣ, не знакомой, съ приличіями большаго свѣта, изображена была въ совершенствѣ нашимъ артистомъ. Въ особенности онъ былъ изященъ въ сценахъ, когда разлучаютъ Павла съ Виргиніею, и когда Павелъ, спасши Виргинію изъ волнъ, предается восторгу увѣнчанной полудикой своей страсти.

Пламенъ (Изступленный, муз. Бертона). Пламенъ проигралъ все свое имѣніе, и приходитъ въ изступленіе, и въ бѣшенствѣ хочетъ лишить себя жизни; но счастливый случай не только удерживаетъ Пламена отъ этого намѣренія, но даже возвращаетъ ему жену, которую онъ считалъ утонувшею, и деньги, которыя онъ проигралъ. Въ этой роли Самойловъ, казалось, превосходилъ самаго себя, также какъ въ роли Симеона (Іосифъ, муз. Мегюля), Симеона, который, продавъ въ неволю брата своего, раскаивается въ семъ поступкѣ. Терзанія совѣсти разрываютъ сердце его, да и кто оставался хладнокровнымъ, когда Симеонъ устами Самойлова восклицалъ: «Не могу заглушить воплей моего сердца! Я вижу ангела — мстителя! Онъ призываетъ меня . . Онъ влечетъ меня предъ престолъ грознаго Судіи!»

Опера Иванъ Сусанинъ, исполненная патріотическихъ мыслей, украшенная музыкою Кавоса и талантами Злова и Самойлова, много выдержала самыхъ блистательныхъ представленій. Нѣкоторые изъ читателей нашихъ помнятъ еще игру въ этой піесѣ Самойлова. Онъ игралъ Матвѣя крестьянина, содѣйствовавшаго въ оперѣ Сусанину спасти родоначальника Благословеннаго Дома *Романовыхъ*. Всю эту роль онъ велъ съ искусствомъ невыразимымъ. Слѣдующіе стихи, пѣтые Самойловымъ, не однократно повторялись по требованію публики:

Чужеземцамъ не достанется
Русскимъ Царствомъ николи владѣть.

На вопросъ Поляковъ, ищущихъ *Михаила Өеодоровича*: гдѣ онъ? Матвѣй отвѣчаетъ;

Его ищите
Въ сердцахъ у насъ!

Этотъ отвѣтъ отзывался въ сердцахъ зрителей-слушателей и всегда сопровождался залпами рукоплесканій и крикомъ ура. Если кто намъ замѣтитъ, что стихи сіи сами по себѣ доходчивы до души чисто Русской, то вполнѣ со-

глашаясь съ этимъ, осмѣлимся однако жъ спросить г. замѣчателя: отъ чего же эти самые стихи, пропѣтые послѣ Самойлова другими не безъ талантными артистами, не производили того эфекта.

Римскій полководецъ Лициній, отправясь въ походъ противъ Галловъ, оставилъ въ отчизнѣ своей невѣсту. Чрезъ пять лѣтъ возвратясь на родину, узналъ, что невѣста эта сдѣлалась Весталкою, безъ сомнѣнія противъ своей воли. Почему она, увидѣвъ Лицинія, отдалась ему не мѣшкая, а хранимый сю огонь Весты погасъ; за это жрецы и жрицы осудили ее на смерть; но во вниманіе къ отлично ревностной службѣ Лицинія, простили невѣсту его, и верховный жрецъ провозгласилъ имъ:

О вы, мои друзья,
Окончите стенанья,
И въ честь любви прямой обѣты сотворя,
Идите въ радостяхъ забыть свои страданья.

А прочіе жрецы и жрицы приплясывая запѣли, въ честь невѣсты.

Пѣсни, утѣхи,
Радости, смѣхи,
Здѣсь безъ помѣхи
Счастливьте нашу часть!
Воздухъ, свѣжися,
Природа, живися,
Любви познавши власть.

Нѣтъ сомнѣнія, что вы, милостивыя государыни и милостивые государи, догадались, что здѣсь рѣчь идетъ объ оперѣ Спонтини Весталка. Въ этой оперѣ Лицинія игралъ Самойловъ. Партія Лицинія считалась, во время оно, одною изъ труднѣйшихъ партій на Французской и Нѣмецкой сценахъ, а на Русской она превзошла ихъ трудностію. Вся опера переведена стихами, которые не токмо пропѣть, но и выговорить трудновато: напримѣръ, возьмемъ что нибудь на удачу изъ роли Лицинія.

Я къ славѣ путь сыскалъ побѣдой надъ врагами;
Чрезъ пять лѣтъ предстою въ лицѣ героя съ вами;
Въ мечтаньяхъ сладостнѣй казался счастья слѣдъ,
Жестокой оборотъ. Се роза жертва!
Родителя чтя власть, здѣсь Юлія полмертва
Любови пламенной нарушила обѣтъ.

Талантъ Самойлова превозмогалъ сіи трудности, и публика всегда наслаждалась въ этой оперѣ игрою и пѣніемъ своего любимца.

Жокондъ (въ оперѣ того же имени), Баронъ Адольфъ (въ оперѣ Красная шапочка) — это два типа волокитъ. Жокондъ разскажетъ вамъ самъ о себѣ.

По свѣту долго я скитался;
Любить, вздыхать не уставалъ:
То за бѣлянками гонялся,
То вдругъ смуглянокъ обожалъ.

Жокондъ любилъ и обманывалъ красавицъ высшаго круга, а если когда увивался около крестьяночки, то это было только для того, чтобъ возбудить ревность въ какой нибудь графинѣ или баронессѣ. А Адольфъ, о это былъ любезникъ 1040 года. Онъ ухаживалъ единственно за поселянками. Въ этихъ двухъ роляхъ Самойловъ былъ очарователенъ.

Одинъ изъ Французскихъ критиковъ сказалъ, въ 1813 году, что напрасно Чимарозо хлопоталъ объ оперѣ Гораціи и Куріаціи, напрасно онъ написалъ для нее музыку, исполненную энергіи и пріятности: опера эта не имѣла въ Парижѣ успѣха. Отъ чего же эта самая опера на Русской Петербургской сценѣ заслужила общее одо-

бреніе?—Отъ того, что главныя въ ней роли занимали (Сандунова Камилла) и Самойловъ (Маркъ Горацій);

Самойловъ исполнялъ всю роль (Ромео и Юлія) съ свойственнымъ ему искусствомъ; но въ сценѣ, когда Юлія возстаетъ изъ гроба, искусство это становилось природою: какой то неизъяснимый трепетъ, поражалъ нашего артиста. Трепетъ сей сроднился въ душою его давнымъ давно. Самойловъ находился еще въ Колокольниковомъ хорѣ, хоръ этотъ былъ приглашенъ на отпѣваніе молодой купчихи Ямц. . . Въ то время, когда запѣли: »Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть« Ям., находившаяся въ летаргическомъ снѣ, проснулась и поднялась изъ гроба. Эта минута осталась на всегда въ памяти Василья Михайловича и живо представлялась его воображенію въ той сценѣ, когда мнимо умершая Юлія простираетъ къ Ромео объятія, и сцена сія производила на зрителей ужасъ и восторгъ.

Въ началѣ Января 1822 года, Самойловъ сталъ посѣщать, и довольно часто, домъ ума-лишенныхъ. Онъ встрѣтилъ тамъ отца семейства, помѣшавшагося отъ оскорбленій, причиненныхъ ему дерзкою непокорностію сына, имъ облагодѣтельствованнаго. Самойловъ изучалъ мимику и пріемы лишеннаго разсудка старца, хотя сердце нашего добраго семьянина-артиста обливалось кровію при видѣ этого несчастнаго. Самойловъ приготовлялъ тогда роль Сеймура, въ оперѣ: Отецъ и дочь. Сеймуръ, богатый Ирландскій купецъ, имѣлъ единственную дочь, которая, увлеченная безразсудною страстію, оставила родительскій домъ, и бѣжала съ своимъ обольстителемъ. Этотъ поступокъ страстно любимой дочери лишилъ Сеймура разсудка. Кто, видѣвъ Самойлова въ этой роли, оставался безчувственнымъ къ судьбѣ несчастнаго отца? Кто не пролилъ слезъ, когда Сеймуръ, въ лицѣ Самойлова, цѣлуя цѣпь, которою онъ былъ прикованъ въ больницѣ сумасшедшихъ, говорилъ: Посмотри, посмотри на эту прекрасную гирланду! Она мнѣ ее подарила; да, да, дочь любимая дочь, мною обожаемая, подарила мнѣ ее! . . . О! какъ она меня любила! Эти розы нарваны ею! Этотъ вѣнокъ сплела мнѣ она, она сама!

Въ оперѣ Херубини «Водовозъ» Самойловъ игралъ прежде Графа Армана, а потомъ Водовоза. Сію послѣднюю роль занималъ въ Петербургѣ, на Французской сценѣ, Дюкруаси, на Русской Зловъ, и вся образованная публика восхищалась ими. Самойловъ игралъ эту роль послѣ ихъ, и не смотря на то, что она была не въ его амплуа, онъ всегда заслуживалъ ею полное одобреніе безпристрастныхъ сценическихъ судей.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ здѣсь ролей, нужно ли говорить, что Самойловъ былъ совершенъ въ Барбастро (Нѣмой въ горахъ Сіерры-Марены) и въ Моцартовомъ Донъ-Жуанѣ?

Кромѣ оперъ, Самойловъ часто пѣвалъ при Высочайшемъ Дворѣ, въ домахъ вельможъ и въ публичныхъ концертахъ. По случаю пріѣзда въ С. Петербургъ въ 1822 Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, были даны при Дворѣ шарады въ лицахъ. Въ одной изъ этихъ шарадъ участвовалъ и Василій Михайловичъ. Къ несча-

стію, робость, какъ мы и выше сказали, не оставляла его никогда. Онъ въ то время оробѣлъ такъ, что не могъ пропѣть куплетовъ, твердо имъ заученныхъ. Это разстроило его до того, что, пріѣхавъ домой, онъ тяжко заболѣлъ. Начавъ поправляться отъ болѣзни, шелъ онъ по набережной Фонтанки. Вдругъ встрѣчается ему Императоръ Александръ I. Самойловъ смутился, но Благословеный, успокоивъ его обычною своею ангельскою улыбкою, спросилъ его о здоровьи. Царскій привѣтъ — бальзамъ для души подданному! *Всю болѣзнь какъ рукою сняло.*

Кромѣ многочисленныхъ подарковъ, полученныхъ Васильемъ Михайловичемъ отъ Царскаго Дома, двое сыновей его воспитывались по Высочайшему повелѣнію въ Горномъ корпусѣ, на казенномъ содержаніи. Въ 1817 году для излеченія болѣзни отправленъ онъ былъ въ Ригу, и выдано ему для сего отъ щедротъ Монаршихъ 4000 рублей.

III.

Читатели наши видѣли Васильа Михайловича смышленымъ ребенкомъ, плохимъ торговцемъ, геніяльнымъ артистомъ; конечно, пріятно имъ будетъ взглянуть на него, какъ на добраго семьянина, какъ на истиннаго Христіанина,

На двадцать второмъ году своего возраста, Василій Михайловичъ, со всѣмъ пыломъ первой страсти влюбился въ воспитанницу С. П. б. Театральнаго Училища Софью Васильевну Черникову, дѣвицу пріятнѣйшей наружности и талантливую. Она не могла смотрѣть холодно въ пламенные глаза Самойлова, на рѣзкія, но привлекательныя черты лица его, на прекрасный его станъ, не могла безъ обаянія слышать пѣнія его, отъ котораго трепетала восторгомъ душа даже прихотливыхъ дилетантовъ. Удивительно ли, что душа 18-лѣтней дѣвушки отдалась безусловно юношѣ — красавцу. Свадьба ихъ встрѣтила затрудненіе. За Черникову сватался композиторъ Д . . . въ; родители ея, по обыкновенію, искали для дочери своей мужа съ состояніемъ; состояніе же Василья Михайловича все состояло въ его голосѣ, слѣдственно, всѣ голоса были въ пользу Д. . . ва. Самойловъ доходилъ до отчаянія до изступленія. Взаимно пламенная любовь превозмогла все — ихъ обвѣнчали Октября 1805 года. Бракъ этотъ небо благословило многочисленнымъ семействомъ. Василій Михайловичъ ничего не щадилъ для высшаго образованія своихъ дѣтей. Правило его было: *Клади дѣтямъ капиталъ въ голову, а не въ карманъ: никогда не пойдутъ по міру!*

Домъ его былъ всегда открытъ для его товарищей, конечно, не для всѣхъ, потому что между ими были такіе, которые . . *но Богъ съ ними, въ семьѣ не безъ урода, а нашъ театральный людъ семейка препорядочная!*

Многіе изъ Русскихъ литераторовъ посѣщали Василья Михайловича, и онъ всегда принималъ ихъ радушно, повторяя поговорку: *Не будь гостю запасливъ, а будь ему радъ.*

Бесѣда Самойлова была пріятна для опытныхъ и поучительна для молодыхъ актеровъ. Въ тридцати-шести-лѣтнюю свою службу *на театральныхъ доскахъ* многаго насмотрѣлся, многаго наслушался онъ.

За два года до кончины своей, Василій Михайловичъ измѣнился въ характерѣ, сдѣлался задумчивъ, и, говоря часто о смерти, повторялъ: *Что вы ни толкуйте, а я не желалъ бы умереть дома.* На вопросъ: отъ чего? онъ отвѣчалъ: *А вотъ отъ чего! Начни ка умирать дома, окружатъ тебя и жена и дѣти, изволь прощаться съ ними! Хоть зависть грѣхъ, а нечего дѣлать, позавидуешь воину, у котораго на полѣ чести ядро снесетъ голову, да такъ живо, что онъ не успѣетъ и поклониться ему.*

Василій Михайловичъ постоянно посѣщалъ храмы Господни и нерѣдко, по страсти къ церковному пѣнію, пѣвалъ на клиросѣ. Ревностный сынъ Церкви, онъ приносилъ ей въ даръ талантъ свой. Съ давняго времени питалъ онъ мысль посвятить себя Богу. Онъ уже. рѣшился, устроивъ судьбу двухъ младшихъ своихъ дѣтей, *войти на вѣки въ обитель Св. Сергія.* Намѣреніе это, хотя иначе, но исполнилось.

Василій Михайловичъ пристрастился къ поѣздкамъ водою, до того, что едва вѣтеръ станетъ свѣжать, онъ бросается въ свою лодку и пускается на взморье. Насталъ роковой для него день— 11-е Іюля. Раннимъ утромъ отправился онъ, на своей лодкѣ, въ Сергіевскую пустыню (въ 15 верст. отъ Петербурга), слушалъ тамъ обѣдню. Въ это время небо покрылось тучами, вѣтеръ крѣпчалъ, болѣе и болѣе, все предвѣщало непогоду. Василій Михайловичъ одинъ радовался этому: мысль, что *на крылахъ бури долетитъ* онъ домой, восхищала его. Ни просьбы, ни увѣщанія знакомыхъ ему изъ монашествующей братіи, не могли его остановить. Не прошло десяти минутъ, какъ онъ отчалилъ отъ берега, страшный шквалъ набѣжалъ на лодку его, и его не стало. 16 Іюля тѣло Василья Михайловича найдено, а 17 предано землѣ въ Сергіевской пустынѣ. Намѣреніе его исполнилось: *онъ вошелъ навѣки въ обитель Св. Сергія.*

Взглядъ на могилу его, на могилу геніяльнаго артиста, добраго гражданина и истиннаго Христіанина, напомнилъ намъ слѣдующіе стихи одного изъ Нѣмецкихъ поэтовъ.

Es ist eine Herberg uns Allen bestellt
Von dem größten der Meister auf dieser Welt,
Es ist ein Kämmerchen eng und klein,
Doch ruht es sich drinnen so sanft und fein.

РЕПЕРТУАРЪ
С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.
1839 года,
Съ 1 по 31 Октября.

С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1. Октяб. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д.

2 *Бол. т.* Велизарій, опе. въ 3 д. Мельники, бал. въ 2 д.

Ал. т. Сцены въ Москвѣ, дра. пред. въ 2 д. Узкіе башмаки, вод. въ 1 д. Любовное зелье, вод. въ 1 д.

3. *Ал. т.* Фебусъ, ком.-вод. въ 2 д. Полюбовная сдѣлка, ком.-вод въ 1 д. Голубой токъ, ком. въ 1 д. Женскій умъ, дра. посл. въ 1 д.

4. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д. (г-жа Тальони.)

5. *Ал. т.* Сцены въ Москвѣ, дра. пред. въ 2 д. Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 д. Знакомые незнакомцы, ком.-вод. въ 1 д.

6. *Бол. т.* Робертъ, опе. въ 5 д. (90-е предст.)

Ал. т. Дочь бургомистра, опе.-вод. въ 2 д. Его превосходительство, ком.-вод. въ 1 д. Стаканъ холодной воды, вод. въ 1 д.

8. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д.

Ал. т. Усы, вод. въ 1 д. Деревенская простота, ком. въ 4 д. Юные романтики, Ан.-вод. въ 1 д. Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.

9. *Ал. т.* Сцены въ Москвѣ, дра. пред. въ 2 д. Елена, ком.-вод. въ 1 д. Титулярные совѣтники, вод. въ 1 д.

10. *Бол. т.* Велизарій, опе. въ 3 д. Дивертисементъ.

Ал. т. Гамлетъ, дра. пред. въ 5 д.

11. *Ал. т.* Пятнадцати-лѣтній король, ком. въ 2 д. Барышня крестьянка, ориг. вод. въ 2 д. Царство женщинъ, вод. въ 2 д.

12. *Бол. т.* Хромой колдунъ, панто. бал. въ 3 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

24. Сентяб. *Бол. т.* Транжиринъ, ком. въ 3 д. Дивертисементъ.

25 *Бл. т.* Невѣста Лунатикъ, опе. въ д. Дивертисементъ.

26. *Бол. т.* Дездёмона и Отелло, тра. въ 5 д.

28. *Бол. т.* Фра-Діаволо, опе. въ 3 д. (Съ г-жею Каплинской 1-й)

29. *Бол. т.* Отецъ, какихъ мало, вод. въ 1 д. Енгувильской Нѣмой, вод. въ 2. д. Розальба, бал. въ 3 д. (полубенефисъ г. Пѣшкова.)

1 Октября. *Бол. т.* Тоска по родинѣ. оп. въ 3 д. 5-й разъ.

2. *Бол. т.* Смерть или честь, дра. въ 5 д.

3. *Бол. т.* Енгувильской нѣмой, вод. въ 2 д. Розальба, бал. въ 3 д.

5. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, опе. въ 3 д. Жена кавалериста, вод. въ 1 д.

6. *Бол. т.* Первая любовь, вод. въ 1 д. Сильфида, бал. въ 2 д.

8. *Бол. т.* Урокъ матушкамъ, ком. въ 5 д. Онъ остепенился, вод. въ 1 д. Пріѣздъ жениха, интермед.

9. *Бол. т.* Принцъ-маляръ, опе. въ 2 д. Пажи Герцога Вандомскаго, бал. въ 1 д.

10 *Бол. т.* Дездемона и Отелло, дра. въ 5 д.

12. *Бол. т.* Робертъ, опе. въ 5 д.

12. *Ал. т.* Мальвина, ком. въ 2 д. Жена кавалериста, ком.-вод въ 1 д. Молодая мачиха, ориг. шут-вод. въ 1 д.

13 *Ал. т.* Димитрій Донской, тра въ 5 д. Архиваріусъ, ориг. вод. въ 1 д.

15. *Бо. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д.

Ал. т. Сцены въ Москвѣ, дра. пред. въ 2 д. Студентъ, Артистъ, шут.-опе. въ 2 д. Медвѣдь и Паша, шут.-вод въ 1 д.

16. *Ал. т.* Артуръ, дра. въ 2 д. Мудреное приключеніе. шут-вод. въ 1 д. Новая шалость, опе.-вод. въ 1 д (въ пользу Афанасьева.)

17. *Ал. т.* Уголино, драм. въ 5 д.

18. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.

Ал. т. Пажъ арестантъ, вод. въ 1 д. 1-е пред. Мельника, ком. въ 1 д. Деревенская простота, ком. въ 4 д. Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Шотландскіе Пуритане. опе. въ 3 д. (въ пользу г-жи Соловьевой.)

Ал. т. Артуръ, драм. въ 2 д. Мудреное приключеніе, шут.-вод. въ 1 д. Новая шалость, опе.-вод. въ 1 д.

20. *Бол. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 1 д. Два слова, опе. въ 1 д.

Ал. т. Алый башмачекъ, прологъ въ 1 д. Эсмеральда, драм. въ 5 д. Усы, вод. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д.

Ал. т. Кремневъ драм. пред. въ 3 д. Двѣ женщины, вод. въ 1 д. Полюбовная сдѣлка, вод. въ 1 д.

23. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.

Мих. т. Тридцать лѣтъ игрока, драм. въ 3 сут. Хороша и дурна, вод. въ 1 д.

24. *Ал. т.* Архиваріусъ, ориг. вод. въ 1 д. Отецъ, какихъ мало, вод. въ 1 д. Жена кавалериста, ком. вод. въ 1 д. Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.

25. *Бол. т.* Робертъ, опе. въ 5 д.

Ал. т. Король Лиръ, траг. въ 5 д. Царство женщинъ, вод. въ 2 д.

26. *Ал. т.* Сцены въ Москвѣ, дра. въ 2 д. Новая шалость, опе.-вод. въ 1 д. Мудреное приключеніе. шут.-вод. въ 1 д.

27. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д. 2-е д. опе. Севильскій цирюльникъ.

Ал. т. Артуръ, дра. въ 2 д. Мерь по выбору, ком.-вод. въ 1 д. Она помѣшана, дра. въ 2 д. Заемныя жены, ком.-вод. въ 1 д.

29. *Бол. т.* Велисарій, опе. въ 3 д Дезертеръ, бал. въ 4 д.

Ал. т. Дѣдушка Русскаго флота, истор. быль, въ 1 д. Узкіе башмаки, вод. въ 1 д. Его превосходительство, ком.-вод. въ 1 д. Покойникъ мужъ, вод. въ 1 д.

30. *Ал. т.* Подмосковныя проказы, вод. въ 1 д. Гусарская стоянка, вод. въ 1 д. Роковая почта, вод. въ 1 д. Таинственный гость вод. въ 1 д.

30. *Бол. т.* Робертъ, больш. опе. въ 5 д.

31. *Ал. т.* Велизарій, драм. въ сти. въ 5 д.

13. *Бол. т.* Домъ на Петерб. сторонѣ, вод. въ 1 д. Жена Артиста, дра. въ 2 д. Цыганы, дра. въ 2 д. 1-е представленіе Мельника колдуна, ком. въ 1 д. Мерь по выбору, вод. въ 1 д. (полубенефисъ г-жи Орловой)

15. *Бол. т.* Король Лиръ, траг. въ 5 д. Праздникъ жатвы. Дивертисементъ.

16. *Бол. т.* Дѣва Дуная бал. въ 2 д (18-й разъ) Жена Артиста, дра въ 2 д.

17. *Бол. т.* Ревизоръ, ком. въ 5 д. Дивер.

19. *Бол. т.* Аскольдова могила, опе. въ 4 д.

20. *Бол. т.* Рука Всевышняго, дра. въ 5 д. Утро столѣтняго старика, интерм. въ 1 д. (бенефисъ инвалидамъ.)

22. *Бол. т.* Дѣдушка Русскаго флота, дра. въ 1 д. Трусъ, вод. въ 1 д. Цыганы дра. въ 1 д. Мерь по выбору, вод. въ 1 д. съ танцами.

23. *Бол. т.* Невѣста, опер. въ 3 д. Домъ на Петер. сторонѣ, вод. въ 1 д.

24. *Бол. т.* Уголино, дра. въ 5 д.

26 *Бол. т.* Баядерка, опе. въ 2 д. Мельникъ, ком. въ 1 д.

27. *Бол. т.* Кремневъ, дра. въ 3 д. Барышня крестьянка, вод. въ 2 д. Имянины Секретаря, инт. въ 1 д.

АРТУРЪ,

или

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ПЕРЕВ. СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Л. Л.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛОРДЪ - МЕЛЬВИЛЬ, Адмиралъ Англійской службы... г-нъ Каратыгинъ 1.
СИРЪ АРТУРЪ. ... г-нъ Максимовъ 1.
ЖЕРОМЪ ДЮФЛО, французъ, прежде торговавшій табакомъ... г-нъ Аѳанасьевъ.
ДЖОНЪ, рыбакъ, прежде бывшій матросомъ............. г-нъ Третьяковъ.
МАРІЯ............. г-жа Каратыгина 1.
КИТТИ, жена Джона. г-жа Волкова 1.

Слуга, рыбаки, матросы, рабочіе люди, жены рыбаковъ, пассажиры съ разбитаго корабля.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи, въ первомъ актѣ — на берегу Портсмута, во второмъ въ замкѣ Мельвиль.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Берегъ моря. Во глубинѣ видна новая рыбачья барка. Направо хижина рыбака, на крышѣ которой воткнута ёлка — знакъ таверны; проѣзжая большая дорога.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ДЖОНЪ, РАБОТНИКИ, ПОТОМЪ КИТТИ.

ДЖОНЪ

Ну, слава Богу: моя барка совсѣмъ —любо глядѣть—съ иголочки! *(кличетъ)* Эй, жена! Добрый кувшинъ пива работникамъ. Молодцы, дай, Богъ имъ здоровья!

КИТТИ *(выходитъ изъ хижины, съ кувшиномъ и стаканами.)*

Сейчасъ, сейчасъ, ребятушки.

ХОРЪ.

Прочь отъ насъ печаль, забота!
Вспѣнимъ кружки мы виномъ.
Наша кончена работа,—
Веселиться мы начнемъ!

Ну дружнѣй.
Веселѣй,

Вспѣнимъ кружки мы полнѣй!

(чокаются стаканами и пьютъ.)

ДЖОНЪ.

Ну, теперь вольно! веселитесь, сколько хотите, пока церемонія не начина-

лась: вы знаете, тотъ новорожденный... *(къ одному изъ работниковъ, очень дурной наружности)* Я говорю не про тебя, а про свою барку... этотъ новорожденный дожидается только своего крестнаго отца; а тамъ—отправляйся съ Богомъ гулять по бѣлому свѣту!

КИТТИ.

А вѣдь крестный отецъ будетъ лордъ Мельвиль, перъ Англіи, контръ-адмиралъ флота его величества: такихъ знатныхъ людей поискать да поискать. То-то счастіе, мой добрый Джонъ! *(Треплетъ его по щекѣ.)*

ДЖОНЪ.

А, да, не правда ли, жена? *(Къ работникамъ.)* И милордъ заплатитъ за ваше пиво, за ужинъ, за портеръ, за ромъ, за водку!.. Вы можете теперь цѣлый день распѣвать пѣсни и распивать бутылки.

(Повтореніе хора.)

(Работники уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

ДЖОНЪ, КИТТИ.

КИТТИ.

А что, мой добрый Джонъ! До какой чести мы дожили, а? Такой знатный, гордый милордъ...

ДЖОНЪ.

Да, вотъ видишь ты! Мало того, что уладилъ нашу свадьбу, онъ купилъ для насъ этотъ домикъ, а мы изъ него сдѣлали славную таверну, подарилъ намъ сѣти, барку, все-а? И это въ теченіе какихъ нибудь четырехъ или пяти лѣтъ, съ того дня, какъ я бросился въ воду, за этимъ маленькимъ шалуномъ Артуромъ: ему было тогда двѣнадцать лѣтъ, онъ и вздумай было покупаться въ морѣ...

КИТТИ.

Да, лордъ Мельвиль очень любитъ этого молодаго человѣка.

ДЖОНЪ *(съ притворнымъ равнодушіемъ.)*

Очень натурально—сирота, котораго онъ привезъ изъ чужихъ краевъ въ послѣднюю свою поѣздку. *(въ сторону)* Ужь не пронюхала ли она чего нибудь!

КИТТИ.

Сирота! Сирота! Болтай тутъ: — этакъ за чужими дѣтьми не ухаживаютъ! Коли на правду пошло, по мнѣ, такъ тутъ что нибудь да не даромъ.

ДЖОНЪ.

Э, вздоръ какой! Между ними нѣтъ никакого сходства.

КИТТИ.

Можетъ быть, онъ похожъ на мать.

ДЖОНЪ.

Вотъ еще, на мать! Какая мать? гдѣ она?

КИТТИ.

Ну, толкуй себѣ.

ДЖОНЪ.

Да, конечно: шила въ мѣшкѣ не утаишь! Было бы слышно что нибудь.

КИТТИ.

Экъ ты хватился! Вѣдь, чай, милордъ-то былъ молодъ, путешествовалъ въ Италіи, въ Германіи, во Франціи; тогда онъ не былъ такъ гордъ, и назывался просто сиръ Ліонель Бёрнетъ.

ДЖОНЪ.

Это правда, тогда еще былъ живъ покойный его дядюшка, который оставилъ ему свое имя и богатство; да что жъ изъ этого?

КИТТИ.

Да тоже, что онъ могъ найти какую нибудь красотку...

ДЖОНЪ.

Замолчи, — вотъ рыбаки наши идутъ изъ замка лорда Мельвиля; они ходили за сиромъ Артуромъ.

КИТТИ.

Да никакъ и онъ идетъ съ ними!... Да, вонъ! Подлѣ Джона Дигби. Экой молодецъ!

ДЖОНЪ.

Нечего сказать, хватъ будетъ: этако-

го молодца поискать во всемъ флотѣ нашемъ.

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТѢ ЖЕ, АРТУРЪ И РЫБАКИ.

ХОРЪ *(начинается за сценой.)*

Что за жизнь моряка!
Какъ привольна, легка!
О землѣ не грустимъ,
Словно птица летимъ —
По волнамъ, по морямъ —
Нынче здѣсь, завтра тамъ!..

АРТУРЪ.

Я морякъ ... хорошъ собою,
Мнѣ лишь двадцать лѣтъ:
Хочешь быть моей женою?..
Что жь она въ отвѣтъ?
Мужъ морякъ — уѣдетъ въ море
А жену оставитъ въ горѣ!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

(говоритъ).

А, такъ ты не хочешь?..

Вѣтеръ въ морѣ зашумѣлъ,
Парусъ полный забѣлѣлъ:
Ну прощай, ну прощай —
И какъ звали, поминай!..

(хоръ тотъ же.)

АРТУРЪ.

Я морякъ — хорошъ собою,
Мнѣ лишь двадцать лѣтъ:
Полюби меня душою —
Что жь она въ отвѣтъ?
Ты морякъ — уѣдешь въ морѣ,
Полюблю другаго съ горя.
Безъ любви веселья нѣтъ...

(говоритъ.)

Ты улыбаешься, плутовка....

Вѣтеръ въ морѣ зашумѣлъ,
Парусъ полный забѣлѣлъ —
Ну прощай, ну прощай,
И какъ звали, поминай!

КИТТИ.

Ваша пѣсня вовсе нехороша, сиръ Артуръ.

АРТУРЪ.

За то ты, моя красавица, прехорошенькая. *(Обнимаетъ ее.)*

КИТТИ.

Э, э, какой живой! Тотчасъ видно, что родился во Франціи.

ДЖОНЪ *(Артуру.)*

Нѣтъ, ужъ на что же, сиръ Артуръ! это слишкомъ...

АРТУРЪ *(не слушая его.)*

Здравствуй, здравствуй, мой добрый Джонъ! *(показывая на барку)* Эту-то голубушку надо окрестить. Хорошо, по крайней мѣрѣ плакать не станетъ...

КИТТИ.

Вы ужъ говорите о крещеніи, а гдѣжъ крестный-то?

АРТУРЪ.

Милордъ просилъ, чтобы я шелъ прежде его: онъ остался въ замкѣ— и съ часу на часъ поджидаетъ какихъ-то извѣстій, очень, кажется, для него важныхъ.

ДЖОНЪ.

Я увѣренъ, что это еще какое нибудь доброе дѣло: ужь я знаю его.

АРТУРЪ.

Вотъ люблю, что ты такъ говоришь, Джонъ: ты отдаешь ему справедливость; не то, что другіе—считаютъ его гордецомъ. Мнѣ очень пріятно, что ты такъ думаешь, и за это, надо поцаловать жену твою.

ДЖОНЪ.

Много благодаренъ, сиръ Артуръ.

КИТТИ *(въ глубинѣ сцены.)*

Молордъ, милордъ идетъ!

АРТУРЪ *(рыбакамъ.)*

Ну, ребята, шапки долой. *Ура* адмиралу.

ВСѢ.

Ура! Ура!

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢ ЖЕ, ЛОРДЪ МЕЛЬВИЛЬ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Спасибо, спасибо, братцы; здѣсь эта честь лишняя: мы не на кораблѣ.

АРТУРЪ.

Милордъ, чѣмъ меньше вы озабоче-

*

ны, тѣмъ вы кажетесь счастливѣе извѣстія, которыя вы ожидали . . .

МЕЛЬВИЛЬ.

Я получилъ ихъ, Артуръ,—и ты прочтешь ихъ въ слухъ.

(Отдаетъ ему бумаги въ пакетѣ.)

АРТУРЪ.

Я , милордъ?

МЕЛЬВИЛЬ.

Да, любезный Артуръ, потому что это письмо писано на твое имя.

АРТУРЪ *(распечатываетъ пакетъ.)*

Что́ я вижу ! Королевская печать ! Мое имя! Чинъ офицера !

ВСѢ ОФИЦЕРА !

АРТУРЪ.

Ахъ, это еще одно изъ вашихъ благодѣяній.

МЕЛЬВИЛЬ.

Это награда за твои успѣхи и за поведеніе въ школѣ мореплаванія, Артуръ.

АРТУРЪ.

Развѣ не довольно того, что вы взяли на чужой сторонѣ бѣднаго сироту.. *(съ чувствомъ)*, котораго покинула мать родная.

(Лордъ Мельвиль дѣлаетъ движеніе; Джонъ также ; они взглядываютъ другъ на друга; Китти, тихо Джону.) Взгляни, какъ милордъ растроганъ.

ДЖОНЪ.

Замолчи!

АРТУРЪ.

Вы хотѣли, чтобы онъ былъ обязанъ вамъ болѣе, нежели жизнію; вы поселили въ сердцѣ его любовь къ добру, и желаніе—нѣкогда уподобиться вамъ.

МЕЛЬВИЛЬ *(сжимая его въ объятіяхъ).*

Милый Артуръ !

КИТТИ *(тихо Джону.)*

Взгляни, какъ онъ на него смотритъ.

ДЖОНЪ.

Да замолчишь ли ты, болтунья !

АРТУРЪ.

Да, тайный голосъ говоритъ мнѣ, что я пойду по слѣдамъ вашимъ. Ахъ, милордъ , милордъ ! Какъ бы я желалъ теперь уже хотъ нѣсколько походить на васъ.

КИТТИ *(въ сторону.)*

И говорятъ послѣ этого, что у матери достало духу кинуть его !

МЕЛЬВИЛЬ.

Добрый, благородный Артуръ ! Ты будешь моей радостію , гордостію моею.

АРТУРЪ.

Милордъ ! Я получилъ офицерскій чинъ: позвольте мнѣ на радости угостить этихъ добрыхъ людей.

МЕЛЬВИЛЬ.

О, непремѣнно, Артуръ ! Это обязанность твоя.

АРТУРЪ.

Ну, братцы, за мной въ таверну дяди Джона. Пока церемонія начнется, мы съ вами успѣемъ попировать лихо.... А ты, Китти, поди послужи намъ.

ДЖОНЪ *(Китти.)*

Жена, не смѣй ходить: я тебѣ запрещаю.

КИТТИ.

А я иду, не слушаюсь тебя, негодный ревнивецъ.

(Повтореніе хора.)

(Всѣ уходятъ въ таверну.)

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

МЕЛЬВИЛЬ, ДЖОНЪ.

МЕЛЬВИЛЬ *(Смотритъ въ слѣдъ Артуру.)*

Какая прекрасная, благородная душа!

ДЖОНЪ *(смотритъ въ слѣдъ женѣ своей.)*

Экая дура! Бѣжитъ сломя голову.

МЕЛЬВИЛЬ.

Какое сердце великодушное ! . . .

ДЖОНЪ.

Чего добраго !

мельвиль.

О, я люблю, люблю его! Мой Артуръ, какъ я горжусь тобою! *(возвращается на аван-сцену и съ горестію говоритъ.)* А притомъ несправедливость моя къ той, которая даровала тебѣ жизнь, возлагаетъ на меня еще бóльшую обязанность вдвойнѣ любить тебя, любить за нее и за себя. Я чувствую, что только этой любовью могу нѣсколько искупить заблужденіе молодости.... Лишить матери, которой онъ никогда не зналъ, и съ которой я поступилъ такъ жестоко... Бѣдная Марія!...

джонъ *(также возвращаясь на аван-сцену.)*

Прости меня, Господи! И я здѣсь не безъ грѣха!

мельвиль.

Опять Джонъ! Развѣ я не довольно наградилъ тебя за услугу и за сохраненіе тайны.

джонъ.

О, я не жалуюсь, милордъ, нисколько. Чтó я былъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ? Простой матросъ, слуга вашъ; а вы купили весь нарядъ рыболовный, сѣти, подарили мнѣ домикъ хорошенькій, да жену, лучше еще домика... я счастливъ, очень счастливъ... Да вотъ видите ли... съ тѣхъ поръ, какъ я самъ сталъ отцемъ, вотъ чтó-то какъ будто и залегло на сердцѣ; а какъ посмотрю на своего сынишку, когда онъ играетъ у порога, все и думается, что и его унесетъ кто нибудь также, какъ я унесъ маленькаго Артура. То-то бѣдная жена моя! Она умретъ съ горя.

мельвиль *(растроганный.)*

Тебѣ извѣстно, Джонъ, чтó заставило меня возвратиться въ Англію и оставить Марію?

джонъ.

Да, милордъ... оставить ее на рукахъ бѣднаго двоюроднаго брата, который кое какъ торговалъ табакомъ. Не велика для нея помощь.

мельвиль.

Но развѣ послѣ я не посылалъ ей денегъ, и довольно значительныя суммы?

джонъ.

Правда. Я даже, до женидьбы своей, ѣздилъ три раза въ Парижъ нарочно за этимъ: два первые раза она не хотѣла слушать меня, а въ третій разъ такъ и совсѣмъ вытолкала въ зашеи, и захлопнула за мною дверь своей бѣдной каморки, гдѣ она работаетъ день и ночь, и вѣчно въ траурѣ: передъ ней пустая люлька, и надъ люлькой вашъ портретъ.

мельвиль.

Довольно, довольно, Джонъ! Дѣло сдѣлано, — поправить нельзя.

джонъ.

А я думаю, такъ можно: будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы зналъ, чтó сдѣлать.

мельвиль.

Что жъ бы ты сдѣлалъ?

джонъ.

Что? Я написалъ бы къ той, которая шестнадцать лѣтъ не осушаетъ глазъ. »Если ты не умерла отъ горя, пріѣзжай немедленно ко мнѣ.» А когда бы она пріѣхала, я бы позвалъ Артура, и сказалъ ему: »Сынъ мой вотъ твоя мать!»

мельвиль.

Никогда!

джонъ.

И на другой бы день, эта обезчещенная женщина имѣла бы имя, и называлась бы леди Мельвиль.

мельвиль.

Никогда!

джонъ.

И ваша совѣсть была бы спокойнѣе, да и моя также; я укралъ у нея ребенка, единственную отраду ея въ этомъ мірѣ; я не краснѣя сказалъ Сиру Артуру, что мать кинула его

почти безъ пеленокъ на ступеняхъ церкви!... *(съ чувствомъ)* Ахъ, милордъ, много, много мы согрѣшили съ вами.

МЕЛЬВИЛЬ *(который съ трудомъ удерживаясь въ это время.)*

Слушай, Джонъ, слушай мои послѣднія слова: Я перъ королевства, контръ - адмиралъ флота его британскаго величества, и никогда потомокъ Мельвилей не запятнаетъ герба своего родствомъ неприличнымъ.

ДЖОНЪ.

Такъ, стало быть, Сиръ Ліонель все позабылъ.

(Начинается буря.)

МЕЛЬВИЛЬ *(съ важностію.)*

Замолчи!

ДЖОНЪ.

Слушаю-съ, генералъ. Къ-тому же ни какъ начинается сильная буря. Вашему превосходительству лучше бы не дожидаться слздѣсь.

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же, Артуръ, Китти, рыбаки выходятъ изъ таверны.)

АРТУРЪ.

Какое счастіе! Молнія! Громъ! Настаетъ буря! Какая досада, что я теперь не на морѣ: то-то бы поучился, какъ управлять кораблемъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Э, ничего не будетъ: вѣтеръ поднимается.

АРТУРЪ.

А я готовъ объ закладъ, что будетъ шквалъ.

МЕЛЬВИЛЬ *(съ улыбкой.)*

А почему вы такъ думаете, г. офицеръ?

АРТУРЪ *(подавая ему зрительную трубу.)*

Поглядите сами вонъ на эту огромную тучу, тамъ на горизонтѣ.

МЕЛЬВИЛЬ *(смотритъ.)*

А что, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!

АРТУРЪ.

О, я не даромъ у васъ учился. Да вотъ, напримѣръ, хоть бы давишній хорошенькій катеръ, что мы видѣли съ вами поутру — онъ лавировалъ около Портсмута—бьюсь объ закладъ, если бы я былъ на этомъ катерѣ, я бы справился во сто разъ лучше, нежели кормчій, который велъ его давича.

МЕЛЬВИЛЬ.

Какъ такъ?

АРТУРЪ.

Я видѣлъ, что этотъ кормчій не знаетъ хорошо берега, а при теперешней погодѣ, того и гляди, наскочишь на Черную скалу.

МЕЛЬВИЛЬ.

На этотъ разъ я надѣюсь, Артуръ, что твое знаніе обманетъ тебя.

АРТУРЪ.

Дай Богъ, Адмиралъ.

(Удары грома, одинъ за другимъ, — молніи безпрерывныя.)

ХОРЪ.

Въ небѣ мрачномъ громъ гремитъ,
Море бурное кипитъ....
Страшный часъ, грозный часъ!
Боже! помилуй насъ!..:

АРТУРЪ, *(всходитъ на холмъ, и смотритъ въ зрительную трубу.)*

Взгляните, милордъ, взгляните: предсказаніе мое сбывается: несчастный катеръ не выдержитъ этой бури.

МЕЛЬВИЛЬ.

Да, парусы отлетѣли — онъ насилу можетъ идти — Боже мой! Его уноситъ къ Черной скалѣ.

(Слышны два пушечные выстрѣла.)

ХОРЪ.

Грозный часъ, страшный часъ!
Боже! помилуй насъ!

АРТУРЪ.

Друзья! скорѣй на помощь несчастнымъ! Всѣ за мной!

МЕЛЬВИЛЬ *(обнимая его.)*

Мой добрый Артуръ!

АРТУРЪ.

О, будьте сами командиромъ нашимъ, милордъ.

МЕЛЬВИЛЬ *(сильнымъ голосомъ.)*

Всѣ въ море, за мной!

ХОРЪ.

Поспѣшимъ, поспѣшимъ!
Всѣ на помощь полетимъ!
Боже, помилуй насъ,
Въ грозный, ужасный часъ!

(Всѣ мужчины бѣгутъ со сцены.)

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

Китти, женщины и молодыя дѣвушки. Всѣ на колѣняхъ.

Въ грозный ужасный часъ,
Боже, услыши насъ!
Мы предъ тобою
Съ теплой мольбою,
Сохрани, сохрани,
Отъ погибели ихъ сохрани!

(Въ оркестрѣ продолжаютъ играть.)

КИТТИ.

Лодки удаляются; Сиръ Артуръ на первой; какъ онъ ободряетъ гребцовъ, самъ помогаетъ имъ . . . Милордъ на второй, мужъ мой подлѣ него, они приближаются къ кораблю, *(вскрикиваетъ.)* Ахъ! волны отбиваютъ ихъ!

(Всѣ снова упадаютъ на колѣна.)

Повтореніе хора.

КИТТИ.

Не смѣю больше смотрѣть — я вся дрожу, мнѣ страшно. . . Тсъ, постойте, мнѣ послышалось... Такъ, я узнаю голоса! *(Бѣжитъ въ глубину сцены.)* О, благодареніе Богу! Они идутъ! Вонъ, посмотрите сами, они идутъ.... Мужъ мой живъ — я не вдова.

—

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же, Джонъ, матросы, Артуръ, потомъ Лордъ Мельвиль и пассажиры разбитаго корабля.

АРТУРЪ *(за кулисами.)*

Она спасена, спасена! . . . *(Входитъ, неся на рукахъ женщину безъ чувствъ; онъ кладетъ ее на скамейку; другія женщины окружаютъ ее.)* Да, это я спасъ ее. . . но она безъ чувствъ... Бѣдная! . . Китти, я тебѣ ввѣряю ее. *(входящему Мельвилю)* Ахъ, милордъ, пожалуйте сюда: я спасъ человѣка— женщину, француженку, соотечественницу свою.

МЕЛЬВИЛЬ.

Славно, славно, мой милый.

АРТУРЪ.

Ну, она въ безопасности—теперь за другими! Если мы допустили погибнуть хоть одного — это все равно, что мы ничего не сдѣлали. Ну, ребята смѣлѣй, на лодки!

ВСѢ.

На лодки, братцы, на лодки!

(Уходятъ.)

МЕЛЬВИЛЬ.

Джонъ! Жена твоя возьметъ эту несчастную на свои руки.

ДЖОНЪ.

Жена! Слышишь? Перенеси ее въ комнату. *(Подходитъ и смотритъ на женщину, лежащую безъ чувствъ.)* Боже мой! Чтó я вижу!

КИТТИ.

Ну, что еще? . . Она совсѣмъ не умерла. . . оставь ее . . . она очнется тотчасъ . . . я потру виски уксусомъ — и дамъ ей проглотить нѣсколько капель *(Уноситъ ее при помощи другихъ женщинъ.)*

ДЖОНЪ *(въ сторону.)*

Если это не духъ съ того свѣта, такъ это она.

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

МЕЛЬВИЛЬ, ДЖОНЪ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Ну, а ты матросъ, пойдешь съ ними?

ДЖОНЪ.

Нѣтъ, милордъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Что́ съ тобой? Ты какъ будто встревоженъ?

ДЖОНЪ.

Вы бы встревожились больше меня, милордъ, если бъ увидали, что́ я видѣлъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Что́ такое?

ДЖОНЪ.

Эта женщина, которую принесли безъ чувствъ...

МЕЛЬВИЛЬ.

Ну?

ДЖОНЪ.

Хоть я и давно не видалъ ее, однако узналъ тотчасъ... это она... та несчастная, о которой мы давича говорили: это мать Сиръ Артура.

МЕЛЬВИЛЬ.

Тсъ!. Нѣтъ, быть не можетъ... быть не можетъ... ты обознался.

—

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТЕ ЖЕ, ЖЕРОМЪ.

ЖЕРОМЪ (*за кулисами.*)

Помогите! Помогите! Тону!

ДЖОНЪ.

Это еще съ разбитаго корабля.

ЖЕРОМЪ (*за кулисами.*)

Помогите, помогите!

ДЖОНЪ.

Онъ ухватился за веревку... постойте, я его вытащу, милордъ. (*Выходитъ на минуту.*)

ЖЕРОМЪ (*за кулисами.*)

Не замочитесь... не замочитесь... дайте мнѣ только руку, а ужь я самъ вылѣзу... вотъ такъ... такъ...

МЕЛЬВИЛЬ (*про себя.*)

Она здѣсь... такъ близко отъ Артура!

(*Жеромъ и Джонъ входятъ.*)

ЖЕРОМЪ.

Вообразите, они посадили меня верхомъ на бочку, да и забыли.

ДЖОНЪ.

Ахъ, Боже мой! Вы, должно быть, измокли.

ЖЕРОМЪ.

Нѣтъ, ничего; чулки только замочилъ. ... А гдѣ жъ моя сестра? Сестра моя? Я хочу видѣть сестру!

МЕЛЬВИЛЬ (*съ живостію.*)

Ваша сестра... А какъ ее зовутъ?

ЖЕРОМЪ.

Мое имя, сударь, Жеромъ Дюфло, бывшій табачный негоціантъ въ Парижъ.

МЕЛЬВИЛЬ (*въ сторону.*)

Ея родственникъ!

ЖЕРОМЪ.

А она — она хочетъ, чтобъ ее называли просто Маріей.

МЕЛЬВИЛЬ (*Джону.*)

Марія!.. Нѣтъ сомнѣнія... это она!.. Не встрѣтиться съ ней не возможно!

ДЖОНЪ (*тихо*).

Она тотчасъ узнаетъ, что Сиръ Ліонель и Лордъ Мельвиль — одно и тоже.

МЕЛЬВИЛЬ (*также.*)

Гораздо лучше увидѣться съ ней, переговорить самому, прежде нежели она расвѣдаетъ что нибудь.

ЖЕРОМЪ.

Вы мнѣ ничего не говорите... вы все говорите промежъ себя... Ужь не утонула ли сестра моя?.. Скорѣй скажите мнѣ, и я опять пойду къ своей бочкѣ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Нѣтъ, успокойтесь... сестра ваша спасена... вы скоро ее увидите... и будьте увѣрены, что все здѣсь къ вашимъ услугамъ. (*Джону*) Останься здѣсь.

ЖЕРОМЪ (*въ сторону.*)

А, да онъ преблаговоспитанный человѣкъ, этотъ морякъ.

(*Мельвиль кланяется ему и уходитъ; Жеромъ нѣсколько разъ ему откланивается.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 11.

ДЖОНЪ, ЖЕРОМЪ.

Да, да, воспитанный, прекрасно воспитанный... А какъ его зовутъ?

ДЖОНЪ.

Лордъ Мельвиль.

ЖЕРОМЪ.

Лордъ Мельвиль!.. Не знаю!.. Правда, я никого не знаю въ Англіи. (*Онъ отряхаетъ измоченныя ноги свои, и нѣсколько разъ возобновляетъ это дѣйствіе во время остальной части явленія.*)

ДЖОНЪ (*въ сторону.*)

Дай повыпытаю, какъ и зачѣмъ пріѣхали они въ Англію. (*громко*) Такъ такъ-то, дядюшка Жеромъ, мы проѣхали Ламаншъ, переплыли Калескій проливъ, — торгуемъ табачкомъ, а? контрабанда!.. Хе, хе, хе!

ЖЕРОМЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я гнушаюсь такимъ ремесломъ, и терпѣть не могу вашего туманнаго Албіона.. А что меня заставило пріѣхать въ Англію, не слѣдовало бы говорить; да что жь станешь дѣлать! Безъ этого ничего не разузнаешь.

ДЖОНЪ.

О, коли что разузнать, вамъ не надо лучше человѣка: я здѣсь знаю все и знаю всѣхъ.

ЖЕРОМЪ.

Начну съ того, что я всѣхъ Англичанъ ненавижу.

ДЖОНЪ.

Гмъ! Что?

ЖЕРОМЪ.

Разумѣется, выключая васъ и вотъ этого прекрасно-воспитаннаго человѣка, который сейчасъ былъ здѣсь... и такъ, продолжаю... у меня была тогда сестра, двоюродная сестра — и я ее любилъ, а она меня не любила... Она, вотъ видите, врѣзалась по уши въ одного Англичанина.

ДЖОНЪ.

Да, это наши проказы.

ЖЕРОМЪ.

Знаю, что онъ назывался Ліонель, а я называюсь Жеромъ. . Такъ вѣдь изъ этого еще не стоило дать себя въ обманъ человѣку, который ухаживалъ, ухаживалъ, а тамъ и навострилъ лыжи въ свой проклятый островъ... И такъ я продолжаю: мальчику было тогда полтора или два года — мать была больна, все плакала — я и возьми его къ себѣ въ лавку... ухаживалъ за нимъ, кормилъ его, качалъ въ люлькѣ — все дѣлалъ, — и говорю самъ себѣ: ну, вотъ говорю, велика бѣда! Она меня не любитъ, такъ онъ будетъ любить, можетъ статься...

ДЖОНЪ (*въ сторону.*)

Бѣдняга!

ЖЕРОМЪ.

Вотъ только въ одинъ день — нѣтъ, это было вечеромъ: я не зажигалъ еще свѣчей — мальчишка игралъ у прилавка со мной и съ обезьяной — фаянсовой обезьяной — смотрю, входитъ въ лавку какой-то незнакомый человѣкъ, въ плащѣ...

ДЖОНЪ (*въ сторону.*)

Помню.

ЖЕРОМЪ.

Полфунта нюхальнаго табаку! — Я и отвѣсилъ ему полфунта, разбойнику, да вѣдь и отвѣсилъ-то еще, какъ доброму — мошеннику! съ походцемъ отвѣсилъ, какъ слѣдуетъ, на чести, воръ этакой!.. Что жь онъ? Онъ хвать! Да въ глаза мнѣ весь табакъ, полфунта цѣлыхъ — на каждый глазъ по четверти!.. Брррь!.. Вспомню, такъ вотъ и теперь еще больно!.. Это

меня такъ и ошеломило—я принялся кричать — смерть моя, мочи нѣтъ... Кое какъ протеръ глаза—глядь — а мальчишки-то и нѣтъ!.. Туда-сюда, нѣтъ, вотъ нѣтъ—изъ глазъ вонъ! — Онъ унесъ его, укралъ, разбойникъ, каторжный, воръ! На висилицу его, каналью! Говорите: на висилицу его! Это мнѣ будетъ очень пріятно!..

ДЖОНЪ *(пожимая ему руку.)*

Ну, да, разбойника!

ЖЕРОМЪ.

Уважаю! — И такъ я продолжаю: бѣдная мать цѣлыхъ два мѣсяца была чуть жива, такъ вотъ на ниточкѣ. Я и говорю ей: не плачь, сестрица! Мы поѣдемъ отъискивать твоего сына: ему негдѣ быть иначе, какъ въ Англіи.. На бѣду, у ней не было денегъ, да и у меня-то ни одного су... Много надо было наработать табачныхъ рожковъ, чтобы отправиться въ такое путешествіе. Товаръ у меня въ лавкѣ былъ чужой... я давай расчитывать, и нашелъ, что для того, чтобы мнѣ скопить капиталецъ, достаточный для дороги, мнѣ надо лѣтъ шестнадцатъ пить одну воду и ѣсть одинъ кортофель... Э! — чортъ возьми, сказалъ я, давай докажу, что есть дружба на свѣтѣ давай—ну, да я говорилъ все, что въ такихъ случаяхъ говорится, и теперь, пока станетъ у насъ денегъ, мы объѣдемъ всю Англію, и вездѣ станемъ отыскивать этого разбойника, который укралъ у меня ребенка.

ДЖОНЪ.

Да на что жь вы надѣетесь, г. Жеромъ? Вы даже не видали его въ лицо; вы не можете узнать, еслибъ онъ стоялъ передъ вами, такъ какъ, напримѣръ, я теперь?

ЖЕРОМЪ.

Ахъ, Боже мой! Что я вижу!

ДЖОНЪ *(въ сторону).*

Что еще такое?

ЖЕРОМЪ.

Погодите, погодите, дайте-ка я сличу. *(вынимаетъ изъ своего кармана пуговицу, завернутую въ бумажкѣ.)* Когда я силился удержать разбойника, эта пуговица осталась у меня въ рукахъ, и эта пуговица — какъ двѣ капли воды ваша. Вотъ вамъ примѣта!

ДЖОНЪ.

О, да, теперь вы знаете, что это морякъ; а такъ, какъ нашей братьи въ Англіи тысячь сорокъ, такъ вамъ остается только выбрать изо всѣхъ одного.

ЖЕРОМЪ.

Чортъ возьми, я объ этомъ и не подумалъ. Ну, да у меня есть другая примѣта. Вы мнѣ поможете, а? Вѣдь вы здѣшній.

ДЖОНЪ.

О, будьте увѣрены — непремѣнно.

ЖЕРОМЪ.

Я побѣгу поискать вещи свои, и тотчасъ возвращусь къ сестрѣ, и разскажу ей, какую услугу хотите вы оказать намъ.

ДЖОНЪ.

Хорошо, хорошо, я буду васъ дожидаться, и если я не помогу вамъ отыскать вора, такъ ужь я виноватъ.

ЖЕРОМЪ.

На васъ, г. Джонъ, я полагаюсь, какъ на каменную стѣну: только вы помогите мнѣ, а то ужь вору не уйти отъ насъ! Чортъ возьми! То-то будетъ славно, какъ, напримѣръ, я схвачу его вотъ этакъ за воротъ *(хватаетъ Джона)*, взгляну ему въ лицо, и скажу съ звѣрскимъ хохотомъ: ты укралъ у меня мальчишку! Не правда ли, это будетъ славно, г. Джонъ, а?

ДЖОНЪ *(вырываясь изъ рукъ его.)*

Да, г. Жеромъ, славно!.. *(въ сторону)* Чортъ возьми, онъ было задушилъ меня.

ЖЕРОМЪ.

То-то же, г. Джонъ, я на васъ надѣюсь: вы мнѣ сыщете вора; вы честный человѣкъ, я знаю.

(Убѣгаетъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ 21.

ДЖОНЪ, ПОТОМЪ МЕЛЬВИЛЬ, КИТТИ, МАРІЯ.

ДЖОНЪ.

Что прикажете сказать ему — прошу покорно! Да нѣтъ, чортъ возьми, я прежде переговорю съ Адмираломъ: что онъ велитъ мнѣ, то и буду дѣлать... Да вотъ, если не ошибаюсь, онъ и самъ идетъ... Бѣдная, опирается на его руку!.. Ахъ, еслибъ нашла на него добрая минута!

(Марія входитъ.; съ одной стороны ее поддерживаетъ Китти, а съ другой опирается его на руку Л. Мельвилля.)

КИТТИ.

Побудьте немножко на чистомъ воздухѣ, сударыня: это вамъ поможетъ.

МАРІЯ *(озираясь.)*

Гдѣ я?

МЕЛЬВИЛЬ *(даетъ знакъ Джону и Китти, чтобъ они удалились, къ Маріи.)*

Вы испугались — гроза ужь совсѣмъ прошла.

МАРІЯ.

Да, да! (*старается собраться съ мыслями.*)

МЕЛЬВИЛЬ (*въ сторону.*)

Она не узнаетъ меня.

(Китти и Джонъ входятъ въ хижину.)

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

МЕЛЬВИЛЬ, МАРІЯ.

МАРІЯ.

Ахъ, какой страшный сонъ! (*Въ изнеможеніи садится на скамейку.*) Но нѣтъ, это не сонъ, я знаю; я, кажется, выѣхала изъ Франціи на кораблѣ, поднялась буря — я слышала отчаянные крики,—потомъ я лишилась чувствъ — я умирала... вдругъ какой-то сладкой, очаровательный голосъ поразилъ слухъ мой: я спасу васъ, говорилъ онъ мнѣ, и вотъ я спасена.

МЕЛЬВИЛЬ *(въ сторону.)*

Взоръ ея не такъ смутенъ, какъ прежде.

МАРІЯ *(замѣтивъ его.)*

Ахъ, государь мой, такъ вамъ обязана я жизнію? Благодарю, благодарю васъ за бѣдную мать. (*Смотря ему въ лице*) Что я вижу? Не мечтали это? Нѣтъ, это мнѣ такъ кажется! (*Падая предъ нимъ на колѣна.*) Ахъ, говорите, ради Бога говорите.

МЕЛЬВИЛЬ.

Встаньте, сударыня, встаньте.

МАРІЯ.

Этотъ голосъ! О Боже мой! Нѣтъ, это онъ! Ліонель!

МЕЛЬВИЛЬ (*съ чувствомъ.*)

Марія!

МАРІЯ.

Ліонель! (*озираясь вокругъ.*) А сынъ мой? Гдѣ мой сынъ? Что вы сдѣлали съ моимъ сыномъ?

МЕЛЬВИЛЬ.

Успокойся, Марія.

МАРІЯ.

О милордъ, одно слово, одно, умоляю васъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Онъ живъ, онъ находится здѣсь.

МАРІЯ.

Мой Артуръ! (*Зоветъ громкимъ голосомъ.*) Артуръ, сынъ мой!

МЕЛЬВИЛЬ.

О, замолчи, замолчи, ради Бога! Онъ придетъ, я даю тебѣ слово; но прежде выслушай меня. *(Движеніе Маріи.)* Да, ты выслушаешь меня, Марія! Потому что одно мгновеніе можетъ рѣшить судьбу твою, мою;

можетъ рѣшить всю будущность твоего сына.

МАРІЯ *(съ ужасомъ.)*

Что вы говорите?

МЕЛЬВИЛЬ.

Я говорю: ты сдѣлала безразсудность ужасную, что пріѣхала въ Англію; ты можешь погубить своего сына!

МАРІЯ.

Боже мой! Можете ли вы говорить такъ! О, вы не знаете, что я перенесла! Горесть лишила меня разсудка, я впала въ безуміе... да, милордъ, въ безуміе! Я съ стенаніями призывала Артура; я думала видѣть его вездѣ, днемъ ночью. О, я была очень несчастлива, да! И теперь, когда я его нашла, когда онъ подлѣ меня, вы говорите, что я сдѣлала безразсудность, что я, бѣдная мать, могу погубить своего сына! Ахъ, милордъ, вы не понимаете материнскаго сердца, вы никогда не любили своего сына!

МЕЛЬВИЛЬ.

Я не любилъ сына? Марія! Эта самая любовь была причиною моего преступленія, эта любовь сдѣлала меня еще виновнѣе передъ тобою.

МАРІЯ (*кротко.*)

О не говорите мнѣ о своемъ преступленіи. Я уже давно простила васъ въ душѣ своей.

МЕЛЬВИЛЬ.

А я, чтобы пріобрѣсти какое нибудь право на это прощеніе матери, хотѣлъ удвоить любовь свою къ сыну. Ахъ, Марія, ты увидишь его: спроси, съ какою заботливостію я воспитывалъ его; съ какими попеченіями смотрѣлъ за нимъ; съ какою радостію любовался имъ во все время, когда онъ росъ передъ глазами моими.

МАРІЯ.

А я, я не видала его...

МЕЛЬВИЛЬ.

Съ какимъ наслажденіемъ любовался я имъ, когда онъ, бывало, спалъ въ колыбели! Какъ сильно билось сердце мое, когда я, бывало, разсматривалъ черты его лица?

МАРІЯ.

А онъ долженъ быть очень хорошъ, не правда ли?

МЕЛЬВИЛЬ.

Потомъ, когда онъ сталъ уже человѣкомъ, я самъ вложилъ въ сердце его всѣ благородныя чувствованія, я сохранилъ въ немъ любовь къ добру: это моя гордость, моя надежда! Теперь, Марія, жизнь его моя жизнь: жить безъ него не могу. О, ты видишь, я люблю его также, какъ и ты.

МАРІЯ.

Что жь, мы будемъ любить его вмѣстѣ, Ліонель! О, скорѣй отведите меня къ нему, дайте мнѣ обнять его, прижать къ своему сердцу.

МЕЛЬВИЛЬ *(удерживая ее.)*

Постой, Марія!

МАРІЯ.

Я хочу видѣть его.

МЕЛЬВИЛЬ.

Богомъ заклинаю тебя, Марія, не говори ему теперь, что онъ сынъ твой!

МАРІЯ.

Не говорить ему, что онъ сынъ мой? Почему?

МЕЛЬВИЛЬ.

Почему? Развѣ ты не можешь понять того, что ты чрезъ это покроешь его позоромъ, что ты заставишь краснѣть мать передъ своимъ сыномъ?

МАРІЯ (*въ отчаяніи.*)

Боже мой! Это правда. Но что мнѣ до этого свѣта, который самъ отвергнулъ меня! Неужели я должна принести ему въ жертву цѣлую жизнь? Нѣтъ, я была слишкомъ несчастна! Я хочу видѣть своего сына, хочу!

МЕЛЬВИЛЬ.

Изъ состраданія къ нему, ко всѣмъ троимъ, подожди,

МАРІЯ.

Шестнадцать лѣтъ уже дожидалась я!

МЕЛЬВИЛЬ.

Я прошу у тебя одинъ только день, Марія, помолчать одинъ день! .. Эта жертва будетъ для тебя легче вдвое, потому что ты пойдешь со мной въ замокъ.

МАРІЯ.

И съ нимъ?

МЕЛЬВИЛЬ.

Да, и съ нимъ; ты не разстанешься съ нимъ; ты будешь видѣть его всякій часъ, всякую минуту; будешь спать подлѣ его комнаты, а завтра...

МАРІЯ.

Завтра, не позже?

МЕЛЬВИЛЬ.

Завтра, клянусь тебѣ честію, наша общая участь будетъ устроена.

МАРІЯ.

Я буду ждать, милордъ.

(*Слышенъ шумъ за кулисами.*)

МЕЛЬВИЛЬ.

Тс! Сюда идутъ.

(*Слышенъ голосъ Артура.*)

МАРІЯ.

Этотъ голосъ! ..

МЕЛЬВИЛЬ.

Его.

МАРІЯ (*въ восторгѣ.*)

Ахъ, наконецъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Помни, ты дала мнѣ слово.

—

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢ ЖЕ, ДЖОНЪ, КИТТИ, РЫБАКИ, ПАССАЖИРЫ СЪ РАЗБИТАГО КОРАБЛЯ, АРТУРЪ, ЖЕРОМЪ ДЮФЛО.

ЖЕРОМЪ (*несетъ на плечахъ разные узлы и клѣтку съ попугаемъ.*)

АРТУРЪ.

Благодаря этимъ молодцамъ, милордъ, всѣ спасены.

(*Марія смотритъ на него; Мельвиль дѣлаетъ знакъ, чтобъ она была осторожна.*)

ЖЕРОМЪ.

И я, сестрица, и моя поклажа, и попинька, вотъ, какъ видишь.

АРТУРЪ.

Слава Богу, все хорошо; и вы, сударыня, оправились: я имѣлъ счастіе спасти васъ.

МАРІЯ.

Вы, вы меня спасли?

МЕЛЬВИЛЬ.

Да, сударыня, ему вы обязаны жизнію.

МАРІЯ.

Ему... ему... (*Бросается къ нему на шею и съ восторгомъ обнимаетъ его*).

МЕЛЬВИЛЬ (*въ сторону*).

Она не выдержитъ, она выскажетъ все.

МАРІЯ (*отдаляясь отъ Артура*).

Простите мнѣ, сиръ Артуръ, это невольное движеніе; я была матерью имѣла сына—и лишилась его... Мой сынъ былъ бы теперь уже вашихъ лѣтъ, имѣлъ бы ваши благородныя черты лица, ваше доброе сердце... Онъ также бы помогалъ несчастнымъ. Это воспоминаніе пробудилось въ сердцѣ моемъ, и я, обнимая васъ, какъ будто обнимала своего роднаго сына...

АРТУРЪ.

Вы лишились сына... я лишился матери, и уже, кажется, по одному этому я люблю васъ.

МЕЛЬВИЛЬ. (*стараясь отклонить этотъ разговоръ*).

Артуръ! .. ты позабылъ, что эта дама и всѣ пассажиры имѣютъ нужду въ успокоеніи послѣ такой тревоги и усталости. Домъ у Джона слишкомъ тѣсенъ; всѣ не могутъ помѣститься; если позволятъ, замокъ Мельвиль къ ихъ услугамъ.

ЖЕРОМЪ.

Мы позволяемъ *(въ сторону)*. Этотъ господинъ очень хорошо воспитанъ, очень хорошо.

АРТУРЪ.

Но, Адмиралъ, вы позабыли о нашей церемоніи; буря кончилась — и теперь все у насъ на лицо.

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

Тѣ же и молодыя дѣвушки несутъ знамя, на которомъ изображенъ гербъ Англіи.

ХОРЪ.

Встрепенись,
Понесись,
Наша барка молодая!
По морямъ
По волнамъ
Безболзненно летая!

Зашумитъ ли вѣтръ сердито,
Заиграетъ въ лонѣ водъ,
Будь Господь тебѣ защитой
Отъ грозы и непогодъ!

Встрепенись,
Понесись,
Наша барка молодая,
По морямъ,
По волнамъ
Безболзненно летая!

АРТУРЪ.

Да чтожъ это? У насъ есть крестный батюшка для нашей новорожденной, а матушки-то нѣтъ! Милордъ! Если бы можно было попросить... *(указывая на Марію.)*

МАРІЯ.

О, если вамъ угодно, съ величайшимъ удовольствіемъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Какое жъ имя дадите этой баркѣ?

МАРІЯ *(съ чувствомъ.)*

«Молодой Артуръ.»

(Артуръ беретъ знамя и всходитъ на барку съ нѣкоторыми другими.)

МАРІЯ *(продолжаетъ.)*

Пусть это имя, подсказанное мнѣ моимъ сердцемъ, будетъ ей залогомъ благополучія. Богъ да покровительствуетъ «Молодому Артуру»!

ХОРЪ.

Встрепенись,
Понесись, и проч.

(Барка приходитъ въ движеніе. Знамя и флаги развѣваются. Всѣ простираютъ руки впередъ, какъ бы посылая свое благословеніе. Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

Залъ въ замкѣ Мельвилля.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Жеромъ Дюфло, выходитъ одинъ съ салфеткой на шеѣ.

Я славно позавтракалъ, да, славно, славно! Бифстексъ по крайней мѣрѣ на троихъ — я съѣлъ одинъ. Ахъ, проклятые! Какъ они славно стряпаютъ эти вещи! Нѣтъ, чортъ возьми, отнынѣ я мирюсь съ Англичанами: бифстексъ чудесный! А было какую штуку выкинули — хотѣли обложить кругомъ кортофелемъ! Спасибо! Они не знаютъ, что я цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ, по милости ихъ, набивалъ себѣ желудокъ этимъ проклятымъ кортофелемъ... Всѣ другіе пассажиры разъѣхались — одни на пароходахъ, другіе по желѣзной дорогѣ,

ныые въ публичныхъ каретахъ; а мы съ сестрой остались здѣсь. Почему бы это? Нѣтъ ли тутъ какой нибудь тайны? Не хотятъ ли помѣшать намъ въ розыскахъ нашихъ? Этотъ Джонъ, который провожалъ насъ въ замокъ, что-то мнѣ кажется подозрителенъ! Я какъ будто гдѣ-то видалъ эту рожу... Что мудренаго? Вѣдь роковая пуговица-то, можетъ быть, и его? Ба! Каково-жъ, сестра то моя изволитъ прогуливаться въ это время! Каково! рука объ руку съ этимъ молодымъ человѣкомъ, который спасъ ее отъ смерти; она смѣется, прости Господи! Не ужь то она позабыла уже о своемъ сынѣ? Нѣтъ, я вижу, что только у меня одного истинно-материнское сердце.

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

Марія, Артуръ, Жеромъ.

АРТУРЪ (*входя, говоритъ ей.*)

Что́, сударыня, какъ нравится вамъ паркъ Мельвиля?

МАРІЯ.

Все, что́ я здѣсь видѣла, даетъ мнѣ самое высокое понятіе о хозяинѣ этого за́мка. Стало быть, милордъ очень богатъ?

АРТУРЪ.

Какъ видите, сударыня. У него во владѣніи цѣлое графство.

МАРІЯ.

Я еще не видала его сегодня поутру.

АРТУРЪ.

О! онъ скоро воротится. Онъ теперь смотритъ флотъ, который скоро долженъ отправиться въ море.

ЖЕРОМЪ.

Сестрица! (*про себя.*) Она не видитъ меня. (*громко*) Сестрица! здравствуй, доброе утро!

МАРІЯ.

А это ты, бѣдный Жеромъ.

ЖЕРОМЪ.

Что́, узнала ли ты что нибудь нынѣшнимъ утромъ?

МАРІЯ.

Нѣтъ, во все утро ничего.

ЖЕРОМЪ (*таинственно.*)

А я попалъ на слѣдъ.

МАРІЯ.

Ты?

ЖЕРОМЪ.

Да, я.

АРТУРЪ.

Кто такой этотъ господинъ?

ЖЕРОМЪ.

Жеромъ Дюфло, табачный продавецъ, въ улицѣ Обезьяны, подъ вывѣской большой трубки.

МАРІЯ.

Искренній другъ мой, самый преданный, Сиръ Артуръ.

ЖЕРОМЪ.

Артуръ? Какъ, этотъ господинъ называется Артуромъ?

АРТУРЪ.

Ну, да! Что жъ тутъ такого удивительнаго?

ЖЕРОМЪ.

Если бъ это былъ нашъ малютка, этотъ молодой человѣкъ!

МАРІЯ (*улыбаясь*)

Это было бы очень удивительно, не правда ли?

ЖЕРОМЪ.

О, да нѣтъ, быть не можетъ! Это не онъ . . . я бы тотчасъ узналъ его по пухленькимъ румянымъ щечкамъ... Правда, восемнадцать мѣсяцевъ и шестнадцать лѣтъ . . . Ну, да что́ за важность — человѣкъ все тотъ же.... Постой, дай попробую, какъ я бывало игралъ съ нимъ, когда онъ прыгалъ у меня на колѣнахъ. (*Смотритъ Артуру въ лице и дѣлаетъ гримасы, какъ кормилица, которая хочетъ разсмѣшить ребенка. Артуръ смѣется.*) Онъ смѣется мнѣ подъ носъ, это не то.

АРТУРЪ.

Къ чему ты дѣлаешь мнѣ эти гримасы?

ЖЕРОМЪ.

Такъ, ничего, ничего, вспало на умъ... да ничего, пустое... Впрочемъ это не бѣда! Я не теряю духа... Слушай, сестра! Я позволяю тебѣ называть меня чѣмъ хочешь, если черезъ часъ не приведу къ тебѣ моего вора. *(Поспѣшно уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ 3.

Артуръ, Марія.

АРТУРЪ.

Его вора? Что онъ? Не помѣшанъ ли на чемъ вашъ братецъ?

МАРІЯ.

О нѣтъ: между нами есть одна тайна, которую со временемъ, можетъ быть, узнаете и вы.

АРТУРЪ.

Что́ я узнаю со временемъ — не знаю; а теперь мнѣ извѣстно одно: ни съ одной красавицей, ни съ одной самой блестящей леди нашей, не испыталъ я такого невыразимаго наслажденія, какое испыталъ сегодня съ вами, во время нашей утренней прогулки.

МАРІЯ *(улыбаясь.)*

Вы говорите мнѣ слишкомъ лестный для моего самолюбія комплиментъ. *(нѣжно)* Я могу быть вашею матерью.

АРТУРЪ.

Или сестрою.

МАРІЯ

О, по крайней мѣрѣ старшею сестрою.

АРТУРЪ.

Ну, такъ изъ этихъ двухъ названій возьмите себѣ то, которое показываетъ болѣе любви, болѣе искренней привязанности....

МАРІЯ.

Мой выборъ былъ сдѣланъ заранѣе.

АРТУРЪ.

И особенно дайте мнѣ слово пробыть въ нашемъ замкѣ долго, очень долго....

МАРІЯ.

Какъ только возможно будетъ долѣе.

АРТУРЪ.

О, будьте покойны: милордъ не станетъ этому противиться: онъ добръ, великодушенъ, не смотря на свои аристократическіе предразсудки. И такъ рѣшено, мы болѣе не разстанемся....

СЛУГА *(входитъ.)*

Милордъ приказалъ у васъ спросить, сударыня, можете ли вы принять его?

МАРІЯ *(въ сторону.)*

Уже! А я была такъ счастлива! *(громко.)* Скажите Милорду, что я готова къ услугамъ его. *(Слуга уходитъ.)*

АРТУРЪ.

Боже мой! Что съ вами? Какъ вы встревожены!

МАРІЯ.

Такъ, ничего — маленькое волненіе.... Я такъ мало привыкла къ свѣту... это прошло, совсѣмъ прошло. *(Двери отворяются настежь — она говоритъ въ сторону.)* Это онъ, я трепещу!

—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢ ЖЕ, ЛОРДЪ МЕЛЬВИЛЬ, *(въ полномъ мундирѣ.)*

МЕЛЬВИЛЬ *(въ глубинѣ театра въ сторону.)*

Вмѣстѣ? Не ужели она ему пересказала? *(кланяется, Марія отдаетъ ему поклонъ.)*

АРТУРЪ.

Повѣрите ли вы, милордъ, гостья наша пришла въ замѣшательство, и даже встревожилась при взглядѣ на

васъ? Она не знаетъ, что замокъ Мельвилъ отворенъ для всякаго, кто сдѣлаетъ ему честь своимъ посѣщеніемъ. Я спѣшилъ успокоить ее, и увѣренъ, что для васъ присутствіе ея въ замкѣ будетъ также пріятно, — какъ для нея, и для меня—и что мы не разстаемся съ нею. Да, милордъ, я далъ слово, и какъ офицеръ, долженъ сдержать его: надѣюсь, вы согласитесь съ этимъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Очень хорошо, Артуръ; ты всегда одинъ и тотъ же; но ты забываешь объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

АРТУРЪ.

Что такое?

МЕЛЬВИЛЬ.

Ты не примѣрилъ еще своего прекраснаго мундира.

АРТУРЪ.

Ахъ, да, правда! Какой я вѣтреный! —не примѣрять первыхъ эполетъ — и эполетъ, которыми обязанъ я вамъ ... Да, это отъ того, что я такъ счастливъ сегодня... Знаете ли, что посреди васъ я перестаю быть сиротою! Прощайте, до свиданья — сію минуту. (*Уходитъ въ заднюю дверь.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 5.

ЛОРДЪ, МЕЛЬВИЛЬ, МАРІЯ.

МАРІЯ (*встревоженная.*)

Вы видите, я сохранила тайну, милордъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Благодарю васъ за это. Стало быть, ему по сіе время еще не извѣстно, что онъ вамъ обязанъ жизнію.

МАРІЯ.

Не извѣстно, милордъ ... Но тайна эта скоро откроется. Это послѣднее испытаніе, я надѣюсь.

МЕЛЬВИЛЬ (*спокойно.*)

Послѣ этого разговора, вамъ будетъ разрѣшена тайна ваша.

МАРІЯ.

Какъ? Такъ стало быть, я могу...

МЕЛЬВИЛЬ.

Поступать, какъ вамъ угодно, смотря по тому, что скажетъ вамъ любовь ваша и польза вашего сына.

МАРІЯ (*съ удивленіемъ.*)

Польза моего сына?

МЕЛЬВИЛЬ.

Выслушайте меня со вниманіемъ: я далъ слово сказать вамъ нынѣшнимъ утромъ свой рѣшительный отвѣтъ; я это сейчасъ исполню—и долженъ сказать напередъ мнѣніе мое рѣшительное.

МАРІЯ (*въ смущеніи.*)

Говорите, милордъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Прежде всего позвольте мнѣ оправдать сколько нибудь свое прошедшее поведеніе въ отношеніи къ вамъ, и сдѣлать его менѣе ненавистнымъ въ глазахъ вашихъ. (*Движеніе Маріи.*) О, не осуждайте меня прежде, чѣмъ выслушаете. Богъ свидѣтель, что въ словахъ моихъ не будетъ лжи ни малѣйшей. (*Беретъ ее съ любовію за руку.*) Скажите правду: вы думали и думаете еще и теперь, что Сиръ Ліонель, полюбивъ васъ, имѣлъ въ виду только соблазнить молодую дѣвушку и потомъ бросить ее—несчастною и обезчещенною? Не такъ ли?

МАРІЯ.

Да, милордъ, я думала; — и теперь еще думаю такъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

А между тѣмъ, я клянусь вамъ: эта подлая мысль никогда не безчестила первой любви моей: тогда, Марія, я полагалъ свое счастіе въ томъ, чтобы освятить закономъ любовь нашу; клянусь честію, я хотѣлъ отдать вамъ имя свое.

МАРІЯ.

Вы!

МЕЛЬВИЛЬ.

Вспомните мое путешествіе въ Ан-

гліо въ то время, когда у насъ родился Артуръ; это путешествіе должно было рѣшить судьбу нашу. Я ѣхалъ для того, чтобы броситься къ ногамъ Лорда Мельвиля, моего дяди и опекуна, испросить у него согласія на бракъ; но неожиданное происшествіе дало другой оборотъ дѣлу; дядя мой и его сынъ умерли скоропостижно, почти въ одно время — и я сдѣлался наслѣдникомъ имени и обширныхъ владѣній Герцоговъ Мельвилей.

МАРІЯ.

Я понимаю васъ: свѣтъ, дворъ вызвали васъ къ себѣ; честолюбіе овладѣло сердцемъ вашимъ и заглушило самыя сладостныя чувства природы.

МЕЛЬВИЛЬ.

Единственный представитель одной изъ первыхъ фамилій въ королевствѣ, возведенный государемъ моимъ на высшую степень, я долженъ былъ повиноваться его волѣ, которая указала мнѣ другой путь: я не могъ уже избрать для себя жизнь безвѣстную, но счастливую.

МАРІЯ.

А теперь, Лордъ Мельвиль?

МЕЛЬВИЛЬ.

Званіе, которое вы напоминаете мнѣ этимъ словомъ, должно сказать вамъ, что любовь молодаго баронета должна была уступить жестокимъ, можетъ быть, но неизмѣннымъ причинамъ пера Англіи, и что голосъ сердца долженъ былъ замолчать передъ предразсудками свѣта и неравенствомъ состояній.

МАРІЯ.

О, не договаривайте: оставайтесь при этомъ имени, которое боитесь вы унизить. Прошу у васъ только своего сына.

МЕЛЬВИЛЬ (*послѣ нѣкотораго молчанія.*)

Я самъ пришелъ просить его у васъ.

МАРІЯ.

Просить у меня моего сына? (*съ ужасомъ*) Милордъ, я боюсь... мнѣ страшно понять васъ.

МЕЛЬВИЛЬ (*съ усиліемъ*).

Я не знаю, Марія, въ какихъ словахъ передать вамъ мое рѣшеніе... Неужели мнѣ назначено вѣчно терзать васъ?

МАРІЯ.

Что такое, милордъ? Ради Бога...

МЕЛЬВИЛЬ.

Горесть, сильнѣе тѣхъ горестей, которыя вы испытали; слезы, ужаснѣе тѣхъ слезъ, которыхъ вы столько пролили; пожертвованіе, на которое мать, можетъ быть, никогда не соглашалась.

МАРІЯ.

Пожертвованіе?

МЕЛЬВИЛЬ (*медленно развертывая бумагу.*)

Вотъ актъ, подписанный мною, Марія; по этому акту, я усыновляю Артура, передаю ему свое имя, званіе, богатство. (*Смотритъ на нее*) Одно слово — и все это будетъ его.

МАРІЯ.

Одно слово, мое?

МЕЛЬВИЛЬ.

Тайна, которую хранили вы по сіе время... поклянитесь хранить ее вѣчно...

МАРІЯ.

А, вы хотите испытать меня, милордъ, или я худо поняла... хранить эту тайну отъ всѣхъ; да, да! О, я затаю отъ всѣхъ, но не отъ моего сына.... Не правда ли, милордъ, не отъ сына?

МЕЛЬВИЛЬ.

Отъ него болѣе всѣхъ.

МАРІЯ.

Какъ? Мнѣ отказаться отъ правъ своихъ на него?

МЕЛЬВИЛЬ.

Безвозвратно.

МАРІЯ.

Не смѣть сказать ему когда нибудь: я твоя мать.

МЕЛЬВИЛЬ.

Сдѣлать еще больше — разстаться съ нимъ... уѣхать!

МАРІЯ (*съ твердостію.*)
Никогда, сударь, никогда!

МЕЛЬВИЛЬ.
Ну, такъ стало быть, я долженъ ѣхать, сударыня.

МАРІЯ.
Вы?

МЕЛЬВИЛЬ.
Да; потому что я не хочу, чтобы сынъ мой, прижимая мать къ своему сердцу, мать, которую я погубилъ и покинулъ, спросилъ бы у нее: гдѣ мой отецъ, матушка? Онъ окружаетъ меня теперь ласкою, почтеніемъ... Я не хочу, чтобы онъ проклиналъ меня.

МАРІЯ.
Проклиналъ? Васъ?

МЕЛЬВИЛЬ,
Да, потому что на голосъ его сердца, которое станетъ требовать отъ меня, чтобы я загладилъ преступленіе свое передъ вами, я буду отвѣчать молчаніемъ, я останусь непоколебимъ... меня не тронутъ даже слезы его. Ну, ясно ли, что онъ будетъ проклинать меня?...

МАРІЯ.
О, и я также, можетъ быть.

МЕЛЬВИЛЬ.
Я убѣгу далеко; поставлю цѣлый міръ между вами и мною, если это нужно, поѣду всюду, гдѣ только не будетъ васъ. (*Упадаетъ на кресла и закрываетъ лице рукою.*)

МАРІЯ.
Но что будетъ съ нимъ, если вы его оставите? Я бѣдна, ничего не имѣю: что предложу я ему вмѣсто той блестящей участи, которую вы ему назначаете? Бѣдность! Бѣдность ему — моему сыну! О, эта мысль приводитъ меня въ ужасъ! Будущность его погибнетъ — одинъ въ цѣломъ мірѣ, безъ всякой подпоры, кромѣ матери, у которой самой нѣтъ ничего, ничего!.. О, милордъ, это неправда, да? Не правда, что вы мнѣ сказали? Вы не заставите несчастную мать бороться съ своей любовью, или погибелью сына?... Вы не отвѣчаете ни слова... отворачиваете взоры ваши... О, вы безжалостны! (*Съ усиліемъ надъ собой и слезами.*) Я исполню ваше желаніе — Не подниму покрывала съ колыбели его, буду молчать — у меня достанетъ силы на это; но только позвольте мнѣ остаться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, быть при немъ: я стану плакать такъ, что никто не увидитъ этого, никто не услышитъ; я буду простой служанкой, его, вашей, всѣхъ въ домѣ, никогда не поцѣлую его; но ради Бога, дайте мнѣ только видѣть его, видѣть — не разлучайте меня!...

МЕЛЬВИЛЬ (*который съ состраданіемъ смотритъ на нее, встаетъ медленно.*)
Это испытаніе будетъ выше силъ вашихъ.

МАРІЯ.
Нѣтъ, нѣтъ, клянусь въ этомъ.

МЕЛЬВИЛЬ.
А если бы онъ со слезами сталъ произносить при васъ ужасное слово, которое я такъ часто слышу — «сирота»—вы не вытерпѣли бы, сердце ваше откликнулось бы на этотъ стонъ, вы сказали бы: ты мой сынъ!

МАРІЯ.
О, Боже мой, да: это правда. (*Слышенъ шумъ за кулисами.*) Что это за шумъ?

МЕЛЬВИЛЬ.
Вѣрно Артуръ идетъ сюда.

МАРІЯ.
О, позвольте мнѣ уйти, милордъ позвольте.

МЕЛЬВИЛЬ (*удерживая ее.*)
Марія, одно слово.

МАРІЯ (*съ отчаяніемъ.*)
Пустите, пустите; ради Бога, пустите. (*Вырывается изъ рукъ Мельвиля и бѣжитъ въ свою комнату.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

МЕЛЬВИЛЬ (*одинъ, смотритъ вслѣдъ Маріи.*)

Я прочелъ въ глазахъ ея: она готова принести полную жертву.... О, я награжу ее за такую добродѣтель, такое самоотверженіе, и въ этотъ разъ она не можетъ отказаться отъ даровъ моихъ, потому что они будутъ предложены ей рукою Артура. Бѣдная Марія! Я думалъ, что послѣ шестнадцати лѣтъ разлуки увижусь съ ней также, какъ и со всякой другой женщиной—спокойно, холодно—а между тѣмъ воспоминанія молодости невольно толпою пробудились въ душѣ моей.... (*Онъ погружается въ размышленіе.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

Мельвиль, Жеромъ.

ЖЕРОМЪ.

Чортъ возьми, ни какъ не сыщешь этого работника. А вотъ милордъ.

МЕЛЬВИЛЬ (*не замѣчая его, въ сторону.*)

Но если я ошибся, если Марія колеблется—первое свиданіе съ Артуромъ можетъ испортить все дѣло; и между тѣмъ, удалить его, или принудить ее выѣхать изъ замка—это будетъ слишкомъ жестоко!... (*Шумъ за кулисами.*) Что тамъ такое? (*Къ Жерому, котораго онъ замѣчаетъ въ эту минуту.*) Не знаешь ли ты, любезный?...

ЖЕРОМЪ.

Нѣтъ, милордъ; я ищу господина Джона. Не можете ли вы мнѣ сказать....

МЕЛЬВИЛЬ (*смотритъ въ окно.*)

Матросы! Артуръ съ ними! Что это значитъ?

ЖЕРОМЪ.

Матросы! Ахъ, если бы мой пріятель былъ тутъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же, Артуръ матросы.

АРТУРЪ (*вбѣгаетъ.*)

Адмиралъ, поздравьте меня, я получилъ приказъ изъ адмиралтейства. (*Радостно показываетъ бумагу.*)

МЕЛЬВИЛЬ.

Приказъ изъ адмиралтейства тебѣ?

АРТУРЪ.

Да, милордъ, мнѣ. Сегодня ввечеру я долженъ сѣсть не корабль »Король Георгъ«, прекрасный, двадцати четырехъ-пушечный корабль. Да, вотъ прочтите сами.... (*Отдаетъ бумагу.*)

МЕЛЬВИЛЬ (*въ сторону.*)

Онъ уѣдетъ... Все дѣло уладится.

ЖЕРОМЪ (*который въ это время осматривалъ каждаго матроса съ ногъ до головы.*)

Нѣтъ, моего пріятеля нѣтъ между ними... (*Смотритъ на ихъ куртки.*) И пуговицы у всѣхъ одинаковыя! Чортъ возьми, это рѣшительно сбиваетъ меня съ толку.

МЕЛЬВИЛЬ.

Дѣйствительно, приказъ тебѣ... ты долженъ отвезти въ Портсмутъ матросовъ корабля Король Георгъ, которые были въ отпуску по береговымъ деревнямъ....

АРТУРЪ (*указывая на матросовъ.*)

Вотъ они, всѣ готовы, и веселы, какъ ихъ командиръ. Не правда ли, ребята? (*Подаетъ имъ руку. Жеромъ также пожимаетъ ему руку.*) Развѣ и ты хочешь отправиться съ нами?

ЖЕРОМЪ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю: я лучше люблю ходить по суху, чѣмъ по морю. А что, не видали ли вы гдѣ нибудь Джона?

АРТУРЪ. (*не отвѣчая на вопросъ его.*)

Ну, друзья, на корабль—да и маршъ! Я только надѣну свой мундиръ и мы

отправимся въ путь. *(Какъ будто пораженный внезапною мыслію.)* Что жъ это я?.. Какой я неблагодарный!.. Эта дама такъ меня любитъ, а я было уѣхалъ не простившись.

МЕЛЬВИЛЬ.

Она ушла въ свою комнату; она вдругъ что-то почувствовала себя нездоровою.

АРТУРЪ.

Ахъ, бѣдная! какъ мнѣ жаль ея!

ЖЕРОМЪ.

Какъ? Сестра моя нездорова?

АРТУРЪ.

И вы вѣрно знаете, что она не можетъ принять меня?

МЕЛЬВИЛЬ.

Я передамъ ей поклонъ отъ тебя.

ЖЕРОМЪ.

И я также.

МЕЛЬВИЛЬ.

Ну, ребята, ступайте за своимъ офицеромъ.

(Матросы собираются идти. Артуръ стоитъ въ задумчивости.)

МЕЛЬВИЛЬ.

Что жъ ты, Артуръ?

АРТУРЪ.

Иду, иду, Адмиралъ.

(Мельвиль, Артуръ и матросы уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ 9.

ЖЕРОМЪ, ПОТОМЪ ДЖОНЪ.

(Жеромъ, одинъ, стоитъ въ задумчивости и не видитъ входящаго Джона.)

Только бы этотъ Джонъ не уѣхалъ съ ними. Ну, пожалуй, пуговицы въ сторону — ихъ тысячь сорокъ, и у всѣхъ такія жъ пуговицы; за то эта табакерка.. *(Вынимаетъ и нюхаетъ табакъ.)* эта огромная табакерка, которая была оставлена у меня на прилавкѣ.... Это его должна быть, непремѣнно... Мнѣ жена его повыболтала все, какъ сорока: я узналъ, что этотъ господинъ Джонъ бывалъ въ Парижѣ .. а онъ утаилъ это отъ меня... все это не даромъ; ну, да хорошо, все равно, — я отыщу моего мальчишку.... Что онъ изъ него сдѣлалъ? Какого нибудь хлѣбника, пирожника, мошенникъ!... Ну, да еще бѣда невелика, только отдай онъ мнѣ его, я образую его, очищу табакомъ... и, можетъ быть, тогда его мать скажетъ мнѣ: Жеромъ, прочь всѣ мечты о счастіи... отдаю тебѣ свою руку... *(Задумывается, садится и мечтаетъ.)* Парижъ, моя лавочка! и они оба будутъ тамъ, подлѣ меня... и станутъ помогать мнѣ...

ДЖОНЪ *(входя, говоритъ самъ съ собою.)*

Молодой человѣкъ уѣдетъ — и дѣло кончено; тѣмъ лучше—хлопотъ меньше!... Я жалѣю только объ одномъ: зачѣмъ я разсказалъ все это женѣ своей. *(Увидѣвъ Жерома.)* А, вотъ и простякъ, братъ ея. *(Ударивъ его по плечу.)* Эй, дядя Жеромъ, что призадумался?

ЖЕРОМЪ *(какъ будто просыпаясь отъ сна.)*

Гмъ! Что такое? Гаванскихъ сигаръ? *(Самъ себѣ.)* Какъ я глупъ! Я ужъ вообразилъ себя тамъ... Ты очень кстати пришелъ, господинъ Джонъ.

ДЖОНЪ.

А что?

ЖЕРОМЪ.

Мнѣ надо поговорить, спросить у тебя кое что.

ДЖОНЪ.

Что? о милордѣ, что ли? или о замкѣ, о нашей сторонѣ?

ЖЕРОМЪ.

Нѣтъ, о Парижѣ.

ДЖОНЪ.

О Парижъ? Да я тамъ никогда не былъ.

ЖЕРОМЪ.

Ты лжешь.

ДЖОНЪ.

Да что ты въ самомъ дѣлѣ? Шутишь, что ли?

ЖЕРОМЪ.

Мнѣ жена твоя сказывала.

ДЖОНЪ (*въ сторону*)

О проклятая болтунья! Да что жь онъ хочетъ сказать этимъ? (*громко.*) Я говорю тебѣ, что никогда не былъ въ Парижѣ: знать, это тебѣ причудилось въ твоей лавкѣ, въ улицѣ Обезьяны.

ЖЕРОМЪ.

Въ улицѣ Обезьяны? Да кто жъ тебѣ сказалъ, что я жилъ въ улицѣ Обезьяны?

ДЖОНЪ (*въ замѣшательствѣ.*)

Кто?... Да чай ты, кому же больше?

ЖЕРОМЪ.

Не можетъ быть.

ДЖОНЪ.

Ну, да хорошо... Что жь изъ этого?

ЖЕРОМЪ.

Да такъ, совершенно ничего.... Только отъ чего жь ты покраснѣлъ, какъ вареный ракъ?

ДЖОНЪ.

Я не совсѣмъ здоровъ... Жаръ въ головѣ...

ЖЕРОМЪ (*съ важностію вынимаетъ свою огромную табакерку.*)

Понюхай табаку, это тебѣ поможетъ. (*Нюхая табакъ; Джонъ съ удивленіемъ смотритъ на табакерку.*) Ага! Эта табакерка знать, того... Нѣтъ сомнѣнія, онъ укралъ. (*Джонъ чихаетъ.*) Желаю здравствовать! Это табакъ изъ улицы Обезьяны, и такъ какъ ты знаешь лавку, то, можетъ быть, узнаешь и табакерку.

ДЖОНЪ.

Я? Нисколько

ЖЕРОМЪ.

Удивительно, а эта табакерка была забыта именно въ этой самой лавкѣ, въ улицѣ Обезьяны—и въ то самое время, когда ты былъ въ Парижѣ-- и въ тотъ самый день, когда укралъ маленькаго Артура.

ДЖОНЪ.

Кажется, меня кличутъ: голосъ коменданта.

ЖЕРОМЪ.

Голосъ твоей совѣсти, подлый островитянинъ!

ДЖОНЪ.

Полно, что ты съ ума сошелъ, что ли?

ЖЕРОМЪ.

Разбойникъ! Воровать дѣтей!..

ДЖОНЪ.

Прощай... (*въ сторону.*) Какой бѣшеный!...

ЖЕРОМЪ.

Ты не выйдешь отсюда, пока не скажешь мнѣ, куда ты дѣлъ ребенка?

ДЖОНЪ (*поднимая кулаки.*)

Пусти меня; не то, худо будетъ.

ЖЕРОМЪ.

О, я не боюсь тебя. (*Показывая табакерку открытую.*) Я не съ пустыми руками.

ДЖОНЪ.

Пусти, не то, я съ ногъ сшибу.

ЖЕРОМЪ.

Тронь только, попробуй.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣ же и Марія.

МАРІЯ.

Жеромъ, это что значитъ?

ЖЕРОМЪ.

Да то, что нашъ воръ отыскался.... Вотъ онъ.... Дай я ему засыплю глаза табакомъ.

МАРІЯ (*съ горестію посмотрѣвъ на него.*)

Ступай, я тебя прощаю.

(*Джонъ кланяется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11.

Жеромъ, Марія.

ЖЕРОМЪ.

Какъ? ты позволяешь уйти ему, не допытавшись отъ него, куда онъ дѣлъ ребенка, разбойникъ?

МАРІЯ.

Это не нужно, я знаю.

ЖЕРОМЪ.

Ты знаешь? Знаешь, гдѣ онъ? (*Хочетъ уйти.*)

МАРІЯ (*останавливая его.*)

Ты также все узнаешь, только не здѣсь, а во Франціи.

ЖЕРОМЪ.

Во Франціи?

МАРІЯ.

Да, мы воротимся туда.

ЖЕРОМЪ.

Вмѣстѣ съ нимъ!

МАРІЯ.

Безъ него.

ЖЕРОМЪ (*удивленный.*)

Безъ сына? И это говоритъ его мать!.. его мать!..

МАРІЯ.

Онъ не знаетъ, что я его мать... И не долженъ знать этого никогда!..

ЖЕРОМЪ.

Такъ скажи пожалуйста, зачѣмъ же я цѣлыя шестнадцать лѣтъ ѣлъ картофель? Зачѣмъ пріѣхалъ я на этотъ проклятый островъ? Зачѣмъ заставила ты меня переѣзжать черезъ этотъ скверный калесскій проливъ, гдѣ я чуть не достался въ добычу салакушкѣ?

МАРІЯ.

Жеромъ! Если ты меня любишь, умоляю тебя, не спрашивай ни о чемъ.

ЖЕРОМЪ.

Да помилуй, вѣдь это неслыханное дѣло...

МАРІЯ.

Развѣ тебѣ пріятно будетъ, если я умру съ горя и сдѣлаю Артура навѣки несчастнымъ?

ЖЕРОМЪ (*съ важностію.*)

А! Если эта причина... Другое дѣло... Я ничего не понимаю. Ну, да все равно! Стану готовиться къ отъѣзду... Я вѣрю тебѣ, вѣрю.

МАРІЯ.

Спасибо, мой добрый Жеромъ.

ЖЕРОМЪ.

Вѣрю тебѣ, вѣрю.

(*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 12.

МАРІЯ (*одна.*)

Да, я уѣду; я увезу съ собой тайну рожденія Артурова: онъ не будетъ оставленъ, не будетъ несчастливъ; я не передамъ ему, вмѣстѣ съ бѣдностію, моего потеряннаго имени... я хочу, чтобы онъ былъ богатъ, знатенъ, чтобы онъ имѣлъ званіе въ этомъ свѣтѣ, который убиваетъ его мать. (*Съ принужденною твердостію.*) Милордъ приказалъ сказать мнѣ, что по обязанностямъ службы Артуръ долженъ былъ оставить замокъ, что онъ уже уѣхалъ... Что жъ? Можетъ быть, это къ счастію... Его удаленіе сдѣлаетъ для меня легче ужасную жертву, на которую я рѣшилась. (*Со слезами.*) А между тѣмъ, уѣхать и не повидаться со мною, не сказать мнѣ послѣдняго прости!.. О это ужасно!.. (*Убитая горестію, она падаетъ на кресла; въ это время отворяется маленькая дверь съ лѣвой стороны; Артуръ отворяетъ ее съ осторожностію, и озирается на всѣ стороны.*)

—

ЯВЛЕНІЕ 13.

МАРІЯ, АРТУРЪ (*въ мундирѣ.*)

АРТУРЪ (*къ дверямъ.*)

Она здѣсь одна!

МАРІЯ (*вставая.*)
Нечего дѣлать... Я дала клятву — и сдержу ее.

АРТУРЪ (*въ сторону.*)
Какъ она печальна!.. Она плакала... Я не смѣю подойти къ ней.

МАРІЯ (*съ твердостію.*)
Кончено! (*Подноситъ къ глазамъ руки, какъ будто для того, чтобъ отереть слезы; потомъ вдругъ увидѣвъ Артура, вскрикиваетъ.*) Ахъ!..

АРТУРЪ.
Простите меня, я васъ испугалъ.

МАРІЯ.
О нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ... Но я думала...

АРТУРЪ.
Вы думали, можетъ быть, что я уѣхалъ?... (*Съ чувствомъ.*) Однако жъ вы должны бъ быть увѣрены, что я не оставлю васъ такъ равнодушно.

МАРІЯ.
О да, я должна бъ была такъ думать.

АРТУРЪ.
Милордъ и Джонъ не знаютъ, что я здѣсь! Они все хлопотали, какъ бы поскорѣй усадить меня въ карету. Когда я сталъ просить у нихъ, чтобъ позволили мнѣ проститься съ вами, они сказали мнѣ, что вы нездоровы и никого не можете принять; однакожъ я былъ увѣренъ: меня вы примете, и для того я тихонько прокрался черезъ эту дверь, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на васъ и показать вамъ свой мундиръ.

МАРІЯ.
Боже! Подкрѣпи меня!

АРТУРЪ.
Да къ тому жъ мнѣ хотѣлось попросить васъ объ одной милости.

МАРІЯ.
О, говорите, говорите скорѣе.

АРТУРЪ.
Вотъ видите... я не знаю, какъ бы вамъ объяснить это... (*въ сторону.*) Она бѣдна, но горда, между тѣмъ... посмотримъ, удастся ли мнѣ мое средство.

МАРІЯ.
Вы боитесь отказу? Говорите, я слушаю васъ.

АРТУРЪ.
Я уѣзжаю, можетъ быть, на долго: это моя обязанность, мое желаніе; мнѣ страхъ хочется поскорѣе обновить эполеты свои на морѣ, а между тѣмъ мнѣ тяжело разстаться съ вами; хоть я мало васъ знаю, а все буду думать объ васъ... Вотъ я и говорю самъ себѣ: разлука не такъ тяжела, когда какое нибудь воспоминаніе, какой нибудь залогъ приводитъ на память намъ отсутствующаго.... Можетъ быть, она согласится взять отъ меня бездѣлку, вещицу, которую станетъ хранить по любви ко мнѣ, и которая иногда будетъ напоминать ей сироту Артура!

МАРІЯ.
О, дайте, дайте: этотъ залогъ вашей ко мнѣ дружбы будетъ для меня драгоцѣненъ—я стану хранить его у себя на сердцѣ.

АРТУРЪ.
О, какъ вы добры! Вотъ, возьмите. (*Вынимаетъ изъ за пазухи коробочку, обдѣланную въ сафьянъ.*)

МАРІЯ (*открываетъ ее.*)
Что я вижу? О, какъ онъ похожъ! (*Цѣлуетъ портретъ, такъ, что Артуръ этого не видитъ.*)

АРТУРЪ.
Не правда ли, что эта рожица похожа на меня?

МАРІЯ.
Но, Сиръ Артуръ, портретъ этотъ осыпанъ бриллiянтами.

АРТУРЪ.
Нѣтъ, это такъ, пустое... каменья недорогіе.... Лордъ Мельвиль думаетъ женить меня на миссъ Арабеллѣ Ричмондъ — и этотъ портретъ былъ сдѣланъ для нея.

МАРІЯ (*въ сторону.*)
Славное имя.... Такая блестящая

партія!... О, ты умрешь со мною, тайна моя!...

АРТУРЪ.

Надѣюсь, вы отговариваться не станете.

МАРІЯ.

Портретъ я беру, а оправу извольте взять назадъ.

АРТУРЪ.

Нѣтъ, вы возьмете его, какъ онъ есть, потому что я не дарю, а продаю его.

МАРІЯ.

Какъ такъ?

АРТУРЪ.

Наоборотъ, вы мнѣ дадите что нибудь, чтобъ напоминало мнѣ васъ въ разлукѣ съ вами.

МАРІЯ.

У меня ничего нѣтъ, ничего...

АРТУРЪ.

А этотъ медальонъ, что у васъ на шеѣ?

МАРІЯ.

А! этотъ медальонъ! Да, ваша правда; но нѣтъ, я не могу разстаться съ нимъ: въ этомъ медальонѣ спрятанъ локонъ волосъ, которые одна мать отрѣзала у своего сына, когда онъ спалъ въ колыбели.

АРТУРЪ.

Счастливъ сынъ, который могъ сказать: мать моя!.. Я былъ лишенъ этого счастія, но понимаю его.

МАРІЯ.

И вамъ никогда не говорили про вашу матушку, Сиръ Артуръ?

АРТУРЪ.

Про мою мать? (*Съ горестію.*) Я долженъ проклинать ее.

МАРІЯ.

Что вы сказали, Сиръ Артуръ?

АРТУРЪ.

О, вы не знаете, она бросила меня.

МАРІЯ.

Бросила?

АРТУРЪ.

Да, сударыня! Я былъ еще только по одному году, меня нашли умирающаго отъ голоду и холоду, на ступеняхъ церкви, въ зимнюю ночь... И если бы не великодушный человѣкъ...

МАРІЯ (*въ волненіи.*)

О, это ужасно! Какая безстыдная ложь! Мать ваша никогда васъ не покидала.

АРТУРЪ (*удивленный.*)

Вы такъ говорите, сударыня, какъ будто бы были совершенно увѣрены въ противномъ.

МАРІЯ.

Чтобы возбудить ваше къ ней презрѣніе, ненависть—они оклеветали; но я стану ее защищать, я... Выслушайте, Сиръ Артуръ, выслушайте, какъ она была несчастна.

АРТУРЪ.

О говорите, говорите.

МАРІЯ.

Лѣтъ семнадцать тому — была дѣвушка, не знатнаго, но почтеннаго рода. Послѣ смерти отца, убитаго на сраженіи, она осталась сиротою, не имѣя ничего, ни какого пособія, и должна была трудами рукъ своихъ добывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Въ нее страстно влюбился молодой человѣкъ, довольно знатной фамиліи; бѣдная сирота, довѣрчивая, сама влюбилась въ него—и эта любовь погубила ее.

АРТУРЪ.

Я понимаю васъ: обѣщаніе жениться, похищеніе, можетъ быть.

МАРІЯ.

Обманутая самымъ низкимъ образомъ, она была брошена на произволъ судьбы.

АРТУРЪ.

О!

МАРІЯ.

Она хотѣла умереть; но другая обязанность призвала ее къ жизни: она сдѣлалась матерью — вы родились на свѣтъ, Сиръ Артуръ.

АРТУРЪ.

Продолжайте, продолжайте.

МАРІЯ.

„Цѣлый годъ она кормила своего сына, но слабость здоровья, голодь... (*Движеніе Артура.*) Да, Сиръ Артуръ, бѣдность и голодъ... Сынъ ея былъ отданъ въ чужія руки...

АРТУРЪ.

И ни одного слова, ни одного воспоминанія отъ обольстителя!..

МАРІЯ.

О нѣтъ, но... Знаете ли, что предлагали ей?

АРТУРЪ.

Золото, можетъ быть?

МАРІЯ.

Да, золото—но съ какимъ условіемъ? Чтобы она отдала своего сына; чтобы навѣки разсталась съ тѣмъ, кто былъ ея радостію, ея утѣшеніемъ...

АРТУРЪ.

И что же, она отказалась?

МАРІЯ.

Бѣдное дитя! Развѣ мать продаетъ дѣтей своихъ?

АРТУРЪ.

И ее осмѣлились унизить, оклеветать!

МАРІЯ.

Слушайте, слушайте: этого мало; золотомъ соблазнить не могли, употребили насиліе — ребенка отняли, украли!...

АРТУРЪ.

Украли?

МАРІЯ.

Да! Сынъ ея, ея единственная отрада на землѣ, она не видала его цѣлыя пятнадцать лѣтъ.

АРТУРЪ.

Матушка, бѣдная матушка! Но она жива! Несчастіе не убило ее? жива?

МАРІЯ.

Да, она жива, чтобъ страдать. Но ей остается страдать не долго.

АРТУРЪ.

О, приведите меня къ ней, дайте броситься на колѣни передъ страдалицей — и если жизнь ея угасаетъ, я оживлю ее сыновнимъ поцѣлуемъ... вы не отвѣчаете, на глазахъ слезы.— Кто же вы? Вы плачете, разсказывая мнѣ о моей матери!...

МАРІЯ (*въ сторону.*)

О клятва, ужасная клятва!...

АРТУРЪ.

Вы все молчите, вы боитесь взглянуть на меня.... Вы мать моя!..

МАРІЯ. (*съ живостію.*)

Я! Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ; это священное имя не принадлежитъ мнѣ; если бы я была твоею матерью, несчастный молодой человѣкъ, могла ли бы я смолчать объ этомъ? Могла ли бы я утерпѣть—не прижать тебя къ своему сердцу?

АРТУРЪ (*печально.*)

Да, да—я ошибся

МАРІЯ (*пересиливая себя.*)

Я другъ ея, почти сестра—и для нее именно пріѣхала въ Англію.

АРТУРЪ.

Что же васъ привлекло сюда?

МАРІЯ.

Виновникъ всѣхъ этихъ несчастій; тотъ, который любитъ васъ, заботится о вашей будущности, требовалъ, Артуръ, что бы она формально отказалась отъ всѣхъ правъ на васъ.

АРТУРЪ.

И вы пріѣхали для того, чтобы отвергнуть это постыдное предложеніе, этотъ гнусный торгъ—такъ? Вы прекрасно сдѣлали.

МАРІЯ.

На этотъ разъ дѣло шло не о собственномъ ея несчастіи, а объ участи сына ея: она приняла бы предложеніе,—я поручилась въ ея молчаніи.

АРТУРЪ.

Въ ея молчаніи? кому?

МАРІЯ.

Успокойтесь, Артуръ: вы меня пугаете.

АРТУРЪ.

Кто здѣсь имѣетъ право вынуждать у моей матери такую клятву? Тотъ, кто уже обманулъ ее такъ жестоко? Не правда ли? Я позову его, я! *(Звонитъ.)*

МАРІЯ.

Артуръ!

АРТУРЪ *(входящему слугѣ.)*

Доложи Лорду Мельвилю, что Сиръ Артуръ желаетъ поговорить съ нимъ.

(Лаксй уходитъ.)

МАРІЯ.

Боже мой! Что вы хотите дѣлать?

АРТУРЪ.

Оставьте меня одного, сударыня; еще нѣсколько минутъ — и судьба моей матери рѣшена.

МАРІЯ *(въ сторону.)*

Добрый сынъ! Я не куплю тебя цѣною твоего несчастія.

АРТУРЪ *(подавая ей руку.)*

Сюда идутъ: позвольте, я васъ провожу въ вашу комнату. *(Она уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ 14.

Артуръ, потомъ Мельвиль.

АРТУРЪ *(одинъ.)*

Я знаю, Лордъ Мельвиль, какія узы связываютъ меня съ вами; знаю, что вы имѣете право на мою благодарность.... Но бѣдная мать моя по вашей милости столько несчастна... Я знаю также, чего она должна ожидать отъ своего сына.

МЕЛЬВИЛЬ *(вдали.)*

Что ему надобно? *(Подходитъ; Артуръ и онъ нѣсколько минутъ смотрятъ другъ на друга въ молчаніи.)* Ты хотѣлъ поговорить со мною о чемъ-то?

АРТУРЪ.

Да, милордъ.

МЕЛЬВИЛЬ *(въ сторону.)*

Какъ онъ встревоженъ! *(громко.)* Я думалъ не здѣсь найти тебя, Артуръ.

АРТУРЪ.

Я знаю.

МЕЛЬВИЛЬ.

Спутники твои тебя дожидаются.

АРТУРЪ.

Я ужь не ѣду.

МЕЛЬВИЛЬ *(удивленный.)*

Ты не ѣдешь?

АРТУРЪ.

Нѣтъ, милордъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Но подумайте, сударь, что ужь вы теперь не имѣете воли?

АРТУРЪ.

Я думалъ объ этомъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Вспомните, какія обязанности налагаютъ на васъ эполеты, которые вы надѣли сегодня, сударь!

АРТУРЪ.

Обязанности болѣе священныя заставляютъ меня не ѣхать.

МЕЛЬВИЛЬ.

Что ты говоришь такое?

АРТУРЪ *(постепенно разгорячаясь.)*

То, что я страдаю—да! Сердце мое надрывается... Тысяча различныхъ ощущеній волнуютъ его... Почтеніе, страхъ, голосъ природы... О, это ужасно, ужасно — лучше ужь скорѣе!.. *(Бросается къ ногамъ Мельвиля.)* Батюшка! Я пришелъ просить у васъ болѣе, нежели жизни — пришелъ просить честь моей матери!..

МЕЛЬВИЛЬ *(въ сторону.)*

Онъ все знаетъ. *(Громко)* Несчастный, кто разсказалъ тебѣ?

АРТУРЪ.

Она, она; эта женщина, которую я спасъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Ты видѣлъ ее?

АРТУРЪ.

Да, батюшка!.. Но не вините ее: не

она открыла мнѣ ему роковую тайну — я самъ вырвалъ у нее . . .

МЕЛЬВИЛЬ.

Сказала ли она тебѣ, какую цѣну назначилъ я за ея молчаніе? Какую клятву далъ я? какое принялъ намѣреніе!

АРТУРЪ.

Да, но я не повѣрилъ ей.

МЕЛЬВИЛЬ.

Ты дурно сдѣлалъ, Артуръ, потому что я сказалъ уже Маріи — и она поняла меня: я сказалъ ей, что никогда не забуду, какія обязанности налагаютъ на меня мой родъ и мое званіе . . .

АРТУРЪ (*съ живостію.*)

Вамъ бы не должно было забывать объ этомъ въ то время, когда вы обольстили мать мою.

МЕЛЬВИЛЬ.

Артуръ, вспомни, кому ты это говоришь.

АРТУРЪ.

Кому я говорю? О, да! Я говорю Лорду Мельвилю, одному изъ самыхъ знатныхъ вельможъ въ Англіи; Лорду Мельвилю, самому богатому, самому сильному изъ всѣхъ перовъ королевства; Лорду Мельвилю, который, пользуясь правами своей знатности и своего богатства, можетъ поставить себя выше всѣхъ обязанностей.

МЕЛЬВИЛЬ (*въ сторону.*)

Слышать отъ него такія слова! . .

АРТУРЪ.

О! Конечно, не велика бѣда для знатнаго господина на всю жизнь заклеймить позоромъ ту, которая столько любила его!

МЕЛЬВИЛЬ.

Артуръ!

АРТУРЪ.

Отнять у нее сына, ея послѣднее утѣшеніе, и сказать ей въ то время, когда она, какъ милостыни, вымаливаетъ себѣ сыновняго поцѣлуя: «оставь его мнѣ, или я его кину также точно; не смѣй улыбаться передъ нимъ; не смѣй сказать слова, которое могло бы заставить подозрѣвать твою тайну, — не то, я и съ нимъ поступлю точно также, какъ и съ тобою.

МЕЛЬВИЛЬ.

Артуръ, замолчи—я приказываю тебѣ.

АРТУРЪ.

Нѣтъ, милордъ, я буду говорить: Артуръ подниметъ голову, вы хотите согнуть ее; вы ставите его между вами и матерью; вы богаты и знатны, она — бѣдна и обезчещена — выборъ его сдѣланъ: онъ станетъ работать для нее; ваши благодѣянія — онъ ихъ забываетъ; вашу помощь — онъ отъ нее отказывается. . . Эти леты, которыми вамъ онъ обязанъ, бросаетъ къ ногамъ вашимъ . . .

МЕЛЬВИЛЬ.

О, это уже слишкомъ! . . Подите вонъ, сударь, сію минуту! (*Падаетъ въ кресла.*)

АРТУРЪ (*въ глубинѣ сцены.*)

И такъ, все кончено . . . А я очень любилъ его, однако жь.

МЕЛЬВИЛЬ (*смотря на него*)

Онъ плачетъ.

АРТУРЪ.

Онъ изгоняетъ меня и мать мою. (*Возвращаясь.*) О нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, милордъ; вы сжалитесь надъ моею матерью.

МЕЛЬВИЛЬ.

Артуръ!

АРТУРЪ.

Вы добры, вы никогда не оставляли меня безъ утѣшенія, когда я плакалъ; батюшка, я виноватъ, чувствую, я васъ огорчилъ теперь . . . О, ради Бога, простите меня, умоляю васъ! (*Лордъ Мельвиль показываетъ, что онъ растроганъ; Артуръ обвиваетъ шею его руки.*) Мы будемъ любить васъ

оба; мы удвоимъ ласки, попеченія объ васъ; это благородное поприще, на которомъ я составлялъ гордость вашу, я буду продолжать со славою, стану пользоваться совѣтами вашими, одушевляться вашимъ примѣромъ! *(Мельвиль съ трудомъ можетъ скрывать свое волненіе)* О, вы смягчились, вы скрываете отъ меня слезы свои... Матушка, матушка! Наконецъ онъ откроетъ тебѣ свои обьятія!.. *(Снова прижимаетъ его къ сердцу; Мельвиль замѣтно находится въ страшной борьбѣ съ самимъ собою, наконецъ быстрымъ движеніемъ отталкиваетъ Артура.)*

МЕЛЬВИЛЬ *(твердымъ голосомъ.)*

Нѣтъ, никогда!

АРТУРЪ *(помолчавъ немного.)*

Нечего болѣе просить — прощайте Милордъ! *(Хочетъ уйти; дверь отворяется, входитъ Марія.)*

МЕЛЬВИЛЬ *(въ сторону.)*

Она!

—

ЯВЛЕНІЕ 15.

ТѢ ЖЕ, МАРІЯ.

АРТУРЪ *(Маріи.)*

Собирайтесь, сударыня, мы сейчасъ оставимъ замокъ—и поѣдемъ къ матушкѣ.

МЕЛЬВИЛЬ *(въ сторону.)*

Къ матушкѣ? Что онъ говоритъ такое?

АРТУРЪ.

Ѣдемъ-те.

МАРІЯ.

Вы хотите ѣхать къ вашей матушкѣ, Сиръ Артуръ—увы! Теперь ужь поздно!

АРТУРЪ.

Поздно?

МАРІЯ.

Она умерла.

АРТУРЪ И МЕЛЬВИЛЬ *(съ выраженіемъ различныхъ ощущеній.)*

Умерла?

АРТУРЪ.

Умерла! О нѣтъ, быть не можетъ; вы говорите нарочно, чтобъ удержать меня здѣсь.

МАРІЯ.

Прочтите это письмо, которое она написала къ вамъ въ послѣднія минуты жизни. *(Падаетъ ему письмо запечатанное.)* А въ этомъ сообщаютъ мнѣ роковое извѣстіе.

АРТУРЪ.

Ея прощаніе... Ахъ! Въ глазахъ у меня темнѣетъ; я не могу читать.

МАРІЯ.

Дайте я прочту. *(Читаетъ.)*» Сынъ мой! На землѣ все для насъ кончено —мы увидимся съ тобою только на небесахъ.... *(Минута молчанія.)* На небесахъ, гдѣ слезы изочтены Богомъ; на небесахъ, въ отчизнѣ бѣдныхъ сиротъ и покинутыхъ матерей. Прежде нежели я навсегда оставлю тебя здѣсь, на землѣ, я хотѣла передать тебѣ послѣднюю волю свою; одинъ человѣкъ поступилъ со мной жестоко, очень жестоко, но человѣкъ этотъ былъ твой отецъ—я простила ему; онъ воспиталъ тебя, я это знаю; онъ полагаетъ въ тебѣ свою надежду, свое счастіе. Люби его, какъ я его любила,—и мать твоя будетъ благословлять тебя тамъ, передъ престоломъ Всевышняго.

АРТУРЪ.

Боже великій! Внеми клятвѣ моей. Я буду повиноваться.

(Во время чтенія письма, волненіе Мельвиля увеличивалось болѣе и болѣе; лице его должно выражать

внутреннюю борьбу, которая въ немъ происходитъ; при послѣднихъ словахъ Артура, Лордъ Мельвиль не можетъ удержаться, беретъ за руку своего сына, смотритъ на него со слезами, потомъ бросаетъ его въ объятія Маріи; она осыпаетъ сына своего поцѣлуями, и догадавшись о намѣреніи Мельвиля, показываетъ на него съ радостнымъ восклицаніемъ, бросивъ его въ свою очередь въ объятія отца.)

МЕЛЬВИЛЬ.

Артуръ! Марія! Вы побѣдили! Леди Мельвиль — обнимите вашего сына.

АРТУРЪ.

Матушка!

МАРІЯ (*Лорду Мельвилю.*)

О, Ліонель! Да благословитъ тебя Богъ!..

ХРОНИКА
АЛЕКСАНДРЫНСКАГО ТЕАТРА,
ЗА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ

(съ 16 Августа.)

Просматривая репертуаръ Русскихъ драматическихъ спектаклей, данныхъ съ открытія театровъ послѣ малаго поста, мы изумились дѣятельности нашихъ писателей (разумѣется тѣхъ, которые трудами своими пріобрѣли уже любовь и довѣренность публики). При весьма ограниченномъ числѣ талантливыхъ драматическихъ авторовъ нашихъ, мы почти каждую недѣлю смотрѣли на новыя ихъ произведенія.

Можно ли послѣ этого ожидать, чтобъ всѣ труды ихъ были удачны? Конечно, нельзя: въ семьѣ не безъ урода! Насъ по крайней мѣрѣ радуетъ то, что съ недавняго времени болѣе стало являться дѣльныхъ оригинальныхъ произведеній на нашей сценѣ, и въ этомъ случаѣ мы должны благодарить Н. А. Полеваго: его *Уголино*, *Честь или смерть*, *Дѣдушка Русскаго флота*, *Иголкинъ и др.*, безпрерывно даются на нашей сценѣ, и публика слушаетъ съ удовольствіемъ ихъ по нѣскольку разъ. Какъ ни упрекаютъ нашу публику въ пристрастіи ко всему иностранному, но въ отношеніи къ театру мы видимъ противное. Она любитъ все изящное: восхищается игрою г-жъ Алланъ и Бурбье, любуется піесами Скриба и Мельвиля, но при случаѣ всегда отдаетъ преимущество даже менѣе значительнымъ Русскимъ талантамъ. Появись у насъ авторъ или артистъ съ едва замѣтными надеждами на будущіе успѣхи, публика старается замѣтить въ немъ хорошія стороны, ободряетъ его на первомъ шагу, заставляетъ любить и изучать свое искусство. — Бросьте, господа, переводъ, пишите свое; портретовъ намъ не занимать стать: на Руси ихъ много; мы охотно отдадимъ вамъ пять переводныхъ піесъ за одну посредственную Русскую

Представляя отчетъ нашъ читателямъ, мы надѣемся, что въ сужденіяхъ нашихъ они не найдутъ ни пристрастія, ни личностей; передаемъ бумагѣ то, что сказала образованная часть публики. Мы убѣждены, что вѣрнѣе, поучительнѣе нѣтъ той критики, которая изъ тысячи, часто различныхъ, мнѣній соединяется въ одинъ голосъ и единогласно рѣшаетъ судьбу и автора и артиста.

Причисляемъ къ новостямъ театральнымъ и возобновленныя піесы. О

нихъ однако же мы не будемъ и считаемъ излишнимъ говорить подробно, потому что онѣ составляютъ уже устарѣвшія новости, и слѣдовательно, не подходящія подъ правила нашего отчета. Просимъ извиненія у читателей, если мы въ сужденіяхъ нашихъ не слишкомъ будемъ распространяться и о тѣхъ піесахъ, которыя упали на нашей сценѣ. Лежачихъ не бьютъ!

Начинаемъ обзоръ нашъ съ бенефисовъ. За тѣмъ будемъ говорить о новостяхъ, поставленныхъ Дирекціею, и заключимъ обзоръ нашъ извѣстіями о дебютантахъ.

Бенефисъ г. Толченова 1.

(6 Сентября.)

Торквато-Тассо, драматическая фантазія въ пяти дѣйствіяхъ, Н. В. Кукольника. — (Въ первый разъ по возобновленіи.) *За Богомъ молитва а за Царемъ служба не пропадаютъ*, драматическая быль въ одномъ дѣйствіи. — *Молодая мачиха*, оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Обѣ въ первый разъ.)

—Фантазія Н. В. Кукольника, года за два предъ симъ, въ первыя представленія имѣла еще нѣкоторый успѣхъ, а нынѣ, по возобновленіи, публика не приняла въ ней прежняго участія. Это доказываетъ, впрочемъ, не капризъ зрителей, но справедливость ихъ мнѣній. Торквато-Тассо, какъ первый трудъ г. Кукольника, получилъ въ свое время одобреніе возникающему таланту и предвѣщалъ въ немъ первокласснаго писателя; но теперь, когда г. Кукольникъ утвердилъ свой авторитетъ, когда онъ могъ уже узнать условія сцены, его судятъ строже, отъ него желаютъ піесы, которая отвѣчала бы всѣмъ требованіямъ драматическаго произведенія. Мы, однако жъ, и нынѣ прочтемъ фантазію его съ удовольствіемъ, даже три, четыре раза; но прослушать ее на сценѣ, всю съ начала до конца, воля ваша, не въ состояніи и одного раза.

—По заглавію драматической были: «*За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ*,» мы ожидали многаго отъ автора, чего-то въ родѣ Иголкина и Дѣдушки Русскаго флота, а вышло противное. На дѣлѣ сбылась другая пословица: не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Мы не видали въ этомъ произведеніи ни драматической были, ни даже сносной небылицы. Авторъ прекрасно сдѣлалъ, что скрылъ свое имя: дѣтища его не могли спасти ни г. Сосницкій, ни г-жа Асенкова; она скончалась въ первый часъ своего рожденія. Замолчимъ же: о покойникахъ дурнаго не говорятъ.

—*Молодая мачиха*, Вѣра Дмитріевна Слѣпнева (г-жа Асенкова) имѣетъ при своемъ штабѣ пожилаго супруга, Антона Сергѣевича (г. Григорьева 1), падчерицу Александру Антоновну (г-жа Ѳедорова, восп.), молодаго человѣка, Валерьяна Михайловича Альварскаго (г. Леонидовъ), да двухъ старыхъ волокитъ, Сидора Пудовича Подорожникова (г. Мартынова) и князя Степана Ильича Байбакъ-Калушевича (г. Каратыгинъ 2.) Этотъ князь, не смотря на свои лѣта, ужасный вѣтрогонъ: ухаживаетъ за молоденькой дамой, и въ то же время именуется женихомъ ея падчерицы; а всему вина Антонъ Сергѣевичъ: онъ рѣшительно ослѣпленъ его сіятельствомъ. Супруга хочетъ открыть ему глаза, но онъ ничему не вѣритъ, съ ума сходитъ отъ князя, и спитъ и видитъ, какъ бы произвесть свою Сашеньку въ княжны. Между тѣмъ, Александра Антоновна терпѣть не можетъ этого сіятельства; она влюблена въ Альварскаго и взаимно имъ

любима. Вѣра Дмитріевна протежируетъ ихъ любви, и чтобъ устроить эту свадьбу, подымается на хитрости. «Постой,» говоритъ, я докажу вамъ, Антонъ Сергѣевичъ, что князь вашъ негодяй и человѣкъ безъ всякихъ правилъ; держите со мной пари: если я проиграю, то обязана вамъ вышить экранъ, а если вы проиграете, то обязаны выдать Сашеньку за Альварскаго.» (На этомъ пари основана вся завязка.) Антонъ Сергѣевичъ соглашается, держитъ пари. Что жъ дѣлаетъ Вѣра Дмитріевна? — Изволите сію минуту узнать. — Она, по усильной просьбѣ Сидора Пудовича, соглашается выйти къ нему въ садъ въ 12 часовъ ночи; при чемъ, однако жъ, требуетъ, чтобъ онъ, для осторожности, нарядился въ женское платье. Къ чему же это? А къ тому, чтобъ выиграть пари и одурачить князя Степена Ильича. Она была увѣрена, что и князь приступитъ къ ней съ такой же просьбою — и не ошиблась. Разумѣется, она назначаетъ и ему свиданіе въ саду же, и въ 12 часовъ; разумѣется, узнаетъ о такомъ казусѣ и Антонъ Сергѣевичъ, въ душѣ котораго закипѣли наконецъ и ревность и жажда мщенія. — Наступаетъ полночь. Сидоръ Пудовичъ переряжается въ женское платье и является въ садъ.—Можете вообразить, какъ хорошъ онъ въ этомъ костюмѣ! — За нимъ приходитъ на свиданіе князь, а наконецъ и огорченный супругъ съ камердинеромъ своимъ Захаромъ.—Тутъ-то начинается потѣха! Его сіятельство ухаживаетъ за Сидоромъ Пудовичемъ и отпускаетъ ему нѣжности; Сидоръ Пудовичъ, какъ бы отъ него тягу— а онъ его за руку. Антонъ Сергѣевичъ въ бѣшенствѣ! Кричитъ Захару: валяй! И тотъ бросается на князя съ палкою; бѣда да и только! Изувѣчилъ бы онъ голубчика, да ужъ спасибо Вѣрѣ Дмитріевнѣ. Въ эту минуту прибѣгаетъ она въ садъ съ падчерицей и Альварскимъ, картина освѣщается и дѣло объясняется. Нѣжные обожатели молодой мачихи со стыдомъ и съ носами отправляются восвояси, а восхищенный ея супругъ, на основаніи заклада, соединяетъ дочь съ Альварскимъ.

Вотъ подробное содержаніе шутки-водевиль: *Молодая мачиха.* Въ ней, какъ изволите видѣть, нѣтъ ни вѣрныхъ характеровъ, ни занимательной, новой завязки. Хоть у насъ многіе считаютъ водевиль гилью, но, по нашему мнѣнію, шутка ли онъ, фарсъ ли, но все таки долженъ быть занимателенъ и вѣренъ характерамъ. Водевиль, какъ думаемъ мы, та же комедія, съ тою еще разницею, что для него нужны замысловатые и острые куплеты.

Молодая мачиха имѣла, однако жъ, успѣхъ, и авторъ былъ вызванъ. Публика, какъ кажется, хотѣла поощрить автора, по видимому, начинающаго еще театральное поприще. Надобно впрочемъ, отдать справедливость нашимъ артистамъ, участвовавшимъ въ этой пьесѣ: они такъ мастерски выполнили свое дѣло, что загладили въ ней почти всѣ погрѣшности. Въ особенности хорошъ былъ г. Мартыновъ въ роли Подорожникова: въ сценѣ, когда онъ является въ женскомъ платьѣ, публика не умолкала отъ хохота. Мы совѣтовали бы только г. Леонидову яснѣе выговаривать слова, а то какъ то всегда половина его ролей пропадаетъ для слуха, и читается имъ *про себя.*

Бенефисъ г-жи Сосницкой:

(15 Сентября.)

2) *Первое представленіе Мельника колдуна, обманщика и свата,* оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. А. Полеваго. *Ѳебусъ пуб-*

личный писецъ, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ Французскаго Н. А. Коровкина. 3) *Мэръ по выбору*, или *смѣлый по неволѣ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго. (Всѣ три въ первый разъ.)

Мы не будемъ пересказывать содержаніе первыхъ двухъ піесъ: онѣ напечатаны въ Репертуарѣ. *Первое представленіе Мѣльника* и пр. въ Октябрской книжкѣ, а *Өебусъ* въ Ноябрской, и вѣроятно, всякій прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ.

— *Өебусъ, публичный писецъ*, принадлежитъ къ числу не многихъ дѣльныхъ водевилей, перенесенныхъ къ намъ съ Французской почвы: онъ занимателенъ, забавенъ и интересенъ. Переводчикъ его, Н. А. Коровкинъ, подарилъ нашу сцену и Репертуаръ піесою, которая въ Парижѣ имѣла блистательный успѣхъ и которая въ его рукахъ не потеряла своего достоинства. Надобно отдать справедливость г. Коровкину: онъ трудится ревностно и успѣшно для нашей сцены: переводъ его отличается чистымъ разговорнымъ языкомъ и острыми куплетами; сочиненія его, кромѣ этихъ достоинствъ, имѣютъ всегда новый вымыселъ, а не рабскія передѣлки устарѣлыхъ сюжетовъ или чужихъ собственностей, выдаваемыхъ у насъ нерѣдко *иными-прочими* за свои сочиненія. Г. Коровкинъ въ короткое время умѣлъ пріобрѣсть любовь публики, и теперь имя его на афишѣ можетъ уже служить порукою и за интересъ піесы и за ея успѣхъ. Въ одномъ только можно упрекнуть его: онъ, какъ будто, слишкомъ скоро обдѣлываетъ свои піесы. Сюжеты у него не бѣдны, характеры занимательны; развивай онъ эти сюжеты, очерчивай болѣе характеры, округляй сцены, и тогда его піесы будутъ имѣть вдвое болѣе достоинствъ и успѣховъ.

Г. Сосницкій, въ роли Өебуса, былъ превосходенъ. Надобно видѣть его въ этой роли, чтобъ вполнѣ постигнуть совершенства его разнообразнаго таланта. Такихъ артистовъ мало, не только у насъ, но и на первыхъ Европейскихъ театрахъ. Вообще водевиль: *Өебусъ*, былъ хорошо срепетованъ и весьма удачно разыгранъ. Г-жи Сосницкая, Асенкова, и Сандунова, г. г. Каратыгинъ 2 и Мартыновъ, при неважности своихъ ролей, сдѣлали ихъ занимательными и способствовали успѣху піесы.

— Въ новомъ произведеніи Н. А. Полеваго, мы встрѣтились съ лицами, еще небывалыми на нашей сценѣ. Онъ представилъ публикѣ Русскихъ сочинителей временъ Екатерины II: драматурга А. П. Сумарокова, профессора элоквенціи и знаменитаго піиту В. К. Тредьяковскаго, идиллиста П. Ө. Жукова и, наконецъ, героя піесы, А. О. Аблесимова, автора первой Русской оперы: »Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ,» той оперы, которая полъстолѣтія прожила на нашей сценѣ и еще нынѣ является на ней каждую масляницу. По этому уже одному было интересно, въ полномъ смыслѣ, *Первое представленіе Мельника*, и піеса Н. А. Полеваго, не ограничилась первымъ представленіемъ; она дается и будетъ даваться часто, какъ и всѣ его произведенія; не смотря на то, что она понятна только міру образованному: авторъ мастерски очертилъ характеры дѣйствующихъ лицъ, и небольшому сюжету умѣлъ придать занимательность. Публика оцѣнила новый трудъ почтеннаго нашего писателя и почтила его заслуженнымъ вызовомъ.

И въ этой піесѣ былъ особенно хорошъ г. Сосницкій (въ роли Тредьяковскаго); онъ вполнѣ постигъ желаніе автора, и небольшую роль

сдѣлалъ первою; намъ кажется, вѣрнѣе передать характеръ Тредьяковскаго не возможно. Вычурность движеній, выспренняя рѣчь, мимика, самая костюмировка изобличала въ немъ ученика Роллена и велемудраго профессора элоквенціи. Г-жа Асенкова была очень мила въ маленькой роли воспитанницы Сумарокова, Анны Ивановны. Г. Куликовъ вѣрно передалъ характеръ Жукова. Г. Мартыновъ сдѣлалъ все возможное изъ роли содержателя театра Кипнера, но она какъ-то къ нему не шла. За тѣмъ главныя роли, Сумарокова и Аблесимова не оправдали ни назначеній автора, ни нашихъ ожиданій. Гг. Каратыгины 2 и Максимовъ, на этотъ разъ, не поняли своихъ ролей: первый былъ слишкомъ простъ для гордаго вельможи временъ Екатерининскихъ, а второй слишкомъ холоденъ и величавъ для прямодушнаго переписчика стиховъ.

— Вотъ содержаніе водевиля: *Мэръ по выбору*. Г-жа Пенисонъ управляетъ своимъ мужемъ, добрымъ, смирнымъ простякомъ; у него нѣтъ ни своихъ желаній, ни своихъ дѣйствій, — все исполняется имъ по приказу жены. Онъ видитъ, что супруга его получаетъ любовныя записки, что за нею ухаживаетъ содержатель почтовой конторы, Дюразель, и не смѣетъ пикнуть слова. Между, тѣмъ въ деревнѣ выбираютъ мера, и г-жѣ Пенисонъ страхъ хочется сдѣлаться имъ въ лицѣ своего супруга; но какъ несчастное его положеніе много мѣшаетъ этому выбору, то она позволяетъ ему вступить въ свои права: кричать на нее, распоряжаться въ домѣ, браниться, драться. Г. Пенисонъ исполняетъ все въ точности, даже вызываетъ на дуэль обожателя своей супруги Дюразеля, и, какъ будто противъ желанія ея, устроиваетъ свадьбу своей племянницы съ ея возлюбленнымъ Христофомъ. Всѣмъ этимъ г. Пенисонъ выигрываетъ и уваженіе сосѣдей и мѣсто мера.

Пиеса эта забавна и такъ переведена, что переводчику не стыдно было бы выставить свое имя на афишѣ. Г. Сосницкій, въ роли г. Пенисонъ, былъ не на своемъ мѣстѣ; но, конечно, не могъ ее испортить; онъ и тутъ былъ хорошъ. Г-жа Сосницкая (г-жа Пенисонъ) могла бы быть очень хороша, еслибъ знала потверже роли. Пальма первенства въ этомъ водевилѣ г. Мартынову: безъ фарсовъ, безъ гримасъ, онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ въ ролѣ храбраго труса и нѣжнаго обожателя прелестей г-жи Пенисонъ, Дюразеля. Прочіе персонажи остались безцвѣтны.

Бенефисъ г-жи Брянской.

(25 Сентября.)

Сцены въ Москвѣ въ 1812 году, народное драматическое представленіе въ двухъ дѣйствіяхъ и двухъ картинахъ. Сочиненіе Русскаго Инвалида, И. Н. Скобелева. — *Полюбовная сдѣлка*, или *Русскіе въ Баденѣ*, комедія—водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго. (Обѣ піесы въ первый разъ.)

— 1812 годъ! Сколько въ немъ воспоминаній и горькихъ и незабвенно-сладостныхъ для Русскаго сердца! — Грозная эпоха 1812 года отняла у насъ много сыновъ отечества, но утвердила навсегда славу Россіи, доказала всему міру, что ея сила, вѣра и любовь къ Царю и родинѣ непобѣдимы! — Въ этой достославной эпохѣ заключены событія, близкія сердцу, извлекающія у насъ и слезы умиленія и душевный восторгъ! Чье же перо можетъ коснуться этого источника, какъ не того, кто былъ самъ участникомъ въ грозныхъ битвахъ Русской арміи, кто былъ свидѣтелемъ нашей славы, нашихъ жертвъ

нашей любви къ отцу и отечеству! Кто передаетъ и бумагѣ святую истину, задушевныя чувства, нравственные помыслы, понятные и вельможѣ и простолюдину!

Почтенный, заслуженный Русскій инвалидъ И. Н. Скобелевъ избралъ героемъ, для своего представленія, Маіора Пылаева, влюбленнаго въ дочь отставнаго полковника Русоцвѣтова, Катеньку. Война 1812 года разлучила ихъ; раны изувѣчили, обезобразили Пылаева; но чувства Катеньки остались вѣрны ему. Пылаева считали уже погибшимъ, Катенька, по желанію родителей, должна уже была выйти за другаго, но онъ явился — и рука ея отдана первенцу любви.

Этотъ небольшой сюжетъ связанъ съ интересными эпизодами: приготовленіями къ выѣзду изъ Москвы, сдачею ея, пожаромъ, народными толками и проч. Вся піеса дышитъ патріотизмомъ и списана съ натуры. Публика, признательная къ трудамъ почтеннаго автора, вызвала его единодушно и выразила ему благодарность громкими рукоплесканіями.

Артисты, участвовавшіе въ этихъ сценахъ, по возможностямъ, выполнили роли свои довольно исправно. Особенно хороши были Г. Каратыгинъ (Пылаевъ) и г-жа Асенкова (Катенька)

— Не пересказывая содержанія *Полюбовной сдѣлки*, мы просимъ читателей нашихъ проглядѣть ее вполнѣ, или на сценѣ, или (что и избавляетъ насъ отъ выписки ея содержанія въ Октябрской книжкѣ Репертуара. Піеса эта имѣла большой успѣхъ, и не мудрено: она игрива, занимательна и хорошо передѣлана. Г. Григорьевъ, передѣлавшій эту комедію-водевиль и игравшій роль Карпинскаго, какъ авторъ въ особенности, и какъ артистъ, заслужилъ благосклонность публики. Прекраснѣе всѣхъ въ *Полюбовной сдѣлкѣ* была г-жа Асенкова: малѣйшіе оттѣнки характера Карпинской были переданы ею съ совершенствомъ. Г-жа Самойлова 2 чрезвычайно мило исполнила роль Невѣриной. Г. Самойловъ... Помните ли вы, за годъ тому назадъ, какъ рѣдко этотъ артистъ появлялся на нашей сценѣ, какъ бѣденъ былъ репертуаръ его ролей; на него почти не обращали вниманія, не хотѣли замѣчать его стараній, и все отъ того только, что онъ занималъ неблагодарныя роли, въ которыхъ не могъ выказать своего неподдѣльнаго таланта. Теперь г. Самойловъ любимецъ публики. Въ короткое время онъ сдѣлался необходимымъ и для нея и для Дирекціи, Талантъ его былъ въ тунѣ, — *Студентъ, артистъ, хористъ и афферистъ* показалъ всю силу его дарованія, публика въ восхищеніи отъ его игры и теперь г. Самойловъ пожинаетъ уже лавры. Теперь рѣдкій спектакль обходится безъ него, практика его совершенствуетъ, освоиваетъ со сценой, и мы, въ каждой новой роли, открываемъ въ немъ новыя достоинства. Доказательство сему мы представимъ ниже.

Въ *Полюбовной сдѣлкѣ* мы видѣли въ г. Самойловѣ, въ роли Невѣрина, благороднаго, ловкаго, свѣтскаго человѣка, такого, какимъ должно быть въ свѣтѣ; это не бездѣлица!

Въ этой піесѣ была еще пріятная новость: музыка. Мотивы сочинены самимъ авторомъ, г. Григорьевымъ 1, а аранжированы для оркестра воспитанникомъ здѣшняго Театральнаго Училища г. Лядовымъ. Первый трудъ питомца Дирекціи подаетъ большія надежды: оркестровка обличаетъ уже въ немъ мастера своего дѣла.

Благодаримъ г г. Григорьева 1 и

Лядова за новую ихъ музыку. Одна и та же музыка почти во всѣхъ водевиляхъ, какъ и во всемъ однообразіе, можетъ скоро наскучить.

Бенефисъ г. Шемаева.

(4 Октября.)

Дочь Бургомистра, оперетта-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго П. С. Ѳедоровымъ.—*Его Превосходительство*, или *Средства нравиться*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. А. Коровкина. — *Стаканъ холодной воды*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго. — (Всѣ три піесы въ первый разъ.) *Она помѣшана*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ Французскаго. (Въ первый разъ по возобновленіи.)

— Спектакль былъ начатъ извѣстною, вѣроятно, всѣмъ драмою: *Она помѣшана*. И въ этотъ разъ, какъ и въ прочіе предъ симъ, она имѣла успѣхъ, благодаря интересному сюжету и отличной игрѣ г. Каратыгина 1 и г-жи Каратыгиной 1.

—Оперетта-водевиль: *Дочь Бургомистра*, имѣетъ интересъ, но такъ запутанъ, что невозможно даже извлечь изъ нея краткаго содержанія. Впрочемъ мы считаемъ излишнимъ разсказывать ея сюжетъ, потому что эта піеса имѣла не большой успѣхъ и, кажется, Дирекція сняла уже ее съ репертуара. У насъ держатся, однако же, на сценѣ, постоянно по нѣскольку лѣтъ, многія одно-актныя піесы, даже посредственнѣе ея и по вымыслу и по исполненію. *Дочь Бургомистра* погубила себя тѣмъ, что имѣетъ два акта и для легкаго водевиля слишкомъ длинна; сократить ее, по видимому, переводчикъ не могъ, и она сдѣлалась монотонною.

Не смотря на то, публика наградила вызовомъ почти всѣхъ артистовъ, участвовавшихъ въ сей піесѣ: г-жу Самойлову 2, гг. Григорьева 1, Самойлова и Шемаева! Лучше всѣхъ была изъ нихъ г-жа Самойлова 2, въ ролѣ Луизы, въ полномъ смыслѣ молодая Швейцарская пастушка: наивна, мила; и въ игрѣ ея и въ пѣніи ея отражалась душа.

Мы слышали въ этой опереттѣ нѣсколько номеровъ прехорошенькой новой музыки; прочіе номера были набраны изъ лучшихъ оперъ, вальсовъ и романсовъ, любимыхъ публикою. Увертюра была сочинена вновь воспитанникомъ Театральнаго Училища г. Лядовымъ. Эта увертюра утвердила насъ въ мнѣніяхъ о прекрасныхъ его дарованіяхъ.

Въ первомъ актѣ *Дочери Бургомистра*, довольно странно поставлена была декорація. Дѣйствіе происходило на *горѣ*, и потому всю сцену *возвысили* аршина на полтора. Чрезъ это не слышно было почти половины того, что говорили дѣйствующіе, и зритель, въ первыхъ рядахъ креселъ, долженъ былъ сидѣть около часа съ поднятою головою: и непріятно и неловко!

— *Его превосходительство*, г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Тюльпановъ, хочетъ жениться на дочери генеральши Бурятиной, Аннетѣ, и для того употребляетъ средства ей понравиться: угождаетъ ей, исполняетъ малѣйшія ея желанія; Аннета дѣлаетъ изъ его превосходительства все, что ей угодно: наряжаетъ его въ чепчикъ, заставляетъ снимать парикъ и проч.; всѣ эти средства не помогаютъ, однако же, Тюльпанову; Аннета предпочитаетъ его превосходительству — его благородіе Мишеля, уланскаго поручика, и выходитъ за него замужъ.

Водевиль имѣлъ успѣхъ, и авторъ его, Н. А. Коровкинъ, былъ вызванъ. Сюжетъ этого водевиля, конечно, могъ бы быть болѣе развитъ, но мы благодарны автору и за то, чѣмъ онъ

подарилъ нашу сцену: піеса его остра и забавна.

Г. Сосницкій былъ вѣренъ характеру Тюльпанова. Г-жа Самойлова 2 чрезвычайно мило выполнила роль Аннеты: не даромъ сходилъ съ ума его превосходительство. Г. Мартыновъ былъ уморителенъ въ роли Кувыркина, сосѣда Бурятиной и наперсника любви Тюльпанова. Г. Леонидовъ неглижировалъ какъ-то ролью поручика.

— *Стаканъ холодной воды*, заключается въ слѣдующемъ: Фернне, *торгующій тростями*, считаетъ себя счастливцемъ въ семейной жизни, восхищается женою и дѣтьми; сосѣдъ его Рапопо, *торгующій фарфоромъ*, напротивъ, жалуется на судьбу и свою супругу, и лечится съ горя холодной водою. — Г-жѣ Фернне, Сусаннѣ, вздумалось подарить мужа, въ день его рожденія, портретомъ своего сына, и для того возитъ она его къ живописцу. Письмо живописца объ этомъ портретѣ, написанное авторомъ водевиля двусмысленно, попадается въ руки г. Фернне; онъ понимаетъ его не въ настоящемъ смыслѣ, подозрѣваетъ жену въ измѣнѣ, относитъ слова живописца о прекрасномъ его произведеніи не къ портрету, а къ сыну, и, по совѣту г. Рапопо, лечится отъ счастія холодной водою. Наконецъ, принесенный портретъ и объясненія г-жи Фернне, открываютъ легковѣрному мужу глаза, и водевиль кончается благополучно.

Намъ кажется, что заглавіе водевиля: *Стаканъ холодной воды*, несоотвѣтствуетъ вовсе сюжету. Онъ почти не имѣлъ и успѣха; но иначе не могло быть: его играли уже около полуночи, когда и публика и артисты думали уже о *стаканѣ холодной воды* на сонъ грядущій.

Бенефисъ г. Афонасьева.

(16 Октября.)

Артуръ, или *Шестнадцать лѣтъ спустя*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ съ хорами, переведенная съ Французскаго. — *Мудреное приключеніе*, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго. — (Обѣ піесы въ первый разъ.) *Новая шалость*, или *Театральное сраженіе* опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, подражаніе Французскому. (Въ первый разъ по возобновленіи.)

Содержаніе *Артура* разсказано въ отчетѣ о Московскомъ Театрѣ за первое полугодіе. Драма эта уже и напечатана въ Декабрской книжкѣ Репертуара. Мы повторимъ сказанное рецензентомъ Московскаго Театра: «Въ этой маленькой піесѣ есть драматическая жизнь, есть интересъ; нѣкоторыя сцены поражаютъ до глубины сердца.» Прибавимъ съ своей стороны: *Артуръ* переведенъ чистымъ разговорнымъ языкомъ и имѣлъ успѣхъ на Петербургской сценѣ. Г-жа Каратыгина 1, въ роли Маріи, была безподобна: чувства матери, сперва несчастной потерею сына, потомъ жертвующей для его счастія собственнымъ счастіемъ, выражены были ею неподдѣльно. Г. Каратыгинъ 1 (Лордъ Мельвиль) былъ благороденъ въ продолженіе всей піесы; а послѣдняя сцена, когда слова Артура побѣждаютъ непреклонное его сердце, сыграна имъ превосходно. — Г. Максимовъ 1 началъ роль Артура натурально: въ немъ обличался добрый, счастливый юноша, еще незнакомый съ сѣтями и коварствомъ свѣта; но чѣмъ далѣе шла піеса, чѣмъ труднѣе становилась его роль, чѣмъ болѣе требовалось отъ него души, тѣмъ менѣе въ немъ было натуры: онъ забывалъ характеръ, впадалъ въ манерность, чувства его замѣнялись неумѣстнымъ крикомъ. Г. Максимовъ

1 съ умомъ, съ хорошими средствами для артиста, любитъ свое искусство; удивляемся, для чего онъ прибѣгаетъ къ бездарнымъ средствамъ? Говорить безъ нужды съ ужимками, плаксивымъ тономъ, дѣлать непріятныя мины, кричать, не имѣя голоса,- воля ваша, погрѣшности, непростительныя для таланта! — Г. Афанасьевъ сдѣлалъ, по видимому, все возможное изъ роли Жерома; но, сказать правду, походилъ болѣе на *Осипа*, чѣмъ на Француза. — Г. Третьяковъ высказалъ довольно понятно роль Джона, рыбака; за то жена его, Китти, въ лицѣ г-жи Волковой 1, такъ говорила невнятно, что мы сомнѣваемся даже, по Русски ли она читала свою роль.

— Чушкинъ, коллежскій ассесоръ, ожидаетъ изъ Ахтырки невѣсту Машу съ отцомъ ея тамошнимъ помѣщикомъ Штрихомъ. Похороны внезапно умершаго какого-то пріятеля Чушкина, холостяка милліонера, вызываютъ его изъ дома, и онъ, отправляясь на печальную церемонію, приказываетъ своему слугѣ, Еремею, ужасному простофилѣ, въ случаѣ пріѣзда Штриха съ Машей, принять ихъ и занять. Только Чушкинъ изъ дверей, а къ нему *въ окно* гость, г. Хлопушкинъ, молодой человѣкъ, влюбленный въ Машу: явился узнать, не пріѣхалъ ли Штрихъ. Еремей, не привыкшій къ такимъ страннымъ входамъ и незнакомый вовсе съ Хлопушкинымъ, не знаетъ, за кого его принять; хочетъ сердиться, но нѣсколько кошельковъ, брошенныхъ ему незнакомцемъ, знакомятъ ихъ, успокоиваютъ слугу и даютъ даже позволеніе Хлопушкину спрятаться въ чуланѣ. — Тотчасъ же пріѣзжаетъ и Штрихъ съ Машей. Еремей ихъ принимаетъ, и докладываетъ, что баринъ его отправился на кладбище. Штрихъ въ испугѣ, въ изумленіи! — Давно ли? Сейчасъ! — Боже мой, да мы встрѣтили похороны! Такъ онъ умеръ? — Умеръ!» — Еремей полагаетъ, что Штрихъ спрашиваетъ объ умершемъ пріятелѣ Чушкина и объясняетъ, какимъ образомъ онъ скончался, какія богатства оставилъ послѣ себя, что у него нѣтъ наслѣдниковъ и пр. Штрихъ принимаетъ все на счетъ Чушкина. Мы, говорить, его наслѣдники: *я*, какъ его родственникъ, а дочь моя, какъ нареченная его невѣста; преспокойно отворяетъ бюро Чушкина, даритъ его часы Еремею и бѣжитъ въ полицію. Маша уходитъ въ боковую комнату. Чушкинъ возвращается съ похоронъ, и узнавъ о пріѣздѣ невѣсты, спѣшитъ переодѣться понаряднѣе. Штрихъ является съ квартальнымъ и двумя свидѣтелями, накладываетъ печати на имущество Чушкина, запечатываетъ, въ трехъ разныхъ комнатахъ, Хлопушкина, Чушкина и Машу, и сдѣлавъ подарки, изъ имущества же Чушкина, квартальному и свидѣтелямъ, уходитъ за ними. Тутъ начинается суматоха. Затворники стучатъ въ двери; ихъ не выпускаютъ. Хлопушкинъ разламываетъ дверь чулана, отпечатываетъ Машу и убѣгаетъ съ нею изъ дома. Чушкинъ видитъ все это изъ окошечка, продѣланнаго въ двери его кабинета, выходитъ изъ себя, стучитъ сильнѣе. На его крикъ прибѣгаетъ Штрихъ, но увидя въ окошечко голову мнимаго мертвеца, чуть не сходитъ съ ума и даетъ тягу. Чушкинъ остается одинъ, и изъ окошечка поетъ послѣдній куплетъ къ публикѣ.

Передѣлка этого *Мудренаго приключенія* въ Русскіе нравы неудачна: въ немъ нѣтъ ни правдоподобія, ни вѣрныхъ характеровъ, ни дѣльной развязки. Не смотря на то, нѣсколько смѣшныхъ сценъ и хорошихъ

куплетовъ задобрили публику: піеса кончилась благополучно.

Гг. Самойловъ (Штрихъ), Григорьевъ 1 (Чушкинъ) и Шемаевъ (Еремей) были очень забавны. Въ роляхъ Маши и Хлопушкина было по нѣскольку словъ; первую г-жа Ѳедорова прочитала для публики, вторую г. Леонидовъ проговорилъ для себя.

Новая шалость, или *Театральное сраженіе*, — пріятная старина, шалость извѣстнаго писателя Н. И. Хмельницкаго. Основа этого водевиля, въ которомъ *ученики* отбиваютъ театральнымъ сраженіемъ невѣсту, прекрасную Бабетту, у хилаго фориштмейстера и отдаютъ ее Алину, молодому крестьянину, — смѣшна и, для старины, занимательна. Водевиль этотъ былъ въ нынѣшній разъ очень мило разыгранъ г-жами Самойловой 1 и Самойловой 2 въ особенности, г-жею Асенковой, г. Мартыновымъ и др. Только г. Марковецкій, въ роли Алина, былъ вовсе не подъ пару наивной, интересной Бабеттѣ.

Бенефисъ г-жи Шелиховой 1.

(10 Ноября.)

Неровный бракъ, или *Семейство Риксбургъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго. — *Луиза*, или *Свадьба по судейскому приговору*, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго. *Стряпчій подъ столомъ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ Французскаго Д. Ленскимъ. — *Полюбовная сдѣлка*, или *Русскіе въ Баденѣ*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго.

Г-жа Шелихова 1 удивила насъ своимъ бенефисомъ. Четыре піесы — и ни одной изъ нихъ *въ первый разъ*, ни одной даже *въ первый разъ по возобновленіи!* Такихъ чудесъ давно не видано было на бенефисныхъ афишахъ!

Разборомъ этого бенефиса мы не утомимъ читателей. Старыя піесы не подлежатъ суду *Репертуара*; притомъ данныя г-жею Шелиховою хорошо извѣстны публикѣ и оцѣнены уже ею. Ограничимся только изложеніемъ игры, въ этотъ разъ, гг. артистовъ.

— *Неровный бракъ* въ совершенствѣ разыгрывается у насъ на Французской сценѣ; — исполненіе его Русскими артистами далеко отъ совершенства. Въ нынѣшнее представленіе, онъ лишенъ былъ даже натуры и жизни.

— Въ водевилѣ *Луиза* замѣчательна г-жа Сосницкая, въ роли г-жи Барнекъ: естественнѣе, забавнѣе сыграть трудно. Бенефиціантка, явясь въ ролѣ Луизы, напомнила былое время. Нѣкогда она была необходимою для водевиля, какъ теперь г-жи Асенкова и Самойлова 2, она также нравилась публикѣ, какъ и онѣ — и публика, признательная къ воспоминаніямъ о заслугахъ г-жею Шелиховой 1, наградила ее лестнымъ пріемомъ и вызовомъ. — г. Мартыновъ, кажется, не зналъ роли Зальцбаха, но въ немъ все таки проглядывалъ талантъ. Г. Григорьевъ 1, въ роли графа Мальзена, былъ не въ своей тарелкѣ, однако жъ ее неиспортилъ. Г. Леонидовъ, Садлеръ, другъ графа Мальзена, *съ рѣчьми*, былъ ровенъ прочимъ безсловеснымъ друзьямъ его. Ужъ эти друзья! На сценѣ они нестерпимѣе еще чѣмъ въ свѣтѣ. Въ свѣтѣ они хоть соблюдаютъ условныя приличія, а на сценѣ.... Бѣдный графъ! Какими жалкими онъ окруженъ друзьями!

— Г. Каратыгинъ 2 явился въ первый разъ въ ролѣ Жовіаля, *стряпчаго*. Шагъ трудный послѣ незабвен-

наго Дюра, котораго слава еще свѣжа въ нашей памяти. Роль Жовіаля была въ числѣ перловъ его таланта: онъ, можно сказать, утвердилъ успѣхъ самаго водевиля, замѣчательнаго по одной ролѣ стряпчаго и по острымъ прекраснымъ куплетамъ. Г. Каратыгинъ 2 преодолѣлъ трудности и поддержалъ успѣхъ піесы: онъ сдѣлалъ *своего* Жовіаля, и сдѣлалъ, какъ мастеръ. Игра его была не натянута, безъ фарсовъ, но со смѣху морила публику, вырывала громкіе аплодисменты. Г. Каратыгинъ 2 по справедливости былъ вызванъ два раза: послѣ перваго дѣйствія и послѣ втораго. Входный его куплетъ, въ которомъ онъ очень кстати пропѣлъ о куплетцахъ, наградилъ артиста-писателя неложнымъ *браво*.

О водевилѣ *Полюбовная сдѣлка* говорено уже выше, при разборѣ бенефиса г-жи Брянской.

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ бенефисовъ. Переходимъ къ единственной новости, поставленной Дирекціею. 31 Октября дана ею, въ первый разъ: *Велисарій*, драма, въ стихахъ, въ пяти отдѣленіяхъ, переведенная съ Нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ.

Кто не знаетъ Велисарія, этого великаго человѣка, котораго дѣла и слава приблизили къ трону Императора Юстиніана, возвысили на степень перваго сановника Римской Имперіи, а клевета и зависть людская лишили зрѣнія и довели до нищенскаго посоха!

Велисарій возвращается въ отечество, послѣ грозной брани, побѣдителемъ Вандаловъ, съ тріумфомъ, съ трофеями побѣдъ, и тогда, какъ Юстиніанъ возлагаетъ на главу любимца своего лавровый вѣнокъ, враги Велисарія, завистники его славы, точатъ на него кинжалы. Эти враги Руфинъ, Евтропій и Антонина — жена Велисарія, милая его жена, съ которой онъ былъ такъ счастливъ, съ которой послѣ тяжкаго похода, надѣялся раздѣлить славу, успокоить чувства. Что же вооружило ее противъ добраго мужа, столько же мирнаго въ своей семьѣ, сколько грознаго для враговъ? — Мщеніе матери. Онъ сгубилъ ея первенца, сына, въ первыя минуты его рожденія. Велисарій видѣлъ сонъ: сынъ его, уже взрослый, возставалъ противъ отечества. Зловѣщій сонъ возмутилъ суевѣріе отца — для родины пожертвовалъ онъ сыномъ, велѣвъ рабу своему убить его. Мать не знала истины около двадцати лѣтъ; въ замѣнъ утраченнаго сына, ей послано было судьбою утѣшеніе въ дочери ея, милой, кроткой Еленѣ. Во время послѣдняго отсутствія — Велисарія, рабъ его, при концѣ жизни, облегчилъ угрызеніе совѣсти признаніемъ Антонинѣ въ убійствѣ ея первенца. Антонина поклялась мщеніемъ мужу — и сдѣлалась сообщницею его враговъ, Велисарій оклеветанъ предъ Императоромъ; ему представлены подложныя письма. Юстиніанъ не вѣритъ глазамъ: его любимецъ, его Велисарій хочетъ воспользоваться народною любовью, хочетъ возсѣсть на его престолъ! Рука Велисарія, онъ пишетъ объ этомъ женѣ — и жена подтверждаетъ клевету! Напрасно Императоръ въ душѣ своей ищетъ оправданій ему; — законъ осудилъ Велисарія на смерть! Но государь вправѣ миловать и преступника. Онъ изгоняетъ его изъ отчизны, «чтобъ глаза Велисарія,» говоритъ Юстиніанъ обвинителямъ его,» никогда меня не видали. Императоръ не думалъ лишить его зрѣнія; но злодѣи воспользовались словами Юстиніана, отняли у Велисарія все, что далъ ему государь, и даже то, чего онъ не далъ — выкололи ему глаза. Велисарій — герой, полководецъ, сдѣлался нищимъ

— слѣпцомъ. Въ жизни осталась у него одна отрада: Елена, обожающая отца, пожертвовала для него всѣмъ. Въ платьѣ мальчика она повела его изъ родины, пошла съ нимъ по міру просить для него пріюта и куска хлѣба, дѣлить и горе и нужду. Народъ опечаленъ вѣстью о несчастіи великаго своего полководца; молва ростетъ; одни его оправдываютъ, другіе клевещутъ на него. Злодѣи и тутъ не оставили Велисарія въ покоѣ: они изгнали его изъ отечества, лишили зрѣнія; надобно взять у него и жизнь. Новые доносы Императору: ему говорятъ, что Велисарій возмущаетъ народъ, идетъ на отечество съ врагами. Антонина уже не та: совѣсть ее терзаетъ; она лишена покоя, она открываетъ Императору ужасный заговоръ, повергнувшій Велисарія въ несчастіе. Между тѣмъ, противъ Юстиніана дѣйствительно идутъ враги, Аланы, но не Велисарій ихъ предводитель; ихъ возмутилъ Аламиръ, молодой Вандалъ, плѣнникъ Велисарія, полюбившій сердцемъ своего завоевателя, нашедшій въ немъ отца и мстящій за его уничиженіе. Недаромъ сердце влекло Аламира къ Велисарію: онъ точно сынъ его, тотъ сынъ, котораго приказано было убить въ младенчествѣ, который возстановилъ противъ отца мщеніе матери; онъ былъ спасенъ Вандаломъ. Зловѣщій сонъ сбылся: сынъ Велисарія врагъ своего отечества. Велисарій встрѣчаетъ Аламира съ Аланами, узнаетъ ихъ намѣреніе, узнаетъ сына и хочетъ защитить родину, хочетъ отвлечь Аламира отъ преступленія. Тщетны его просьбы: Аланы не внемлютъ ему, требуютъ вознагражденія за дальній путь и не отдаютъ ему сына. Велисарій готовъ для родины снова пожертвовать сыномъ; ему горько видѣть въ немъ врага ея. Онъ хочетъ своими руками убить Аламира. Аланы изумлены силою души Велисарія! Сынъ отданъ отцу но отечество имъ незащищено. Римскія войска гибнутъ подъ предводительствомъ Руфина, того Руфина, который изъ первыхъ погубилъ Велисарія, но не могъ замѣнить въ немъ полководца. Невинность Велисарія уже ясна для Императора; онъ оправдалъ Антонину; злодѣйство Руфина и Евтропія обличено самимъ Юстиніаномъ. Слѣпца ищутъ. Онъ наконецъ найденъ: рубище его прикрываютъ латами, чело шлемомъ, посохъ замѣняютъ снова мечемъ, онъ ведетъ Римлянъ противъ враговъ: довольно взгляда на него, довольно его имени, чтобъ одушевить сподвижниковъ, устрашить злодѣевъ! — Враги разбиты, но Велисарій умираетъ уже отъ ранъ. Прославленнаго, возвеличеннаго, снова приносятъ его на носилкахъ предъ Императора. Антонина предъ Велисаріемъ, трепещущая, почти безумная, пораженная положеніемъ супруга! Велисарій прощаетъ ее — Антонина бездыханная падаетъ къ его одру. Великій полководецъ кончается при громѣ трубъ и литавръ! Императоръ, сынъ, дочь и весь народъ преклоняютъ колѣна и молятъ Бога о принятіи души страдальца въ лоно вѣчной радости.

Драма *Велисарій* написана по Нѣмецки Г. Шенкомъ, и пріобрѣла въ Германіи блистательный успѣхъ. Она имѣетъ классическую форму, но мѣстами проглядываетъ и Романтисмъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ почти всѣ болѣе или менѣе возвышены противъ дѣйствительности: языкъ ихъ исполненъ поэзіи. Интересъ піесы поддержанъ искусно съ начала до конца. Нѣкоторыя сцены нѣсколько длинны, за то другія начертаны перомъ художника, исторгаютъ невольныя слезы, привлекаютъ невольное участіе къ положенію дѣйствующихъ.

Переводчикъ *Велисарія,* П. Г. Ободовскій, поддержалъ достоинство подлинника и передалъ его въ прекрасныхъ, свѣтлыхъ стихахъ. Публика наградила его вполнѣ достойнымъ вызовомъ.

Велисарій обязанъ блистательнымъ своимъ успѣхомъ сколько переводу г. Ободовскаго, столько и превосходной игрѣ г. Каратыгина 1. Роль Велисарія вплела въ его вѣнокъ новый лавръ. Лиръ, Гамлетъ, Людовикъ, Гюгъ-Бидерманъ и Велисарій утвердили славу нашего перваго трагика, которымъ должна гордиться Русская сцена. Равныхъ талантовъ г. Каратыгину 1 мало теперь въ Европѣ! — Какъ онъ былъ величественъ въ Велисаріи при тріумфѣ! Какъ благородно оправдывался предъ клеветниками! Какъ трогательно было прощаніе его съ родиной! Какъ горяча была любовь его къ дѣтямъ! — Малѣйшіе оттѣнки его роли не были забыты. Публика вызвала г. Каратыгина нѣсколько разъ. — Г. Брянскій не испортилъ роли Юстиніана; замѣчательные стихи прочитаны имъ были съ большимъ чувствомъ. — Г-жа Каратыгина, въ роли Антонины, вѣрно передала и чувства мщенія матери и раскаянія жены. — Г-жа Асенкова чрезвычайно мило играла роль Елены. Въ сценѣ, когда она является въ платьѣ мальчика и ожидаетъ выхода отца изъ тюрьмы, и потомъ въ продолженіе сцены съ нимъ, — проявлялась въ словахъ ея душа. — Г. Леонидовъ удивилъ публику въ роли Аламира!!! Въ цѣломъ она разыграна была имъ неудовлетворительно; но два, три монолога его исторгли у зрителей единодушный аплодисементъ. Вотъ новое доказательство, что г. Леонидовъ не безъ таланта; если бъ онъ изучалъ прилежнѣе свое искусство, былъ внимательнѣе къ ролямъ, уважительнѣе къ публикѣ, то могъ бы пріобрѣсть и успѣхъ и благосклонность ея. Не мѣшало бы еще ему обращать иногда вниманіе на костюмировку да, побольше бѣлиться; на сценѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо и кокетство. Г. Самойловъ, въ роли Порфира, прекрасно пропѣлъ вставленный въ эту драму романсъ покойнаго Мерзлякова:

Малютка шлемъ нося, пресялъ, и проч.

Въ 6-е представленіе *Велисарія*, эту роль занимала г-жа Самойлова 2, и романсъ этотъ пропѣтъ ею превосходно. Музыка этого романса написана извѣстнымъ слѣпцомъ Жилинымъ; она вылилась изъ его души и близка къ сердцу каждаго слушателя. — Г. Борецкій исправно выполнилъ роль Протогена. — За тѣмъ выполненіе прочихъ ролей участвовавшими въ *Велисаріи* артистами не замѣчательно; согласной общности въ немъ не было. — Обстановка піесы довольно великолѣпна; есть однако же въ ней разногласіе съ вѣкомъ и недостатки. — Въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ декорацій, мы узнали превосходныя произведенія кисти Каноппи и Гонзага.

Кромѣ поставленной вновь Дирекціею драмы *Велизарій*, возобновлены были ею водевили: *Усы*, *Суженаго конемъ не объѣдешь* и *Медвѣдь и Паша*. Первые два изъ нихъ имѣютъ достоинства: они забавны и довольно интересны; третій лишенъ всякой занимательности и сценическаго приличія. Всѣ эти піесы, кажется, для попытки, обставлены были большею частью актерами еще юными по таланту, и положены снова въ театральный архивъ. Попытка не удалась.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ дебютантахъ. Дебютантовъ у насъ въ продолженіе втораго полугодія не было. Виноваты! одинъ являлся въ драмѣ *Гамлетъ*: онъ о

и явился и исчезъ какъ метеоръ; его никто почти не замѣтилъ.

Сцена наша пріобрѣла трехъ артистокъ для ролей первыхъ любовницъ, воспитанницъ Театральнаго Училища: Г-жъ Ѳедорову, Ширяеву и Гриневу, падающихъ съ первыхъ дебютовъ лестныя надежды. Первая изъ нихъ дебютировала въ первый разъ 30 Іюля, въ роли Клариссы, въ водевилѣ, *Двѣ женщины противъ одного мужчины*; вторая, 16 Августа, въ роли Авдотьи Андреевны, въ водевилѣ *Архиваріусъ*; третья, 17 Сентября, въ роли Луизы, въ водевилѣ *Узкіе башмаки*. Всѣ онѣ одарены красивой наружностью, хорошимъ ростомъ и станомъ, и имѣютъ довольно правильную дикцію. Г-жа Ѳедорова обладаетъ сверхъ того чувствомъ, что замѣтили мы въ слѣдующихъ ея дебютахъ въ піесахъ *Смерть или честь* и *Русскій человѣкъ добро помнитъ*, при изученіи своего искусства, она можетъ съ успѣхомъ играть въ драмѣ. — У г-жи Гриневой премилый, легкій голосъ; но ей надо еще учиться, пріобрѣтать методу въ пѣньѣ и пріучаться къ сценѣ болѣе въ легкихъ роляхъ, чѣмъ Луизы въ *Узкихъ башмакахъ*; тогда успѣхи ея будутъ удачнѣе. Г-жа Ширяева теперь занимаетъ уже много ролей; мы замѣтили, что вообще она слишкомъ наивна: въ ней видна всегда какая то робость; въ игрѣ ея мало жизни. Побольше смѣлости и души, побольше внимательности къ ролямъ, и г-жа Ширяева можетъ быть украшеніемъ водевиля.

Заключимъ хронику нашу краткимъ обзоромъ успѣховъ г. Самойлова. Не упоминая здѣсь о множествѣ разнообразныхъ ролей, сыгранныхъ имъ въ весьма короткое время, мы скажемъ только о трехъ, которыя считаемъ замѣчательнѣйшими въ его репертуарахъ, которыя занималъ прежде незабвенный Дюръ и находилъ ихъ весьма трудными. Эти роли: дуракъ въ трагедіи *Король Лиръ*, Губкинъ въ оперетѣ *Студентъ, артистъ, хористъ и афферистъ*, и Эдуардъ, въ водевилѣ *Артистъ* Въ нихъ доказалъ г. Самойловъ вполнѣ истинное, самобытное свое дарованіе Дуракъ Лира — задача трудная для артиста: малѣйшій фарсъ, излишній комизмъ можетъ рѣшительно испортить эту роль. Г. Самойловъ преодолѣлъ трудность, сдѣлалъ роль понятною для публики, заставлялъ не смѣяться надъ выходками Дурака, но дивиться остротѣ его ума, скрытой подъ оболочкой глупости. Это уже не успѣхъ, а заслуга! — Въ оперетѣ *Студентъ, артистъ, хористъ и афферистъ*, г. Самойловъ явился не подражателемъ Дюра; онъ выполнилъ роль Губкина по своему и съ не меньшимъ талантомъ. Игра его была благородна и увлекательна; пѣнье трудное, по безпрерывнымъ *дѣйствіемъ* роли, исполнено весьма удовлетворительно. Въ водевилѣ *Артистъ*, онъ былъ еще выше. Четыре различные характера, собственно Эдуарда, Италіянца-композитора, кор-де-балетнаго танцора и профессора декламаціи,—отдѣланы имъ разнообразно, умно; въ особенности онъ хорошъ былъ композиторомъ: языкъ, манера, самое пѣнье, обличали въ немъ Италіянца. — Всѣ эти роли увѣнчали г. Самойлова полнымъ успѣхомъ. Желаемъ ему отъ души дальнѣйшей славы и совершенства въ его прекрасномъ искусствѣ!

Здѣсь представляемъ нашимъ читателямъ театральную хронику по 15 Ноября. Въ будущемъ году при каждой книжкѣ Репертуара будетъ театральная хроника съ подробнымъ разборомъ достоинствъ всѣхъ новыхъ произведеній, какъ драматической, такъ и оперной Руской сцены, и о выполненіи ихъ артистами, а также обозрѣніе всѣхъ имѣющихъ быть концертовъ. Каждая хроника будетъ заключать въ себѣ театральныя обозрѣнія съ 15 по 15 число.

ХРОНИКА

МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

Съ 1 Іюля по 1 Ноября 1839 года.

—

Вступая во второе полугодіе нашего отчета, мы должны предупредить читателей, что интересъ этого послѣдняго отчета въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ, т. е. Іюля и Августа, будетъ гораздо незначительнѣе того, который былъ въ отчетѣ за первую половину года. Причина этому весьма понятна и близка: лѣтніе мѣсяцы опустошаютъ Москву; самые жаркіе приверженцы древней столицы оставляютъ ее на два, на три мѣсяца, и переселяются въ отдаленныя деревни или окрестныя дачи. Театръ, вмѣстѣ съ Москвою, пустѣетъ; только ревностнѣйшіе охотники, или люди, по необходимости остающіеся въ городѣ, появляются еще иногда въ театральныхъ залахъ, откуда жаръ изгоняетъ всякое живое существо. При таковомъ положеніи дѣлъ очевидно, что не можетъ быть ни репертуара богатаго и завлекательнаго, ни игры искусной и изящной со стороны актеровъ, изъ которыхъ лучшіе въ это время находятся въ отпускахъ. Но за то, какая дѣятельность оживаетъ въ театрѣ въ половинѣ Сентября! Какъ все снова начинаетъ суетиться! Репертуаръ становится полонъ и разнообразенъ; артисты, любимые публикой, на лицѣ; ставятся новыя пьесы; идутъ репетиціи новыхъ оперъ; пишутся декораціи для свѣжихъ балетовъ; подготовляются бенефисы, и каждый бенефиціянтъ старается сдѣлать свой бенефисъ занимательнымъ и любопытнымъ. Въ ожиданіи того времени, когда наступитъ пора бенефисовъ, мы вкратцѣ представляемъ ходъ театральныхъ представленій съ 1-го Іюля 1839 года.

На театрѣ Петровскаго Парка, 2 Іюля дана была драма Н. А. Полеваго: *Иголкинъ*, купецъ Новогородскій. Мочаловъ, въ роли Иголкина является артистомъ съ большою силою, съ необыкновеннымъ выраженіемъ патріотическаго звука. Сцены, гдѣ онъ молится передъ казнію и возвращеніе его на родину превосходны энергіей и жаромъ, съ которымъ онъ передалъ ихъ. Торжество Мочалова есть, безъ сомнѣнія, Гамлетъ; по сколько разъ онъ былъ неподража-

емъ въ Лирѣ, въ Нино, въ Отелло! Мы любовались имъ въ Скопинѣ-Шуйскомъ, гдѣ, въ представленіе 26 Сентября, онъ насъ удивилъ своимъ могуществомъ. Давно мы не видали такого прекраснаго исполненія сценъ: въ первомъ актѣ, раскаянія, во 2-мъ, челобитья Скопину, въ 4-мъ, отчаянія послѣ смерти Михаила Васильевича, и наконецъ, въ 5, когда онъ совершаетъ казнь надъ Екатериной. Въ Отелло (10 Октября), въ Лирѣ (15 Октября) и въ Нино (24 Октября), онъ явился намъ, какъ будто совершенно новымъ человѣкомъ: такъ улучшается, такъ совершенствуется игра его. Выражаетъ ли онъ полуденную страсть кипящаго Мавра, или горькое отчаяніе оскорбленнаго Лира, или появляется онъ передъ вами послѣ неожиданнаго открытія ужаснаго злодѣйства, каковъ Нино—онъ поражаетъ васъ; вы трепещете, вы готовы просить пощады, такъ сильно, такъ могущественно трогаетъ онъ душу.

6 Іюля, *Аскольдова Могила*, опера, ставшая національной, благодаря музыкѣ А. Н. Верстовскаго и соловьиному голосу Бантышева. Театръ всякій разъ полонъ, рукоплесканія непрерывны; это торжество Бантышева, за которое онъ долженъ быть по гробъ благодаренъ композитору.

7 Іюля, *Дочь скупаго*, піеса, въ которой роль скупаго выполняетъ прекрасно Щенкинъ. Сцена отчаянія при потерѣ клада была сыграна мастерски. Дочь скупаго играла Г-жа Н. Рѣпина; у нея также были минуты, въ которыя можно было рукоплескать. *Жизнь или смерть*, хорошенькій водевиль, извѣстный читателямъ Репертуара, и *Севильскій цирюльникъ*, ничтожный балетъ, для разъѣзда каретъ.

9 Іюля, даны были два водевиля: *Матросъ* и *Артистъ*, и балетъ: *Волшебная флейта*. *Артистъ* на Московской сценѣ есть такой водевиль, который можно смотрѣть десять разъ и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Г. П. Степановъ превосходно представляетъ намъ декламацію и маперъ извѣстнѣйшихъ нашихъ и любимыхъ артистовъ и артистокъ. Подражаніе голосу и манерѣ говорить, до того вѣрно, что, ежели бы вы не видали лица, вы бы побились объ закладъ, что это тотъ или другой. У Г. П. Степанова необыкновенный даръ на копіи: онъ не только мѣняетъ голосъ,—лицо его, выраженіе физіономіи совершенно измѣняются; онъ удивляетъ особенною подвижностью мускуловъ своего лица; онъ дѣлаетъ изъ него рѣшительно все, что захочетъ.

20 Іюля, дана была опера *Волшебный стрѣлокъ*, гдѣ Г-жа Каплинская 2 дебютировала въ роли Анеты. Ея голосъ гораздо моложе и меньше, нежели голосъ Каплинской 1, но въ немъ болѣе пріятности, болѣе звучности, болѣе этой серебряной интонаціи. Г-жа Каплинская 1-я играла въ роли *Баядерки* (27 Іюля), и съ большимъ успѣхомъ. Она занимаетъ на нашей сценѣ первое мѣсто. Г-жа Савицкая имѣетъ голосъ огромный, но необработанный, и потому непріятный для слуха. Г-жа Михайлова обладаетъ голосомъ большимъ, чистымъ, полнымъ и звучнымъ; но ей не даютъ еще большихъ ролей. До сихъ поръ она играетъ только въ водевиляхъ и поетъ въ дивертисментахъ. Впрочемъ, она играла въ Нормѣ, вмѣстѣ съ Г-жею Крей, и играла такъ, что ей безъ опасенія можно бы дать роль Анеты въ *Волшебномъ стрѣлкѣ*, роль въ *Невѣстѣ*, или роль Надежды въ *Аскольдовой могилѣ*. Г-жи Михайловой, конечно, мало игры, и она выходитъ на сцену не болѣе десяти разъ въ годъ, и то въ піесахъ незначительныхъ.

30 Іюля, *Горе отъ ума*. Образцовое произведеніе Грибоѣдова долго и съ постояннымъ успѣхомъ держится на нашей сценѣ. Можно поблагодарить Дирекцію за то, что она

на этотъ разъ роль Чацкаго отдала не бездарному Г. Славину, а Г. Самарину, молодому артисту, на котораго можно имѣть много надежды. Роль Чацкаго, всѣмъ извѣстно, очень трудная роль: въ ней надобно много искусства, чтобъ не впасть въ крайность, въ напыщенность и декламацію. Она требуетъ самой простой самой обыкновенной игры, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и самой благородной. Артистъ ни на минуту не долженъ забывать, что онъ изображаетъ человѣка, въ высшей степени образованнаго, утонченно-свѣтскаго. Г. Самаринъ старался понять свою роль и Чацкаго разыгралъ весьма удовлетворительно. Г. П. Степановъ, въ роли Князя Тугоуховскаго, есть чудное комическое лице. Г Самаринъ имѣетъ еще прекрасную роль, въ которой онъ можетъ показать себя: это роль Хлестакова, въ Ревизорѣ. Онъ ее разъигрываетъ очень хорошо, исключая развѣ только того, что онъ немного впадаетъ въ ухватки не совсѣмъ хорошаго тона. Хлестаковъ конечно, человѣкъ не высшаго общества; но все же онъ не то, чѣмъ представляетъ его Г. Самаринъ (*).

17-го Августа мы смотрѣли *Цампу* или *Мраморную невѣсту*, прелестную оперу Герольда. Какое могущество имѣетъ всякое истинно прекрасное произведеніе, на которомъ лежитъ печать непреложнаго таланта! *Цампа* идетъ у насъ по крайней мѣрѣ лѣтъ восемь, ежели не больше, и до сихъ поръ доставляетъ театру почти полный сборъ. Всякій разъ, и кресла, и ложи, и верхъ, и партеръ пестрѣютъ зрителями. Г-жа Савицкая заняла мѣсто Г-жи Петровой въ роли Изабеллы, и скажемъ, безъ вреда для оперы. Игра Г-жи Савицкой одушевленнѣй игры Г-жи Петровой; въ ней болѣе жизни; она болѣе сочувствуетъ своей роли. Г. Лавровъ, въ роли Цампы, постоянно хорошъ; сильный голосъ и могучая грудь его совершенно идутъ къ лицу Цампы; въ немъ одинъ недостатокъ: его декламація, совершенно принадлежащая старой школѣ. Г. Бантышевъ, въ роли графа, до такой степени неразвязенъ, дикъ, холоденъ, что вы совершенно забываете чудесный голосъ его, и видите только одну бездушную, безжизненную игру, которая леденитъ въ васъ восторгъ и заставляетъ оставаться равнодушнымъ въ самыхъ увлекательныхъ мѣстахъ. Въ Цампѣ необыкновенно хорошо сформированы хоры; это одна изъ лучшихъ сторонъ этой оперы, которая съ внѣшней стороны великолѣпна. Она недавно поставлена за ново; декораціи и костюмы роскошны и свѣжи; даже Мраморная невѣста одѣта въ новый мраморъ-кисею.

Давно уже и театральныя афиши и художественныя извѣстія Московскихъ журналовъ объявляли явленіе, новое какъ для сцены, такъ и для музыкальной лѣтописи Московскаго искусства. Новая опера Верстовскаго: *Тоска по родинѣ*, была публикована, поручена на судъ и одобреніе публики, за мѣсяцъ до ея появленія. Два извѣстныя имени ручались намъ: первое, за занимательное содержаніе, второе, за прекрасную музыку новаго явленія. М. Н. Загоскинъ составилъ либретто изъ новаго своего романа, напечатаннаго подъ этимъ же названіемъ. А. Н. Верстовскій взялся написать музыку для произведенія Загоскина. Судя по такимъ даннымъ, мы были въ правѣ ожидать интересной завязки, привлекательныхъ положеній, заманчивыхъ сценъ; мы были въ правѣ требовать прелестныхъ арій, увлекательныхъ хоровъ, музыки изящной, однимъ словомъ. И дождались мы 21 Августа, того вожделѣннаго дня, когда должна была разоблачить-

(*) Въ этой роли можно отдать полную справедливость Г-ну Ленскому, который играетъ ее прекрасно.

Рд.

ся передъ нами тайна творенія двухъ знаменитостей, эта тайна, которая въ вѣнокъ Московскаго искусства должна была вплести новый цвѣтокъ.

Въ первое представленіе *Тоски по родинѣ* театръ былъ сверху донизу полонъ. Во второе, половина его была пуста. Пословица говоритъ, что гласъ народа есть гласъ Божій; мы скажемъ, что гласъ публики есть гласъ вкуса. Напрасно утверждаютъ, что толпа не вѣдаетъ, что гласитъ; нѣтъ, въ публикѣ есть всегда довольно здраваго смысла, чтобъ отличить хорошее отъ посредственнаго, скучное отъ занимательнаго. Такъ было и въ этомъ случаѣ: публика съ перваго раза оцѣнила *Тоску по родинѣ* по достоинству ея. Что сказать о тѣхъ, которые обѣщали Верстовскому Европейскую славу за его новую оперу? Европейская слава пріобрѣтается сочиненіемъ какого нибудь Роберта, Нѣмой въ Портичи, Вильгельма Телля, Гугенотовъ. Не ужели Тоска по родинѣ можетъ стать на ряду съ этими могущественными твореніями пера геніяльнаго? Не желая оскорбить ни сужденій, ни предмета сужденій, мы однако не можемъ не сознаться, что послѣднее произведеніе Верстовскаго чрезвычайно слабо: въ немъ почти не льзя узнать автора *Пана Твердовскаго* и *Аскольдовой могилы*. Главные два упрека, которые можно сдѣлать автору *Тоски по родинѣ*, суть невоздержанность и отсутствіе самобытности. Касательно перваго недостатка, мы удивляемся, какъ изъ такихъ положеній, какія встрѣчаются въ оперѣ, авторъ извлекъ такъ мало? Тамъ, гдѣ мѣсто само собою способствовало къ какому нибудь прекрасному выраженію, авторъ безмолствуетъ и оставляетъ свои лица говорить языкомъ разговорнымъ, напр., въ той сценѣ, гдѣ Софья является на свиданье съ Красноярскимъ, или когда Завольскій объясняетъ Донъ Розаліи свою любовь къ Софьѣ; между тѣмъ, какъ, когда Софья падаетъ въ обморокъ, хоръ поетъ: *Воды, воды, скорѣй воды!* Вся Тоска по родинѣ выражается одной аріей, во второмъ актѣ. Испанія ли, эта страна идилій и плясокъ, не представляетъ простора для музыкальнаго воображенія? И тутъ вы слышите только двѣ аріи, которыя, однакоже, не носятъ на себѣ этого перваго отпечатка мѣстности, которую можно бы было придать аріямъ такого рода. Относительно втораго недостатка, мы скажемъ, что опера Тоска по родинѣ есть рядъ музыкальныхъ воспоминаній, картинная галерея, гдѣ вы безпрестанно находитесь en pays de connaissance. Къ вамъ иногда долетаютъ даже звуки Штраусовыхъ вальсовъ, и нерѣдко съ вами раскланивается Норма и дѣлаетъ книксенъ Фенелла.

Что сказать о либретто? Не станемъ судить о романѣ М. Н. Загоскина по этой миніатюрѣ его; въ романѣ есть преимущество изложенія и описанія, которыхъ въ произведеніи сценическомъ, особенно для музыки, нѣтъ. Наше дѣло представить читателямъ содержаніе оперы, и имѣющіе очи, да видятъ. Въ оперѣ собственно только четыре дѣйствующія лица: Завольскій, Софья Павловна Лидина, Красноярскій и слуга Завольскаго Никоноръ. Прочіе всѣ тунеядцы, которыхъ театральное солнце освѣщаетъ даромъ. Таковы, напр., Зимогорьевъ, который непостижимо для чего является въ первомъ актѣ, и потомъ исчезаетъ на вѣковѣчное время; Коррехидоръ, который во всей оперѣ только и сдѣлалъ, что услышалъ, какъ пушка возвѣстила прибытіе Русскаго корабля; Зарѣцкій, дядя Лидиной, безъ котораго, впрочемъ, не было бы ни бала, ни Китайской бесѣдки. Гости и Испанцы допускаются, какъ просо въ виноградномъ боченкѣ, для пополненія пустыхъ мѣстъ. Однимъ словомъ, это *агрегатъ* дѣйствующихъ лицъ,

изъ которыхъ большая часть суть совершенные hors d'oeuvre.

Первое дѣйствіе происходитъ въ подмосковной дядюшки Зарѣцкаго. У него пиръ, гости. Декорація подмосковной очень удачна; окны дома освѣщены, и передъ ними мелькаютъ тѣни танцующихъ. Въ саду разноцвѣтные шкалики качаются на загибахъ Китайской бесѣдки. Недавно возвратившійся изъ-за границы Завольскій, находящійся въ числѣ гостей Зарѣцкаго, влюбился въ племянницу послѣдняго, Софью Лидину, и всевозможными средствами старался пріобрѣсть ея благосклонность и, кажется, успѣлъ. Посреди мечтаній о блаженствѣ супружества, о семейной жизни, застаетъ его Зимогорьевъ, одинъ изъ тысячи пріятелей, которому онъ, отъ нечего дѣлать, разсказываетъ о своемъ путешествіи за границу, и между прочимъ, о чудесномъ спасеніи его изъ волнъ морскихъ капитаномъ Красноярскимъ, который, къ крайнему его сожалѣнію, съ тѣхъ поръ безъ вѣсти пропалъ, и котораго онъ тщетно старался отыскать. Между тѣмъ, гости выходятъ въ садъ; въ то время, какъ толпа расходится по саду и разсматриваетъ рѣдкости дачи, Софья Павловна получаетъ письмо. Никто этого не замѣтилъ, кромѣ Завольскаго, отъ котораго также не укрылось и то, что письмо это Софья въ торопяхъ потеряла. Не смотря на то, что оно писано не къ нему, онъ его читаетъ, и вообразите его бѣшенство, когда онъ узнаетъ о приглашеніи на свиданіе. Онъ рѣшился присутствовать при этомъ свиданіи, и остается ждать у Китайской бесѣдки назначеннаго часа. Скоро является и счастливецъ, и въ ожиданіи блаженной минуты, предурно поетъ прекрасную арію: *Сердце, сердце, что ты поешь.* Наконецъ прибѣгаетъ Софья Павловна. Завольскій свирѣпѣетъ при видѣ ея невѣрности (какъ онъ называетъ ея поступокъ), и едва можетъ удержаться. Къ счастію, свиданіе продолжается не долго: Софью ищутъ; уже ея отсутствіе замѣчено, и крики: Софья Павловна! слышатся въ лѣсу. Завольскій грознымъ мстителемъ является любовнику: онъ подаетъ ему пистолетъ, и безъ дальнихъ околичностей обѣщаетъ ему разбить голову. Закутанный плащемъ селадонъ, выслушавъ его, поднимаетъ фуражку, сбрасываетъ плащъ, показываетъ эполету и уходитъ, не сказавъ Завольскому ни одного обиднаго слова. При этомъ у Завольскаго упадаютъ руки: онъ узналъ своего спасителя — Красноярскаго. Все кончено! Завольскій рѣшился ѣхать, и велитъ готовить лошадей. Онъ ѣдетъ въ Андалузію. Но прежде отъѣзда пишетъ къ Софьѣ послѣднее прости и прощаетъ ей измѣну. Софья, получивъ это посланіе, падаетъ въ обморокъ, и при звукахъ хора: *Воды, воды!* занавѣсъ опускается, и кончается первый актъ оперы.

По мановенію волшебнаго жезла, мы въ четверть часа прожили два года и проѣхали двѣ тысячи верстъ. Мы въ Андалузіи, близко города Альмеріи. Тутъ въ роскошной виллѣ живетъ Завольскій, и начинается Тоска по родинѣ. И Завольскій, и слуга его Никоноръ, сильно грустятъ по отчизнѣ. Звуки родимой пѣсни еще болѣе усиливаютъ тоску Завольскаго. Онъ не можетъ забыть Софьи, даже при полуденной любви Доны Розаліи, жены Альмерійскаго Коррехидора, которая по уши влюбилась въ прекраснаго Русскаго, и всѣми возможными обольщеніями старается заставить его забыть Россію. *Пакита*, ея служанка, сколько мы могли замѣтить, находится въ такихъ отношеніяхъ къ Никонору, въ какихъ Дона Розалія къ Завольскому. Но за безпечнаго Коррехидора есть зоркій глазъ, который наблюдаетъ за Доной; это глазъ оставленнаго любовника, забытаго Кортехо, Дона Педро. Донъ Педро Испанецъ, слѣдо-

вательно, у него подъ плащемъ есть кинжалъ, а въ головѣ мстительная мысль. На блистательномъ балѣ, который даетъ Дона Розалія Завольскому, составляется заговоръ; все Альмерійское юношество принимаетъ сторону отверженнаго Чичисбея, и показывая на кинжалы, что-то поетъ. Это, вѣроятно, смертный приговоръ. Не надобно забывать и того, что среди пира внезапно раздается пушечный выстрѣлъ, который, какъ приходятъ донести его коррехидорству, есть знакъ прибытія Русскаго Фрегата. Это обстоятельство имѣетъ важное вліяніе на окончаніе піесы. Послѣ пѣсни трубадура, послѣ плясокъ съ кастаньетами и безъ кастаньетъ, кончается второй, и начинается третій актъ. Въ третьемъ актѣ, Завольскій имѣетъ съ Доной Розаліей объясненіе, изъ котораго она въ первый разъ, въ теченіе двухъ-лѣтняго пребыванія Завольскаго въ Альмеріи, узнаетъ, что Завольскій влюбленъ, что предметъ его любви далеко, въ странѣ его рожденія; и это немного успокоиваетъ ее. Но дѣло доходитъ до того, что Завольскій представляетъ ей невозможность отвѣчать любви ея, и бѣдная Дона обливается горячими слезами. Это происходитъ во дворцѣ Коррехидора. Теперь посмотримъ, что дѣлается въ виллѣ Завольскаго. Никоноръ, чтобъ размыкать свое горе, выходитъ погулять и погрѣться на Испанскомъ солнцѣ. Вдругъ онъ вслушивается: звуки отечественной пѣсни раздаются подъ небомъ Андалузіи; родной языкъ звучитъ на берегахъ Гвадалквивира. Никаноръ не можетъ опомниться отъ удивленія, бѣжитъ на этотъ призывъ, и встрѣчаетъ цѣлую компанію Русскихъ матросовъ, которые подъ сѣнью гранатовыхъ и померанцевыхъ деревъ тянутъ Русское вино. Поздоровавшись по братски, онъ распрашиваетъ ихъ, какимъ образомъ забрались они въ это захолустье, и при сей вѣрной оказіи снова начинаетъ *тосковать по родинѣ*. Но тоска продолжается не долго: представьте себѣ его восхищеніе, когда мичманъ утѣшаетъ его кружкой завѣтнаго пѣнника! Никоноръ залпомъ выпиваетъ ихъ двѣ, и умоляетъ матросовъ увезть барина и его, Никонора, на святую Русь. Но баринъ упрямъ; Никоноръ знаетъ его; онъ ни за что не согласится, ежели его станутъ уговаривать. Кружка пѣннаго внушаетъ Никонору свѣтлую мысль: задѣть Завольскаго за сторону патріотическаго чувства, разбудивъ его звуками родной пѣсни. Для этого онъ предлагаетъ имъ засѣсть въ рощицу и затянуть сперва понѣжнѣе, а потомъ гаркнуть пѣсню: *Изъ подъ камня, камня бѣлаго*. И точно, они засѣли и гаркнули. Завольскій, разумѣется, изумился; сердце въ немъ ёкнуло, какъ выражается Никоноръ. Въ восторгѣ отъ Русской пѣсни, въ припадкѣ любви къ отечеству, Завольскій бѣжитъ пожать руку своимъ землякамъ, какъ вдругъ ни оттуда, ни отсюда, является цѣлая шайка Испанцевъ, останавливаетъ его, влечетъ его по сценѣ и наконецъ объявляетъ ему, что онъ долженъ погибнуть. Завольскій рвется; нѣсколько разъ грозные кинжалы блистали надъ нимъ, нѣсколько разъ уже раздавалось страшное: умри! Но, странная вещь, они какъ-то не рѣшались на то, что говорили; они чего-то все ждали, и дождались — пистолетнаго выстрѣла, который до того ихъ испугалъ, что они всѣ безъ оглядки бросились въ разсыпную и бросили Завольскаго. Вслѣдъ за выстрѣломъ, вылетѣлъ на сцену отрядъ Русскихъ матросовъ и капитанъ прибывшаго фрегата. Но Завольскаго бѣда преслѣдуетъ вездѣ: въ этомъ капитанѣ онъ узнаетъ Красноярскаго, съ которымъ, видно, ему судьбою суждено встрѣчаться и въ Москвѣ и въ Альмеріи. Но, благодаря этой встрѣчѣ, кончается *Тоска по родинѣ* Завольскаго; безъ нея, онъ, Богъ знаетъ, сколько времени дол-

женъ былъ еще тосковать! А каково бы это было?.. Слѣдуетъ объясненіе, изъ котораго видно, что Красноярскій братъ Софьи отъ разныхъ отцевъ, имѣлъ тайныя свиданія съ ней только для того, чтобъ получить руку Спцкой, пріятельницы Софьи, о чемъ, однако, при свиданьи, котораго мы были свидѣтелями, не было сказано ни слова. Завольскій, узнавъ, что Софья любитъ и ждетъ его, ни мало не медля, садится на лодку и отправляется въ Россію. Никоноръ долженъ также сѣсть на лодку, но останавливается на минуту, чтобъ сказать пословицу, и потомъ уже занимаетъ свое мѣсто.

Взглянемъ на роли актеровъ и на лучшія мѣста въ этихъ роляхъ. Двѣ первыя роли суть: Завольскаго, исполненная Лавровымъ, и Никонора, Бантышевымъ. Игра Лаврова принадлежитъ къ старой школѣ; его декламація, позы и жесты отзываются классической методой, которая въ наше время странна, чтобъ не сказать даже смѣшна. Онъ занимаетъ эту роль только потому, что кромѣ его ее занять нѣкому: въ немъ нѣтъ ни этой живости пріемовъ, которая характеризуетъ молодаго человѣка, ни этой ловкости и развязности, которыя кладутъ свою печать на молодыхъ людей, побывавшихъ за границей. Изъ мѣстъ его роли, два лучшія суть: во второмъ актѣ, арія: *О родина святая*, и въ третьемъ, дуэтъ съ Доной Розаліей. Что же касается до Бантышева, онъ былъ также на своемъ мѣстѣ, какъ Лавровъ не на своемъ. Надобно вообще замѣтить, что Бантышевъ особенно хорошъ тамъ, гдѣ въ роли его есть разсказъ. Его разсказъ въ Аскольдовой могилѣ есть мѣсто мастерское, которое едва ли кому придется выполнить такъ удовлетворительно, какъ онъ. Бантышевъ созданъ для ролей первыхъ слугъ, пѣсенниковъ, *драматическихъ* крестьянъ; онъ прекрасенъ въ Никонорѣ, въ Торопкѣ, въ Почтальонѣ и другихъ такого рода роляхъ, гдѣ онъ не обнаруживаетъ высшихъ претензій, гдѣ онъ изображаемое лице можетъ скопировать съ натуры. Но тамъ, гдѣ онъ является лицемъ, которое надобно создать, котораго образца онъ передъ собой не видитъ, онъ болѣе чѣмъ посредственный актеръ, и даже необыкновенно прекрасный голосъ его не всегда бываетъ ему спасеніемъ. Таковъ бываетъ онъ въ Робертѣ, въ Цампѣ, въ Баядеркѣ, въ Нормѣ. Въ настоящей роли, онъ сначала до конца былъ хорошъ; роль совершенно его, разыграна и понята прекрасно; она не слишкомъ тривіяльна и не слишкомъ высока; вы видите лакея порядочнаго дома, лакея, бывшаго за границей и получившаго нѣсколько иностраннаго лоска. Смотря на него, вы невольно замѣтите, что на слугу это путешествіе имѣло болѣе вліянія, нежели на барина. Подивитесь, какъ составлена опера: Бантышевъ, который рѣшительно лучшее лице во всей *Тоскѣ по родинѣ*, изъ трехъ актовъ поетъ только въ этомъ (во второмъ), и то такъ не много, что мы можемъ по пальцамъ перечесть всѣ его аріи: ихъ три: *не одна во полѣ дороженька*, которую Завольскій не даетъ ему допѣть; *чарка серебряная*, и наконецъ *роща темная*. Въ третьемъ актѣ его голосъ слышенъ только за сценой въ хорѣ моряковъ, которые поютъ *изъ подъ камня*. Три эти пѣсни были спѣты имъ превосходно; шумное *форо* всякій разъ свидѣтельствуетъ объ удовольствіи, съ которымъ слушаетъ ихъ публика. Г-жа Каплинская, въ роли Пакиты, поетъ только двѣ аріи, одну во второмъ, другую въ третьемъ актѣ; обѣ онѣ, кажется, суть Испанскія баллады, потому что не входятъ собственно въ составъ оперы; это не капитальныя аріи, которыя способствуютъ развитію идеи музыкальнаго произведенія. Ея большой голосъ и пріятная наружность могли бы быть достаточными усло-

віями успѣха; но недостатокъ игры, отсутствіе всякой декламаціи и неумѣнье держаться на сценѣ, отнимаютъ у нея много цѣны. Г. Сахаровъ имѣетъ только одну арію, въ роли Красноярскаго; онъ поетъ въ первомъ актѣ: *Сердце, сердце, что ты поешь?* Эта арія, по музыкальному выраженію и по чувству, которымъ она проникнута, одна изъ лучшихъ во всей оперѣ. Напрасно поетъ ее Г. Сахаровъ; съ его голосомъ ничего пѣть не должно.

Вмѣстѣ съ оперою *Тоска по родинѣ*, на Московской сценѣ въ первый разъ явился нѣкто Г. Лазаревъ, дебютировавшій въ роли слѣпаго трубадура *Пахомо*. Онъ пѣлъ балладу: *Заснулъ весь міръ*, которая есть не иное что, какъ искаженіе извѣстной Испанской пѣсни Пушкина. Впрочемъ, арія этой баллады, съ хоромъ, производитъ ефектъ на сценѣ, посреди бала Коррехидора. Но въ ней проглядываетъ что-то знакомое, слышанное, не новое.

Изъ хоровъ, хороши только два. Первый, въ началѣ оперы, есть хоръ крестьянъ на дачѣ Завольскаго. Въ немъ есть музыкальная полнота и нѣчто цѣлое. Другой хоръ, замѣченный нами, есть хоръ моряковъ, въ третьемъ актѣ. Онъ хорошъ потому, что носитъ на себѣ отпечатокъ необработанности, неизысканности, грубой простоты; онъ есть вполнѣ напѣвъ моряка. Морякъ по цѣлымъ годамъ не слышитъ человѣческаго звука и, находясь въ необходимости самъ создавать свою музыку, заимствуетъ элементы ея изъ окружающей природы.

Нельзя не отдать справедливости изящной постановкѣ этой оперы на Московской сценѣ. Четыре новыя декораціи всѣ прекрасны, исключая послѣдней, изображающей море; въ ней слишкомъ мало естественности; это неподвижное, разрисованное маленькими волнами море, слишкомъ даетъ чувствовать свое холстинное происхожденіе.

Большая часть втораго акта занята танцами. Герино, настоящій балетмейстеръ Московскаго Театра, отличается особенною игривостью воображенія въ своей постановкѣ танцевъ; танцы, имъ постановленные, всегда означены особенною граціозностью, живостью и свѣжестью. Въ этихъ танцахъ мы замѣтили особенно болеро, исполненное Ворониной-Ивановой, Оттаво 1-й, Санковской 2-й и Ворониной 3-й.

1-го Сентября, на Маломъ Театрѣ шло первое представленіе комедіи Г. Сушкова: Дуэлисты, въ пяти актахъ и въ стихахъ. Если вы спросите, къ какому роду комическихъ произведеній принадлежатъ эти пять дѣйствій Г. Сушкова, какое ихъ направленіе, сатирическое или нравоописательное, мы будемъ въ большомъ затрудненіи отвѣчать вамъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ отвѣчать за сатиру или нравоописательность такой піесы, гдѣ нѣтъ ни единства, ни цѣли, ни завязки? Въ піесѣ Г. Сушкова есть лица, явленія, дѣйствія, однимъ словомъ, всѣ внѣшнія условія сценическаго произведенія; но нѣтъ ни интриги, ни перипетій, ни катастрофы, хотя названіе піесы даетъ полное право ожидать катастрофъ. Передъ вами четыре фанфарона Прынтинъ (Самаринъ), Подергинъ (Максинъ 2-й), Богатыревъ (Ленскій) и Маркизъ Ферлюке (В. Степановъ); къ нимъ присоединяется какое-то неестественное, полубезумное созданіе, Чудесинъ (П. Степановъ). Эти четыре молодца и самодѣльный Гамлетъ составляютъ нѣчто въ родѣ клуба, основаннаго на самомъ низкомъ расчетѣ трусости, на томъ, что по Русски называется *пѣтушиться*. Они условливаются пѣтушиться при каждомъ удобномъ случаѣ, пугать новичковъ, и въ случаѣ, ежели дѣло дойдетъ точно до драки, заступаться одинъ за другаго, и ста-

раться всегда оканчивать дѣло полюбовно. Маркизъ Ферлюке, достойный членъ этого новороднаго общества, принимаетъ на себя роль дворняшки, которая первая нападаетъ на прохожихъ и будитъ лаемъ своимъ собакъ цѣлаго квартала. Чудесинъ есть нѣчто въ родѣ шута, но не такого шута, который заставляетъ васъ смѣяться остроумными шутками или мѣткими остротами; это шутъ глупый до отвратительности; смѣшной до жалости; болѣе похожій на человѣка, убѣжавшаго изъ желтаго дома, нежели на влюбленнаго, которому иногда можно бы простить кой-какія глупости. Всѣ эти пять лицъ, совершенно безцвѣтныя, безхарактерныя и пустыя, влюбляются въ одну молодую вдову, Наталью Петровну Прелестину (Орлова), которая уже обѣщана полковнику Кольскому (Щепинъ). У нея есть дядя, старый, богатый добрякъ, Ѳома Козьмичъ Камчадаловъ (Щепкинъ), который всѣми силами старается уладить бракъ ея съ Кольскимъ. Въ гостяхъ у Прелестиной мы встрѣчаемъ отжившую свой вѣкъ, но не претензіи, Г-жу Подстрекалкину (Львова-Синецкая); для нея послѣ гримасъ, нѣтъ больше удовольствія, какъ ссорить порядочныхъ людей. Вотъ лица верхней сѳеры комедіи Г. Сушкова. Теперь опустимъ наши взоры на низшій слой этого маленькаго міра, здѣсь намъ представляются Лиза (Данилова), горничная Прелестиной, и представители двухъ уродствъ: Матвѣй (Никифоровъ), хромой лакей Чудесина и Еремей (Шубертъ), горбатый лакей Кольскаго. Не правда ли, что все это очень мило?...... Какъ въ верхнемъ этажѣ, такъ и въ нижнемъ, преобладаютъ любовь и дуэль. Чудесинъ влюбленъ въ Прелестину, Еремей и Матвѣй вздыхаютъ по Лизѣ. Чудесинъ Маркизъ Ферлюке съ компаніею дуэлисты; Еремей и Матвѣй стрѣляются. Дѣйствіе открывается заговоромъ противъ Камчадалова, котораго милые молодые люди сговариваются вывести изъ терпѣнія. Маркизъ Ферлюке берется все уладить. Между тѣмъ, Чудесинъ является съ восторженнымъ видомъ, съ трагическою иноходью, и начинаетъ свою безумную декламацію. Вы узнаете тутъ, что онъ влюбленъ въ Прелестину, что ему удалось первому увидѣть ее утромъ подъ окномъ, и что онъ рѣшается просить свиданія. Во время жаркихъ разговоровъ о любви Чудесина, является Камчадаловъ; вся эта шайка тотчасъ составляетъ свой планъ и начинаетъ аттаковать Камчадалова; онъ отбивается, какъ знаетъ; но вдругъ роняетъ свою палку на ногу Маркизу, который вскрививаетъ, какъ будто отъ удара картечью, и требуетъ благороднаго удовлетворенія. Камчадаловъ соглашается; но, пользуясь правомъ обиженнаго, онъ выбираетъ оружіе: онъ предлагаетъ поставить бочку пороха, сѣсть на нее, закурить сигару и взорвать себя и своего соперника на воздухъ. Не правда ли, умно придумано? Маркизъ отказывается; Камчадаловъ бѣсится, и чтобъ кончить дѣло, подставляетъ Маркизу свою ногу, которую Маркизъ, увлекаемый справедливою местью, давитъ изъ всѣхъ силъ. Между тѣмъ, Чудесинъ таинственно получаетъ записку, приглашающую его на rendez-vous. Нѣтъ сомнѣнія; это отъ Прелестиной. Послѣ нѣсколькихъ восклицаній, Чудесинъ бѣжитъ на мѣсто свиданія; ночь темна; Чудесинъ видитъ приближающуюся женскую фигуру; она въ плащѣ; на шляпкѣ ея спущена вуаль. Онъ узнаетъ ее по біенію своего сердца; преклоняетъ колѣна и начинаетъ самое страстное и самое безсвязное признаніе, какое когда либо выходили изъ устъ человѣка. Вдругъ посреди его восторга, въ ту самую минуту, какъ онъ требовалъ руки, раз-

дается хохотъ; плащъ сброшенъ, и вмѣсто Прелестиной является Подеригинъ! Его товарищъ тутъ же; эта милая шутка ихъ выдумка. Мщеніе! говоритъ Чудесинъ, и назначаетъ оружіе, мѣсто и время. Въ нижнемъ этажѣ дуэлистовъ въ это время происходитъ почти та же сцена: хромой Матвѣй и горбатый Еремей, которые могли бы похвалиться точно такимъ же мужествомъ, какъ господа ихъ, дерутся за Лизу. Вызовъ сдѣланъ; остается явиться на мѣсто свиданія и разможжить голову. Но оба лакея боятся пороха, какъ огня, и рѣшаются прежде испытать своего мужества и пріучить слухъ къ звуку выстрѣла. Какой-то тайной судьбой, они оба приходятъ на одно мѣсто для опыта. Выстрѣлъ ихъ раздается почти въ одно время. Они падаютъ отъ страха и въ твердой увѣренности, что уже все для нихъ кончено, не почитаютъ за нужное вставать. Въ этомъ положеніи застаетъ ихъ Лиза, и начинаетъ надъ трупами своихъ обожателей очень откровенное признаніе своего чувства къ нимъ, чувства, которое она сравниваетъ съ чувствомъ къ бѣшенымъ собакамъ. Эта послѣдняя дерзость выводитъ ихъ изъ терпѣнія; они вскакиваютъ, Лиза ахаетъ и бѣжитъ, и обманутые соперники отправляются мириться — въ портерную. Между тѣмъ Чудесинъ изготовился къ битвѣ, т. е. надѣлъ панцырь, латы, шлемъ и желѣзную маску; руки его закрыты рукавицами съ раструбами; вы бы сказали, что это Амадисъ Гальскій, или даже самъ Донъ Кихотъ..... Дуэль кончена; Лиза перевязываетъ рану Чудесина, но тщетно отыскиваетъ ее на лбу героя: раны нѣтъ, какъ нѣтъ. Чудесинъ самъ не чувствуетъ ни какой боли. Что жъ открывается? Что на лбу у него привязана перевязка съ — клюковнымъ морсомъ! А онъ былъ твердо увѣренъ, что пуля пробила ему лобъ; теперь извольте догадываться, какимъ образомъ увѣрили человѣка, что онъ раненъ! Мы откровенно соглашаемся въ своей непроницательности. Наконецъ пора же кончиться всѣмъ этимъ несообразностямъ: полковникъ Кольскій, также обиженный однимъ изъ дуэлистовъ, ѣдетъ драться, и переранивъ троихъ, остается здравъ и невредимъ, возвращается къ предмету обожанія, и бракъ его съ Прелестиной совершается за сценой. Вы, можетъ быть, спросите, что жъ дѣлаютъ Г-жи Прелестина и Подстрекалкина? Онѣ во все продолженіе пяти-актной піесы являются на сцену только два раза.

Изъ содержанія комедіи уже видно, каковы роли для актеровъ. Ничтожность ролей была такъ велика, что намъ жаль было Щепкина; мы готовы были апплодировать ему для того только, чтобъ показать ему, что мы его узнали; Г-жи Орлова и Львова Синецкая, Гг. Ленскій, Самаринъ и П. Степановъ имѣли такія роли, которыя могутъ быть паденіемъ артиста. Но за то роли горбатаго и хромаго слугъ были въ своемъ родѣ схвачены мастерски Г. Сушковымъ и розыграны очень хорошо Никифоровымъ и Шубертомъ. Занимательно разсужденіе горбатаго Еремея о томъ, какое можетъ быть украшеніе для человѣка горбъ; при семъ удобномъ случаѣ, онъ дѣлаетъ намекъ на другіе *горбики*, какъ онъ выражается, которые весьма нравятся мужчинамъ, и о которыхъ мы распространяться не осмѣливаемся. Ругательства на каждомъ шагу; тотъ же Еремей, помирившись съ Матвѣемъ, выходитъ полупьяный на сцену и начинаетъ, что называется, по Русски *хлестать* Лизу за вѣроломство; *распробестія!* взываетъ онъ, и это слово Г. Шубертъ произноситъ съ такимъ выраженіемъ, что волосы становятся дыбомъ.

4 Сентября, *Дѣва Дуная*, и 8 Сентября, *Сильфида*; оба балета, съ равнымъ успѣхомъ держатся

на нашей сценѣ. Г-жа Санковская 1-я очаровательна въ обоихъ. Ея граціозность, легкость и живость, душа, съ которой выполняетъ она роль Сильфиды, жизнь, придаваемая ею Дѣвѣ Дуная, заставляютъ насъ часто жалѣть, что ея талантъ не драматическій, что она не можетъ выразить намъ высокихъ, поэтическихъ созданій въ словѣ. Она обладаетъ особенно сильной и выразительной мимикой; вы тотчасъ можете видѣть, гдѣ ее балуютъ надежды, гдѣ душою ея овладѣваетъ отчаяніе, гдѣ она повелѣваетъ, гдѣ молитъ. Всѣ па, ею выполняемые, какъ въ Дѣвѣ Дуная, такъ и въ Сильфидѣ, поражаютъ признаками таланта неподдѣльнаго, живаго, развитаго. Московская публика въ полной мѣрѣ дорожитъ ею, любитъ ее; когда Санковская танцуетъ, театръ сверху донизу полонъ, рукоплесканія не прерываются; Санковскую вызываютъ три, четыре, пять разъ въ продолженіе двухъ часовъ.

15 Сентября, даны были три водевиля: *Титулярные Совѣтники*, *Суженаго конемъ не объѣдешь* и *Фениксъ*. Первые два совершенно незначительныя піесы. Фениксъ также самъ не могъ привлечь насъ; но мы желали посмотрѣть, во 1-хъ, Г. Рамазанова, тенора С. Петербургской Оперы, какъ гласила афиша, и во 2-хъ, Г-жу Воронину-Иванову 2-ю, которая должна была занимать роль танцовщицы въ этой піесѣ. Намъ любопытно было видѣть, какъ танцовщица выполняетъ словесную роль. О Г. Рамазановѣ мы скажемъ, что съ такимъ голосомъ не только въ оперѣ, въ театрѣ, но даже въ комнатѣ, романсъ спѣть трудно рѣшиться. Голосъ маленькій, фальшивый, непріятный; пѣніе безъ методы, неправильное, невыразительное; игра самая пустая. Вѣроятно, Г-нъ Рамазановъ будетъ жаловаться на холодный пріемъ Московской публики. Но кто же виноватъ, неужели публика, что у Г. Рамазанова нѣтъ ни голоса, ни игры? Мѣсто Г. Рамазанова въ хорѣ, въ глуши, тамъ, гдѣ бы нельзя было разслушать его фистулы. Г-жа Воронина-Иванова 2-я очень мило выполнила роль танцовщицы Зефирины. Но надобно ей замѣтить, что она слишкомъ жеманится; она могла бы ломаться по привычкѣ танцовщицы; но выговоръ ея даже получаетъ что-то непріятное. Г. В. Степановъ, въ роли Журналиста, былъ безподобенъ; и ему рукоплескали отъ души.

Пора бенефисовъ открылась бенефисомъ Г. Пѣшкова, 29 Сентября. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, со времени бенефиса Г. Орлова, мы не видали такой длинной афиши: на ней были двѣ новыя піесы и одна, уже давно знакомая и возобновленная, вѣроятно, въ воспоминаніе того успѣха, который она имѣла въ свое время. Спектакль начался новою комедіею: *Энгувильскій нѣмой* въ 2-хъ актахъ; за нею послѣдовалъ водевиль, *Отецъ какихъ мало* въ одномъ актѣ, и вечеръ заключился балетомъ *Розальба* въ 3-хъ актахъ. Первая піеса принадлежитъ къ однѣмъ изъ скучнѣйшихъ бенефисныхъ піесъ; она, вѣроятно, Г. Пѣшковымъ выбрана потому, что въ ней онъ имѣетъ роль; онъ играетъ Нѣмаго. Пантомима балета совсѣмъ не то, что пантомима въ комедіи; тамъ она вся совершается на лету, подъ звуки музыки, между пируетомъ и прыжкомъ; тамъ она является въ преувеличенномъ, распространенномъ видѣ; въ комедіи, напротивъ, она должна быть проста, естественна, какъ можно менѣе фигурна. Комедія гораздо болѣе балета приближается къ жизни дѣйствительной, слѣдовательно, и выраженіе ея должно быть ближе къ формамъ общеупотребительнымъ. Такимъ образомъ въ комедіи, все то, что мимикѣ балета придаетъ какую нибудь цѣну, есть совершенно неумѣстное, вычурное, очень часто даже лишнее. Г. Пѣшковъ балетчикъ; мы никогда

не видали его иначе, какъ принцемъ какого нибудь фантастическаго балета, гдѣ мимика почти не условливается ни какими правилами: вышедши въ комедію съ своими балетными привычками, онъ непремѣнно долженъ былъ ошибиться; онъ не понялъ, что молчаніе балета и нѣмота комедіи, двѣ вещи совершенно различныя. Онъ не разсудилъ, что въ первомъ случаѣ молчаніе требуется родомъ произведенія, слѣдовательно, принадлежитъ искуству; во второмъ, оно должно изображать только природный недостатокъ, слѣдовательно, должно быть скопировано съ природы. Нѣмой Г. Пѣшкова есть чисто балетмейстеръ; въ каждомъ шагу его проглядываетъ танцовщикъ; ему такъ и хочется сдѣлать пируетъ. Въ его изображеніи Нѣмаго есть сила и живость, но недостаетъ главнаго условія успѣха: естественности. Если бы Г. Пѣшковъ меньше бѣгалъ, меньше махалъ руками, сохранялъ болѣе хладнокровія комедіи, нежели увлекался порывами балета, мы почти увѣрены, что игра его была бы гораздо ближе къ той роли, которую она должна изображать.

Вся завязка драмы основана на Нѣмомъ. Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, Г. Рувре и племянница его Марія суть главныя. Есть еще племянникъ Г. Рувре, дворецкій Мартиньи и лакей Нѣмаго; они занимаютъ уже третье мѣсто. Роль Маріи занимала въ этотъ разъ Дѣв. Сабурова, которой важный недостатокъ, неразвязность, совершенно уничтожилъ роль ея, и безъ того ничтожную. Г. Потанчиковъ всегда бываетъ одинаковъ: его игра благородна и одушевлена; роль г. Рувре совершенно принадлежитъ ему. Слуга Нѣмаго, г. В. Степановымъ и Мартиньи г. Никифоровымъ розыграны очень удачно; г. Никифоровъ особенно хорошъ въ роляхъ старыхъ ключниковъ и дворецкихъ.

Дѣйствіе драмы въ развитіи своемъ довольно запутано; потому ли, что тутъ преимущественно участвуетъ Нѣмой, или потому, что авторъ піесы не почелъ за нужное дать намъ нѣсколько ясныхъ данныхъ; но тутъ есть факты, до конца остающіеся неразгаданными. Надобно знать, что нѣмой, бѣдный сирота, живетъ въ домѣ Рувре, который имѣетъ племянника и племянницу. Нѣмой и племянникъ, оба по уши влюбились въ молоденькую Марію; она неравнодушна къ Нѣмому. У всякаго свой вкусъ. Нѣмые любятъ говорящихъ; говорящіе любятъ нѣмыхъ. Это мы видимъ всякій день. Г. Рувре, не замѣчая взаимной склонности Маріи и Нѣмаго, обѣщалъ ее своему племяннику, и все уже готовилось къ благополучному браку. Нѣмой, пораженный этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, рѣшается Богъ знаетъ на что; онъ уходитъ изъ дому, не ночуетъ въ своей комнатѣ и наконецъ его находятъ, гдѣ бы вы думали? въ шинкѣ. Что онъ дѣлалъ въ шинкѣ, объ этомъ комедія не упоминаетъ. Сила въ томъ, что онъ найденъ въ шинкѣ и попадаетъ въ руки полиціи, но за какую вину, этого опять мы не могли узнать. Во время всѣхъ этихъ продѣлокъ, у дворецкаго Мартиньи пропадаютъ банковые билеты на имя неизвѣстнаго. Можете судить о его бѣшенствѣ, о бѣшенствѣ дворецкаго при потерѣ благопріобрѣтеннаго; онъ ищетъ вора, на какого подумать? Всего ближе на Нѣмаго; онъ все молчитъ, къ тому же бѣжалъ изъ дома и попался въ полицейскія руки; онъ, вѣрно онъ, больше некому, говоритъ Мартиньи. Г. Рувре не вѣритъ. Скоро является и самъ Нѣмой, не извѣстно какимъ чудомъ освободившійся. Онъ оправдывается; сторону его горячо принимаетъ Марія, а слуга его разсказываетъ то, что онъ только показываетъ. Бѣдный нѣмой клянется всѣмъ, чѣмъ возможно, въ своей невинности, своей любовью, своей матерью, ко-

торой портретъ онъ вынимаетъ изъ сюртука и цѣлуетъ. Въ первый разъ въ жизни г. Рувре вздумалось посмотрѣть на этотъ портретъ, и что же? Представте вы себѣ, что съ нимъ сталось, когда въ этомъ портретѣ онъ узналъ — Терезу. Вы не знаете, кто эта Тереза? Мы также. Можемъ только сказать, что сынъ Терезы былъ сынъ Г. Рувре, и догадывается, что тутъ есть anguille sous roche. Отецъ открываетъ свои родительскія объятія, и сынъ, доселѣ не вымолвившій ни слова, въ восторгѣ произноситъ слова: отецъ мой, батюшка! Трогательная картина! Нѣмой заговорилъ. Въ то время, какъ отысканный сынъ разсказываетъ отцу, какимъ образомъ во время бури погибла мать его, покойница Тереза, приносятъ письмо; прочитавъ письмо, Г. Рувре начинаетъ бѣситься на своего племянника, отрѣшаетъ его отъ наслѣдства, проклинаетъ, отказываетъ въ рукѣ Маріи и объявляетъ всенародно, что Нѣмой-сынъ его. Тутъ объясняется любовь Маріи къ нему, и они соединяются узами брака. Между тѣмъ, Мартиньи находитъ свои деньги, въ похищеніи которыхъ, кажется, участвовалъ опять племянникъ г. Рувре.

Водевиль: *Отецъ, какихъ мало* извѣстенъ уже читателямъ Репертуара; онъ былъ помѣщенъ въ Январской книжкѣ. Занимательное содержаніе и живые куплеты уже ручались за его успѣхъ, которому, сверхъ того, много помогала еще игра Щепкина, Живокини и Репиной. Щепкинъ, въ роли Николая Петровича, какъ и всегда, былъ для насъ подаркомъ; его необыкновенное искусство тотчасъ схватить характеръ изображаемаго лица, усвоить его себѣ, переливаться, такъ сказать, въ него, заставляютъ иногда думать, что это ничего не стоитъ, что нѣтъ ничего легче, какъ взять на себя ту или другую личину, облечься въ такую или другую физіономію. Вотъ верхъ искусства, заставить думать, что никакихъ усилій не нужно, чтобъ прекрасно выполнять свою роль, и скрыть всѣ трудности, которыя надобно было побѣдить, для достиженія извѣстной степени совершенства. Живокини, въ роли Пузина, возбуждаетъ всеобщій хохотъ; онъ до того измѣняетъ свою физіономію, походку, выговоръ, что его почти узнать нельзя. Изъ Пузина онъ сдѣлалъ какого-то уморительнаго оригинала: онъ заикается, немного хромаетъ, и любимую поговорку Пузина «сдѣлайте одолженіе», онъ произноситъ такимъ голосомъ, что ни какимъ образомъ нельзя его слушать хладнокровно. Можетъ быть, его бы можно упрекнуть въ слишкомъ большой наклонности къ фарсамъ, иногда немного тривіяльнымъ; но надобно признаться, что послѣ какого нибудь Энгувильскаго нѣмаго, нѣсколько минутъ, проведенныхъ смотря на Живокини, есть истинная отрада.

За водевилемъ послѣдовалъ балетъ, который, помнится, въ свое время въ Москвѣ надѣлалъ столько шуму. Этотъ балетъ *Розальба или Маскарадъ*. Надобно замѣтить, что возобновленіемъ какой нибудь піесы должно называться не простое появленіе ея на сценѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, а совершенное возрожденіе костюмовъ и декорацій; такъ, чтобы постановка ея была совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ явилась она впервые глазамъ зрителей. *Розальба* предстала передъ нами въ старыхъ костюмахъ, съ запачканными декораціями, и если бы не танцы Санковской и Герино, если бы не музыка Обера и не окончательный галлопадъ, котораго мы ждали съ нетерпѣніемъ, балетъ не заслуживалъ бы ни малѣйшаго вниманія. Въ маскарадѣ третьяго акта мы не замѣтили ни одного новаго костюма, кромѣ трехъ пѣтуховъ, которымъ

были выданы, на этотъ случай, новоокрашенныя крылья.

8-го Октября, дана была комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. *Урокъ матушкамъ*, одна изъ лучшихъ театральныхъ произведеній извѣстнаго автора; имени его здѣсь мы не смѣемъ выставить, потому что онъ самъ не открылъ его. Въ этой комедіи интрига, завязка и развязка приведены съ такимъ искуствомъ, что она можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями въ этомъ родѣ. Г-жа Сабурова 1-я, въ роли обманутой тетушки, такъ хороша, что на нее можно смотрѣть и не насмотрѣться. Особенно искусно съиграна ею сцена, гдѣ она, узнавши о похищеніи племянницы, старается показать передъ дворней, а потомъ и передъ губернаторомъ, отчаяніе, въ которое повергло ее это ужасное происшествіе, предвидѣнное и предусмотренное ею самою. Князя Блесткина очень хорошо съигралъ Щепинъ: его фанфаронство, его европейскія идеи, потомъ его обиженное самолюбіе, когда онъ узнаетъ, что надъ нимъ смѣются, переданы Щепинымъ живо, отчетливо и совершенно удовлетворительно.

13-го Октября, въ бенефисъ г-жи Орловой, былъ огромнѣйшій спектакль: пять новыхъ піесъ, въ которыхъ актовъ счетомъ было шесть. На первомъ планѣ представляется намъ *Домъ на Петербургской Сторонѣ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, взятый изъ современныхъ Петербургскихъ нравовъ; немного подальше видимъ мы *Жену артиста*, за которой являются *Цыгане*, а тамъ Н. А. Полевой съ своимъ *Первымъ представленіемъ Мельника колдуна, обманщика и свата*, и наконецъ въ отдаленіи, покрытый какимъ-то сизымъ мракомъ, стоитъ *Мѣръ по выбору и Сильный по неволѣ.* Уфъ! какая перспектива...

Въ одномъ домѣ на Петербургской Сторонѣ живетъ нѣкто Варфоломей Сидоровичь Копѣйкинъ (Орловъ). Это новое изданіе Гарпагона. Онъ скупъ и расчетливъ до невѣроятности: всякая копѣйка у него становится ребромъ. Въ его домѣ, на Петербургской Сторонѣ, отдаются въ наймы квартиры. Однажды одинъ молодой человѣкъ является къ нему для найма комнаты, разсказываетъ ему, гдѣ онъ прежде жилъ, какъ его любили и по какимъ неожиданнымъ обстоятельствамъ онъ долженъ былъ оставить свое прежнее жилище. Этотъ юноша называетъ себя Викторомъ Васильевичемъ Субботинымъ (Ленскій). Не смотря на порядочное имя и на благообразную физіономію его, Домна, кухарка Копѣйкина, исправляющая должность и дворника (Кашина), косится на Субботина. Субботинъ переѣзжаетъ. Копѣйкинъ является присутствовать при транспортѣ достоянія своего новаго жильца, и представьте себѣ его удивленіе, когда, вмѣсто мебели, pour tout potage, будочникъ приноситъ плохой чемоданъ, стулъ на трехъ ногахъ и столъ по образу стула. Гдѣ же вашъ шкафъ? спрашиваетъ изумленный Копѣйкинъ. А вотъ, позвольте, отвѣчаетъ Субботинъ. Съ этими словами, онъ вынимаетъ изъ кармана веревочку, привязываетъ ее къ двумъ гвоздикамъ и вѣшаетъ свой *пальто*. Всѣмъ извѣстно, что пальто, одѣяніе, названное какимъ-то насмѣшникомъ въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Р. Инв. *человѣческою попоною*, есть нѣчто въ родѣ сюртука, снабженнаго безчисленнымъ множествомъ кармановъ на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ. Субботинъ имѣлъ право называть пальто шкафомъ; ни въ одномъ шкафѣ не отыщется столько ящиковъ, сколько въ этомъ пальто было кармановъ. Всѣ вещи, привезенныя Субботинымъ, умѣстились въ его пальто безъ всякой тѣсноты. Бѣдность не порокъ, думаетъ Копѣйкинъ; подождемъ, что будетъ послѣ. Но вскорѣ въ Субботинѣ открывается недоста-

токъ, еще ужаснѣе бѣдности: его страсть къ музыкѣ. Пригласивъ къ себѣ пріятелей своихъ: Бушуева, Дудлипа и Ухорскаго, Субботинъ даетъ вечеръ — музыкальный. Копѣйкинъ долго слушалъ музыку Субботина съ компаніей; наконецъ терпѣніе его лопнуло; онъ идетъ и проситъ перестать. Артисты не соглашаются. Копѣйкинъ грозится ихъ выгнать. Къ счастію, случилась тутъ Анна Семеновна: Копѣйкину она является воплощеннымп старыми грѣхами, слѣдовательно, дѣло кончается миролюбно.

Вотъ каковы дома на Петербургской Сторонѣ! Избави насъ, Господь, и напредь отъ нихъ. Г. Ленскій играетъ Субботина, какъ истый Петербуржецъ; ему, вѣроятно, случалось видѣть такихъ аферистовъ, какъ Субботинъ, и поэтому имъ очень вѣрно схвачена физіономія Виктора Васильевича. Г. Орловъ, въ роли Копѣйкина, былъ во всѣхъ отношеніяхъ на своемъ мѣстѣ.

Клермонъ, или *Жена Артиста*, драма въ 2-хъ дѣйств., была помѣщена въ 3-й книжкѣ Репертуара. Роль Клермонта занималъ Мочаловъ. Странно, какъ Мочаловъ берется за такую роль. Роль Мочалова должна быть сильная, порывистая, страстная; въ этой піесѣ, кромѣ двухъ сценъ во второмъ актѣ, нѣтъ ни одной, гдѣ бы Мочаловъ могъ быть Мочаловымъ. Въ этой роли на него жалко смотрѣть; она для него тѣсна; она жметъ, гнететъ его; ему только хочется выйти на просторъ, рамы роли не пускаютъ, оковываютъ его порывъ. Эта роль прекрасно можетъ идти актеру второстепенному, а артисту, съ такимъ успѣхомъ, съ такимъ превосходствомъ разыгрывающему Гамлета, Лира и Отелло, взяться за такую роль, значитъ уронить себя. Особенно это можно сказать про Мочалова: онъ никакъ не можетъ обуздать себя, и по узкой мѣркѣ маленькой драмы скроить свое вдохновеніе. Ему надобенъ просторъ, гдѣ бы сильный талантъ его могъ разыграться; ему надобенъ полный разгулъ для его души, роль, въ которой онъ могъ бы увлечься и вполнѣ обрисовать какую нибудь могущественную страсть. Скажемъ откровенно, что въ Клермонтѣ онъ былъ нехорошъ. За то г-жа Орлова, въ роли Эльвины, жены Клермонта, прекрасна; были минуты, когда она заставляла апплодировать, и въ этихъ апплодисементахъ, можно ручаться, не было пристрастія. Живо и естественно изобразила она безпрестанные переходы Эльвины отъ страха къ надеждѣ, отъ спокойствія къ волненію. Г. Ленскій, въ роли Виконта де Ришелье, былъ хорошъ, не смотря на ничтожность самой роли.

Цыганы, возобновленное драматическое представленіе, заимствовано изъ поэмы Пушкина, съ сохраненіемъ большей части его стиховъ. Завязка и ходъ почти тѣ же, что въ поэмѣ покойнаго Александра Сергѣевича; измѣненія только такія, какихъ требовала сцена. Мочаловъ, въ роли Алеко, очень хорошъ; страстные стихи Пушкина въ устахъ Мочалова имѣютъ еще больше цѣны, и чудныя сцены поэта переданы съ большимъ искусствомъ артистомъ. Г-жа Рѣпина, въ роли Земфиры, пѣла извѣстную пѣсню: *Старый мужъ*; мы прослушали ее съ большимъ удовольствіемъ, и съ грустью вспомнили то время, когда она была почти народною, когда Пушкинъ былъ живъ... Бантышевъ, игравшій молодаго Цыгана, пѣлъ пѣсню изъ оперы А. Н. Верстовскаго Панъ Твердовскаго: *Мы живемъ среди полей*, съ хоромъ, сопровождавшимся танцами.

За симъ слѣдовало новое произведеніе Н. А. Полеваго: *Первое представленіе Мельника колдуна, обманщика и свата*. Всѣ лица, участвующія въ этой комедіи въ 1 дѣйствіи, историческія, знакомыя намъ по книгамъ, то съ хорошей, то съ дурной стороны. Здѣсь вы видите Александра Петровича Сумарокова (По-

танчиковъ), Василья Кириловича Тредьяковскаго (Щепкинъ), Петра Өедоровича Жукова (П. Степановъ), Александра Онисимовича Аблесимова (Самаринъ); изъ лицъ менѣе извѣстныхъ являются Анна Ивановна, воспитанница Сумарокова (г-жа Орлова) и Богданъ Богдановичъ Книперъ, содержатель вольнаго театра въ Петербургѣ (Никифоровъ). Содержаніе этой пьесы знакомо уже читателямъ репертуара.

Піеса шла очень удачно: Самаринъ прекрасно передалъ влюбленнаго поэта, который цѣною произведенія своего долженъ добывать себѣ жену. Щепкинъ отчетливо представилъ намъ тяжелаго фанфарона Тредьяковскаго, а г-жа Орлова съ необыкновенною простотою выразила наивную дѣвочку, отъ души ненавидящую и авторовъ и музъ. Впрочемъ, *такая* піеса не могла быть исполнена и принята дурно; ее играли усердно, а хлопали ей еще усерднѣе. Мы скажемъ откровенно, что всѣ піесы Н. А. Полеваго имѣютъ здѣсь успѣхъ, и если есть имя г. Полеваго на афишѣ, то смѣло можете быть увѣрены, что театръ полонъ.

27-го Октября, въ бенефисъ г-жи Н. Рѣпиной, былъ прекрасный, преразнообразный и предолгій спектакль. Представленіе началось съ національнаго произведенія Н. Н. Скобелева—*Кремневъ, Русскій солдатъ*; потомъ данъ былъ водевиль—*Барышня-крестьянка;* за онымъ послѣдовало нѣчто въ родѣ интермедіи, а спектакль кончился Московской картиной въ одномъ дѣйствіи: *Именины секретаря.*

Не будемъ смотрѣть на *Кремнева* какъ на произведеніе искусства; не будемъ требовать отъ него того, чего въ правѣ мы требовать отъ каждаго драматическаго произведенія. Мы будемъ смотрѣть на *Кремнева*, какъ на самое простое, самое близкое выраженіе патріотизма Русскаго, какъ на проявленіе этой исключительной страсти Русскаго солдата, страсти, приводящей все къ одному знаменателю—военной службѣ, страсти, которая съ какимъ-то наивнымъ, безотчетнымъ, дѣтскимъ презрѣніемъ отвергаетъ все то, что внѣ сферы мундира и пушки, страсти, которая не можетъ насъ не заинтересовать, ибо она есть слѣдствіе глубокаго и сильнаго душевнаго убѣжденія. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на *Кремнева*, комедія Русскаго Инвалида достигла своей цѣли; она вѣрна своему назначенію, и мы, принимая ее въ этомъ смыслѣ, поблагодаримъ автора за обогащеніе прекраснымъ произведеніемъ своимъ Литературы нашихъ патріотическихъ сочиненій.

И въ самомъ дѣлѣ, не понятно ли, не естественно ли, что въ то время, когда знамена ополченій шумѣли на поляхъ Русскихъ, когда многочисленныя рати готовились на брань, когда было какое-то предчувствіе чего-то великаго, дней Бородинскихъ и Тарутинскихъ, никто не могъ устоять противъ этого электрическаго потока, увлекающаго за собою всѣ классы, всѣ сословія народа? Какимъ образомъ духъ воинства и любовь къ военной службѣ могли не развиться въ такое время, когда на ней одной лежала вся надежда на спасеніе, на славу цѣлаго племени? Въ то время всякій былъ Владиміромъ Русовымъ; много, много матерей были Варварой Тимоѳеевной, а вся армія наша была однимъ Кремневскимъ строемъ.

Посмотримъ, какимъ образомъ выражена въ народномъ драматическомъ представленіи Скобелева эта господствовавшая въ то время въ Россіи любовь ко всему военному. Первые два дѣйствія комедіи происходятъ въ 1812 г., третье въ 1814, слѣдовательно, въ двѣ эпохи, совершенно различныя характеромъ, но одинаковыя въ направленіи. Направленіе осталось то же; любовь къ войнѣ также горѣла, какъ и прежде, но характеръ эпохи измѣнился: мы не защищались, а покоряли. Центръ всей картины

войны 1812 г. есть пожаръ Москвы; центръ картины войны 1814 г., есть взятіе Парижа. — Показать одного и того же человѣка, прежде перваго и послѣ послѣдняго изъ сихъ событій, могло бы быть прекрасной задачей для драматическаго автора. Въ піесѣ Г. Скобелева три главныя дѣйствующія лица: Иванъ Кремневъ, отставной пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ (Щепкинъ), Владиміръ Русовъ, молодой дворянинъ (Самаринъ), и Варвара Тимофеевна Русова, вдова генерала, мать Владиміра (Львова-Синецкая). На этихъ трехъ лицахъ обращается интересъ всей піесы; около нихъ группируются, какъ лица второстепенныя, Сонюшка Лапкина, невѣста Владиміра (Панова), Настя, сирота, воспитанница Русовой (Н. Рѣпина), выходящая замужъ за Кремнева, отецъ (Живокини) и мать (Сабурова 1), Сонюшки и нѣсколько молодыхъ солдатъ.

Кремневъ живетъ въ домѣ Русовой, какъ сослуживецъ мужа ея, отъ котораго ему завѣщано образовать изъ Владиміра такого же воина, какой былъ отецъ его. Кремневъ учитъ молодаго барича артикулу, заставляетъ его маршировать, преподаетъ ему правила строя, однимъ словомъ, читаетъ ему курсъ военныхъ наукъ на практикѣ. Владиміръ успѣваетъ; но мать его, которую нехотя Г. Скобелевъ сдѣлалъ очень умною женщиной, находитъ, что этого воспитанія недостаточно. Кремневъ утверждаетъ противное, и доводитъ генеральшу до того, что она не велитъ ему больше видаться съ сыномъ и проситъ оставить домъ ея. Кремневъ въ бѣшенствѣ, Владиміръ за него заступается; но его сажаютъ въ темную комнату на хлѣбъ и на воду. Кремневъ плачетъ; этотъ старый воинъ, закаленный въ битвахъ, съ удивленіемъ привѣтствуетъ незванную гостью — слезу, которая трепещетъ на сѣдыхъ его рѣсницахъ.

Въ этой грусти застаютъ его два солдата изъ его товарищей. Отъ нихъ онъ неожиданно узнаетъ, что уже отданъ приказъ выступать въ походъ, что война неминуема, и что непріятель уже близко. Манифестъ о войнѣ 1812 г. уже ходитъ по рядамъ Русскихъ полковъ, всеобщій энтузіазмъ начинаетъ волновать народъ, и воинскіе клики раздаются со всѣхъ концевъ Россіи. Война, говоритъ Кремневъ, и мысли о Владимірѣ начинаютъ тревожить его. Въ это время Владиміръ, выскочивъ въ окно изъ своего ареста, прибѣгаетъ къ Кремневу, который разсказываетъ ему все. Владиміръ читаетъ манифестъ; послѣднія слова воззванія къ народу заставляютъ его рѣшиться; онъ бросается въ объятія Кремнева; онъ забываетъ все, и мать и невѣсту — передъ нимъ другая мать — Россія, другая невѣста — война; онъ назначаетъ Кремневу свиданіе въ лагерѣ и возвращается въ свое заточеніе. Между тѣмъ, къ Русовой пріѣзжаютъ Лапкины; посреди хозяйственнаго разговора является Владиміръ; онъ пришелъ сказать, что время ареста его кончилось. Время обѣда настало, и въ самую неожиданную минуту Владиміръ бросается къ ногамъ матери и проситъ позволенія надѣть мундиръ. Русова долго не соглашается; наконецъ тронутая просьбами сына и совѣтами Лапкина, она даетъ ему свое благословеніе, и этой картиной кончается первое дѣйствіе.

Второе дѣйствіе васъ вводитъ въ лагерь. Войско стоитъ на готовѣ; при первомъ словѣ, оно выступаетъ на смерть и славу. Картина лагеря жива, шумна, разнообразна; но она не болѣе, какъ картина; тутъ дѣйствія нѣтъ. Всего замѣчательнѣе въ этой картинѣ военные пѣсенники; хоръ ихъ состоитъ изъ десяти человѣкъ; но такого согласія, такого единства, такой гармоніи въ пѣніи, мы давно уже не слыхали. Пѣсня: *Молодчикъ молодой*, была ими спѣта превосходно; пляску одного изъ нихъ съ бу-

бенчиками невозможно описать; это надобно видѣть, и удивляться, сколько силы, огня живаго и выраженія въ этомъ безъискуственномъ танцѣ. Мы слышали, что эти пѣсенники — солдаты изъ пожарной команды; ежели это правда, то эти люди въ своемъ родѣ стоютъ какого нибудь Германа съ его оркестромъ. Но возвратимся къ предлежащему: Владиміръ является въ лагерь, представленъ полковнику (Мочаловъ), и черезъ нѣсколько минутъ вы уже видите его въ сѣрой шинели съ краснымъ воротникомъ и въ огромномъ киверѣ. Стройно! говоритъ полковникъ, и начинаетъ воззваніе къ воинамъ, котораго мы, къ большому сожалѣнію, никакъ не могли разслушать. По окончаніи рѣчи, ударили барабаны, зазвенѣли трубы, и войско церемоніальнымъ маршемъ отправилось въ побѣдный путь свой. Владиміръ, проходя мимо матери, въ послѣдній разъ бросается на грудь ея, и при звукахъ воинственной музыки занавѣсъ опускается. Въ этой картинѣ есть что-то трогательное, глубоко западающее въ душу; она нѣкоторымъ образомъ заставляетъ присутствовать при 1812 г., помогаетъ вамъ понимать, какъ въ то время росли герои и составлялись народныя ополченія.

Третье дѣйствіе, какъ мы сказали выше, происходитъ въ 1814 г. Русова получаетъ письмо отъ сына уже изъ-за границы; онъ раненъ; онъ пожалованъ. Семейство Лапкиныхъ опять здѣсь; имъ сообщаетъ Русова извѣстія о миломъ сынѣ, и всѣ съ какимъ то святымъ вниманіемъ слушаютъ вѣсти о молодомъ воинѣ. Потомъ всѣ отправляются обѣдать. Во время обѣда мальчикъ Русовой, какъ безумный вбѣгаетъ и, встрѣтивъ Настю, сначала не можетъ ничего выговорить, кромѣ: матушка; сударыня, сударыня, матушка... батюшка баринъ пріѣхалъ! Русова съ салфеткой, Лапкинъ съ кускомъ цыпленка выбѣгаютъ встрѣчать неожиданнаго гостя, и вотъ входитъ Владиміръ, въ маіорскихъ эполетахъ, съ разбитою ногой, интересно блѣдный. Первыя минуты свиданія всегда одинаковы. Удовлетворивъ первой радости при видѣ сына, Русова обращается къ Кремневу, вѣрному слугѣ до послѣдней крайности, но не умѣвшему сберечь ни Владиміра, ни самаго себя: онъ возвратился безъ руки. — Піеса кончается свадьбой, или по крайней мѣрѣ намѣреніемъ жениться, у Владиміра на Сонюшкѣ, а у Кремнева на Настѣ.

Щепкинъ, въ роли Кремнева, былъ прекрасенъ; это не новость, — Щепкинъ, кажется, ни въ какой роли дуренъ быть не можетъ. Чувство, съ которымъ игралъ онъ стараго солдата, показываетъ, что онъ совершенно вошелъ въ положеніе изображаемаго лица; онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ передалъ намъ физіономію этого стараго рубаки, въ которомъ лѣта еще не охладили юношескаго пыла, который съ такимъ живымъ участіемъ увлекается энтузіазмомъ молодаго Русова. Сцена, когда Русова отказываетъ Кремневу отъ своего дома, невольно трогаетъ васъ чувствомъ горести, прекрасно выраженнымъ Щепкинымъ: вы видите, какъ онъ боится разлуки съ любимымъ воспитанникомъ своимъ; ему не такъ обидѣнъ отказъ отъ дома, какъ невыносимо оставить Владиміра. Монологи, слѣдующіе за этою сценою, были выполнены естественно, безъ всякой декламаціи, съ простотою солдатскою, но необыкновенно сильно; такъ что выраженіе ихъ доходило до сердца. Роль Щепкина имѣетъ значительность только въ первомъ актѣ; въ двухъ послѣднихъ, Кремневъ почти бездѣйствующее лице.

Мы съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли на г. Самарина, въ роли Владиміра Русова. Это молодой человѣкъ съ большимъ талантомъ; главное достоинство его въ томъ, что онъ

ва Богу, что не въ двухъ), сочиненная г. Н. Соколовымъ въ продолженіе къ прежней его интермедіи — *Пріѣздъ жениха*; она не есть водевиль...

Лишь водевиль есть вещь, а прочее все гиль.

она въ полномъ смыслѣ относится къ прочему. Одно лице, которое въ этой піесѣ можно смотрѣть съ удовольствіемъ, есть Спичкинъ, и то потому, что его играетъ Никифоровъ. Никифоровъ въ этихъ роляхъ безподобенъ; онъ неподражаемъ въ приказныхъ нижнихъ инстанцій, въ слугахъ, которые умничаютъ, и въ ключникахъ, которые бранятся. Въ его физіономіи *подьячизмъ* развитъ въ высшей степени: всѣ ухватки, ужимки и манеры повытчика. Щепинъ, въ роли Максима Петровича Петрова, также имѣетъ свое достоинство: онъ прекрасно изображаетъ нахальнаго секретаря, который чѣмъ больше беретъ, тѣмъ меньше дѣлаетъ. Въ этой интермедіи гг. Лавровъ, Бантышевъ и г-жа Михайлова пѣли съ хоромъ Русскую пѣсню: *Ахъ, ты ночь ли, ночка темная*, соч. А. А. Алябьева. Мы очень жалѣли, что не могли слышать г-жу Михайлову въ соло; у нея большой, чистый и пріятный голосъ. Наружность ея также хороша, какъ и голосъ.

29-го Октября, дана была драма: *Иголкинъ*; за оною послѣдовала *Гусарская стоянка*, водевиль, въ которомъ особенно хороша г-жа Орлова, въ роли гусарскаго юнкера. Бѣлый сюртукъ и шапка на бекрень идутъ къ ней чрезвычайно, и удивительно, какъ могла она такъ хорошо усвоить себѣ всѣ ухватки, всю расторопность грядущаго корнета. Г. Орловъ прекрасно разъигрываетъ пьянаго солдата. Потомъ давали *Труса* и наконецъ *Филатку и Мирошку*, истинно Русскую картину, которую, не смотря на сферу, гдѣ обращается въ дѣйствіе, мы смотримъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Г. Садовскій, въ роли Филатки, и г. Никифоровъ, въ роли Мирошки, неподражаемо хороши. Особенно г. Садовскій съ необыкновеннымъ успѣхомъ передаетъ крестьянскую простоту, ни мало не впадая въ тривіяльность.

30-го Октября, мы смотрѣли Санковскую I-ю въ Сильфидѣ, и рукоплескали отъ души этому воздушному генію; а 31-го, снова любовались Щепкинымъ въ Кремневѣ.

Въ продолженіе этого полугодія на Московскомъ Театрѣ поставлено

новыхъ піесъ	11
возобновлено старыхъ.	2
Всего	13

Въ томъ числѣ:	опера	1
	драмъ	3
	комедій.	3
	водевилей . . .	5
	балетъ	1

Всѣхъ піесъ дано было 89

Въ томъ числѣ:	драмъ.	12
	комедій	12
	оперъ	10
	водевилей . . .	37
	балетовъ. . . .	6
	дивертисем. .	12

Спектаклей было 62.

ИМЕНА ОСОБЪ,

ПОДПИСАВШИХСЯ

НА

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО ТЕАТРА,

НА 1839 ГОДЪ.

Въ Санктпетербургѣ:

А.

Апраксина, Е. В., ея впр. *.
Амосовъ, сынъ генералъ-маіора.
Асенкова, А. Е., артистка.
Апорта, кондиторъ.
Амбіель, кондиторъ.
Андреевъ.
Алексѣевъ, купецъ.
Андреевъ, купецъ.
Аникинъ, С. Е., его вб.
Артемьевъ, его бл.
Анучинъ.
Ахочинскій, кол. асес.
Алексѣевъ, его бл.
Акимовъ.
Артемьевъ, капитанъ.
Андреевъ, И. Я., его вб.
Абакумовъ, Ѳ. И.
Анчутинъ, штабсъ-капитанъ.
Антиповъ, П. Я.
Артамоновъ, П. С.
Алексѣевъ, Ѳ. А., 8 класса.
Арбузовъ, В. П.
Агафоновъ, подпоруч.
Агамоновъ, инжен. прапорщ.
Артамоновъ.
Акатовъ, 9 класса.
Артыганьевъ, П. А., его бл.

* *Сокращенія:* его сіятельство — его сіят., его высокопревосходительство — его впр., его превосходительство — его пр., его высокородіе — его вр., его высокоблагородіе — его вб., его благородіе — его бл.

Абрамовъ, А. М., членъ К. Ком.
Аксаковъ, студентъ.
Алексѣевъ, Г. А., 14 класса.
Афанасьевъ, его вб.
Артыновъ.
Андреяновъ, И. Д.

Б.

Бѣлоградской, Г. Г., генералъ-лейтенан.
Бобринская, Е. С., графиня.
Бѣгичевъ, Д. Н., его пр.
Бинбергъ, Ѳ. Я., его пр.
Бойэ, его прев.
Бороздина, Т. Т., стат. совѣт.
Барановъ, Е. Т., флигель-адъютантъ.
Бѣляевъ, Д. Д.
Беккеръ, Н. Г., артистъ.
Булгаринъ, Ѳ. В., его вб.
Брызгаловъ.
Бевадъ, г-жа.
Бурлаковъ, А. И.
Большое Гражданское Общество.
Бѣловъ, Ив. И., купецъ.
Битнеръ, купецъ.
Балановъ, полковникъ.
Березкинъ, С. Я., кол. ассес.
Бородулинъ.
Боровъ.
Богдановъ.
Бенецкій, Г. Ф., инжен. поруч.
Балашевъ, И. М., купецъ.
Бюго.
Буричь, поручикъ.
Бетхеръ, Н. А., кол. совѣт.
Бородинъ, А. И.

Бедряга, камеръ-пажъ.
Бееръ, его вб.
Бородинъ, П., пажъ.
Баумгартенъ, П. К., пажъ.
Безсоновъ, А. С., его вб.
Богомоловъ, инж. прапорщ.
Благовѣщенскій, М.
Бурачковъ, Г. А.
Бронинъ, Н. П., купецъ.
Байковъ, П. П., его бл.
Борнеманъ.
Березинъ, Я. Ѳ.
Борзыиковъ, надв. совѣт.
Бачмановъ, П. И.
Барыкова, П. С.
Бонаръ, купецъ.
Буоровъ, А. С.
Бѣляевъ, П. А.
Болдыревъ, П. И.
Бужинскій.
Брадлей, купецъ.
Бруннеръ, прапорщикъ.
Богдановъ, надвор. совѣтникъ.
Бабашинъ, К. Г.
Брилингъ.
Барышевъ.
Балкъ, О. С., капитанъ-лейтенантъ.
Блюмъ, Ѳ. Ѳ., его вб.
Беккеръ, артистъ, 2 экз.
Бочаровъ, Н. У., гвар. поручикъ

В.

Валуевъ, его прев.
Воейковъ, А. Ѳ., стат. совѣт.
Веймарнъ, А. Ѳ., его пр.
Вильдперъ, кондиторъ.
Веловзоровъ, полковникъ.
Вояляръ-Лярскій, камеръ-юнкеръ.
Васнецовъ, коллежскій секретарь.
Виколовъ, купецъ.
Витгефтъ, К. К.
Варнекъ.
Вингеберъ, типографщикъ.
Велицынъ.
Вавиловъ.
Вахрушевъ, М. Т., купецъ.
Вешняковъ, А. П., его вб.
Вешняковъ, В. П., его вб.
Вольфъ, его вб.
Выставкинъ, К. В.
Варгунинъ, А. И., купецъ.
Вейцеховскій.
Волковъ.
Ванчиковъ, Ив. А., 8 класса.
Василисинъ, Н. П., его вб.
Валронтъ, С. А., 6 лин. Фин. бат. прапор.
Владимірскій, его вб.
Вольфъ и Беранже, кондит.
Виламовъ, Г. Г., его вб.
Варламъ.
Васильевъ, Г. Я., 10 класса.
Вагинъ, И. М., купецъ.
Васильевъ, Ѳ. Н.
Васильевъ, секретарь Г. Надворнаго Суда.
Венцель, инжен. штабсъ-капитанъ.
Васильевъ, капитанъ 2 ранга.
Владиміровъ, П. Н.
Васильевъ, В. А.
Воронинъ.

Г.

Гедеоновъ, А. М., его пр.
Громова, ея пр.
Гладкова, ея пр.
Гурьева, Е. С., графиня.
Гартонгъ, М. А., ея пр.
Голицына, С. А., княгиня.
Голицына, княгиня.
Годенинъ, ген.-лейт., дирек. 1-го Кад. корп.
Горшковскій, Д. И., купецъ.
Григорьевъ 1-й, П. И., артистъ.
Горской.
Горностаевъ, его бл.
Германъ, Ф. И., надворный совѣтникъ.
Голиковъ, Н. Я.
Гаевскій, П. И., артил. поручикъ.
Гоминцъ.
Гуськовъ, М., купеч. сынъ.
Гредякинъ, кол. ассес.
Германъ, правитель канцел. Коммер. Бан.
Гаевскій, П. И., стат. совѣт.
Голенищевъ-Кутузовъ, С. В., поруч.
Гурьевъ, А. М., штабсъ-капитанъ.
Голохвастовъ, Ѳ. А., его вб.
Гольцъ, музыкал. магаз.
Гернетъ.
Гриневичь, Н. А.
Галкинъ, М. С., купецъ.
Гасиль.
Глазуновъ, С. К., почетный гражданинъ.
Гартингъ, К. М., его вб.
Граматинъ, П. И., 5 класса.
Ганкевичь, штабсъ-капитанъ.
Годуновъ, В. В.
Голубовъ, его бл.
Глазуновъ, А. К., почетный гражданинъ.
Грушецкій, инжен. прапорщ.
Гартонгъ, капитанъ.
Громовъ, И. С., купеческій сынъ.
Гурскалинъ, П. И., 8-го класса.
Гусева, Е. П., артистка.
Гатенбергъ, А. Ѳ., казначей.
Григорьевъ.
Геппигъ.

Гонецкой, поручикъ.
Гербель, Ш. Г., ея вб.
Герздорфъ, Н. А.
Гедеоновъ.
Глазуновъ, Н. И., почетный гражданинъ.
Гусевъ, купецъ.
Глинка, С. Н., его вб.

Д.

Дубельтъ, Е. П., генералъ-маіоръ.
Деманжъ, стат. совѣт.
Дундуковъ-Корсаковъ, М. А., князь.
Дадіанъ, К. Л., князь.
Долгорукій, князь.
Дурново, Д., Его Имп. Вел. камергеръ.
Де-Траверзе, генералъ-маіоръ, маркизъ.
Дюръ, Н. О., артистъ.
Девильпеневъ, полковникъ.
Дьяконовъ, И. А.
Дубровскій, В. И.
Добровольскій, Л. Л.
Дешевовъ, маіоръ.
Докушевскій, маіоръ.
Дезарно.
Дубровинъ, Д. В., купецъ.
Долговъ, Н. Н., юнкеръ.
Диниховскій, У. М., подполковникъ.
Дмитревскій, Н. Н., кол. ассес.
Добровольскій, А. В., его бл.
Делли, кондиторъ.
Дыховъ, гвар. поруч.

Е.

Ерманъ, А. В., ея пр.
Елькенская, Н. Ѳ.
Есповскій, С. Д., кол. ассес.
Ефимовъ, И. С.
Егерская Библіотека.
Еръ-Эпцъ, А. К.
Евдокимовъ, его бл.

Ж.

Желтухинъ, В. Ѳ., камеръ-юнкеръ.
Жмакинъ, П. А.
Жадовской, В. Н., кол. совѣт.
Желтухинъ, А. Д., прапорщикъ.
Жернаковъ, К. И., купецъ.
Ждановъ, Н. Н., 8-го класса.

З.

Заводовскій, графъ.
Зимнякова, кондит.
Запольскій, полковникъ.
Зубовъ, А. В.
Зиминъ, Ив. И., купецъ.
Загоскинъ, капитанъ.
Зотовъ, полковникъ.
Зотовъ, его вб.
Заварицкій, М. Е., капитанъ.
Зенбулатовъ, М. И.
Захаровъ, Н. К., кол. секрет.
Зацѣпинъ, прапорщикъ.
Захаровъ 2-й, А., театр. воспитан.
Заворуевъ, кол. секрет.
Зыбинъ, студентъ.
Зимковскій.

И.

Ивановъ, А. Н.
Ильенко, Н. Н.
Ипполитовъ, А. М., экономъ.
Ивановъ, купецъ.
Ильинъ, Н. П., его вб.
Ивановъ, 9-го класса.
Писарскій, В. А.
Ивановъ.
Ивановъ, А. К.
Ивановъ, Ѳ. И., купецъ.
Игнатьевъ, С. А.
Излеръ, кондиторъ.
Ивановъ, Д. В.

І.

Іогансонъ, А. І.

К.

Карнѣевъ, Е. В., его пр.
Костогорова, А. А., стат. совѣт.
Кушелевъ-Безбородко, Е. С., графъ.
Кавальковъ, А. И., его пр.
Канкринъ, В. Е., прапорщикъ, графъ.
Кутайсовъ, графъ.
Кочубей, А. В., сенаторъ.
Калошинъ, П. И., его пр.
Квашнинъ-Самаринъ, дѣйст. стат. совѣт.
Кукольникъ, Н. В., его вб.
Краевскій, А. А., его вб.
Коровкинъ, Н. А., его вб.
Конн, Ѳ. А., его вб.
Каратыгинъ, П. А., артистъ.
Козаковъ, А. Я., купецъ.
Каменскій, П. П., его вб.
Крыловъ, А. Л., его вб.
Карякинъ, П. И.
Коптевъ.
Котоминъ, его бл.
Котоминъ, купецъ.
Крѣпачевъ, 9-го класса.
Кометовской, Е. Ѳ., купецъ.
Крыловъ, К. Н.
Купріяновъ, М. И., почетн. гражданинъ.
Кобылинъ, бухгалтеръ.
Корниловъ, купецъ.
Кузнецовъ, Ив. И.

Кинцель, Юлія.
Краснопольскій, И. В.
Киселева, В. Ѳ.
Кретеръ.
Кишенскій.
Капайтули, П. В., его бл.
Козловъ, И. Е., его вб.
Куторга, С. С., кол. ассес.
Корсаковъ, П. А., надв. совѣт.
Калашниковъ.
Кастеринъ, А. И., купецъ.
Корниловъ, купецъ.
Карниловъ.
Кузнецовъ.
Краснопольскій, его бл.
Кольгинъ, В. М.
Копейщиковъ, кол. секрет.
Коттеръ, П. К., его вб.
Критъ, инженеръ-прапорщикъ.
Кушелевъ, С. Е., пажъ.
Калачева, М. С., ея вб.
Кенсовскій, И. Ѳ., его вб.
Кругликовъ, Г. П., его бл.
Крыловъ, В. О.
Колмовскій, А. В., его бл.
Кирпичевъ, Л. М., инжен. капит.
Куликовъ, Н. И., артистъ.
Косовскій, А. Я., его бл.
Костинъ, А. П.
Кулинъ.
Красноглазовъ, И. Ѳ.
Кайгородовъ, А. И.
Консевичъ, подполковникъ.
Кольбергъ, П. Н.
Кудрявый, А. И., его вб.
Канинъ, И. В.
Ковалевъ.
Кильчевскій, полковникъ.
Киселевъ, А. П.
Кириловъ.
Кобылинскій, П. Н., его вб.
Каратыгинъ, А. А., его вб.
Косметическій магазинъ.
Краммеръ.
Козловъ, купецъ.
Контрольный Департам. Граждан. Отчет.
Кухнова, г-жа.
Канъ, К. И.
Кауфманъ.
Колечитскій, П. М.
Крутицкій, его вб.

Л.

Лонгиновъ, статсъ-секретарь.
Лапатинъ, В. Н., кол. совѣт.
Ламановскій, полковникъ.
Ларіоновъ, купецъ.
Лешевалье, Ф. Ж.
Ліонъ, 2 экз.
Леонтьевъ, П. А., купецъ.
Лангеръ, В. П., кол. ассес.
Лисаневичъ, С. Д., его вб.
Ломанъ, Л. Л., его бл.
Лакомкинъ, Н. И., купецъ.
Лукинъ, Ѳ. И., его бл.
Лядовъ.
Лапинъ, В. И., купецъ, 2 экз.
Лисицынъ, А. А.
Лосевъ, инжен. прапорщ.
Львовъ, Л. А., 10-го класса.
Лукинъ, прапорщикъ.
Львовъ, инжен. прапорщ.
Локотниковъ.
Людинкгаузенъ-Вольфъ, гв. п., баронъ.
Лукинъ, А. Я.
Лащевскій, его бл.
Леоновъ, И. И.
Лукьяновъ, В. В., купецъ.
Литвиновъ, В. И.
Лазаревъ-Станищевъ, кол. ассес.
Ляшко, Г., сенат. регист.
Лейтестокъ, кол. ассес.
Лисенковъ.
Лебедевъ, полковникъ.

М.

Мердеръ, С. Н., ея пр.
Маркусъ, лейбъ-медикъ.
Молоховъ, В. П., стат. совѣт.
Мятлева, тайная совѣт.
Межевичъ, В. С., его вб.
Мундъ, А. П., плацъ-адъютантъ.
Мосаловъ, А. Ѳ.
Мадерни, Д. С., г-жа.
Меншиковъ, его бл.
Молчановъ, его бл.
Мижуевъ, П. К., его бл.
Матвѣевъ, К. Н.
Матвѣевъ, Я. М.
Мазнеръ, Ф. И., его вр.
Маринъ.
Маленинъ, В. М., студентъ.
Миллеръ, Г. П.
Муравьевъ, М. М., его вб.
Московскаго полка Библіотека.
Манусевичъ, подпоручикъ.
Мясниковъ, И. В.
Москвитиновъ, И. П.
Макаровскій, А. К., его вб.
Максимовъ, А. М.
Милова, Н. В.
Мироновъ, В. И.
Манышевъ, А. И., его вб.
Машлыгинъ, его вб., есаулъ.

Маетъ, К. П., его бл.
Малышевъ, Е. И.
Мазовскій.
Меленскій, штабсъ-капитанъ.
Михайловъ, К. М.
Михайловъ, В. А.
Мельгуновъ, его вб.
Малимоновъ.
Медвѣдевъ, С. С., его вб.
Мартынова, М. С., ея вр.
Муравьевъ.
Муравьевъ, П. М., его вб.
Метлинъ.
Мѣняевъ, Санктпетер. купеческій сынъ.

Н.

Никитинъ, А. А., его пр.
Невахович, А. Л., его вб.
Норовъ.
Никоновъ, П. И.
Никитенко, А. В., кол. ассес.
Неймчева, г-жа.
Новиковъ, В. А., его вб.
Новоселовъ, инжен. поруч.
Носовъ.
Никифораки, г-жа.
Наумовъ.
Небольсинъ, Пав. Ив., гвар. капитанъ.
Назаровъ, кондиторъ.
Никитинъ, С. И., купецъ.
Немировъ.

О.

Орлова-Денисова, Е. А., княгиня.
Ободовскій, П. Г., его вб.
Орловъ, В. И., его вб.
Опитцъ, В. А., кол. ассес.
Оводовъ, И. Г., кол. ассес.
Ольдекопъ, Е. И., кол. совѣт.
Очкинъ, А. Н., редакт. Санктпетер. Вѣд.
Оржешко, прапорщикъ.
Остермейеръ, Г. Б., полковникъ, 2 экз.
Орловъ, В. П., 7-го класса.
Ободовскій, А. Г., инспекторъ.
Обольяниновъ, Л. Н., его бл.
Орловъ.
Ольхинъ.
Ондеборгеръ, Θ. Θ.

П.

Пущина, фрейлина, ея пр.
Прокоповичъ-Антонскій, вице-директоръ.
Пановъ, С. Θ., его пр.
Прянишниковъ, Θ. И., е. пр., Спб. поч.-дир.
Поповъ, Г. С., стат. совѣт.
Полозова, А. Ф., генер.-лейтен.
Платовъ, М. И., графъ.
Полевой, Н. А., его вб.
Пѣтуховъ, Р. Г., купецъ.
Петцонъ.
Пелрашкевичъ, В. А., кол. ассес.
Поступовъ, А. Н.
Патрикіевъ.
Пономаревъ.
Поршняковъ, маіоръ.
Прокофьевъ.
Протопоповъ, его бл.
Позднякъ, Я. А.
Поповъ, прапорщикъ.
Петрова, М. И., 9-го класса.
Почимади, М. Н., его вб.
Павловскій, Д. М., капитанъ.
Полтавцевъ, В. К.
Петерсонъ.
Погребовъ, П. А., купецъ.
Пахомовъ.
Піяцо, купецъ.
Пейкеръ, гвар. поручикъ.
Петровъ, кол. ассес.
Правиковъ, А. А., кол. ассес.
Прянишниковъ, кол. регист.
Передовщиковъ, А. К.
Попова, К. Н., подполковница.
Поливановъ, Л., гвар. поручикъ.
Петровъ, В. К., купецъ.
Полуэктовъ, А. С., литографъ.
Петровъ, М. П.
Пивоваровъ, П. М., почетн. гражданинъ.
Поповъ, В. Θ.
Поповъ.
Пентешинъ, П. Г., его бл.
Поповъ, И. Л., 10-го класса.
Поповъ, надв. совѣт.
Поршняковъ, Г.
Пальмовъ.
Поджіо, А. О.
Платоновъ.
Поповъ, 6-го класса.
Пономаревъ, К. Я.
Полетковскій.
Поповъ, А. В., купецъ.
Полтавцевъ, Л. К., его вб.
Пивоваровъ, П. М., почет. граждан.
Подобѣдовъ, А. А., его вб.
Прудниковъ, губерн. секрет.
Пановъ, П. И., капитанъ.
Поповъ, А. Г.
Петровъ, И. Д., кол. ассес.
Пасынковъ, Г. Н., его вб.
Пейкеръ, А. А.

Р.

Реметьевъ, дѣйст. стат. совѣт.
Родзянко, Е. В., ея пр.

Рокотовъ, А. Д., его бл.
Ратмановъ, М. М., его вб.
Рындинъ, П. П., прапорщикъ.
Рикардъ.
Редеръ, капитанъ.
Рыкачевъ, штабсъ-ротмистръ.
Руссо, И. И., артистъ.
Роговъ, И. А., купецъ.

С.

Слободской, тайный совѣтникъ.
Степановъ, его пр.
Салтыковъ, Л. Г., егермейстеръ, графъ.
Салтыковъ, П. Д., князь.
Сморжицкій, генералъ-лейтенантъ.
Строганова, графиня, 2 экз.
Слатвинскій, П. И., генералъ-лейтенантъ.
Слатвинскій, Я. И., генералъ-маіоръ.
Сосницкій, Ив. Ив., артистъ.
Самойловъ, В. М., артистъ.
Скрыповъ, Я. Л., купецъ.
Самойловъ, В. В., артистъ.
Строевъ, С. М., его вб.
Сенковскій, О. И., его вр.
Соловьевъ, И. П.
Сивербрихъ, А. И., поручикъ.
Сочивановъ, его бл., 2 экз.
Соколовъ.
Славинскій, П. А., его вб.
Стахановъ, А. С., 7-го класса.
Струковъ, полковникъ.
Стрѣлкова, кол. совѣт.
Синельниковъ, полковникъ.
Стефанецъ, Ө., аптекарь.
Сно, И. Е.
Степановы, братья.
Сивковъ, капитанъ, 3 экз.
Соболевъ, А. П., его вб.
Самсоновъ, В. Г.
Семеновъ, І. В., кол. ассес.
Симоновъ.
Собакинъ, А. С.
Синягинъ, В. Н., его вб.
Серебряковъ, П. М., купецъ.
Солодовниковъ, Н. Н., купецъ, 2 экз.
Сивцовъ, купецъ.
Степановъ, К. С.
Садовенко, М. П.
Селезневъ, его бл., литографъ, 3 экз.
Соловьевъ, К. П., его бл.
Сафоновъ, К. Н., прапорщикъ.
Споповъ, А. А., купецъ.
Сизовъ, А. А., купецъ.
Свенской, капитанъ.
Сумеркинъ, В. Ө.
Семеновъ, гвар. поручикъ.
Свѣшниковъ.
Семенова, П., купчиха.
Салтыковъ, М. Е., воспит. И. Лицея.
Соболевскій, полковникъ.
Соколовъ, А. П.
Серно-Соловьевичь, 9-го класса.
Ситниковъ.
Степановъ.
Смирновъ.
Судовщиковъ, подполковникъ.
Сомме, Д. К., его вб.
Строгановъ, А. А., купецъ.
Савицкая, г-жа.
Сафайловъ, К. Ө., его вб.

Т.

Томиловскій, А. А., его вб.
Третьяковъ, Н. Н., его вб.
Теглевъ, стат. совѣт.
Теряевъ, И. А., стат. совѣт.
Татариновъ, Н. И., кол. совѣт.
Трибенъ, Ө. И.
Тихменевъ, капитанъ.
Титовъ, его пр.
Тарховъ, кол. ассес.
Твороговъ, Ө. И., купецъ.
Туманскій, И. В., надв. совѣт.
Тамаровъ, его бл.
Тимофеевъ, К. Я.
Туруновъ, Я. Н., кол. ассес.
Тюменевъ, купецъ.
Телешева, К. А., артистка.
Титенковъ, А. Н., 14-го класса.
Турчаниновъ, А. П., 2 экз.
Тихановъ.
Тороповъ.
Тихановъ, Н. Т.
Тимофеевъ.
Трусовъ.
Турчаниновъ, А. М.
Троицкій, Н. П., прапорщикъ.

У.

Ушаковъ, А. П., его пр.
Успенскій, Д. И., его бл.
Улыбинъ, 18 экз.

Ф.

Фейферъ, кондиторъ.
Фольшинъ, его бл.
Филипповъ, В.
Фрейгангъ, А. И., его вб.
Философовъ, А. Д., его бл.
Филипповъ, О. Ф., купецъ.
Фроловъ, А. П., прапорщикъ.
Фроловъ, его вб.
Фаншау, К. Ө., пажъ.
Фениксъ, гостинница.

Фонъ-деръ-Визъ, нач. отд. Кан. Воен. Мин.
Фонъ-Крузе, К. К., его бл.
Филиповъ, Д. Е., архитекторъ.
Фонъ-Бринъ, флигель-адъютантъ.
Филимоновъ, Н. И.
Фальковскій.

Х.

Храповицкій, генералъ-адъютантъ
Храповицкій, А. И., кол. совѣт.
Храповицкій.
Харьковцевъ.
Хлапонинъ, купецъ.
Харичковъ.
Христофоровъ, Г. К.

Ц.

Цыціановъ, П. И., князь.
Цейдлеръ, М. И., его бл.
Цыргольдъ, П. П., его бл.

Ч.

Чертковъ, И. Д., дѣйст. стат. совѣт.
Черневскій, надв. совѣт.
Челищевъ, М. Н.
Черневскій, П. И., инженеръ-капитанъ.
Чесноковъ, Ѳ. Е., его вб.
Черниковъ, В. В., подпоручикъ.
Чистяковъ.
Челищевъ.
Чередѣевъ, Д. В.

Ш.

Штеръ, его пр.
Шеннъ, его бл.
Штакельбергъ, штабсъ-капитанъ.
Шелиховъ, П. Н.
Шекабендъ, подполковникъ.
Шебуевъ 1-й, поручикъ.
Штернбергъ, Г.
Шукаревъ.
Шлиттеръ, (фонъ), баронъ.
Шредеръ, А. К., его вб.
Шуйскій, П. С., его бл.
Шмидъ, А. И., полковникъ.
Шереметевъ, Б. С., пажъ.
Шагинъ, И. Г., кол. ассес.
Шемаевъ, В. А., артистъ.
Шапошниковъ, купецъ.
Штеръ, его вб.
Шпаковскій, В. О., его вб.
Шульговскій, Н. Ѳ., его вб.
Шубинъ.
Шлейферъ, Г.
Шевнухъ, П. Б., кол. ассес.

Щ.

Щербатовъ, А. Г., князь.
Щукина, г-жа.

Э.

Энгольмъ, дѣйст. стат. совѣт.
Эбертъ, зеркал. фабрик.
Эльтековъ, А. И., купецъ.

Ю.

Юркевичъ, П. И., его вб.

Я.

Ярошевицкій, Л. Ѳ., стат. совѣт.
Яковлевъ, И. Т., купецъ.
Язевъ, А. И., 9-го класса.
Яковлевы, ихъ вб.
Ярошъ, П. М.
Яковлевъ, П. Н., его вб.
Яковлевъ, А. Г., полковникъ.
Языковъ, Д. Д., пажъ.

Ѳ.

Ѳедоровъ, П. С., его вб.
Ѳедоровъ, Д. Я., надв. совѣт.
Ѳедоровъ, секретарь.
Ѳедоровъ, М. М.

С. Петербургскіе книгопродавцы:

Смирдинъ, А. Ф., 74 экз.
Глазуновъ, И. П., 38 экз.
Глазуновъ, М. П., 9 экз.
Заикинъ, М. И., 36 экз.
Лисенковъ, И. Т., 7 экз.
Бородинъ, И. Ѳ., 15 экз.
Фариковъ, А. Ѳ., 29 экз.
Поляковъ, В. П., 29 экз.
Жебелевъ, Л. И., 20 экз.
Исаевъ, Н. И., 7 экз.
Устиновъ, Ѳ. Ѳ., 10 экз.
Теряевъ, И. В., 5 экз.
Тюленевъ, 4 экз.
Гейде, А. Ѳ., 30 экз.
Контора Отечественныхъ Записокъ, 11 эк.

Московскіе книгопродавцы:

Ширяевъ, А. С., ком. совѣт., 85 экз.
Полевой, К. А., 25 экз.
Глазуновъ, А. В., 50 экз.
Глазуновъ, Н. П., 38 экз.
Логиновъ, В. В., 25 экз.
Смирдинъ, М. Ф., 40 экз.
Кольчугинъ, 15 экз.
Хрусталевъ, 5 экз.

Въ Москвѣ:

Шевелкинъ, А. Г., купецъ, 100 экз.
Козловъ, купецъ, 90 экз.
Гусаровъ, 10 экз.
Ленскій, Д. Т артистъ, 2 экз.
Сарачевъ, И. П., почет. гражд.
Долговъ, Н. Л., его вб.
Шубинскій, Н. Н., его бл.
Оболенская, А. Н., княгиня.
Каменецкій, Т. А., его пр.
Цынскій, Л. М., его пр.
Рябчиковъ, М.
Лобачевскій, П. И.
Масловъ, П.
Кузьминъ, С.
Лобачевскій, В. Г.
Насоновъ, К. Д.
Беттихеръ.
Шепелевъ, В. П., купецъ.
Толченовъ, Н. П., первостат. купецъ.
Крутиковъ, 2 экз.
Доминовъ, В. И.
Владиміровъ, И. В.
Каменскій, К.
Котельниковъ, Я. В.
Крутиковъ, В. И, 2 экз.
Канъ, Я. И.
Павловскій, Е. М., его вб.
Губина, Н. О., почет. гражд.
Григоровичь.
Дебюкъ, А. И., композиторъ музык.
Мусатовъ, А. Б.
Миллеръ, А. А., музык. магаз.
Львова-Синецкая, М. Д , артистка.
Гаевскій, его вб.
Гебауэръ.
Грессеръ, музык. магаз.
Смирновъ, М. А., его вб.
Живокини, В. И.
Крутиковъ, 6 экз.
Каменскій, В. Г.
Калмыковъ, А. Н.
Иконниковъ, 5 экз.
Серебрянниковъ, Ф. Н.
Волчаниновъ, Г. Г.
Усачевъ, В. И., почет. гражд.
Печкинъ, И. С.
Весселовъ, Н. Н., его вб.
Кетчеръ.
Галаховъ, А. Д.
Конп.
Безсоновъ, Н. Н., его вб.
Требиновъ, С. В., его вб.
Бутъ, В. И., его вб.
Паряевъ, А. И., его вб.
Касаткинъ, И. Ф., купецъ.
Сухановъ, А. А., купецъ.
Башкировъ, А. В., его вб.
Нечаевъ, Ѳ. А., его вб.
Щербатовъ, князь.
Митрофановъ, Ив. А.
Еврейновъ, И. Н.

Въ Астрахани:

Ждановскій, главноуправ. питейн. сборам.
Петриченковъ, Х. И., его бл.
Попилинъ, К. Е.
Пузинъ, С. А.
Холщевниковъ, А. М., купецъ.

Въ Ахтыркѣ:

Глазепапъ, М. Я., ея пр.
Корсакова, А. Т., ея пр.
Калиновскій, В., губернскій секретарь.
Матушинскій, М. Т., помѣщикъ.

Въ Александровѣ, Влад.

Барановъ, И. Ф.
Викентьевъ, А. П., поручикъ.
Ильинскій, Н. П., его бл.

Въ Алатырѣ:

Морозовъ, М. П.

Въ Ардатовѣ, Ниж.

Звенигородскій, Д. Ф., штабсъ-ротмистръ.

Въ Александріи, Хер.

Купчиновъ, П. И., штабсъ-ротмистръ.
Мейеръ, Н., помѣщикъ.

Въ Архангельскѣ:

Степановъ, П. В., гражд. губерн.

Въ Богословскѣ:

Безпаловъ, И. Н.

Въ Болховѣ:

Клушинъ, П. Н., его бл.

Въ Бѣлгородѣ:

Дорогобужиновъ, Н., штабсъ-капитанъ.
Денисьевъ.

Жыдычниковъ, А. О.
Ивановъ.

Въ Бобровѣ, Ворон.

Лахманиновъ, штабсъ-капитанъ.
Наумовъ, уѣздный врачъ.

Въ Борисоглѣбскѣ:

Вальронъ, Анна Петр.
Оленинъ, А. Н., его вб.

Въ Богодуховѣ:

Карповъ, Н. П., его бл.

Въ Барнаулѣ:

Соколовскій, инжен.-маіоръ.
Тистровъ, капитанъ.

Въ Брянскѣ:

Безобразовъ, В. С., поручикъ.
Комаревъ, А. А., почетн. гражд.
Карповъ, О. Н.
Лаќотинъ, Е. Е., капитанъ.

Въ Бѣлевѣ:

Гусевъ, А.
Левшинъ, В. В.
Ртищевъ, М. А., подпоручикъ.

Въ Боровичахъ:

Дитерихсъ, А. И., генералъ-лейтенантъ.
Скородумова, А. П., ея вб.

Въ Бѣжецкѣ:

Мининъ, П. А., юнкеръ.
Смирнова, Е. Ф., стат. совѣт.

Въ Богородицкѣ:

Дудышкинъ, Н. М., его бл.
Канцелярія Суздальскаго пѣхотнаго полка.
Муравьевъ, В. Н., его вб.
Шитплинъ, Г. Г., купецъ

Въ Бѣломъ, Смол.

Елчаниновъ, Н. М., уѣздный судья
Кулеша, Е. С.

Въ Богучарѣ:

Почтовая Контора.

Въ Балаклавѣ:

Качони, подполковникъ

Въ Бахмутѣ:

Ясоновъ, Д., полковникъ

Въ Балахнѣ:

Ильинъ, И. И.

Въ Брацлавлѣ:

Невѣдомскій, 8-го класса.

Въ Бериславлѣ:

Вертильякъ, помѣщикъ.

Въ Балтѣ:

Кадишевцевъ, П.
Мазуркевичъ, маіоръ.

Въ Бендерахъ:

Долгово-Сабуровъ, маіоръ.

Въ Бѣльцахъ:

Черецъ, полиціймейстеръ.

Въ Бѣлозерскѣ:

Владимірскій, В. А.
Лѣсковъ, Д. Н., флота капитанъ-лейтенан.
Рейнгольдтъ, Я. Я., его вб.

Въ Воронежѣ:

Дацковъ, И. С., его бл.
Загрянскій, М. А., его вб.
Кашкинъ, Д. А.
Львовъ, И. Ф., его вб.
Науменко, Г. С., его вб.
Нечаевъ, А. И.
Протасьевъ, И. А., его бл.
Чертковъ, Д. И., штабсъ-капитанъ.

Въ Владимірѣ, губ.

Гавриловъ, И. И., кол. ассес.
Курута, И. Е., его пр.
Кохановъ, поручикъ.
Мозилевскій, П. П., его вб.

Въ Вяткѣ:

Вороновъ, П. П., купецъ.
Колесниковъ, надв. совѣт.
Мошковцевъ, А., дворянинъ.
Репинъ, С., почет. гражд.

Въ Вологдѣ:

Боборыкинъ, В. А., его вб.
Витушишниковъ, А. О.

Дубравинъ, Н. П.
Суворова, А. В., ея вб.
Саблинъ, Н. П.
Тизенгаузенъ, А. Е., капитанъ.

Въ Великихъ Лукахъ:

Алексѣевъ, Н. Г.
Васильевъ, П.
Ерышкинъ, Е. Л., его бл.
Круковской, С. В., подпоручикъ.
Рокотова, Е. Д., ея бл.
Алексѣевъ, В. М., поручикъ.

Въ Волчанскѣ:

Донецъ-Захаржевскій, А. Я.
Илетнева, Е. Н., ея вб.

Въ Вышнемъ Волочкѣ:

Доможировъ.
Изъѣдиновъ.
Лемка, Р. М., полковникъ.
Сназинъ, П. Н., его вб.

Въ Волоколамскѣ:

Бѣлавинъ, Б. П., его вб

Въ Верхнеуральскѣ:

Быстренинъ, купецъ.

Въ Вольскѣ:

Крюковъ.

Въ Вязникахъ:

Николя, инжен.-капит.

Въ Верхнеудинскѣ:

Курбатовъ, почет. гражд.
Троицкій, Е. Н.

Въ Верхнеднѣпровскѣ:

Байдакъ, Г. А.
Коншинъ, полковникъ.

Въ Велижѣ, Вит.

Алексіано, маіоръ.
Комаровъ, В. С., его пр.

Въ Винницѣ:

Богушевскій, В. Д.

Въ Витебскѣ:

Баратаевъ, М. М., князь.
Синицынъ, Н. П., его бл.

Въ Витлугѣ:

Баевъ, А. М., его вб.

Въ Весьегонскѣ:

Истоминъ, Н. Е., титул. совѣт.

Въ Вытегрѣ:

Лейсинъ, А. Н.

Въ Виндавѣ:

Гласско, инжен.-поручикъ.

Въ Вольмарѣ:

Архангельскій, помощникъ землемѣра.

Въ Гроднѣ:

Губаревъ, Л. В., его пр.
Ястребцовъ, Н. М., его вб.

Въ Гдовѣ:

Коршуновъ.
Тимлеръ, Ф. П., его вб.

Въ Горбатовѣ:

Алымова, Е., штабсъ-капитанша.
Бестужевъ-Рюминъ, Н. П.

Въ Глуховѣ:

Богаевскій, И. М.
Гербель, генералъ-маіоръ.
Гиргасъ, А. К., окруж. начал.

Въ Галичѣ:

Готовцевъ, К. В., штабсъ-капитанъ.

Въ Грайворонѣ, Кур.

Хорватъ, И. О., помѣщикъ.

Въ Гавриловѣ:

Трегубовъ, Е. В.

Въ Дорогобужѣ:

Кононовъ, А. А.
Хлюстинъ, Н. А., его пр.

Въ Данковѣ:

Кругловъ, М. П., медикъ.

Въ Демянскѣ:

Куклинъ, В. Г., губерн. секрет.

Въ Дзензіолѣ:

Рольцбергъ, баронъ, его вб.

Въ Динабургѣ:

Кульманъ, инжен.-подполк.
Тотлебинъ, Э. И., подпоруч.

Въ Екатеринославлѣ:

Фонъ-деръ-Брюггинъ, артил. подполк.
Евецкая, С., ея пр.
Ефремовъ, И. Я.
Киселевъ, К. Д.
Караники, П., капитанъ
Клевцовъ, А. С.
Мизско, Н. Д., его бл.
Слѣпушкинъ, надв. совѣт.
Чачко, И. Н., почтмейстеръ.

Въ Екатеринбургѣ:

Голышевъ, С. Д.
Пехведовичь, кол. совѣт.
Набатовъ, В. А., купецъ.

Въ Елисаветоградѣ:

Каспиовъ, В. М., поручикъ.
Нуво, П.
Плотниковъ, И.
Чайковская, полковница.
Шегарцевъ, И.

Въ Ельцѣ:

Ильинъ, И. И., его вб.
Львовъ, И. П., поручикъ.
Сахарова, В. Л., ея вб.

Въ Елатьмѣ:

Васильевъ, И. В., его бл.
Расвѣкій, П. А., его бл.
Свѣчниковъ, В. Д., унтеръ-шихмейст.

Въ Екатеринодарѣ, Черном.

Колбъ, А., полковникъ.
Савицкій, А., лекарь.
Япушъ, И. П.

Въ Епифани:

Бѣгичевъ, С. Н., полковникъ.
Лутовинова, маіорша.

Въ Ельнѣ:

Акимовъ, подпоручикъ.
Воронецъ, С. А., корнетъ.

Въ Евпаторіи:

Офренинъ, К. А., его вб.

Въ Ефремовѣ:

Шарапова, Н. В., титул. совѣт.

Въ Енотаевскѣ:

Гертель, С., губерн. секрет.

Въ Екатериноградѣ, Кав.

Морозовъ, губерн. секрет.

Въ Землянскѣ:

Дубовицкій, П. Н.
Лосевъ, Н. Ф., штабсъ-ротмистръ.
Муравьевъ, Н. М., его вб.
Охотниковъ, Я. А.

Въ Златоустовскомъ заводѣ:

Лисенко, А. И., ея вб.
Поповъ, С. С.

Въ Заславлѣ:

Казаревичь, К. А.
Рожицкій, Ф. О., штабсъ-ротмистръ.

Въ Змієвѣ:

Смирницкій, В. Н., его вб.

Въ Задонскѣ:

Каульбарсъ, его бл.

Въ Иркутскѣ:

Балакшина, А. А.
Басиинъ, В. Н., почетн. гражд
Бейтанъ, М. А., его бл.
Пежемскій, П. П., мѣщанинъ.
Рупертъ, В. С., генералъ-губернаторъ.
Шелиховъ, А. В., купецъ.
Казенная Палата.

Въ Ишимѣ:

Бурцовъ, Г., кол. ассес.
Равичь, К. Е.

Въ Ирбитѣ:

Полиціймейстеръ.

Въ Инсарѣ:

Волковъ, В. Я.

Въ Игуминѣ:

Демидовичь, судья.

Въ Изюмѣ:

Давыдовъ, В. А., штабсъ-капитанъ.
Малиновская, Е. В., ея бл.

Въ Илецкой Защитѣ

Игнатьевская, Н. А., дѣвица.
Михайловъ, Л. М., его вб.

Въ Казани:

Грибовскій, В. О., его вб.
Головинскій, В. В.
Мясниковъ, А. Г.
Мотовиловъ, Н. Е., студентъ.
Соколовъ, Н.
Романовъ, Н. А., купецъ.

Въ Курскѣ:

Грузовъ, Н. В.
Ивановъ, Н. А.
Маскаленковъ, В. М., титул. совѣт.
Пансіонъ при Гимназіи.
Полевой, Д. Н.
Полевой, С. Н.
Поярковъ, А. А.
Токаревъ, А. М.
Флиге, военный губернаторъ.
Солнцевъ, тайн. совѣт.

Въ Костромѣ:

Долинскій, А. Н.
Демьяновъ, губерн. почтмейст.
Зюзинъ, А. Н.
Кариповъ, А. Н., адъютан. Могил. полк.
Поповъ, П. Н., его бл.

Въ Кіевѣ:

Бибиковъ, военный губернаторъ.
Балабуха, П. С., его вб.
Берестовъ, В. А.
Леньковскій, Н. Л., его вб.
Литовъ, С. Н., книгопродавецъ.

Въ Калугѣ:

Воротниковъ, С. С., капитанъ.
Батолинъ, А. Е., его вб.
Новиковъ, Н. А., купецъ.
Пряничникова, Е. Н., почетн. гражд.
Подкованцевъ, Н. Д.

Въ Козловѣ, Тамб.

Ганнибалъ, С. И.
Карѣева, М. М.
Терпигоревъ, Н. Н., его бл.
Яковицкій, штабсъ-капитанъ.

Въ Кашинѣ:

Мусинъ-Пушкинъ, І. А., маіоръ.
Милюковъ, Н. А.
Невѣдомскій, В. В.

Въ Клинѣ:

Алмазовъ, его вб.
Дементьевъ, прапорщ.
Ломоносовъ, Н. А.

Въ Коломнѣ:

Даниловъ, А., подполков.
Мѣщаниновъ, Н. И., тит. сов.

Въ Керчи:

Воиновъ, С. Г.
Есаулъ, С. С., 10-го класса.
Позниковъ, М. Я., надв. совѣт.
Померанцевъ, Х. Ю., губерн. секрет.
Тимошенко, С. Д., купецъ.
Чаликовъ, Ю. К., купеч. сынъ.

Въ Козельскѣ:

Алферьева, С. В., ея пр.
Фонъ-Дистерро, полковникъ.
Миткевичь, А. В.

Въ Калязинѣ:

Истоминъ, С. М., подпоруч.
Медвѣдскій, титул. совѣт.
Черемисиновъ, А. М.

Въ Кромахъ:

Ивановъ, А. Н., 8-го класса.
Шеншина, П. В., ея вб.

Въ Красноярскѣ:

Андреевскій, маіоръ.
Сухихъ, Александра Степ.

Въ Константиноградѣ:

Ханыковъ, Н. П., полковн.
Черновъ, М. А., поручикъ.

Въ Карачевѣ:

Гаспарини, В. П., его вб.
Хитрово, Н. Н., смотритель училищъ.

Въ Княгининѣ:

Мустафинъ, Н. И., князь.
Окуловъ, С. А., его вб.

Въ Кизлярѣ:

Волковъ, Н. Н., капитанъ.
Кремлевъ, П., штабъ-лекарь.

Въ Кунгурѣ:

Кузнецовъ, Я. К.

Въ Купянскѣ:

Мечниковъ.

Въ Крапивнѣ:

Псленьевъ, А. М.

Въ Киренскѣ:

Полосковъ, Г. А., купецъ.

Въ Корсунѣ:

Ознобишинъ, Д. И., его вб.

Въ Кузнецкѣ, Сар.

Гладкова, М. С.

Въ Козьмодемьянскѣ:

Мясниковъ, К. И., его бл.

Въ Каменской Станицѣ:

Слюсаревъ, А. П., есаулъ.

Въ Краснослободскѣ:

Девлеткильдѣевъ, Н. И., князь.

Въ Каинскѣ:

Арамильская, Е. И., титул. совѣт.

Въ Кяхтѣ:

Фирсовъ, П. А.

Въ Кронштадтѣ:

Котельниковъ, капитанъ-лейтен. 23 экип.
Бурачковъ, Ф. А., полковн.
Библіотека Кронштадтская.
Ивановъ, Н. Л., 8-го класса.
Касаткина, А. В., купчиха.
Подушкинъ, С. И., мичманъ.
Прокофьевъ, тамож. чиновн
Полкъ Австр. караб.
Рудневъ, Ѳ. Н., его вб.
Тобуринъ.

Чувсиновъ, М. П.
Фридрихсъ, Н. В., капитанъ.
Бурской, А. Л., его бл.

Въ Кологривѣ:

Нѣмовъ, Н. П., его вб.

Въ Ковнѣ:

Дворянское училище.

Въ Красномъ, См.

Друцкій-Сокольницкій, Н. Д., князь.

Въ Кобелякахъ:

Мейстренковъ, Д. А., его бл.

Въ Кременцѣ:

Командиръ егерск. князя Варшав. полка.

Въ Кременчугѣ:

Бочаровъ, А. П.

Въ Кишиневѣ:

Діо, А. К.

Въ Каменецъ-Подольскѣ:

Петровъ, П. И., воен. генер.-губерн.

Въ Кастельгольмѣ:

Павловъ, полковникъ.

Въ Лугѣ:

Ивановъ, подпоручикъ.
Луцкій, С. А.
Лемтюжниковъ, его бл.
Набоковъ, П. А., его пр.
Погожевъ, его вб.
Татищевъ, кол. ассес.
Трубашевъ, Н. Н., поручикъ.
Энгельгардтъ, Ф. В., его вб.

Въ Луцкѣ:

Кильчевскій, А., его вб.
Качановскій, Г. К.
Тышецкій, К.
Чайковскій, О.
Штраухъ, кол. ассес.

Въ Лубнахъ:

Закревская, Е. В., ея вб.
Невяровичъ, А. А.
Райзеръ, А., помѣщикъ.
Растенбергъ, В., штабсъ-капитанъ.

Въ Льговѣ:

Ивановъ, П. П.
Томилинъ, купецъ.

Въ Луганскомъ заводѣ:

Томиловъ, К. Н., поручикъ.

Въ Лебедянѣ:

Полѣновъ, П. П., его бл.

Въ Ладогѣ:

Ефремовъ, О. Д., кол. ассес.
Ивановъ, П. Т.

Въ Любимѣ:

Замыцкій, А. П., его вб.

Въ Ладейномъ Полѣ:

Пономаревъ, П. Е.

Въ Летичевѣ:

Штатный смотритель училищъ.

Въ Медынѣ:

Чемесова, П. П.

Въ Маломъ Ярославцѣ:

Адамсъ, Л. И.

Въ Мосальскѣ:

Окуньковъ, В. А.
Ранцевичь, А., городничій.

Въ Минусинскѣ:

Меркушевъ, П. А., окр. нач.

Въ Можайскѣ:

Бобылевъ, Ф. Ф.
Астафьева, Е. П.

Въ Мѣщовскѣ:

Козловскій, Г. Я
Обрицкая, Г. П., ея бл.

Въ Муромѣ:

Шепелевъ, П. Д., его вб.
Разинъ, П. П.

Въ Меленкахъ:

Китайцевъ, А.

Въ Моршанскѣ:

Рудольфъ, почтмейстеръ.

Въ Мензелинскѣ.

Пальчиковъ, Е. М.

Въ Мокшанахъ:

Беклемишевъ, Г. Д., его вб.

Въ Макарьевѣ, Костр.

Изгейнъ, А., городничій.
Раздеришина, А. Н., штабсъ-ротмистр.

Въ Мологѣ:

Соковнинъ, Н. Д.

Въ Митавѣ:

Лукинъ, А. Я.

Въ Маріамполѣ, Пол.

Пичугинъ, артил. подполков.

Въ Могилевѣ, Под.

Карниловъ, капитанъ.

Въ Мстиславлѣ:

Лангансъ, штабсъ-капитанъ.

Въ Могилевѣ, губ.

Черемисиновъ, И. Г., его вб.

Въ Новочеркасскѣ:

Курникова, О. А., ея вб.
Леоновъ, П. И.
Поповъ, А. А., войск. стар.
Устинова, М. С., ея вб.
Ефремовъ, Н. С., его вб.

Въ Нижнемъ Новгородѣ:

Бѣлавинъ, В. Н., его вб.
Беръ, Б. И., его вб.
Вышеславцева, актриса.
Муравьева, Е. М., ея пр.
Махотинъ, А. Е., его вб.
Никольскій, А. М., его вб.
Польцъ, Е. В., ея вб.
Пятовъ, Е. И., его бл.
Угловъ, П. А., его бл.
Яшеровъ, В. П., надв. совѣт.

Въ Новгородѣ:

Третьяковъ, Н. Н., его вб.
Бочковскій, поручикъ.
Головинъ, Ф. И., графъ.
Кадетскій графа Аракчеева корпусъ.
Коровяковъ, маіоръ.

Манвеловъ, князь.
Соловьевъ, купецъ.
Штаркъ, штабсъ-капитанъ.
Ханенко, подпоручикъ.

Въ Нарвѣ:

Бакаревъ, М. А., поручикъ.
Клеге, Ф. П., медико-хирургъ.
Копосовъ, К. С., штабсъ-капитанъ.
Соломка, П. С., казн. Пр. полка.

Въ Новогрудкѣ:

Войниловичь, П., дѣвица.

Въ Нерехтѣ:

Сумароковъ, П. П.

Въ Новосилѣ:

Скорятинъ, Н. Я.

Въ Новохоперскѣ:

Краснова, А. К., ея пр.
Тюменевъ, П. А., его вб.

Въ Нерчинскѣ:

Карлинъ, управл. откуп.

Въ Нижнедѣвицкѣ:

Абрамовъ, подполков.

Въ Новоржевѣ:

Андреевъ, П. И., его бл.
Григорьевъ, смотритель училищъ.
Креницына, П. П., ея вб.

Въ Никополѣ:

Библіотека 15 артил. бригады.

Въ Новградѣ-Сѣверскѣ:

Гимназія.
Штраге, Э., тит. сов.

Въ Новградѣ-Волынскомъ:

Селивановъ, подполковникъ.

Въ Николаевѣ:

Богдановичь, В., 5 класса.
Данилевскій, А.
Гусевъ, Н. Ф., капитанъ.
Козаковъ, инж.-прапорщикъ.
Меснясва, П. Я.

Въ Новоселицѣ:

Михаловскій, В. М., его бл.

Въ Орлѣ:

Бурнашевъ, П. А., его пр.
Колоколовъ, надв. совѣт.
Лазаревичь, К. С.
Новиковъ, И. Ф.
Остенъ-Сакенъ, Н. П., баронъ.
Потемкинъ, А. Д., его бл.
Сибилевъ, Е. В.
Телепневъ, Н. В., подпоручикъ.

Въ Оренбургѣ:

Дебъ, А. О., его вб.
Директоръ Неплюевскаго училища.
Заводъ полковника Пашкова.
Исаевъ, И. Д.
Крашенинниковъ, А. П.
Лушниковъ, Ф. М., его вб.
Федоровичь, В. М., его вб.
Щелкановъ, А. П.

Въ Одессѣ:

Джунковскій, 5 класса.
Кашкаровъ, 10 класса.
Михайловъ, П. М.
Поповъ, А. И.
Фонъ-Рентель, тит. сов.
Сафаловичь.

Въ Оршѣ:

Де-Ридель, Е. Д., баронесса.

Въ Опочкѣ:

Абериибѣсовъ, А., подполковникъ.
Лапинъ, И., купецъ.
Мельницкій, Н. Д.
Тихорскій, Н. Ф.

Въ Островѣ:

Неклюдова, Е. В., ея бл.
Поплавскій, поручикъ.

Въ Острогожскѣ:

Сафоновъ, Н. А., маркшрейд.
Старковъ, Я. М., его вб.

Въ Очаковѣ:

Гамильтонъ, А. Б., его бл.

Въ Омскѣ:

Командиръ Сибир. Лин. № 4 батал.

Въ Осташковѣ:

Александровъ, Д., его бл.
Грѣшниковъ, К. Н.
Обольяниновъ, Л. П., его бл.

Въ Олонцѣ:

Ключаревъ, А. А., его вб.
Карѣевъ, Д. С.

Въ Ошмянахъ:

Жилинскій, подполковникъ.
Мейендорфъ, его бл.

Въ Ораніембаумѣ:

Логиновъ, 9 класса.

Въ Обояни:

Булгаковъ, Ю. К., его бл.

Въ Пензѣ:

Ермолаева, А. А., ея вб.
Кологривовъ, М. Д., его вб.
Коховской, Ф. А., его вб.
Кишинскій, Н. Н., корнетъ.
Карауловъ, А. Д., его бл.
Никифоровъ, Ф. П., его вб.
Печеринъ, Е. Н.

Въ Порховѣ:

Бухарева, М. П., ея вб.
Волотковичъ, полковникъ.
Рокотова, Е. Н., ея вб.
Хмелевъ, Н. П., его вб.
Чихачевъ, М. Н., его вб.

Въ Псковѣ:

Бибикова, Е. П., полковница.
Гражданскій Губернаторъ.
Зметнева, Н. П., надв. сов.
Котовичъ, Г. П., его вб.
Клементьевъ, В. К.
Папковъ, шт.-капит.

Въ Пирятинѣ:

Прохоровичъ, А., тит. сов.
Толкачевъ, Н.

Въ Погарѣ:

Витковичъ, П. С., поруч.

Въ Полтавѣ:

Лазаревичъ, стат. совѣт.
Максвичевы, дѣвицы.
Пригаре, П. А.

Въ Перми:

Биркель, А. П.
Шапошниковъ, Я. Д.

Въ Покровѣ, Вл.

Никитинъ, В. Н., его вб.
Смирновъ, В. Н., его вб.
Яковлевъ, И. П.

Въ Путивлѣ:

Бенкевичъ, Ф. М., подполк.
Головинъ, Н. Н.

Въ Петрозаводскѣ:

Ивановскій, А. О., вице-губ.
Левенталь, Ф. К., его прев.

Въ Петергофѣ:

Энденъ, инж.-капит.

Въ Плесѣ, Кост.

Пасынкова, Н. Ф.

Въ Парфентьевѣ:

Волженской, Н. А., штабсъ-капит.

Въ Пятигорскѣ:

Тимофѣевъ, А. Т.

Въ Петровскѣ:

Толмачева, Е. К., ея прев.

Въ Пропойскѣ:

Бенкендорфъ, А. И., поруч.

Въ Прилукахъ:

Лагоде, И. А., полковн.

Въ Полоцкѣ:

Хвощинскій, П. К., его прев.

Въ Рязани:

Замятнина, П. А.
Звѣревъ, П. Н., его бл.
Кропоткинъ, М. А., князь.
Княжевичъ, Н. М., его вб.
Кобляковъ, А. Н., его бл.
Кублицкій, М. Е.

Въ Ржевѣ:

Іларіоновъ, А. Т.
Образцовъ, В. В., почет. гражд.
Путятинъ, А. С., князь.

Въ Рузѣ:

Рукинъ, Н. А., штабъ-капит.
Шереметьевъ, А. В.

Въ Ригѣ:

Алифановъ, Θіогенъ.
Рыбкинъ, К. М.

Въ Рославлѣ:

Степановъ, Г. В., его вб.
Степановъ, А. П., его вб.
Шпаковскій, Е. И., поруч.

Въ Рогачевѣ:

Дробышевскій, Ст., засѣдатель.
Жуковскій, О. А.
Случановскій, Л. О.
Турчанинова, Е. А., ея прев.

Въ Радзивиловѣ:

Коверинъ, полковникъ.

Въ Рейнахъ:

Репе, П. И., 8 кл.

Въ Ростовѣ, на Дону:

Садомцевъ, А. В., купецъ.

Въ Рыльскѣ:

Ивановъ, А. Е., его бл.

Въ Ревелѣ:

Чумиковъ, П. А.

Въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ:

Денисьевъ, П. А., его вб.

Въ Рыбинскѣ:

Ушаковъ, Ф. И., надв. сов.

Въ Саратовѣ:

Беръ, Н. И., его вб.
Демостинъ, Н. И., полицм.
Косяковскій, А. И.
Слѣпцевъ, А. М.
Сталыпинъ, А. А., арт. шкапит.
Тихменевъ, Г. Я. его вб.

Въ Симбирскѣ:

Анненковъ, А. Н.
Барыкинъ, К. С.
Кононеровъ, В. П., его бл.
Канцелярія комм. коммисіи.
Контора Удѣльная.
Макаровъ, И. О.
Слѣпцевъ, А. М.
Соймоновъ, Н., его бл.
Татищевъ, Н. А.

Въ Смоленскѣ:

Воплярская, Л. Я., ея вб.
Грибской, А. Н., его бл.
Клевенскій, И. Г., вице-губерн.
Лавейко, М. Л., ея вб.
Полуэктова, В. Г., ея вб.
Шупинская, М. А., ея вб.
Шаховской, А. Н., штабсъ-капит.

Въ Севастополѣ:

Бибикова, А. И., ея прев.
Антошевскій, его бл.
Говоровъ, К. Ф., лейт.
Есиповъ, П. П., его прев.
Розенъ, баронъ, его прев.

Въ Семфирополѣ:

Княжевичъ, В. М., его вб.
Контора Гл. Питейная.
Цилiакъ, С. Ф.

Въ Ставрополѣ, Кав.

Мословскій, А. К., полков.
Недоброво, А. В., подполк.
Пайдеповъ, О. И., поруч.
Челаховъ, Н. А.
Щепотьевъ, И. Н., поруч.

Въ Стрѣлынѣ:

Александровъ, его вб.
Бѣлозеровъ, К. П., его бл.
Рахмановъ, его бл.
Пенхержевскій, М. А., его бл.
Хавскій, И. Г.

Въ Суджѣ:

Давыдова, А. П., ея бл.
Збороміирскій, Н. Н., полков.
Костовскій, Я.
Шелеховъ, П. И.

Въ Суммахъ:

Копеичниковъ, А. В., его вб.
Кондратьевъ, Д. И., камеръ-юнкеръ
Мацкевичъ, П. Г., городн.
Федоровскій, В.

Въ Старобѣльскѣ:

Вейкъ, М., крестьян.
Командиръ Псков. Кирас. полка.
Монгенъ, И. Д., его бл.

Въ Старой Руссѣ:

Будкевичь, поручикъ.

Въ Стерлитомакѣ:

Габовъ, С. Р., его вб.
Рукавишниковъ, В. Н.

Въ Соликамскѣ:

Дмитріевъ, почтм.

Въ Сызрани:

Карамзинъ, В. А., его вб.
Печаевъ, И. И., его вб.

Въ Скопинѣ:

Сапожниковъ, Н. Д., его бл.

Въ Спасскомъ Полѣстье:

Швахсеймъ, К. К., баронъ.

Въ Самарѣ:

Лопатинъ, С. Н. его вб.
Пановъ, Д. В., его бл.

Въ Староконстантиновѣ:

Сербиновичь, стат. совѣт.

Въ Сарапулѣ:

Антроповъ, И. I.
Грибовскій, И. А., его вб.

Въ Спасскѣ, Ряз.

Шредеръ, Н. И., его пр.

Въ Слободскомъ, Вят.

Васильевъ, К., мѣщанинъ.

Въ Спасскѣ, Каз.

Уковъ, Н. П.

Въ Сольвычегодскѣ:

Баловъ, П., шт. смотр. учил.

Въ Солигаличѣ:

Антоновъ, Т.

Въ Свенціанахъ:

Карабановъ, М. П., его бл.

Въ Свеаборгѣ:

Новиковъ, Н. П., 9 кл.
Новиковъ, Я. П., 9 кл.

Въ Сорокахъ, Бес.

Рербергъ, полковн.

Въ Себежѣ:

Лоссовскій, К., штабсъ-ротмистръ.

Въ Старомъ Быховѣ:

Кастріотъ, Г., князь.

Въ Тулѣ:

Вороновъ, книгопродавецъ.
Добрынинъ, А. Н.
Смирная, М. А., ея прев.
Тихменевъ, Г. С., его вб.

Въ Твери:

Пацевичь, П. И., подполк.
Пащенко, Н. Л., его бл.
Теслинъ, А. Я., его вб.

Въ Таганрогѣ:

Левшинъ, А. С., его вб.
Угричь-Требинскій, А. М.

Въ Тобольскѣ:

Бояриновъ, А. Г., поруч.
Соболевъ, А. Г., 8 кл.

Въ Тифлисѣ:

Гречновъ, земск. исправ. въ Горіо.
Ледяновъ, Н. Ф.
Павловъ, И. И., его бл.
Семеновъ, П., штабсъ-капитанъ.

Въ Тамбовѣ:

Замятнинъ, вице-губерн.
Кадетскій корпусъ.
Селивановъ, И. Н., подполк.

Въ Томскѣ:

Филимоновы, почет. гражд.

Въ Торжкѣ:

Вавулинъ, А. Ф.

Въ Тимѣ, Кур.

Врасской, В. П.

Въ Тихвинѣ:

Уньковскій, Н. Н.

Въ Тельшахъ:

Турчевскій, В. Н.

Въ Торопцѣ:

Челищева, Н. А., ея вб.
Яковлевъ, А. И., его пр.

Въ Уфѣ:

Бордовскій, А. Е., его вб.
Грасговъ 1-й, маіоръ.
Сосфеновъ, И. П.
Хилинскій, Ф. П., титул. совѣт.

Въ Усть-Каменогорскѣ:

Жулябинъ, его бл.
Кучевскій, его бл.

Въ Уральскѣ:

Леонтьевъ, А. П., 8 го класса.

Въ Устюгѣ Великомъ:

Царевскій, А. П., его вб.

Въ Умáнѣ:

Попырко, полковникъ.

Въ Харьковѣ:

Апаринъ, П. И.
Безпальчева, А. Н.
Бурковъ, Т. Ф., его вб.
Безходарный, В. И., купецъ.
Базилевскій, И. Ф.
Кондыревъ, О. Л., купецъ.
Чернявскій, Н. П., студ.
Щелковъ, П. Д.

Въ Херсонѣ:

Галухинъ, А., купеч. сынъ.
Командиръ внутр. гарниз. батал.
Старовъ, Д., титул. совѣт.

Въ Хотинѣ:

Вишневскій, полковникъ.
Геращеневскій, губерн. секрет.

Въ Холмѣ:

Винокуринскій, А. А.
Ермаковъ, А. К., его бл.

Въ Хмельникѣ:

Рочевскій, О. И., ротмистръ.

Въ Холмогорахъ:

Тихановъ, И. Я.

Въ Хельмѣ, Цар. Пол.

Шатовъ, Н. Ф., полковн.

Въ Царевококшайскѣ:

Келлеръ, баронъ, окруж. начал.
Касьяновъ, Н. А., его вб.

Въ Черниговѣ:

Подгаецкій, М., Артил. штабсъ-капитанъ.

Въ Чериковѣ:

Голынскій, Д. С., его бл.

Въ Чигиринѣ:

Романовъ, В. П., его вб.

Въ Черкасахъ:

Граве, А. К., подпоруч.

Въ Чаусахъ:

Еліашевичь, М., кол. ассес.

Въ Чугуевѣ:

Библіотека Бѣлгород. уланск. полка.

Въ Чистополѣ:

Суворова, В. Н.

Въ Чебоксарахъ:

Селивановъ, А. П., подполк.

Въ Череповцѣ:

Кудрявый, А. П., его вб.

Въ Чухломѣ:

Бартеневъ, Д. П., его вб.
Пелидовъ, А. А., его вб.
Телепневъ, А. С., его вб.

Въ Шадринскѣ:

Клюевъ, А. П., его бл.
Фетисовъ, Д., почет. гражд.

Въ Шуѣ:

Каблуковъ, В. А., его вб.

Въ Шацкѣ:

Терентьевъ, П., учитель.

Въ Шлиссельбургѣ:

Заборинскій, генер.-лейт.
Цетовичъ, Д. П., губерн. секрет.
Эндель, Д. О., исправникъ.
Львовъ 4-й, прапорщикъ.

Въ Юхновѣ:

Алексѣевъ, А. Н., камергеръ.

Въ Юрьевцѣ, Кост.

Галимбовскій, поручикъ.

Въ Ярославлѣ:

Астаповъ, купецъ.
Варенцовъ, А. А., кол. совѣт.
Майковъ, А. Н., его вб.
Серебрянниковъ, С. А.
Шаховъ, И. А., полковн.
Шишкинъ, П. С., его вб.
Шестаковъ, А. В.

Въ Якобштадтѣ:

Де-Сентъ-Паронъ, капитанъ.
Ключаревъ, полковникъ.

Въ Яранскѣ:

Лазаревъ, Н. Е., кол. ассес.

Въ Ѳеодосіи:

Еременко, М. Н.
Чеславскій, И. Б., его вр.

РЕПЕРТУАРЪ
С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

1839 года,

Съ 1 по 30 Ноября.

С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1 *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д 1-е д. оперы; Невѣста лунатикъ,
Ал. т. Велизарій, драм. въ 5 д. Бабушка и внучка, ком.-вод. въ 1 д.

2. *Ал. т.* Невозможный бракъ, ком.-вод. въ 1 д. Мирандолина, ком. въ 3 д. Жена кавалериста, ком.-вод. въ 1 д. Ложа 1-го яруса, ан.-вод. въ 2 д.

3. *Бол. т.* Возстаніе въ Сералѣ, бал. въ 3 д. 1-е д. опе. Севильскій цирюльникъ,
Ал. т. Велизарій, дра. въ 5 д. Сватъ въ новомъ родѣ, шут.-вод. въ 2 д.

5. *Бол. т.* 1-е д. опе. Влюбленная баядерка, 1 и 2 д. опе. Клятва, Мельники, коми. бал. въ 2 д.
Ал. т. Двумужница, дра. въ 2 част. и 5 суткахъ, Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д.

6. *Ал. т.* Велизарій, дра. въ 5. д. Домъ на петербургской, вод. въ 1 д.

7. *Ал. т.* Заемный мужъ, вод. въ 1 д Артистъ, ком.-вод. въ 1 д. Фебусъ, ком.-вод. въ 2 д. Влюбленный рекрутъ, вод въ 1 д.

8. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д 2-е д. опе. Севильскій цырюльникъ.
Ал. т. Кремневъ, дра. пред. въ 3 д. Молодая мачиха, шут.-вод. въ 1 д. 1-е Іюля въ Петергофѣ, шут.-вод. въ 1 д.

9. *Ал. т.* Велизарій, дра. въ 5 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д.

10. *Бол. т.* Возстаніе въ сералѣ, бал. въ 3 д. 1-е д. опе. Волшебный стрѣлокъ.
Ал. т. Неровный бракъ, ком. въ 1 д. Луиза, ком.-вод. въ 2 д. Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д. Полюбовная сдѣлка, ком.-вод. въ 1 д.

12. *Бол. т.* Велисарій, опе. въ 5 д. Дезертеръ. бал. въ 4 д.
Ал. т. Тридцать лѣтъ игрока, дра. въ 3 д. С. А. Пятаковъ, вод. въ 1 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

29. Октября. *Бол. т.* Иголкинъ, дра. въ 2 д. Трусъ, вод. въ 1 д. Гусарская стоянка, вод. въ 1 д. Филатка и Мирошка, инт. съ танцами.

30. *Бол. т.* Лукреція, вод. въ 1 д. Сильфида, бал. въ 2 д. (21 представленіе.)

31. *Бол. т.* Кремневъ, дра. въ 3 д. Маскарадъ въ клубѣ, вод. въ 1 д. съ тан.

2. Ноября. *Бол. т.* Робертъ, опе. въ 5 д.

3. *Бол. т.* Сцѣпленіе ужасовъ, вод. въ 1 д. Рондо, вод. въ 1 д. Синичкинъ, вод. въ 5 д. Маскарадъ, диверти. (въ пользу г-жи Ворониной—Ивановой.)

5. *Бол. т.* Эсмеральда, дра. въ 5 д. съ пролог. Имянины помѣщика, инт. въ 1 д.

6. *Бол. т.* Тоска породинѣ, опе. въ 3 д.

7. *Бол. т.* Сынъ любви, дра. въ 5 д.

10. *Бол. т.* Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д. Фебусъ, вод въ 2 д. Студентъ, вод. въ 2 д. Графъ литографъ, вод. въ 1 д.

12. *Бол. т.* Гамлетъ, дра. въ 5 д.

13. *Бол. т.* Хромой колдунъ, бал. въ 3 д. 1-е д. опе. Севильскій цырюльникъ.

Ал. т. Велизарій, дра. въ 5 д. Артистъ. ком. вод. въ 1 д.

14. *Ал. т.* Луиза, ком.-вод. въ 2 д. Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д. Его превосходительство, ком.-вод. въ 1 д. Чиновникъ по особымъ поруч. вод. въ 1 д.

15. *Бол. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 2 д. 1-е д. опе. Волшебный стрѣлокъ.

Ал. т. Герцогская корона, ком. въ 2 д. Каспаръ Гаузеръ, дра. въ 4 д. Новички любви, ком.-вод. въ 1 д. Провинціальный театръ, шут.-вод. въ 1 д. (въ пользу г-жи Валберховой.)

16. *Ал. т.* Велизарій, дра. въ 5 д. Мѣръ по выбору, ком.-вод. въ 1 д.

17. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.

Ал. т. Герцогская корона, ком. въ 2 д. Каспаръ Гаузеръ. дра. въ 4 д. Новички любви, ком.-вод. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Князь Н. В. Скопинъ Шуйскій, драма въ 5 д. Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.

20. *Ал. т.* Кремневъ, въ 3 д. Узкіе башмаки, вод. въ 1 д. Имянины помѣщика, инт.-вод. въ 1 д

21. *Ал. т.* Купцы 3-й гильдіи, ком. въ 1 д. Полковникъ стар. временъ, ком.-вод. въ 1 д. Женихъ на расхватъ, вод. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д. (въ пользу г-жи Тальони.)

Ал. т. Купцы 3-й гильдіи, ком. въ 3 д. Русскій человѣкъ доб. пом. исто. быль въ 1 д. Титулярные совѣтники, вод. въ 1 д.

23. *Ал. т.* Велизарій, дра. въ 5 д. Архиваріусъ, вод. въ 1 д.

24. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.

Ал. т. Родственники, вод. въ 1 д. Его Превосходительство, ком.-вод. въ 1 д. Новички любви, ком.-вод. въ 1 д. Дѣвушка гусаръ, вод. въ 1 д.

26. *Бол. т.* Водовозъ, опе. въ 3 д. Мельники, бал. въ 2 д.

Ал. т. Ревизоръ, ком. въ 5 д. Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д. Ложа 1-го яруса, Ан.-вод. въ 2 д.

27. *Бол. т.* Тѣнь. бал. въ 3 д.

Ал. т. Смерть или честь, дра. въ 5 д. Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д.

28. *Ал. т.* Русскій человѣкъ доб. пом. въ 1 д. Новички въ любви, ком-вод. въ 1 д. Полюбовная сдѣлка, ком.-вод. въ 1 д. Чиновникъ по особ. поруч. вод. въ 1 д.

29. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.

Ал. т. Ненависть къ людямъ и раскаяніе, дра. въ 5 д. Король и пастухъ, вод. въ 1 д. (оба въ 1 разъ по возобновленіи) Провинціальный театръ, шут.-вод. въ 1 д. (въ пользу г. Борецкаго.)

30. *Ал. т.* Велизарій, дра. въ 5 д. Бабушка и внучка, ком.-вод. въ 1 д.

13. *Бол. т.* Цампа, опе. въ 3 д.

14 *Бол. т.* Феникçъ, вод. въ 1 д. Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д. Фебусъ, вод. въ 2 д.

16, *Бол. т.* Пажъ старыхъ временъ, вод. въ 1 д Дѣва Дуная, бал. въ 2 д.

17. *Бол. т.* Русскій человѣкъ дра. въ 1 д. Марія, опе. въ 3 д. Вторникъ на Ѳоминой недѣли, инт. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Благородный театръ, ком. въ 4 д. Вдова чиновница, вод. въ 1 д Семикъ, дивертис.

20. *Бол. т.* Кремневъ, дра, въ 3 д. Первая любовь, вод. въ 1 д.

21. *Бол. т.* Аскольдова могила, оп. въ 4 д.

23 *Бол. т.* Севильскій цырюльникъ, опе. въ 3 д.

24. *Бол т.* 30 лѣтъ игрока, дра. въ 3 д. Волшебная флейта, бал. въ 1 д.